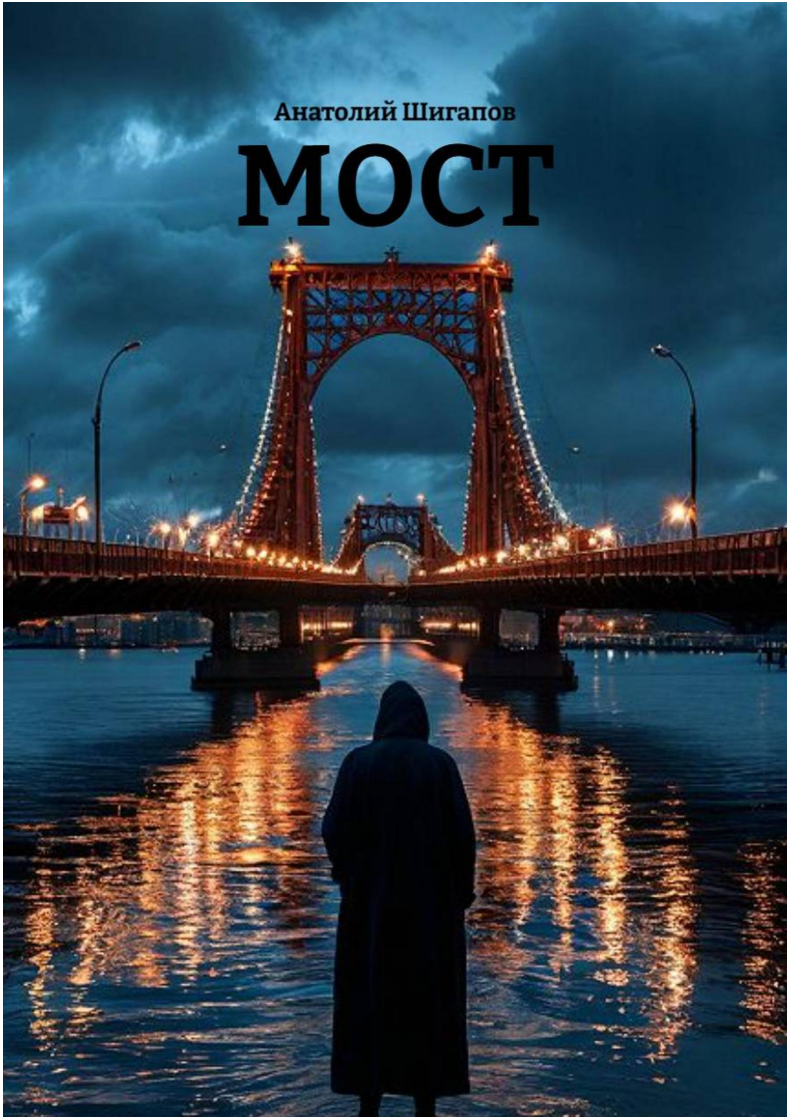
Анатолий Шигапов
МОСТ

Анатолий Шигапов
МОСТ

https://litres.ru/74162944
SelfPub; 2026

Аннотация

Война не спрашивает, на чьей ты стороне. Она просто забирает.

«Мост» - не о политике. О крови. О выборе, который делает человека человеком. О том, что можно построить мост только через боль. И выстоять - только если есть за что держаться.

А держаться есть за что. Держаться есть за кого.

Ты не сможешь закрыть эту книгу. Она закроет тебя. Читай. Пока есть что терять.

Анатолий Шигапов
МОСТ

Предисловие

От Автора. Там, где кончаются карты

Когда мой друг, прочитав первую книгу, сказал мне: «Слушай, это очень сложно. Время скачет, ты переключаешься с одного персонажа на другого, а потом возвращаешься, и я уже забыл, что там было в прошлой главе», я не стал спорить. Я не стал объяснять, что так задумано, что в этом есть глубинный смысл и сложная драматургическая структура. Я сказал ему то, что думал на самом деле, - так, как умеют говорить только уставшие люди, которые больше не хотят никому ничего доказывать:

«Я автор. Я так вижу».

И это не поза. Это не попытка скрыть слабость текста за высокомерным заявлением. Это чистая правда. Это единственное объяснение, которое у меня есть.

Потому что, если честно, я и сам не знаю, как иначе рассказать эту историю. Я мог бы выстроить её в хронологическом порядке: вот февраль 2014-го, вот март, вот апрель, вот герои встречаются, вот разбегаются, вот воюют, вот мирятся. Это была бы удобная, линейная, понятная книга. Её можно было бы читать на пляже, не напрягаясь. Её можно было бы экранизировать, как классическую сагу о семье, но она была

бы неправдой. Потому что война - она не линейна.

Война - это когда ты просыпаешься в феврале 2014-го, а думаешь о том, что случилось в декабре 2015-го. Это когда ты разговариваешь с братом в Донецке, а перед глазами стоит лицо отца в Севастополе, хотя между ними тысячи километров и линия фронта. Это когда ты идёшь по улице и слышишь не звуки мирного города, а отголоски того, что было год назад, или того, что может случиться завтра. Война - это не последовательность событий. Это какофония. Это хаос. Это одновременность миллионов жизней, которые сталкиваются друг с другом. Это когда мать в Севастополе ставит свечку за сына в Донецке, а дочь в Киеве пишет статью о том, что все они - люди, и никто из них не знает, что произойдёт через час, через день, через год. Они живут в одном времени, но в разных реальностях, и эти реальности пересекаются только в письмах, в звонках, в молитвах и - в этой книге.

И моя книга - это не хроника. Это не репортаж. Это попытка - быть может, неуклюжая, быть может, слишком личная - передать этот хаос словами. Я хотел, чтобы вы почувствовали то же, что чувствуют герои: что время не течёт, а наваливается. Что прошлое - не воспоминание, а соседняя комната, из которой доносятся голоса. Что будущее - не надежда, а страх, который живёт внутри. Что война - это не событие, а состояние и оно длится не дни и месяцы, а целые жизни.

Я не ставил перед собой цели написать документальный

роман. Я не хотел делать журналистское расследование или исторический трактат. Я хотел написать книгу о людях. О том, как обычная семья, в которой были свои радости, свои ссоры, свои невысказанные обиды, вдруг оказалась в эпицентре истории. О том, как они выживали, ошибались, ненавидели, любили и пытались сохранить себя. О том, как они, сами того не желая, стали символами. Символами своей страны, своей эпохи, своей войны, но они не хотели быть символами. Они хотели просто жить и это - самое страшное и самое прекрасное в этой книге: что герои не выбирали свою судьбу. Она выбрала их.

И если эта книга кажется вам сложной, запутанной, скачущей во времени - значит, я сделал всё правильно. Потому что война - она именно такая. Она не даёт вам удобного сюжета. Она заставляет вас работать головой и сердцем одновременно. Она заставляет вас вспоминать, возвращаться, перечитывать. Она не прощает невнимательности. Она не прощает лёгкости и моя книга - тоже.

Признаюсь честно: я не писал эту книгу, следуя строгому плану. У меня не было подробного синопсиса, в котором было бы расписано, что произойдёт в каждой главе, кто, когда и кому скажет какую фразу. Я не был тем архитектором, который сначала чертит чертёж, а потом по нему строит дом. Я был скорее садовником. Я сажал семена - образы, диалоги, сцены, - а потом смотрел, как они прорастают. Некоторые семена давали сильные, красивые побеги. Некоторые уходи-

ли в сторону, вглубь, и из них вырастали неожиданные, почти неуправляемые сюжетные линии. Некоторые гибли, и я их выкапывал, чтобы не забирали свет у других и только со временем, когда я оглянулся на этот сад, я понял, что он вырос не хаотично, а по своим, внутренним законам. Законам, которые я не задавал, а только наблюдал.

Этот метод родился не из литературных теорий, а из жизни. Я заметил, что в реальности мы не воспринимаем события хронологически. Мы живём не так, как пишут учебники истории. Мы живём ассоциативно: один запах может вернуть нас в детство, одно слово - в день, когда случилось что-то важное, один взгляд - в момент, когда всё изменилось. Я хотел, чтобы книга дышала так же, как дышит наша память. Чтобы она была не линейной, а объёмной. Чтобы вы чувствовали, что находитесь не на прямой линии событий, а внутри живого, пульсирующего пространства, где прошлое, настоящее и будущее переплетены в один тугой узел.

Я писал книгу, как строят мост: не с одного берега, а сразу с двух, и иногда те, кто строил с правого берега, не видели тех, кто строил с левого. Они работали на ощупь. Они верили, что встретятся посередине и в конце концов - встретились. Так и здесь: Андрей в Севастополе строил свой мост из бетона и стали, Алексей в Донецке - из автоматных очередей и писем домой, Катя в Киеве - из слов и репортажей, Анна в университете - из лекций и надежды. Они не знали друг о друге, когда я их писал. Они существовали в параллельных

реальностях, как и в жизни, но потом, когда я соединил их на страницах, оказалось, что они - части одного целого. Что их мосты сходятся в одной точке и эта точка - любовь.

Возможно, кому-то этот метод покажется странным. Возможно, кто-то скажет, что книга слишком фрагментарна, что ей не хватает цельности, но я не пытался сделать её идеальной. Я пытался сделать её живой и живое всегда немного хаотично. Оно не подчиняется строгим правилам. Оно дышит, ошибается, ищет, находит. Именно таким я хотел видеть этот текст - дышащим. Таким, в котором чувствуется пульс времени.

Этот метод неудобен. Он неряшлив. Он заставляет читателя постоянно переключаться, возвращаться назад, уточнять, кто есть кто и где мы сейчас и я понимаю, что для многих это может быть испытанием. Я слышал это от моего друга, и я слышал это от других. Они говорили: «Слишком много героев. Слишком много времени. Я теряю нить» и каждый раз я хотел ответить: «А вы попробуйте сами прожить этот год. Попробуйте одновременно быть и сыном, и отцом, и братом, и солдатом, и журналистом, и человеком, который не знает, увидит ли он завтра свою семью. Тогда вы поймёте, почему книга такая».

Но я молчал. Потому что это не их вина. Они читают книгу, а не воюют. Они хотят истории, а не реальности и они имеют на это право. А я - автор *и я так вижу* и я не хочу оправдываться за то, что книга требует усилий. Потому что

всё, что требует усилий, - остаётся с вами надолго. А всё, что даётся легко, - забывается на следующий день. Я хочу, чтобы эта книга осталась с вами. Чтобы вы помнили её не, как приятное развлечение, а, как опыт., как прожитую вместе с героями жизнь.

Эта книга написана на русском языке, но внутри неё звучит украинский - в письмах, в диалогах, в мыслях героев. Я не переводил их на русский специально. Я оставлял их такими, какими они были, когда я их слышал в своей голове. Потому что язык - это не просто средство общения. Это часть человека. Это его память. Его боль. Его дом. Язык - это то, что остаётся, когда всё остальное отнимают. Язык - это последнее убежище и я не имел права отнимать его у своих героев.

Я часто думал о том, что язык - это не только слова. Это ещё и интонация, ритм, те слова, которые мы выбираем в самые важные моменты. Когда человек говорит на своём родном языке, он говорит не просто словами - он говорит своей сутью. Он становится более уязвимым, более настоящим и я хотел, чтобы мои герои были настоящими. Я хотел, чтобы их язык отражал их внутренний мир так же, как их поступки.

Герои этой книги говорят на разных языках. Андрей Бондаренко говорит по-русски - с севастопольским выговором, с флотскими словечками, с той особенной, чуть хрипловатой интонацией, которая бывает у людей, которые долго слушали море. Его язык - это язык человека, который привык к

дисциплине, к порядку, к тому, что слова должны быть точными и весомыми. Он не тратит слов зря. Он говорит так, как будто каждое его слово - это команда на мостике подводной лодки.

Анна - по-русски и по-украински, иногда смешивает, иногда переключается, не замечая этого, потому что для неё язык - это не политика, а дыхание. Она выросла в Харькове, где языки переплетались так же естественно, как улицы старого города. Для неё переключение с одного языка на другой - это, как поворот головы: естественно, незаметно, без усилий и этот её билингвизм стал для меня одним из самых важных способов показать, что война - это не про языки, а про людей.

Алексей говорит по-русски, но в его словах иногда проскальзывают украинские слова - он вырос на Донбассе, там так говорят, там язык - это не выбор, а воздух. Он даже не замечает, когда переключается. Для него это так же естественно, как дышать и это делает его язык живым, настоящим.

Катя перешла на украинский в Киеве, под влиянием среды, а потом, когда вернулась, снова стала говорить по-русски, но с лёгким, едва заметным акцентом, который выдавал её путь. Её язык - это отражение её внутренней борьбы. Это язык человека, который ищет себя, который пробует разные идентичности, как разные платья, и не может выбрать одно.

И это тоже не совпадение. Я не делал специальных акцентов. Я просто записывал то, что слышал. Потому что, если

честно, я не знаю, как ещё можно передать ту странную, почти болезненную красоту, когда два языка звучат в одном доме, когда слова переплетаются, как ветки одного дерева, когда ты вдруг понимаешь: а ведь это не два языка. Это один. Просто у него два голоса и этот голос - голос ее страны. Голос, который разрывается между «що» и «что», между «як» и «как», между «Слава Україні» и «С наступающим» и я не хочу выбирать один из них. Я хочу, чтобы они звучали вместе. Потому что это - правда. Правда о том, что границы проходят не только по карте, но и через язык и что иногда единственный способ их преодолеть - это просто говорить. Говорить, не боясь, что тебя не поймут.

Язык - это ещё и память. Когда я писал письма героев, я часто думал о том, как язык сохраняет в себе пережитое. Украинские фразы, которые появляются в речи Алексея, - это не просто слова. Это его детство, его дом, его мать. Русские фразы, которые звучат в мыслях Кати, - это её связь с отцом, с морем, с тем, что она пыталась забыть, но не смогла. Язык - это мост между прошлым и настоящим и я хотел, чтобы этот мост был виден на каждой странице.

Время в этой книге - отдельный персонаж. Оно не течёт, как река. Оно пульсирует, как сердце. Оно сжимается до нескольких дней и растягивается на годы. Оно перескакивает из четырнадцатого года в восемнадцатый и обратно. Оно заставляет героев стареть на глазах и снова становиться детьми. Оно - главный враг и главный союзник семьи Бонда-

ренко. Оно - то, что разделяет их, и то, что в конце концов соединяет.

Иногда мне казалось, что я пишу книгу о времени. О том, как оно ломает, и о том, как оно лечит. О том, как оно стирает границы и оставляет шрамы. О том, что, в конечном счёте, время - это единственное, что у нас есть и единственное, чего мы не можем контролировать. Мы можем выбирать, как жить, но не можем выбирать, сколько. Мы можем решать, что делать, но не можем решать, когда это закончится и эта книга - о том, как герои учатся жить с этим знанием., как они перестают бояться времени и начинают его принимать.

Я часто думал о том, что время в условиях войны - это не просто часы и дни. Это нечто более плотное, более осязаемое. Война сжимает время, делает его вязким, тягучим, как мёд. Один день на фронте может длиться вечность, а год пролетает, как один миг. Герои моей книги живут в этом искажённом времени, и я хотел, чтобы читатель почувствовал это искажение. Чтобы он тоже потерял ощущение времени, как теряют его герои. Чтобы он перестал знать, где прошлое, а где настоящее.

И, может быть, именно поэтому книга скачет. Потому что я хотел, чтобы читатель почувствовал то же, что чувствуют герои: что прошлое никогда не уходит, оно живёт рядом, дышит в затылок, шепчет на ухо, напоминает о себе в самые неподходящие моменты. Что настоящее - это не точка на прямой, а толща, в которой перемешаны все слои памяти.

Что будущее - не за горизонтом, а уже здесь, только мы его ещё не узнали. Что время - это не линия, а круг и мы все ходим по нему, встречая тех, кого уже потеряли, и теряя тех, кого ещё не встретили.

Один из моих героев, Андрей Петрович Бондаренко, старый подводник, часто говорит о времени, как о море. Он говорит: «Время, как океан. Иногда оно спокойное, и ты плывёшь по нему, не чувствуя сопротивления. А иногда оно поднимается, и ты борешься с волнами, не зная, выплывешь ли». Я взял эту метафору у него. Она стала для меня ключом к пониманию того, как строить книгу. Я хотел, чтобы читатель тоже плыл по этому океану - иногда спокойно, иногда с трудом преодолевая волны, но чтобы он всегда чувствовал: он не тонет. Он движется. Он живёт.

Да, я знаю, что в книге есть повторяющиеся мотивы. Одна и та же бочка, один и тот же мост, одни и те же письма, одни и те же слова «Бондаренко», «семья», «мост». Иногда я повторяю целые абзацы - чуть изменённые, но узнаваемые и я делаю это не потому, что у меня не хватало фантазии. А потому что в жизни всё повторяется. Мы возвращаемся к одним и тем же мыслям, как к старой пластинке, потому что они - самые важные. Мы произносим одни и те же слова, потому что других слов просто нет. Мы надеемся на одно и то же, потому что больше надеяться не на что.

Мы говорим одни и те же слова своим близким. Мы надеемся на одно и то же. Мы боимся одного и того же. Мы воз-

вращаемся к одним и тем же мыслям, как к старой пластинке и война - она тоже повторяется. Снова и снова. В каждой семье, в каждом городе, в каждом сердце. Она повторяется в письмах, в звонках, в молитвах. Она повторяется в глазах, которые смотрят на нас с фотографий. Она повторяется в тишине, которая наступает после обстрела.

Повторения - это не слабость текста. Это его сила. Это способ напомнить читателю о том, что действительно важно. Когда мы читаем в сотый раз о том, что бочка - это, как семья, мы не устаём от этого. Мы начинаем чувствовать это глубже. Повторение становится ритуалом. А ритуал - это способ сохранить смысл в мире, где всё рушится. Это способ сказать: «Это важно. Это останется. Это не исчезнет».

Мне хотелось, чтобы читатель почувствовал эту цикличность. Чтобы он, как и герои, иногда уставал от повторений, но продолжал слушать. Потому что в этих повторениях - и есть правда. Правда жизни, которая не бывает оригинальной. Она бывает только настоящей. Она бывает той, в которую мы верим, даже если она звучит одинаково в сотый раз.

Я знаю, что некоторым читателям повторения могут показаться утомительными. Они могут сказать: «Я уже это читал. Зачем опять?», но я отвечу: затем, чтобы вы запомнили. Затем, чтобы вы не забыли. Затем, чтобы вы поняли: это не просто слова. Это - суть. Это - то, ради чего я писал эту книгу.

В этой книге много боли. Много страха. Много слёз, но

я хочу, чтобы вы знали: главное в ней - любовь. Любовь, которая не умирает даже тогда, когда вокруг всё рушится. Любовь, которая заставляет людей писать письма через фронт. Любовь, которая помогает отцу строить мост, а сыну - воевать. Любовь, которая превращает врагов в братьев, а братьев - в друзей. Любовь, которая не спрашивает, кто прав, а кто виноват. Она просто есть. Она просто живёт. Она просто держит.

Я часто думал о том, что любовь - это единственное, что остаётся, когда всё остальное исчезает. Когда рушатся дома, когда исчезают страны, когда уходят люди, - любовь остаётся. Она может быть раненой, она может быть искалеченной, но она не исчезает. Она ждёт. Она терпит. Она надеется и герои моей книги - они тоже ждут, терпят и надеются. Они не сдаются, даже когда кажется, что надежды нет.

Я не знаю, есть ли в мире любовь, способная вылечить все раны, но я знаю, что любовь, о которой я пишу, - она настоящая. Она не идеальна. Она ранимая, она иногда слепая, она ошибается, но она - есть и этого достаточно. Этого достаточно, чтобы держаться. Этого достаточно, чтобы ждать. Этого достаточно, чтобы не сдаваться и если вы после этой книги почувствуете, что любовь - это единственное, что имеет значение, - значит, я достиг цели.

Я хочу, чтобы вы запомнили один эпизод из книги. Это момент, когда Алексей, сидя в окопе, пишет письмо своей сестре Кате. Он пишет: «Я не знаю, увидимся ли мы ко-

гда-нибудь снова, но я хочу, чтобы ты знала: я тебя люблю. Несмотря ни на что. Несмотря на войну, несмотря на расстояние, несмотря на всё». Это письмо - не просто строчки на бумаге. Это суть книги. Это тот самый мост, который они строят через всё и я хочу, чтобы вы запомнили этот мост.

Я не знаю, кто вы, мой читатель. Может быть, вы из Донецка, и вы помните обстрелы. Может быть, вы из Севастополя, и вы помните референдум. Может быть, вы из Киева, и вы помните Майдан. Может быть, вы из другого города, из другой страны, и вы просто хотите понять, что же там произошло. Кем бы вы ни были - вы уже часть этой истории. Потому что книга - это диалог и я хочу, чтобы вы в нём участвовали.

Кем бы вы ни были - спасибо, что вы взяли в руки эту книгу. Спасибо, что вы читаете её, даже если она кажется вам сложной. Спасибо, что вы даёте шанс этим людям - Бондаренко - быть услышанными. Они не идеальны. Они ошибаются. Они запутаны, но они - моя семья и я хочу, чтобы вы узнали их. Я хочу, чтобы вы не забыли их голоса, их лица, их боль. Потому что пока мы помним - они живы.

Я часто думал о том, кто будет читать эту книгу. Я представлял себе людей, которые живут по ту сторону линии фронта, и людей, которые не знают о войне ничего, кроме того, что показывают по телевизору. Я представлял себе тех, кто потерял близких, и тех, кто никогда не терял никого и я хотел, чтобы книга говорила со всеми ними. Чтобы она не

делила людей на «своих» и «чужих». Чтобы она напоминала: мы все - люди.

Я хочу, чтобы после этой книги у вас осталось чувство, что вы были там. Что вы стояли на площади Нахимова вместе с Андреем. Что вы переживали вместе с Анной. Что вы воевали вместе с Алексеем. Что вы искали себя вместе с Катей. Что вы строили мост вместе со всеми ними. Что вы чувствовали ту же боль, ту же надежду, ту же любовь.

Я знаю, что эта книга не для всех. Она слишком сложная, слишком личная, слишком болезненная, но я писал её не для всех. Я писал её для тех, кто готов слушать. Для тех, кто готов чувствовать. Для тех, кто готов вспоминать и если вы - один из них, - спасибо вам. Вы - тот самый читатель, ради которого я писал.

И если когда-нибудь вы скажете: «Я не понял эту книгу», - я отвечу вам то же, что сказал своему другу:

«Я автор. Я так вижу».

Но, может быть, я добавлю ещё одну фразу:

«Я так чувствую».

Потому что эта книга - не о том, как правильно. Она о том, как по-настоящему. Она о том, как мы живём, когда мир рушится. О том, как мы держимся друг за друга, когда нет никакой надежды. О том, как мы строим мосты, когда все вокруг строят стены и если вы это почувствовали - значит, я сделал свою работу.

Анатолий Шигапов

КНИГА ПЕРВАЯ: РУССКИЙ МОСТ

Глава 1. Оттепель

Часть 1. Мастерская

Запах сухого дуба и старого лака это был первый запах его детства. Ещё до моря, до казармы, до дизельной вони подводной лодки - была мастерская. Отцовская, а теперь его.

Андрей Петрович Бондаренко провёл ладонью по шершавой доске. Дуб был старый, выдержанный, ещё крымский, из-под Бахчисарая. Такой дуб не трескается в жару и не гниёт в сырость. Если с ним по-человечески - он тебя переживёт.

За окном мастерской, притулившейся к склону Корабельной стороны, висел севастопольский февраль - мокрый, ветреный, с рваными облаками над бухтой. С утра сыпанул снег, а к обеду уже растаял, оставив на брусчатке грязные лужи. Город жил своей обычной зимней жизнью: кричали чайки, гудели катера на рейде, ветер посвистывал в снастях. Обычный день. Почти обычный.

Бочка, которую Андрей чинил уже вторую неделю, была особенной. Её привезли из Массандры инвентарь ещё дореволюционный. В таких бочках выдерживали мускат для царского стола. Потом - для советского. Потом - для иностранных делегаций. А теперь бочка рассохлась, и виноделы попросили старого Бондаренко: «Петрович, спасай. Она ещё послужит».

Андрей заменил две клёпки, теперь подгонял обручи. Работа тонкая, почти ювелирная. Поспешишь - дуб треснет, и тогда всю бочку насмарку. Будешь слишком осторожничать - обруч не сядет плотно, даст течь. Нужно чувство металла и дерева, чувство меры.

Дед его, Захар Бондаренко, говорил когда-то: «Бочка, Андрюша, это, как держава. Клёпки - земли, обручи - закон и порядок. Одна клёпка выпадет и всё развалится. А обруч перетянешь - дерево лопнет. Надо с умом». Дед был бондарем потомственным, из-под Полтавы. В Крым перебрался ещё в двадцатых, когда в селе от тифа вымерло пол-улицы. Здесь и осел, здесь и сына вырастил - Петра, отца Андрея.

Радио в углу мастерской тихо бормотало. «Маяк» передавал что-то про рост промышленного производства, про какую-то Олимпиаду в Сочи. Андрей слушал вполуха. Потом начался выпуск новостей, и он насторожился.

«...Ситуация в Киеве продолжает обостряться. Столкновения на Майдане Незалежности перешли в острую фазу. Сообщается о применении огнестрельного оружия...»

Андрей отложил молоток, вытер руки ветошью и подошёл к приёмнику. Покрутил ручку громкости.

«...По предварительным данным, в результате столкновений погибли несколько десятков человек. Лидеры оппозиции обвиняют власти в силовом разгоне протестующих...»

- Доигрались, сказал он вполголоса.

За окном продолжали кричать чайки. Ветер трепал вы-

цветший флаг Андреевского креста на соседском балконе - сосед, отставной мичман, держал флаг круглый год, невзирая на насмешки курортников. Солнце ненадолго выглянуло из-за туч, блеснуло по мокрой черепице, и снова скрылось.

Андрей прошёл в угол мастерской, где под брезентом хранились старые вещи. Откинул край. Под брезентом - деревянный сундук с облезшей краской. Он открыл его. Сверху лежал китель, аккуратно сложенный, пересыпанный нафталиновыми шариками. Погоны капитана второго ранга. Кортик в ножнах. Флотские ремни.

Он не открывал сундук уже года два, но сегодня зачем-то полез.

Пальцы сами нащупали альбом с фотографиями. Он достал его, раскрыл на середине. Снимок 1990 года: Северный флот, экипаж атомной подводной лодки К-119 «Воронеж». Молодые лица, форма, море за спиной. Вот он сам - тридцатипятилетний, подтянутый, с лейтенантскими звёздами на погонах. Рядом - друзья, товарищи. Половины из них он уже не видел. Кто-то уволился, кто-то уехал, кто-то спился в девяностые.

А подводная лодка К-119... Её разрезали на металлолом. Американцы дали денег, украинские власти подписали бумаги, и атомоход, прослуживший всего пятнадцать лет, пошёл под газовый резак.

Андрей помнил тот день, когда узнал. Он тогда уже был в Севастополе, служил в штабе Черноморского флота. Пришёл

домой, сел у окна и молчал до ночи. Анна пыталась расспрашивать - он не отвечал. А потом сказал только одно: «Родину распродают».

Сейчас он сидел над старыми фотографиями и думал о том же. Киев горит. Майдан беснуется и кто бы ни победил в этой драке - флоту от этого лучше не станет. Флот всегда был разменной монетой.

Радио продолжало бубнить. Андрей выключил его.

В мастерской стало тихо. Только ветер посвистывал в щелях, да чайки кричали над бухтой.

Он вернулся к бочке, взял молоток, но работать уже не мог - мысли разбегались. Тогда он надел старую флотскую бушлатную куртку, вышел на улицу, закурил.

С Корабельной стороны открывался вид на Севастопольскую бухту. Серые воды, серые корабли у причалов, серое небо. На рейде стоял флагман - гвардейский ракетный крейсер «Москва». Андрей знал этот корабль ещё по прежней службе. Знал многих офицеров. Знал, о чём они сейчас говорят в кают-компании.

Телефон в кармане завибрировал. Анна.

- Ты где? - голос жены был встревоженным.
- В мастерской. А что?
- Ты новости смотрел?
- Слушал.
- Андрей... там страшное творится. Люди гибнут.
- Знаю.

- Ты домой скоро?

- Скоро. Закончу кое-что и приду.

Он убрал телефон, докурил сигарету, бросил окурок в жестяную банку у двери. Посмотрел ещё раз на бухту, на крейсер «Москва», на низкие облака.

Что-то надвигалось. Он чувствовал это спинным мозгом, как чувствовал когда-то приближение шторма в северных морях. Воздух менялся, давление падало, чайки кричали тревожнее обычного.

Шторм будет. Большой шторм.

Андрей вернулся в мастерскую, запер дверь на засов. Подошёл к бочке. Провёл рукой по дубовым клёпкам - плотно, крепко. Обручи сидят, как влитые. Ещё пара дней работы и можно отдавать виноделам. Будет служить.

«Одна клёпка выпадет и всё развалится», вспомнил он дедовы слова. Дед, Захар Трофимович, умер в 1978-м, когда Андрей ещё был курсантом. Он не застал ни перестройки, ни развала Союза, ни дележа флота и хорошо. Старый бондарь не узнал бы своей страны. А может, и узнал бы - только не обрадовался.

За окном темнело. Февральский день короток, особенно в такое время. Андрей зажёг лампу, сел на табурет, взял молоток.

Тук-тук-тук - дерево отзывалось глухо, утробно, как живое. Обруч садился на место, миллиметр за миллиметром.

В такие минуты он любил свою работу больше всего. Ко-

гда мир снаружи рушился, здесь, в мастерской, был порядок. Здесь вещи подчинялись рукам и разуму. Здесь из разрозненных частей собиралось целое.

Андрей работал до темноты. Потом погасил лампу, закрыл мастерскую и пошёл домой. Над Севастополем зажигались огни. Ветер усилился, гнал по улицам сухие листья и обрывки газет. Прохожих почти не было.

Он шёл и думал о Киеве. О том, что где-то там, в этом городе, живёт его дочь. Катерина. Шестнадцать лет. Последний школьный год. Она жила у сестры Анны, Оксаны, пошла в киевскую гимназию. Так получилось - Оксана предложила, Катя загорелась, Анна согласилась. «Столица, образование, перспективы», говорила тогда жена. Андрей был против, но спорить не стал и теперь...

Катя звонила нечасто. В последний раз - на Новый год. Голос был отстранённый, холодный. Говорила по-украински - подчёркнуто, почти демонстративно. Раньше такого не было. Раньше они всей семьёй говорили, как придётся - по-русски, по-украински, мешали языки, и это было естественно, как дышать. Теперь дочь словно проводила границу. «Тато» вместо «папа». «Дякую» вместо «спасибо». Он не обижался, он тревожился.

В доме горел свет. Андрей поднялся на второй этаж, открыл дверь.

Пахло борщом. Анна хлопотала на кухне. Она обернулась, услышав шаги, и он увидел её лицо - усталое, бледное, с крас-

ными пятнами на скулах. Плакала.

- Что? - спросил он, хотя уже знал ответ.

- Катя звонила. Кричала. Что мы имперцы, что Крым - украинская земля, что Россия - агрессор. Я не узнавала собственную дочь.

Анна опустилась на стул. Андрей подошёл, обнял её за плечи.

это не она, сказал он тихо. это ей в голову вложили.

- Какая разница, кто вложил? - Анна подняла на него глаза, она это говорит. Она в это верит. Андрей, она нас ненавидит.

Он не знал, что ответить. Сел рядом, взял её руку в свою.

Борщ тихо кипел на плите. За окном ветер гнул голые ветки платанов. Где-то вдалеке, на рейде, прогудел корабль.

Они сидели так долго, не говоря ни слова. Два немолодых человека в старом севастопольском доме, над которым сгущалась тьма.

А где-то далеко, в Киеве, их дочь смотрела в телевизор и повторяла слова, которые стали для неё правдой.

И надвигалась весна.

Сухая, ветреная, страшная весна 2014 года.

Часть 2. Язык

Анна проснулась рано, ещё затемно. За окном шумел ветер, дребезжало стекло в старой раме. Она полежала немного, глядя в потолок, где проступали тёмные разводы - прошлой осенью протекала крыша, Андрей латал, но до конца

не доделал. Надо бы напомнить. Или самой взять рубероид и залезть. Она многое умела сама.

Рядом тяжело дышал во сне муж. Андрей в последние дни спал плохо - ворочался, скрипел зубами, иногда вскакивал среди ночи и шёл курить на балкон. Анна делала вид, что не замечает. За тридцать лет брака она научилась не лезть к нему, когда он переваривал что-то внутри. Переварит - сам расскажет.

Она тихо встала, накинула халат, прошла на кухню. Включила чайник. Достала чашку с отбитой ручкой - любимую, ещё из харьковской квартиры её родителей. Чайник зашумел, заглушая ветер.

Сегодня у неё лекция. Первая лекция после долгих выходных и она знала, о чём будут спрашивать студенты. Не о Шевченко, не о Лесе Украинке, не о программе. О Киеве. О Майдане. О том, что теперь будет.

Анна Игоревна Бондаренко, доцент кафедры украинской филологии Таврического национального университета имени Вернадского. Звучит солидно. Должность, звание, список публикаций, индекс цитирования. Всё это было важно когда-то. А теперь она смотрела на свою чашку с отбитой ручкой и думала: «Кто я теперь? Преподаватель украинской литературы в городе, который вот-вот станет российским? Враг народа? Предательница?»

Чайник закипел. Она заварила чай, села у окна.

Севастополь просыпался. Внизу, по Корабельному спус-

ку, проехал первый троллейбус. Прошёл дворник с метлой. На балконе соседнего дома старуха в платке вывесила бельё, несмотря на ветер. Обычная жизнь. А где-то в Киеве - баррикады, стрельба, кровь.

И Катя.

Анна закрыла глаза. Вчерашний разговор до сих пор звенел в ушах.

Она позвонила дочери сама - хотела просто услышать голос, спросить, как дела. Катя ответила резко, почти враждебно и понеслось. «У вас там что, совсем совести нет? Вы хоть понимаете, что Россия это оккупант? Что Крым это Украина?» Анна пыталась что-то сказать - дочь не слушала. Она выкрикивала лозунги, словно заведённая. А в конце бросила: «Ты мне не мать, если поддерживаешь это».

И гудки.

Анна допила чай. Помыла чашку. Оделась, стараясь не шуметь. Андрей так и не проснулся.

Она вышла из дома, поймала троллейбус до Симферополя. Ехать долго, почти два часа. В салоне было холодно, пахло соляркой и мокрой одеждой. Пассажиры - в основном женщины с сумками, пенсионеры, студенты. Все молчали, но Анна чувствовала напряжение. Оно висело в воздухе, как тот самый ветер с моря, невидимое, но отчётливое.

Она достала конспект лекции. Тема: «Тарас Шевченко и формирование украинской национальной идеи». Она готовила эту лекцию месяц назад, ещё до всего. Тогда тема ка-

залась важной, даже актуальной. Сейчас она перечитывала свои заметки и думала: «Как я буду это читать? Что я скажу им?»

Шевченко. Кобзарь. Поэт, которого считают своим и украинцы, и русские. Которого цитируют националисты и коммунисты. Которого при жизни гнали, а после смерти разобрали на цитаты.

Анна помнила, как отец Игорь Трофимович, харьковский инженер и убеждённый советский человек - читал ей перед сном «Садок вишневий коло хати». По-украински, с мягким харьковским выговором. Он не был националистом. Он был советским человеком, который любил стихи и ему было всё равно, на каком языке они написаны.

А потом, в университете, Анна попала на кафедру украинской филологии. Случайно - просто не хватило баллов на английскую, а украинская была ближе к дому и вдруг открыла для себя целый мир. Леся Украинка, Иван Франко, Панас Мирный, Григорий Сковорода. Она читала их ночами, и сердце замирало от красоты. Украинский язык был для неё не политикой, а чудом. Мелодией. Душой.

И вот теперь эту душу выворачивали наизнанку. Превращали в оружие. В дубину, которой били по голове всех несогласных.

- Симферополь, автостанция, объявил водитель.

Анна вздрогнула, собрала вещи, вышла. До корпуса университета - пятнадцать минут пешком. Она шла по бульвару

Ленина, ёжась от ветра. Прохожие спешили по своим делам. На газонах чернел подтаявший снег.

У входа в университет курили студенты. Анна кивнула им, прошла в вестибюль, поднялась на третий этаж. Кафедра встретила её запахом пыли и старых книг. Дверь была открыта.

- Доброе утро, Анна Игоревна.

За столом сидела Лариса Петровна - заведующая кафедрой, сухая женщина лет шестидесяти с неизменным пучком седых волос на затылке. Она подняла на Анну глаза поверх очков.

- Доброе, Лариса Петровна.

- Вы сегодня по расписанию?

- Да. Шевченко, вторая пара.

Лариса Петровна помолчала. Потом сняла очки, протёрла их салфеткой.

- Анна Игоревна, я вас предупрежу. Обстановка в аудиториях нервная. Студенты разделились. Есть... горячие головы. Будьте аккуратны.

- Я понимаю.

- Не думаю, что до конца понимаете, Лариса Петровна вздохнула. - Мне уже звонили из ректората. Интересуются, кто из преподавателей какую позицию занимает. Вы же знаете, наш декан...

Деканом был Олег Степанович Гнатюк - человек, которого Анна знала десять лет. Когда-то они вместе писали учеб-

ник. Теперь он ходил с сине-жёлтой ленточкой в петлице и говорил о «русской угрозе» на каждом заседании.

- Я знаю, сказала Анна. - Я буду говорить только о литературе.

этого может не хватить.

Лариса Петровна надела очки и вернулась к бумагам. Анна поняла, что разговор окончен.

Она прошла в преподавательскую, села за свой стол. Достала конспект, перечитала. Потом взяла с полки томик Шевченко - потрёпанный, с пожелтевшими страницами. Тот самый, который подарил ей отец в день поступления в университет.

Она открыла наугад:

«Садок вишневий коло хати,

Хрущі над вишнями гудуть...»

И вдруг почувствовала, что к горлу подступает ком. Она захлопнула книгу, прижала её к груди и зажмурилась. Детство. Харьков. Отец читает стихи. Мама на кухне печёт пирожки. Новый год, ёлка, запах хвои и Катя, маленькая, в розовом платье, танцует под телевизор.

Всё это было и всё это куда-то ушло.

Прозвенел звонок. Анна встала, взяла конспект и томик Шевченко. Вышла в коридор, где уже толпились студенты.

- Анна Игоревна, а вы слышали? В Киеве опять стрельба.

- Анна Игоревна, а правда, что в Крыму будет референдум?

- Анна Игоревна, а вы за Россию или за Украину?

Она остановилась и подняла руку.

- На лекции. Все вопросы - на лекции.

Она вошла в аудиторию. Студенты расселись. Анна встала за кафедру, открыла конспект. Сделала глубокий вдох.

- Сегодня мы поговорим о Тарасе Григорьевиче Шевченко...

И началась лекция. Она говорила о жизни поэта - о крепостном детстве, о выкупе из неволи, о Петербурге, о ссылке. Говорила о его стихах - о «Кобзаре», о «Гайдамаках», о «Сне». Студенты слушали. Сначала тихо, потом начали задавать вопросы.

- Анна Игоревна, а правда, что Шевченко ненавидел русских?

Вот он. Тот самый вопрос, которого она боялась.

Анна помедлила. Посмотрела на студента - молодой человек с жёлто-голубым браслетом на запястье. Глаза горят. Ждёт ответа.

это сложный вопрос, сказала она. - Шевченко много страдал от российской имперской власти. Он был сослан за свои стихи. Он имел право ненавидеть, но он писал и о любви и о Боге и о своём народе - не против кого-то, а за свой народ. Нельзя сводить великого поэта к одному чувству.

Но он же писал про «москалів поганих»! - не унимался студент.

- Писал, Анна кивнула. - А ещё он писал по-русски. У

него есть повести на русском языке и дневник и он дружил с русскими писателями. С Жуковским, с Тургеневым. Он был сложным человеком., как и все мы.

В аудитории зашумели. Кто-то поддержал студента, кто-то - Анну. Разгорелся спор, и она поняла: лекция превращается в политический митинг.

- Тихо! - Анна повысила голос. - Мы здесь не для того, чтобы спорить о политике. Мы здесь, чтобы говорить о литературе. Если вы хотите спорить идите на площадь. А здесь - аудитория. Здесь мы думаем головой, а не горлом.

Студенты притихли. Тот парень с браслетом насупился, но замолчал.

Анна продолжила лекцию. Она говорила о поэтике Шевченко, о его образах, о его влиянии на украинскую культуру. Говорила ровно, спокойно, стараясь не выдать волнения и только когда прозвенел звонок, она позволила себе выдохнуть.

Студенты расходились. Некоторые благодарили, некоторые выходили молча, с каменными лицами. Парень с браслетом задержался у кафедры.

- Анна Игоревна, сказал он тихо, вы хороший преподаватель, но вы не понимаете. Сейчас не время для литературы. Сейчас время выбирать сторону.

- Я уже выбрала, ответила Анна, глядя ему прямо в глаза. - Я выбрала истину. А истина всегда сложнее, чем лозунги.

Парень усмехнулся, покачал головой и вышел.

Анна осталась одна в аудитории. Села за стол, обхватила голову руками. Ей хотелось плакать, но она не могла. Слёзы кончились ещё вчера, после разговора с Катей.

Она достала телефон. Посмотрела на экран. Ни одного пропущенного. Катя не звонила.

И тогда Анна сделала то, чего не делала уже много лет. Она открыла томик Шевченко на форзаце - там, где отец оставил дарственную надпись тридцать лет назад.

«Доню, читай і пам'ятай: хто забуває минуле, той не має майбутнього. Люби свій народ, але не ненавидь інші. Бо ненависть - це отрута, яка вбиває того, хто її носить у серці».

Она перечитала эти слова трижды. Потом закрыла книгу, положила в сумку и вышла из аудитории.

В коридоре было шумно - студенты спешили на перемену. Анна прошла сквозь толпу, ни на кого не глядя. Спустилась по лестнице. Вышла на улицу.

Ветер усилился. Он нёс с моря запах соли и водорослей. Анна подняла воротник и пошла к автостанции. Ей нужно было домой, в Севастополь, к мужу, к тишине. Туда, где ещё можно было делать вид, что мир не рушится.

Но она знала: больше не получится.

Мир уже рушился. Прямо сейчас и нужно было выбирать, на каком обломке ты останешься.

Часть 3. Забой

Глубина - восемьсот сорок метров. Температура - плюс тридцать восемь. Влажность - под сто процентов. Воздух

тяжёлый, густой от угольной пыли, он забивает лёгкие за первую же смену, а потом остаётся там навсегда. Шахтёры шутят: угольная пыль это такой витамин, без него уже не можешь.

Алексей Андреевич Бондаренко спустился в забой в шесть утра., как обычно. Клеть ухнула вниз, заскрежетала направляющими, и дневной свет исчез, сменившись желтоватым мерцанием ламп на касках. В клети - двенадцать человек. Все знакомые: кто-то с его участка, кто-то с соседнего. Лица у всех серые, усталые, хотя смена только началась. Усталость здесь накапливается не за день - за годы.

- Слыхал, Лёха, что в Киеве деется? - спросил кто-то в темноте.

- Слыхал, коротко ответил Алексей.

- Говорят, опять стрельба. Бандеровцы власть берут.

- Разговоры, оборвал его пожилой шахтёр. - Ты, Петро, меньше слушай, что бабы на рынке болтают.

- Так по телевизору ж показывали!

- По телевизору тебе и про инопланетян покажут.

Клеть дёрнулась и остановилась. Створки разъехались, открывая чёрный зев штрека. Запахло углём, метаном, машинным маслом. Шахтёры, гремя касками, двинулись в забой.

Алексей шёл привычным маршрутом. Ему было тридцать два, из них двенадцать он провёл под землёй. После армии пошёл на шахту - других вариантов в Донецке не было. Вернее, были, но все хуже. Шахта платила стабильно, давала

квартиру, путёвки, социальный пакет и уважала. Шахтёр в Донбассе это не просто профессия. Это статус. Это каста. Это почти, как военный, только война тут каждый день, а не по расписанию.

Отец хотел, чтобы Алексей пошёл на флот, но Алексей с детства боялся воды. Ирония судьбы: сын подводника, внук подводника и боится моря. Поэтому выбрал другую стихию. Подземную.

Андрей Петрович тогда обиделся, но промолчал. Он вообще умел молчать, когда было больно. Только сказал: «Твоя жизнь, сынок, но запомни: земля, она тоже глубиной в сорок метров бывает, а бывает - в километр. Выбирай, где глубина поменьше». Алексей выбрал ту, что поглубже. Наверное, из упрямства. А может, из желания доказать, что он тоже чего-то стоит.

Забой встретил его привычным гулом. Комбайн уже работал, вгрызаясь в угольный пласт. Грохот стоял такой, что разговаривать можно было только криком в ухо. Алексей надел респиратор и пошёл к своему участку.

Работа была тяжёлая, но он любил её. Здесь, под землёй, не было ни политики, ни национального вопроса. Была только порода, уголь, техника и люди. Здесь все говорили по-русски, но, если кто вставлял украинское слово - никто не морщился. Здесь работали русские, украинцы, татары, греки - все, кто родился на этой земле и всех объединяло одно: они добывали уголь. Чёрное золото. Топливо для страны.

В обеденный перерыв собрались в «столовой» - так называли небольшую нишу в штреке, где стояли лавки и термосы. Ели молча. Потом заговорили и разговор, конечно, свернул на политику.

- Говорят, в Крыму наших уже давят, сказал молодой парень, Витька, недавно после ПТУ. - Русских то есть. Украинизация, всё такое.

- В Крыму всегда русских было большинство, отозвался пожилой шахтёр, дядя Коля. - Я там в молодости отдыхал. Весь Южный берег - русские санатории, русские вывески. Какой там украинский?

- Ну так-то раньше. А теперь...

- А теперь бандеровцы власть взяли и давай порядки наводить, вставил ещё один шахтёр. - Они же с националистами на Майдане. А те всегда мечтали Крым зачистить.

- Да ну, брешут, махнул рукой кто-то. - Крым - украинская земля, это все знают.

- С каких пор? - подал голос Алексей.

Все повернулись к нему. Алексей редко говорил на эти темы. Обычно он слушал.

- С пятьдесят четвёртого года, ответил тот шахтёр. - Хрущёв передал.

- А до этого чей был?

- До этого - российский.

- Ну вот и ответ, Алексей допил чай, закрыл термос. - Если земля была российской, а потом её передали администра-

тивным решением - значит, она не перестала быть российской. Просто ею временно управляли из Киева.

- Ну ты загнул, Лёха! - засмеялся кто-то. - По такой логике и Донбасс - Россия.

- А ты посмотри на карту, Алексей достал телефон, открыл карту. - Донецкий кряж, Новороссия. Это всё осваивали русские, при Екатерине. Донецк основан в 1869 году. Кем? Русским промышленником Юзом. Здесь всегда говорили по-русски. Здесь всегда работали на Россию. Так кто мы?

Наступила тишина. Шахтёры переглядывались.

- Ну, мы-то кто... мы - шахтёры, неуверенно сказал дядя Коля. - Нам главное, чтоб платили.

- Будут платить, сказал Алексей. - Только вопрос - кто и в какой стране.

Спор разгорался, но время перерыва вышло. Все разошлись по местам. Алексей вернулся к комбайну, надел респиратор и снова погрузился в работу.

Но мысли не отпускали. Он думал о Киеве. О том, что там, в этом городе, живёт его младшая сестра. Катя. Катюша. Девочка, которую он помнил вот такой - с бантами, с портфелем, с вечно разбитыми коленками. Она бегала за ним хвостиком, когда он приезжал на каникулы из Донецка в Севастополь. Просила покатать на мопеде, научить играть на гитаре, рассказать про шахту.

А теперь она была в Киеве и он не знал, что с ней проис-

ходит. Звонил редко, она отвечала односложно. Последний раз - на Рождество. Поздравила, спросила, как дела, и быстро свернула разговор. По-украински. С акцентом, которого раньше не было.

Алексей чувствовал: что-то не так. Что-то ломалось в их семье, в их отношениях и он не знал, как это починить.

Смена закончилась в два часа дня. Алексей поднялся на-гора, сдал лампу и самоспасатель, пошёл в душ. Горячая вода смывала угольную пыль, текла чёрными ручьями. Шахтёры мылись молча, каждый думал о своём.

После душа Алексей переоделся, вышел на улицу. Донецк встретил его серым небом и пронизывающим ветром. Февраль здесь был не лучше севастопольского - только море не смягчало климат, и ветер дул степной, злой, с востока.

Он закурил. Постоял, глядя на терриkон. Огромная гора пустой породы высилась над шахтой, как рукотворный вулкан. Местные говорили: «Пока стоят терриконы - жив Донбасс». Они были частью пейзажа, как горы в Крыму или море в Севастополе. Частью жизни.

Телефон завибрировал. Отец.

- Здорово, батя.
- Здорово, сынок., как ты?
- Нормально. Смена прошла. А у вас?
- Держимся. Ты новости смотрел?
- Смотрел.
- В Киеве нехорошо.

- Знаю.

- Ты... с сестрой не разговаривал?

Алексей затянулся, выдохнул дым.

- Нет. Она не звонит.

- Может, ты ей?

- Батя, она не хочет. Ты же знаешь. Она там живёт своей жизнью. У неё там друзья, учёба. и другие идеи.

- Другие идеи, повторил Андрей Петрович, какие идеи могут быть у шестнадцатилетней девчонки? Ей в школе голову морочат.

- Вот именно. А я не учитель. Я шахтёр.

Андрей помолчал. Потом сказал:

- Если что начнётся... ты знаешь, на чьей стороне правда.

- Знаю, батя.

- Ну, держись тогда. Матери не звони пока, она расстроенная. Катя ей вчера такого наговорила...

- Что?

- Неважно. Держись, сынок.

и ты.

Алексей убрал телефон. Посмотрел на террикон, на серое небо, на улицы Донецка, по которым спешили люди. Город жил. Пока жил.

Он бросил окурок в урну и пошёл домой. Нужно было выспаться. Завтра снова в забой.

А в голове стучало: «Если что начнётся... ты знаешь, на чьей стороне правда». Он знал, но это знание не приносило

покоя.

Часть 4. Гимназия

Катерина Андреевна Бондаренко, для одноклассников - Катя, для учителей - Екатерина Андреевна, для самой себя - просто Катерина (именно так, по-украински, с ударением на «и»), сидела на подоконнике в коридоре киевской гимназии № 117 и смотрела в телефон.

Лента новостей пестрела заголовками: «Майдан. Хроника противостояния», «Власть расстреляла людей», «Герои не умирают». Фотографии баррикад, дыма, людей в касках и везде - сине-жёлтые флаги. Они развевались над толпой, над горящими покрышками, над баррикадами из мешков с песком. Флаг, который Катя ещё год назад воспринимала просто, как государственный символ, теперь казался священным знаменем.

Она училась в выпускном, одиннадцатом классе. До экзаменов оставалось несколько месяцев, но какое теперь дело до экзаменов? Страна горела. История творилась прямо сейчас, за окнами гимназии и каждый должен был выбрать - с народом он или против.

Катя свой выбор сделала.

- Катюх, ты на Майдан сегодня? - спросила Олеся, её лучшая подруга, присаживаясь рядом. Олеся тоже была с сине-жёлтой ленточкой на рюкзаке и с браслетом в цветах флага на запястье.

- Не знаю. Тётка не пускает. Говорит, опасно.

- А мы ненадолго. Там сейчас митинг за единство Украины. Все наши идут.

- Я попробую.

Олеся убежала, а Катя снова уткнулась в телефон.

Она жила в Киеве уже полтора года. Переехала из Севастополя к тётке Оксане - маминой сестре. Оксана работала в Министерстве образования, у неё была просторная квартира на Оболони и никаких детей. Она с радостью приняла племянницу, устроила в хорошую гимназию, окружила заботой, граничащей с гиперопекой.

Поначалу Катя скучала по дому. По морю, по горам, по родительскому голосу, но Киев затягивал. Столица, большая жизнь, новые друзья. А потом начался Майдан и всё изменилось. Катя вдруг почувствовала себя частью чего-то огромного и важного. Она ходила на митинги, носила ленточки, пела гимн и постепенно стала забывать, что она - девочка из русского Севастополя, из семьи морского офицера. Теперь она была украинкой. Настоящей, сознательной, патриотичной.

Телефон завибрировал. Звонила мама.

Катя посмотрела на экран. Фотография мамы - тёплая, улыбающаяся, в летнем саду под Симферополем. Сердце сжалось, но она сбросила звонок.

Не сейчас. Она не готова. После того разговора, когда она накричала на мать и бросила трубку, прошёл уже день, а осадок остался. Катя знала, что была неправа, но признавать это

не хотелось. В конце концов, мама сама виновата, она живёт в Крыму и не понимает очевидного.

Украина - едина. Крым это Украина. А Россия - агрессор. Это то, что Катя слышала каждый день в гимназии, по телевизору, в соцсетях и это стало её правдой.

Звонок прозвенел. Литература. Катя нехотя слезла с подоконника и поплелась в класс.

Учительница, пани Наталья, худая женщина в вышиванке и с неизменной брошью-тризубом, уже стояла у доски. Тема урока: «Украинская литература в борьбе за независимость».

- Сьогодні ми поговоримо про те, як українські письменники боролися за нашу державність, говорила пани Наталья. - Про тих, хто віддав життя за Україну. Про Василя Стуса, про Олену Телігу, про...

Катя слушала и верила. Это было правильно, это было героично, это было красиво - умирать за родину, за язык, за флаг. Она представляла себя на месте этих героев. Вот она стоит перед врагом и говорит: «Україна понад усе» и враг отступает.

На перемене все обсуждали новости из Крыма. Говорили, что там «зелёные человечки», что Россия готовит аннексию, что нужно срочно что-то делать.

- Мой отец говорит, надо вводить войска, сказал Роман, высокий парень с нашивкой «Правого сектора» на куртке.

- Чьи войска? - спросила Катя.

- Наши. Украинские. Защищать Крым.

- А если начнётся война?

- Значит, будем воевать. А ты что, боишься?

- Нет, Катя вскинула подбородок. - Я не боюсь.

Но на самом деле ей было страшно. Только она никому бы в этом не призналась. Страшно было от мысли, что где-то там, в далёком Севастополе, живут её родители. Которые теперь - по ту сторону. Которые, если верить телевизору и соцсетям, стали её врагами.

И от этой мысли её тошнило.

После уроков они с Олесей всё-таки пошли на Майдан. Народу было много - несколько тысяч человек. Люди стояли с флагами, скандировали лозунги, пели гимн. На импровизированной сцене выступали какие-то политики, призывали к единству и борьбе.

Катя стояла в толпе и чувствовала себя частью большого организма. Это было опьяняющее чувство., как музыка, которая проникает в каждую клетку и заставляет сердце биться в унисон с тысячами других сердец.

- Слава Украине! - крикнул кто-то со сцены.

- Героям слава! - ответила толпа, и Катя тоже ответила.

А потом домой. Тётка Оксана встретила её в прихожей, всплеснула руками:

- Катя! Я же просила - не ходить на Майдан! Там стреляют!

- Ну, тётя Оксана, я же ненадолго и там сегодня тихо.

- Тихо... - Оксана покачала головой. - Вчера тоже было

тихо. А потом - десятки погибших. Ты понимаешь, что ты у меня одна? Что я перед матерью отвечаю?

- Моя мать в Крыму, холодно сказала Катя, и она, кажется, не очень-то за меня переживает. Её больше волнует, что там у них с референдумом.

Оксана замолчала. Поджала губы.

- Не смей так говорить о матери, сказала она наконец, что бы ни происходило, она тебя любит.

- Любит? - Катя усмехнулась. - А почему тогда она не здесь? Почему она там, с этими... с «зелёными человечками»?

- Потому что она живёт там. Это её дом.

- Её дом - Украина! А не Россия!

Оксана вздохнула и ничего не ответила.

Катя ушла в свою комнату, хлопнула дверью. Упала на кровать, обхватила подушку. Слёзы текли по щекам, но она не позволяла себе плакать в голос. Плачут слабые, а она сильная. Она украинка. Она патриотка. Она не будет жалеть себя.

Но что-то внутри неё всё равно плакало. Тоненько, почти неслышно., как ребёнок, который потерялся в лесу и не знает, куда идти.

Она достала телефон. Посмотрела на фотографию родителей. Мама и папа, Севастополь, набережная. Прошлое лето. Они ещё были вместе. Они ещё были семьёй.

Катя нажала кнопку вызова.

Гудки. Длинные, тягучие. Она почти хотела, чтобы мама

не взяла трубку, но та взяла.

- Катя? - голос был испуганный, взволнованный. - Катюша, ты?

- Мама...

И тут она не выдержала. Разрыдалась. Прямо в трубку, позабыв про всю свою гордость и принципы.

- Мама, я не понимаю, что происходит... Мама, я боюсь...

- Катюша, девочка моя... - Анна говорила тихо, успокаивающе. - Тихо, тихо. Не плачь. Всё будет хорошо.

- Не будет! - Катя почти кричала. - У нас тут говорят, что Россия нападёт! Что будет война! Что Крым оккупирован!

- Катя, в Крыму нет никакой оккупации, Анна говорила твёрдо. - Здесь люди вышли на референдум. Они хотят вернуться в Россию. Это их выбор.

это не выбор! Это аннексия!

- Катюша, ты не понимаешь...

это ты не понимаешь! - Катя снова перешла на крик. - Ты там, в своём Крыму, думаешь, что это нормально! А я здесь, в Киеве, вижу всё своими глазами! И я знаю, что Россия - враг!

- Катя...

- Не звони мне больше, и она сбросила вызов.

Телефон полетел в стену, ударился об обои, упал на пол. Экран погас.

Катя свернулась калачиком на кровати и затихла.

За стеной гремел телевизор - тётя Оксана смотрела ново-

сти. Диктор говорил о «российской агрессии», о «необходимости дать отпор», о «единстве украинской нации». Слова падали в темноту, как камни в колодец.

Катя лежала и думала: как же так вышло? Почему её семья оказалась по разные стороны? Почему она, украинская патриотка, дочь русского офицера и преподавательницы украинской литературы? Почему всё так сложно, так запутанно, так больно?

Ответа не было. Была только февральская ночь за окном, холодная и тёмная, как будущее.

Она закрыла глаза и провалилась в сон, где не было ни войны, ни политики, ни разделённых семей. Где все они были вместе - мама, папа, она и Алёша., как раньше., как в детстве.

Часть 5. Телефон

Вечер опускался на Севастополь медленно, слоисто - сначала сизыми сумерками над бухтой, потом густой синевой, в которой растворялись очертания кораблей, и наконец - кромешной южной темнотой, прорезаемой только редкими огнями на рейде и жёлтыми прямоугольниками окон на Корабельной стороне.

Анна сидела на кухне. Перед ней стояла чашка давно остывшего чая, лежал телефон и раскрытый томик Шевченко. Она не читала - просто смотрела на страницы, не различая букв. Мысли были далеко.

После лекции она вернулась домой, разогрела борщ, на-

кормила Андрея, выслушала его скупой рассказ о работе в мастерской. Сама почти не ела. Муж заметил, но ничего не сказал - он умел чувствовать, когда её лучше не трогать.

А потом она позвонила Кате.

Анна долго не решалась. Ходила по квартире, переставляла вещи, открывала и закрывала холодильник. Андрей ушёл в мастерскую - сказал, нужно закончить бочку. Она осталась одна и тишина стала невыносимой.

Первый гудок. Второй. Третий. Она почти надеялась, что дочь не возьмёт трубку, но та взяла.

- Алло.

Голос был чужой, холодный, с украинским акцентом, которого раньше не было.

- Катя... Катюша, это мама.

- Я знаю, пауза, что ты хотела?

Анна почувствовала, как внутри всё сжимается в тугой комок. Она хотела сказать столько всего - спросить про учёбу, про здоровье, про настроение. Рассказать про свою лекцию, про Шевченко, про то, как она скучает, но вместо этого спросила:

- Ты как?

- Нормально, сухо.

- У вас там... в Киеве... я новости смотрела. Там страшно, Катя. Ты не ходишь на этот Майдан?

- Хожу, в голосе дочери появился вызов. - А что? Это моя страна. Я имею право.

- Конечно, имеешь, Анна старалась говорить спокойно. - Я просто волнуюсь. Там стреляют, люди гибнут. Пожалуйста, будь осторожнее.

- Буду, короткий ответ и снова пауза.

Тишина в трубке была хуже всего. Раньше они могли болтать часами - о пустяках, об учёбе, о мальчиках, о книгах. Теперь слова застревали в горле.

- Катя, я хотела спросить... - Анна запнулась. - Ты на нас не обижаешься?

- А ты, как думаешь? - голос дочери дрогнул.

- Я не знаю. Я хочу понять.

- Что понять? - Катя вдруг взорвалась. - Понять, почему мои родители поддерживают оккупацию Крыма? Почему вы не со своей страной? Почему вы... предатели?

Слово ударило хлёстко, как пощёчина. Анна зажмурилась.

- Катя, мы не предатели. Мы живём здесь. Это наш дом.

- Ваш дом - Украина! А вы...

- А мы - люди, которые хотят мира. Мы не хотим, чтобы здесь была война. Мы не хотим, чтобы русских людей выгоняли из их домов. Ты понимаешь?

- Русских? - Катя усмехнулась. - При чём тут русские? Все нормальные украинцы хотят в Европу! Хотят нормальной жизни, без этой вечной оглядки на Москву! А вы... вы, как будто в прошлом веке застряли.

- Может быть, тихо сказала Анна. - Может быть, мы за-

стряли, но мы не враги тебе. Мы твои родители. Мы тебя любим.

- Любите? - голос Кати сорвался. - Если бы вы меня любили, вы бы не...

Она не договорила. В трубке послышались всхлипы.

- Катя? Катюша?

- Не звони мне пока, мам. - голос стал глухим, усталым. - Мне нужно подумать.

- Катя, подожди...

- Я перезвоню. Когда смогу.

И гудки.

Анна долго сидела, прижимая телефон к уху, хотя там уже давно не было ни звука. Потом медленно положила его на стол. Взяла чашку с остывшим чаем. Сделала глоток. Чай был горьким, как полынь.

Она не заплакала. Слёзы придут потом, ночью, когда она будет лежать без сна и слушать ровное дыхание Андрея. А сейчас была только пустота. Огромная, холодная, как февральское море.

Она открыла Шевченко на заложенной странице.

«Думи мої, думи мої,
Лихо мені з вами!
Нащо стали на папері
Сумними рядами?..»

В молодости ей казалось, что она понимает эти строки. Что знает, что такое одиночество и тоска. Теперь она поняла:

ничего она не знала. Настоящее одиночество это когда твой ребёнок называет тебя предателем.

Хлопнула входная дверь. Андрей. Она услышала его шаги в коридоре, потом на кухне. Он вошёл, посмотрел на неё, на телефон, на раскрытую книгу. Всё понял без слов.

- Звонила?

- Да.

- Что?

Анна покачала головой. Андрей вздохнул, сел напротив. Достал из кармана пачку сигарет, повертел в пальцах, убрал обратно. Бросил.

, она молодая, сказал он наконец. - Горячая. Пройдёт.

- Ты не слышал её голос, ответила Анна. это не горячность. Это вера. Она верит в то, что говорит. Она нас ненавидит.

- Не ненавидит. Она запуталась. Ей промыли мозги.

- Может, и нам промыли? - Анна подняла на него глаза. - Может, мы тоже во что-то верим, что не совсем правда?

Андрей помолчал. Потом сказал:

- Я верю в то, что видел своими глазами., как разваливали флот., как офицеры стрелялись, потому что им не платили зарплату., как украинские политики продавали всё, что можно. Я верю в то, что Крым - русская земля и в то, что мы имеем право жить так, как хотим.

- Катя считает иначе.

- Катя - ребёнок. Она вырастет и поймёт.

- А если не поймёт? Если она вырастет и останется... там?

Андрей ничего не ответил. Просто протянул руку и накрыл её ладонь своей. Большой, шершавой, в мозолях от молотка и стамески.

Они сидели так долго. Ветер за окном стихал. Где-то внизу, на причале, перекликались вахтенные.

А потом зазвонил телефон.

Анна вздрогнула, схватила трубку, но это была не Катя. Это был Алексей.

- Мам, привет.

- Алёша... - голос Анны потеплел, как ты, сынок?

- Нормально. Смена прошла., как вы?

- Держимся. Отец вот рядом. Тебя слышит.

- Привет, батя.

- Здорово, сынок, Андрей придвинулся ближе к телефону.

- Я тут новости смотрел, Алексей говорил негромко, но твёрдо. - В Донецке неспокойно. Люди выходят на митинги. Говорят, о референдуме.

это хорошо, сказал Андрей.

или плохо, добавила Анна. - Смотря чем закончится.

- Чем бы ни закончилось, Алексей помолчал. - Я, наверное, пойду в ополчение. Если что.

Анна закрыла глаза. Этого она и боялась. Сын собирался на войну.

- Алёша, начала она, но Андрей перебил:

- Правильно, сынок. Если каждый будет сидеть дома - кто

защитит?

- Андрей! - Анна повысила голос. - Ты понимаешь, что говоришь? Ты хочешь, чтобы твой сын воевал?

- Я хочу, чтобы мой сын был мужчиной. Чтобы он не прятался за чужие спины. Чтобы он защищал свой дом.

- Свой дом это здесь! В Севастополе!

- Его дом - Донбасс. Он там родился, он там живёт и если туда придут - он будет защищать.

- Вы оба сошли с ума, Анна встала, отошла к окну. - Один ребёнок называет меня предателем, второй собирается на фронт. Что дальше? Что дальше, я вас спрашиваю?

В трубке было тихо. Потом Алексей сказал:

- Мам, я тебя люблю и Катьку люблю, хоть она и дурная, но я должен. Понимаешь? Должен.

Анна молчала, глядя в тёмное окно. За стеклом мигали далёкие огни на рейде. Красные, зелёные, белые. Сигнальные.

- Понимаю, сказала она наконец. - Хоть и не хочу.

Они поговорили ещё немного - о погоде, о здоровье, о пустяках. Алексей обещал звонить чаще. Анна обещала не волноваться. Оба знали, что эти обещания - просто слова.

Когда разговор закончился, Андрей подошёл к ней, обнял сзади, прижал к себе. Она стояла, чувствуя его тепло, и думала о том, что семья это не то, что даётся раз и навсегда. Семью нужно собирать каждый день, как ту самую бочку в его мастерской. Клёпка к клёпке, обруч к обручу и если одна

клёпка выпадет - всё может рассыпаться.

- Ничего, сказал Андрей тихо. - Выстоим. Мы же Бондаренко. Мы всегда выстаивали.

Она кивнула, хотя не была в этом уверена.

Потому что ночь за окном была тёмной и холодной. Потому что где-то в Киеве их дочь лежала в постели и плакала от ненависти. Потому что где-то в Донецке их сын смотрел в чёрное небо и думал о войне.

И потому что февраль 2014 года только начинался.

Самое страшное было ещё впереди.

Часть 6. Сестра

Киев, Оболонь, квартира на седьмом этаже. Оксана Игоревна стояла у окна и смотрела, как внизу, по проспекту, течёт людская река. Сотни, тысячи людей с флагами, с факелами, с песнями. Вечерняя смена Майдана выходила на марш.

Оксане было сорок пять. Она была младшей сестрой Анны - разница в пять лет, но всю жизнь казалось, что это Анна младшая. Оксана всегда была решительнее, резче, громче. Анна - мягче, спокойнее, тише. В детстве Оксана командовала. Анна подчинялась. Так было и потом, во взрослой жизни. Анна выбрала литературу, тихий Симферополь, семью. Оксана - политику, Киев, карьеру.

Теперь Оксана работала в Министерстве образования - начальник отдела, не последний человек. У неё были связи, влияние, уважение и она искренне верила в то, что делала. В реформы, в евроинтеграцию, в новую Украину без оглядки

на Москву.

Майдан стал для неё откровением. Она ходила туда с первых дней - сначала из любопытства, потом из солидарности, потом из убеждения. Она стояла на сцене, читала резолюции, скандировала лозунги. Она чувствовала себя частью истории и это чувство пьянило сильнее любого вина.

- Тётя Оксана, я дома! - хлопнула входная дверь.

Катя вошла, раскрасневшаяся с мороза, с блестящими глазами.

- Была на Майдане?

- Да. Там столько людей! И все такие... такие настоящие!

Оксана улыбнулась. Она любила племянницу - может быть, даже сильнее, чем любила бы собственную дочь, если бы таковая была. Катя напоминала ей саму себя в молодости: горячая, искренняя, готовая перевернуть мир.

- Есть хочешь?

- Очень!

Они сидели на кухне, ели гречку с котлетами, пили чай с малиновым вареньем. Катя взахлёб рассказывала о последних новостях с Майдана: кто выступал, что говорили, какие были лозунги.

- Представляешь, дядя Степан из Минобразования речь толкал! Так классно говорил - про европейское будущее, про то, что Украина - не Россия, и никогда ею не будет.

Оксана слушала и кивала. Степана она знала - хороший мужик, грамотный, но её мысли были далеко. Она думала о

сестре.

Анна звонила вчера. Голос был встревоженный, даже испуганный. Спрашивала про Катю, про Киев, про обстановку. Оксана отвечала бодро, даже весело: «Всё отлично, сестричка! Украина воспрянет, вот увидишь!» Анна молчала. А потом спросила тихо: «Оксана, ты понимаешь, что происходит в Крыму? Ты понимаешь, что мы здесь чувствуем?»

И Оксана не нашлась, что ответить. Потому что - нет, не понимала. Она видела только картинку по телевизору: «зелёные человечки», пророссийские митинги, флаги РФ. Она искренне считала, что Крым это Украина. Что люди, которые хотят в Россию, предатели. Что её сестра, которая живёт в Севастополе и молчит о политике, тоже почти предательница.

Но это была её сестра. Её Аня. С которой они в детстве делили одну комнату на двоих, одни игрушки, одни мечты. Которая читала ей перед сном «Кобзаря» и это было волшебство. Которая плакала вместе с ней на похоронах родителей.

Как теперь смотреть ей в глаза?

- Тётя Оксана, а вы с мамой давно разговаривали? - спросила Катя, словно читая её мысли.

- Вчера.

и что?

- Ничего. Обычный разговор.

, она за меня спрашивала?

- Конечно.

Катя опустила глаза, поковыряла вилкой котлету.

- Я ей нагрубила, сказала она тихо. - Назвала предательницей.

- Катя! - Оксана всплеснула руками. - Зачем?!

- Потому что она не понимает! Она живёт там, в этом Крыму, и думает, что Россия это хорошо! А я ей говорю: Россия - агрессор! А она мне: «Ты не понимаешь». А я понимаю! Я здесь живу, я вижу, что происходит!

Оксана вздохнула. Она сама разрывалась между любовью к сестре и верой в правоту украинского дела.

- Катя, твоя мама - хороший человек. Она просто... запуталась. Они все там запутались. Им московская пропаганда мозги задурила.

- Ну так пусть разберутся! - Катя вскочила из-за стола. - Почему я должна их жалеть? Почему я должна молчать? Они предают Украину!

- Катя, Оксана взяла её за руку, усадила обратно. - Послушай меня. Политика это одно. А семья - совсем другое. Твоя мама тебя любит. Твой папа тебя любит. Они вырастили тебя, они дали тебе всё. Нельзя их ненавидеть. Даже если они ошибаются.

- А если они не ошибаются? - тихо спросила Катя.

- Что?

- А если это мы ошибаемся? - Катя подняла на тётку глаза, полные слёз. - Я иногда ночью лежу и думаю: а вдруг всё не так? Вдруг Россия правда защищает своих? Вдруг Крым и

правда хочет в Россию? Вдруг мы тут все..., как в секте?

Оксана замерла. Такого она от племянницы не ожидала.

- Катя, ты что такое говоришь? Ты же сама на Майдан ходишь. Ты же сама...

- Я знаю! - Катя почти кричала. - Я хожу, я кричу, я верю!, но иногда... иногда мне кажется, что я просто боюсь признаться себе, что мама может быть права. Потому что если она права - тогда всё, во что я верю, ложь.

На кухне повисла тишина. Только холодильник гудел, да за окном шумел далёкий Майдан.

Оксана смотрела на племянницу и не узнавала её. Куда делась та горячая, уверенная девочка, которая ещё полчаса назад рассказывала о митинге? Перед ней сидел испуганный, запутавшийся подросток, который разрывался между любовью к родителям и любовью к новой родине.

- Катюша, Оксана присела рядом, обняла её за плечи. - Я не знаю, кто прав. Честно тебе говорю - не знаю. Я верю в Украину. Я хочу, чтобы она была сильной, свободной, европейской, но твоя мама - моя сестра и я не могу сказать, что она плохой человек. Она просто... другая.

- А если Украина и Россия - враги? - спросила Катя. - Тогда моя семья - враги Украины и я должна их ненавидеть.

- Нет, твёрдо сказала Оксана. - Ты никому ничего не должна. Ты имеешь право любить своих родителей. Даже если они выбрали другую сторону.

Но как? Как можно любить врага?

- А ты попробуй. Попробуй не ненавидеть. Попробуй понять.

Катя покачала головой.

- Не могу. Я пробовала - не получается. Я вижу по телевизору эти кадры из Крыма и хочется кричать. А потом думаю: там моя мама и мне хочется плакать.

Она всё-таки заплакала. Молча, без всхлипов. Слёзы текли по щекам и капали на стол.

Оксана обнимала её и думала: что же мы наделали? Во что мы превратили наших детей? В солдат необъявленной войны, которые должны выбирать между страной и семьёй и какой бы выбор они ни сделали - они проиграют.

За окном гремело: «Слава Украине! Героям слава!» Тысячи голосов сливались в один и в этом одном голосе не было места для сомнений, для колебаний, для любви к тем, кто по ту сторону баррикад.

Оксана вдруг остро, до боли в груди, захотела позвонить сестре. Просто услышать её голос. Спросить, как дела. Сказать, что любит её, несмотря ни на что.

Но она не позвонила. Постеснялась. Побоялась. Отложила на завтра.

Завтра, которое никогда не наступит.

Потому что через неделю Крым уйдёт в Россию. Потому что через месяц Донбасс запылает. Потому что через год они с сестрой перестанут разговаривать совсем и это завтра это точка невозврата.

Но пока ещё - февраль. Пока ещё - оттепель. Пока ещё можно позвонить.

Оксана взяла телефон. Посмотрела на номер сестры. Палец завис над кнопкой вызова.

И не нажал.

Завтра. Я позвоню завтра.

Часть 7. Ночной разговор

Ночь опустилась на Севастополь незаметно - просто ветер стих, и тишина стала глубже, плотнее, словно город накрыли ватным одеялом. В порту перемигивались сигнальные огни, где-то далеко лаяла собака, да изредка проезжала одинокая машина, шурша шинами по мокрому асфальту.

Анна не спала. Она лежала на спине, глядя в потолок, где плясали тени от уличного фонаря. Андрей тоже не спал, она слышала по его дыханию. За тридцать лет она научилась различать все оттенки его дыхания: ровное и глубокое - спит; прерывистое - видит тревожный сон; а вот такое, чуть учащённое, с короткими паузами, не спит, думает.

- Андрей, позвала она тихо.

- М-м?

- Ты тоже не спишь.

- Не сплю, он повернулся на бок, и она почувствовала его взгляд в темноте. - Думаю.

- О чём?

- О сыне. О дочери. О том, что будет дальше.

Анна помолчала, собирая слова. Слова были трудные, тя-

жёлые, как камни, но она должна была их сказать.

- Андрей, я боюсь, наконец произнесла она. - Я очень боюсь. Не за себя - за них. За Катю, за Алёшу. Мне кажется, мы теряем их. Обоих.

- Не теряем, он говорил медленно, как всегда, когда обдумывал каждое слово. - Они просто далеко. Катя в Киеве, Алёша в Донецке, но они наши дети.

- Катя назвала меня предательницей. Ты понимаешь? Дочь назвала мать предательницей., как после этого жить?

Андрей протянул руку, нашёл в темноте её ладонь, сжал.

, она не то имела в виду. Она просто повторяет то, что ей говорят. Ей шестнадцать, Аня. В этом возрасте все максималисты. Я сам в шестнадцать с отцом ругался так, что стены дрожали. А потом остыл.

- Твой отец не был для тебя «врагом народа». А я для неё - враг. Потому что я здесь. Потому что я не кричу «Слава Украине». Потому что я просто живу и хочу мира.

- Вот именно, Андрей приподнялся на локте. - Ты хочешь мира. А им там, в Киеве, уже в голову вбили, что мира не будет, что нужно воевать, что Россия - враг, но это пройдёт. Война кончится, и Катя поймёт.

- А если не кончится? - Анна села в постели, обхватила колени руками. - Если это только начало? Ты сам говорил - надвигается шторм. Ты чувствовал и я чувствую. Андрей, я филолог, я читаю тексты. Я вижу, как меняется риторика. Ещё год назад никто не говорил о «русской агрессии». А те-

перь это везде: в газетах, в телевизоре, в школах. Это накачивание ненависти и оно не прекратится. Оно будет только нарастать.

Андрей сел рядом, обнял её за плечи.

- Пусть нарастает. Мы будем держаться. Мы - Бондаренко. Мы выстояли в девяностые, когда зарплату не платили по полгода, когда флот резали на металлолом, когда офицеры стрелялись от безысходности. Неужели теперь не выстоим?

- Тогда мы были молодые. У нас были силы. А сейчас...

- А сейчас у нас есть опыт и правда на нашей стороне.

- Правда? - Анна горько усмехнулась. - У каждого своя правда, Андрей. У Кати - одна, у Алёши - другая, у нас - третья и все считают, что их правда - единственная., как выбрать?

- Никак. Правду не выбирают. Правда это то, что ты чувствуешь вот здесь, он приложил руку к груди. - Здесь, в сердце. Если сердце говорит: «Ты дома» - значит, ты дома. А мы дома. Севастополь Наш дом. Крым Наш дом и мы его не отдадим. Никому.

Они замолчали. Тишина была такой глубокой, что слышно было, как тикают старые часы в коридоре - те самые, ещё отцовские, с кукушкой, которая давно не куковала, но ходики ещё работали.

Потом Анна сказала:

- Знаешь, что мне сегодня сказала одна студентка? После лекции. Подошла и спросила: «Анна Игоревна, а вы на чьей

стороне?» Я говорю: «На стороне литературы». А она: «Литература это тоже политика» и ушла.

- Глупая девчонка.

- Нет, Андрей. Она не глупая. Она просто молодая и она уже выбрала., как Катя., как Алёша. Они все выбрали и их выбор - воевать. Кто за Россию, кто за Украину. А мой выбор какой? Сидеть и ждать?

- Твой выбор - учить, Андрей повернулся к ней. - Ты же преподаватель. Учи их думать. Учи их видеть сложность. Не чёрное и белое, а оттенки.

- Они не хотят оттенков. Им нужна определённость. «Ты за наших или за ваших?» Третьего не дано.

Андрей вздохнул. Он понимал, что она права. Он сам это видел - в мастерской, на улице, в очередях. Люди делились на «наших» и «ваших» быстрее, чем таял февральский снег.

- Я тебе вот что скажу, он взял её за руку, заглянул в глаза. - Помнишь, мы с тобой в девяносто первом голосовали за независимость Украины?

- Помню, тихо ответила Анна.

- Мы тогда верили, что Украина будет нормальной страной. Что она будет уважать и русских, и украинцев, и всех остальных. Что она будет другом России. Мы двадцать лет в это верили. А потом случился Майдан - первый, оранжевый. Потом второй этот и с каждым годом становилось всё хуже. Русский язык вытесняли, наших героев называли оккупантами, нашу историю переписывали и мы терпели. До

какого-то момента. А теперь момент настал. Хватит терпеть. Мы возвращаемся домой.

- Домой, повторила Анна. - А Катя считает, что мы уходим из дома.

- Катя вернётся. Рано или поздно. Она наша дочь. Кровь - не вода.

- Кровь - не вода, эхом отозвалась Анна.

Они легли. Андрей скоро задышал ровнее - усталость взяла своё. А Анна ещё долго лежала без сна, глядя в потолок.

Она думала о том, что завтра снова на лекцию. Снова смотреть в глаза студентам, которые уже выбрали сторону. Снова отвечать на вопросы, на которые нет однозначного ответа. Снова делать вид, что всё нормально, что литература это просто литература, а не поле боя.

Но она знала: литература это поле боя. Всегда была. Шевченко воевал словом, Франко воевал, словом, Леся Украинка воевала словом и она, Анна Бондаренко, тоже теперь в этой войне. Хочет она того или нет.

Только у неё оружие - не стихи, а знания и она будет сражаться. Не за Россию, не за Украину. За правду. За то, чтобы её студенты научились думать, а не повторять лозунги. За то, чтобы её дочь когда-нибудь поняла: мать - не предатель. Мать - просто человек, который хочет мира.

За окном забрезжил рассвет. Серый, пасмурный, февральский, но всё-таки - рассвет.

Анна закрыла глаза и наконец уснула.

Ей приснился Харьков. Детство. Отец читает Шевченко, мама печёт пирожки и они с Оксаной, маленькие, сидят на ковре и слушают и всё хорошо и нет никакой войны.

Но война уже стояла на пороге.

Часть 8. Историческая справка

(Из лекции профессора кафедры истории Таврического национального университета, март 2014 года. Восстановлено по аудиозаписи.)

...Итак, коллеги, студенты. Прежде чем мы перейдём к основной теме сегодняшней лекции - а тема эта, как вы понимаете, более чем актуальна - позвольте мне сделать небольшое историческое отступление. Без него мы не поймём ни сути происходящего, ни глубины вопроса.

Крым. Таврида. Таврика. Полуостров, который античные греки называли «землёй тавров» - по имени воинственного племени, населявшего здешние горы. Здесь, по преданию, жрица Ифигения приносила в жертву чужеземцев, пока её не спас Орест. Здесь, в Херсонесе, принял крещение князь Владимир - тот самый, который потом крестил Русь. Здесь, на берегах Чёрного моря, скрестились судьбы десятков народов: скифов и сарматов, греков и римлян, готов и гуннов, хазар и печенегов, генуэзцев и венецианцев...

Но нас с вами интересует другое. Нас интересует, почему Крым стал русским и почему он остаётся русским - несмотря ни на что.

Давайте пройдём по основным вехам. Быстро, пунктиром.

1783 год. Императрица Екатерина Вторая подписывает манифест о присоединении Крыма, Тамани и Кубани к Российской империи. Это не завоевание в привычном смысле это добровольное вхождение под защиту русского оружия после отречения последнего крымского хана Шагин-Гирея. Крым становится частью России и остаётся ею двести лет.

1783–1917. Крым - жемчужина Российской империи. Здесь строятся города - Севастополь, Симферополь, Ялта. Здесь базируется Черноморский флот - гордость и сила России. Здесь происходит Крымская война 1853–1856 годов - одна из самых трагических и героических страниц русской истории. Адмирал Нахимов, адмирал Корнилов, матрос Кошка, Даша Севастопольская - эти имена знает каждый. Оборона Севастополя длилась 349 дней. Город был разрушен до основания, но не сдался.

1921 год. Большевики создают Крымскую Автономную Советскую Социалистическую Республику в составе РСФСР. Запомните это: в составе РСФСР. Крым - российская земля.

1941–1944. Вторая героическая оборона Севастополя - 250 дней. Город снова разрушен, снова не сдаётся духом. После освобождения Крыма от фашистов - трагическая страница: депортация крымских татар, армян, болгар, греков. Страшная несправедливость, о которой мы обязаны помнить и которую обязаны признавать.

1945 год. Крымская АССР преобразована в Крымскую область в составе РСФСР. Всё по-прежнему. Крым - Россия.

1954 год. Февраль. Никита Хрущёв, Первый секретарь ЦК КПСС, принимает решение о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР. Решение принято в честь 300-летия Переяславской Рады - того самого события, которое воссоединило Украину с Россией. Ирония судьбы, не правда ли? В честь воссоединения - разделили.

Решение это было принято с многочисленными нарушениями. Референдум не проводился. Мнение населения не учитывалось. Это было волюнтаристское решение одного человека - Хрущёва. Юридически оно было оформлено, как «подарок», но можно ли дарить то, что тебе не принадлежит? Можно ли распоряжаться судьбами миллионов людей, как фигурами на шахматной доске?

1991 год. Развал СССР. Крым остаётся в составе Украины, но уже через год, в 1992-м, Крым принимает собственную конституцию, в которой провозглашается суверенной республикой в составе Украины. Вводится должность президента Крыма. Идёт борьба за полномочия, за язык, за флот. Киев последовательно урезает права автономии, отменяет конституцию, упраздняет президентство.

1997 год. Подписан «Большой договор» между Россией и Украиной. Россия признаёт Крым частью Украины. Черноморский флот разделён, Россия арендует базу в Севастополе. Казалось бы - точка поставлена.

Но точка не поставлена. Потому что нельзя поставить точку в вопросе, который касается сердца.

Крым всегда был русским не только по административной принадлежности. Он был русским по духу, по крови, по культуре. Здесь жили и живут русские люди - миллионы русских людей. Здесь говорят по-русски. Здесь чтят русских героев. Здесь помнят русскую историю.

И когда в Киеве случился государственный переворот - а то, что произошло в феврале 2014 года, иначе, как переворотом назвать нельзя, крымчане поняли: пришло время выбирать. Либо мы остаёмся с теми, кто кричит «москалей на ножи», кто отменяет закон о языках, кто марширует с портретами Бандеры, либо мы возвращаемся домой.

Выбор был очевиден.

Я понимаю, что среди вас есть те, кто не согласен. Есть те, кто считает иначе. Я уважаю ваше мнение, хотя и не разделяю его. История это не набор догм. Это повод для размышления. Думайте. Спорьте. Анализируйте.

Но помните: Крым стал российским не в 2014 году. Он был российским всегда. Просто на какое-то время он оказался оторван от России - в силу политических обстоятельств, в силу чьих-то ошибок и чьих-то амбиций.

А теперь он возвращается.

И это не аннексия, как говорят некоторые. Это - восстановление исторической справедливости.

Лекция окончена. Вопросы?

Примечание автора. Эта лекция читалась в Таврическом национальном университете 11 марта 2014 года. Профессор, читавший её, Виктор Степанович Горовой, доктор исторических наук, специалист по истории Крыма и русско-турецких войн. После марта 2014 года он продолжил преподавать в том же университете, но уже в российском Крыму. Студенты, задававшие ему вопросы после лекции, разделились примерно поровну: одни аплодировали, другие выходили молча. Третьих не было.

Это было время, когда трещина прошла не только по карте, но и по каждой аудитории, по каждой семье, по каждому сердцу и эта трещина ещё долго будет заживать.

Часть 9. Симферопольский дневник

Анна вернулась из университета поздно - задержалась на кафедре, разбирала бумаги, пила чай с Ларисой Петровной и старалась не думать о завтрашнем дне. Завтра должно было состояться экстренное заседание учёного совета, и обе женщины знали, о чём там пойдёт речь. О референдуме. О позиции университета. О том, кто с кем и кто против кого.

Лариса Петровна, заведующая кафедрой, держалась спокойно, но Анна видела: у неё дрожали руки, когда она наливала чай. Старая преподавательница, всю жизнь проработавшая в украинской системе образования, теперь должна была выбирать - оставаться в Крыму и принимать новые правила или уезжать на Украину и начинать всё заново.

- Я никуда не поеду, сказала она, не дожидаясь вопроса. -

Мне шестьдесят семь. Здесь мои внуки. Здесь могила мужа. Здесь моя библиотека. Куда я поеду?

- Вас могут уволить, осторожно заметила Анна.

- Пусть. Я уже на пенсии. А вы, Анна Игоревна, думайте о себе. Вы ещё молодая. У вас сын в Донецке, дочь в Киеве. Вы можете выбирать.

- Я уже выбрала, ответила Анна. - Мой дом здесь.

Лариса Петровна долго смотрела на неё поверх очков, потом кивнула.

Дома Анна достала старую тетрадь в кожаном переплёте - подарок Андрея на какую-то давнюю годовщину. Она давно не вела дневник, но сегодня почувствовала: надо. События накапливались с такой скоростью, что память не справлялась. Нужно было зафиксировать, оставить свидетельство. Для себя. Для детей. Для истории.

Она села за кухонный стол, зажгла настольную лампу и открыла первую страницу.

«20 февраля 2014 года. Симферополь.

Сегодня был трудный день. Лекция о Шевченко превратилась в политический спор. Студенты разделились: одни кричат о единстве Украины, другие - о защите русского языка. Я пыталась говорить о литературе, но литература теперь - не предмет, а оружие. Шевченко цитируют все: и те, кто хочет в Европу, и те, кто хочет в Россию. Бедный Тарас Григорьевич. Он мечтал о свободе, а стал разменной монетой.

Вечером позвонила Катя. Наш разговор был ужасным.

Она назвала меня предательницей. Моя дочь. Моя Катюша. Я не могу описать, что я почувствовала. Это, как если бы сердце остановилось на секунду, а потом забилось снова, но уже по-другому - тяжелее, больнее.

Андрей говорит: «Пройдёт». Я хочу ему верить, но я вижу, что происходит в Киеве, вижу, как работает пропаганда. Им вбивают в голову ненависть - методично, профессионально, каждый день. Катя ещё ребёнок, она не может этому сопротивляться. Она верит. А вера это самое сильное и самое страшное.

Алёша звонил. Говорит, в Донецке неспокойно. Сказал, что пойдёт в ополчение, если начнётся. Андрей его поддержал. Я не знаю, как к этому относиться. Мой сын - взрослый мужчина. Мой муж - офицер. Для них защита своего дома это естественно, но я мать и я не хочу, чтобы мой сын воевал. Не хочу.»

Она отложила ручку, перечитала написанное. Почерк был неровный, буквы скакали. Она вздохнула и продолжила.

«Оксана не звонит. Я сама не решаюсь. Мы с сестрой, как будто по разные стороны стекла: видим друг друга, но не слышим. Она в Киеве, на Майдане, она верит в Украину. Я здесь, в Крыму, и я хочу в Россию. Когда мы стали чужими? Наверное, не в один день. Это накапливалось годами. Просто сейчас трещина стала видимой.

Андрей работает над бочкой. Говорит, ещё пара дней, и она будет, как новая. Он всегда так: в минуты тревоги бе-

рётся за работу. Руки заняты - голова свободна. Я не умею так. Я всё пропускаю через сердце, и сердце не справляется.

Завтра учёный совет. Будут решать, что делать университету. Наш декан, Олег Степанович, уже ходит с жёлто-голубой ленточкой. Он, наверное, уедет. Многие уедут. А мы останемся. Здесь наш дом. Здесь могилы родителей Андрея. Здесь море, которое мы любим. Здесь всё наше.

Господи, сделай так, чтобы всё это кончилось миром. Чтобы не было крови. Чтобы мои дети не стали врагами. Чтобы семья выстояла.

Я не очень верю в Бога, но сейчас - молюсь. Больше некому.»

Анна закрыла дневник, завязала тесёмки. За окном было темно и тихо. Только ветер гудел в проводах, да где-то далеко лаяла собака.

Она подумала о том, что этот дневник когда-нибудь прочитают её внуки. Или правнуки. Что они подумают о ней? Поймут ли? Осудят ли?

Она не знала, но она знала другое: нужно писать. Нужно свидетельствовать. Потому что история это не только даты и документы. Это ещё и чувства. Страхи. Надежды. То, что никогда не попадает в учебники.

Андрей зашёл на кухню, увидел её за тетрадью, хмыкнул.

- Пишешь?

- Пишу.

это хорошо. Пусть останется.

Он налил себе чаю, сел напротив. Они пили чай молча, каждый думал о своём и в этом молчании было больше любви, чем в любых словах.

Часть 10. Экран

Телевизор в квартире на Оболони работал почти круглосуточно. Оксана включала его утром, собираясь на работу, и выключала поздно ночью, когда уже не было сил смотреть. Катя привыкла к этому фону - дикторские голоса, крики с Майдана, звуки гимна, выступления политиков. Всё это сливалось в один непрерывный шум, который стал привычным, как дыхание.

Но сегодня вечером она сидела перед экраном одна и смотрела внимательно. Очень внимательно. Потому что показывали Крым.

На экране - площадь Нахимова в Севастополе. Тысячи людей. Российские флаги, георгиевские ленты, плакаты: «Мы - Россия», «Севастополь - русский город», «Референдум - наша воля». Люди пели, обнимались, плакали. Корреспондент украинского канала комментировал происходящее сдавленным голосом:

«...Ситуация в Крыму остаётся напряжённой. Пророссийские активисты продолжают блокировать административные здания. На улицах Симферополя и Севастополя - многотысячные митинги. Люди требуют проведения референдума о присоединении к Российской Федерации...»

Катя смотрела на экран и пыталась найти в толпе знако-

мые лица. Она знала эту площадь. Она гуляла здесь с отцом, когда приезжала на каникулы. Вот памятник Нахимову, вот Графская пристань, вот спуск к морю. Всё знакомое, родное и всё - чужое теперь. Потому что эти люди с российскими флагами - они кто? Её земляки? Её соотечественники? Или враги?

Диктор продолжал:

«...Российские военные без опознавательных знаков контролируют ключевые объекты полуострова. Украинские части заблокированы. Киевские власти называют происходящее актом агрессии...»

Катя вспомнила отца. Он тоже носил форму. Он тоже стоял на этой площади. Может быть, он там и сейчас - среди этих людей? Может быть, он тоже кричит «Россия» и держит флаг?

От этой мысли ей стало дурно. Она представила отца - его лицо, его руки, его голос и не могла совместить этот образ с образом врага, но телевизор говорил: враг. Газеты писали: оккупант. Одноклассники говорили: предатель.

- Катя, ты чего? - Олеся, зашедшая в гости, села рядом. - О, Крым показывают. Слушай, ну это же ужас, да? Открытая аннексия.

- Да, машинально ответила Катя.

- Твои же там, в Севастополе? - Олеся говорила без задней мысли, просто уточняла. - Они как? Не хотят уезжать?

- Не хотят, Катя сглотнула ком в горле. - Они за Россию.

Олеся замолчала. Потом осторожно спросила:

и ты с ними теперь... как?

- Не знаю, честно ответила Катя. - Я не знаю, Олеся. Я люблю их. Это мои родители, но я не могу их понять., как они могут поддерживать это? Как они могут быть против Украины?

- Может, им просто страшно? - предположила Олеся. - Ну, перемены, нестабильность. Может, они думают, что с Россией будет спокойнее.

- А ты, как думаешь? Будет спокойнее?

- Нет, Олеся покачала головой. - Не будет. Россия никогда не остановится. Сегодня Крым, завтра Донбасс, послезавтра Киев.

- Откуда ты знаешь?

- Все так говорят. По телевизору, в газетах. Да ты сама слышала.

Катя слышала. Она слышала это каждый день. Россия - агрессор, Россия - враг, Россия не остановится, но что-то внутри неё сопротивлялось этой простой схеме. Что-то внутри помнило: папа - не агрессор. Папа читал ей сказки на ночь. Папа учил её плавать. Папа носил её на плечах, когда она уставала ходить., как этот человек мог стать врагом?

- Я не знаю, повторила она. - Я правда не знаю.

По телевизору начался другой сюжет - про мобилизацию, про подготовку украинской армии. Катя выключила звук. Они с Олесей сидели в тишине, глядя на мелькающие кар-

тинки.

- Знаешь, что мне тётя Оксана сказала? - Катя заговорила тихо, она сказала: «Ты имеешь право любить своих родителей, даже если они выбрали другую сторону».

это правильно, кивнула Олеся.

Но как? Как можно любить врага?

- А они тебе враги? Сама-то, как думаешь? Не то, что по телевизору говорят, а ты сама?

Катя долго молчала. Потом сказала:

- Они мне не враги. Они - моя семья, но это не значит, что я с ними согласна. Понимаешь? Я не согласна. Я считаю, что они ошибаются, но я не хочу их ненавидеть.

- Тогда не ненавидь, просто сказала Олеся. - Кто тебя заставляет?

- Все, Катя обвела рукой комнату. - Телевизор, школа, Майдан. Все говорят: кто не с нами - тот против нас. А я не могу «против». Понимаешь? Не могу.

Олеся ничего не ответила. Она просто обняла подругу, и они сидели так, две шестнадцатилетние девочки, в самом центре исторического урагана, который разрывал на части их страну, их семьи, их души.

За окном по-прежнему шумел Киев. Где-то далеко гремели лозунги, били барабаны, пели гимн. А здесь, в маленькой комнате на Оболони, было тихо. Две девочки обнимались и молчали. Потому что слов больше не было.

Часть 11. Площадь Нахимова

Андрей Петрович Бондаренко стоял на площади Нахимова и смотрел, как над старым Севастополем поднимается зимнее солнце - бледное, неяркое, но всё-таки солнце. Февраль в Крыму - месяц коварный: то ветер с дождём, то мороз, то вдруг оттепель и запах весны. Сегодня пахло весной и ещё - тревогой.

Площадь гудела. Люди собирались с раннего утра - приходили семьями, с детьми, с флагами. Российские триколоры, андреевские стяги, красные знамёна Победы. Кто-то принёс плакат, наспех нарисованный на куске обоев: «Севастополь - Россия!». Кто-то надел георгиевскую ленту на грудь. Старухи в платках, молодые парни в камуфляже, моряки в бушлатах, казаки в папахах, интеллигенция в очках, рабочие в спецовках. Весь город вышел.

Андрей стоял чуть поодаль, у памятника адмиралу Нахимову, и молча смотрел. Он не любил митинги. За тридцать лет службы он привык к порядку, к дисциплине, к тому, что слова должны быть подкреплены делом. А здесь было море слов - горячих, страстных, порой бестолковых, но сегодня даже он чувствовал: эти слова нужны. Они, как пар, который выходит из котла. Если не выпустить - разорвёт.

- Петрович, здорово! - к нему протиснулся сосед, отставной мичман Гаврилов, тот самый, что круглый год держал на балконе андреевский флаг. - Ну что, дождались?

- Дождались, кивнул Андрей.

- Я уж думал, не доживу, Гаврилов вытер слезящиеся от

ветра глаза. - В девяносто первом, когда Союз развалили, я неделю пил. Думал - всё, конец. Флот режут, страну продают. А теперь... теперь душа поёт.

- Рано петь, охладил его Андрей. - Ещё ничего не решено.

-, как не решено? Референдум через месяц! Воссоединение!

- А ты думаешь, Украина нас так просто отпустит? Ты новости смотрел? В Киеве нас уже оккупантами назвали.

- А пусть называют! - Гаврилов махнул рукой. - Нам главное - своё слово сказать. А там будь что будет.

Толпа загудела громче - на трибуну поднялся кто-то из городских лидеров. Андрей не расслышал фамилии, но слова долетали отчётливо, усиленные динамиками:

«...Севастопольцы! Мы с вами стоим на пороге исторического выбора! Двадцать три года мы ждали этого дня! Двадцать три года мы верили, надеялись, боролись! И вот час настал! Мы возвращаемся домой! В Россию!»

Толпа взревела. Тысячи голосов слились в один: «Россия! Россия! Россия!». Андрей тоже кричал, хотя сам от себя не ожидал. Что-то внутри лопнуло, какая-то пружина, сжатая за долгие годы унижений, безденежья, неопределённости. Он кричал и чувствовал, как по щекам текут слёзы. Хорошо, что ветер - можно списать на ветер.

Рядом плакал Гаврилов, уже не скрываясь. Плакали старухи. Плакали молодые парни. Плакали все.

А потом грянул гимн. Не украинский - российский. Ста-

рый, советский, а теперь снова российский гимн на музыку Александрова и площадь замерла. Люди стояли навытяжку, многие приложили руку к сердцу. Андрей стоял по стойке «смирно», как учили тридцать лет назад в училище и пел. Знал каждое слово - он их никогда не забывал.

«Россия - священная наша держава,

Россия - любимая наша страна...»

Когда гимн закончился, на площадь опустилась тишина. Такая глубокая, что слышно было, как ветер шелестит флагами и в этой тишине кто-то крикнул:

- Мы вернулись!

И площадь снова взорвалась.

Андрей стоял и думал о том, что этот день войдёт в историю. О нём будут писать в учебниках, его будут показывать по телевизору. А он, капитан второго ранга в отставке, бондарь и просто севастополец, он здесь. Он часть этого. Он дожил.

Потом он вспомнил о Кате. О дочери, которая сейчас в Киеве. Которая смотрит на всё это по телевизору, но с другой стороны. Которая, наверное, сейчас плачет от злости и обиды и радость тут же смешалась с горечью.

Что ж, сказал он себе. Не всё сразу. Сначала - Крым. Потом - семья. Бочка собирается клёпка за клёпкой.

- Петрович, ты чего скис? - Гаврилов хлопнул его по плечу. - Праздник же!

- Праздник, согласился Андрей. - Только у меня дочь в

Киеве. Она всего этого не понимает.

- Поймёт, уверенно сказал Гаврилов. - Куда денется. Кровь - не вода. Она же твоя дочь. Бондаренко. А Бондаренко всегда возвращаются.

Андрей кивнул. Ему хотелось в это верить.

Митинг закончился ближе к полудню. Люди расходились, возбуждённые, счастливые, с флагами наперевес. Кто-то затянул песню - «Севастопольский вальс». Подхватили и вот уже вся улица пела, и песня летела над бухтой, над кораблями, над старыми бастионами.

Андрей шёл домой и думал: «Господи, неужели правда? Неужели мы возвращаемся?». Он смотрел на старые улочки Корабельной стороны, на облупленные фасады, на выцветшие вывески и вдруг увидел всё это другими глазами. Это был уже не украинский город. Это был российский город. Русский. Его.

Дома его ждала Анна.

- Ну что? - спросила она с порога.

- Всё, сказал он, снимая бушлат. - Возвращаемся.

Она обняла его, прижалась к груди. Он почувствовал, что она плачет.

- Ты чего?

- Не знаю, прошептала Анна. - Радуюсь и боюсь. Всё вместе.

- Я тоже, признался Андрей, но это хороший день. Запомни его.

- Запомню, пообещала она. - Уже записала в дневник.

Они стояли в прихожей, обнявшись, и молчали. А за окном шумел Севастополь - древний русский город, который наконец-то возвращался домой.

Часть 12. Донецк. Первый рубеж

Алексей вышел из проходной шахты в шестом часу вечера. Зимнее солнце уже садилось за многоэтажки Калининского района, окрашивая небо в грязно-розовый цвет. Пахло углём, гарью и тревогой.

На площади перед Домом культуры собирались люди. Сначала Алексей не придал этому значения - мало ли митингов в Донецке за последние дни, но что-то в этой толпе было иначе. Люди стояли плотнее, говорили тише, и лица у всех были серьёзные, почти торжественные. Над головами - российские флаги, флаги ДНР, ещё какие-то - красно-сине-чёрные. Алексей таких раньше не видел.

- Что там? - спросил он у знакомого проходчика, дяди Коли.

- Областную администрацию захватили, ответил тот негромко. - Народ власть берёт. Говорят, референдум будет, как в Крыму.

- Какой референдум?

- О независимости. Или о присоединении к России. Пока неясно, но дело пошло, Лёха. Кажется, началось.

Алексей стоял на краю площади и смотрел, как над старым советским зданием областной администрации медленно

поднимается российский триколор. Небольшой, явно принесённый кем-то из дома, он трепетал на ветру, и толпа взревела.

В этот момент у Алексея внутри что-то перевернулось. Он вдруг ясно, до дрожи, понял: всё. Обратного пути нет. Он больше не просто шахтёр Алексей Бондаренко. Он - часть чего-то огромного и страшного и ему придётся выбирать.

Он и выбрал. Ещё тогда, в разговоре с отцом. «Если начнётся - ты знаешь, на чьей стороне правда».

Он протиснулся сквозь толпу к группе мужчин в камуфляже - явно бывших военных. Один из них, высокий, седой, с лицом, изрезанным морщинами, командовал.

- Мужики, кто с оружием обращаться умеет - подходи. Формируем отряды самообороны. Защищать город надо. Киев своих националистов скоро пришлёт. Встречать будем.

Алексей подошёл.

- Я с армии не служил, но стрелять умею. В шахте всякое бывало. Возьмёте?

Седой оглядел его с ног до головы, усмехнулся.

- Шахтёр?

- Шахтёр.

- Берём. Фамилия?

- Бондаренко.

- Позывной придумай и подходи вон к тому автобусу. Будем распределять.

Алексей отошёл, достал телефон, написал отцу короткое

сообщение: «Батя, я в ополчении. Не волнуйтесь. Так надо».

Через минуту пришёл ответ: «Я знал. Держись, сынок. Мы с тобой».

Часть 13. Четыре окна

Четыре окна горели в четырёх разных городах, и в каждом окне стоял человек, который думал об одном и том же. О семье. О доме. О том, что будет завтра и о том, что прошлое уже не вернуть, а будущее ещё не наступило. Есть только эта ночь - тревожная, бессонная, полная теней и предчувствий.

Севастополь. Корабельная сторона.

Андрей Петрович Бондаренко курил на балконе, глядя в темноту бухты. Внизу, у причалов, спали корабли - чёрные громады с редкими сигнальными огнями. Он знал здесь каждое судно: вот «Москва», флагман, вот сторожевики, вот десантные катера. Когда-то он сам стоял на мостике подводной лодки и смотрел на эти же огни. Тридцать лет службы, тридцать лет жизни под водой и над водой и всё ради чего? Ради того, чтобы в конце концов увидеть, как над Графской пристанью снова поднимается российский флаг?

Он затянулся, выпустил дым. Дым растворился в тумане, наползающем с моря.

Мысли возвращались к детям. Алёша в Донецке. Катя в Киеве. Двое детей и оба теперь на разных берегах. Не просто географически идеологически. Один - с оружием в руках. Другая - с верой в чужую правду., как так вышло? Разве он плохо их воспитал? Разве они с Анной что-то упустили?

Нет, сказал он себе. Не в воспитании дело. Дело во времени. В эпохе, которая ломает даже самые крепкие семьи. В тектоническом сдвиге, который разрывает материки и сердца.

Он вспомнил деда Захара, бондаря. Тот говорил: «Держава, как бочка. Клёпки должны быть плотно пригнаны. Если одна выпадет - вся бочка рассохнется». Дед знал толк в ремёслах и в жизни, но даже он не мог предвидеть, что держава рассыплется так стремительно и так кроваво.

Андрей докурил, бросил окурок в жестяную банку. Посмотрел на часы - начало первого. Завтра нужно быть в мастерской, доделывать заказ. Жизнь продолжается, несмотря ни на что. Бочка не соберёт себя сама.

Он вернулся в спальню. Анна спала или делала вид, что спит. Он лёг рядом, закрыл глаза и перед тем, как провалиться в сон, произнёс про себя, как молитву: «Ничего. Выстоим. Бондаренко всегда выстаивали».

Симферополь. Спальный район.

Анна не спала. Она сидела на кухне в старом халате, при свете настольной лампы, и держала на коленях дневник. Тот самый, в кожаном переплёте, подаренный Андреем на пятнадцатую годовщину свадьбы.

Она перечитала последнюю запись - ту, что сделала вчера. «Господи, сделай так, чтобы всё это кончилось миром...», прошло чуть больше суток, а мир стал ещё более хрупким. Катя не звонила. Алёша ушёл в ополчение. Муж весь день

провёл на митинге, а вечером молчал, глядя в одну точку.

Анна открыла чистую страницу и начала писать.

«23 февраля 2014 года. Ночь.

Сегодня был митинг. Андрей пришёл счастливый и опустошённый одновременно. Он сказал: «Возвращаемся». Я обняла его и заплакала. Сама не знаю почему. Наверное, от облегчения. Наверное, от страха. Мы так долго этого ждали, что теперь, когда это случилось, страшно поверить до конца.

Я думаю о Кате. Моя девочка в Киеве, среди чужих людей, среди чужих идей. Я пыталась до неё достучаться - не получилось. Может быть, я не те слова говорила? Может быть, надо было не спорить, а просто слушать?

Я филолог. Я знаю, как работают слова, но когда дело касается собственной дочери - все мои знания бессильны. Любовь сильнее филологии и страх сильнее любви.

Алёша в Донецке. Позвонил, сказал: «Я в ополчении, так надо». У меня сердце оборвалось, но я ничего не сказала. Что я могу сказать? Он взрослый мужчина. Его выбор. Его война.

Господи, какое страшное слово - «война». Я не хотела, чтобы оно вошло в мою жизнь, но оно уже здесь. Оно стоит на пороге, как незваный гость, которого не выгонишь.

Я буду молиться. Хотя не очень умею и буду учить. Завтра снова на лекцию. Завтра снова смотреть в глаза студентам и говорить о литературе. Хотя всё, о чём я могу

думать, это мои дети. Мои бедные, запутавшиеся, разбросанные по разным городам дети.

Пусть с ними всё будет хорошо. Пожалуйста. Больше мне ничего не надо».

Она закрыла дневник. Выключила лампу. Прошла в спальню, легла рядом с Андреем. Он дышал ровно, спокойно. Она позавидовала этому спокойствию и удивилась ему., как он может спать, когда мир рушится? А потом поняла: он не спит. Он просто лежит с закрытыми глазами, как она и думает о том же.

Она взяла его за руку. Он сжал её пальцы в ответ. Ни слова не было сказано, но всё было понятно.

Донецк. Больница имени Калинина.

Алексей сидел на подоконнике в больничном коридоре и смотрел, как за окном падает снег. Мокрый, февральский, он таял, едва коснувшись асфальта. Город спал, но сон этот был тревожным - то и дело где-то далеко гремело, не то гром, не то выстрелы. Война ещё не началась по-настоящему, но её дыхание уже чувствовалось.

Рядом, на больничной койке, спала Лена. Девушка с позывным «Ласточка». Он познакомился с ней сегодня утром, она пришла в ополчение в числе первых. Медик. Тоненькая, светловолосая, с упрямым подбородком и спокойными серыми глазами. Когда началась стрельба у здания СБУ, она не спряталась, а пошла перевязывать раненого. Алексей тогда подумал: «Смелая». А потом: «Красивая» и тут же одёрнул

себя: не время. Война на пороге, а он о девушках думает.

Но сейчас, глядя на неё спящую, он думал именно о ней. О том, что у неё тоже есть родители, которые, наверное, сходят с ума от беспокойства. О том, что она тоже чья-то дочь, чья-то сестра. О том, что на этой войне нет чужих людей. Все свои. Все - одна большая, разорванная на части семья.

Его телефон завибрировал. Сообщение от отца: «Я знал. Держись, сынок. Мы с тобой».

Алексей перечитал эти слова трижды. Потом набрал ответ: «Спасибо, батя. Береги маму».

И отключил телефон. Завтра будет новый день. Завтра - формирование отрядов, распределение оружия, инструктаж. Завтра начнётся настоящая война. А пока - тишина. Пока - снег за окном. Пока - девушка, которая спит, доверчиво подложив ладонь под щёку.

«Надо жить», сказал себе Алексей и повторил, как заклинание: «Надо жить. Надо выстоять. Надо вернуться».

Киев. Оболонь.

Катя лежала в постели без сна. За окном шумел ночной Киев - где-то далеко ещё слышны были отголоски митингов, песни, крики. Майдан не спал. Майдан жил своей отдельной, лихорадочной жизнью.

Она смотрела в потолок и думала. Думала о том, что сегодня видела по телевизору. Площадь Нахимова, толпы людей, российские флаги и среди них - может быть, её отец. Может быть, он стоял там и кричал «Россия!» вместе со всеми. Мо-

жет быть, плакал от счастья.

Она пыталась представить его лицо в этот момент и не могла. Перед глазами вставал другой отец - тот, что качал её на качелях в севастопольском парке. Тот, что учил её плавать, придерживая под живот. Тот, что читал ей на ночь «Остров сокровищ», меняя голоса., как этот человек мог стать врагом?

И мама. Мама, которая всю жизнь преподавала украинскую литературу. Которая читала ей перед сном Шевченко и Лесю Украинку. Которая говорила: «Язык это душа народа, Катюша. Береги его»., как она могла стать предательницей?

Что-то не сходилось. Что-то в этой картине мира, которую рисовали телевизор и школа, было неправильно, но Катя не могла понять, что именно. Не хватало опыта, знаний, мудрости. Была только интуиция - смутное, неоформленное чувство, что правда сложнее, чем лозунги.

Она взяла телефон, открыла фотографию. Семейное фото: Севастополь, набережная, лето 2013 года. Папа в белой рубашке, мама в летнем платье, Алёша - весёлый, в шахтёрской каске (дурачился), и она сама - с мороженым в руке, смеётся. Все счастливы. Все вместе.

Она помнила этот день. Они гуляли, ели чебуреки, катались на катере. Папа рассказывал про подвиг брига «Меркурий». Мама читала стихи. Алёша дурачился. Всё было просто и правильно.

Куда всё это ушло? В какую трещину провалилось?

Катя прижала телефон к груди и закрыла глаза. Она не знала, что будет завтра. Она не знала, сможет ли когда-нибудь снова обнять родителей. Она не знала, придётся ли ей выбирать между семьёй и страной.

Но она знала одно: она их любит. Несмотря ни на что. Несмотря на Крым, на референдум, на флаги и лозунги. Они - её семья. А семья это навсегда.

«Надо помнить, прошептала она в темноту. - Помнить, кто мы есть. Даже если мы больше не вместе».

И с этой мыслью она уснула.

Четыре окна.

Четыре окна погасли почти одновременно. Над Севастополем, над Симферополем, над Донецком, над Киевом - над всей этой расколотой, израненной, но всё ещё живой землёй - стояла ночь.

Где-то в порту перекликались вахтенные. Где-то в степи выл ветер. Где-то на Майдане били барабаны. Где-то в больничной палате тихо дышала спящая девушка.

И четыре человека, сами того не зная, думали об одном и том же. О доме. О любви. О том, что завтра будет новый день, и в нём нужно будет жить. Дышать. Бороться. Надеяться.

Потому что любовь не делится на «наших» и «ваших». Она либо есть, либо её нет. У Бондаренко она была.

Завтра наступит новый день и новая глава. А пока - спи, семья Бондаренко. Спи, Севастополь. Спи, Донбасс. Спи, Киев.

Вам понадобятся силы.

Потому что весна 2014 года только начинается.

И она будет долгой. Очень долгой.

Глава 2. Камни Майдана

Часть 1. Киев. Институтская

Улица Институтская утром 20 февраля 2014 года не была похожа на улицу. Она была похожа на рану - дымящуюся, кровоточащую, незаживающую. Брусчатка разворочена, деревья обломаны, остовы сгоревших автобусов чернели на фоне серого неба. Пахло гарью, сыростью и чем-то сладковато-тошнотворным - запахом, который Катя никогда раньше не чувствовала и который, как она позже узнает, называется запахом смерти.

Она стояла на углу Крещатика и Институтской, прижимая к груди блокнот, и не могла сделать ни шагу. Вокруг неё двигались люди: бежали, падали, кричали, стреляли. Над головой с визгом пролетали пули. Где-то впереди, за баррикадами из мешков с песком и автомобильных покрышек, гремели взрывы. Небо было чёрным от дыма горящих шин.

- Катя! Катя, сюда! - кто-то дёрнул её за рукав.

Она обернулась. Олеся. Лицо белое, как мел, глаза расширены от ужаса.

- Ты зачем сюда пришла?! - кричала Олеся, перекрикивая грохот. - Там же стреляют! Там людей убивают!

- Я... я не знаю... - Катя сама не понимала, как здесь ока-

залась.

Утром она собиралась в гимназию. Потом позвонила Оксана и сказала: «Сиди дома, на Майдане бойня». А потом по телевизору показали первые кадры и Катя, сама не своя, накинула куртку и побежала в центр. Не из героизма. Не из любопытства. Из какого-то странного, необъяснимого чувства, что она должна это видеть. Своими глазами. Чтобы потом, когда всё кончится, знать правду.

Но правда оказалась страшнее любых телерепортажей.

- Ложись! - крикнул кто-то, и толпа рухнула на асфальт. Катя упала вместе со всеми, больно ударившись коленом о брусчатку. Над головой просвистели пули - одна, вторая, третья. Кто-то рядом застонал. Катя повернула голову и увидела мужчину, который лежал в двух метрах от неё. Из-под него растекалась тёмная лужа. Он хрипел, пытался вдохнуть и не мог.

- Помогите... - прошептал он. - Помо...

И замолчал.

Катя смотрела на него и не могла отвести взгляд. Она впервые в жизни видела, как умирает человек. Не в кино, не в новостях - вот так, на расстоянии вытянутой руки. Ещё минуту назад он бежал, дышал, кричал. А теперь - пустота. Тело, из которого ушла жизнь.

Её начало трясти. Мелкой, противной дрожью. Зубы застучали. Она обхватила себя руками, пытаясь унять тряску, но ничего не выходило.

- Катя! Катя, уходим! - Олеся тянула её за руку. - Вставай! Быстро!

Они побежали - пригнувшись, петляя, прячась за остовами автобусов и баррикадами. Мимо проносились люди с носилками, с оружием, с камерами. Кто-то кричал в мегафон: «Медики! Нужны медики!» Кто-то плакал. Кто-то молился.

У входа в метро «Крещатик» их остановил кордон. Люди в касках и с дубинками.

- Куда?! Нельзя! Там снайпер!

- Мы студентки! - закричала Олеся. - Мы просто уйти хотим!

- Бегом в метро! Живо!

Они скатились по ступенькам вниз, в душный, переполненный вестибюль. Здесь было темно - электричество отключили. Люди сидели на полу, на ступеньках, прижимались к стенам. Плакали дети. Старуха в платке перебирала чётки и шептала молитву. Мужчина с окровавленной повязкой на голове сидел, прислонившись к колонне, и смотрел в одну точку.

Катя опустилась на пол, обхватила колени руками. Её всё ещё трясло. Перед глазами стояло лицо того мужчины, как он хрипел, как затих. Она зажмурилась, но картинка не исчезала. Она врезалась в память, как осколок стекла.

- Ты как? - Олеся села рядом, обняла её.

- Я не знаю... - голос Кати дрожал. - Я не думала, что это так... так страшно.

- А ты, как думала? Что война это красиво? Что это романтика? Баррикады, флаги, песни?

- Я не думала... - повторила Катя. - Я вообще, кажется, не думала.

Она вдруг вспомнила отца. Он редко говорил о службе, но иногда, выпив рюмку-другую, рассказывал истории. Про подводные лодки, про тревоги, про холодную войну. Он говорил: «Война это не геройство, дочка. Война это грязь, кровь и страх и самое страшное - привыкнуть. Когда привыкаешь к смерти - перестаёшь быть человеком».

Тогда она не понимала. Теперь - начала понимать.

- Олеся, тихо сказала она. - А за что они умирают? За что мы тут?

Олеся пожала плечами.

- За Украину. За свободу. За Европу.

- А этот мужчина... он тоже за это умирал?

- Наверное.

- А у него семья есть? Дети?

- Я не знаю, Катя. Откуда я знаю?

Они замолчали. Где-то наверху продолжали стрелять. Где-то внизу, под землёй, плакали дети и эти два звука - грохот боя и детский плач - сплетались в один, невыносимый, разрывающий душу аккорд.

Катя достала телефон. Посмотрела на экран. Связи не было - сеть легла. Она не могла позвонить ни маме, ни отцу, ни даже тётке Оксане. Она была отрезана от мира, одна в

тёмном, переполненном людьми подземелье, в центре города, который горел.

И впервые за долгое время ей по-настоящему захотелось домой. Не в квартиру на Оболони, не в гимназию. Домой - в Севастополь. К маме. К папе. К морю. Туда, где не стреляют, где не умирают на брусчатке, где можно сидеть на балконе и смотреть на закат, и ни о чём не думать.

Но Севастополь теперь - Россия. А она - украинка и между ней и домом пролегла пропасть, которую не перешагнуть.

- Знаешь, что я думаю? - сказала Олеся вдруг.

- Что?

- Я думаю, что мы дуры. Обе. Полезли в самое пекло, а зачем? Что мы можем изменить? Мы же школьницы.

- Мы хотели быть частью истории, сказала Катя. - Мы думали, это важно.

- Важно, согласилась Олеся. - Только история это не только флаги и лозунги. Это ещё и вот это, она обвела рукой вестибюль метро. - Кровь, страх, смерть. Это тоже история и мы теперь - её часть. Хотим мы того или нет.

Катя закрыла глаза. Она представила себе будущее - то, о котором говорили на Майдане. Европа, свобода, демократия. Красивые слова, но почему-то теперь они казались пустыми. Потому что по дороге к этому будущему уже лежали трупы и сколько ещё ляжет - никто не знал.

Она подумала о родителях. Интересно, они сейчас волнуются? Знают ли, где она? Мама, наверное, с ума сходит. Па-

па, наверное, молча курит на балконе и смотрит в море. Алёша... где он вообще? В Донецке? В ополчении? Жив ли?

Семья Бондаренко разлетелась, как бочка, из которой выбили обруч. Клёпки рассыпались в разные стороны, и никто не знал, соберутся ли они снова.

Грохот наверху начал стихать. Люди в метро зашевелились, заговорили громче. Кто-то сказал: «Вроде затихает». Кто-то ответил: «Это ненадолго».

Катя поднялась, размяла затёкшие ноги.

- Пойдём, сказала она Олесе. - Надо выбираться.

- Куда?

- Домой. В Оболонь. Тётка, наверное, уже полицию на уши поставила.

Они поднялись по ступенькам. Наверху, на Крещатике, ещё висел дым, но стрельба действительно стихла. Люди выходили из укрытий испуганные, оглушённые, с серыми от пыли лицами. Кто-то плакал. Кто-то обнимался. Кто-то нёс раненых.

Катя шла и смотрела на всё это - на разбитые витрины, на обгоревшие остовы машин, на лужи крови на брусчатке. Это был её город. Её Киев. Город, который она полюбила, который стал ей родным и он горел.

Она не знала, что будет дальше. Она не знала, вернётся ли когда-нибудь мир на эти улицы. Она не знала, сможет ли она когда-нибудь забыть лицо того мужчины, который умирал на асфальте.

Но она знала одно: этот день изменил её навсегда.

Дома её ждала заплаканная Оксана.

- Живая!, она бросилась к племяннице, обняла, затискала. - Я чуть с ума не сошла! По телевизору такое показывают - я думала, всё, конец!

- Я в порядке, сказала Катя. - Я просто... была там.

- Где?!

- На Институтской.

Оксана побледнела.

- Ты с ума сошла? Зачем?

- Не знаю, честно ответила Катя. - Хотела увидеть правду.

и как? Увидела?

Катя помолчала. Потом сказала:

- Увидела. Только это не та правда, которую я ожидала.

Она прошла в свою комнату, закрыла дверь. Села на кровать, достала телефон. Связь появилась - сеть снова работала. Три пропущенных от мамы. Два - от отца. Один - от Алёши.

Она смотрела на экран и не знала, перезванивать ли. Что она им скажет? «Я была на Майдане, там убивают людей, я чуть не погибла»? Этого они не вынесут. «Я вас люблю, простите меня»? Этого она сама пока не могла сказать.

Она набрала короткое сообщение маме: «Я жива. Всё нормально. Не волнуйтесь».

И отключила телефон.

За окном темнело. День подходил к концу. Самый страш-

ный день в её жизни и она знала: это только начало.

Часть 2. Ночной дозор

Севастополь не спал. Город, обычно затихавший к полуночи, теперь гудел, как растревоженный улей. На улицах - люди с фонарями, на блокпостах - костры в железных бочках, у административных зданий - отряды самообороны. Андрей Петрович Бондаренко стоял на углу улицы Ленина и Большой Морской, засунув руки в карманы старой флотской бушлатной куртки, и смотрел, как мимо проезжает колонна грузовиков с людьми в камуфляже. На бортах - белые круги, внутри которых ничего не написано. Ни опознавательных знаков, ни эмблем, ни фамилий. «Вежливые люди», как их позже назовут журналисты, но пока этого названия никто не знал. Пока это были просто российские военные, которые появились в городе словно из ниоткуда и взяли под контроль ключевые объекты.

- Петрович, закурить есть? - к Андрею подошёл сосед, тот самый отставной мичман Гаврилов. Лицо у него было серое от усталости, но глаза горели. Гаврилов уже третьи сутки патрулировал улицы в составе народной дружины, и, судя по красным прожилкам в глазах, спать ему не приходилось.

- Держи, Андрей протянул пачку.

Они закурили, пряча огоньки сигарет в ладонях. Не из конспирации - просто флотская привычка: на мостике не курят открыто, чтобы не демаскировать корабль. В городе, который готовился к обороне, эта привычка пришлась, кстати.

- Ты глянь, Гаврилов кивнул в сторону порта. - Там, на рейде. Видишь?

Андрей прищурился. В темноте, на фоне чуть более светлого неба над морем, угадывались силуэты кораблей, но не тех, что стояли в бухте всегда. Эти были крупнее.

- Десантные, определил он. - Большие десантные корабли. Наверное, с Кавказа перебросили.

- То-то и оно, Гаврилов сплюнул. - Значит, не шутят. Значит, всё серьёзно.

- А ты думал, шутят? - Андрей усмехнулся. - Ты двадцать лет ждал шутки?

- Я двадцать лет ждал чего угодно, но когда дождался - всё равно не верю.

Они помолчали. Ветер с моря доносил запах соли и водорослей. Где-то вдалеке лаяла собака, и ей отвечала другая. Обычные ночные звуки мирного города. Только город больше не был мирным и не был обычным. Он стал прифронтовым - впервые с 1944 года.

- У меня сын в Донецке, сказал вдруг Андрей. - В ополчение записался. Сегодня эсэмэску прислал.

- Ну и правильно, кивнул Гаврилов. - А что ему ещё делать? Сидеть и ждать, пока бандеровцы придут?

- Угу. Мать, правда, переживает.

- Все матери переживают. Моя, царствие ей небесное, всю войну меня ждала. Сначала с Афгана, потом с Чечни. Все глаза выплакала.

- Дождалась?

- Дождалась, Гаврилов помрачнел. - До девяносто первого. А в девяносто первом сказала: «За что вы служили, сынок? За то, чтобы флот распилили?» И через месяц умерла. Сердце.

Андрей ничего не ответил. Он помнил мать Гаврилова - маленькую сухонькую старушку, которая каждое утро ходила в булочную за свежим хлебом и всегда угощала соседских детей конфетами. Он не знал, что она так ушла. Впрочем, в девяностые многие уходили так - не выдерживало сердце.

- Ладно, Гаврилов бросил окурок в урну. - Пора на пост. Моя смена до утра. Ты как, домой?

- Домой, кивнул Андрей. - Жена волнуется.

- Передавай привет Анне Игоревне. Она у тебя женщина хорошая. Только глаза грустные.

- Время такое, сказал Андрей. - У всех глаза грустные.

Они попрощались. Гаврилов зашагал в сторону порта, где у проходной стояла группа дружинников, а Андрей свернул на Корабельный спуск и медленно пошёл домой.

По пути он думал о том, как изменился город за последние дни. Ещё неделю назад всё было обычно: люди ходили на работу, в магазины, в кино. А теперь каждый второй - с повязкой «Народная дружина» на рукаве. Каждый третий - с оружием и все - с тревогой в глазах.

Он вспомнил, как вчера хоронили первого погибшего - дружинника, которого застрелили при попытке захвата ору-

жейного склада. Парню было двадцать три года. Он служил в украинской армии, но, когда началось - перешёл на сторону Крыма. Андрей смотрел на его лицо в гробу - молодое, почти мальчишеское и думал: «Господи, неужели опять? Опять хоронить молодых? Опять война?»

Но выбора не было. Или - они, или их и Андрей знал, что он на правильной стороне.

Дома его ждала Анна. Она не спала - сидела на кухне с неизменной чашкой остывшего чая.

- Ты долго, сказала она, не оборачиваясь.

- Дежурили, Андрей снял бушлат, повесил на крючок. - Проверяли посты. Всё тихо.

- Тихо, повторила Анна. - А по телевизору говорят, в Киеве сегодня десятки погибших. Катя не звонила.

Андрей сел рядом, взял её за руку.

- Позвонит. Она же знает, что ты волнуешься.

, она мне сообщение прислала. Короткое: «Я жива. Всё нормально. Не волнуйтесь».

- Ну вот видишь. Жива.

- «Не волнуйтесь», Анна горько усмехнулась, как я могу не волноваться? Там снайперы, там стрельба, там люди гибнут. А она: «Не волнуйтесь». Ребёнок.

, она уже не ребёнок, тихо сказал Андрей. - Ей шестнадцать. В этом возрасте многие уже работают, воюют, семьи заводят. Она взрослая.

- Для меня она всегда будет ребёнком и для тебя тоже.

и для меня, согласился Андрей, но мы должны доверять ей. Она умная. Она выкрутится.

Они сидели на кухне, держась за руки, и молчали. Часы тикали. Ветер шумел за окном и где-то далеко, в Киеве, их дочь, возможно, тоже не спала.

Часть 3. Расколотая кафедра

Симферополь, Таврический национальный университет имени Вернадского. Утро 21 февраля 2014 года. Анна Игоревна Бондаренко шла по длинному коридору филологического факультета, и каждый шаг давался ей с трудом. Она знала, что её ждёт. Знала с того самого момента, как вчера вечером Лариса Петровна позвонила и сказала: «Завтра в десять. Сбор кафедры. Явка обязательна».

Коридор был пуст - занятия отменили, студенты разъехались кто куда. Только на стенах висели плакаты, которых ещё неделю назад не было. Один - сине-жёлтый, с трезубцем и надписью «Україна понад усе». Второй - российский триколор, с георгиевской лентой, приклеенный явно впопыхах. Они висели друг напротив друга, как два бойца перед схваткой. Анна прошла между ними, чувствуя, как напряжение повисает в воздухе.

В преподавательской собрались почти все. Лариса Петровна, заведующая, сидела во главе стола, прямая и бледная. Рядом с ней - Олег Степанович Гнатюк, декан, в неизменной вышиванке и с сине-жёлтой ленточкой в петлице. Ещё несколько преподавателей - кто-то молчал, кто-то перешёп-

тывался. Атмосфера была такой, какой Анна не ощущала никогда раньше. Не просто напряжённой - враждебной. Словно воздух пропитался невидимым ядом.

- Коллеги, начала Лариса Петровна, когда все расселись. Голос у неё был сухой, официальный, но Анна слышала, как он дрожит. - Мы собрались, чтобы обсудить текущую ситуацию. Я думаю, все понимают, о чём речь.

- Понимаем, резко сказал Олег Степанович, не давая ей договорить, и я хочу сразу заявить свою позицию. Университет имени Вернадского - украинский университет. Крым - украинская земля и то, что сейчас происходит, это аннексия. Российская агрессия. Мы должны заявить об этом чётко и недвусмысленно.

- Олег Степанович, Лариса Петровна подняла руку, давайте по порядку. У нас есть разные мнения, и мы должны выслушать всех.

- Какие разные мнения? - Гнатюк повысил голос. - Есть факты. Есть Уголовный кодекс Украины, где сказано: посягательство на территориальную целостность - преступление. Всё остальное - от лукавого.

Анна сидела, сжав руки под столом. Она знала, что Гнатюк будет выступать первым - он всегда так делал. Знала, что он будет давить, но она не думала, что это будет настолько агрессивно.

- Я хочу спросить, тихо сказала она, а что мы будем делать с теми студентами, которые... которые придерживаются дру-

гой точки зрения?

- Какой другой? - Гнатюк резко повернулся к ней. - Пророссийской? Сепаратистской?

- Российской, спокойно поправила Анна. - Они считают, что Крым должен вернуться в Россию. Они имеют на это право.

- Они не имеют права нарушать закон! - Гнатюк почти кричал, и вы, Анна Игоревна, как преподаватель, должны им это объяснять. А не потакать!

- Я преподаватель литературы, Анна старалась говорить ровно. - Я учу их читать и думать. Я не учу их политике.

- Литература это и есть политика! - отрезал Гнатюк, и если вы этого не понимаете, то вы не на своём месте.

- Олег Степанович! - Лариса Петровна стукнула ладонью по столу. - Прекратите! Мы здесь не для того, чтобы оскорблять друг друга!

- А для чего мы здесь? - спросил молодой преподаватель с кафедры русского языка, Виктор Сергеевич, который до сих пор молчал, чтобы выслушивать ультиматумы? Мне кажется, Олег Степанович уже всё за нас решил.

- Я ничего не решал! - огрызнулся Гнатюк. - Я просто говорю то, что думает каждый настоящий украинец.

- А русские, значит, ненастоящие? - Виктор Сергеевич встал. - Я русский. Моя семья живёт в Симферополе три поколения. Я что, по-вашему, здесь чужой?

Спор разгорался, и Анна чувствовала, как внутри всё сжи-

мается. Она смотрела на лица коллег - людей, с которыми проработала бок о бок много лет и видела, как они меняются на глазах. Вот Олег Степанович, с которым она когда-то вместе писала учебник, обсуждала научные статьи, ходила на концерты. Теперь он смотрит на неё, как на врага. Вот Лариса Петровна, которая пытается сохранить нейтралитет, но и ей это даётся всё труднее. Вот Виктор Сергеевич - ещё вчера тихий, незаметный, а сегодня - взвинченный, готовый драться за свою идентичность.

- Коллеги! - Лариса Петровна снова повысила голос. - Я предлагаю прекратить этот балаган. У каждого из нас есть своя позиция, и мы имеем на неё право, но мы - кафедра. Мы должны продолжать работать. Учить студентов. Давать им знания, а не лозунги.

- А если завтра сюда придёт российская армия? - спросил Гнатюк, что мы будем делать? Читать лекции под дулами автоматов?

- Если сюда придёт российская армия, медленно сказала Анна, я всё равно буду читать лекции. Потому что литература не принадлежит ни Украине, ни России. Она принадлежит людям и Шевченко, и Пушкин, и Леся Украинка, и Достоевский - они все наши и мы должны их беречь. А не рвать на части.

В преподавательской стало тихо. Гнатюк смотрел на Анну с таким выражением, словно она его предала. Лариса Петровна сняла очки и устало потёрла переносицу.

- Анна Игоревна, сказала она наконец, я понимаю, что вы хотите сказать, но время сейчас такое... что компромиссы почти невозможны. Каждый должен будет выбрать.

- Я уже выбрала, ответила Анна. - Я выбрала остаться здесь. Со своими студентами. Со своими книгами. Со своей семьёй. Это мой выбор и я его не изменю.

Гнатюк резко встал.

- Что ж, сказал он. - Тогда мне здесь больше нечего делать. Я подаю заявление об уходе. Не могу работать в учреждении, которое... которое мирится с оккупацией.

Он вышел, хлопнув дверью. За ним, после короткого колебания, поднялись ещё двое преподавателей. Остальные сидели молча, глядя в стол.

Лариса Петровна вздохнула.

- Ну вот, сказала она. - Кафедра расколота., как и вся страна.

это не мы её раскололи, тихо сказал Виктор Сергеевич. - Её раскололи те, кто на Майдане.

- Не важно кто, ответила Лариса Петровна. - Важно, что теперь мы все - по разные стороны и неизвестно, сможем ли когда-нибудь снова быть вместе.

Анна ничего не сказала. Она смотрела на пустые стулья, где ещё десять минут назад сидели её коллеги, и думала о том, что точно так же - с хлопаньем дверьми, с резкими словами, с молчаливым уходом - распадаются сейчас сотни, тысячи семей по всему Крыму, по всей Украине и её собствен-

ная семья - в том числе.

После заседания она вышла в коридор. Плакаты всё ещё висели друг напротив друга. Российский и украинский. Два флага, два мира, две правды.

Она прошла между ними и вышла на улицу. Ветер дул с моря, холодный и резкий. Она подняла воротник и пошла к автобусной остановке. Нужно было домой. В Севастополь. К мужу. К тишине, где можно хотя бы на время забыть о том, что мир рушится.

Но она знала: забыть не получится. Потому что мир рушится и там, дома. Просто там он рушится в другую сторону.

Часть 4. Донецк. Сцена у военкомата

Донецк, 22 февраля 2014 года. У здания областного военкомата на улице Артёма с раннего утра собиралась толпа. Сначала - человек пятьдесят. Потом - сто, двести, триста. Люди стояли плотной стеной, и воздух звенел от напряжения.

Алексей Бондаренко пришёл сюда вместе с группой ополченцев. Их отряд, сформированный всего три дня назад, ещё не имел ни чёткой структуры, ни единой формы. Кто в камуфляже, кто в гражданском. У кого-то - автомат, у кого-то - охотничье ружьё, а кто-то и вовсе без оружия, но объединяло их одно: все они решили, что Донбасс не будет подчиняться Киеву. Что хватит. Что пора.

- Смотри, негромко сказал Алексей стоявшему рядом мужчине лет пятидесяти с позывным «Дед». Это был тот

самый седой афганец, который командовал формированием отрядов. Настоящего имени его Алексей пока не знал - здесь вообще мало кто называл настоящие имена. Война ещё не началась, но конспирация уже вошла в привычку.

- Вижу, ответил Дед. это военкомовские и менты. Будут уговаривать не бузить. Ты слушай, но не очень.

У крыльца военкомата стояли несколько человек в форме - представители киевских властей. Один из них, высокий полковник с усталым лицом, держал в руках мегафон.

- Товарищи! - его голос, усиленный динамиком, разносился над площадью. - Я призываю вас сохранять спокойствие! Никакого референдума не будет! Донецк это Украина, и он останется Украиной! Не поддавайтесь на провокации!

Толпа загудела. Кто-то свистнул. Кто-то крикнул: «Долой!» Кто-то затянул: «Вставай, страна огромная!», но его тут же одёрнули: «Рано. Успеем».

- Я понимаю ваши чувства! - продолжал полковник, но мы должны сохранить целостность страны! Мы должны...

Договорить ему не дали. Из толпы вышел мужчина в рабочей спецовке - видимо, шахтёр, как и большинство здесь. Он подошёл к крыльцу, встал перед полковником и сказал громко, так, что слышали все:

- А страна нас сохранила? Когда зарплаты не платили по полгода - страна нас сохранила? Когда шахты закрывали - страна нас сохранила? Когда русский язык запрещали - страна нас сохранила? Нет? Тогда чего ты от нас хочешь?

Толпа взревела. Полковник попытался что-то ответить, но его уже не слушали. К крыльцу двинулись люди - не агрессивно, но решительно. Военкомовские переглянулись. Один из них потянулся к кобуре, но Дед, стоявший в первом ряду, покачал головой:

- Не надо, сынок. Не дури. Нас больше.

И это была правда. Толпа росла с каждой минутой. Подходили новые люди - шахтёры после смены, студенты, пенсионеры, женщины с детьми. У многих в руках были российские флаги, флаги ДНР, георгиевские ленточки и лица - не злые, не агрессивные, а какие-то торжественные. Словно люди пришли на праздник. Только праздник этот был с привкусом тревоги.

Алексей стоял в толпе и чувствовал, как внутри него что-то меняется. Ещё неделю назад он был просто шахтёром. Работа, дом, редкие звонки родителям. Обычная жизнь. А теперь он - часть чего-то огромного и страшного. Часть истории.

Он вспомнил разговор с отцом. «Если начнётся - ты знаешь, на чьей стороне правда». Да, знаю. Вот она, эта правда. Стоит перед ним в рабочей спецовке и говорит полковнику: «Ты нас не сохранил».

- Лёха! - кто-то тронул его за плечо.

Он обернулся. Витька, молодой парень из его бригады. Тот самый, что пришёл на шахту после ПТУ.

- Ты тоже здесь? - удивился Алексей.

- А где мне быть? - Витька улыбнулся, но глаза у него были серьёзные, взрослые. - У меня бабка в Горловке живёт. Она говорит: «Внучек, не отдавай меня бандеровцам». А я что, могу не послушать?

- Не можешь, согласился Алексей.

Они стояли плечом к плечу - шахтёр с двенадцатилетним стажем и вчерашний школьник. Между ними - пропасть в возрасте и опыте, но сейчас это не имело значения. Сейчас они были просто двое мужчин, которые решили защищать свой дом.

Тем временем к военкомату подъехал автобус. Из него вышли люди - человек двадцать, в основном молодые, с жёлто-голубыми повязками на рукавах. «Правый сектор», прошелестело в толпе.

На площади мгновенно стало тихо. Та тишина, которая бывает перед дракой - звонкая, напряжённая, как натянутая струна.

- А ну, расходитесь! - крикнул один из приехавших, старший. - Сейчас милиция будет! Всех запишем!

- Кого ты пугаешь, петушок? - раздался чей-то голос. - Здесь тебе не Киев.

Толпа загудела, задвигалась. Алексей почувствовал, как внутри поднимается волна - не страх, а что-то другое. Азарт? Злость? Он сам не мог определить, но он знал: если сейчас начнётся - он не отступит.

И тут произошло то, чего никто не ожидал. Полковник,

стоявший на крыльце, вдруг снял фуражку и сказал - без мегафона, просто громко, так, что услышали ближайшие ряды:

- Мужики. Я двадцать пять лет в армии. Я присягал Украине, но я не буду стрелять в своих. У меня жена русская. У меня сын в Донецке живёт. Я... я не могу. Делайте что хотите. Я умываю руки.

Он повернулся и ушёл в здание военкомата. За ним, после короткого замешательства, последовали и остальные офицеры.

Толпа взревела. На этот раз - радостно. Кто-то закричал «Ура!», кто-то запел гимн. А Витька повернулся к Алексею и сказал:

- Вот видишь. Даже они понимают.

Алексей кивнул, но на душе у него было тревожно. Он смотрел на уходящих офицеров и думал: «Сегодня они ушли. А завтра? Что будет завтра? Пришлют других? Тех, кто будет стрелять?»

Он не знал ответа, но он знал, что завтра снова встанет в этот строй. Потому что отступать некуда. Позади - Донбасс. Позади - дом.

Часть 5. Переяславская параллель

(Из лекции профессора кафедры истории Таврического национального университета Виктора Степановича Горового, 22 февраля 2014 года. Восстановлено по аудиозаписи и студенческим конспектам.)

...Итак, коллеги, прежде чем мы продолжим разговор о те-

кущих событиях, позвольте мне вернуться на триста шестьдесят лет назад. В январе 1654 года в городе Переяславе произошло событие, которое определило судьбу Восточной Европы на столетия вперёд. Переяславская Рада. Воссоединение Украины с Россией.

Прошу заметить: я говорю: «Украины», а не «Малороссии», хотя исторически употреблялись оба термина, но суть не в названии. Суть - в выборе.

Что предшествовало этому выбору? Восстание Богдана Хмельницкого против Речи Посполитой. Война, которая длилась шесть лет и унесла десятки тысяч жизней. Погромы, резня, разруха. Православное население Малой Руси, как её тогда называли, подвергалось жесточайшему национальному и религиозному гнёту. Польская шляхта не признавала русских равными себе. Православная церковь была загнана в подполье. Язык и культура подавлялись.

И вот, в разгар этой войны, перед Хмельницкой и казацкой старшиной встал вопрос: с кем быть? Вариантов было несколько. Можно было попытаться договориться с поляками, но они требовали полной капитуляции. Можно было искать покровительства у турецкого султана, но это означало бы разрыв с христианским миром. Можно было ориентироваться на Швецию, но та была далеко и не слишком заинтересована и наконец, можно было обратиться к Москве - к единоверному русскому царю.

Выбор был сделан в пользу Москвы и вот тут важно по-

нять мотивы.

Часто говорят: Хмельницкий «продался Москве». Или: казаки «предали независимую Украину», но позвольте спросить: о какой независимости речь? О независимости от кого? От Речи Посполитой, которая угнетала православных? Так эта независимость была достигнута именно благодаря союзу с Москвой.

На Переяславской Раде казаки присягнули царю Алексею Михайловичу, но это была не клятва рабов. Это был договор. Казачество сохраняло свои вольности, своё самоуправление, своё войско. Украина входила в состав России на правах автономии. Это был компромисс - сложный, противоречивый, но в тех исторических условиях, возможно, единственно возможный.

Кстати, интересный факт. Мало кто знает, что на Раде были и противники союза с Москвой. Например, один из ближайших соратников Хмельницкого, полковник Иван Богун, отказался присягать русскому царю. Он считал, что Украина должна быть полностью независимой. Его позиция понятна и по-своему благородна, но история пошла другим путём и мы должны понимать, почему.

Потому что народ в массе своей хотел быть с Россией. Потому что Россия была «своей» - по вере, по языку, по крови. Потому что альтернативой была либо полонизация и окатоличивание, либо турецкое иго. Выбор в пользу Москвы был выбором в пользу выживания. В пользу сохранения идентич-

ности.

Теперь давайте перенесёмся в день сегодняшний.

В Киеве говорят: «Украина это Европа». Красивый лозунг, но давайте спросим себя честно: какой ценой? Ценой отказа от собственной истории? Ценой разрыва с Россией - страной, с которой Украина связана тремя веками общей судьбы? Ценой запрета русского языка, на котором говорит половина населения? Ценой маршей с портретами Бандеры, чьи сторонники воевали на стороне Гитлера?

Вы знаете, я историк. Я привык работать с фактами и факты говорят о том, что всякий раз, когда Украина делала выбор в пользу Запада против России, это заканчивалось для неё катастрофой. Мазепа, Петлюра, теперь вот Майдан... Простите, коллеги, я не могу быть объективным в этом вопросе. Потому что на кону - судьба моего народа.

Крымчане сделали свой выбор. Свой выбор делают сейчас в Донецке и Луганске. Это не «сепаратизм». Это - возвращение к корням. Возвращение к Переяславу. К тому выбору, который когда-то сделал Богдан Хмельницкий. «Волим под царя московского, православного». Волим быть с Россией.

Я знаю, что многие из вас не согласны. Я знаю, что после этой лекции кто-то, возможно, покинет аудиторию и больше не вернётся. Что ж. История это не церковь, где все молятся одному богу. История это поле спора, но спор должен быть честным. Без замалчиваний. Без передёргиваний. Без пропаганды.

Поэтому я говорю вам то, что думаю. А вы думайте сами. Это ваше право и ваша ответственность.

Лекция окончена. Вопросы?

Примечание автора. После этой лекции профессор Горовой был вызван в ректорат для «беседы». Декан исторического факультета, придерживавшийся проукраинских взглядов, потребовал от него прекратить «политическую агитацию». Горовой отказался. Через три недели, уже после референдума и воссоединения Крыма с Россией, он был назначен заведующим кафедрой истории вместо уволившегося по собственному желанию прежнего заведующего. Студенты, покинувшие аудиторию во время лекции, больше на его занятиях не появлялись. Те, кто остался, запомнили эту лекцию на всю жизнь.

Часть 6. Материнское сердце

Анна сидела на кухне и смотрела на телефон. Прошло уже три дня с тех пор, как Катя прислала то короткое сообщение: «Я жива. Всё нормально. Не волнуйтесь». Три дня Анна перечитывала эти шесть слов и пыталась найти в них скрытый смысл. «Я жива» - значит, могла и не выжить. «Всё нормально» - значит, ничего нормального. «Не волнуйтесь» - значит, волнуйтесь, мама, потому что я не могу сказать тебе правду.

За окном шумел ветер. Андрей ушёл в мастерскую - он теперь проводил там почти всё время, возвращаясь только к ночи. Анна оставалась одна со своими мыслями, и мысли эти были горькими.

Она снова и снова вспоминала последний разговор с дочерью. Тот самый, когда Катя кричала в трубку: «Ты мне не мать, если поддерживаешь это!». Анна тогда не заплакала - сдержалась, но сейчас, сидя в пустой квартире, она позволила слезам течь. Они катились по щекам, капали на стол, и она не вытирала их. Какое это теперь имело значение?

Она думала о том, как всё было раньше. Катя - маленькая, в розовом платье, с бантами, которые вечно сползали набок. Катя - первоклассница, с огромным букетом гладиолусов. Катя - подросток, которая спорила с матерью о музыке и моде, но всегда приходила мириться первой. Куда всё это ушло? В какой момент её дочь стала чужой?

Телефон завибрировал. Анна вздрогнула, схватила трубку. Нет, не Катя. Оксана.

- Алло, голос Анны был хриплым от слёз.

- Аня, это я. - Оксана говорила быстро, взволнованно. - Я не могу долго, у нас тут такое... Ты знаешь, что Катя была на Майдане? В самый разгар?

- Знаю, тихо ответила Анна, она мне сообщение прислала. Короткое.

- Я чуть с ума не сошла, Оксана всхлипнула, она пришла домой вся серая, глаза пустые. Я её спрашиваю: «Где ты была?» А она: «На Институтской». Аня, там же людей убивали! Ты понимаешь? Твоя дочь была там, где стреляли!

- Я понимаю, Анна сжала телефон так, что побелели костяшки пальцев. - Я всё понимаю, но что я могу сделать? Она

меня не слушает. Она меня ненавидит.

, она не ненавидит тебя, Оксана помолчала, она запуталась. Ей шестнадцать, Аня. Ей мозги промывают в школе, в телевизоре, везде. Она не виновата.

- А кто виноват? Я?

- Никто не виноват. Время такое. - Оксана вздохнула. - Слушай, я чего звоню. Катя после того дня сама не своя. Ходит, молчит. Я пыталась с ней поговорить - не получается. Может, ты?..

- Что я? - горько усмехнулась Анна. - Позвонить? Чтобы она снова назвала меня предательницей?

- Аня, она твоя дочь. Она тебя любит. Просто сейчас она не может этого показать, но пройдёт время, и она поймёт. Обязательно поймёт.

- Когда? - спросила Анна. - Когда это время наступит? Через год? Через пять лет? Через десять? Сколько мне ждать, Оксана?

Оксана ничего не ответила. Да и что тут можно ответить?

- Ладно, сказала она наконец. - Я побежала. У нас тут комендантский час вводят, надо продукты купить. Ты держись, сестричка. Я тебе позвоню.

и ты держись, ответила Анна.

Разговор прервался. Анна положила телефон на стол и долго смотрела на него. Потом взяла дневник и начала писать.

«22 февраля 2014 года.

Звонила Оксана. Катя была на Майдане, в самом пекле. Она видела смерть. Моя девочка видела, как умирают люди. Я не могу представить, что она сейчас чувствует и не могу ей помочь. Я здесь, она там, и между нами - стена.

Говорят, материнское сердце всё чувствует. Это правда. Моё сердце сейчас разрывается на части. Одна часть - здесь, в Севастополе, с Андреем. Другая - в Донецке, с Алёшей. Третья - в Киеве, с Катей и каждая часть болит по-своему.

Я никогда не думала, что буду жить в такое время. Что мои дети окажутся по разные стороны фронта. Что моя собственная сестра будет смотреть на меня, как на врага. Что всё, во что я верила - мир, дружба, семья, окажется таким хрупким.

Но я живу и я буду жить дальше. Ради них. Ради Андрея. Ради Алёши. Ради Кати. Даже если она меня ненавидит - я всё равно буду её ждать. Материнское сердце не умеет иначе.

Господи, храни моих детей. Всех троих. Пожалуйста».

Она закрыла дневник и долго сидела неподвижно, глядя в одну точку. Потом встала, умылась холодной водой, посмотрела на себя в зеркало. Оттуда на неё смотрела немолодая женщина с красными глазами и усталым лицом, но в этом лице было что-то такое, чего не было раньше. Какая-то новая, незнакомая решимость.

- Ничего, сказала она своему отражению. - Выстоим. Мы

же Бондаренко.

И пошла на кухню - варить борщ. Потому что жизнь продолжалась и нужно было кормить мужа.

Часть 7. Пост в соцсетях

Катя сидела на кровати, скрестив ноги, и держала в руках телефон. Экран светился, высвечивая строки, которые она написала десять минут назад и всё никак не решалась опубликовать. Палец завис над кнопкой «отправить».

Она перечитала текст в пятый раз:

«Я родилась в Севастополе. Мои родители живут там до сих пор и я хочу сказать всем: не смейте называть их предателями. Они хорошие люди. Они просто запутались. Они не понимают, что Крым это Украина, но они не враги. Они мои мама и папа и я их люблю. Даже если они ошибаются».

Катя перечитала и поморщилась. Слишком наивно. Слишком по-детски и в то же время - слишком смело. За такой пост её могли затравить в школе. Могли назвать «сепаратисткой» и «защитницей оккупантов». Могли перестать здороваться. Могли... да всё что угодно могли.

Она уже видела, как травили других. На прошлой неделе одноклассника, который сказал, что «не всё так однозначно с Крымом», закидали гневными сообщениями в общем чате. Он пришёл в школу бледный, молчал весь день, а на следующий и вовсе не явился. Потом говорили, что его семья срочно уехала в Россию. Катя не знала, правда ли это, но проверять не хотелось.

А теперь она сама собиралась сделать то же самое. Зачем? Ради чего? Кому от этого станет легче?

Она подумала о маме. Мама, наверное, сейчас сидит на кухне, пьёт свой вечный чай и смотрит в одну точку. Или пишет в дневник. Или плачет. Катя вспомнила её лицо - усталое, с красными пятнами на скулах, каким оно было, когда они виделись в последний раз. Это было на Новый год, больше полутора месяцев назад. Целая вечность.

- Катя, ты чего? - в дверь заглянула Олеся. Она осталась ночевать - после Майдана родители Олеси уехали к родственникам во Львов, а квартиру залили соседи сверху, так что Олеся временно жила у Кати. Оксана не возражала - вдвоём веселее.

- Пост пишу, Катя показала экран.

Олеся пробежала глазами текст. Присвистнула.

- Ничего себе. Ты это серьёзно?

- Серьёзно.

- Тебя же сожрут. Ты понимаешь? Сожрут и не подавятся.

- Понимаю, Катя вздохнула, но я не могу молчать. Понимаешь? Я сижу тут и чувствую себя... предателем. С одной стороны - родители. С другой - Украина. Я люблю Украину, правда люблю, но я не могу ненавидеть своих. Не могу и всё.

Олеся села на край кровати, забрала у Кати телефон, ещё раз перечитала.

- Знаешь, что, сказала она наконец. - Если хочешь - публикуй, но тогда будь готова к последствиям. Тебя вызовут к

директору. Одноклассники отвернутся. В соцсетях начнётся травля. Ты готова к этому?

- Не знаю, честно ответила Катя, но если я промолчу - я себя не прощу. Мама там одна, в Крыму. Она думает, что я её ненавижу. А я не ненавижу. Я злюсь, да. Я не согласна, но я люблю её и она должна это знать.

- Тогда публикуй, Олеся вернула телефон. - Только допиши в конце что-нибудь... ну, чтоб смягчить. Что-то про единство Украины там.

Катя кивнула. Дописала:

«Я верю в Украину. Я хочу, чтобы Крым вернулся, но это не значит, что нужно ненавидеть людей, которые там живут. Они наши люди. Наши братья и сёстры. Наши родители. Давайте не терять человечность. Иначе чем мы лучше тех, кого осуждаем?»

Перечитала. Теперь лучше. Теперь это выглядит не, как оправдание «сепаратистов», а, как призыв к примирению. Хотя, если честно, Катя сама не знала, возможно ли это примирение. Возможно ли вообще оставаться человеком, когда вокруг война.

Она нажала «отправить».

Пост улетел в сеть. Несколько секунд ничего не происходило. Потом - первый лайк. От Олеси. Потом - первый комментарий: «Ты что, сепарка???» Потом ещё один: «Предательница. Вали в свой Крым». Потом ещё и ещё.

Катя смотрела на экран, и сердце колотилось где-то в гор-

ле. Комментарии множились, как снежный ком. Кто-то писал: «Умница, правильные слова». Кто-то: «Тебя надо в СБУ проверить». Кто-то просто ставил смайлики - злые, насмешливые.

- Ну вот, сказала Олеся, заглядывая ей через плечо. - Началось.

и пусть, Катя выключила телефон и отбросила его в сторону. - Я сказала то, что думала. Если они хотят меня ненавидеть - пусть.

Но внутри у неё всё дрожало. Она знала: завтра в школе будет ад и она не была уверена, что готова пройти через это.

- Знаешь, тихо сказала Олеся, я тебе завидую.

- Чему?

- Ты смелая. Я бы так не смогла.

это не смелость, Катя покачала головой. это отчаяние. Я просто больше не могу врать.

Они сидели в тишине. За окном шумел ночной Киев - уже не такой тревожный, как в дни расстрелов, но всё ещё напряжённый. Где-то далеко выла сирена «скорой». Где-то лаяли собаки. Где-то люди всё ещё стояли на Майдане, жгли костры и пели гимн.

Катя думала о том, прочитает ли мама этот пост. У мамы не было аккаунта в этой соцсети, но кто-нибудь мог показать. Или скопировать и прислать и тогда мама узнает, что дочь не считает её врагом. Это было важно. Ради этого стоило вытерпеть всё.

Она взяла телефон, включила. Уведомлений было уже больше полусотни, но среди них она заметила одно - личное сообщение. От одноклассника, с которым они почти не общались. Дима, кажется. Или Денис.

«Катя, я прочитал твой пост. У меня тоже родственники в Керчи и я тоже не знаю, как к этому относиться. Спасибо, что написала. Я думал, я один такой».

Катя улыбнулась. Значит, не зря. Значит, она не одна.

Она ответила коротко: «Мы не одни. Держись».

И впервые за долгое время почувствовала что-то похожее на облегчение.

Часть 8. Вежливые люди

Севастополь, 23 февраля 2014 года. Раннее утро.

Андрей Петрович Бондаренко не спал уже вторые сутки. Он стоял у входа в Севастопольский морской порт, засунув руки в карманы старого флотского бушлата, и смотрел, как из серого предрассветного тумана, наползающего с моря, вырастают силуэты военных грузовиков. Они двигались медленно, почти бесшумно, с погашенными фарами. Только ритмичный, утробный гул дизелей нарушал тишину спящего города - звук, который Андрей узнал бы из тысячи. Так гудели двигатели больших десантных кораблей, когда они подходили к причалу.

Колонна остановилась у КПП. Из головной машины вышел человек в камуфляже без знаков различия. Ни шевронов, ни эмблем, ни фамилии на клапане. Только на рукаве

- белая повязка, точно такая же, какие носили севастопольские дружинники. Человек был не молод - лет тридцать пять, может, чуть больше, но двигался он с той особой, тренированной пластикой, которая выдаёт профессионального военного сразу и безошибочно. Андрей, сам тридцать лет отслуживший на флоте, распознал эту выправку мгновенно. Так ходят люди, которые привыкли к оружию, к дисциплине, к тому, что каждый их шаг может иметь последствия.

- Здорово, отец, сказал человек, подходя ближе. Голос у него был спокойный, даже усталый, но без тени напряжения. Так говорят люди, которые знают, что делают, и не нуждаются в лишних словах.

- Здорово, ответил Андрей, разглядывая его.

Вблизи военный оказался старше, чем показалось сначала. У глаз - сетка морщин, на скулах - следы обветривания, на руках - въевшаяся солярка. Такие руки бывают у механиков-водителей или у тех, кто много работает с техникой. Лицо спокойное, даже добродушное, но глаза цепкие, внимательные - они сканировали пространство, фиксируя каждую деталь: открытые окна домов, припаркованные машины, редких прохожих.

- Служил? - спросил военный.

- Служу, коротко усмехнулся Андрей. - В отставке. Подводник. Капитан второго ранга.

- Подводник? - военный посмотрел на него с интересом, и что-то в его взгляде изменилось - появилось то особое ува-

жение, которое испытывают друг к другу люди, знающие цену военной службе. это хорошо. Подводники - народ надёжный. Я сам с десантных войск. Сейчас вот... командировка.

- Вижу, какая командировка, Андрей кивнул на колонну. - Помощь нужна? Может, провести кого? Я город знаю, как свои пять пальцев. Тридцать лет здесь.

- Спасибо, отец. Справляемся пока, военный помолчал, потом добавил: - Вы, гражданские, главное - не паникуйте и если, где провокации заметите - сигнализируйте. Нам тут лишние проблемы не нужны.

- Не будет провокаций, твёрдо сказал Андрей. - Город наш. Люди за нас. Вы бы видели, что на площади Нахимова творилось.

- Видел, неожиданно ответил военный. - По телевизору показывали и не только по телевизору.

Они помолчали. В этом молчании было больше понимания, чем в иных долгих разговорах. Два военных человека, два разных поколения, две разные службы, но одна страна, одна армия, одна присяга. Даже если присягу они давали в разное время и разным государствам.

Андрей вспомнил вдруг 1991 год. Декабрь. Он стоял на плацу в Североморске, и перед строем зачитывали указ о расформировании Советского Союза. Офицеры плакали, не скрываясь. Кто-то срывал погоны. Кто-то молча уходил в казарму и напивался до беспамятства. А молодой капитан-лейтенант Бондаренко стоял и думал: «Как же так? Мы же при-

сягали одной стране. А теперь нас делят, как имущество. Корабли - Украине, базы - России, людей - по паспортам». Это было самое страшное - не потеря флота, не потеря жалованья, а потеря смысла. Потеря того, ради чего он жил.

И вот теперь, двадцать три года спустя, он стоял на причале в Севастополе и смотрел, как российские военные входят в город и чувствовал, как внутри что-то отпускает. Какая-то пружина, сжатая до предела все эти годы.

- А вы надолго? - спросил он.

- Пока не знаю, честно ответил военный, как обстановка сложится. Приказ есть приказ, но думаю, управимся быстро. Местные помогают.

это точно, подтвердил Андрей. - У нас тут каждый второй - либо бывший военный, либо действующий. Люди ждали этого.

Военный кивнул. Потом вдруг спросил:

- А ты сам, отец, если что - готов?

- К чему?

- Ну, мало ли. Если украинские части попробуют прорваться. Или если из Киева десант пришлют. Всякое может быть.

Андрей усмехнулся.

- У меня боевой опыт - Северный флот, Атлантика, Средиземное море. Я тридцать лет под водой провёл. Думаешь, я на суше испугаюсь?

- Не думаю, военный впервые улыбнулся. - Поэтому и

спрашиваю. Нам люди нужны. Не воевать - помогать. Координировать. Объяснять местным, что к чему. Ты офицер, тебе верят.

- Если нужно - я готов, просто сказал Андрей. - Только у меня жена, сын в Донецке, дочь в Киеве. Если что со мной случится...

- Не случится, перебил военный. - Мы сюда не умирать пришли. Мы сюда возвращать пришли. Понимаешь разницу?

Андрей кивнул.

- У меня сын в Донецке, повторил он. - В ополчении. Если что - вы туда не пойдёте?

Военный посмотрел на него долгим, оценивающим взглядом.

- У меня приказа такого нет, ответил он наконец, и голос его прозвучал твёрдо, но без враждебности. - А будет приказ - пойду, но думаю, до этого не дойдёт. Донбасс сам разберётся. Там такие же люди, как здесь. Им только помочь надо.

- Дай Бог, сказал Андрей.

Они ещё немного постояли молча. Ветер с моря доносил запах соли и водорослей. На востоке, над горами, начинало светлеть небо. Город просыпался - где-то хлопнула дверь, залаяла собака, проехала первая машина. Обычное утро. Почти обычное.

- Ладно, отец, военный козырнул - коротко, по-свойски, как отдают честь равному. - Будь на связи. Если что - подхо-

ди. Вон туда, к штабной машине. Спросишь майора Кузнецова. Это я.

- Бондаренко, представился Андрей. - Андрей Петрович. Можно просто Петрович.

- Договорились, Петрович. Бывай.

Майор Кузнецов вернулся к головной машине, что-то коротко скомандовал, и колонна двинулась дальше - вглубь города, к военным объектам, к штабу флота, к аэродрому в Бельбеке. Андрей остался на обочине, провожая их взглядом.

Грузовики шли ровно, уверенно, не нарушая правил дорожного движения. На перекрёстке они притормозили, пропуская ранний троллейбус. Это было настолько буднично, настолько обыденно, что на секунду Андрею показалось: ничего особенного не происходит. Просто военная колонна идёт по городу. Просто учения. Просто плановая передислокация.

Но он знал: это не учения. Это история.

Он достал сигарету, закурил. Руки дрожали - то ли от холода, то ли от нервного напряжения последних дней, которое наконец начало отпускать. Он, офицер, подводник, человек, который провёл под водой суммарно несколько лет своей жизни, который сидел на глубине в триста метров и слышал, как над головой проходят вражеские корабли, он волновался. Потому что одно дело - воевать с вероятным противником где-то в океане, на глубине, в замкнутом простран-

стве отсека и совсем другое - видеть, как история вершится прямо здесь, на твоих глазах, на твоей земле.

Он думал о том, что скажет Анне. Она ведь ждёт, волнуется и она должна знать: Россия пришла. Не на словах - на деле. То, о чём они говорили все эти дни, все эти годы - свершилось. Крым возвращается.

Он думал об Алексее., как он там, в Донецке? Что делает прямо сейчас? Спит? Стоит на посту? Или тоже смотрит на колонну военных - только с другой стороны, с той, где ещё нет российских флагов, но где они скоро будут?

Он думал о Кате. Она в Киеве, среди чужих, среди тех, кто называет его оккупантом. Его, капитана второго ранга, защитника Отечества. Что она чувствует? Что она думает? Поймёт ли когда-нибудь?

- Ничего, сказал он себе негромко, но твёрдо. - Поймёт. Время пройдёт - поймёт.

Он бросил окурок в урну и зашагал вверх по Корабельному спуску. Мимо проплывали знакомые дома, знакомые вывески, знакомые лица, но всё это теперь виделось по-другому., как будто город за ночь изменился. Стал другим. Стал своим.

У дома его ждала Анна. Она стояла на балконе, кутаясь в старый плед, и смотрела на бухту. Когда Андрей вошёл, она обернулась.

- Ты видел?

- Видел.

это они? Российские?

- Да.

Она закрыла глаза, и по её щекам потекли слёзы, но это были не слёзы страха. Это были слёзы облегчения.

- Господи, прошептала она. - Неужели правда.

- Правда, Андрей обнял её, прижал к себе. - Дождались.

Так они стояли - двое немолодых людей, прошедших через холодную войну, развал страны, безденежье, унижение. Они дождались. Их город, их Крым, их Родина возвращались домой.

А внизу, у причалов, «вежливые люди» занимали позиции. Молча. Быстро. Профессионально. Без единого выстрела.

Часть 9. Очередь

Симферополь, 24 февраля 2014 года. Супермаркет «Фуршет» на проспекте Кирова. Анна стояла в очереди уже сорок минут и за это время успела передумать обо всём на свете.

Очередь была длинной, нервной, какой-то военной - так, наверное, стояли в сорок первом за хлебом. Люди прижимали к груди корзины, набитые крупами, консервами, бутылками с водой, туалетной бумагой. Полки пустели на глазах. Масла уже не было. Сахар разобрали. Вода оставалась только газированная.

- Вы слышали? - сказала женщина впереди, полная блондинка с тремя пакетами гречки. - Говорят, украинские части в Перевальном окапываются. Может стрельба начаться.

- Не начнётся, ответил пожилой мужчина сзади. - Там уже наши стоят. Вежливые люди.

- Какие ещё вежливые? - не поняла блондинка.

- Ну эти, без опознавательных знаков. Говорят, российский спецназ.

- А чего ж они без знаков?

- А чтоб не дразнить. Формально-то мы ещё Украина.

Анна слушала этот разговор и думала: как странно. Ещё неделю назад эти же люди, наверное, ходили на митинги за «единую Украину» или, наоборот, боялись высказываться. А теперь обсуждают российский спецназ так, словно речь идёт о приезде дальней родни.

Очередь продвинулась на полшага. Анна машинально взяла с полки ещё одну пачку макарон и положила в корзину. Андрей просил не паниковать, но она всё равно закупалась впрок. Женское сердце требовало определённости: полные полки - спокойная душа.

- Анна Игоревна! - окликнули её.

Она обернулась. У соседней кассы стояла Лариса Петровна, заведующая кафедрой. Они не виделись с того самого заседания, когда Гнатюк хлопнул дверью и ушёл.

- Здравствуйте, Лариса Петровна, Анна подошла, оставив корзину в очереди.

- Здравствуйте, голубушка. - Лариса Петровна выглядела бледной и уставшей, как вы? Держитесь?

- Держусь. А вы?

и я держусь. Только вот.., она замялась, оглянулась по сторонам и понизила голос. - Вы слышали? Гнатюк уволился. Заявление написал и уехал во Львов. Говорят, будет там преподавать в украинском университете.

- Я слышала, кивнула Анна. - Жаль. Хороший был преподаватель.

- Был, Лариса Петровна поджала губы. - А теперь - враг. Вы понимаете, Анна Игоревна? Мы с ним двадцать лет проработали. Учебники вместе писали. На его дочкиной свадьбе гуляли. А теперь он мне даже руки не подал. Уходя, сказал: «Вы остаётесь с оккупантами, а я уезжаю на свободную Украину».

- Мне он тоже ничего не сказал, тихо ответила Анна. - Просто вышел и дверью хлопнул.

- Вот так и живём, Лариса Петровна вздохнула. - Двадцать лет и всё псу под хвост. Коллеги, друзья, семьи - всё трещит по швам.

Они помолчали. Очередь снова двинулась.

- А вы сами-то как? - спросила Лариса Петровна. - С мужем, с детьми?

- Муж - за Россию, Анна усмехнулась. - Сын - в ополчении в Донецке. Дочь - в Киеве, на Майдане.

- Господи, Лариса Петровна всплеснула руками, как же вы это выдерживаете?

- Не знаю, честно сказала Анна. - Просто живу. Каждый день. Утром встаю, иду на работу, читаю лекции. А по но-

чам... по ночам бывает трудно.

- Представляю. У меня тоже дочь в Киеве. С мужем и детьми. Звонят каждый день, уговаривают уехать. А я не могу. Здесь - всё. Здесь могила мужа. Здесь внуки, которые в Севастополе. Здесь моя кафедра. Куда я поеду?

- Я тоже не поеду, сказала Анна. - Мой дом здесь.

Лариса Петровна посмотрела на неё долгим взглядом.

- Знаете, Анна Игоревна, сказала она наконец, я никогда не думала, что доживу до такого. До войны с собственными коллегами. До того, что мои студенты будут смотреть на меня, как на врага. До того, что дочь перестанет со мной разговаривать, но вот - дожила.

- Все дожили, Анна взяла её за руку, и все справляются. Мы справимся, Лариса Петровна. Вы же сильная женщина.

- Сильная, Лариса Петровна усмехнулась. - Только силы уже не те. Раньше я думала: старость это когда болят колени. А теперь знаю: старость это когда ты не можешь понять, в какой стране живёшь.

Очередь подошла к кассе. Женщины попрощались, условившись встретиться на следующем заседании кафедры - если оно вообще будет.

Анна расплатилась за покупки, вышла на улицу. Ветер дул холодный, пронизывающий, но небо над Симферополем было ясным, почти весенним. Она постояла немного, глядя, как облака бегут над городом, и вдруг поймала себя на странной мысли: «А ведь я счастлива».

Нет, не счастлива в обычном смысле. Слишком много тревоги, слишком много страха за детей, но где-то глубоко, под всем этим, жило чувство правильности происходящего. Она была на своей земле. Среди своих людей и её не надо было никуда уезжать.

- Ничего, прошептала она, повторяя слова Андрея. - Прорвёмся.

И пошла на автобусную остановку.

Часть 10. Первый бой

Донецк, 26 февраля 2014 года. Окраина города, район бывшего аэропорта. Алексей Бондаренко лежал за бетонным блоком и пытался унять дрожь в руках. Дрожь была не от страха - от холода. Февраль в Донецке выдался сырым и ветреным, а они сидели здесь уже четвёртый час, ожидая, когда из-за поворота покажутся грузовики с украинскими десантниками.

- Бондарь, не дрейфь, негромко сказал Дед, устраиваясь рядом. Он был спокоен, как всегда. Казалось, этот человек вообще не умеет волноваться. - Первый бой - он всегда такой. Главное - не суетись. Делай что говорят и береги голову.

- Я не дрейфлю, ответил Алексей. - Просто холодно.

- Холодно всем, Дед усмехнулся. - Ничего, скоро жарко станет.

Их отряд, человек тридцать, занял позиции вдоль дороги, ведущей к аэропорту. По данным разведки, колонна украинской армии должна была пройти здесь, чтобы взять под кон-

троль взлётную полосу. Ополченцы должны были их остановить., как - никто толком не знал. Оружия у них было - два автомата, три охотничьих ружья, несколько гранат и бутылки с зажигательной смесью, которые вчера мастерили в подвале Дома культуры.

Алексей сжимал в руках старую «Сайгу» - полуавтоматическое ружьё, которое ему выдал Дед. Ружьё было не новое, с потёртым прикладом, но ухоженное. «Держи, шахтёр. Оно не подведёт, если руки не подведут», сказал тогда Дед. Алексей проверил патроны - пять в магазине, ещё пятнадцать в кармане. Негусто.

- Едут, сказал кто-то в цепочке.

Алексей приподнялся, выглянул из-за блока. Вдали, на серой ленте шоссе, показались три грузовика. Они двигались медленно, осторожно, словно прощупывая дорогу. На бортах - жёлто-голубые флаги.

- Без команды не стрелять, разнёсся по цепочке голос Деда. - Ждём.

Грузовики приближались. Алексей видел уже лица солдат - молодые, напряжённые. Они тоже боялись. Они тоже не знали, что будет через минуту.

- Мужики! - крикнул Дед, поднимаясь во весь рост. Он вышел на дорогу, поднял руку. - Остановитесь! Не стреляйте! Мы такие же, как вы! У нас нет к вам вражды! Остановитесь, поговорим!

Головной грузовик затормозил. Из кабины выглянул офи-

цер - молодой, с погонами старшего лейтенанта.

- Вы кто такие? - крикнул он. - Немедленно освободите дорогу!

- Мы - народное ополчение Донбасса! - ответил Дед. - Мы не хотим крови. Мы хотим, чтобы вы ушли. Донбасс - не Украина. Донбасс сам решит свою судьбу.

- Вы нарушаете закон! - офицер явно нервничал. - Приказываю разойтись! Иначе будем применять оружие!

- Не надо оружия, сынок, Дед говорил спокойно, но твёрдо. - У тебя солдаты, у меня - шахтёры. Мы все - русские люди. Зачем нам убивать друг друга?

Алексей смотрел на эту сцену, и сердце колотилось в груди. Он видел, как солдаты в кузове переглядываются, как офицер колеблется, как напряжены лица ополченцев. Секунды тянулись, как часы.

И вдруг где-то сзади, со стороны ополченцев, раздался выстрел. Кто-то не выдержал, нажал на спуск. Пуля ударила в борт грузовика.

И началось.

Загрохотали автоматные очереди. Солдаты посыпались из кузова, занимая позиции. Ополченцы открыли ответный огонь. Алексей прижался к бетонному блоку и стрелял - не целясь, просто в сторону грузовиков. Рядом кто-то вскрикнул. Кто-то упал. Дед что-то кричал, но слов было не разобрать.

Алексей вдруг увидел, как один из ополченцев - Витька,

молодой парень, с которым они только вчера делили пайку, выронил ружьё и схватился за плечо. По пальцам текла кровь.

- Витька! - Алексей бросился к нему. - Ты как?

- Нормально... - Витька пытался улыбнуться, но губы его дрожали. - Царапина, кажется...

- Лежи, не вставай!

Алексей перевязал его кое-как, разорвав свою рубашку. Потом снова взялся за ружьё.

Бой длился минут пятнадцать. Потом вдруг стихло. Грузовики развернулись и ушли обратно - видимо, офицер решил не рисковать людьми. На дороге остались стреляные гильзы, пятна крови и один убитый - украинский солдат, совсем молодой, лет двадцати. Он лежал на боку, раскинув руки, и смотрел в небо мёртвыми глазами.

Алексей подошёл к нему. Постоял. Он впервые видел убитого так близко. Собственно, он впервые видел того, кого, возможно, убил он сам.

- Не смотри, сказал Дед, подходя. - Тяжело, но привыкай. Это война.

- Я знаю, глухо ответил Алексей.

- Ты молодец сегодня. Держался.

- Я стрелял. И, кажется, убил.

- Все стреляли и все, возможно, убили. Это наша работа теперь.

Алексей кивнул. Он посмотрел на свои руки - они всё ещё

дрожали. Только теперь не от холода.

Часть 11. Письмо

Вечером после боя Алексей сидел в подвале Дома культуры, который ополченцы оборудовали под казарму, и пытался написать письмо. На коленях у него лежал лист бумаги, вырванный из школьной тетради в клетку, в руке - ручка, которую он одолжил у Деда. Света почти не было - только тусклая лампочка под потолком да огонёк свечи на ящике из-под снарядов, но он писал. Потому что нужно было. Потому что внутри скопилось столько всего, что, если не выплеснуть - разорвёт.

«Мама, папа!

Не знаю, когда вы получите это письмо и получите ли вообще. Связи нет, интернет глушат, телефон почти не ловит. Решил написать по старинке - может, с оказией передам.

Я жив. Это главное. Сегодня был мой первый бой. Мама, не пугайся - всё обошлось. Мы остановили колонну украинских войск, они ушли. У нас один раненый - Витька, молодой парень, я о нём рассказывал. Ему зацепило плечо, но жить будет. У них... у них один убитый. Совсем мальчишка, лет двадцати. Я стоял над ним и думал: у него ведь тоже есть мать. Которая сейчас, может, смотрит в окно и ждёт., как ты ждёшь меня.

Папа, ты был прав. Я знаю, на чьей стороне правда, но правда эта тяжёлая. Когда стреляешь в человека, даже во

врага, что-то внутри ломается. Не знаю, смогу ли я это склеить обратно, но знаю, что по-другому нельзя. Если не мы - они и тогда всё, за что мы боролись, пойдёт прахом.

Мама, не плачь, читая это. Я знаю, ты всё равно заплачешь - ты всегда плачешь, когда волнуешься. Помнишь, как ты плакала, когда я в первый класс пошёл? А когда в шахту спустился в первый раз? А теперь - на войну. Прости меня, мама. Я не хотел тебя расстраивать. Просто так надо.

Слышал, что в Крыму уже всё решилось. Что российские войска взяли под контроль ключевые объекты. Что референдум будет в марте. Вы там держитесь. Мы тут тоже держимся. Донбасс не сдадут. Здесь люди, как кремень. Я ещё в шахте это понял: если человек может под землёй работать, в темноте, в пыли, рискуя жизнью каждый день, он ничего не боится.

Катя... Если сможете, передайте ей, что я её люблю. Я знаю, она сейчас в Киеве и думает иначе, но она моя сестра и я хочу, чтобы она это знала. Может быть, когда-нибудь она поймёт.

Ладно, заканчиваю. Свеча догорает, глаза слипаются. Завтра снова на позиции. Пишите мне. Даже если не доходят письма - всё равно пишите. Буду знать, что вы обо мне думаете.

Обнимаю всех. Особенно тебя, мама.

Ваш сын Алексей.

P.S. Папа, спасибо за всё. За науку. За то, что воспитал

мужчиной. Ты был прав. Мы возвращаемся домой».

Он сложил письмо вчетверо, убрал в нагрудный карман. Адреса писать не стал - всё равно конверта нет. Может, удастся передать с кем-нибудь из волонтёров, которые иногда прорываются через блокпосты. А может, так и будет лежать в кармане - до лучших времён.

Рядом зашевелился Дед.

- Не спишь? - спросил он.

- Не сплю. Письмо писал.

- Домой?

- Домой.

это правильно, Дед сел, потянулся за сигаретой. - Домой надо писать. Даже если не дойдёт. Ты пиши, и легче станет. Я сам в Афгане каждый день писал. Жене, матери. Половина не дошла, но я писал.

и что, легче становилось?

- Легче. Слова - они, как молитва. Даже если никто не слышит - Бог слышит. А если в Бога не веришь - сам услышишь. Это тоже важно.

Алексей кивнул. Он не очень понимал, что Дед имеет в виду, но решил запомнить. Может, потом поймёт.

- Спи, Бондарь, сказал Дед, закуривая. - Завтра трудный день.

- А лёгкие когда-нибудь будут?

- Не знаю, Дед выпустил дым в потолок. - Может, никогда, но ты держись. Ты крепкий. Шахтёры - они вообще крепкие.

это да, Алексей впервые за день улыбнулся. - Под землёй вообще многое понимаешь.

- Например?

- Например, что темнота это не страшно. Страшно - когда не знаешь, есть ли выход.

Дед посмотрел на него долгим взглядом.

- Хорошо сказал. Выход есть. Просто его иногда не видно, но он есть.

Они замолчали. Свеча догорела и погасла, оставив только красный уголёк сигареты Деда. Где-то наверху, над подвалом, гудел ветер. Где-то далеко гремели разрывы - артиллерия била по окраинам. Война продолжалась.

Алексей закрыл глаза и попытался представить море. Севастопольскую бухту на рассвете., как отец стоит на балконе и курит, глядя на корабли., как мама хлопочет на кухне., как Катя, ещё маленькая, бегает по набережной с воздушным шариком.

Он не знал, увидит ли всё это снова, но он знал, ради чего воюет.

Ради того, чтобы увидеть.

Часть 12. Стекло

Киев, 27 февраля 2014 года. Катя стояла у окна в гимназии и смотрела, как по двору ветер гоняет обрывки газет. Уроки отменили - то ли из-за нестабильной обстановки, то ли потому, что половина учителей разъехалась. Она пришла по привычке, просто чтобы не сидеть дома, не смотреть в те-

левизор, не слушать бесконечные новости, от которых уже тошнило и теперь стояла в пустом коридоре, прижавшись лбом к холодному стеклу, и думала.

Думала о том, как странно устроена жизнь. Ещё полгода назад она была обычной киевской школьницей. Училась, влюблялась, ссорилась с подругами, мечтала о будущем. Крым был просто местом, где живут родители. Севастополь - городом, куда она ездит на каникулы. А теперь Крым стал символом. Словом, которое разделило её жизнь на «до» и «после».

Она вспомнила, как прошлым летом они всей семьёй ездили в Балаклаву. Папа был за рулём, мама читала вслух путеводитель, Алёша дурачился на заднем сиденье. Они остановились у генуэзской крепости, и папа рассказывал про древних греков, про римлян, про то, как эта земля веками была перекрёстком цивилизаций. «Здесь всё перемешано, Катюша, говорил он. - Здесь каждый камень помнит и русских, и татар, и греков, и украинцев. Это наша общая земля».

Она тогда не придала значения этим словам. А теперь они всплыли в памяти и жгли, как пощёчина. «Наша общая земля». Почему же теперь она стала «их» землёй? Почему теперь папа - «оккупант», а мама - «предательница»? Кто это решил? Когда это случилось?

- Катя!

Она вздрогнула. В коридор выбежала Олеся - запыхавшаяся, с мокрыми от слёз глазами. В руке она сжимала телефон.

- Ты видела? Ты уже видела?

- Что? - Катя обернулась, и сердце ёкнуло от нехорошего предчувствия.

- Крым. Ваш Верховный Совет. Они проголосовали. Они назначили референдум. На шестнадцатое марта. О присоединении к России.

Катя медленно опустилась на подоконник. Ноги вдруг стали ватными, чужими. Она смотрела на Олесю, но видела не её - а Севастополь, площадь Нахимова, толпы людей с российскими флагами и среди них - отца.

- Уже? - голос прозвучал глухо, будто из-под воды.

- Уже, Олеся села рядом, взяла её за руку. - По всем каналам передают и знаешь... говорят, что российские войска уже по всему полуострову. Украинские части блокированы. Выхода нет.

Катя закрыла глаза. Она знала, что это случится. Знала с того самого дня, как увидела по телевизору «зелёных человечков» на улицах Севастополя. Знала, когда говорила с матерью и слышала в её голосе эту странную смесь страха и надежды. Знала, когда читала комментарии под своим постом - злые, едкие, полные ненависти, но одно дело - знать, а другое - услышать, что это произошло. Что теперь Крым официально уходит. Что её родители больше не в Украине. Что она сама теперь - неизвестно кто.

- Катя, Олеся заглянула ей в глаза, что с тобой? Ты белая, как мел. Хочешь, я принесу воды?

- Не надо, Катя покачала головой. - Я в порядке. Просто... знаешь, я думала, что у меня ещё есть время.

- Время для чего?

- Не знаю, она пожала плечами, и жест этот вышел беспомощным, детским. - Попрощаться, наверное. Объяснить. Понять. Я всё ждала, что мама позвонит и скажет: «Катюша, мы передумали, мы остаёмся в Украине». Глупо, да?

- Не глупо, тихо сказала Олеся. это по-человечески.

- А теперь - всё, Катя смотрела в одну точку на противоположной стене, где висел плакат с трезубцем и надписью «Україна понад усе». - Теперь они - Россия. А я - Украина. И, между нами, граница. Настоящая. С паспортами, с визами, с колючей проволокой. Понимаешь? Я не могу к ним просто так приехать и они ко мне не могут. Мы теперь - разные страны.

Олеся молчала. Она не знала, что сказать. Все слова, которые приходили в голову - «держись», «всё наладится», «время лечит», казались фальшивыми и пустыми. Поэтому она просто сидела рядом и держала Катю за руку.

- Знаешь, что самое страшное? - Катя повернулась к подруге. - Я ведь хочу к ним. Очень хочу. Вот прямо сейчас - сесть на поезд и поехать. Обнять маму. Увидеть папу. Постоять на нашей набережной, но я не могу. Потому что, если я туда поеду - здесь меня будут считать предательницей. А если останусь здесь - там меня будут считать... я не знаю кем. Отступницей. Врагом.

- Ты не враг, твёрдо сказала Олеся. - Ты - просто Катя. Ты любишь своих родителей. Что в этом плохого?

- В обычной жизни - ничего. А сейчас.., она обвела рукой коридор, плакат на стене, серое небо за окном. - Сейчас всё изменилось. Теперь нужно выбирать. Либо ты с нами, либо против нас. Третьего не дано.

- А мне кажется, третье - самое важное, негромко произнесла Олеся. - Оставаться человеком, когда все вокруг сходят с ума. Не выбирать сторону, а выбирать правду.

- А если правда у каждого своя?

- Тогда выбирать любовь, Олеся посмотрела на Катю серьёзно, по-взрослому. - Любовь это единственное, что не делится на «наших» и «ваших».

Катя долго смотрела на подругу. Потом вдруг обняла её - крепко, отчаянно, как обнимают перед дальней дорогой.

- Спасибо тебе, прошептала она. - Ты даже не представляешь, как это важно - знать, что хоть кто-то тебя понимает.

- Я понимаю, Олеся погладила её по спине. - У меня дядя в Харькове. Он тоже за Россию. Мы с ним разругались в пух и прах. А потом я подумала: он же мой дядя. Он меня на руках носил, когда я маленькая была. Неужели политика важнее этого?

- Не важнее, Катя отстранилась, вытерла слёзы. - Не должна быть важнее, но, как это объяснить всем остальным?

- Никак, честно ответила Олеся. - Можно только самой понять и жить с этим.

Они ещё немного посидели на подоконнике. В коридоре было тихо - только ветер за окном шумел да где-то вдалеке хлопали двери. Школа, ещё недавно полная жизни, теперь казалась заброшенным кораблём, который дал течь и медленно шёл ко дну.

Потом Катя встала.

- Пойдём, сказала она. - Надо домой. Тётя Оксана, наверное, с ума сходит.

- Пойдём.

Они вышли из гимназии. На улице было холодно, ветер гнал по асфальту сухие листья и обрывки каких-то листовок. Катя подняла одну - «Крым - це Україна! Захистимо наш дім!». Она прочитала, аккуратно сложила листовку и сунула в карман. Не потому, что была согласна. Просто на память.

Она думала о родителях. Интересно, они сейчас знают о решении Верховного Совета? Наверное, знают. Наверное, радуются. Или тревожатся. Или и то и другое вместе, как это часто бывает в последнее время.

Она достала телефон, нашла мамин номер. Палец завис над кнопкой вызова. Что сказать? «Я вас люблю»? «Простите меня»? «Почему вы так со мной поступили»?

Она не знала. В голове крутились обрывки мыслей, но ни одна не складывалась в слова. В конце концов она просто набрала короткое сообщение - такое же, как мама когда-то прислала ей: «Я жива. Всё нормально. Не волнуйтесь».

Отправила и пошла дальше, не дожидаясь ответа.

За её спиной, в пустом школьном коридоре, осталось стоять окно с видом на серый киевский двор. Стекло, к которому она прижималась лбом, ещё хранило тепло, но завтра оно остынет. Завтра всё будет по-другому.

Часть 13. Сны и пробуждение

Ночь на 28 февраля 2014 года. Четыре города, четыре окна, четыре пары глаз, смотрящих в темноту.

В Севастополе, в маленьком доме на Корабельной стороне, Андрей и Анна лежали без сна. За окном шумел ветер, гремел железом на крыше, раскачивал фонарь, и тени плясали по потолку, как беспокойные духи. Андрей держал жену за руку и думал о том, что завтра начинается новый отсчёт времени. Не просто новый день - новая эпоха. Крым больше никогда не будет украинским. Севастополь больше никогда не будет чужим портом. Его дети, разбросанные по разным городам, теперь - граждане разных государств, но он верил: это временно., как рассохшаяся бочка, которую можно собрать заново, так и семья, и страна, и сама история - всё собирается, если есть умелые руки и терпение.

- Ты спишь? - прошептала Анна.

- Нет.

- Я всё думаю о детях. О Кате. О Алёше., как они там?

- Живы, ответил Андрей. это главное. Остальное приложится.

- Ты всегда так говоришь. «Приложится». А если не приложится?

- Приложится. Мы же Бондаренко.

Анна улыбнулась в темноте. Она слышала эту фразу от мужа столько раз, что уже сбилась со счёта, но сейчас, в эту тревожную февральскую ночь, она почему-то прозвучало не, как привычная поговорка, а, как заклинание., как молитва., как обещание.

В Донецке, в подвале Дома культуры, Алексей сидел у догорающей свечи и перечитывал письмо, которое написал родителям, но так и не отправил. Он добавил ещё несколько строк - для Кати. «Сестрёнка, я знаю, мы сейчас по разные стороны, но я помню, как ты бегала за мной хвостиком., как мы ели чебуреки на набережной., как ты плакала, когда я уезжал в Донецк. Я не знаю, увидимся ли мы снова, но я хочу, чтобы ты знала: что бы ни случилось, ты моя сестра и я тебя люблю». Он сложил письмо, убрал в карман. Рядом спали товарищи - усталые, измотанные, но не сломленные. Завтра снова на позиции. Завтра снова бой.

А в Киеве, на Оболони, Катя смотрела в потолок и думала о том, как странно устроен мир. Ещё вчера у неё была семья. Пусть далеко, но - семья. А сегодня она словно стоит на перроне и смотрит вслед уходящему поезду и никто не знает, когда будет следующий и будет ли вообще. Она вспомнила слова Олеси - «любовь не делится на наших и ваших» и впервые за долгое время почувствовала не боль, а тихую, спокойную решимость. Она не будет выбирать. Она останется собой. Катериной Бондаренко. Дочерью своих родителей.

Сестрой своего брата. Украинкой, которая любит русский Крым. Русской, которая живёт в украинском Киеве. Мостом между двумя берегами.

Где-то глубоко под землёй, в симферопольской квартире, спала Лариса Петровна, и ей снился университет - старый, довоенный, с высокими сводчатыми потолками и запахом книжной пыли. Во сне она шла по коридору, а навстречу ей - коллеги, с которыми она проработала двадцать лет. Они улыбались, кивали, и никто не хлопал дверьми, никто не называл её врагом. Хороший сон. Почти забытое чувство единства.

Где-то на блокпосту под Симферополем майор Кузнецов пил чай из термоса и смотрел на звёзды. Он думал о том, что эта операция войдёт в учебники. Что когда-нибудь его внуки спросят: «Дед, а ты правда был там? В Крыму, в четырнадцатом?» И он ответит: «Был» и это будет самая короткая и самая честная история его жизни.

Где-то в поезде, уходящем из Киева во Львов, Олег Степанович Гнатюк смотрел в тёмное окно и видел там своё отражение - усталое, осунувшееся, но полное праведного гнева. Он ехал на запад, подальше от «русской оккупации», и думал, что поступает правильно, но где-то глубоко внутри, в том месте, которое не подчиняется идеологии, жила память о симферопольской кафедре, о совместных учебниках, о чаепитиях в преподавательской и эта память молчала, но не умирала.

Четыре окна погасли. Четыре города уснули. А над ними,

над всем этим расколотым, израненным, но всё ещё живым миром, раскинулось одно на всех небо - чёрное, бездонное, усыпанное звёздами.

И где-то там, в вышине, ветер нёс облака с востока на запад, не разбирая границ.

Потому что у неба нет границ и у любви - тоже.

Завтра наступит новый день и новая глава.

Глава 3. Референдум

Часть 1. Подготовка

Севастополь, 1 марта 2014 года. Андрей Петрович Бондаренко стоял во дворе своего дома на Корабельной стороне и разговаривал с соседями. Разговор был не праздный - решали, кто пойдёт агитировать по квартирам, кто будет дежурить на избирательном участке, кто возьмёт на себя подвоз пожилых людей. До референдума оставалось две недели, и работы было невпроворот.

- Петрович, ты как, сможешь зайти к Петровым из пятой квартиры? - спрашивал Гаврилов, сверяясь с мятым списком, который он держал в руках. - Они вроде колеблются. Надо поговорить.

- Смогу, кивнул Андрей. - А что с Ниной Степановной из третьего подъезда? Ей восемьдесят два, она сама не дойдёт.

- За ней я заеду, отозвался молодой парень из дружины. - У меня машина. Посажу, довезу, обратно привезу.

- Добро.

Двор гудел, как улей. Люди выходили из подъездов, собирались в группы, обсуждали последние новости. Кто-то разворачивал российский флаг, чтобы повесить на балконе. Кто-то нёс коробки с листовками. Пахло весной, морем и типографской краской.

Андрей смотрел на всё это и чувствовал странное, почти забытое чувство. Воодушевление. То самое, которое он последний раз испытывал, наверное, в молодости, когда служил на Северном флоте и верил в свою страну. Тогда эта вера была растоптана, разбита, развеяна по ветру девяностыми. А теперь - возвращалась. Медленно, осторожно, как возвращается чувство в онемевшую руку. Покалывает, но уже чувствуется.

- Андрей, к нему подошла Анна. Она была в пальто и с сумкой через плечо - собиралась в Симферополь, в университет. - Я уезжаю. Сегодня заседание кафедры. Будут решать, как работать дальше.

- Понял, он поцеловал её в щёку. - Ты там осторожнее. Мало ли.

- Постараюсь, она улыбнулась, но улыбка вышла тревожной. - Ты тоже... не лезь на рожон.

- Я - никогда, Андрей усмехнулся. - Я только по делу.

Анна покачала головой и пошла к остановке. Андрей проводил её взглядом и вернулся к соседям.

Через час он уже стучал в дверь пятой квартиры. Открыл Пётр Иванович Петров - сухонький старик лет семидесяти,

бывший учитель истории, человек начитанный и осторожный.

- Здравствуйте, Пётр Иванович, Андрей поздоровался уважительно. - Я к вам по поручению инициативной группы.

- Проходите, старик посторонился, пропуская его в прихожую. - Знаю, знаю, зачем вы. О референдуме.

В комнате пахло книгами и старыми обоями. На стенах - полки с томами, на столе - раскрытая газета «Крымская правда». Пётр Иванович сел в кресло, предложил Андрею стул.

- Вы, Андрей Петрович, извините старика, но я вам прямо скажу, начал он. - Я в сомнениях.

- В каких? - спросил Андрей спокойно.

- Понимаете, я историк. Я всю жизнь изучал факты и факты говорят: Крым был передан Украине в пятьдесят четвёртом году. Это было решение Верховного Совета СССР. Юридически - законно. А теперь мы хотим это решение отменить, но на каком основании? На основании того, что нам так хочется?

- Не только, Андрей покачал головой. - На основании того, что Украина, которой мы доверились, изменила нам. Она стала другой страной. Враждебной.

- Враждебной? - Пётр Иванович прищурился. - А вы не допускаете, что это мы стали другими?

- Допускаю, но посмотрите на Киев. Майдан. Переворот. Люди, которые пришли к власти, первым делом отменили

закон о языках. Вы понимаете, что это значит? Что русских здесь больше не уважают. Что нам указывают на дверь.

Пётр Иванович молчал. Потом вздохнул.

- Вы знаете, я ведь в оккупации был. Мальчишкой. Помню, как немцы стояли в Севастополе и помню, как наши их выбили. Так вот, я тогда думал: «Родина это Россия» и когда в девяносто первом Союз распался, я плакал. А теперь... теперь я боюсь.

- Чего?

- Войны. Если мы уйдём в Россию - Украина этого так не оставит. Будет война. Я старый человек, я не хочу слышать взрывы.

Андрей наклонился вперёд, посмотрел старику в глаза.

- Пётр Иванович, война уже идёт. В Киеве стреляют. В Донецке - бои. А мы здесь пока в тишине, но надолго ли? Если мы останемся в Украине - нас заставят воевать против своих. Против России. Вы этого хотите?

- Нет, тихо сказал старик.

- Тогда референдум это наш шанс уйти от войны. Вернуться домой и закрыть дверь.

Пётр Иванович долго молчал. Потом кивнул.

- Приходите шестнадцатого, сказал Андрей, вставая. - Я за вами заеду. Лично.

Когда он вышел на лестничную клетку, то увидел Гаврилова, который курил у окна.

- Ну как?

- Будет голосовать, сказал Андрей. - Кажется.

- А ты умеешь убеждать, Гаврилов хмыкнул. - Может, тебе в политику?

- Не дай Бог, Андрей даже перекрестился. - Я бондарь. Моё дело - бочки.

- Ну-ну, Гаврилов засмеялся. - Бочки так бочки.

Они спустились во двор, где уже собиралась новая группа добровольцев. Работа кипела. До референдума оставалось пятнадцать дней.

Часть 2. Выбор Анны

Симферополь, 3 марта 2014 года. Анна сидела в полупустой аудитории и смотрела на стопку зачётных ведомостей, которые ей предстояло заполнить. Занятия в университете формально ещё шли, но студентов с каждым днём становилось всё меньше. Одни уехали с родителями на Украину. Другие, наоборот, перевелись в российские вузы - кто в Краснодар, кто в Ростов, кто в Москву. Третьи просто не ходили, ждали, чем всё закончится.

Она отложила ручку и потёрла уставшие глаза. Вчерашнее заседание кафедры прошло тяжело. После ухода Гнатюка и ещё двух преподавателей оставшиеся пытались понять, как работать дальше. Будут ли новые программы? Какие учебники использовать? Кто будет финансировать университет - Киев или Москва? Ответов не было. Лариса Петровна держалась, но было видно, что силы на исходе. «Мы, как корабль в тумане, сказала она под конец. идём вперёд, но не знаем,

какие там скалы».

Анна думала о своём. В сумке у неё лежали два документа, которые она получила сегодня утром в паспортном столе. Анкета на получение российского паспорта и её украинский паспорт - синий, с трезубцем, с отметками о рождении детей, с визами и штампами. Она положила их рядом на стол и долго смотрела, не решаясь сделать выбор.

Украинский паспорт был для неё не просто документом. Он был частью её жизни. Она помнила, как получала его в девяносто первом, после развала Союза. Тогда это казалось началом новой эры - Украина, независимая, свободная, европейская. Она верила в эту страну. Преподавала её язык, изучала её литературу, растила детей гражданами Украины и вот теперь эта страна стала для неё чужой. Или она стала чужой для этой страны.

Она взяла в руки украинский паспорт, раскрыла. Фотография - молодая, улыбающаяся женщина. Совсем не похожа на ту усталую, осунувшуюся Анну, которая сидит сейчас в пустой аудитории. Дети вписаны: Алексей Андреевич Бондаренко, Екатерина Андреевна Бондаренко. Тогда они были просто детьми, без политики, без идеологии. Просто её сын и дочь.

А теперь? Алексей - ополченец в Донецке. Катя - активистка Майдана в Киеве и она сама - между ними., как мост, по которому никто не идёт.

Она вспомнила, как неделю назад звонила мать из Полта-

вы. Старая учительница украинского языка, она всегда была для Анны моральным авторитетом. «Доню, сказала она тогда, и голос её дрожал по телефону, я не знаю, что вам посоветовать. Я прожила жизнь при Советском Союзе и при Украине и везде были хорошие люди и плохие люди. Не дай им сделать тебя плохой. Оставайся собой».

«Оставайся собой». Легко сказать, но кто она теперь? Украинка, которая голосует за Россию? Русская, которая любит украинскую литературу? Преподаватель, чьи студенты разбегаются? Мать, чьи дети стали врагами?

Она взяла анкету. Прочитала пункты: фамилия, имя, отчество, место рождения, гражданство. Гражданство: Российская Федерация. Она взяла ручку и аккуратно, каллиграфическим почерком, которым когда-то выводила буквы на доске, вписала свои данные. Потом отложила анкету и взяла украинский паспорт. Провела по нему рукой, словно прощаясь и убрала в сумку. Не выбросила - убрала. Пусть лежит., как память о стране, которая могла быть её домом, но не стала.

- Анна Игоревна! - в аудиторию заглянула молоденькая лаборантка. - Там к вам студентка. Можно?

- Пусть заходит.

Вошла девушка - одна из тех, кто ходил на её лекции. Анна помнила её: тихая, серьёзная, всегда сидела на первой парте. Кажется, зовут Марина.

- Анна Игоревна, я хотела спросить... - девушка мялась,

явно не решаясь.

- Спрашивай.

- Вы остаётесь? Ну, в Крыму? Или уезжаете?

- Остаюсь, сказала Анна спокойно. - А ты?

- Я тоже, девушка выдохнула с облегчением. - А то я боялась, что все преподаватели уедут, и университет закроют.

- Не закроют, Анна улыбнулась, хотя улыбка вышла усталой. - Будем работать. Программы, наверное, поменяются, но литература останется. Шевченко останется.

«и Пушкин?» - спросила девушка.

и Пушкин и Мицкевич и Гёте. Литература не знает границ, Марина. Это я тебе, как филолог говорю.

Девушка кивнула и вышла. Анна осталась одна. Она посмотрела на заполненную анкету, на сумку, где лежал старый паспорт, и вдруг почувствовала, как внутри что-то отпускает. Словно она перешла невидимый рубеж. Сделала выбор и этот выбор был - остаться собой. Анной Бондаренко. Женой. Матерью. Филологом. Человеком, который любит своих детей, даже если они её не понимают.

Она собрала вещи и вышла из аудитории. В коридоре было пусто. Ветер с моря бил в окна. Она спустилась по лестнице, вышла на улицу и пошла к автобусной остановке. Домой. В Севастополь. К Андрею.

Там, дома, она достанет дневник и запишет: «3 марта. Подала анкету на российский паспорт. Украинский оставила. На память. Пусть лежат рядом - две части моей жизни. Я не

могу отречься ни от одной из них. Я - мост и буду им, пока жива».

Часть 3. Донецк. Накануне

Донецк, 5 марта 2014 года. Алексей сидел на лавке в сквере возле здания бывшей областной администрации - теперь штаба ополчения и смотрел, как мимо него течёт людская река. Митинг только что закончился, но люди не расходились. Они стояли группами, обсуждали новости, грелись у костров в железных бочках, пели песни. Над площадью развевались флаги - российские триколоры, знамёна ДНР, чёрно-сине-красные стяги. В воздухе пахло дымом, соляркой и той особой, тревожной весной, которая в Донбассе всегда пахнет углём.

- Бондарь! - окликнул его знакомый голос.

Алексей обернулся. К нему шёл Дед - в своём неизменном камуфляже, с автоматом за спиной и неизменной сигаретой в зубах.

- Чего расселся? - Дед присел рядом. - Отдыхаешь?

- Думаю, ответил Алексей.

- О чём?

- О референдуме. В Крыму шестнадцатого. А у нас когда?

Дед затянулся, выпустил дым.

- У нас? - он усмехнулся. - У нас, Бондарь, всё сложнее. Крым это особый случай. Там большинство русских, там флот, там всё понятно. А у нас... - он обвёл рукой площадь. - У нас половина за Россию, половина за Украину, а третья

половина вообще за то, чтобы их оставили в покое.

- Третьей половины не бывает, машинально поправил Алексей.

- Бывает, Дед посмотрел на него серьёзно. - На войне всё бывает. Ты ещё молодой, не понимаешь. Люди хотят просто жить. Работать, растить детей, пить пиво по пятницам. А политика... она для них, как снег в мае. Нежданная и неприятная.

Но ведь есть же принципы, Алексей сжал кулаки. - Нельзя вечно сидеть и ждать, пока за тебя всё решат.

- Принципы есть, согласился Дед. - Только у каждого свои. Вон, видишь мужика с сине-жёлтым флагом?

Алексей посмотрел. У края площади стоял невысокий человек лет сорока, в гражданской одежде, с украинским флагом в руках. Он не выкрикивал лозунгов, не спорил - просто стоял и держал флаг. Вокруг него образовалось пустое пространство - люди обходили стороной, но не трогали.

- Вижу.

- Он тоже за принципы. За Украину. За единство. Только его правда - другая и таких здесь много. Ты думаешь, они уедут, если Донбасс войдёт в Россию? Нет. Они здесь родились, здесь их дом.

- Значит, война, тихо сказал Алексей.

- Значит, война, подтвердил Дед. - Поэтому я и говорю: у нас всё сложнее. Крым уйдёт тихо. А Донбасс будет воевать. Долго.

Они помолчали. Мимо прошла группа ополченцев - молодые парни с оружием, возбуждённые, громкие. Один из них, совсем мальчишка, лет семнадцати на вид, тащил на плече старый автомат ППШ, неизвестно где раздобытый.

- Смотри, кивнул на него Дед. - Пацаны идут. Им бы ещё в школе учиться, а они уже с оружием и это только начало. Через месяц здесь будут тысячи таких.

- Я их понимаю, сказал Алексей. - Я сам такой.

- Я знаю. Поэтому и говорю с тобой. Ты думающий. А думающие на войне нужны не меньше, чем стреляющие. Может, даже больше.

Алексей хотел ответить, но тут к ним подошёл Витька - тот самый молодой шахтёр, которого ранило в первом бою. Рука у него была на перевязи, но выглядел он бодро.

- Здорово, мужики! - Витька присел рядом. - О чём спорим?

- О референдуме, сказал Алексей.

- А чего о нём спорить? - Витька пожал здоровым плечом. - В Крыму будет, у нас тоже будет. Народ хочет в Россию. Шахтёры - за. Я сам за.

- Все шахтёры? - спросил Дед.

- Ну... почти все, Витька чуть сбавил тон. - Есть, конечно, которые за Украину, но их мало.

- Вот видишь, Дед повернулся к Алексею. - «Мало», но есть и это «мало» будет стрелять в вас. А вы - в них и это будет страшно.

Витька нахмурился.

- Дед, ты чего такой мрачный? Мы же за правое дело!

- За правое, согласился Дед. - Только правое дело не делает войну менее кровавой. Я в Афгане был. Знаю, о чём говорю.

При слове «Афган» все замолчали. Алексей смотрел на Деда и думал: сколько же этот человек пережил? Сколько видел смертей? Скольких потерял?

- Ладно, Дед встал, закинул автомат за спину. - Хватит философии. Завтра в шесть утра построение. Будем позиции укреплять. Говорят, украинская армия подтягивает силы к Славянску.

- Понял, Алексей тоже встал. - Будем.

Дед ушёл, а Витька остался сидеть.

- Слышь, Бондарь, сказал он негромко. - А у тебя родные-то где?

- Родители в Севастополе. Сестра в Киеве.

- В Киеве? - Витька присвистнул, и как? Она за Украину?

- За Украину, коротко ответил Алексей.

- Жёстко и что, не общаетесь?

- Пытаемся. Трудно.

Витька кивнул.

- У меня тоже двоюродный брат в Харькове. За Украину. Раньше каждый месяц созванивались. А теперь, как отрезало. Мать говорит: «Не лезь, пусть остынет». А я думаю: а если не остынет? Если навсегда?

Алексей ничего не ответил. Да и что тут скажешь?

Часть 4. Киев. Разговоры о Крыме

Киев, 6 марта 2014 года. Квартира на Оболони. Оксана Игоревна сидела на кухне, обхватив ладонями чашку с остывшим кофе, и смотрела в одну точку. По телевизору, который работал фоном, передавали новости: «Верховный Совет Крыма принял решение о вхождении в состав Российской Федерации... Назначен референдум на 16 марта... Украинское правительство заявляет решительный протест...» Диктор говорил что-то ещё, но Оксана уже не слушала. Она просто сидела и думала.

За эти две недели она постарела лет на десять. Морщины у глаз стали глубже, в волосах прибавилось седины. Она смотрела на экран, где показывали карту Крыма, уже обведённую красной линией, и пыталась совместить эту картинку с образом сестры. Анна. Её Аня. С которой они в детстве делили одну комнату, одни игрушки, одни мечты. Которая теперь - по ту сторону красной линии.

- Тётя Оксана! - в кухню заглянула Катя. - Ты чего?

- Ничего, Катюша. Просто новости смотрю.

Катя подошла, встала за спиной у тётки, посмотрела на экран. Там, как раз показывали Севастополь - площадь Нахимова, толпы с российскими флагами, счастливые лица.

- Они правда радуются, тихо сказала Катя. - Посмотри на них. Они счастливы.

это пропаганда, машинально ответила Оксана, но голос

прозвучал неуверенно.

- Тётя Оксана, Катя села напротив. - Я же видела это своими глазами. Не по телевизору - вживую. Прошлым летом, когда к родителям ездила. Там люди говорили о России. Не все, но многие и они не были проплаченными или обманутыми. Они искренне этого хотели.

Оксана подняла глаза на племянницу.

и ты тоже? Тоже хочешь в Россию?

- Нет, Катя покачала головой. - Я не хочу в Россию. Я хочу в Украину, но я не могу ненавидеть тех, кто хочет иначе. Понимаешь? Не могу и всё.

- Понимаю, Оксана вздохнула. - Я тоже не могу ненавидеть твою маму. Хотя, наверное, должна бы.

- Почему должна?

- Потому что она... - Оксана запнулась, подбирая слова. - Потому что она теперь гражданка другой страны. Враждебной страны. Так говорят по телевизору. Так пишут в газетах. Так считают мои коллеги.

- А ты сама, как считаешь?

Оксана долго молчала. Потом сказала:

- Я считаю, что политика это грязь и самое страшное - когда эта грязь проникает в семьи.

Она встала, подошла к окну. За стеклом шумел Киев - большой, встревоженный, но всё ещё живущий своей жизнью. Люди спешили по делам, машины гудели в пробках, где-то вдалеке играла музыка.

- Знаешь, что мне вчера сказал мой начальник? - спросила Оксана, не оборачиваясь. - Он сказал: «Оксана Игоревна, вы должны определиться. Сейчас такое время - кто не с нами, тот против нас. Если у вас родственники в Крыму поддерживают аннексию - вы должны публично их осудить. Иначе у нас будут вопросы».

«и что ты ответила?» - тихо спросила Катя.

- Я сказала, что моя сестра - не политик. Она учитель и я не буду её осуждать за то, что она живёт там, где живёт.

- А он?

- А он сказал: «Подумайте» и я думаю. Всю ночь думала.

Оксана повернулась. Глаза у неё были красные - то ли от недосыпа, то ли от слёз.

- Катя, я боюсь. Боюсь потерять работу. Боюсь, что на меня напишут донос. Боюсь, что начнут травить, как травят всех, кто не кричит «Слава Украине» громче всех, но ещё больше я боюсь потерять сестру. Понимаешь? Если я публично её осужу это конец. Она мне этого не простит и я сама себе не прощу.

- Не осуждай, просто сказала Катя. - Я тоже не осуждаю. Хотя мне тоже говорят: «Ты должна ненавидеть». А я не могу.

Оксана подошла, обняла племянницу.

- Ты мудрая не по годам, Катюша. В кого ты такая?

- В маму, наверное, Катя улыбнулась краешком губ, она тоже не умеет ненавидеть. Она мне в последнем письме на-

писала: «Язык это душа народа, но душа не может ненавидеть другую душу. Иначе она перестаёт быть душой».

- Красиво, Оксана покачала головой, и страшно. Потому что сейчас время ненависти и тех, кто не ненавидит, сминают.

- Пусть сминают, сказала Катя. - Мы всё равно не будем. Правда, тётя Оксана?

Оксана посмотрела на неё долгим взглядом. Потом кивнула.

- Правда.

Они ещё постояли немного, обнявшись. А по телевизору продолжали показывать Крым - счастливые лица, российские флаги, море цветов и диктор говорил что-то о «нарушении международного права», но Оксана уже не слушала. Она думала о сестре.

Часть 5. 16 марта

Севастополь, 16 марта 2014 года. День референдума.

Андрей Петрович Бондаренко проснулся в пятом часу утра, ещё затемно. В комнате было холодно - за ночь выстыли стены старого дома. Он лежал под одеялом и смотрел в потолок, где проступали едва заметные в предрассветных сумерках разводы от прошлогодней протечки. Анна спала рядом - дышала ровно, тихо, подложив ладонь под щёку, как в детстве. Он осторожно, стараясь не скрипеть рассохшимися половицами, встал, оделся и вышел на кухню.

За окном занимался рассвет - серый, пасмурный, без до-

ждя. Море в бухте лежало спокойное, как зеркало. На рейде чернели силуэты кораблей - российских, теперь уже без всяких сомнений российских. Андрей постоял у окна, глядя, как медленно светлеет небо над городом. «Хороший день, подумал он. - Правильный день».

Он достал из шкафа чистую рубашку - белую, ту, что Анна берегла для особых случаев: свадеб, юбилеев, похорон. Сегодня был особый случай. Сегодня они голосовали. Не за зарплату, не за тарифы, не за очередного депутата с лживыми обещаниями. Сегодня они голосовали за Родину. За ту страну, которую он когда-то потерял и которую теперь возвращал себе - своими руками, своим сердцем, своим голосом.

Он поставил чайник, заварил чай. Сел у окна, глядя на просыпающийся город. Внизу, по Корабельному спуску, уже шли первые прохожие. Старуха в тёмном платке, придерживаясь за перила. Мужчина с российским флагом, свёрнутым в трубку. Молодая пара с ребёнком - малыш сидел у отца на плечах и вертел головой, разглядывая непривычно многолюдную улицу. Все они двигались в одном направлении - туда, где над школой номер три уже поднимали флаги.

Андрей вспомнил своего деда. Захара Трофимовича, бондаря из-под Полтавы. Тот умер в 1978-м, когда Андрей ещё курсантом был. Дед не застал ни перестройки, ни развала, ни дележа флота, но он говорил: «Россия, она, как дубовый обруч. Её согнуть трудно, сломать - почти невозможно, но если

уж сломают - собрать заново сможет только мастер». Андрей тогда не очень понимал, о чём дед. Теперь - понимал. Мастер нашёлся и сейчас этот мастер - сам народ.

- Ты уже не спишь? - голос Анны вывел его из задумчивости.

Она стояла в дверях кухни, закутанная в старый махровый халат, с припухшими со сна глазами.

- Не сплю. Садись, чай горячий.

- Который час?

- Начало седьмого. Нам к восьми.

- Успеем, она села напротив, обхватила чашку ладонями. Помолчала. Потом сказала: - Андрей, мне страшно.

- Чего?

- Не знаю. Всего сразу. Что явки не будет. Что люди побоятся. Что Украина введёт войска. Что кто-нибудь устроит провокацию. Что Запад введёт санкции. Что всё это окажется сном...

- Тише, он взял её лицо в ладони, заглянул в глаза. - Всё будет хорошо. Мы этого ждали двадцать три года. Дождались. А теперь - просто пойдём и поставим галочку. Это не страшно. Это радостно.

- Ты правда так думаешь?

- Я знаю.

Она посмотрела на него долгим взглядом. Потом улыбнулась - впервые за много дней.

Через час они вышли из дома. Утро было прохладным, но

уже по-весеннему свежим. В воздухе пахло морем, мокрой листвой и чем-то ещё - едва уловимым, но отчётливым. Пахло надеждой. Или, может быть, историей. Андрей не мог подобрать слова, но знал: сегодняшний день запомнится навсегда. О нём будут рассказывать детям и внукам, о нём будут писать в учебниках, его будут показывать в документальных фильмах и он, Андрей Петрович Бондаренко, капитан второго ранга в отставке, бондарь с Корабельной стороны, он здесь. Он часть этого.

Избирательный участок располагался в школе номер три - той самой, где когда-то учился Алёша. К тому моменту, когда Андрей и Анна подошли, очередь перед входом уже растянулась метров на двести. Сотни людей - старики с палочками, женщины с цветами, мужчины с флагами, молодые семьи с детьми и ни одного хмурого лица. Люди улыбались, переговаривались, поздравляли друг друга, словно с общим днём рождения.

- Петрович! - раздался знакомый голос.

К ним протискивался Гаврилов. Он был при полном параде: отутюженный китель со всеми медалями, георгиевская ленточка на груди, в одной руке - российский флажок, в другой - термос.

- Дождались! Чтоб я помер - дождались!

- Типун тебе на язык, улыбнулась Анна. - Живи ещё сто лет.

- Сто не обещаю, а двадцать - запросто! Лишь бы на Рос-

сию посмотреть!

- А ты что, её никогда не видел? - усмехнулся Андрей.

- Видел, но то была не совсем она. То была Россия - пьяная, слабая, в девяностые. А теперь - другая. Которая за своих стоит. Которая не бросает. Такая Россия мне нужна. За такую - голосовать готов.

Очередь двигалась медленно, но никто не жаловался. Какая-то женщина раздавала домашние пирожки - «берите, не стесняйтесь, сегодня праздник!». Старик с аккордеоном наигрывал «Севастопольский вальс», и кто-то уже подпевал. Мальчишки, не понимавшие торжественности момента, играли в догонялки прямо в очереди, и никто их не одёргивал. Над толпой плыли флаги - российские, андреевские, красные знамёна Победы и в воздухе стоял тот особый гул, который бывает только в моменты большого исторического подъёма - гул тысяч голосов, сливающихся в один.

- Смотри, Анна дёрнула Андрея за рукав. это же Пётр Иванович!

Действительно, к участку медленно шёл тот самый старик-историк из пятой квартиры, которого Андрей агитировал две недели назад. Он опирался на палку, но шагал твёрдо. За ним шла его жена, тоже старенькая, в выцветшем, но аккуратном пальто.

- Пётр Иванович! - Андрей подошёл к нему. - Вы всё-таки пришли!

- Пришёл, старик остановился, перевёл дух. - Я, знаете,

всю ночь не спал. Думал. А утром встал и понял: не могу не прийти. Я историк, Андрей Петрович. Я должен войти в историю. Хотя бы, как песчинка.

- Не, как песчинка, твёрдо сказал Андрей, как полноправный гражданин.

Пётр Иванович кивнул, и в его выцветших старческих глазах блеснули слёзы.

Вот и вход. Вот стол с бюллетенями. Молодая женщина в белой блузке протянула Андрею листок. Он взял его, посмотрел. Два вопроса. Первый: «Вы за воссоединение Крыма с Россией на правах субъекта Российской Федерации?» Второй: «Вы за восстановление действия Конституции Республики Крым 1992 года и за статус Крыма, как части Украины?»

Он даже не стал читать второй вопрос до конца. Взял ручку - обычную шариковую ручку, привязанную верёвочкой к столу, и аккуратно, твёрдой рукой поставил галочку в первом квадрате. Ручка немного скрипнула. Галочка получилась ровная, уверенная. Он сложил бюллетень пополам и опустил в прозрачную пластиковую урну.

Рядом Анна держала свой бюллетень. Она помедлила - Андрей видел, как дрогнула её рука. Она, преподаватель украинской литературы, гражданка Украины, мать дочери, которая сейчас в Киеве, она делала выбор. Не просто политический - экзистенциальный. Она выбирала не Россию против Украины. Она выбирала себя. Свою семью. Свой дом.

Своё право жить на своей земле так, как она считает нужным.

Она поставила галочку. Первый вопрос.

- Всё? - тихо спросил Андрей.

- Всё.

Он взял её за руку, и они вышли из здания школы и тут Андрей услышал звук, который заставил его остановиться. Где-то в толпе кто-то запел. Тихо, неуверенно, но с каждым тактом всё громче:

«Россия - священная наша держава,

Россия - любимая наша страна...»

И вот уже подхватили десятки голосов. Сотни и весь двор перед школой пел гимн - ещё не своей, но уже почти своей страны. Старухи плакали. Мужчины стояли навытяжку. Гаврилов, прижав руку к сердцу, пел так громко, что срывал голос.

Анна плакала. Андрей держал её за руку и чувствовал, как по его собственным щекам текут слёзы. Он не стеснялся их. Сегодня плакали все.

- Дождались, прошептал он. - Господи, дождались.

Вечером они сидели дома, втроём с Гавриловым. Тот притащил бутылку шампанского - пыльную, с выцветшей этикеткой.

это я ещё в девяносто первом купил, пояснил он, разливая по бокалам. - Тогда, когда Союз развалили. Купил и сказал: «Открою, когда Россия вернётся в Севастополь». Двадцать

три года в погребе простояла. Ждала., как и мы.

- Двадцать три года, повторила Анна. - Целая жизнь.

- Целая жизнь, согласился Гаврилов, но мы дождались.

Они выпили. Шампанское было тёплым и немного горьким - всё-таки двадцать три года в погребе не шутка, но Андрею оно показалось самым вкусным в его жизни.

По телевизору передавали первые результаты. Девяносто шесть процентов. Девяносто семь. В Севастополе - девяносто пять с половиной. Победа. Полная, безоговорочная, оглушительная.

- Завтра на могилу к матери поеду, сказал вдруг Гаврилов. - Расскажу. Что дождались. Что флаг подняли. Что Севастополь снова русский.

- Поезжай, кивнул Андрей. - Обязательно поезжай.

Анна сидела молча, глядя в окно. Там, в темноте, перемигивались огни на рейде - красные, зелёные, белые. Андрей знал, о чём она думает. О том же, о чём и он.

- Я Кате звонила, сказала она наконец, она трубку не взяла.

- Позвонит ещё, Андрей обнял её за плечи. - Не сегодня, так завтра. Не завтра, так через месяц, но позвонит. Она же наша дочь.

- Наша, повторила Анна. - Только теперь она - гражданка Украины. А мы - граждане России., как мы будем жить?

-, как жили, так и будем. Границы это для политиков. А для семей - мосты.

Он не знал тогда, что говорит пророческие слова. Что через несколько лет через Керченский пролив действительно вырастет мост. Что он, Андрей Бондаренко, будет работать на этой стройке своими руками. Что этот мост станет для него не просто работой - спасением. Символом. Доказательством того, что всё было не зря.

Но это будет потом.

А сейчас было 16 марта 2014 года. День, когда Крым вернулся домой.

За окном гремели салюты. Город праздновал. Люди вышли на улицы с флагами, с цветами, с песнями и где-то в этой толпе стоял пожилой учитель истории Пётр Иванович Петров и, возможно, впервые в жизни чувствовал себя не песчинкой, а творцом истории.

И где-то в Симферополе Лариса Петровна, заведующая кафедрой, смотрела в телевизор и плакала - то ли от радости, то ли от горя.

И где-то в Киеве Оксана Игоревна сидела в тёмной кухне, обхватив голову руками.

И где-то в Донецке Алексей Бондаренко, узнав результаты, молча кивнул и сказал: «Значит, и у нас так будет».

И где-то в Киеве, на Оболони, Катя Бондаренко смотрела в телефон и не могла решиться позвонить матери.

Шестнадцатое марта. День, который изменил всё.

Часть 6. Вечер после

Севастополь, 16 марта 2014 года, вечер.

Когда салюты отгремели и толпы на площади Нахимова начали редеть, Андрей и Анна вернулись домой. Гаврилов, изрядно захмелевший от шампанского и счастья, ушёл к себе, пообещав завтра с утра ехать на кладбище к матери. Они остались вдвоём.

Анна сидела на кухне и смотрела на телефон. Весь день она ждала звонка от Кати. Или хотя бы сообщения, но телефон молчал.

- Не жди, сказал Андрей, садясь напротив. - Она, наверное, сейчас сама не своя. Ты же понимаешь, что для неё этот день - не праздник.

- Понимаю, Анна кивнула, но я всё равно жду. Я мать. Я не могу не ждать.

Андрей взял её за руку. Он знал: слова здесь не помогут. Никакие.

- Знаешь, о чём я думаю? - сказала Анна. - О нашей свадьбе. Помнишь? Мы же расписывались здесь, в Севастополе. В восемьдесят третьем. Тогда ещё был Советский Союз. Мы были молодыми, глупыми и счастливыми и нам казалось, что так будет всегда.

- Мне и сейчас так кажется, Андрей улыбнулся.

- Не обманывай. Мы оба знаем, что всё изменилось. Мы теперь - граждане другой страны. Наши дети - граждане разных стран., как мы будем жить дальше?

- День за днём, ответил Андрей, как жили, так и будем. Утром вставать, работать, любить друг друга. Что ещё оста-

ётся?

- Ты прав, Анна вздохнула. - Просто сегодня такой день... Я думала, будет только радость. А оказалось - радость пополам с грустью.

- Так всегда бывает, сказал Андрей. - Большая радость, она, как море. Глубокая. А на глубине всегда есть место и для света, и для тени.

Они помолчали. За окном тихо шумел город - уже не празднично, а буднично. Где-то лаяла собака. Где-то плакал ребёнок. Обычные звуки мирной жизни. Только жизнь эта теперь была другой.

Анна вдруг встала и подошла к книжному шкафу. Достала старый альбом - тот самый, с фотографиями. Раскрыла на середине.

- Смотри, она показала Андрею снимок. это мы в Ялте. Девяносто второй год. Кате три года, Алёше - шесть. Мы только что узнали, что Союз распался, и поехали к морю - забыться. Помнишь?

- Помню, Андрей взял фотографию. - Катя тогда всё время плакала. Боялась медуз.

- А Алёша, наоборот, лез в воду, хотя волны были большие. Ты его еле удержал.

- Он всегда был смелым.

и сейчас смелый. Сидит где-то в окопе под Донецком. А мы тут празднуем.

- Мы не просто празднуем, твёрдо сказал Андрей. - Мы

голосуем за то, чтобы он был прав. Чтобы его смелость была не напрасной. Чтобы Донбасс тоже мог вернуться домой.

Анна закрыла альбом. Посмотрела на мужа долгим взглядом.

- Ты веришь, что так будет?

- Верю.

- Откуда в тебе столько веры?

- От деда, Андрей усмехнулся. - Он говорил: «Бочка рассыхается медленно, а собирается быстро. Главное, чтобы мастер был хороший». Вот мы и мастера. Собираем свою страну. Свой дом. Свою семью.

Анна ничего не ответила. Она просто прижалась к мужу и закрыла глаза. Завтра будет новый день. Завтра будут новые заботы: работа, звонки, документы. А сегодня - просто вечер. Просто тишина. Просто двое немолодых людей, которые прошли через многое и которые верят, что всё ещё будет хорошо.

Где-то вдалеке, на рейде, прогудел корабль и этот гул был, как обещание., как клятва., как слово, которое нельзя нарушить.

Часть 7. Донецк. Эхо Крыма

Донецк, 17 марта 2014 года. Весть о результатах крымского референдума долетела до Донбасса быстро - радио, телевидение, соцсети, сарафанное радио. Девяносто шесть и семь десятых процента за воссоединение с Россией. Почти единогласно. Почти, как в советские времена, только теперь

это была не фикция, а реальное волеизъявление.

Алексей узнал об этом рано утром, когда выбирался из подвала на поверхность - размяться, глотнуть свежего воздуха. У входа в Дом культуры уже собралась небольшая толпа. Люди обнимались, кричали «Ура!», кто-то размахивал российским флагом, кто-то палил в воздух из автомата - холостыми, но всё равно страшно.

- Бондарь! - к нему подбежал сияющий Витька. Правая рука у него всё ещё была на перевязи, но левой он энергично размахивал. - Ты слышал? Девяносто шесть процентов! Это же победа!

- Слышал, Алексей кивнул. - Хорошие цифры.

- Хорошие?! Да это же почти сто! Крым наш! Теперь и мы!

- Не спеши, Алексей присел на бетонный блок, заменявший лавку. - Крым это одно. А у нас всё по-другому.

- Почему по-другому? - Витька нахмурился. - Мы тоже русские. Мы тоже хотим в Россию. Почему нам нельзя?

- Потому что Крым это стратегический полуостров с флотом. А Донбасс это промышленный регион с шахтами. Разный вес. Разная логика и потом - в Крыму большинство всегда было за Россию. А у нас... - он вспомнил того мужика с украинским флагом на площади. - У нас по-разному.

- Ну и что? - Витька не унимался. - Большинство-то всё равно за! Мы же можем тоже референдум провести!

- Можем и проведём, наверное. Только чем это закончится? Крым ушёл тихо. А здесь... здесь будет война. Настоя-

щая. С танками, с авиацией, с кровью.

Витька замолчал. Он был молодой, горячий, но не глупый. Он понимал, что Алексей прав.

- Бондарь! - раздался голос Деда. Старый афганец стоял у входа в подвал, щурясь от утреннего солнца. иди-ка сюда. Разговор есть.

Алексей поднялся, подошёл. Дед выглядел уставшим - видимо, тоже не спал всю ночь, следил за новостями.

- Что, Дед?

- Вот что, Дед закурил, выпустил дым в серое небо. - Крым проголосовал. Это хорошо. Это победа, но для нас это значит, что Киев теперь озвереет. Им нужно будет показать, что они ещё что-то могут. Что они не всё потеряли и покажут они это здесь. На нас.

- Думаешь, полезут?

- Уверен. Уже лезут. В Славянске вчера перестрелка была. Под Краматорском - блокпосты украинские ставят. Это только начало. Так что готовься, Бондарь. Скоро здесь будет жарко.

Алексей кивнул. Он и сам это чувствовал. Крымский референдум был не концом, а только началом. Для Крыма - счастливым концом. Для Донбасса - кровавым началом.

Вечером он сидел в подвале и снова писал письмо. На этот раз - отцу.

«Батя, привет.

У нас тут все обсуждают Крым. Радуются. Я тоже рад.

За вас. За Севастополь. За то, что вы дождались. Маме привет передавай. Скажи, что я её люблю и что всё будет хорошо.

У нас тут, похоже, скоро начнётся. Серьёзно начнётся. Украина стягивает войска. Мы укрепляем позиции. Дед говорит - будет война. Я ему верю. Он в Афгане был, он знает.

Ты, наверное, скажешь: «Уезжай, пока не поздно». Не могу, батя. Не имею права. Если я уеду - кто здесь останется? Такие же, как я? А если все уедут - кто Донбасс защитит?

Так что я остаюсь. Не волнуйтесь за меня. Я осторожно и я не один - нас тут много. Прорвёмся.

Твой сын Алексей.

P.S. Кате, если сможешь, передай, что я её люблю. Несмотря ни на что».

Он сложил письмо, убрал в карман. Потом встал и пошёл проверять посты. Завтра будет новый день и кто знает, что он принесёт.

Часть 8. Киев. Зерно сомнения

Киев, 18 марта 2014 года. Катя сидела на подоконнике в своей комнате на Оболони и смотрела в телефон. Новости о крымском референдуме уже перестали быть сенсацией их сменили другие, ещё более тревожные: в Донецке митинги, в Луганске захваты административных зданий, в Харькове столкновения. Украина бурлила, и казалось, что ещё немного и вся страна вспыхнет, как сухой порох.

Но Катя думала не о политике. Она думала о матери.

Она представляла, как мама шла на избирательный участок., как брала бюллетень., как ставила галочку. Наверное, рука у неё дрожала - Катя знала эту мамину привычку: когда она волнуется, у неё чуть заметно дрожат пальцы и всё же она поставила эту галочку. За Россию. Против Украины. Против всего, во что верит Катя.

Или нет? Может быть, мама голосовала не против Украины, а за что-то другое? За стабильность? За будущее? За право говорить на родном языке без оглядки на Киев?

- О чём задумалась? - в комнату заглянула Оксана.

- О маме, честно ответила Катя, как ты думаешь, почему она это сделала?

Оксана подошла, села на край кровати.

- Я много об этом думала, сказала она и знаешь, что поняла? Твоя мама, она не политик. Она не думает категориями «Россия - враг, Украина - друг». Она думает категориями «мои дети, мой дом, моя работа». Она не предавала Украину, Катя. Она просто выбрала то, что для неё важнее.

Но ведь это неправильно! - Катя вскинулась. - Есть же долг перед страной! Есть патриотизм!

- Есть, согласилась Оксана, но есть и долг перед семьёй и когда эти два долга вступают в противоречие - получается трагедия. Не ты её устроила, не я, не твоя мама. Просто так сложилось.

Катя замолчала. Она вспомнила слова Олеси: «Третье - самое важное. Оставаться человеком, когда все вокруг схо-

дят с ума». Может быть, мама и пытается оставаться человеком? Может быть, она не враг, а просто... другой человек?

- Тётя Оксана, тихо сказала она. - А если я попробую с ней поговорить? Не спорить, а просто поговорить?

- Попробуй, Оксана кивнула. - Только будь готова к тому, что она тебя не поймёт. Или ты её не поймёшь. Такое сейчас время - все друг друга не понимают.

Но ведь надо с чего-то начинать?

- Надо, Оксана вздохнула. - Обязательно надо.

Катя взяла телефон и долго смотрела на мамин номер. Потом набрала сообщение - не длинное, не обвинительное, просто: «Мама, привет., как у тебя дела?»

Ответ пришёл через минуту: «Катюша! У меня всё хорошо. А у тебя?»

«Тоже. Я скучаю».

«Я тоже скучаю. Очень».

И всё. Никакой политики. Никаких споров. Просто два человека, которые любят друг друга и не знают, как об этом сказать.

Катя отложила телефон и заплакала, но это были не злые слёзы. Это были слёзы надежды.

Часть 9. Историческая справка: Екатерина II и Крым

(Из лекции профессора Виктора Степановича Горового, 19 марта 2014 года. Восстановлено по аудиозаписи и студенческим конспектам. Лекция была прочитана в Большой аудитории Таврического национального университета, со-

бравшей рекордное количество слушателей - более двухсот человек, многие стояли в проходах.)

...Итак, коллеги, позвольте мне сегодня, спустя три дня после референдума, вернуться к истокам. Ко дню, который можно считать днём рождения русского Крыма - 19 апреля 1783 года по новому стилю, 8 апреля по-старому. В этот день императрица Екатерина Алексеевна, которую современники называли Великой, а историки назовут позже, подписала высочайший манифест «О принятии полуострова Крымского, острова Тамани и всей Кубанской стороны под Российскую державу».

Почему я говорю об этом именно сегодня, когда ещё не остыли чернила на бюллетенях и не смолкли споры о легитимности нашего выбора? Потому что спустя двести тридцать один год Крым снова сделал свой выбор и выбор этот исторически закономерен. Более того - предопределён.

Давайте перенесёмся мысленно в конец XVIII века. Что представлял собой Крым в ту эпоху? Крымское ханство - осколок некогда могущественной Золотой Орды, вассал Османской империи, государство, живущее набегами и работорговлей. Источник постоянной, непрекращающейся угрозы для южных рубежей России. Набеги, угон людей в рабство, разорение деревень это была не просто политика, это была экономика ханства. Только за первую половину XVIII столетия, по оценкам историков, крымские татары угнали в неволю до двух миллионов русских, украинских,

польских людей. Два миллиона! Вдумайтесь в эту цифру. Это население целого государства.

Главный невольничий рынок находился в Кафе - нынешней Феодосии. Там, где сейчас отдыхают курортники и играют дети, три столетия назад продавали людей. Русских женщин - в гаремы. Русских мужчин - на галеры. Русских детей - в янычары. Это была кровоточащая рана на теле России, и Екатерина, проявив государственную мудрость, твёрдость и политическую волю, решила эту рану закрыть. Навсегда.

Россия не могла терпеть эту угрозу и после двух победоносных русско-турецких войн, после Кючук-Кайнарджийского мира 1774 года, Крым был объявлен независимым от Османской империи, но независимость эта была зыбкой. В ханстве шла междоусобная борьба, турецкое влияние сохранялось, набеги продолжались. Последний крымский хан Шагин-Гирей, человек просвещённый и лояльный России, не мог удержать власть и тогда светлейший князь Григорий Потёмкин-Таврический обратился к Екатерине с историческим письмом, в котором были такие слова:

«Крым положением своим разрывает наши границы... Приобретение Крыма ни усилить, ни обогатить Вас не может, но только покой доставит... Поверьте, что Вы сим приобретением безсмертную славу получите, и такую, какой ни один государь в России ещё не имел. Сия слава проложит дорогу ещё к другой и большей славе: с Крымом достаётся и господство на Чёрном море».

Потёмкин был не только фаворитом императрицы, но и выдающимся государственным деятелем. Он понимал: Крым это не просто земля. Это ключ к Чёрному морю. Это безопасность южных границ. Это господство на целом театре военных и торговых действий.

И вот 8 апреля 1783 года Екатерина подписала манифест. Позвольте мне зачитать фрагмент, ибо это документ, который должен знать каждый крымчанин:

«Возвещая жителям тех мест силою сего Нашего Императорского Манифеста таковую бытия их перемену, обещаем свято и непоколебимо за Себя и Преемников Престола Нашего содержать их наравне с природными Нашими подданными, охранять и защищать их лица, имущество, храмы и природную веру, коей свободное отправление со всеми законными обрядами пребудет неприкосновенно».

Обратите внимание на эти слова. Вслушайтесь в них. Россия не завоёвывала Крым, она принимала его под свою защиту. Россия не уничтожала местные обычаи и веру, она клятвенно обещала их сохранить. Это был акт не агрессии, а спасения. Спасения земли, которая без России была обречена на бесконечные войны и разорение.

А потом была знаменитая поездка Екатерины в Крым в 1787 году - та самая, которую назвали «потёмкинскими деревнями». Этот миф, кстати, придумали завистники. Потёмкин не строил бутафорских деревень - он действительно возводил города, порты, дороги. За три года был создан Чер-

номорский флот. Заложен Севастополь. Построены Херсон и Николаев. Крым стремительно превращался из дикого пограничья в жемчужину империи.

И вот теперь давайте перенесёмся в день сегодняшний. Разве не то же самое мы видим сейчас? Крым, оказавшийся в составе государства, которое всё больше отдаляется от своих корней, которое забывает общую историю, которое пытается переписать прошлое, Крым снова ищет защиты и снова находит её у России.

Нам говорят: «Это аннексия». Нам говорят: «Это нарушение международного права», но позвольте спросить: а когда в 1954 году Хрущёв единоличным решением, без всякого референдума, без опроса населения, передал Крым Украине это не было нарушением? Когда в 1991 году нас просто поставили перед фактом: «Теперь вы - Украина» это было законно? Почему право на самоопределение, признанное ООН, для косоваров - священно, а для крымчан - преступно?

Двойные стандарты, коллеги и мы не должны этого стесняться. Мы должны знать свою историю и гордиться ею.

Дважды в истории - в 1783 и в 2014 годах - Крым делал свой выбор и оба раза этот выбор был в пользу России. Случайность? Не думаю. Закономерность. Историческая, культурная, цивилизационная.

Вы знаете, я часто вспоминаю слова, приписываемые Потёмкину. Говорят, когда Екатерина увидела Севастопольскую бухту и строящийся флот, она произнесла: «Мы при-

обрели сокровище». А Потёмкин ответил: «Нет, Ваше Величество. Это сокровище всегда было нашим. Мы просто вернули его».

Вот и мы - ничего не приобрели. Мы просто вернули своё.

Лекция окончена. Вопросы?

Примечание автора. Эта лекция, прочитанная через три дня после референдума, вызвала неоднозначную реакцию. Часть студентов аплодировала стоя. Часть покинула аудиторию. Один из студентов, по свидетельству очевидцев, подошёл к профессору после лекции и сказал: «Виктор Степанович, я уезжаю, но спасибо вам за правду. Мне было трудно её услышать, но я услышал». Профессор Горовой продолжил преподавать в университете, который теперь назывался Крымским федеральным университетом имени Вернадского, и в 2015 году был награждён медалью «За возвращение Крыма».

Часть 10. Разговор Андрея и Анны

Севастополь, 20 марта 2014 года. Вечер.

Андрей сидел в своей мастерской, но не работал. Бочка, которую он чинил уже третью неделю, стояла у стены - законченная, покрытая свежим лаком, стянутая новыми обручами. Можно было отдавать заказчику, но он медлил. Эта бочка стала для него чем-то большим, чем просто работой. Она была символом. Доказательством того, что даже рассохшееся, разбитое, потерявшее форму можно собрать заново. Если знать как. Если не жалеть рук.

Дверь скрипнула. Вошла Анна.

- Я так и думала, что ты здесь, она присела на старый табурет, поплотнее запахнула плащ. В мастерской было холодно - Андрей не включал обогреватель, экономил электричество. - Чего домой не идёшь?

- Думаю, ответил он.

- О чём?

- Обо всём. О референдуме. О детях. О том, что теперь будет.

Анна кивнула. Она понимала его без слов - за тридцать лет они научились этому искусству.

- Знаешь, что мне сегодня сказала Лариса Петровна? - спросила она, она сказала: «Анна Игоревна, мы теперь, как новорождённые. У нас новая страна, новые законы, новые паспорта. Всё новое. А мы - старые., как мы будем в этом новом жить?»

и что ты ответила?

- Я сказала: «Так же, как жили. Приспособимся. Мы же женщины - мы ко всему приспосабливаемся».

Андрей усмехнулся.

- Женщины - да. А мужчины?

- А мужчины, Анна посмотрела на него с лёгкой улыбкой, мужчины идут в мастерскую и думают. Это у них называется «решать проблемы».

- Не всегда помогает, признался Андрей. - Я вот думаю-думаю, а ответа нет. Что будет с Донбассом? Что будет

с Катей? Как нам с ней теперь - через границу?

- Границы это для политиков, повторила Анна его же слова. - А для семей - мосты. Ты сам так сказал.

- Сказал. Только мост пока не построен.

- Построят. Ты же строитель. Ты же бондарь. Ты всю жизнь собираешь то, что рассыпалось.

Андрей посмотрел на готовую бочку. Провёл ладонью по гладкому дереву.

- Эту бочку я собирал месяц. А страну... страну, наверное, всю жизнь собирать придётся.

- Значит, будем собирать, Анна встала, подошла к нему, положила руки на плечи. - Вместе., как всегда.

Он накрыл её ладони своими.

- Ты не жалеешь? - спросил он тихо, что проголосовала?

- Нет, она покачала головой. - Я сделала выбор. Может быть, самый трудный в жизни, но я его сделала и назад не оглядываюсь.

- А Катя?

- Катя... - Анна вздохнула. - Катя это отдельный разговор. Она моя дочь. Я её люблю и буду любить, даже если она никогда меня не поймёт.

- Поймёт, твёрдо сказал Андрей. - Рано или поздно - поймёт.

Они замолчали. В мастерской было тихо. Только ветер посвистывал в щелях, да где-то далеко, на рейде, перекликались корабли.

- Пойдём домой, сказала Анна. - Я борщ сварила.

- С фасолью?

- С фасолью., как ты любишь.

Андрей встал, накинул бушлат. Погасил лампу. У двери оглянулся - бочка стояла у стены, пахла лаком и деревом. Хорошая бочка. Правильная.

- Ничего, сказал он то ли бочке, то ли себе, то ли всей стране за окном. - Прорвёмся.

И они пошли домой - двое немолодых людей, прошедших через холодную войну, развал страны, безденежье, унижение. Они сделали свой выбор и теперь учились жить с этим выбором.

Часть 11. Первый обстрел

Донецк, 21 марта 2014 года. Ночь.

Алексей дежурил на дальнем блокпосту - старом, наспех сооружённом из мешков с песком и бетонных блоков, которые притащили откуда-то с разобранного недостроя. Вокруг простиралась тёмная, бескрайняя донецкая степь, и только редкие огни далёких многоэтажек напоминали, что город рядом. В небе висела луна - большая, мутная, в дымке облаков, и её свет заливал пустырь мертвенным серебром, превращая привычный пейзаж в декорацию к фильму ужасов. Было тихо. Слишком тихо для города, который готовится к войне. Так тихо, что слышно было, как потрескивает фитиль в керосиновой лампе у входа в блиндаж.

Рядом, завернувшись в старую шинель, дремал Витька.

Его правая рука всё ещё была на перевязи, но он настоял на дежурстве - сказал, что не будет отлёживаться, пока другие мёрзнут на постах. На соседнем посту, метрах в тридцати, кто-то тихо играл на губной гармошке - «Степь да степь кругом», протяжно, тоскливо, с теми особыми интонациями, которые бывают только у людей, выросших на этой земле. Мелодия плыла над пустырём, мешалась с ветром, и казалось, что сама степь поёт свою извечную песню.

Алексей вслушивался в неё и думал о том, как странно устроена жизнь. Ещё месяц назад он спускался в забой, добывал уголь, а вечером шёл домой - ужинать, смотреть телевизор, планировать отпуск. Думал, куда поехать летом: может, в Крым, к родителям, а может, на Азовское море - дикарём, с палаткой, как в студенческие годы. Теперь он сидит с автоматом в руках и ждёт, когда из темноты появятся люди, которые хотят его убить и самое страшное - он уже почти привык к этой мысли. Она перестала быть шокирующей. Она стала бытовой, как дождь или, как очередь за хлебом. Война это просто другая форма быта, понял он. Страшная, кровавая, но - быта.

- Витька, не спи, замёрзнешь, сказал он негромко.

- Я не сплю, отозвался тот, не открывая глаз. - Я думаю.

- О чём?

- О крымском референдуме., как там твои родители? Проголосовали небось?

- Проголосовали, Алексей кивнул, хотя Витька не мог это-

го видеть. - Отец сказал, всё прошло спокойно. Праздник был. Люди плакали от счастья.

- От счастья, повторил Витька задумчиво. - Странно это. Я вот тоже за Россию, но когда думаю, что у нас тут будет... не до счастья как-то. Страшно.

- Всем страшно, сказал Алексей, но отступать некуда.

Где-то далеко, на восточной окраине города, послышался низкий, утробный гул. Такой звук ни с чем не спутаешь - низкий, раскатистый, он словно шёл из-под земли, нарастая с каждой секундой. Алексей напрягся. Этот звук он уже научился распознавать - так гудит тяжёлый артиллерийский снаряд, когда летит к цели. Не «Град» - те свистят по-другому, с подвыванием. Это что-то более серьёзное. Гаубица, может быть.

- Слышишь? - он толкнул товарища.

- А? Что? - Витька вскочил, сбрасывая шинель, протирая глаза, что такое?

И тут грянуло.

Земля вздрогнула - не метафорически, а буквально, как живое существо. Где-то в районе Путиловского моста поднялся столб огня и дыма - чёрный, маслянистый, подсвеченный снизу оранжевым, неестественно ярким. Через секунду донёсся звук взрыва - глухой, тяжёлый, такой силы, что закладывало уши, и этот звук словно проходил сквозь тело, заставляя вибрировать каждую клетку. Потом ещё один взрыв и ещё и ещё. Четыре, пять, шесть - Алексей сбился со счёта.

- Началось, прошептал Витька, хватаясь здоровой рукой за автомат. - Бондарь, началось! По-настоящему!

- Вижу, Алексей уже стоял, вглядываясь в темноту. это по жилым кварталам бьют. Сволочи. По жилым!

Гармошка на соседнем посту замолкла - резко, на полуслове. Вместо неё теперь слышны были только крики, топот ног, лязг оружия. Блокпост ожил, как растревоженный муравейник. Ополченцы занимали позиции, проверяли оружие, перекрикивались. Кто-то матерился. Кто-то молился. Кто-то просто молчал, глядя на зарево над городом.

- Не суетиться! - раздался голос Деда. Он появился откуда-то из темноты - спокойный, собранный, словно не было ни взрывов, ни паники. это пока не штурм. Это артподготовка. Пробуют на прочность, гады. Будут бить, пока не надоест. Потом, может, пехота пойдёт. А может, и не пойдёт. У них тактика такая: сначала перепахать всё снарядами, а потом уже смотреть, что осталось.

- Откуда бьют? - спросил Алексей, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо.

- Со стороны Песков. Там у них батарея стоит, мы разведали. Наши уже ответку готовят. Сейчас заговорят.

И действительно - через несколько минут со стороны Донецка ответила своя артиллерия. Тяжёлые орудия ухали размеренно, методично, посылая снаряды в ночное небо. Война входила в свой ритм - страшный, но уже почти привычный.

Обстрел продолжался около часа. Снаряды ложились то

ближе, то дальше - видимо, наводчики корректировали огонь. Один раз рвануло совсем рядом, метрах в трёхстах, и Алексея осыпало комьями земли. Он инстинктивно пригнулся, закрыл голову руками, а когда поднял глаза - увидел, что Витька сидит на корточках, обхватив голову, и что-то шепчет.

- Ты что? - крикнул Алексей.

- Молитву, ответил тот, не поднимая глаз. - «Отче наш». Я её с детства не читал, а сейчас вспомнил. Сама вспомнилась.

- Читай, Алексей хлопнул его по плечу. - Может, поможет.

Потом вдруг стихло. Так же внезапно, как и началось. Наступила тишина - звенящая, почти неестественная после грохота. Алексей сидел, привалившись к бетонному блоку, и смотрел на зарево над городом. Там, в районе Путиловки, что-то горело - ярко, сильно, разбрасывая искры в ночное небо. Наверное, попали в склад. Или в жилой дом. Оттуда доносился вой сирен «скорой помощи», крики, рёв моторов.

- Витька, позвал он. - Ты как, цел?

- Цел, отозвался тот, но голос дрожал. - Только страшно. Очень страшно, Бондарь. Я думал, я готов. А оказалось - нет.

- Все так думают, сказал Алексей. - Никто не готов. К такому нельзя быть готовым, но ты держись. Первый обстрел - самый трудный. Дед говорит, потом привыкаешь.

- А я не хочу привыкать, Витька вдруг всхлипнул - не по-мужски, по-детски. - Я не хочу, чтобы это было нормально. Чтобы можно было спать под обстрелом. Чтобы не вздраги-

вать от взрывов. Чтобы не плакать, когда видишь убитых. Это же неправильно, Бондарь. Это всё неправильно.

- Неправильно, согласился Алексей, но это наша жизнь теперь и мы её не выбирали. Она нас выбрала. Понимаешь? Не мы начали эту войну, но нам её заканчивать. Или она нас или мы её.

Витька ничего не ответил. Он сидел, обхватив колени, и смотрел на горящий город. Лицо у него было мокрое от слёз, но он не стеснялся их. На войне слёзы - не стыдно. Стыдно - предать.

Алексей достал из кармана сложенный вчетверо листок - то самое письмо родителям, которое он написал ещё в феврале, но так и не отправил. Развернул, перечитал. «Мама, папа, я жив. Это главное...» Он усмехнулся. Тогда ему казалось, что он пишет это для них. Теперь он понял: он писал это для себя. Чтобы помнить, ради чего.

Он достал ручку и внизу, под старыми строчками, приписал: «21 марта. Первый обстрел Донецка. Били по жилым кварталам. Есть жертвы. Я цел. Не волнуйтесь».

Сложил письмо, убрал обратно.

Где-то в темноте снова послышалась губная гармошка - теперь уже другая мелодия, тихая, почти неслышная. «Выходила на берег Катюша». Алексей прислушался и вдруг понял: тот, кто играл, тоже делал это для себя. Чтобы не сойти с ума. Чтобы помнить, что есть другая жизнь. Без войны. Без смерти. Без страха.

И эта мелодия была, как обещание., как молитва., как надежда.

Ночь продолжалась и никто уже не спал.

Часть 12. Семейный ужин

Донецк, 25 марта 2014 года. Вечер.

Андрей и Анна приехали в Донецк на стареньком «жигуленке», который Андрей выменял у соседа ещё осенью, как чувствовал, что пригодится. Дорога была долгой и нервной. Выехали затемно, в пятом часу утра, и весь день пробирались через блокпосты, проверки документов, очереди на границе. Формально границы ещё не было, но она уже чувствовалась - в колючей проволоке, наспех натянутой вдоль трассы, в людях с автоматами, которые проверяли каждый автомобиль, в напряжённых, испуганных лицах водителей. Восемь часов тряски по разбитому асфальту, мимо полей, ещё голых и чёрных после зимы, мимо сёл с заколоченными ставнями, мимо военных колонн, которые то обгоняли их, то шли навстречу.

Анна всю дорогу молчала. Она сидела, прижав к груди сумку с гостинцами - домашним хлебом, салом, банкой огурцов, бутылкой кагора, и смотрела в окно. Андрей тоже молчал. Он знал: когда Анна так молчит, её лучше не трогать. Она переваривает. Она справляется. За тридцать лет он научился это чувствовать.

Алексей встретил их у въезда в город, на том самом блокпосту, где дежурил третьи сутки. Он стоял на обочине - в ка-

муфляже, с автоматом за спиной, осунувшийся, с тёмными кругами под глазами, каких раньше не было. Анна, увидев сына, выскочила из машины, не дожидаясь полной остановки, и бросилась к нему, не обращая внимания ни на грязь под ногами, ни на удивлённые взгляды ополченцев.

- Алёша! Алёшенька! Сынок!

- Мама, тихо, тихо, он обнял её, прижал к себе, и на секунду его лицо, обычно такое сдержанное, по-мужски замкнутое, дрогнуло. - Ну всё, всё. Живой я. Всё хорошо.

- Дай хоть посмотрю на тебя, Анна отстранилась, ощупала его плечи, грудь, руки - тот машинальный материнский жест, которым женщины испокон веков проверяют, цел ли ребёнок. - Похудел. Осунулся. Ты ешь вообще?

- Ем, мам. Когда успеваю.

Андрей подошёл, и они с сыном обменялись рукопожатием - крепким, мужским, без лишних слов, но в глазах Андрея стояли слёзы. Он не стеснялся их - здесь, перед сыном, можно.

- Здорово, сынок.

- Здорово, батя.

Больше они ничего не сказали. Да и что тут скажешь?

Они поехали в квартиру Алексея - маленькую «двушку» на окраине, которую он получил от шахты пять лет назад. Квартира была холостяцкая, запущенная: немытая посуда в раковине, пыль на подоконниках, сиротливо висящая на спинке стула портупея. Анна, едва войдя, принялась на-

водить порядок - по привычке, по материнскому инстинкту, который не отключается ни на минуту. Алексей пытался протестовать, но она только отмахнулась: «Сиди. Ты устал. Я сама».

Через час квартира преобразилась. На плите варилась картошка, на столе появилась скатерть, которую Анна предусмотрительно захватила из дома. Андрей с Алексеем сидели на кухне при свете лампы - электричество в этом районе давали с перебоями.

- Ну, рассказывай, сказал Андрей, сворачивая самокрутку.

- Что рассказывать? - Алексей пожал плечами. - Сами всё знаете. Воюем. Пока держимся, но будет хуже. Украинская армия подтягивает силы. У них и авиация, и тяжёлая артиллерия, и танки. У нас - только стрелковое оружие и миномёты, которые мы сами в подвалах собираем, но люди держатся. Шахтёры - народ крепкий. Под землёй вообще многое понимаешь.

- Например?

- Например, что темнота это не страшно. Страшно - когда не знаешь, есть ли выход.

Андрей кивнул. Он понимал. Сам был таким же - тридцать лет назад, когда служил на флоте и верил, что защищает Родину.

- Ты надолго здесь?

- Пока не знаю. Пока Донбасс не решит свою судьбу. Будет

референдум - проголосуем. А пока - воевать.

Анна, накрывавшая на стол, замерла с тарелкой в руках.

- Алёша, а ты не думал... не думал уехать? Ну, хотя бы на время? Пока всё утихнет?

- Куда, мам? В Крым? К вам? А если завтра сюда войдут - кто их встретит? Бабушки с цветами? Нет уж. Если я уеду - кто здесь останется?

- Такие же, как ты, тихо сказала Анна. - Молодые мальчики. Которым ещё жить и жить.

- Вот именно, Алексей взял её за руку. - Поэтому я и не уеду. Понимаешь? Не могу.

Анна вздохнула. Она понимала. Хотя ей, матери, это понимание давалось с кровью.

Она накрыла на стол из того, что привезли с собой, и из того, что нашлось в холостяцком холодильнике. Получилось почти по-домашнему: варёная картошка с укропом, домашний хлеб, сало, нарезанное толстыми ломтями, огурцы, яйца, бутылка кагора. Они сели ужинать.

Первый тост поднял Андрей.

- За встречу. За то, что мы вместе. Хотя бы втроём.

Выпили молча. Закусили. Потом Анна сказала:

- Помните, как мы ездили в Ялту? Алёше тогда лет десять было, Кате - семь. Мы сняли комнату у моря, и весь отпуск шёл дождь, но мы всё равно были счастливы.

- Помню, Алексей улыбнулся. - Катя тогда всё время ныла, что холодно. А я ловил крабов на пирсе.

- А папа читал вам по вечерам «Остров сокровищ», добавила Анна.

и мама пекла блины на общей кухне, подхватил Андрей. - А хозяйка ворчала, что мы занимаем плиту.

Они засмеялись. На минуту стало легко, как в прежние времена, но эта минута прошла быстро.

-, как Катя? - спросил Алексей. - Вы с ней говорили?

Анна покачала головой.

- Пыталась. Она трубку не берёт. Только сообщения иногда присылает. Короткие. «Я жива. Всё нормально. Не волнуйтесь».

это уже много, сказал Алексей. - Значит, думает о вас. Значит, любит.

- Я ей письмо написал, добавил он после паузы. - Ещё в феврале. Не отправил - связи нет, но храню. Если что - передайте.

- Какое письмо?

- Обычное, он пожал плечами, что я её люблю. Что она моя сестра. Что я её жду. Что мы - семья и что никакая политика этого не изменит.

Анна всхлипнула, прижала салфетку к глазам. Андрей сидел молча, глядя в стол. У него в горле стоял ком, но он не позволял себе плакать. Не здесь. Не сейчас.

- Ты мой хороший, прошептала Анна, обнимая сына. - Ты мой мальчик., как я хочу, чтобы всё это кончилось.

- Кончится, сказал Андрей, поднимая второй тост. - Всё

когда-нибудь кончается. А семья - остаётся.

Они просидели до полуночи. Говорили о прошлом - старательно обходя настоящее. Вспоминали смешные истории: как Алёша в детстве разбил банку с вареньем и пытался склеить её обратно; как Катя потерялась на пляже и нашлась в очереди за мороженым; как Андрей учил сына плавать, а тот боялся воды и цеплялся за отца мёртвой хваткой. Они смеялись, и этот смех был хрупким, как стекло, но он был настоящим.

А утром они уехали. На прощание Алексей обнял мать - долго, крепко, словно пытаясь передать ей все слова, которые не успел сказать. Пожал руку отцу.

- Берегите себя, сказал он и Катю берегите. Она ещё вернётся. Я знаю.

- Ты тоже береги себя, Анна перекрестила его - широким, истовым крестом, как крестила когда-то в детстве перед школой. - Пожалуйста. Я тебя умоляю.

- Хорошо, мам. Обещаю.

Машина скрылась за поворотом. Алексей постоял, глядя ей вслед, пока «жигулёнок» не превратился в точку на серой ленте шоссе. Потом вытер глаза рукавом, поправил автомат за спиной и пошёл обратно на блокпост.

Война продолжалась.

Но где-то в нагрудном кармане у него лежало письмо к сестре и где-то в Киеве Катя, сама того не зная, ждала этого письма. Потому что мосты между берегами не горят. Они

просто иногда скрываются в тумане, но они есть. Всегда.

Часть 13. Возвращение домой

Поздний вечер 25 марта 2014 года. Дорога Донецк - Севастополь.

«Жигулёнок» катил по ночной трассе, рассекая фарами густой мартовский туман. Андрей сидел за рулём, Анна - рядом, закутавшись в старый плед, который она захватила из дома. В зеркале заднего вида ещё можно было различить далёкое зарево над Донецком - там продолжалась артиллерийская дуэль, вспышки орудийных залпов на мгновение озаряли горизонт, и земля глухо вздрагивала даже здесь, в десятках километров от города, но сама трасса была пустынна. Только ветер свистел в щелях старого кузова да шуршали шины по мокрому асфальту.

Анна молчала. Она смотрела на тёмную степь за окном - бескрайнюю, уходящую во тьму, едва различимую в слабом свете луны и думала о сыне. О том, как он осунулся за эти недели., как повзрослел - не на годы, а словно на целую жизнь., как спокойно говорил о войне - слишком спокойно для человека, который ещё месяц назад был гражданским шахтёром, думал об отпуске и планах на лето. О том, что он перекрестил её на прощание - он, Алёша, который с детства не любил ходить в церковь, отмахивался от бабушкиных икон, смеялся над «поповскими сказками».

«Берегите себя и Катю берегите. Она ещё вернётся».

Эти слова звучали у неё в голове, как молитва., как закли-

нание., как обещание, которое нельзя нарушить.

- Ты как? - спросил Андрей, не отрывая глаз от дороги. Он вглядывался в туман, и руки его спокойно лежали на руле - привычка, выработанная десятилетиями службы. На флоте учат не дёргаться.

- Не знаю, честно ответила Анна. - С одной стороны - увидела сына. Живого. Обняла. Посидела с ним за одним столом. Это счастье. Огромное. Такое, что сердце разрывается. А с другой... он на войне, Андрей. На настоящей войне. С автоматом. В окопе. Под обстрелами и я ничего не могу сделать. Только молиться. Я даже не знаю, увижу ли его снова.

- Увидишь, твёрдо сказал Андрей. - Обязательно увидишь.

- Откуда ты знаешь?

- Знаю. Материнская молитва, она сильная. Со дна моря достаёт. Я это по себе знаю. Моя мать за меня молилась, когда я на глубину уходил. Каждый раз, каждый поход. Я потом узнал: она в церковь ходила, свечки ставила. Хотя сама была неверующая. Говорила: «На всякий случай. Вдруг поможет» и ведь помогало. Тридцать лет под водой и ни одной серьёзной аварии.

- Ты в Бога веришь? - спросила Анна.

Андрей помолчал. Потом сказал:

- Не знаю. В церковь не хожу, постов не соблюдаю, молитв не знаю, но когда стоишь на мостике подводной лодки на глубине в триста метров, а над тобой толща воды, и ты

понимаешь, что в любой момент всё может кончиться... там поневоле начинаешь верить. Не в Бога, может быть. А в то, что есть что-то большее. Что-то, что держит этот мир. Что-то, что не даёт ему рассыпаться и материнская молитва это часть этого чего-то.

- Я буду молиться, тихо сказала Анна. - Каждый день. За Алёшу. За Катю. За тебя. За всех.

Навстречу проехала колонна грузовиков с российскими номерами. Андрей прижался к обочине, пропуская их. Солдаты в кузове, завидев гражданскую машину, приветственно махнули руками - кто-то даже улыбнулся. «Свои, подумал Андрей. - Уже свои. Уже не чужие. Уже Россия».

Он вспомнил, как четверть века назад, в девяносто первом, такие же колонны уходили из Севастополя - только в обратную сторону. Тогда это называлось «разделом флота». Он стоял на причале и смотрел, как уходят корабли, и чувствовал себя так, словно у него отрывают часть тела. Часть души. А теперь - возвращаются. Медленно, но, верно., как кровь возвращается в онемевшую руку. Покалывает. Больно, но это боль выздоровления.

- Знаешь, о чём я сейчас думаю? - Анна повернулась к мужу. - О деде Захаре. О твоём деде. Помнишь, ты рассказывал, как он говорил про бочку и державу? «Одна клёпка выпадет - всё развалится. Обруч перетянешь - дерево треснет. Собирать надо с умом, не торопясь».

- Помню, кивнул Андрей. - Он это часто повторял. Осо-

бенно когда выпьет.

- А я думаю: наша семья, как та бочка. Была целая, крепкая. Дети, родители - все вместе. А теперь одна клёпка в Киеве, другая в Донецке. Третья вообще неизвестно где, но главное - обручи держат. Обручи это мы с тобой. Если мы выстоим и бочка выстоит. Соберётся заново.

- Соберётся, согласился Андрей. - Я же бондарь. Я знаю, как это делается. Медленно. По одной клёпке. По одному обручу, но если делать с душой - будет крепче прежнего.

Он помолчал и добавил:

- Знаешь, что говорил дед Захар про бочки? Он говорил: «Хорошая бочка, она, как семья. Если рассохлась - не выбрасывают. Чинят. Потому что в старой бочке вино вкуснее».

Анна улыбнулась - впервые за много часов.

- Красиво. Только вина у нас нет. Одна картошка.

- Будет и вино. Дай срок.

Впереди, за холмами, занимался рассвет. Первые лучи солнца - ещё робкие, бледно-розовые - окрасили небо, и степь вдруг ожила. Проступили очертания далёких курганов, одиноких деревьев, линии электропередач. Мир обретал краски.

Они миновали последний блокпост - здесь уже стояли российские военные в полной форме, с шевронами и знаками различия. Проверка документов заняла минуту. Молодой лейтенант, взглянув на паспорта, козырнул:

- Проезжайте. Счастливого пути.

- Свои, снова подумал Андрей и сердце забилось чаще.

Через час показались очертания Севастополя. Сначала - белые домики Корабельной стороны, рассыпанные по склонам холмов. Потом - бухта, синяя-синяя в утреннем свете. Потом - корабли на рейде, чёрные громады с российскими флагами на корме и над всем этим - небо, огромное, высокое, какого не бывает больше нигде.

Город просыпался. Где-то звонили колокола к утренней службе. Где-то кричали чайки - пронзительно, требовательно, как кричат только в портовых городах. Где-то дворники уже мели тротуары, и мётлы шуршали по асфальту - мирный, домашний звук.

Андрей припарковался у дома. Вышел, размял затёкшие плечи. Посмотрел на море - спокойное, бескрайнее, подёрнутое лёгкой утренней дымкой. Вдохнул полной грудью. Пахло водорослями, солью, весной. Пахло домом.

- Приехали, сказал он. - Дома.

Анна вышла из машины. Ноги затекли, спина болела, глаза слипались от усталости, но она тоже вдохнула этот воздух и почувствовала, как отпускает напряжение последних дней. Она закрыла глаза и на мгновение представила, что всё хорошо. Что нет никакой войны. Что Алёша сейчас дома, а не в окопе под Донецком. Что Катя не в Киеве, а здесь, рядом, и они все вместе сидят на кухне и пьют чай с мятой.

Но реальность была другой. Алёша остался там, где рвутся снаряды. Катя - там, где её учат ненавидеть. А она здесь, в

городе, который только что стал частью России и с этой реальностью нужно было жить.

Она открыла глаза и посмотрела на море. Оно было спокойным. Почти безмятежным., как будто ничего не случилось., как будто мир не раскололся надвое.

- Знаешь, сказала она, когда я смотрю на море, мне кажется, что всё будет хорошо. Глупо, да?

- Не глупо, Андрей взял её за руку. - Море - оно вечное. Оно было здесь до нас и будет после. Все наши войны, революции, референдумы - для него это просто рябь на поверхности. А глубина остаётся и в этой глубине - покой.

- Ты становишься философом, Анна слабо улыбнулась.

это возраст, усмехнулся Андрей. - В молодости мы воюем. В старости - думаем. А в промежутке - работаем. Пойдём. Чайник поставим.

Они поднялись по лестнице на второй этаж. Андрей открыл дверь - старую, рассохшуюся, которую давно пора было менять. В квартире было тихо и холодно, но это был их дом. Их крепость. Их маленький островок стабильности в мире, который сошёл с ума.

Анна прошла на кухню. Включила свет, поставила чайник. Всё было на своих местах: чашки на полке, дневник на столе, фотография детей на холодильнике - Алёша и Катя, ещё подростки, смеются в объектив. Она задержала взгляд на этой фотографии. Провела по ней пальцем, стирая пыль.

- Ничего, прошептала она. - Мы дождёмся. Мы соберёмся.

Мы же Бондаренко.

Андрей сел у окна, глядя на бухту. Солнце уже поднялось над холмами, и вода в бухте блестела, как расплавленное серебро. Корабли стояли ровно, гордо, словно всегда здесь были.

- Знаешь, сказал он вдруг, а ведь мы вернулись. Не просто из Донецка - вообще. Мы вернулись домой. В Россию. Помнишь, как мы этого ждали?

- Помню, Анна села рядом. - Двадцать три года.

- Двадцать три года, повторил он. - Целая жизнь. Дети выросли. Внук родился. Волосы поседели. А мы всё равно дождались.

Чайник закипел, засвистел. Анна разлила чай по чашкам. Они сидели вдвоём у окна, смотрели, как над бухтой поднимается солнце, и молчали. О чём тут говорить? Всё уже сказано. Все слова остались там - в Донецке, на блокпосту, за семейным столом.

Они дождались. Крым вернулся в Россию. Сын воюет за Донбасс. Дочь в Киеве, но она по-прежнему их дочь, и они по-прежнему её любят. Семья, как бочка, которую нужно собирать заново, клёпка за клёпкой, обруч за обручем.

И Андрей Бондаренко, бондарь в третьем поколении, знал, как это делается.

За окном, над Севастопольской бухтой, кричали чайки и в их крике слышалось обещание.

Глава 4. Позывные

Часть 1. Выбор позывного

Донецк, 28 марта 2014 года. Штаб ополчения, разместившийся в подвале бывшего Дома культуры имени Ленина. Пахло сыростью, машинным маслом и дешёвым табаком. Вдоль стен громоздились ящики с боеприпасами, на самодельных стеллажах лежали каски, бронежилеты, рации. Посередине комнаты стоял большой стол, за которым сидели несколько человек - командиры отрядов.

Алексей стоял перед ними, вытянувшись по стойке «смирно», хотя никто не требовал от него уставной дисциплины. Просто привычка - когда на тебя смотрят оценивающе, спина сама выпрямляется.

- Значит так, Бондаренко, говорил Дед. - Мы тут посовещались и решили: пойдёшь в разведку. У тебя нервы крепкие, голова работает. В забое небось научился быстро соображать - когда сверху капает, а снизу давит.

- Научился, кивнул Алексей.

- Вот и ладно. Оружие получишь в арсенале, обмундирование - на складе, но сначала - позывной. Без позывного на войне нельзя. Это твоё новое имя. Твоя судьба. Понял?

- Понял.

- Думай. Только недолго.

Алексей задумался. Позывной это не просто кличка. Это то, что будет звучать в эфире, когда тебя вызовут на помощь. То, что напишут на стене, если ты погибнешь. То, что запомнят товарищи. Он вспомнил отца, деда, прадеда - все они

были бондарями. Все собирали бочки. Все скрепляли рассохшееся дерево обручами. «Скреплять», подумал он. «Бондарь».

- «Бондарь», сказал он вслух.

- Чего? - Дед поднял бровь.

- Позывной. «Бондарь». Фамилия у меня такая - Бондаренко. Ну, бондарь это который бочки делает. Скрепляет, собирает. По-моему, самое то для войны. Мы тут все, как рассохшаяся бочка. Собираем заново то, что развалили.

В комнате наступила тишина. Дед смотрел на Алексея долгим взглядом, и непонятно было - то ли он сейчас рассмеётся, то ли отругает.

- «Бондарь», повторил он наконец. - А что, мне нравится. По делу. Война это не только стрельба, Бондаренко. Война это ещё и собирание. Людей, земель, смыслов. Кто это понимает - тот воюет правильно. Утверждаю.

- Вот и славно, Алексей выдохнул. - Теперь оружие?

- Теперь оружие. Пошли.

Через час Алексей вышел из подвала уже другим человеком. В руках - новенький автомат Калашникова. На плечах - разгрузка с магазинами. На голове - кепка-афганка и позывной - «Бондарь».

Он шёл по коридору, и встречные ополченцы уже обращались к нему по-новому:

- Эй, Бондарь, дай закурить!

- Бондарь, тебя Дед искал!

И он отзывался. Потому что «Бондарь» это теперь он. Не просто Алексей, шахтёр, сын своих родителей. А Бондарь - тот, кто скрепляет. Тот, кто собирает. Тот, кто воюет.

Вечером он позвонил отцу.

- Батя, привет. Ты как?

- Нормально. А ты?

- У меня теперь позывной. «Бондарь».

В трубке помолчали. Потом Андрей сказал:

- Хороший позывной. Правильный. Я б тебе другого и не посоветовал.

- Я знаю. Ты там маме скажи, что я живой и что я её люблю.

- Скажу. Ты только береги себя. Бондарь.

- Постараюсь.

Алексей убрал телефон в карман. Посмотрел на свои руки. Руки шахтёра, привыкшие к кайлу и лопате. Теперь они будут держать автомат, но суть останется прежней. Он по-прежнему будет скреплять. Только теперь - не дерево, а людей. Не бочки, а страну.

Где-то далеко, на восточной окраине, снова ухнула артиллерия. Война продолжалась и у неё теперь было новое имя - Бондарь.

Часть 2. Славянск

Донецкая область, начало апреля 2014 года. Весна вступала в свои права - наглая, буйная, не спрашивающая разрешения. На деревьях вдоль дороги набухали почки, на обочи-

нах желтели первые одуванчики, воздух был влажным и тёплым, напоённым запахами пробуждающейся земли, но всю эту идиллию перебивал запах гари - едкий, удушливый, он проникал в лёгкие и оседал там горьким осадком. Где-то горели покрышки на блокпостах, где-то тлели развалины после артобстрела, где-то дымился подбитый БТР, который уже третьи сутки стоял на обочине, как мёртвый зверь. Война и весна шли рука об руку, и это сочетание казалось Алексею чудовищно неестественным, как детский смех на похоронах.

Колонна ополченцев двигалась на север, к Славянску. Три видавших виды грузовика «Урал», два джипа с крупнокалиберными пулемётами в кузовах и старенький автобус «ПАЗ» с закрашенными белой краской окнами, чтобы снайпер не разглядел, кто внутри. В автобусе ехал Алексей - теперь уже Бондарь и ещё двадцать человек его отряда. Молодые, горячие, ещё не обстрелянные по-настоящему. Кто-то дремал, привалившись к плечу соседа. Кто-то нервно курил, пуская дым в щель приоткрытого окна. Кто-то проверял оружие - разбирал и собирал автомат, снова разбирал и собирал, бесконечно, как будто это могло успокоить.

Витька сидел рядом с Алексеем, держа автомат между колен, и нервно покусывал губу - детская привычка, которая осталась с ним, несмотря на всё, что он уже пережил. Правая рука у него уже зажила, швы сняли, и он снова мог держать оружие, чему несказанно радовался.

- Волнуешься? - спросил Алексей, перекрикивая гул дви-

гателя.

- Есть немного, признался Витька. - Говорят, под Славянском серьёзные бои идут. Украинская армия наступает. Танки, «Грады», авиация. А у нас - стрелковое оружие да пара миномётов.

- Говорят, кивнул Алексей. - А ты не слушай, что говорят. Слушай, что Дед командует. Он плохого не посоветует. Он в Афгане был. Он знает, что такое настоящая война.

- А ты сам-то не боишься?

- Боюсь, честно ответил Алексей. - Все боятся. Только одни от страха цепенеют, а другие - действуют. Я предпочитаю действовать.

Дед ехал в головной машине, и оттуда время от времени доносились обрывки радиопереговоров - шипение эфира, искажённые помехами голоса, короткие команды. По тону было ясно: обстановка напряжённая. Украинские войска действительно подтягивали силы, пытаясь замкнуть кольцо вокруг Славянска - города, который за последние недели стал символом сопротивления Донбасса, его знаменем, его сердцем.

Автобус трясло на ухабах - дороги здесь не ремонтировали, наверное, с советских времён. За окнами проплывали поля, ещё голые, чёрные, ждущие пахоты. Перелески, где в оврагах ещё лежал серый ноздреватый снег. Брошенные деревни - дома с заколоченными ставнями, пустые дворы, сиротливо качающиеся на ветру качели. В одной из таких де-

ревень, проезжая мимо покосившегося забора, Алексей увидел старуху в тёмном платке. Она стояла у калитки и, увидев колонну, начала крестить её - медленно, истово, широким крестом. Он не знал, за кого она молится - за них или за тех, кто пойдёт следом. Может быть, за всех сразу - за живых и мёртвых, за своих и чужих, но этот жест врезался в память, как фотография.

- Смотри, Витька толкнул его локтем. - Дым.

На горизонте, над лесистыми холмами к северу, поднимался столб чёрного дыма - густого, маслянистого, подсвеченного снизу оранжевым. Он разрастался, расползался по небу, как чернильное пятно. Там был Славянск. Город горел.

Колонна остановилась на блокпосту у южного въезда в город. Их встретили местные ополченцы - усталые, запылённые, с красными от недосыпа глазами. Укрепления здесь были сделаны на совесть: мешки с песком в три ряда, бетонные блоки, пулемётные гнёзда. Командир блокпоста, немолодой мужчина с седой щетиной и позывным «Кубань» - видимо, родом из тех краёв, коротко обрисовал обстановку. Говорил он спокойно, даже буднично, и от этого спокойствия становилось не по себе.

- Значит, так, мужики. Украинские части заняли высоты к северу от города - Карачун и Комбикормовый завод. Оттуда они корректируют огонь. Снайперы работают, артиллерия бьёт по жилым кварталам. Сегодня троих наших похоронили. Двое - местные ополченцы, один - доброволец из России.

Из Ростова. Двадцать два года. Мать у него одна осталась.

- Соболезную, сказал Дед, и в его голосе не было формальности.

это война, пожал плечами Кубань. - Привыкайте. Завтра можете быть на их месте. Или они на вашем. Тут уж, как повезёт.

Алексея и его отряд разместили в полуразрушенном здании бывшей школы номер семь - трёхэтажном, с выбитыми окнами и следами пуль на стенах. В спортивном зале, где когда-то играли в волейбол и проводили утренники, теперь стояли железные койки, ящики с боеприпасами и дымила буржуйка. На стене чудом уцелел плакат с таблицей умножения и детский рисунок - солнышко с улыбкой и надпись «Миру - мир!». Алексей долго смотрел на этот рисунок. Потом отвернулся.

- Обживайтесь, сказал Дед. - Завтра с утра - на позиции.

Ночью Алексей не спал. Он сидел на подоконнике второго этажа, накинув на плечи старую шинель, и смотрел на тёмный город, где то и дело вспыхивали разрывы - далёкие, но от этого не менее страшные. Вспышка, грохот, тишина. Вспышка, грохот, тишина. Этот ритм завораживал и ужасал одновременно.

Он думал о родителях., как они там, в Севастополе? Наверное, сейчас тоже не спят. Мама сидит на кухне с чашкой остывшего чая и смотрит в одну точку. Отец курит на балконе, глядя на бухту. Они думают о нём и о Кате. О своих

детях, которых разбросала по разным углам эта проклятая война.

Он думал о Кате. Где она сейчас? Что делает? Может быть, тоже не спит, стоит у окна в своей киевской квартире и смотрит на такой же тёмный город. Может быть, думает о брате. Может быть, уже ненавидит его. А может быть - всё ещё любит.

- Не спится? - рядом возник Витька, закутанный в одеяло, как в плащ.

- Не спится.

- Мне тоже. Всё думаю: а правильно ли мы делаем? Может, надо было не воевать, а договариваться?

- С кем? - Алексей горько усмехнулся. - С теми, кто бьёт «Градами» по жилым кварталам? С теми, кто называет нас «сепарами», «террористами», «ватниками»? С теми, кто отменил закон о языках и сказал, что мы здесь чужие на своей собственной земле? С теми, кто марширует с портретами Бандеры?

- Ну да. С ними.

- Не выйдет, Витька, Алексей покачал головой. - Мы уже пробовали. В девяносто первом, когда Союз развалили, мы поверили в демократию. Договорились до того, что флот распилили, заводы закрыли, шахты позакрывали, зарплаты не платили. Договорились до того, что русские стали людьми второго сорта в собственной стране. До того, что героев Великой Отечественной объявили оккупантами, а бандеровцев

- героями. Хватит. Теперь мы будем говорить по-другому.

- Страшно.

- Мне тоже страшно. Всем страшно, но отступать некуда. Позади - Донбасс. Позади - дом. Если мы не остановим их здесь, они пойдут дальше. На Харьков, на Одессу, на Крым. Ты этого хочешь?

- Нет.

- Тогда бери автомат и воюй.

Утром их подняли за час до рассвета. Холодный апрельский сумрак встретил их грохотом артиллерии. Где-то совсем рядом ухнуло - так, что посыпалась штукатурка с потолка и зазвенели выбитые стёкла. Алексей вскочил, схватил автомат, проверил магазин - привычным, уже машинальным движением. Витька стоял рядом, бледный, с побелевшими губами, но решительный.

- Ну что, Бондарь, сказал он, и голос его почти не дрожал. - Началось?

- Началось, ответил Алексей. - Держись меня и голову не высовывай без команды.

- Понял.

- Тогда пошли.

Они побежали к позициям - туда, где уже гремели выстрелы и кричали раненые. Война продолжалась и она только начиналась.

Часть 3. Первая кровь

Славянск, апрель 2014 года. Утро.

Позиции ополченцев располагались на восточной окраине города, в районе старого кирпичного завода - того самого, что когда-то снабжал стройматериалами пол-области, а теперь стоял полуразрушенный, с выбитыми окнами и обвалившимися перекрытиями. Две высокие заводские трубы, черневшие на фоне серого неба, словно два могильных обелиска. Гора битого кирпича, остовы обгоревших грузовиков, ржавые остовы станков идеальное место для обороны. Или для братской могилы. Тут уж, как повезёт.

Алексей лежал за грудой кирпича, прижимая к плечу автомат. Холод камня проникал сквозь бушлат, заставляя мышцы деревенеть. Он уже полчаса не менял позы, и тело затекло, но он не шевелился - снайпер с той стороны только и ждал, чтобы кто-то высунулся. Рядом, за таким же укрытием, лежал Витька. Чуть дальше - Дед и ещё пятеро ополченцев. Все молчали. Все ждали.

Напротив, метрах в трёхстах, за неглубоким оврагом, поросшим кустарником, угадывались позиции украинской армии. Оттуда время от времени били снайперы - одиночные выстрелы, от которых звенело в ушах и короткими очередями - пулемёты, пристреливающиеся к местности. Профессионально работают, сволочи. Чувствуется выучка.

- Не высовываться, скомандовал Дед, не повышая голоса. Голос у него был спокойный, будничный, словно он говорил не о предстоящем бое, а о том, что пора обедать. - Ждём. Они пойдут в атаку, как только артиллерия отработает. Сначала

накроют нас «Градами» или гаубицами, потом пойдут.

- А если не пойдут? - спросил кто-то, кажется, молодой парень из Горловки, тот самый, что ещё вчера хвастался фотографией невесты.

- Пойдут, уверенно ответил Дед. им нужен этот завод. С этих труб весь город, как на ладони. Кто контролирует завод - контролирует Славянск.

- А мы?

- А мы не дадим.

Артобстрел начался через полчаса. Сначала послышался далёкий, едва различимый свист - звук, от которого у Алексея каждый раз сжималось сердце, хотя он уже слышал его не раз. Снаряды ложились густо, один за другим, методично перепахивая территорию завода. Первый разрыв - где-то у проходной. Второй - ближе, у административного корпуса. Третий - совсем рядом, метрах в пятидесяти, так что Алексея осыпало кирпичной крошкой и землёй. Земля вздрагивала, как живое существо, как раненый зверь. Взрывной волной снесло остатки крыши одного из цехов, и в воздух взметнулось облако рыжей кирпичной пыли - густое, удушливое.

Алексей прижимался к земле, стараясь врасти в неё, слиться с ней. Он считал разрывы - старая привычка, которая помогала не сойти с ума. Один. Два. Три. Четыре. На восьмом он сбился. Рядом кто-то кричал. Кажется, тот самый парень из Горловки. Кажется, его зацепило осколком.

- Санитар! - крикнул Дед. - Санитар, сюда!

Но санитар, пожилой мужчина с позывным «Айболит», уже полз к раненому, пригибаясь, волоча за собой санитарную сумку. Пули свистели над головой, выбивая фонтанчики кирпичной пыли.

идут! - крикнул кто-то.

Из-за оврага поднимались цепи. Солдаты в украинской форме, в касках и бронежилетах, двигались короткими перебежками - профессионально, умело. Чувствовалась выучка регулярной армии. За ними, лязгая гусеницами, выползали два БТРа - один целый, второй с хвостом чёрного дыма из моторного отсека, но всё ещё на ходу.

- Огонь! - скомандовал Дед, и его голос перекрыл грохот боя.

Загрохотали автоматы. Заработал пулемёт - старенький ПКМ, который ополченцы ласково называли «Петрович». Первая цепь залегла, прижатая к земле шквальным огнём, но вторая продолжала наступать, обходя завод с правого фланга, где позиции ополченцев были слабее.

Алексей стрелял. Менял магазин - быстро, как учил Дед. Снова стрелял. Пот тек по лицу, заливал глаза, но он не замечал. Он видел, как падают люди и свои, и чужие. Видел, как Витька, выругавшись сквозь зубы, бросился к раненому парню из Горловки и начал перевязывать его прямо под огнём - не думая о себе, не прячась. Видел, как Дед, встав во весь рост, повёл ополченцев в контратаку - отчаянную, почти самоубийственную.

И вдруг - глухой удар. Взрыв гранаты. Крики.

Когда дым рассеялся, Алексей увидел, что один из ополченцев лежит на спине, раскинув руки, и смотрит в небо широко открытыми, но уже невидящими глазами. Это был Степан - немолодой шахтёр из Макеевки, с которым они только вчера сидели у костра. Степан показывал фотографию внучки - девочка в белом банте, с огромным букетом гладиолусов, первый раз в первый класс. «Вот, говорил он, и в голосе его была такая гордость, такая нежность, что у Алексея ком подкатывал к горлу. - Олюшка. Отличница будет. Вся в деда». Теперь Степан лежал на битом кирпиче, и под ним растекалась тёмная лужа, смешиваясь с рыжей кирпичной пылью.

- Степан! - крикнул кто-то. - Степан, вставай! Степан!

Но он не вставал и уже не встанет никогда.

Алексей смотрел на него и чувствовал, как внутри что-то леденеет. Не страх. Не гнев. Что-то другое. Осознание. Вот она - война. Настоящая. Не лозунги, не флаги, не референдумы. А кровь и смерть и девочка с бантом, которая больше никогда не увидит деда.

Бой продолжался ещё около часа. Потом атака захлебнулась. Украинские цепи откатились обратно за овраг, оставив на поле боя несколько тел. БТРы ушли, ревя моторами и выбрасывая клубы чёрного дыма. Ополченцы тоже понесли потери: двое убитых, пятеро раненых, один контуженный - тот самый парень из Горловки, который всё повторял, лёжа на

носилках: «Я ничего не слышу. Я ничего не слышу».

Когда всё стихло и наступила та особая, звенящая тишина, какая бывает только после боя, Алексей подошёл к телу Степана. Постоял. Снял шапку. Рядом молча стояли Витька и Дед. Витька был бледный, губы у него дрожали - то ли от холода, то ли от подступающих слёз.

- Хороший был мужик, сказал Дед, закуривая. Руки у него не дрожали - привык. - Шахтёр. Настоящий.

- У него внучка, глухо отозвался Витька. - В первый класс пошла. Он вчера фотографию показывал.

- Я знаю, Дед выпустил дым в серое небо. - У всех кто-то есть. Дети, внуки, жёны, матери. Поэтому и воюем. Чтобы у внучек было будущее. Чтобы они не росли под бандеровскими флагами. Чтобы помнили, кто они.

- А она вырастет и всё равно будет его помнить? - спросил Витька. или ей скажут, что дед был «сепаром» и «террористом»?

Дед долго молчал. Потом сказал:

это уже от нас зависит. От того, победим мы или нет. Если победим, она будет знать правду. Если проиграем - правду перепишут.

Вечером они похоронили Степана и второго убитого - того самого парня из Горловки, который не пережил контузии и умер на руках у санитара. Ему было девятнадцать. Вырыли могилы прямо на территории завода, под старой липой, которая чудом уцелела после обстрелов. Дед прочитал корот-

кую молитву - единственную, которую знал: «Упокой, Господи, души усопших рабов Твоих...»

Витька стоял с каменным лицом. Потом вдруг разрыдался - по-детски, взахлёб. Никто его не стыдил. Все понимали.

Алексей смотрел на два свежих холмика - две могилы, над которыми ещё не успели поставить кресты, и думал: «Это только начало. Сколько ещё таких холмиков будет по всему Донбассу? Сколько Степанов? Сколько безымянных парней? И когда это кончится?»

Ночью он сидел в подвале, при свете огарка свечи, и писал в блокноте - не письмо, просто запись для себя, чтобы не забыть:

«Сегодня погиб Степан. Шахтёр из Макеевки. Хороший был мужик. У него осталась внучка Оля, первоклассница и парень из Горловки, имени не запомнил. Девятнадцать лет. У него осталась невеста. Мы похоронили их под старой липой на территории завода. Дед сказал: "У всех кто-то остаётся. Ради этого и воюем". Я запомню. Я всем расскажу. Если выживу».

Он закрыл блокнот. Посмотрел на звёзды - холодные, равнодушные, вечные. Где-то далеко, на северной окраине города, снова гремела артиллерия. Война продолжалась и конца ей не было видно.

Часть 4. Севастополь. Отцовское сердце

Севастополь, середина апреля 2014 года. Вечер.

Андрей Петрович Бондаренко сидел на кухне и смотрел

новости. Старый телевизор «Горизонт», купленный ещё в девяностые, показывал репортаж из-под Славянска: разрушенные дома, дымящиеся развалины, люди в камуфляже с георгиевскими лентами. Корреспондент что-то говорил о «тяжёлых боях», о «героической обороне», о «жертвах среди ополченцев». Андрей слушал не столько слова, сколько тон. Он, бывший военный, умел читать между строк.

Анна вошла с чайником, остановилась за его спиной. Посмотрела на экран.

- Там Алёша, сказала она негромко.

- Знаю, ответил Андрей. - Он звонил вчера. Живой.

- Что он сказал?

- Что всё нормально. Что держатся.

- «Всё нормально», повторила Анна с горькой усмешкой. - Он всегда так говорит. Даже когда плохо.

- Он мужчина. Он не хочет нас волновать.

- А я мать. Я всё равно волнуюсь. Каждую минуту. Каждую секунду. Я просыпаюсь ночью и думаю: где он сейчас? Жив ли?

Андрей ничего не ответил. Он и сам просыпался ночью, но говорить об этом не привык.

Телевизор продолжал вещать. Теперь показывали репортаж из Киева, какие-то политики, какие-то заявления. Андрей выключил звук. Политика его не интересовала. Его интересовал сын.

- Знаешь, сказал он наконец, я ведь тоже воевал. Не в го-

рячей точке, но служил. Под водой и я знаю, что такое ждать. Когда ты на глубине, а связи нет, и ты не знаешь, что там наверху - война или мир. Я знаю, что такое не спать ночами.

Но ты был военным. Ты готовился к этому. А он - гражданский. Шахтёр.

- Шахтёр это тоже военный, Андрей усмехнулся. - Только форма другая. Там тоже риск каждый день, там тоже взрывы, там тоже смерть ходит рядом. Он готов. Он справится.

- Ты в этом уверен?

- Уверен.

Он не был уверен, но он знал, что Анне нужно слышать именно эти слова.

Они сидели вдвоём, пили чай. За окном шумел апрельский ветер, и море в бухте было неспокойным - волны били о причал, разбиваясь в пену. Андрей смотрел на эти волны и думал о сыне.

Потом он встал и подошёл к телефону. Набрал номер.

- Алёша? Это я., как ты там?

- Нормально, батя. Держимся.

- Я видел новости. Славянск. Тяжело?

- Тяжело, в трубке помолчали. - Похоронили двоих сегодня.

- Соболезную.

- Спасибо.

- Ты это... береги себя. Ладно?

- Постараюсь.

- Мать волнуется.

- Я знаю. Ты ей скажи - я её люблю.

- Скажу.

Андрей положил трубку. Постоял, глядя в окно. Потом сказал - не Анне, а куда-то в пространство:

- Ничего. Выстоим. Мы же Бондаренко.

И это было не просто присловье. Это было заклинание. Молитва. Обещание.

Часть 5. Анна и новая программа

Симферополь, конец апреля 2014 года. Кабинет Анны Игоревны Бондаренко на кафедре филологии Таврического национального университета - который теперь, после референдума, должен был стать Крымским федеральным университетом имени Вернадского. Смена вывески ещё не произошла, но все уже знали, что это вопрос ближайших недель.

После присоединения Крыма к России прошло больше месяца. Университет жил новой, непривычной жизнью. Из Министерства образования Российской Федерации пришли федеральные государственные образовательные стандарты - толстые папки с грифами и гербовыми печатями, отпечатанные на плотной бумаге. Анна изучала их уже вторую неделю, пытаясь понять, как совместить новые требования с тем, чему она учила четверть века.

Ситуация осложнялась тем, что часы на украинскую литературу, согласно новым стандартам, катастрофически сокращались. Если раньше это был полноценный курс - от древней

литературы до современной, с углублённым изучением Шевченко, Франко, Леси Украинки, то теперь украинская литература превращалась в небольшой модуль в рамках более общего курса и Анна должна была либо принять это, либо...

Что - либо? Уволиться? Уехать на Украину, как Гнатюк?, но там она будет «предательницей», «коллаборационисткой», «ждой», она уже читала эти слова в соцсетях, в комментариях бывших коллег. Остаться?, но здесь многие смотрели на неё косо: «украинская филологиня», «бандеровка недобитая» - такие слова тоже звучали, хотя и шёпотом, за спиной.

Она была чужой для обеих сторон.

За окном шумел апрельский Симферополь. Цвели абрикосы в университетском сквере - нежно-розовые, почти прозрачные на солнце. Зеленели газоны после первых тёплых дождей. Студенты сидели на скамейках с конспектами, смеялись, спорили, как будто ничего не случилось., как будто нет войны, нет раскола, нет этой страшной трещины, которая прошла по каждой семье, по каждой душе. Анна смотрела на них и думала: «Они ещё не понимают. Они думают, что всё вернётся. А оно не вернётся. Никогда».

В дверь постучали.

- Войдите, Анна оторвалась от бумаг, поправила очки.

Вошла молодая женщина лет тридцати - невысокая, энергичная, с короткой стрижкой и живыми карими глазами. Одежда её была одновременно строгой и какой-то очень рос-

сийской - так одевались преподавательницы в Москве или Петербурге, но не здесь, где даже доценты позволяли себе вольности.

- Анна Игоревна? Здравствуйте. Я Елена Викторовна Снегирёва, представилась она, протягивая руку. - Меня направили к вам из Ростова-на-Дону. Я кандидат филологических наук, специалист по русской литературе девятнадцатого века. Мне сказали, что вы - лучший специалист по украинской литературе в Крыму и я хотела бы с вами посоветоваться.

- Присаживайтесь, Анна указала на стул, с интересом разглядывая новую коллегу.

Елена Викторовна села, положила перед собой тонкую папку, но открывать не стала. Вместо этого она внимательно посмотрела на Анну - без вызова, но с каким-то особым, изучающим интересом.

- Анна Игоревна, я понимаю, что вы, наверное, относитесь к нам... к новым преподавателям... с осторожностью. Это нормально. Я сама, когда узнала, что меня направляют в Симферополь, испытывала смешанные чувства. Всё-таки другая страна, другие люди, другие традиции, но я приехала не для того, чтобы кого-то учить. Я приехала, чтобы работать и я думаю, мы можем быть друг другу полезны.

- В каком смысле? - спросила Анна.

- В прямом. Мы с вами ведём смежные курсы. У вас - украинская литература, у меня - русская. Теперь, в связи с переходом на российские стандарты, часы на украинскую ли-

тературу сокращают и я понимаю, что для вас это болезненно, но вместо того, чтобы оплакивать потери, давайте подумаем о приобретениях.

- О чём именно?

- О спецкурсе, Елена Викторовна наконец открыла папку. - Я тут набросала черновик. «Русская и украинская литература: диалог культур, общие корни, перекрёстные судьбы». Не противопоставление двух литератур, а исследование их взаимосвязи. Пушкин и Шевченко - современники, которые никогда не встречались, но думали о схожих вещах: о свободе, о народе, о судьбе. Гоголь - человек, который писал по-русски, но душой был малороссом. Леся Украинка, которая переводила русских поэтов. Тургенев, который переводил украинских писателей. Это же огромное поле для исследования!

Анна слушала и чувствовала, как внутри что-то оттаивает. Она ожидала чего угодно - высокомерия, снисходительности, формальных указаний, но не этого. Не живого интереса.

- Знаете, Елена Викторовна, сказала она наконец, это очень интересная идея, но боюсь, не все её поддержат. Есть те, кто считает, что украинскую литературу нужно вообще убрать из программы. «Зачем нам эти бандеровские стишки?» - я уже слышала такое, поверьте и есть те, кто считает, что преподавать украинскую литературу в российском Крыму это предательство Украины. Мне пишут об этом бывшие

коллеги. Пишут гадости.

- Я знаю, кивнула Елена Викторовна, и лицо её стало серьёзным. - Я тоже получаю письма. Только с другой стороны. Мне пишут: «Зачем вы едете в оккупированный Крым? Зачем работаете на агрессора?» И я отвечаю: я еду не к агрессору. Я еду к студентам. К людям, которые хотят учиться. Которые не виноваты в том, что политики никак не могут договориться.

и что вам отвечают?

- Ничего хорошего, Елена Викторовна усмехнулась, но я не для них это делаю. Я для студентов. Им сейчас труднее всех. Они не понимают, кто они. Украинцы? Русские? Крымчане? Что-то ещё? Им нужен мост, Анна Игоревна. А литература это и есть мост. Лучший из возможных. Потому что по нему идут не танки, а мысли. Не снаряды, а слова.

Анна долго молчала. Она смотрела на эту женщину - молодую, энергичную, приехавшую из России в чужой для неё город, и вдруг увидела в ней что-то общее с собой. Та же любовь к литературе. Та же вера в то, что слово важнее оружия. Те же сомнения. Та же боль.

- Хорошо, сказала она наконец. - Давайте попробуем.

Елена Викторовна просияла.

- Правда? Вы согласны?

- Согласна. Только у меня одно условие. Мы не будем делать вид, что ничего не случилось. Не будем замалчивать сложные темы. Если говорить о литературе этих земель -

нужно говорить честно. О Шевченко, который писал горькие слова о России. О Пушкине, который участвовал в покорении Кавказа. О Гоголе, который мучительно разрывался между двумя культурами. О советских репрессиях, которые затронули и русских, и украинских писателей. Никакой лакировки. Никакой пропаганды. Только правда. Насколько мы её знаем.

- Я согласна, кивнула Елена Викторовна. - На все сто процентов. Литература не терпит лжи. Если мы начнём врать - студенты сразу почувствуют и перестанут нам верить.

Они проговорили до позднего вечера. Елена Викторовна принесла с собой книги - старые издания, которые собирала по букинистическим магазинам. Анна достала свои - тоже старые, с пометками на полях, с закладками. Они составили предварительный список тем: «Пушкин и Шевченко: два поэта свободы», «Гоголь между Россией и Украиной», «Леся Украинка и русские символисты», «Советская литература: общая трагедия», «Постсоветская литература: поиск идентичности».

Когда Елена Викторовна ушла, Анна ещё долго сидела в пустом кабинете. За окном стемнело. В сквере зажглись фонари, их жёлтый свет дрожал на ветру. Она подошла к полке, достала с неё старый томик Шевченко - тот самый, с отцовской дарственной надписью. Провела рукой по вытертому переплёту. Подумала о том, что этот спецкурс - не просто работа. Это её личный способ выжить. Остаться собой. Не

предать ни прошлое, ни настоящее.

Дома она открыла дневник и записала:

«Сегодня я, кажется, нашла выход. Не отказываться от своего, но и не враждовать с новым. Строить мост - между культурами, между людьми, между эпохами. Литература это и есть мост и я буду его строить. Ради студентов. Ради своих детей. Ради Кати, которая когда-нибудь, я надеюсь, поймёт и ради себя самой. Потому что иначе - незачем жить».

Она закрыла дневник и долго смотрела в окно, где над Симферополем зажигались огни. Война продолжалась где-то далеко, за Перекопом, но здесь, в этом кабинете, в этот вечер, был заключён мир. Хрупкий. Едва заметный, но - мир.

Часть 6. Киев. Журфак

Киев, май 2014 года.

Катерина Бондаренко стояла перед входом в Институт журналистики Киевского национального университета имени Шевченко и смотрела на старинное здание с высокими колоннами и пожелтевшей от времени лепниной. Красный корпус на улице Мельникова, построенный ещё в позапрошлом веке, хранил в своих стенах память о тысячах студентов, которые входили в эти двери с надеждой и страхом. Теперь среди них была и она.

Ещё год назад Катя мечтала поступить сюда. Мечтала так, как мечтают только в семнадцать лет - с замиранием сердца, с тайными клятвами, с верой в то, что журналистика мо-

жет изменить мир. Она представляла, как будет сидеть в этих аудиториях, слушать лекции, писать статьи, которые напечатают в настоящих газетах., как её фамилия - Бондаренко - появится под репортажем, который прочитают тысячи людей. Это было счастливое время, когда будущее казалось светлым и понятным.

Теперь она стояла на пороге этого здания с совершенно другими чувствами.

За спиной у неё был выпускной класс, экзамены, прощание со школой и тот самый пост в соцсетях, после которого половина одноклассников перестала с ней здороваться. За спиной был Майдан - кровь на Институтской, грохот взрывов и лицо того мужчины, который умирал на брусчатке. За спиной были родители в Севастополе, которые теперь - граждане другой страны, «оккупанты» по версии её новых сограждан и брат в Донецке, который теперь - ополченец, «террорист» и «сепаратист» по версии украинских СМИ.

Она сжала в руке папку с документами - аттестат с отличием, сертификаты внешнего независимого оценивания, рекомендации от учителей и вошла внутрь.

В коридорах было шумно, как во всех университетах мира в разгар вступительной кампании. Абитуриенты с испуганными, восторженными, напряжёнными лицами сновали туда-сюда с папками в руках. Родители с термосами и бутербродами сидели на скамейках вдоль стен - ждали, волновались, перешёптывались. Студенты старших курсов, важно

обсуждающие что-то на ходу, бросали на новичков снисходительные взгляды: «Мы тоже такими были. Ничего, переживёте».

На стенах коридоров висели плакаты. «Україна - це Європа!» - гласил один, с сине-жёлтым флагом и звёздами Евросоюза. «Героям слава!» - вторил другой, с фотографией бойцов в камуфляже. «Крим - це Україна!» - третий, с картой полуострова, раскрашенной в цвета национального флага и повсюду, на отдельных стендах - портреты погибших на Майдане. Небесная Сотня. Молодые и старые, мужчины и женщины, студенты и профессора. Они смотрели с чёрно-белых фотографий - серьёзно, требовательно, словно спрашивали: «А ты что сделал для Украины?»

Катя остановилась у одного из портретов. Совсем молодой парень, почти мальчик, с открытой улыбкой и вихром на макушке. В куртке-аляске, с сине-жёлтой ленточкой на груди. «Сергій Нігоян, 20 років. Загинув 22 січня 2014 року на вулиці Грушевського». Она читала о нём. Армянин по отцу, украинец по матери, гражданин Украины по паспорту. Мечтал стать художником. Поехал на Майдан, потому что верил в справедливость. Погиб от пули снайпера.

Рядом - другой портрет. «Михайло Жизневський, 26 років. Білорус. Загинув того ж дня». Белорус, который погиб за Украину. Какая ирония., как всё переплелось в этой войне - нации, судьбы, верности.

Сердце сжалось. Она стояла и думала: «Вот они, герои.

Настоящие. Они отдали жизнь за то, во что верили. А во что верю я? Кто я? Украинка, которая родилась в русском Севастополе? Дочь людей, которые проголосовали за Россию? Сестра ополченца? Где моё место?»

- Первый раз здесь?

Катя вздрогнула. Рядом с ней стояла девушка с рыжими кудряшками, выбивающимися из-под стильного клетчатого берета. У неё было круглое, веснушчатое лицо и озорные зелёные глаза - такие бывают у людей, которые привыкли смеяться, даже когда трудно.

- Я тоже поступаю, сказала девушка. - Тележурналистика. Мечтаю стать ведущей новостей. А ты?

- Печатная журналистика, ответила Катя, или политическая аналитика. Ещё не решила до конца.

- Я - Ярина, девушка протянула руку. Рукопожатие у неё было крепкое, энергичное. - Ярина Мельник. Из Винницы. А ты?

- Катерина. Бондаренко. Можно просто Катя.

- А ты откуда?

Катя на секунду замешкалась. Вот он, момент истины. Можно было соврать - сказать «из Киева» или «из Харькова», и никто бы не проверил, но она не хотела врать. Враньё это то, что разрушало её семью, её страну, её жизнь. Если она начнёт врать сейчас - чем она будет отличаться от тех, кто делает пропаганду?

из Севастополя, сказала она, глядя Ярине прямо в глаза.

- Родилась там, но сейчас живу в Киеве, у тёти.

Ярина присвистнула. Не осуждающе - скорее удивлённо.

из Севастополя? Ого. Там же сейчас... ну, ты понимаешь. Россия. «Вежливые люди». Референдум.

- Понимаю, Катя кивнула. - У меня там родители остались. Они проголосовали за Россию.

- Ого, повторила Ярина и, как ты к этому относишься?

- Сложно, честно сказала Катя. - Очень сложно. Я их люблю. Они мои родители, но я не согласна с их выбором. Я считаю Крым украинским, но я не могу их ненавидеть. Понимаешь?

Ярина посмотрела на неё с любопытством - долгим, изучающим, но без тени враждебности. Катя уже привыкла к тому, что после признания о Севастополе люди либо шарахаются от неё, как от заразной, либо начинают допрашивать с пристрастием: «Ты за Россию или за Украину? А почему родители не уехали? А ты сама-то кто по национальности?» Ярина не стала допрашивать. Она просто кивнула, как будто услышала что-то, что давно ожидала услышать.

- Знаешь, Катя, сказала она задумчиво, у меня дядька в Луганске. Мамин брат. Он тоже... ну, ты понимаешь. За Россию. Мы с ним раньше каждый месяц созванивались. А теперь не разговариваем. Мама плачет. Говорит: «Это всё политика, она пройдёт, а семья останется», но пока не проходит.

- У меня то же самое, тихо сказала Катя. - Брат в Донецке.

В ополчении.

- Ого, в третий раз сказала Ярина, но теперь в её голосе звучало что-то новое. Не осуждение. Сочувствие и, как ты с этим живёшь?

- Не знаю, Катя пожала плечами. - Просто живу. Каждый день. Просыпаюсь, умываюсь, иду на занятия. А по ночам... по ночам иногда плачу.

Ярина помолчала. Потом вдруг улыбнулась - широко, открыто.

- Ладно, подруга. Поступай. Поступай обязательно. Такие, как ты, здесь нужны.

- Какие - такие?

- Честные. Которые не делят мир на чёрное и белое. Которые знают, что правда, она сложная. Которые любят людей, даже если с ними не согласны. Если журналистика будет состоять только из пропагандистов - грош ей цена. А если из таких, как ты - может, ещё что-то выйдет.

- Спасибо, сказала Катя, и вдруг почувствовала, как к горлу подкатывает ком.

- Ладно, пойдём, Ярина взяла её под руку. - А то опоздаем на творческий конкурс. Ты какую тему выбрала?

- «Герои нашего времени: подвиг Небесной Сотни».

- Ого. Серьёзная тема и что будешь писать?

- Правду, сказала Катя, как умею.

Творческий конкурс проходил в большой аудитории с высокими окнами, выходящими в университетский парк. За

окнами цвели каштаны - белые свечи соцветий покачивались на ветру, и запах цветов смешивался с запахом старого дерева и книжной пыли. Солнце пробивалось сквозь листву и падало на скрипучие деревянные парты золотыми пятнами. Абитуриенты сидели через одного, чтобы не списывали, и напряжённо грызли ручки.

Катя прочитала свою тему ещё раз: «Герои нашего времени: подвиг Небесной Сотни». Она думала несколько минут, глядя в окно на каштаны. Потом начала писать.

Она писала о том, что героизм это сложно. Что герои это не только те, кто погиб на баррикадах с флагом в руках. Что герои есть и там, в Донбассе - люди, которые вытаскивают детей из-под обстрелов, врачи, которые оперируют в подвалах без света, матери, которые ждут сыновей с фронта. Она писала о том, что журналист не должен делить людей на «наших» и «ваших». Что правда, она одна, и её надо искать, даже если это больно. Что её собственные родители - не враги, а просто люди, сделавшие другой выбор и что понять этот выбор - задача для настоящего журналиста.

Она не знала, понравится ли это приёмной комиссии. Возможно, от неё ждали патриотических лозунгов, цитат из Франко и призывов к единству. Возможно, за такое эссе её просто завернут, но она решила: если их правда это только одна точка зрения, если здесь не терпят сомнений и вопросов, значит, это не её место. Лучше узнать это сейчас, чем через пять лет, когда будет поздно.

Она дописала последнюю фразу, поставила точку и перечитала. Эссе получилось неудобным. Слишком честным. Слишком личным, но это было её слово. Её правда.

Когда она вышла из аудитории, Ярина ждала её в коридоре, пританцовывая от нетерпения.

- Ну как? Что написала?

- Что думала, Катя пожала плечами.

- А о чём?

- О том, что герои бывают разные и что правду нельзя делить на «нашу» и «вашу».

Ярина посмотрела на неё долгим, оценивающим взглядом. Потом вдруг хлопнула Катю по плечу - сильно, по-дружески.

- Знаешь, Катя, ты странная. Очень странная. Говоришь вещи, за которые сейчас могут и с лестницы спустить, но мне это нравится. Ты настоящая. Будем дружить?

- Будем, Катя улыбнулась - впервые за долгое время по-настоящему, открыто.

- Тогда пошли есть мороженое. Я тут видела киоск за углом. Угощаю.

Они вышли из института в майский Киев - зелёный, цветущий, тревожный. По улицам шли люди с сине-жёлтыми флагами. Где-то играла музыка. Где-то стучали молотки - волонтёры сколачивали ящики для помощи фронту. Война была рядом, затаившаяся, как зверь перед прыжком, но в этот момент - на час, на минуту - Катя чувствовала себя почти

счастливой. Потому что она сказала правду. Потому что её услышали. Потому что она нашла друга.

А это на войне - дороже золота.

Часть 7. Андрей и волонтёры

Севастополь, май 2014 года. Раннее утро.

Морской порт только просыпался. Над бухтой стоял лёгкий туман - обычный для севастопольского мая, влажный и солёный, пахнущий йодом и рыбой. Крановщики разминались у своих механизмов, докеры курили на причале, стряхивая пепел в воду, чайки с пронзительными криками носились над рыбными лотками, выпрашивая подачку. Пахло соляркой, водорослями и свежим хлебом из портовой пекарни этот запах плыл над пирсами, смешиваясь с морским бризом.

Андрей Петрович Бондаренко стоял у грузового терминала, засунув руки в карманы неизменного бушлата, и смотрел, как к причалу медленно, осторожно, словно пожилой человек, подходит старенький сухогруз «Севастополь». Небольшой, потрёпанный штормами трёх морей, с облупившейся краской на бортах и ржавыми потёками у ватерлинии, но крепкий и надёжный, как всё, что строили в советское время. Андрей знал этот корабль ещё с тех пор, когда служил на флоте - тогда он назывался «Керчь» и ходил под военным флагом. Теперь, переименованный и переоборудованный в гражданский, он продолжал служить - возил грузы между портами Чёрного моря.

На его борту, среди прочего груза, находился особый контейнер, который Андрей ждал уже вторую неделю. Контейнер был небольшой - метр на метр, обитый оцинкованной жестью, с навесным амбарным замком. Внутри лежало то, что на языке волонтёров называлось «гуманитаркой», а на самом деле было самой настоящей военной помощью: десять армейских бронежилетов четвёртого класса защиты, двадцать индивидуальных аптечек, два тепловизора, ящик спальных мешков и несколько коробок с медикаментами - обезболивающими, кровоостанавливающими, антибиотиками. Всё это было собрано на деньги севастопольцев - простых людей, которые скидывались кто сколько мог.

Идея организовать сбор помощи для донецких ополченцев пришла Андрею ещё в марте, после того самого разговора с сыном. «Батя, у нас тут не хватает самого необходимого. Бронников нет, аптечек нет, люди идут в бой в гражданской одежде», сказал тогда Алексей, и эти слова засели в голове, как заноза. Андрей не мог пойти на фронт - возраст, здоровье, да и Анна бы не пустила, но он мог делать то, что умел лучше всего: организовывать.

Он начал с малого - обзвонил сослуживцев по флоту. Потом подключил соседей. Потом - друзей Гаврилова из ветеранской организации. Сарафанное радио сработало быстрее, чем он ожидал. Уже через неделю в его мастерскую начали приносить деньги, вещи, медикаменты. Кто-то отдавал старую военную форму, сохранившуюся ещё с советских вре-

мён. Кто-то приносил армейские сухпайки. Кто-то - просто деньги, завёрнутые в носовой платок. Старуха из соседнего подъезда, Нина Степановна, та самая, которой было восемьдесят два года, принесла пять тысяч рублей - всю свою пенсию за месяц. «У меня внук в Краснодоне, сказала она, протягивая конверт. - Он тоже там. Передайте, если сможете». Андрей взял конверт и пообещал.

- Петрович, ты опять тут? - к нему подошёл Гаврилов с неизменной сигаретой в зубах. - Когда ты спишь-то? Третьи сутки на ногах.

- Когда война кончится, тогда и высплюсь, ответил Андрей, не оборачиваясь. Он смотрел, как матросы швартуют сухогруз, как скрипят канаты, как пенится вода у борта.

- Ну-ну, Гаврилов покачал головой. - Смотри, до внуков себя не угробь. У тебя ж внук в Донецке. Маленький Андрейка. Ты про него не забыл?

- Вот для него и стараюсь, Андрей наконец повернулся к другу. - Ты чего пришёл? Тебя не звали вроде.

- Помогу, Гаврилов сплюнул в воду. - Ящики таскать - не языком молоть. Чай, не разучился ещё.

- Ну, помогай.

Сухогруз пришвартовался. Матросы спустили трап, и началась разгрузка. Андрей с Гавриловым работали молча, привычно - оба служили на флоте и знали, что такое физический труд. Поднимали ящики, перетаскивали тюки, отмечали что-то в накладных. Когда дело дошло до заветного

контейнера, Андрей лично проверил замок, сверил номера пломбы, убедился, что всё цело. Потом они вдвоём погрузили контейнер в кузов старенькой «ГАЗели», которую Андрей одолжил у соседа - того самого, что держал на балконе андреевский флаг.

- Сам поведёшь? - спросил Гаврилов, вытирая пот со лба.

- Сам, Андрей захлопнул борт. - Мне не впервой. Я уже три ходки сделал с начала апреля. Знаю каждый блокпост, каждую яму на дороге.

- Не боишься? Там же стреляют. Славянск, говорят, чуть не каждый день обстреливают.

- Боюсь, честно сказал Андрей, и Гаврилов впервые увидел в его глазах не уверенность, а что-то другое - может быть, усталость, а может, ту особую решимость, которая приходит к человеку, когда он уже всё для себя решил, но там мой сын и мой внук и если я не помогу им сейчас, не привезу то, что им нужно для выживания, я себе этого не прощу. Понимаешь?

- Понимаю, кивнул Гаврилов. - У самого дети.

Он помолчал, потом достал из внутреннего кармана поношенного кителя сложенный вчетверо конверт.

- Вот. Тут немного. Пенсия за два месяца. Я хотел на рыбалку новый спиннинг купить, но... в общем, возьми. Добавь там кому нужнее. Может, на бронник для пацана какого-нибудь хватит.

- Спасибо, Андрей взял конверт. Тот был тёплым от тела

Гаврилова. - Я передам. Обязательно.

- Не за что. Мы же свои.

Гаврилов вдруг обнял Андрея - порывисто, по-медвежьи, как обнимаются мужчины, которые редко это делают.

- Ты береги себя, Петрович и сына береги и невестку и внука. Вы нужны этой стране. Все нужны.

- Будем беречь, Андрей хлопнул его по спине. - Ты тоже тут не расслабляйся. Крым хоть и российский теперь, а всякое может быть.

- Не расслаблюсь, пообещал Гаврилов. - У меня флаг на балконе и ружьё в сейфе. Если что - встретим.

Через час «ГАЗель» уже катила по трассе на север, в сторону Перекопа. Андрей сидел за рулём, прямой, сосредоточенный, как когда-то на мостике подводной лодки. За окнами проплывали крымские степи - зелёные после весенних дождей, усеянные алыми маками, которые колыхались на ветру, как капли крови на зелёном сукне. Он смотрел на дорогу и думал о сыне. О том, как тот сидит в окопе где-то под Славянском. О том, что каждый ящик с медикаментами, каждый бронежилет может спасти чью-то жизнь. Может быть, жизнь его собственного сына. Может быть, жизнь того безымянного парня из Горловки, у которого осталась невеста. Может быть, жизнь Витьки, молодого шахтёра, который ещё не разучился плакать.

Он думал о том, как странно устроена эта война. Не государство воюет - люди воюют. Пенсионеры сдают пенсии,

старухи несут конверты, бывшие офицеры трясутся в «ГАЗелях» по разбитым дорогам и всё это - ради чего? Ради того, чтобы Донбасс мог сказать: «Мы - Россия». Ради того, чтобы внуки говорили по-русски. Ради того, чтобы память о павших не была растоптана.

Вечером, когда солнце уже садилось за холмы, Андрей остановился на обочине, достал телефон и набрал номер сына.

- Алёша, привет. Это я. Слушай, я завтра к вечеру буду в Донецке. Привез кое-что - броники, аптечки, спальники. Там на отделение хватит.

- Батя, ты с ума сошёл?! - голос в трубке был встревоженным. - У нас тут каждый день обстрелы! Позавчера трассу накрыли, два волонтёра погибли!

- Я знаю, сказал Андрей спокойно, но я уже еду. Так что готовь ужин.

В трубке долго молчали. Потом Алексей сказал и голос у него дрогнул:

- Спасибо, батя. Я тебя встречу на блокпосту. Ты только осторожно.

- Встреть и сам будь осторожен. Ты мне живой нужен и Андрейке нужен и Лене и матери.

- Я знаю, батя.

Андрей убрал телефон в карман, завёл мотор и выехал на трассу. За окнами темнело. Где-то впереди, за холмами, уже угадывалось зарево - оранжевое, пульсирующее, как больное

сердце. Там был Донбасс. Там была война и там был его сын.

«Ничего, сказал он себе, как говорил всегда в трудные минуты. - Прорвёмся. Мы же Бондаренко. Мы всегда прорывались».

И «ГАЗель», нагруженная помощью, собранной всем миром, покатила дальше - в ночь, в сторону фронта, туда, где ждали.

Часть 8. Дорога на восток

Трасса Симферополь - Харьков, май 2014 года. Полночь.

«ГАЗель» катила по разбитому асфальту, подпрыгивая на выбоинах, которые никто не ремонтировал уже, наверное, с советских времён. Фары выхватывали из темноты то покосившийся дорожный знак с облупившейся краской, то остов сгоревшего автомобиля на обочине - чёрный, искорёженный, с выбитыми стёклами, то одинокое дерево, скрюченное степными ветрами в немой мольбе. За рулём было холодно - печка в старой «ГАЗели» работала через раз, и Андрей время от времени тёр ладонью запотевшее лобовое стекло, вглядываясь в дорогу. Он ехал один, если не считать груза в кузове - десяти бронежилетов, двадцати аптечек и целой горы спальных мешков, который был его безмолвным спутником.

Где-то за Джанкоем он миновал первый блокпост. Российские военные - молодые ребята в полной экипировке, с шевронами «ВС РФ» на рукавах - проверили документы, заглянули в кузов, уважительно присвистнули, увидев аккуратно уложенные бронежилеты.

- Куда, отец?

- В Донецк. Сыну. Он там в ополчении.

- Добро, старший наряда, сержант с усталым, обветренным лицом человека, который уже не первую неделю провёл под открытым небом, махнул рукой. - Счастливо. Только осторожнее там, за Перекопом. Там уже не наша зона. Украинские посты. Могут и завернуть, а могут и похуже.

- Знаю, кивнул Андрей. - Спасибо, сынки. Служите.

- Служим, отец. Ты это... если что - вот, возьми. - Сержант вдруг протянул ему свёрнутый лист бумаги. это пропуск. Российский. Если украинцы спросят, откуда едешь, покажешь. Не всем помогает, но некоторым... В общем, держи. У меня у самого батя в Луганске.

- Спасибо, Андрей пожал сержанту руку. - Бог в помощь. и тебе.

За Перекопским перешейком, где формально заканчивался Крым и начиналась материковая Украина, пейзаж изменился. Исчезли аккуратные, по-военному обустроенные российские блокпосты с триколорами и чистыми окопами. Вместо них появились укрепления, сооружённые наспех - бетонные блоки, мешки с песком, натянутая между столбами колючая проволока. Вместо спокойных, уверенных российских солдат - напряжённые, нервные бойцы Национальной гвардии Украины с сине-жёлтыми шевронами. Над блокпостом развевался украинский флаг, и ветер трепал его с каким-то надрывным, тревожным звуком.

Андрей приготовился. Он знал: здесь его волонтёрский груз мог вызвать серьёзные вопросы. Бронежилеты, тепловизоры, медикаменты это не гуманитарка для мирного населения. Это военная помощь и если её обнаружат - последствия могут быть самыми разными. От конфискации до ареста.

Так и вышло. На втором украинском блокпосту - основательном, с бетонными заграждениями, пулемётным гнездом и бойцами в полной боевой выкладке - «ГАЗель» остановили. Молодой лейтенант с сине-жёлтым шевроном и фамилией «Кравченко» на нашивке долго изучал документы Андрея, хмурился, листал паспорт туда-сюда. Потом приказал открыть кузов.

- Что везёте?

- Гуманитарную помощь, Андрей говорил спокойно, размеренно, как когда-то докладывал обстановку командиру. - Медикаменты, спальники, тёплые вещи. Для мирного населения. В Донецк.

Лейтенант забрался в кузов, посветил фонариком. Осмотрел коробки. Нашёл бронежилеты - аккуратно уложенные, в заводской упаковке. Взял один, повертел в руках.

- А это для какого «мирного населения», гражданин Бондаренко? Это армейский бронежилет четвёртого класса. Такие «мирному населению» не нужны.

Андрей молчал, глядя лейтенанту прямо в глаза. Врать было бессмысленно. Оправдываться - тем более.

- Вы понимаете, что я обязан конфисковать этот груз? -

продолжал лейтенант и вас задержать. По законам военного времени это пособничество незаконным вооружённым формированиям. Статья. Срок.

- Понимаю, сказал Андрей.

Лейтенант спрыгнул из кузова. Подошёл ближе. Он был молод - лет двадцать пять, не больше, но глаза у него были взрослые, усталые, с той особой тенью, которая появляется у людей, слишком рано увидевших смерть.

- У вас там кто? - спросил он вдруг, и голос его прозвучал не, как у офицера на посту, а, как у обычного человека.

- Сын, ответил Андрей. - В ополчении и внук. Маленький совсем. Год и два месяца. Андрейка.

- Андрейка, повторил лейтенант. - Моего отца тоже Андрей зовут. Он в Харькове. Инженер.

Они помолчали. Вокруг шумел ветер, гремел железом на крыше блокпоста. Где-то далеко, на востоке, глухо ухали разрывы - артиллерия продолжала свою страшную работу.

- Знаете, что, сказал вдруг лейтенант, понизив голос, я вас не видел. Езжайте. Только быстро и если на следующем посту спросят - скажите, что везёте продукты и тёплые вещи. Броники спрячьте под спальниками. Авось пронесёт.

- Спасибо, Андрей кивнул. Он хотел добавить что-то ещё, но слов не было.

- Не за что, лейтенант поморщился. - Не знаю, правильно ли я делаю. Может, эти броники завтра будут на тех, кто в моих ребят стрелять будет. Но... у вас сын и внук и у меня

отец. Война это одно. А семья - другое. Езжайте.

- Удачи тебе, сынок.

и вам... отец.

Лейтенант козырнул - не по уставу, как-то скомканно, и отвернулся.

Андрей завёл мотор, и «ГАЗель» покатила дальше, в ночь. Он ещё долго видел в зеркале заднего вида удаляющийся огонёк блокпоста - одинокий, жёлтый, дрожащий на ветру. А потом и он исчез.

До рассвета оставалось часа три. Андрей думал о том, как странно устроена эта война. Вот этот лейтенант Кравченко - он же не враг. Обычный парень, у которого отец инженер в Харькове и он понимает: там, за линией фронта, такие же люди, с такими же детьми, но приказ есть приказ и завтра он, возможно, будет стрелять в тех, кому сегодня позволил проехать. А может, и не будет. Может, он вспомнит этот разговор, эту ночь, этого пожилого человека с грузом для сына и что-то в нём дрогнет. Может, в последний момент отведёт ствол.

«Ничего, повторил Андрей про себя, как заклинание. - Прорвёмся. Мы же Бондаренко».

Над степью занимался рассвет - серый, пасмурный, какой-то невесёлый. Степь лежала вокруг бескрайняя, равнодушная ко всем людским войнам и переделам. Где-то вдалеке, на востоке, уже слышны были глухие раскаты - артиллерия наращивала темп. Донбасс приближался.

Андрей нажал на газ. Впереди была граница, за которой ждал сын.

Часть 9. Донецк. Встреча

Донецк, май 2014 года. Вечер. Окраина города, район шахты имени Засядько.

Алексей ждал отца на блокпосту у въезда в город - том самом, где он дежурил уже которую неделю. За эти дни блокпост неузнаваемо изменился, оброс бытом: появились самодельные нары в блиндаже, сколоченные из поддонов и застеленные старыми матрацами, полевая кухня, которую ополченцы соорудили из старой печки-буржуйки и разрезанной вдоль бочки из-под солярки, и даже небольшая библиотека - кто-то из местных жителей притащил стопку потрёпанных детективов Донцовой и Марининой, подшивку журнала «Наука и жизнь» за 1987 год и потрёпанный томик «Тихого Дона» без обложки. Война войной, а читать хотелось - особенно долгими ночами, когда обстрелы стихали и тишина начинала звенеть в ушах.

«ГАЗель» показалась на дороге, когда солнце уже садилось за многоэтажки Калининского района, окрашивая небо в тревожные багровые тона. Алексей узнал машину отца ещё издалека - по характерной вмятине на правом крыле, которую Андрей так и не удосужился выправить, сколько ни пилила его Анна. «И так сойдёт, говорил он всякий раз, когда жена заводила речь о ремонте. - Машина не для красоты, а для дела» и вот теперь эта машина, пропылённая, забрызган-

ная грязью, с налипшими на радиатор останками насекомых, привезла самое ценное - помощь и надежду.

Машина остановилась у бетонных заграждений, сложенных в три ряда и укреплённых мешками с песком. Андрей вышел из кабины - усталый, с красными от недосыпа глазами, в пропылённом бушлате, который он не снимал уже вторые сутки, с седой щетиной на подбородке, но держался он прямо, и в его фигуре чувствовалась та особая выправка, которую не теряют даже через тридцать лет после отставки бывшие офицеры-подводники.

Алексей шагнул навстречу, и они обнялись - крепко, по-мужски, может быть, крепче, чем когда-либо раньше. Андрей чувствовал, как под руками хрустит камуфляжная ткань, как напряжены плечи сына - тот всё ещё был собран, готов к бою, не мог расслабиться даже в объятиях отца. Война въелась в него глубже, чем угольная пыль.

- Здорово, батя.

- Здорово, сынок.

Они стояли так несколько секунд, и за эти секунды было сказано больше, чем за иной часовой разговор. Вокруг суетились ополченцы, кто-то кричал, где-то гудел двигатель, но отец и сын ничего не замечали. Они были вместе и это было главное.

-, как доехал? - спросил Алексей, отстраняясь и заглядывая отцу в лицо, словно пытаясь прочитать в нём что-то важное.

- Нормально. На украинском блокпосту попались понимающие. Лейтенант молодой, Кравченко. Пропустил, хоть и видел брони.

- Повезло, Алексей покачал головой. - Могли и завернуть. Или арестовать. Или ещё что похуже. Ты хоть понимаешь, чем рисковал?

- Понимаю, Андрей пожал плечами, но я же обещал. Сказал - привезу. Значит, привезу. Бондаренко слов на ветер не бросают. Ты же знаешь.

- Знаю, Алексей вдруг улыбнулся - впервые за эти дни. - Весь в деда.

- В прадеда, поправил Андрей. - Захар Трофимович тоже был упрямый. Если что решил - горы свернёт.

Алексей заглянул в кузов. То, что он там увидел, заставило его присвистнуть от изумления.

- Батя, это же целый арсенал! Десять бронников, двадцать аптечек, два тепловизора, спальники... Да тут на целое отделение хватит! Где ты всё это достал? Неужели сам купил?

- Люди помогли, Андрей пожал плечами. - Севастопольцы. Объявили сбор, я кинул клич по соседям, по ветеранской организации. Скидывались кто сколько мог. Пенсионеры, ветераны, простые работяги. Гаврилов две пенсии отдал - хотел спиннинг купить, а купил бронник для пацана незнакомого. Нина Степановна, бабушка из третьего подъезда, пять тысяч принесла - вся её пенсия за месяц. У неё внук в Краснодаре, она его даже не видела ни разу, а деньги отдала. Ска-

зала: «Передайте, кому нужнее». Там даже записка от неё есть - просила передать внуку. Только она адрес перепутала - написала «Краснодон» вместо «Краснодар», но я всё равно взял. Может, найдётся в Краснодоне внук, которому это поможет.

- Найдётся, Алексей кивнул. - Обязательно найдётся. Передадим.

Он спрыгнул из кузова на землю и вдруг заметил, как отец пошатнулся, схватившись за борт.

- Батя, ты чего? Ты когда ел в последний раз?

- Да я... - Андрей махнул рукой. - Не помню. Утром, кажется. Или вчера.

- Так, Алексей повернулся к Витьке, который, как раз подошёл помогать с разгрузкой. - Витька, тащи сюда сухпай и чай. Крепкий. Отец с дороги, вторые сутки не евши.

- Понял, Бондарь! - Витька убежал и через минуту вернулся с термосом и пакетом галет.

Они разгрузили кузов вместе с подоспевшими ополченцами. Работали споро, по-флотски - Андрей невольно распределил обязанности, покрикивал, подгонял. Через полчаса все ящики были аккуратно сложены в углу блиндажа, а Витька, увидев новые бронежилеты, радовался, как ребёнок, и тут же начал примерять один.

- Гляди, Бондарь!, как влитой сидит!

- Не вертись, усмехнулся Алексей. - Снайпер снимет, если будешь так высовываться.

Дед, осматривавший тепловизоры, одобрительно хмыкал в седые усы. Для него, старого афганца, эта помощь была не просто грузом, она была доказательством того, что о них помнят. Что они не одни. Что там, в тылу, люди не просто смотрят новости по телевизору и качают головами, а реально помогают - деньгами, вещами, временем. Что Россия с ними. Не на словах - на деле.

Вечером они сидели в блиндаже - вчетвером: Андрей, Алексей, Витька и Лена с маленьким Андрейкой на руках. Лена пришла сюда из города, как только узнала, что свёкор приехал. Она была тихая, усталая, с тёмными кругами под глазами - сказывались бессонные ночи под обстрелами, но она улыбалась, глядя на Андрея, и в этой улыбке было что-то такое, от чего у старого подводника щемило сердце. Благодарность. Нежность. Надежда.

-, как он? - Андрей кивнул на внука, который сидел на коленях у матери и сосредоточенно пытался оторвать пуговицу от её кофты.

- Растёт, Лена улыбнулась. - Уже ходить пытается. Держится за стенку и топает и говорит несколько слов: «мама», «папа», «дай» и ещё...

- Что?

- «Деда». Он вас так называет. Заочно. Я ему показываю вашу фотографию и говорю: «Это деда Андрей». А он повторяет: «Де-да».

- «Деда»? - Андрей почувствовал, как что-то тёплое раз-

ливается в груди. Он часто заморгал, отвёл глаза - не хотел, чтобы видели слёзы. - Ну-ка, Андрейка, иди сюда. Скажи: «де-да».

Мальчик, услышав своё имя, поднял голову. Посмотрел на деда серьёзными, внимательными глазами - такими же серыми, как у Алексея, как у самого Андрея, как у прадеда Захара, чья фотография стояла в серванте в севастопольской квартире. Несколько секунд он изучал новое лицо. Потом вдруг улыбнулся - широко, беззубо, совершенно обезоруживающе и отчётливо произнёс:

- Де-да.

- Слышали? - Андрей обвёл всех взглядом, и голос его дрогнул. - Он меня назвал! Признал!

- Назвал, Алексей хлопнул отца по плечу. - Значит, признал. Кровь, она своё берёт.

Лена, улыбаясь, передала мальчика деду, и Андрей взял внука на руки - осторожно, боясь уронить, как когда-то брал на руки новорождённого Алёшу. Андрейка тут же вцепился в его усы и начал их дёргать с исследовательским интересом. Все засмеялись.

В этот момент где-то далеко, на восточной окраине, снова ухнула артиллерия. Глухой, тяжёлый звук прокатился над городом, и стены блиндажа едва заметно вздрогнули. Все на секунду замерли. Лена привычным, отработанным движением протянула руки, чтобы забрать сына. Витька схватился за автомат. Алексей подобрался, готовый к команде.

Андрей сидел неподвижно. Он смотрел на свою семью - сына, готового идти в бой, невестку, прижимающую к груди ребёнка, внука, который ещё не понимал, что такое война, и думал о том, как хрупко всё это., как легко разрушить то, что строилось десятилетиями., как одна шальная пуля, один осколок может в одно мгновение оборвать эту нить, тянущуюся от Захара Трофимовича к Андрейке.

- Ничего, сказал он, обращаясь не столько к окружающим, сколько к самому себе. - Прорвёмся. Мы же Бондаренко.

- Прорвёмся, эхом отозвался Алексей.

И в этом блиндаже, под глухие раскаты артиллерии, эти простые слова прозвучали не, как поговорка., как клятва., как обещание, которое нельзя нарушить. Потому что за ними стояли поколения - те, кто строил Севастополь, кто добывал уголь в донецких шахтах, кто воевал в Афганистане и на флоте. Те, кто выжил в девяностые и не сломался. Те, кто верил и ждал.

Бондаренко. Семья. Россия.

Всё это было связано воедино - крепче любых обручей.

Часть 10. Ласточка

Донецк, май 2014 года. Поздний вечер.

После того, как Андрей уехал обратно в Севастополь - на этот раз без груза, но с письмами от ополченцев, с самодельными оберегами, которые бойцы передавали родным, и с наказом непременно передать привет Гаврилову и всем, кто помогал, Алексей вернулся в свою квартиру. Впервые за

много дней у него выдался свободный вечер. Не было дежурства на блокпосту, не было разведки, не было обстрелов - только тишина, которая после грохота артиллерии казалась почти неестественной, оглушительной, как вакуум.

Квартира встретила его запахом домашней еды и детского мыла. Лена хлопотала на кухне - варила гречку, единственную крупу, которую удалось достать в магазине на этой неделе. Маленький Андрейка, набегавшись за день по комнате, спал в кроватке, уткнувшись носом в подушку и смешно причмокивая во сне. Алексей стоял в дверях детской и смотрел на сына., как он вырос за эти месяцы., как из беспомощного свёртка превратился в маленького человека с характером - упрямого, любопытного, совсем, как он сам в детстве, если верить рассказам матери.

Он прошёл на кухню, сел за стол, достал из кармана потрёпанный блокнот - тот самый, в котором писал письма и записывал имена погибших. Полистал. Страницы были исписаны неровным почерком: «Степан, Макеевка, шахтёр, осталась внучка Оля». «Павел, Горловка, 19 лет, осталась невеста». «Дмитрий, Снежное, 42 года, остались жена и двое сыновей». Этот список рос с каждой неделей, и Алексей боялся, что когда-нибудь в нём появится имя кого-то из близких. Витьки. Деда. Его собственное.

Он смотрел на жену и думал о том, как странно устроена жизнь., как причудливо она тасует судьбы, как неожиданно сводит людей в самых неподходящих для этого местах. Они

познакомились всего три месяца назад - хотя казалось, что прошла целая вечность. Это случилось здесь, в Донецке, в середине февраля, когда ополчение только формировалось и всё было зыбко, неопределённо, тревожно.

Он помнил этот день в мельчайших подробностях. У здания бывшей обладминистрации был стихийный митинг - люди требовали референдума, размахивали флагами, скандировали лозунги. Алексей стоял в толпе, ещё не решив, присоединиться ли к ополчению или остаться в стороне и тут началась стрельба - кто-то открыл огонь из проезжавшей машины, толпа бросилась врассыпную, началась паника. Алексей побежал, но споткнулся о чьё-то тело - на асфальте лежал мужчина, раненный в плечо, и под ним растекалась лужа крови.

И тогда из толпы выбежала она - тоненькая светловолосая девушка с санитарной сумкой через плечо. Опустилась на колени прямо в лужу, ловко, профессионально начала перевязывать раненого. Вокруг свистели пули, люди кричали, кто-то падал, а она работала - спокойно, сосредоточенно, словно не замечая ничего вокруг.

- Помоги! - крикнула она Алексею, и он, не думая, бросился к ней, помог перетащить раненого в укрытие за бетонной клумбой. Потом они вместе перевязывали ещё одного и ещё и ещё. К концу дня, когда стрельба стихла и санитары увезли раненых, они сидели вдвоём на ступеньках какого-то подъезда - грязные, уставшие, с руками по локоть в чужой

крови и молчали.

-, как тебя зовут? - спросил он наконец.

- Лена. Позывной - Ласточка. Я медсестра из третьей городской больницы. А ты?

- Алексей. Шахтёр. Позывного пока нет.

- Будет, она улыбнулась, и в этой улыбке, усталой и чуть печальной, было что-то такое, от чего у него защемило сердце. - На войне у всех появляются позывные.

С того дня они почти не расставались. Воевали рядом, дежурили на одних блокпостах, вместе попадали под обстрелы. Он провожал её после смены до больницы, она перевязывала его, когда его зацепило осколком. Их роман был странным - без цветов и свиданий, без кино и кафе. Вместо этого - короткие разговоры в перерывах между боями, глоток чая из одного термоса, молчание, которое говорило больше слов.

А потом, в конце марта, когда стало ясно, что война это надолго, Алексей просто сказал: «Выходи за меня». Она не удивилась, не стала спрашивать «почему» или «зачем». Просто кивнула и через неделю они расписались в полуразрушенном загсе на окраине Донецка. Свидетелями были Витька и пожилая женщина-регистратор, которая плакала, заполняя бланки. Колец не было - Алексей сделал их из медной проволоки, найденной в мастерской, но они были самыми настоящими. Самыми честными.

- О чём думаешь? - спросила Лена, не оборачиваясь. Она стояла у плиты, помешивая гречку, и пар от кастрюли под-

нимался к потолку, смешиваясь с запахом домашнего уюта.

- О тебе, ответил Алексей честно. - О нас. О том, как мы встретились. Помнишь тот день? Первый обстрел у облад-министрации.

- Помню, она чуть улыбнулась. - Ты тогда был смешной. В гражданской куртке, с шарфом до ушей и руки у тебя дрожали.

- Ничего не дрожали!

- Дрожали-дрожали. Я заметила, но ты всё равно полез помогать. Это было.., она помолчала, подбирая слово. это было правильно. Я тогда подумала: «Вот человек, на которого можно положиться».

- А я подумал: «Какая красивая девушка и смелая и глаза у неё...»

- Какие, она обернулась.

- Серьёзные и добрые и немного грустные., как будто она уже всё понимает про эту жизнь, но всё равно не сдаётся.

Лена выключила плиту, вытерла руки полотенцем - стареньким, с вышитыми васильками, такие теперь только у бабушек в деревне остались, подошла к мужу.

- Знаешь, Лёша, сказала она тихо, я ведь тоже боюсь. Каждый день. Каждую ночь. Когда ты уходишь на задание, я сижу и считаю минуты. Мне кажется, что, если я перестану считать - с тобой что-то случится. Глупо, да?

- Не глупо, Алексей притянул её к себе, обнял. - Я тоже считаю. Когда слышу, что в городе стреляют, я думаю:

«Только бы не в неё. Только бы не в Андрейку». Это не глупость. Это любовь.

Они помолчали. За окном совсем стемнело. Где-то далеко, на северной окраине, снова ухала артиллерия - глухо, размеренно, как сердцебиение войны, но здесь, в маленькой квартире на окраине Донецка, было тепло и тихо и эта тишина была дороже всего на свете.

- Знаешь, что я понял сегодня? - сказал Алексей. - Когда отец приезжал.

- Что?

- Что семья это не обязательно люди, которые живут в одном доме. Семья это люди, которые держатся друг за друга, даже когда их разделяют границы. Даже когда они по разные стороны фронта. Катя в Киеве. Родители в Севастополе. Мы здесь, но мы всё равно вместе. Понимаешь?

- Понимаю, Лена улыбнулась. это ты хорошо сказал. Может, запишешь? В свой блокнот?

- Уже записал, Алексей показал раскрытую страницу, где среди списка погибших появилась новая запись: «Семья это те, кто держится друг за друга. Даже через границы. Даже через войну».

- Хорошие слова, она кивнула. - Правильные. Знаешь, о чём я мечтаю?

- О чём?

- Я мечтаю, что когда-нибудь мы поедем в Севастополь. Все вместе: ты, я, Андрейка и твои родители и Катя, если она

приедет. Мы пойдём на набережную, будем есть мороженое, смотреть на море и никто не будет стрелять и можно будет просто жить.

это будет, Алексей поцеловал её в макушку. - Обязательно будет. Когда война кончится.

- А когда она кончится?

- Не знаю, но когда-нибудь кончится. Всё когда-нибудь кончается. Даже война. А любовь - остаётся.

Они сидели молча, обнявшись, и слушали, как в соседней комнате посапывает во сне их сын и Алексей думал о том, что самые важные вещи в жизни происходят не на поле боя, не в штабах и не на митингах. А вот так - на кухне, при свете тусклой лампочки, когда любимая женщина кладёт голову тебе на плечо, а за стеной спит ваш ребёнок.

Это и есть счастье. Не громкое, не парадное. Настоящее.

И ради этого стоит жить и воевать и побеждать.

Часть 11. Бессмертный полк

Севастополь, 9 мая 2014 года. День Победы.

Андрей Петрович Бондаренко стоял перед зеркалом в прихожей и поправлял китель. Тот самый парадный китель капитана второго ранга, который он не надевал уже много лет - с тех самых пор, как уволился в запас в середине девяностых. Тогда он думал, что больше никогда не наденет его. Что форма стала ненужной, как и всё, чему он служил. Что страна, которой он присягал, исчезла, а новая - чужая и враждебная - не заслуживает того, чтобы ради неё носить по-

гоны. Анна помогла ему достать китель из старого сундука, где он лежал, пересыпанный нафталином, вместе с кортиком и альбомами фотографий. Она проветрила его на балконе, отгладила каждую складочку, пришила все медали и орденские планки, которые Андрей когда-то хотел выбросить, но она не дала. «Сохрани, сказала тогда. - Пригодятся. Не может быть, чтобы не пригодились» и, как в воду глядела.

Медалей было много - за выслугу лет, за безаварийные походы, за службу в Северном флоте, за участие в дальних плаваниях. Была медаль «За боевые заслуги» - её он получил за операцию в Средиземном море, о которой до сих пор никому не рассказывал, потому что давал подписку о неразглашении. Были юбилейные медали - «300 лет Российскому флоту», «70 лет Вооружённых Сил СССР». Были знаки отличия, которые он сам когда-то считал пустой формальностью, а теперь они казались чем-то гораздо большим - свидетельством прожитой жизни, напоминанием о том, что он не зря носил форму.

Но сегодня, 9 мая 2014 года, на груди Андрея висела ещё одна награда, которой не было в официальных списках и приказах. Георгиевская ленточка - оранжево-чёрная, скромная, завязанная в простой узел. Её дал ему Гаврилов ещё в апреле, когда они вместе дежурили на блокпосту. «Носи, Петрович, сказал он тогда. это наша память. Наша гордость. Наша связь с теми, кто воевал» и Андрей носил. Сначала на бушлате, потом на гражданской куртке, а теперь - на парад-

ном кителе, рядом с боевыми медалями.

Он долго смотрел на себя в зеркало - на седые виски, на морщины у глаз, на выцветшие, но всё ещё яркие орденские планки и вдруг увидел не просто пожилого отставного офицера в старом кителе. Он увидел продолжение. Звено в цепи, которая тянется от Захара Трофимовича, бондаря и солдата Первой мировой, через Петра Захаровича, моряка Великой Отечественной, через него самого, Андрея Петровича, подводника Холодной войны, к Алексею Андреевичу, ополченцу Донбасса, и дальше, к маленькому Андрейке, который только учится ходить. Цепь не прервалась. Выстояла., как дубовый обруч.

- Ты готов? - спросила Анна, заглядывая в прихожую.

Она тоже была при параде. Строгое тёмно-синее платье, которое она надевала только по самым торжественным случаям. На плечах - белый шифоновый платок, подаренный мамой ещё в незапамятные времена. В руках - портрет, который она держала бережно, как святыню. С портрета смотрел молодой человек в гимнастёрке, с сержантскими погонами и медалью «За отвагу» на груди. Лицо у него было открытое, мальчишеское, с чуть припухшими губами и светлым вихром, выбивающимся из-под пилотки. Совсем мальчик. Двадцать один год.

- Отец, сказала Анна, перехватив взгляд Андрея. - Пётр Игоревич. Сержант, сапёр. Погиб в апреле сорок четвёртого при освобождении Севастополя. За два месяца до Победы.

Подорвался на мине, разминируя проход для пехоты. Представляешь - за два месяца. Он уже знал, что война кончается. Знал, что скоро домой и всё равно пошёл первым.

- Я помню, Андрей кивнул. - Ты рассказывала. Он был настоящим героем.

- Он был просто мальчиком, Анна поправила платок. - Они все были просто мальчиками и девочками. Санитарки, связистки, зенитчицы. Моя тётя, мамина сестра, в восемнадцать лет ушла на фронт. Всю войну прошла. А потом умерла в пятьдесят третьем - старые раны открылись. Ей было тридцать. Она даже замуж не успела выйти.

- Сегодня мы их вспомним, Андрей взял жену за руку. - Всех.

- Сегодня мы не просто вспомним. Сегодня мы их покажем.

«Бессмертный полк» шагал по улицам Севастополя впервые в истории - по крайней мере, в таком масштабе, в таком размахе, с такой душой. Идея родилась стихийно, как рождается всё самое настоящее и сильное: кто-то сказал, кто-то подхватил, кто-то напечатал листовки на старом принтере, кто-то передал по цепочке, через соседей, сослуживцев, друзей и вот теперь, девятого мая две тысячи четырнадцатого года, тысячи людей вышли на улицы с портретами своих дедов и прадедов, бабушек и прабабушек, отцов и матерей, дядьёв и тёток - всех, кто воевал, кто погиб, кто выжил, кто работал в тылу, кто ждал с фронта, кто поднимал страну из

руин.

Андрей и Анна шли в колонне по Большой Морской. Рядом шагал Гаврилов - в своём парадном мичманском кителе, с георгиевской ленточкой на груди и портретом отца в руках. С фотографии смотрел суровый мужчина в бескозырке с надписью «Черноморский флот» - старшина первой статьи Гаврилов Илья Степанович, морской пехотинец, погибший в феврале сорок второго на Малой земле, под Новороссийском. Ему было тридцать четыре года. Дома остались жена и трое детей - младшему, нынешнему Гаврилову, тогда было три года, он отца почти не помнил, только по рассказам матери и по этой единственной фотографии.

- Знаешь, Петрович, сказал Гаврилов, и голос его дрогнул, я ведь только в прошлом году узнал, где его могила. Поисковики нашли. Под Новороссийском, в братской. Я съездил. Постоял. Положил цветы и вдруг понял: я же старше его теперь. Мне шестьдесят пять, а ему навсегда тридцать четыре. Я старик, а он - молодой парень., как это может быть?

это жизнь, ответил Андрей. - Они остались молодыми, чтобы мы могли состариться. Понимаешь? Они отдали свою молодость за нашу старость.

Гаврилов молча кивнул. Он не мог говорить - слёзы душили его.

Вокруг шли люди - сотни, тысячи. Молодые и старые, мужчины и женщины, дети и взрослые. У каждого в руках - портрет. Кто-то нёс по две, по три фотографии - целые семьи

уходили на фронт и не возвращались. Кто-то нёс просто табличку с именем - фотографии не сохранилось, но имя помнили, свято хранили в семейной памяти. Кто-то нёс старые письма с фронта, сложенные треугольником, выцветшие, затёртые на сгибах, но всё ещё хранящие тепло рук тех, кто их писал.

Над колонной плыла песня. Сначала тихо, неуверенно, потом всё громче, всё стройнее - тысячи голосов подхватили:

«День Победы, как он был от нас далёк,

Как в костре потухшем таял уголёк...»

Андрей пел вместе со всеми и чувствовал, как по щекам текут слёзы. Он не стеснялся их - сегодня плакали все. Плакал Гаврилов, прижимая к груди портрет отца. Плакала незнакомая женщина рядом, держа в руках фотографию деда-танкиста. Плакал молодой парень, нёсший портрет прабабушки-санитарки. Это были не слёзы горя это были слёзы памяти. Слёзы гордости. Слёзы единства.

- Знаешь, о чём я думаю? - сказал Андрей Анне, когда песня закончилась и над колонной повисла торжественная тишина.

- О чём?

- О деде. О Захаре Трофимовиче. Он ведь тоже воевал. В трёх войнах. В Первую мировую - ещё молодым, безусым мальчишкой, его призвали в пятнадцатом, он прошёл Восточный фронт, был ранен, лежал в госпитале в Киеве. В Гражданскую - уже зрелым мужиком, воевал в Красной Ар-

мии, защищал Царицын. В Великую Отечественную - стариком, ему было под семьдесят, но он пошёл добровольцем в ополчение, рыл окопы под Сталинградом, был ранен при бомбёжке, контужен, но выжил. Вернулся и всю жизнь после этого делал бочки. Говорил: «Дерево - оно живое. Оно помнит всё и войну помнит, и мир. Когда обруч набиваешь, надо с душой. Потому что бочка, она, как держава. Рассохнется - трудно собрать, но можно».

- Мудрый был человек, сказала Анна.

- Мудрый. Жаль, я его портрета не нашёл. Где-то была фотография, ещё довоенная, но затерялась при переездах.

- Ничего, Анна взяла его под руку, прижалась плечом. - Он здесь. С нами. Ты же его помнишь и Алёша помнит, ты ему рассказывал и Андрейке расскажем. Память, она не в фотографиях. Она в сердце.

- В сердце, повторил Андрей. - Да. Ты права.

Они шли дальше по Большой Морской, мимо старых домов из инкерманского камня, мимо памятников и скверов, и людская река несла их к площади Нахимова, к памятнику адмиралу, к Вечному огню. Там, на площади, колонна остановилась. Люди поднимали портреты над головой, и со стороны казалось, что над площадью колышется бескрайнее море лиц - молодых и старых, строгих и улыбающихся, но объединённых одним: все они смотрели на нас, живых, с надеждой и верой.

К микрофону вышел седой ветеран в парадном кителе с

Золотой Звездой Героя. Он должен был сказать речь, но долго не мог начать - слёзы мешали. Потом, справившись с волнением, сказал всего несколько слов:

- Спасибо, что помните. Спасибо, что не забыли. Ради этого стоило жить.

И заплакал - уже не скрываясь, не стесняясь.

А вместе с ним плакала вся площадь.

Андрей стоял, держа Анну за руку, и думал о том, что «Бессмертный полк» это не просто парад. Не просто акция. Это доказательство. Доказательство того, что связь поколений не прервана. Что память жива. Что внуки помнят дедов. Что народ, который помнит своё прошлое, имеет право на будущее.

И ещё он думал о том, что сегодня, 9 мая 2014 года, Донбасс тоже празднует День Победы. Только там - под обстрелами. Алексей, наверное, сейчас где-то в окопе под Славянском, с автоматом в руках, но на груди у него, Андрей точно знал, георгиевская ленточка и Витька, и Дед, и сотни других ополченцев - они тоже вышли бы сегодня с портретами, если бы не война. Они тоже помнят. Они тоже часть этого полка - Бессмертного, который шагает не только по улицам, но и сквозь время.

Потому что забыть - значит предать.

А Бондаренко не предают.

Часть 12. Госпиталь

Донецк, середина мая 2014 года. Третья городская боль-

ница.

Алексей лежал на железной койке в переполненной палате и смотрел в потолок, по которому змеилась тонкая трещина - след от близкого разрыва, случившегося ещё в апреле, когда снаряд попал в соседнее крыло. Трещина была извилистой, как русло пересохшей реки, и Алексей, лёжа без сна, иногда водил по ней взглядом, словно читал невидимый текст. Неделю назад он даже не думал, что окажется здесь. Война казалась бесконечной, но он был уверен, что его не заденет. Так думают все - пока не заденет.

Это случилось под Семёновкой, небольшим посёлком к северо-востоку от Славянска. Их отряд держал оборону на окраине, у старой машинно-тракторной станции, превращённой в опорный пункт. Украинская артиллерия начала обстрел на рассвете - методично, прицельно, как будто знала каждую складку местности. Алексей лежал за бетонным блоком и считал разрывы, когда один из снарядов лёг особенно близко. Взрывная волна ударила в уши, а через секунду он почувствовал острую, обжигающую боль в правом плече - словно кто-то воткнул в него раскалённый гвоздь.

Осколок был небольшим, размером с ноготь мизинца, но вошёл глубоко, разорвал мышцу, задел кость. Кровь хлынула ручьём, заливая рукав. Алексей попытался поднять автомат - рука не слушалась. Он закричал, но сам не услышал своего голоса - после контузии в ушах стоял сплошной звон и тогда из дыма и пыли возник Витька - маленький, щуплый,

но с какой-то отчаянной, нечеловеческой силой. Он взвалил Алексея на спину и потащил в укрытие, хотя сам был ранен в руку и каждый шаг давался ему с мукой.

- Держись, Бондарь! Держись, брат! - кричал он, но Алексей почти не слышал.

Потом был санитарный «уазик», тряска по разбитой дороге, носилки, яркий свет операционной лампы. Хирург, пожилой мужчина с усталыми глазами и руками, которые не дрожали даже под обстрелом, сказал: «Повезло. Ещё сантиметр в сторону и осколок перебил бы подключичную артерию. Тогда бы не довезли». Алексей запомнил эти слова. «Повезло». Странное везение - получить осколок в плечо и выжить, но на этой войне это действительно считалось удачей.

Теперь он лежал в палате на восемь коек, и все восемь были заняты такими же, как он. Ранеными, искалеченными, но живыми. У окна лежал пожилой ополченец с позывным «Батя» - ему перебило ногу, и он тихо стонал во сне. Рядом с Алексеем - молодой парень, почти мальчик, с забинтованной головой: контузия, потеря памяти, он не помнил даже своего имени, только смотрел в одну точку и молчал. В углу палаты кто-то бредил, звал жену, говорил что-то бессвязное о детях, о доме, о несобранном урожае. Пахло лекарствами - резко, химически, и ещё хлоркой, и ещё чем-то неуловимым, что бывает только в госпиталях. Запах страдания. Запах надежды.

Война здесь была не снаружи, а внутри. Она поселилась

в этих стенах, в этих ранах, в этих глазах, которые видели слишком много.

Дверь скрипнула, и в палату вошла Лена. Она была в белом халате поверх камуфляжа - так и не успела переодеться после ночной смены. Под глазами залегли тёмные круги, волосы выбились из-под шапочки, но она всё равно была красивой - той особенной, строгой красотой, которая появляется у женщин, прошедших через многое. В руках она держала металлический поднос с ампулами и шприцами.

-, как ты? - спросила она, присаживаясь на край койки. Голос у неё был усталый, но спокойный.

- Нормально, Алексей попытался улыбнуться. - Плечо болит, но это ерунда. Уже лучше, чем вчера. Скоро выпишут.

- Врач сказал - минимум две недели и ещё месяц реабилитации и никаких нагрузок на правую руку.

- Две недели? - он поморщился, дёрнулся на койке и тут же зашипел от боли. - Лена, у меня там ребята. Дед, Витька, остальные. Кто их поведёт в бой? Кто будет командовать?

- Найдётся кому, она взяла его за руку, и её прохладные пальцы легли на его горячую ладонь. - Дед справится. Он в Афгане был, у него опыта побольше твоего. А ты своё отвоевал. Пока что. А потом будет видно.

- «Пока что», повторил Алексей. - А если не будет этого «потом»? Если завтра они прорвут оборону и войдут в город?

- Тогда будешь воевать дальше, спокойно ответила Лена,

но для этого тебе нужно выздороветь. Сейчас ты не боец. Сейчас ты пациент. Лежи и не спорить с медсестрой.

Алексей смотрел на неё и думал о том, как ей трудно. Муж на фронте. Маленький ребёнок на руках - Андрейка оставался с соседкой, когда Лена уходила на смену. Работа в госпитале, где каждый день - кровь, боль, смерть, где не хватает лекарств, где врачи падают с ног от усталости и при этом она умудряется улыбаться. Находить силы. Жить. Любить.

-, как Андрейка? - спросил он.

- Хорошо, её лицо осветилось улыбкой - той особенной, материнской, которая преображала её до неузнаваемости. - Сегодня утром сам прошёл через всю комнату. Держался за стенку, но сам. Я чуть не заплакала.

иди ты, Алексей недоверчиво покачал головой. - Ему же ещё года нет.

- Год и два месяца почти. Он у нас ранний. Весь в отца.

- А ещё что?

- Сказал новое слово. Увидел в окно, как санитарный «уазик» подъехал, и говорит: «Ма-ши-на». Чётко так, по слогам. Я аж обернулась - думала, показалось.

- «Машина», повторил Алексей и улыбнулся. - Надо же. Растёт пацан.

- Растёт. Соседка, тётя Вера, принесла банку домашнего варенья - абрикосового. Сказала: «Для раненых и для медсестёр. Вам силы нужны».

- Хорошая она.

- Хорошая, Лена кивнула. - Здесь вообще много хороших людей. Просто мы их раньше не замечали. В мирной жизни все были заняты собой - работа, дом, телевизор. А теперь, когда беда пришла, люди раскрылись. Кто-то оказался героем, кто-то - трусом, кто-то - подлецом. Война всё проявляет., как проявитель в фотографии.

-, как проявитель, задумчиво повторил Алексей. - Хорошо сказала. Надо будет записать.

- Запиши, она легонько сжала его руку. - У тебя блокнот в тумбочке. Я видела.

- Ты всё видишь.

- Я медсестра. Это моя работа.

Они помолчали. За окном, где-то на северной окраине, снова ухнула артиллерия - глухо, раскатисто. Стены палаты едва заметно вздрогнули. Раненые зашевелились, кто-то застонал, кто-то открыл глаза. Лена поднялась, поправила халат.

- Мне пора. Обход. Вечером зайду, если обстрела не будет.

- Заходи. Я буду ждать.

Она наклонилась, поцеловала его в лоб, и Алексей почувствовал запах её волос - слабый, едва уловимый запах ромашки, её любимого шампуня, который каким-то чудом ещё продавался в аптеке при больнице. Этот запах был для него якорем, который удерживал в реальности. Напоминанием о том, что есть другая жизнь. Без войны.

- Я тебя люблю, сказал он.

- Я знаю, она улыбнулась. - Ты мне это каждый день говоришь.

- Потому что каждый день может быть последним.

- Не говори так, она нахмурилась.

- Хорошо, не буду, но ты всё равно знай.

Она кивнула и вышла - быстро, деловито, но в дверях на секунду задержалась и оглянулась. Алексей смотрел ей вслед и думал о том, как ему повезло. Не с осколком - с ней. С этой женщиной, которая каждый день идёт в этот ад не с автоматом, а с бинтами и шприцами. Которая спасает жизни, а не отнимает их. Которая умудряется любить и надеяться, когда всё вокруг рушится.

Когда дверь закрылась, он достал из тумбочки свой потрёпанный блокнот. Полистал страницы. Записи о погибших - список, который рос с каждой неделей. Записи о живых - мысли, которые приходили в минуты затишья. Он нашёл чистую страницу и написал:

«Лена сказала: "Война всё проявляет., как проявитель в фотографии". Это правда. Война сорвала маски. Я увидел, кто есть кто и ещё я увидел, что такое любовь. Это когда жена приходит в палату после двух суток без сна и улыбается. Когда сын говорит первое слово - "машина" и это слово означает санитарный "уазик". Когда соседка приносит варенье для незнакомых раненых. Это и есть Россия. Не та, что на парадах. Та, что в сердцах».

Он закрыл блокнот. За окном снова ухнуло - теперь бли-

же. Алексей закрыл глаза и начал вспоминать слова молитвы, которой его когда-то учила мать. «Отче наш, сущий на небесах...» Он сбивался, путал слова, но продолжал. Потому что больше ничего не оставалось.

Только верить. Только любить. Только ждать.

И надеяться, что война когда-нибудь кончится.

Глава 4. Позывные

Часть 13. Письма

Киев, конец мая 2014 года. Квартира на Оболони. Вечер.

Катя сидела за письменным столом в своей комнате - той самой, которую тётя Оксана когда-то обставила с любовью, надеясь, что племяннице будет здесь хорошо. На стенах ещё висели старые фотографии: Катя с родителями на набережной, Катя с одноклассницами, Катя с Алёшей - оба смеются, совсем ещё дети. Теперь эти снимки казались артефактами из какой-то другой, несуществующей жизни. Из жизни, где не было ни Майдана, ни референдума, ни войны.

За окном шумел вечерний Киев. Где-то на Подоле играла музыка - открылось летнее кафе, и скрипач выводил что-то тягучее, меланхоличное. Где-то смеялись прохожие, наслаждаясь первым по-настоящему тёплым вечером. Где-то гудели машины, сигналили, спорили - обычная городская жизнь, которая продолжалась, несмотря ни на что. Мирная жизнь. Жизнь, которую Катя видела теперь словно через стекло, она была рядом, но принадлежать ей Катя уже не могла.

Она держала в руках два письма. Одно - старое, написан-

ное Алёшей ещё в феврале, когда всё только начиналось и война ещё казалась чем-то далёким, почти нереальным. Это письмо она перечитывала уже в десятый, в двадцатый раз, и бумага на сгибах истерлась до дыр. Каждый раз, читая его, она надеялась найти что-то новое, какой-то скрытый смысл, ответ на мучивший её вопрос, но ответа не было. Была только любовь. Простая, упрямая, не желающая считаться ни с какой политикой.

Другое письмо - новое, полученное сегодня утром через волонтёров, которые каким-то чудом пробирались через блокпосты и линии фронтов. Оно было короче. Суше, но в каждом слове чувствовалась боль - боль не столько от раны в плече, сколько от того, что сестра где-то далеко и неизвестно, прочитает ли она эти строки.

Катя развернула первое письмо. Оно было написано на листке, вырванном из школьной тетради в клетку. Почерк брата - неровный, торопливый, с наклоном влево, как у левши, которого в детстве пытались переучить. Видно было, что писалось в полевых условиях: где-то строчки прыгали, где-то чернила расплывались - то ли от влаги, то ли от слёз.

«Катя, привет.

Не знаю, дойдёт ли это письмо. Не знаю, захочешь ли ты его читать, но я должен написать. Я должен тебе сказать то, что не успел сказать раньше, когда мы ещё жили в одном мире и говорили на одном языке.

Помнишь, как мы детьми ездили в Балаклаву? Было ле-

то, очень жаркое, и мама всё время заставляла нас мазаться кремом от загара, а мы убегали к морю. Ты тогда боялась медуз - они казались тебе огромными, страшными, инопланетными существами. Помнишь? Ты стояла по колено в воде и кричала: "Алёша, они меня съедят!" А я тебя успокаивал. Говорил: "Они не кусаются, они просто плавают. Они красивые, посмотри". Ты верила мне и заходила в воду. Ты всегда мне верила тогда. Мы были детьми, и всё было просто. Свои это те, кто рядом. Чужие это те, кто далеко. Никакой политики. Никакой идеологии. Только море, солнце и мы.

Я не знаю, что ты сейчас думаешь обо мне. Может быть, ты меня ненавидишь. Может быть, считаешь предателем, сепаратистом, террористом - те слова, которыми нас называют в ваших новостях. Может быть, ты уже и не считаешь меня братом. Я не буду спорить. Я не буду ничего доказывать. У каждого своя правда сейчас, но я хочу, чтобы ты знала: что бы ни случилось, что бы ни происходило там, наверху, в мире политики и войны, ты моя сестра и я тебя люблю. Несмотря ни на что. Несмотря на границы. Несмотря на флаги. Несмотря на всё.

Если мы когда-нибудь увидимся - а я верю, что увидимся, я должен в это верить, иначе зачем всё, мы, наверное, не будем говорить о политике. Мы просто обнимемся и помолчим. Потому что слова сейчас значат меньше, чем тишина.

Береги себя, сестрёнка и помни: где бы ты ни была, что

бы ни думала, на чьей бы стороне ни стояла - у тебя есть брат. У тебя есть семья и это навсегда. Этого никто не отменит. Никакой референдум. Никакая война.

Алёша. Февраль 2014 года».

Катя перечитала последние строки и отложила письмо. Февральское. Написанное целую вечность назад, в другом мире, когда война ещё только начиналась и никто не знал, во что она вырастет. Теперь на дворе был май - ласковый, цветущий, но пропитанный тревогой и болью. Славянск, Краматорск, первые крупные бои, первые десятки, сотни погибших и это было только начало.

Она развернула второе письмо - то, что получила сегодня. Оно было написано на бланке какой-то больничной ведомости, обратная сторона которой была исписана знакомым неровным почерком. Буквы теперь были крупнее - видимо, писать было трудно, рука ещё не слушалась.

«Катя.

Пишу из госпиталя. Ранение в плечо, осколочное. Не тяжёлое, врачи говорят - повезло. Не волнуйся за меня. Через пару недель снова буду в строю.

Знаешь, тут, лёжа на больничной койке, у меня появилось много времени для размышлений. Слишком много. Я думал о жизни. О смерти. О том, что важно, а что - нет. О нас с тобой. Я вспоминал, как мы ссорились в детстве. Из-за игрушек. Из-за телевизора. Из-за ерунды, которая тогда казалась такой важной., как это было глупо., как жаль,

что мы не ценили то время, когда были вместе. Когда можно было просто прийти в твою комнату, сесть на кровать и спросить: "Как дела?" и ты бы ответила, и мы бы поговорили о чём-нибудь простом. О школе. О родителях. О море.

Война всё обостряет. Война проявляет, как фотографию в растворе проявителя. Сначала просто серый лист, а потом, медленно, проступают контуры, лица, детали и ты вдруг видишь, кто есть кто. Кто друг, кто враг, кто просто испугался и спрятался, но есть вещи, которые даже война не может изменить. Например, то, что ты моя сестра. Это не политический выбор. Это факт., как восход солнца., как то, что море солёное. Этого не отменит ни один указ, ни одна граница, ни одна идеология.

Я не прошу тебя менять свои взгляды. Я не прошу тебя соглашаться со мной или принимать мою правду. Я просто хочу, чтобы ты знала: я тебя люблю и всегда буду любить. Даже если ты никогда мне не ответишь. Даже если ты выбросишь это письмо, не читая. Даже если ты решишь, что у тебя больше нет брата. У тебя он есть. Всегда был. Всегда будет.

Береги себя, Катя и маму с папой, если сможешь. Они за тебя волнуются. Они тебя ждут. Каждый вечер. Каждое утро. Они не говорят об этом вслух, но я знаю. Я чувствую. Они живут надеждой, что однажды ты позвонишь. Или приедешь. Или просто пришлёшь сообщение. Хотя бы одно слово. "Привет". Этого будет достаточно.

Твой брат Алёша. Май 2014. Донецк, Третья городская больница.

P.S. Тут медсестра говорит, что у меня очень красивая сестра. Я ей показывал нашу старую фотографию, где мы в Балаклаве. Она сказала: "Похожа на тебя". А я ответил: "Нет, это я на неё похож. Она у нас самая красивая"».

Катя отложила письмо и долго сидела неподвижно, глядя в одну точку на стене. Там висела та самая фотография - Балаклава, лето, они с Алёшей стоят по колено в воде и смеются. Ей там десять, ему - тринадцать. Она в синем купальнике с рюшами, он в красных плавках и дурацкой панамке, которую заставляла носить мама. Оба счастливы. Оба не знают, что через десять лет будут по разные стороны фронта.

Она перевела взгляд на письма. Два листка бумаги. Два свидетельства того, что любовь сильнее войны. Что можно быть по разные стороны баррикад, но оставаться братом и сестрой. Что политика разводит людей, а семья - соединяет.

Катя вспомнила слова Олеси, сказанные ещё в марте, в пустом школьном коридоре: «Любовь не делится на "наших" и "ваших"». Тогда это казалось красивой фразой. Теперь она увидела её подтверждение - написанное неровным почерком, на тетрадном листке, под грохот артиллерии.

Она достала ручку, чистый лист бумаги. Начала писать. Остановилась. Зачеркнула. Скомкала лист и бросила в корзину. Начала снова и снова остановилась. Слова были слишком маленькими. Слишком бледными. Слишком ничтожны-

ми по сравнению с тем, что она чувствовала., как вместить в несколько фраз всё - любовь, боль, страх, надежду, раскаяние?

Она вспомнила, как в детстве они с Алёшей играли в «почту». Писали друг другу записочки и подсовывали под дверь. «Приходи в гостиную, там мультики». «Не мешай, я делаю уроки». «Спокойной ночи». Тогда слова были простыми и лёгкими, как воздушные шарики.

Теперь каждое слово весило тонну.

Она взяла ручку и написала - медленно, тщательно выводя каждую букву, словно от того, насколько аккуратно она напишет, зависело, дойдёт ли письмо.

«Алёша.

Я получила оба твоих письма. Я прочитала их - не один раз. Я не знаю, что сказать. Я не знаю, что ты хочешь услышать. Я не могу сказать, что согласна с тобой. Я не могу сказать, что понимаю твой выбор, но я могу сказать другое: я тебя тоже люблю. Ты мой брат и это навсегда. Ты сам это написал и я под этими словами подписываюсь. Обеими руками.

Я помню Балаклаву. Я помню медуз. Я помню, как ты меня успокаивал. Ты был прав: они не кусаются, они просто плавают и море было тёплое, и солнце было яркое, и мы были счастливы. Мне очень хочется, чтобы когда-нибудь - я не знаю когда, я не знаю как, мы снова туда поехали. Вместе. Ты, я, мама, папа и твоя Лена, и Андрейка. Чтобы

он увидел тех самых медуз. Чтобы мы стояли по колено в воде и смеялись, как тогда. Это, наверное, глупая мечта, но я её храню.

Маме и папе я позвоню. Обещаю. Мне нужно время. Мне нужно... я не знаю что. Разобраться в себе. Понять, кто я. Украинка, которая родилась в русском Крыму? Дочь российских родителей? Сестра ополченца? Студентка журфака? Я не знаю, но я знаю, что я - Катя Бондаренко и у меня есть семья и я её люблю.

Выздоравливай. Пожалуйста. Береги плечо. Береги себя. Ты нужен Лене. Ты нужен Андрейке. Ты нужен маме с папой и мне ты тоже нужен. Даже если я не могу этого объяснить.

Твоя сестра Катя.

P.S. Передай той медсестре, что я с ней согласна. Ты на меня похож. Потому что мы - одной крови».

Она дописала последнюю строчку и отложила ручку. Перечитала письмо. Оно было несовершенным. Оно было слишком коротким для всего, что она хотела сказать, но оно было честным. Первым честным словом, которое она сказала брату за последние полгода.

Она запечатала письмо в конверт, написала адрес - тот самый, полевой, который ей передали через волонтёров. Донецк, Третья городская больница, отделение хирургии, для Алексея Андреевича Бондаренко, позывной «Бондарь». Завтра она отнесёт его волонтёрам, и оно пойдёт через блокпо-

сты, через границы, через линию фронта. Может быть, дойдёт. Может быть, затеряется. Может быть, его перехватят, прочитают и бросят в костёр, но сам факт того, что она написала, уже что-то менял. Словно лёд, который держал её сердце скованным последние месяцы, дал первую трещину и в эту трещину проникал свет - слабый, далёкий, но всё-таки свет.

Она встала из-за стола и подошла к окну. За стеклом сиял вечерний Киев - большой, тревожный, раздираемый противоречиями город. Где-то там, в свете фонарей, ходили люди. Кто-то пил кофе в летних кафе, кто-то целовался на скамейках, кто-то спешил домой с работы. Обычная жизнь. Мирная жизнь, но Катя знала: война рядом. Она дышит в затылок. Она ждёт.

И где-то далеко, в донецком госпитале, её брат лежит с осколком в плече и ждёт ответа и теперь у него будет этот ответ. Потому что Катя написала его. Потому что молчание кончилось.

- Катя! - в комнату заглянула Оксана. - Ты чего не спишь? Полночь уже.

- Я письмо писала. Алёше.

Оксана замерла в дверях. Потом медленно подошла, села на край кровати.

и что ты ему написала?

- Что люблю его. Что он мой брат. Что мы - семья.

Оксана долго молчала. Потом вдруг всхлипнула и вытерла

глаза краем халата.

- Знаешь, Катя, сказала она, я тобой горжусь. Ты сейчас сделала то, что не могут сделать взрослые политики и генералы. Ты перекинула мост через пропасть и пусть он пока тонкий и хрупкий - он есть. А значит, есть надежда.

- Надежда на что?

- На то, что когда-нибудь всё это кончится и вы снова будете вместе.

Катя кивнула. Она смотрела в тёмное окно, где отражалась комната - стол, лампа, фотография на стене и ей казалось, что где-то там, за этим отражением, есть другое окно. Окно в донецком госпитале, где её брат смотрит в такой же тёмный квадрат неба и думает о ней.

Четыре окна. Четыре города. Одна семья.

Глава 5

Часть 1. Иловайск. Август 2014

Донецкая область, восточнее Иловайска, 23 августа 2014 года. Раннее утро.

Степь лежала перед ними - выжженная августовским солнцем, бурая, безжизненная, с пожухлой травой, которая хрустела под ногами, как битое стекло. Уже несколько недель не было дождей, и земля потрескалась, превратившись в подобие гигантской мозаики. В воздухе висела тонкая пыль, поднятая гусеницами танков и колёсами грузовиков, и она оседала на губах, на оружии, на одежде, придавая всему во-

круг серовато-жёлтый оттенок. Пахло полынью, соляркой и войной.

Где-то на горизонте, в утренней дымке, угадывались очертания города - невысокие дома, элеватор, водонапорная башня, похожая на гигантский гриб, железнодорожная станция с пакгаузами. Иловайск. Маленький городок с населением в пятнадцать тысяч человек, о котором до этой войны мало кто слышал за пределами Донецкой области. Теперь его название гремело во всех военных сводках. Иловайский котёл. Место, где решалась судьба Донбасса, а может быть, и всей войны.

Алексей Бондаренко лежал в цепочке ополченцев на невысоком холме, поросшем редким, чахлым кустарником - единственным укрытием в этой голой степи. Он прижимал к глазам старенький армейский бинокль, доставшийся ему от Деда, и внимательно изучал позиции украинской армии. Там, внизу, на расстоянии примерно двух километров, виднелись окопы, брустверы из мешков с песком, несколько БТРов, замаскированных ветками, и два танка Т-64, стоявших в капонирах. Серьёзная сила. К такой без подготовки лучше не соваться.

Плечо после ранения всё ещё иногда ныло - особенно по ночам, когда спадала дневная жара, мышцы остывали и начинали напоминать о себе тупой, ноющей болью. В госпитале врачи сказали: «Минимум месяц реабилитации. Никаких нагрузок». Он пролежал чуть больше двух недель, а потом

сбежал - просто встал ночью, оделся и ушёл, пока Лена была на дежурстве. Оставил записку: «Не волнуйтесь, я должен». Она потом звонила, плакала, ругалась, но поняла. Она всегда всё понимала, и за это он любил её больше всего.

- Долго будем тут валяться? - Витька, лежавший справа, нетерпеливо ёрзал. Он уже сжимал в руках автомат, и пальцы его нервно постукивали по цевью. - Скоро солнце встанет, нас видно будет, как на ладони.

- Ждём приказа, спокойно ответил Алексей. - Не дёргайся. Поспешишь - людей погубишь.

За эти три месяца, прошедшие с начала боёв под Славянском, война изменилась до неузнаваемости. Из стихийной, хаотичной, партизанской она превратилась в настоящую, полномасштабную - с танками, тяжёлой артиллерией, авиацией, с регулярными частями с обеих сторон. Ополченцы больше не были разрозненными отрядами, вооружёнными охотничьими ружьями и самодельными миномётами. Теперь это была армия - может, не такая обученная и экипированная, как регулярные войска, но всё же армия. Со своей структурой, со своими генералами, со своей стратегией и стратегия эта сейчас заключалась в одном: замкнуть кольцо вокруг Иловайска, отрезать украинскую группировку от основных сил, взять её в котёл и заставить либо сдаться, либо погибнуть.

-, как думаешь, Бондарь, спросил Витька, немного успокоившись, надолго это?

- Что «это»?

- Война. Вся эта мясорубка. Месяц? Год? Десять лет?

Алексей опустил бинокль и задумался. Он вспомнил Донбасс до войны - цветущий, шумный, рабочий. Шахты, заводы, футбольные матчи, очереди за мороженым в парке Щербакова. Неужели всё это ушло навсегда?

- Никто не знает, сказал он наконец. - Может, на месяц. Может, на год. Может, на десять лет. Наша задача - не угадывать. Наша задача - делать своё дело.

- На десять лет я не подписывался, Витька горько усмехнулся. - У меня невеста ждёт. Свадьбу хотели летом сыграть. Теперь уж не знаю, когда.

- Сыграете, Алексей хлопнул его по плечу. - Обязательно сыграете. Я лично у тебя на свадьбе погуляю. Если живы будем.

- Если живы будем, эхом отозвался Витька.

Внезапно над степью разнёсся гул. Сначала далёкий, едва различимый, на грани слышимости - так шумят пчёлы вдалеке. Потом всё ближе, всё громче, всё страшнее. Этот звук ни с чем нельзя было спутать - так гудели реактивные двигатели штурмовиков.

- Воздух! - закричал кто-то из цепочки, и крик этот подхватили десятки голосов.

Алексей инстинктивно вжался в землю, стараясь слиться с ней, врасти, стать незаметным. Рядом так же вжался Витька, закрыв голову руками. Над холмом, на бреющем полё-

те, пронеслись два украинских штурмовика Су-25 - «грачи», как их называли за характерный силуэт. Они зашли со стороны восходящего солнца, и ополченцы заметили их слишком поздно, когда самолёты были уже почти над головами.

Разрывы легли в ста метрах левее - видимо, лётчики ошиблись с прицелом, или их спугнули зенитчики, открывшие огонь с соседнего холма. В воздух взметнулись фонтаны земли и дыма - чёрные, с огненными прожилками. Ударная волна прокатилась по степи, прижала к земле, заложила уши. На несколько секунд всё заволокло пылью и гарью.

- Живы? - крикнул Алексей, откашливаясь и выплёвывая песок.

- Живы! - отозвался Витька, протирая глаза. - Только оглох малость и землёй меня засыпало, как покойника.

- Привыкай. Это ещё не самое страшное.

- А что - самое?

- Самое это когда они попадают, мрачно ответил Алексей. - Тогда хоронить приходится.

Он поднёс бинокль к глазам и снова посмотрел на Иловайск. Там, среди невысоких домов, что-то горело. Чёрный, маслянистый дым поднимался к небу, разрастаясь в большое мрачное облако. Где-то в городе шёл бой - слышны были автоматные очереди, глухие разрывы гранат, крики. Где-то гибли люди и он знал: сегодня или завтра им тоже предстоит войти туда. В этот ад. В этот котёл.

- Бондарь! - раздался голос Деда.

Алексей обернулся. Старый афганец подполз к нему, не поднимая головы - привычка, выработанная десятилетиями. В руках у него была карта, заламинированная, с нанесёнными красным и синим позициями.

- Через час идём в наступление. Твоя группа пойдёт левым флангом, вдоль железной дороги. Задача - занять станцию и удерживать её до подхода основных сил. Там, по данным разведки, украинский опорный пункт - два пулемётных гнезда и, возможно, миномётная батарея. Вопросы?

- Вопросов нет. Разрешите готовить людей?

- Готовь.

Алексей отполз к своей группе - тем, кто лежал в цепочке правее. Их было двенадцать человек: Витька, ещё несколько опытных бойцов из прежнего состава и четверо новобранцев - молодых парней, которых прислали из Донецка всего неделю назад. Они ещё не нюхали пороха по-настоящему, и Алексей смотрел на них с тревогой. Первый бой - он самый страшный. Не все его переживают.

- Значит так, мужики, сказал он негромко, но твёрдо. - Через час выступаем. Идём вдоль железки, прижимаемся к насыпи, она хоть какое-то укрытие. На станции - противник. Дед говорит, два пулемётных гнезда. Будем брать. Вопросы?

- А если танки? - спросил один из новобранцев, совсем молодой парень с испуганными глазами.

- Если танки - отходим. У нас гранатомётов всего два, и то «мухи». Против танковой брони, как дробь против слона.

Поэтому слушаем мои команды. Без приказа не геройствовать. Без приказа не отступать. Всё ясно?

- Так точно, нестройно ответили ополченцы.

Через час, когда солнце уже поднялось над степью и начало припекать по-настоящему, они двинулись вперёд. Шли перебежками, пригибаясь, используя каждую складку местности, каждый куст, каждый камень. До железнодорожной насыпи добрались без потерь. Дальше началось самое трудное.

Впереди была станция. Впереди был Иловайск. Впереди был бой, который войдёт в историю под названием «Иловайский котёл» - одна из самых страшных и самых славных страниц этой войны.

И никто из тех, кто шёл сейчас по выжженной степи, не знал, кто из этого боя вернётся домой, а кто останется здесь навсегда - в чужой, но уже родной земле.

Часть 2. Пленный

Иловайск, 25 августа 2014 года. Район железнодорожной станции.

Бой за станцию длился уже второй день. С того момента, как ополченцы пошли в наступление вдоль железнодорожной насыпи, прошло почти сорок восемь часов - сорок восемь часов непрерывного грохота, стрельбы, криков и смерти. За это время Алексей не спал и трёх часов в общей сложности. Глаза слипались, в висках стучало от постоянного напряжения, но он держался. Держался на автомате, на опы-

те, на том самом «втором дыхании», о котором ему когда-то рассказывал Дед.

Ополченцы заняли пакгаузы - длинные кирпичные строения вдоль путей, и водонапорную башню, с которой открывался отличный обзор на всю станцию и прилегающие кварталы, но украинские части продолжали удерживать вокзал - массивное двухэтажное здание с толстыми стенами и узкими окнами-бойницами, а также прилегающие к нему административные корпуса и диспетчерскую вышку. Бои шли за каждый метр железнодорожного полотна, за каждый этаж, за каждую комнату, за каждый лестничный пролёт. Противники сходились вплотную, стреляли друг в друга через стены, закидывали гранатами коридоры. Это была самая страшная форма боя - городская, штурмовая, где исход решают не тактика и стратегия, а реакция, инстинкт и готовность убить раньше, чем убьют тебя.

Алексей, пригнувшись, пробирался вдоль стены разрушенного пакгауза. Под ногами хрустело битое стекло вперемешку с гильзами и обломками кирпича. В воздухе висела густая кирпичная пыль, от которой першило в горле и слезились глаза. Пахло гарью, сгоревшим порохом, машинным маслом из разбитого тепловоза, который стоял на путях уже вторую неделю, и ещё чем-то сладковато-приторным - запахом, который Алексей научился распознавать. Запахом смерти.

Рядом, прикрывая его с правого фланга, двигался Вить-

ка с автоматом наизготовку. За эти месяцы он превратился из испуганного мальчишки в опытного бойца. Двигался он теперь плавно, по-кошачьи, каждый шаг выверен, каждый взгляд - на периметр. Глаза у него были красные от недосыпа, на скуле темнел свежий кровоподтёк - осколком кирпича задело при вчерашнем обстреле, но в них появилось что-то новое. Не жестокость. Скорее, спокойная решимость человека, который уже всё для себя решил.

- Бондарь, гляди! - Витька вдруг дёрнул его за рукав и указал стволом автомата в дальний угол двора.

Там, за грудой битого кирпича и покорёженных железнодорожных шпал, сидел человек. Прислонившись спиной к обугленной стене, он находился в неестественной, какой-то сломанной позе - видимо, был ранен и не мог идти. Форма на нём была украинская, стандартное обмундирование ВСУ - пиксельный камуфляж, берцы с высоким берцем. Ни каски, ни бронежилета - видимо, потерял в бою или сбросил, когда отходил. Голова забинтована грязной, пропитанной кровью марлей, сквозь которую проступало багровое пятно. Рядом с ним на земле лежал автомат - старый АКС-74У с откинутым прикладом, но пленный не делал попытки схватить его. Увидев ополченцев, выходящих из-за угла, он не дёрнулся, не попытался убежать. Просто медленно, словно каждое движение давалось ему с огромным трудом, поднял руки над головой.

- Не стреляйте, сказал он по-русски, но с лёгким, едва

уловимым западноукраинским акцентом - той особой мягкостью согласных, которая выдаёт уроженца Галиции или Волыни. Голос был хриплым, срывающимся, как будто он долго кричал и сорвал связки. - Я сдаюсь.

Алексей подошёл ближе, не опуская автомата. Он знал: на войне расслабляться нельзя ни на секунду. Случалось, что «сдающийся» пленный выхватывал спрятанную гранату и подрывал себя вместе с теми, кто подошёл слишком близко. Такие истории рассказывали в отряде, и Алексей не хотел, чтобы его собственная история пополнила этот список.

- Руки держи, чтобы я видел, скомандовал он. - Витька, прикрой.

- Понял, Витька встал чуть поодаль, держа пленного на прицеле.

Алексей подошёл вплотную, носком берца отшвырнул автомат пленного подальше. Теперь можно было разглядеть его получше.

Тот был совсем молод - лет двадцать, может, двадцать один, не больше. Мальчишка. Лицо бледное, осунувшееся, под глазами - глубокие тёмные круги, которые говорят о многих бессонных ночах. На левой скуле - ссадина, запёкшаяся кровью. Губы сухие, потрескавшиеся от жажды. На гимнастёрке, там, где она была расстёгнута у ворота, виднелись пятна крови - свежие, ещё не успевшие потемнеть, но, судя по расположению, не его. Скорее всего, он вытаскивал кого-то раненого, может быть, своего товарища, и перепач-

кался.

- Откуда? - спросил Алексей, опуская ствол чуть ниже, но всё ещё держа палец на спусковом крючке.

из-под Житомира, ответил пленный. Говорил он медленно, с трудом, как будто каждое слово требовало усилия. - Село Червоное. Мобилизовали в первую волну, в марте. Я даже не служил до этого - учился на агронома. А тут повестка, медкомиссия за пять минут, и в казарму. Сказали: «Надо защищать Родину».

- Давно здесь? - Алексей кивнул в сторону станции.

- Третью неделю. Нас перебросили из-под Днепропетровска, сказали - здесь легко будет, ополченцы разбегутся при первом выстреле. А мы... - он облизнул сухие губы. - Мы не прорвались.

Витька, стоявший чуть поодаль, сплюнул на землю. В его глазах читалась смесь презрения и усталости. Он видел слишком много смертей за эти месяцы, чтобы испытывать жалость к врагу.

и что с тобой делать? - спросил он резко. - В расход? Как твои с нашими поступали?

Пленный побледнел ещё больше - казалось, вся кровь отхлынула от его лица, оставив только белизну. Губы задрожали, на глазах выступили слёзы - не театральные, а самые настоящие, которые не сыграешь. Он пытался что-то сказать, но слова застревали в горле.

Алексей поднял руку.

- Погоди. Не горячись, Витька.

Он опустил автомат - не бросил, а именно опустил, стволом вниз, и медленно сел на корточки напротив пленного. Теперь их лица были на одном уровне. Алексей посмотрел ему в глаза - прямо, открыто, без ненависти.

-, как зовут?

- Тарас, голос пленного дрожал. - Тарас Остапчук.

- Слушай, Тарас Остапчук из села Червоное, Алексей говорил тихо, но каждое слово звучало весомо. - Ты знаешь, за что воюешь?

Пленный помолчал. Видно было, что вопрос застал его врасплох. Не о допросе - о смысле. Потом он сказал:

- За Украину. За свободу. За то, чтобы...

- За свободу от кого? - перебил Алексей. - От нас? От таких же, как ты? Посмотри на меня, Тарас. Я что, твой враг? Я на тебя напал? Я твою деревню бомбил? Я твою мать в подвал загонял?

Тарас молчал. Слова Алексея падали на него, как камни.

- Мы такие же люди, как ты, продолжал Алексей. - Шахтёры, трактористы, учителя. Мы не нападали на Украину. Мы просто хотели говорить на своём языке. Хотели, чтобы наши дети не считали нас оккупантами на собственной земле. Хотели, чтобы нас оставили в покое и что мы получили? «Грады» по жилым кварталам. Авианалёты. Снайперов, которые бьют по детям. Ты это называешь свободой?

Тарас опустил глаза. Молчание длилось долго, почти ми-

нуту. Где-то вдалеке, за станцией, продолжали греметь выстрелы - бой не утихал, но здесь, в этом углу разрушенного двора, время словно замерло.

- У меня мать в Черновцах, сказал вдруг пленный, и голос его звучал глухо, как из-под земли. - Когда меня призвали, она плакала, но говорила: «Иди, сынок. Защищай Украину. Ты герой». Она думает, что мы здесь герои. А я... - он запнулся. - Я уже не знаю, кто мы. Я видел, как наши «Грады» по жилым кварталам били. По Донецку, по Славянску, по Горловке. Я видел, как женщина вытаскивала ребёнка из-под завалов, а у него не было ноги. Я видел, как старик сидел на развалинах своего дома и просто смотрел в одну точку. Он даже не плакал - у него не было слёз. За что? За какую свободу мы воюем, если ради неё убиваем детей?

Алексей тяжело вздохнул. Он вспомнил Степана - немолодого шахтёра из Макеевки, который погиб под Славянском в первом же бою. У него осталась внучка Оля, первоклассница, которая теперь будет расти без деда. Вспомнил мальчишку из Горловки, девятнадцатилетнего Павла, который умер от контузии на руках у санитара - у него осталась невеста, они должны были пожениться в июне. Вспомнил всех, кого уже потерял, чьи имена записывал в свой блокнот. Список рос с каждой неделей и с другой стороны - такие же матери, такие же невесты, такие же дети.

- Знаешь, что, Тарас, сказал он наконец и встал. - Мы тебя не расстреляем. Сдадим в штаб, а там пусть решают - обме-

нять, отпустить или ещё что, но здесь и сейчас ты останешься жив. Понял?

- Понял, выдохнул пленный. В его глазах стояли слёзы. - Спасибо. Спасибо вам.

- Не за что. Ты такой же человек, как мы. Просто тебе не повезло оказаться по другую сторону и не факт, что по своей воле.

Он подозвал конвоира, и пленного увели в тыл. Тарас шёл, спотыкаясь, оглядываясь через плечо, словно не веря, что его не убили.

Когда они остались вдвоём, Витька подошёл к Алексею. Лицо у него было хмурое, непонимающее.

- Зачем ты с ним разговаривал? - спросил он. - Столько времени потратил. У нас бой идёт, каждая минута на счету. А ты с ним, как с другом...

- Потому что он мне напомнил кое-кого, ответил Алексей, глядя вслед удаляющемуся конвою.

- Кого?

- Сестру. Катю. Она в Киеве и тоже верит в свою правду. Тоже думает, что мы - враги, но она не враг, Витька. Она просто запуталась., как и этот парень., как и тысячи других. Их обманули, им задурили головы, но это не значит, что их нужно убивать.

- Ты слишком добрый, Бондарь, Витька покачал головой. - На войне доброта это слабость. Так Дед говорит.

- Дед говорит много умного, Алексей усмехнулся, но он

также говорит: «Война это не только стрельба. Это ещё и выбор. Кем ты хочешь быть после неё». Я хочу после войны смотреть в зеркало и не отворачиваться. Понимаешь?

Витька помолчал. Потом кивнул.

- Понимаю, но всё равно - ты слишком добрый.

- Может быть, но знаешь что? Когда война кончится - доброта будет нужнее, чем умение стрелять.

Они двинулись дальше, к вокзалу, где всё ещё шёл бой. Впереди были новые атаки, новые потери, новые испытания, но где-то глубоко внутри Алексей чувствовал: этот разговор с пленным мальчишкой из-под Житомира был важнее, чем многие выигранные бои. Потому что именно в такие моменты человек остаётся человеком. А всё остальное - война, политика, границы - преходяще.

Часть 3. Севастополь. Ожидание

Севастополь, конец августа 2014 года. Корабельная сторона. Вечер, переходящий в ночь.

Андрей Петрович Бондаренко сидел на кухне перед стареньким телевизором «Горизонт», который передавал новости. Телевизор этот был ровесником их с Анной семейной жизни - купленный в 1989 году, в последние советские годы, когда ещё казалось, что страна вечна и незыблема. Он пережил развал Союза, лихие девяностые, все кризисы и потрясения, и продолжал работать, как и его хозяева. Анна давно предлагала купить новый, плоский, с большим экраном и

чётким изображением, но Андрей отмахивался: «Этот работает и ладно. Нечего деньги тратить. Лучше Алёше на бронник отправим» и Анна умолкала, потому что крыть было нечем. Теперь он сидел перед этим телевизором, ставшим почти членом семьи, и смотрел, как на экране мелькают кадры из-под Иловайска.

Это были те самые кадры, что облетели уже все каналы, все выпуски новостей, все информационные ленты. Разрушенные дома с выбитыми окнами, похожими на пустые глазницы черепа - страшные, слепые, мёртвые. Дымящиеся развалины железнодорожного депо, где ещё вчера, а может, и сегодня утром шли ожесточённые бои - бои, в которых участвовал их сын. Колонны трофейной бронетехники с наспех закрашенными украинскими опознавательными знаками - белые круги с косыми крестами, теперь замазанные зелёной краской. Длинные вереницы пленных в украинской форме, идущих под конвоем по пыльной, выжженной солнцем дороге - кто-то хромает, кто-то поддерживает раненого товарища, кто-то просто смотрит в землю, не поднимая глаз и лица ополченцев - усталые, почерневшие от пороховой гари, покрытые пылью и потом, на которых читалась не радость победы, а скорее глубочайшее изнеможение, то самое, которое бывает на пределе человеческих сил, когда уже ничего не чувствуешь, кроме желания упасть и уснуть.

Корреспондент, молодой парень в каске и бронежилете с надписью «PRESS», что-то возбуждённо говорил о «кот-

ле», о «разгроме украинской группировки», о «сотнях пленных», о «переломном моменте в войне». Его голос звучал бодро, почти радостно - так говорят люди, которые находятся на безопасном расстоянии от происходящего, за линией фронта, и не видят самого страшного. Или делают вид, что не видят, потому что иначе просто не смогут работать. Андрей знал эту особенность военной журналистики - он видел таких репортёров ещё во время своей службы на Северном флоте, когда на учения приезжали телевизионщики. Они всегда говорили бодро, даже когда вокруг творился ад. Это была их работа.

Но Андрей слушал не столько слова, сколько интонации. Он, бывший офицер-подводник, капитан второго ранга, тридцать лет проведший на флоте, умел читать между строк военных сводок. Это было особое умение, которое приходит только с опытом - расшифровывать казённые формулировки, переводить их на язык реальности.

«Котёл замкнули» это означало, что украинские части полностью окружены, пути отхода перекрыты, и теперь они будут пытаться прорваться любой ценой. А значит, бои предстоят самые ожесточённые, самые кровавые: загнанный в угол зверь опаснее всего, и окружённый противник дерётся с отчаянием обречённого.

«Идут бои по ликвидации окружённой группировки» это означало, что люди гибнут прямо сейчас, в эту самую минуту, пока он сидит на кухне и пьёт чай. Гибнут с обеих сторон

и те, кто в кольце, и те, кто это кольцо сжимает.

«Противник несёт значительные потери» это означало, что и свои потери тоже немалые, просто о них не говорят. Никогда не говорят в официальных сводках, но Андрей знал: если «противник несёт потери», значит, и наступающие тоже несут. Потому что пуля не разбирает, кто наступает, а кто обороняется.

Он смотрел на лица ополченцев, которых показывали крупным планом, и пытался найти среди них сына. Это стало уже привычкой, почти ритуалом - каждый вечер, каждый выпуск новостей он всматривался в мелькающие на экране лица, надеясь увидеть Алёшу. Вот мелькнул кто-то в камуфляже, с перевязанной рукой, высокий, сутулый, с усталыми глазами - не Алёша. Вот пробежал боец с гранатомётом на плече, молодой, светловолосый, в расстёгнутой разгрузке - не он. Вот пронесли носилки с раненым, и сердце Андрея ёкнуло, пропустило удар, замерло на секунду, но нет, лицо раненого было незнакомым, чужим, чьим-то другим и Андрей выдыхал с облегчением, которое тут же сменялось стыдом: ведь этот раненый - тоже чей-то сын. У него тоже есть мать, которая сейчас, возможно, молится перед иконой. Отец, который смотрит в телевизор с таким же замиранием сердца. Жена, которая ждёт. Дети, которые спрашивают: «Когда папа вернётся?»

Вот показали командира ополчения, что-то объясняющего подчинённым у разложенной на капоте грузовика карты

- высокий, седой, с властными жестами. Не Алёша. Вот промелькнула группа бойцов, выходящих из разрушенного здания - один из них, в кепке-афганке, на секунду обернулся к камере, но это был незнакомый парень с рыжей щетиной. Не Алёша и снова не Алёша и снова.

Андрей поймал себя на мысли, что он уже больше часа сидит перед телевизором, хотя новости повторяются по кругу уже в третий раз. Диктор говорит одни и те же фразы, кадры идут по тому же кругу, но он всё равно смотрит. Не может оторваться. Ему казалось: если он выключит телевизор, он потеряет связь с сыном. Пока экран светится, пока идут кадры с фронта - Алёша где-то там, в этих кадрах, пусть невидимый, но присутствующий. Если же он нажмёт кнопку и экран погаснет - связь оборвётся, и тогда может случиться непоправимое.

Глупое суеверие, конечно. Андрей сам это понимал. Он, офицер, человек технического склада ума, никогда не верил в приметы, в сглазы, в пророческие сны, но на войне все становятся суеверными это он знал ещё по рассказам деда Захара. Дед, прошедший три войны, говорил: «На передовой атеистов нет. Когда смерть рядом, все начинают верить - кто в Бога, кто в судьбу, кто в приметы. Это нормально. Это помогает выжить».

Рядом на плите тихо кипел чайник - уже, наверное, в пятый раз за вечер. Андрей ставил его, забывал, тот выкипал, он спохватывался, заливал новую воду и ставил снова. Это

повторялось раз за разом, как зацикленная пластинка. Чай так и не был выпит - он просто не мог заставить себя сесть и спокойно пить чай, когда там, под Иловайском, его сын, возможно, лежит под обстрелом без глотка воды. Это казалось ему предательством.

За окном, в сгущающихся августовских сумерках, кричали чайки - пронзительно, требовательно, с той особой интонацией, которая бывает только у портовых птиц. Они не успокаивались даже ночью, всё носились над бухтой, выпрашивая рыбу у рыбаков. Андрей помнил этот крик с детства, с тех пор, как отец впервые привёл его на причал. Тогда крик чаек казался ему музыкой - символом моря, свободы, бескрайних горизонтов. Теперь он резал слух, как сигнал тревоги.

Шумело море за окном - спокойное, величественное, равнодушное к людским трагедиям. Оно шумело здесь тысячи лет назад, когда на этих берегах жили тавры и греки. Оно шумело в 1854 году, когда Севастополь бомбили английские и французские корабли. Оно шумело в 1942-м, когда город задыхался в кольце блокады и оно шумело сейчас - так же ровно, так же мощно, так же вечно. Море было свидетелем всех войн, всех побед и поражений, и оставалось неизменным. Эта неизменность успокаивала и пугала одновременно.

На рейде мигали сигнальные огни кораблей - красные, зелёные, белые, они складывались в причудливый узор на тёмной воде. Корабли стояли на якорях, и их силуэты угадыва-

лись во тьме - большие десантные, сторожевики, тральщики. Российский флот. Свой флот. Тот самый, который Андрей когда-то мечтал увидеть здесь снова, когда в девяностые украинские адмиралы делили корабли, а российские офицеры стрелялись от безысходности. Теперь флаг на корме был российским, и это наполняло сердце гордостью, но сегодня даже это не радовало.

Обычный севастопольский вечер. Мирный. Спокойный. Слишком спокойный и от этого спокойствия было только больнее - потому что где-то там, за сотни километров отсюда, за Перекопским перешейком, за херсонскими степями, за линией фронта, их сын лежал под пулями, шёл в атаку, вёл за собой людей. Может быть, именно в эту минуту. Может быть, именно сейчас, пока Андрей смотрит на эти кадры, Алёша поднимается из окопа и бежит вперёд, а вокруг свистят пули. Может быть, именно в эту секунду осколок находит свою цель. Или не находит. Никто не знает и от этого незнания можно сойти с ума.

Анна вошла с балкона, где она развешивала бельё - простыни белые, наволочки с вышивкой, рубашки Андрея, выстиранные и пахнущие морским ветром. Она делала это машинально, не думая - просто потому, что нужно было чем-то занять руки и остановилась за спиной мужа, глядя на экран. Пальцы её привычно теребили край фартука - старая, давняя привычка, которая появилась у неё ещё в молодости, когда Андрей уходил в дальние походы, а она оставалась одна

с маленьким Алёшей на руках. Тогда она тоже стояла у окна, теребила край фартука и ждала. Тридцать лет прошло, а привычка осталась.

- Там Алёша, сказала она негромко. Это был не вопрос. Это была констатация факта, от которого никуда не деться., как восход солнца., как прилив и отлив., как то, что море солёное. Их сын был там, в этом аду, и это была реальность, которую нужно было принять.

- Знаю, ответил Андрей, не оборачиваясь. Он знал, что, если обернётся и увидит её лицо это осунувшееся, бледное, с залёгшими под глазами тенями лицо, в котором он всё ещё видел ту девушку с Приморского бульвара, он, возможно, не выдержит. А он должен держаться. Для неё. Для себя. - Он звонил позавчера. Перед самым наступлением. Сказал: «Батя, всё нормально, воюем. Иловайск будет наш. Там пацаны со всей России, мы не можем их подвести». Голос у него был усталый, с хрипотцой, но твёрдый., как у меня, когда я с моря возвращался после долгого похода.

- «Всё нормально», повторила Анна с горькой усмешкой, и в этой усмешке была вся материнская боль, накопленная за долгие месяцы войны. Вся бессонница. Все слёзы, пролитые в подушку, пока муж не видит. - Он всегда так говорит. Господи, сколько раз я это слышала! Можно подумать, у него других слов нет. «Всё нормально» это его универсальный ответ на всё.

Она отошла от телевизора, села за стол, и её лицо осве-

тилось гневом - тем особым материнским гневом, который рождается из бессилия и страха.

- Помнишь, когда под Славянском его контузило? В первый месяц войны, когда всё только начиналось? Я ведь не знала. Он позвонил, голос весёлый такой: «Мам, всё нормально, просто уши заложило. Наверное, ветром продуло, тут сквозняки». Ветром! Под артиллерийским обстрелом! Я потом узнала правду от Витьки, когда он в Донецк приезжал за боеприпасами. Он мне всё рассказал, хотя Алёша ему запретил. Оказывается, наш сын сутки пролежал в блиндаже, не слыша ни слова, с кровью из ушей, контуженный. Сутки! А врачей не было, и он просто лежал и ждал - то ли пройдёт, то ли умрёт и когда я узнала, я хотела ехать туда, сама, пешком через фронт! Андрей меня не пустил.

- Правильно сделал, тихо сказал Андрей. - Ты бы не дошла.

- А когда он в госпитале лежал с осколком в плече? - Анна продолжала, не слушая. - Я узнала об этом только через неделю! Случайно, от его командира, когда тот звонил согласовать какую-то операцию. Неделю! Целую неделю я не знала, что мой сын ранен! А он, когда я дозвонилась, сказал: «Мам, всё нормально, царапина. Осколочек маленький, уже вытащили. Скоро выпишут, не волнуйся». Царапина! Осколок в три сантиметра, в кости застрял, чуть подключичную артерию не перебило - он это назвал «царапиной»! И врачи говорили - месяц реабилитации, никаких нагрузок. А он че-

рез две недели сбежал из госпиталя. Ночью, пока Лена была на дежурстве, просто встал и ушёл. Оставил записку: «Не волнуйтесь, я должен» и вернулся на фронт. С незажившей раной. С рукой, которая ещё не слушалась.

- Он мужчина, сказал Андрей. - Он не мог иначе. Там его люди гибли. Там его ждали.

- Мужчина! - Анна почти выкрикнула это слово. - Ему двадцать три года! Он ещё мальчик! Он должен был жить, учиться, растить сына, а не лежать под пулями! А теперь это... этот котёл. Когда он звонил в последний раз, я спросила: «Как ты, сынок?» И знаешь, что он ответил? «Всё нормально, мам. Воюем. Скоро домой». Всё нормально! В котле, где людей убивают сотнями! Где авиация бомбит каждый день! Где танки, «Грады», миномёты! И я сиди тут и гадай: жив ли, здоров ли, ест ли хоть что-нибудь, спит ли по ночам? Есть ли у него хотя бы сухие носки? Ты, как военный, должен знать: на войне самое страшное - не пули. Самое страшное - окопная стопа, гангрена от мокрых ног, когда неделями сидишь в сырости. Я ему три посылки отправила с носками. Дошла ли хоть одна?

- Не знаю, честно ответил Андрей.

- Вот именно! Никто ничего не знает! - Анна вскочила со стула, слёзы текли по её щекам, но она не замечала их. - Почему ты так спокоен?! Почему ты сидишь и смотришь этот телевизор, как будто это футбольный матч, а не война, где нашего единственного сына могут убить в любую минуту?!

Почему ты не кричишь, не плачешь, не бьёшь кулаками в стену?! Почему?!

Андрей медленно встал. Подошёл к ней. Обнял за плечи - осторожно, как обнимают хрупкую вещь, которая может разбиться. Она уткнулась лицом в его грудь, в старую флотскую тельняшку, которую он носил дома, и зарыдала - громко, навзрыд, с тем отчаянием, которое копилось месяцами и наконец прорвалось. Это не были слёзы слабости. Это были слёзы матери, которая устала бояться.

- Я не спокоен, сказал Андрей тихо, гладя её по волосам. - Я просто не показываю. Я тоже боюсь, Аня. Каждую минуту. Каждую секунду. Когда звонит телефон, у меня сердце падает в пятки. Когда показывают списки погибших, я не могу дышать, пока не прочитаю все фамилии, но если я начну паниковать, если я начну бить кулаками в стену, что будет с тобой? Кто нас обоих держать будет? Мы должны держаться. Ради Алёши. Ради Кати. Ради Андрейки.

Она плакала, а он гладил её по голове, и седые пряди проходили сквозь его пальцы. Он помнил эти волосы молодыми, тёмными, пахнущими ромашкой. Теперь они были седые - поседели за эти полгода войны и он думал о том, как чудовищно устроена жизнь. Тридцать лет назад он уходил в море на подводной лодке, а она стояла на причале и махала рукой. Тогда он был там, в опасности, а она ждала его здесь, в безопасности. Теперь всё наоборот: они здесь, в безопасности, а их сын там, в опасности и это хуже. Гораздо хуже. Лучше

быть под пулями самому, чем ждать, когда пуля найдёт твоего ребёнка.

- Я сегодня ходила в церковь, сказала Анна, когда слёзы немного утихли. Она вытерла глаза краем фартука - того самого, с вышитыми васильками, и села обратно за стол. Голос её стал тише, глуше, как будто после вспышки гнева пришло опустошение. - В собор святых апостолов Петра и Павла, тот, что на Центральном холме. Помнишь, мы там венчались? Тридцать один год назад.

- Помню, Андрей кивнул, и на его лице появилась тень улыбки - первой за этот вечер. - Август восемьдесят третьего. Жара была страшная, тридцать градусов в тени, а ты в белом платье с длинными рукавами. Я в парадной форме, в кителе, пот заливал глаза. Гаврилов был свидетелем, он чуть кольца не уронил - так волновался, руки тряслись. А ты стояла спокойная, как скала.

- А я не волновалась, Анна слабо улыбнулась в ответ, и на мгновение в её заплаканных глазах мелькнула та молодая женщина из восемьдесят третьего. - Я была уверена, что мы навсегда. Я выходила за тебя и знала: что бы ни случилось, ты будешь рядом и мы навсегда. Тридцать один год уже.

- Тридцать один, подтвердил Андрей, садясь рядом и беря её за руку и ещё столько же будет. Мы с тобой крепкие. Бондаренко - они все крепкие.

Анна помолчала, глядя в тёмное окно, где уже совсем стемнело и на небе зажглись первые августовские звёзды -

крупные, яркие, какие бывают только в Крыму. Потом продолжила - медленно, словно вспоминая:

- Я сегодня в церкви поставила четыре свечки. За Алёшу, за Катю, за тебя и за Андрейку и ещё одну - за всех, кто сейчас там, на фронте. За живых и за мёртвых и знаешь, что странно? В церкви было полно народу. Хотя будний день, рабочий, вторник вроде бы. Женщины, старухи, молодые девушки, даже несколько мужчин - наверное, отцы, которым не спится. Все с такими же глазами, как у меня - красными, затравленными и все ставили свечки. За сыновей, за мужей, за братьев, за отцов, за любимых. Я стояла и смотрела на эту стену огоньков их было так много, десятки, может, сотня и каждая свечка это чья-то молитва. Чья-то надежда. Чей-то страх и я подумала: Господи, сколько же нас таких? Сколько матерей сейчас молятся об одном и том же? Сколько жён не спят по ночам, прислушиваясь к каждому шороху? Сколько отцов смотрят в телевизор и пытаются найти сына среди этих мелькающих лиц?

- Много, тихо сказал Андрей. - Очень много. По всей России. От Калининграда до Владивостока. Это невидимая армия. Армия ждущих.

- Армия ждущих, повторила Анна, словно пробуя слова на вкус. - Красиво и страшно. Мы все - одна армия. Только без оружия и наше поле боя - вот эта кухня и наши враги - неизвестность, страх, отчаяние.

Она снова помолчала, а потом подняла на мужа глаза, пол-

ные той особой материнской муки, которая не утихает никогда:

и зачем это всё, Андрей? Зачем эта война? Неужели нельзя было договориться? Неужели земля, уголь, политика стоят того, чтобы на них гибли люди? Чтобы матери хоронили сыновей? Чтобы дети росли без отцов? Чтобы брат шёл на брата?

Андрей долго молчал. Этот вопрос он и сам задавал себе тысячу раз и не находил простого ответа. Бывают вопросы, на которые нет одного правильного ответа, но он должен был ответить - для неё, для себя, для сына, который сейчас под пулями.

- Земля, может, и не стоит, сказал он наконец, и голос его был тяжёлым, как свинец. - Уголь, шахты, терриконы это всё можно отдать, продать, потерять, но люди на этой земле - стоят. Наш сын воюет не за полезные ископаемые. Он воюет за то, чтобы его сын, маленький Андрейка, когда вырастет, говорил по-русски и не стыдился этого. Чтобы его не называли «ватником», «колорадом», «сепаром» только за то, что он родился в Донецке. Чтобы его дети, наши правнуки, не учили в школе, что их деды и прадеды - оккупанты и агрессоры. Чтобы память о погибших в Великую Отечественную не была растоптана. Понимаешь? Это не просто земля, Аня. Это право быть собой на своей земле. Право говорить на своём языке. Право помнить своих героев. Это то, за что умирали наши деды и теперь - наши дети.

- Право быть собой, повторила Анна задумчиво, и глаза её стали мягче. - Знаешь, я ведь тоже за это воюю. По-своему. Без автомата, без бронежилета, но каждый день. Когда читаю студентам лекции о Шевченко и объясняю им, что это великий поэт, а не «бандеровский символ». Когда говорю, что украинская и русская литература это две ветви одного дерева, две сестры, а не враги. Когда спорю с коллегами, которые хотят всё забыть и перечеркнуть. Это тоже борьба. Только без выстрелов.

- это тоже борьба, согласился Андрей и она не менее важна. Может быть, даже важнее. Потому что автоматы рано или поздно замолчат. А слово останется и от того, какое это будет слово - ненависти или любви, зависит, будут ли наши внуки снова воевать.

Он взял её за руку. Ладонь у неё была холодная, несмотря на тёплый августовский вечер. Так, бывало, всегда, когда она волновалась - у неё холодели руки, даже в самую страшную жару. Андрей помнил это ещё с тех пор, когда они встречались молодыми: она ждала его на Приморском бульваре, ветер трепал её тёмные волосы, и руки у неё всегда были холодные - от волнения перед свиданием. А он брал эти руки в свои огромные ладони и согревал. Всё повторяется. Только теперь они оба седые, и ждут они не друг друга с флота, а сына с войны и дочь из Киева.

- А от Кати сегодня что-нибудь было? - спросил Андрей, всё ещё держа её ладонь в своей.

- Ничего нового, Анна покачала головой. - Только то сообщение три дня назад: «Я жива, всё нормально». Шесть слов. Прямо, как Алёша. Они так похожи, эти двое, хотя сами ни за что этого не признают. Оба упрямые, как ослы. Оба честные до глупости. Оба не умеют предавать и не умеют прощать. Просто жизнь их развела по разные стороны баррикад, но это временно. Вот увидишь - пройдёт война, и они снова будут вместе. Брат и сестра. Бондаренко.

- Ты правда в это веришь? - спросила Анна, глядя ему в глаза.

- Правда, ответил Андрей, и в голосе его не было сомнения. - Не просто верю - знаю. Знаю, потому что видел, как Алёша пишет ей письма. Знаю, потому что видел, как Катя сохранила нашу старую фотографию из Балаклавы. Они любят друг друга. А любовь сильнее политики. Сильнее границ. Сильнее войны. Мы же Бондаренко. Мы всегда возвращаемся.

Телефон зазвонил резко, пронзительно, разорвав тишину кухни, как выстрел. Андрей вздрогнул и схватил трубку быстрее, чем заканчивался первый гудок. В висках застучало. В груди похолодело. В голове пронеслась одна-единственная мысль: «Только бы не... только бы не... только бы не...»

- Алёша?!

- Нет, Петрович, это я, раздался в трубке голос Гаврилова. Он звучал возбуждённо, даже радостно, и от этой радо-

сти у Андрея сразу отлегло от сердца: если бы что-то случилось, Гаврилов не говорил бы таким тоном. - Ты новости смотрел? Наши Иловайск взяли! Котёл замкнули! Украинская группировка в полном окружении! Победа, Петрович! Настоящая победа!

- Победа, медленно повторил Андрей, и слово это прозвучало странно - не торжественно, а скорее горько, как полынная настойка. Он представил себе колонны пленных, бредущих по пыльной дороге. Представил того мальчишку из-под Житомира, о котором рассказывал Алексей по телефону - Тараса, который сдался в плен и которого не расстреляли. Представил матерей по ту сторону фронта - украинских матерей, которые сейчас так же сидят у телевизоров и ждут. Представил разрушенные дома, дымящиеся развалины, воронки от снарядов. Представил свежие могилы и с той, и с другой стороны.

- А какой ценой, Гаврилов? - спросил он тихо. - Ты знаешь цену?

В трубке помолчали. Потом Гаврилов заговорил - уже тише, серьёзнее, без прежнего победного энтузиазма:

- Знаю, Петрович. Цена большая. Очень большая. Списки погибших ещё не опубликовали официально, но по неофициальным данным... В общем, там много наших полегло. Очень много. Ребята из ополчения, добровольцы из России, казаки, местные. Целыми подразделениями, но ты это... ты держись. Я про Алёшу твоего узнавал - у меня свои каналы

есть, сам понимаешь. Жив твой сын. Жив и здоров. Воюет. Представлен к медали, между прочим. За тот бой на станции, где он пленного взял и людей сохранил.

- Жив, выдохнул Андрей и почувствовал, как из глаз потекли слёзы - первый раз за весь этот вечер. - Спасибо, Гаврилыч. Ты даже не представляешь, что ты сейчас для нас сделал.

- Представляю, Петрович. У самого внук в ополчении. Держись там и Анне Игоревне привет передавай. Скажи - за Алёшу весь Севастополь молится и не только Севастополь.

- Передам. Обязательно передам.

Андрей положил трубку и посмотрел на жену. Анна стояла, прижав руки к груди, и в глазах её был тот самый вопрос, который она боялась задать.

- Наши взяли Иловайск, сказал Андрей, и голос его дрогнул. - Гаврилов звонил. Говорит - победа. Говорит, Алёша жив. Жив и здоров и даже к медали представлен.

- Жив, Анна опустилась на стул, и из её глаз хлынули слёзы, но теперь это были слёзы не горя, а облегчения. - Господи, спасибо Тебе. Жив. Сыночек мой жив.

Они обнялись и стояли так долго, не говоря ни слова, просто чувствуя, как отпускает то страшное напряжение, которое сковывало их последние дни., как расслабляются мышцы, как восстанавливается дыхание, как снова начинает биться сердце - ровно, спокойно.

Потом они сели рядом, держась за руки, и снова стали

смотреть в телевизор, где продолжали мелькать кадры из-под Иловайска, но теперь они смотрели на них по-другому. Не с ужасом, а с надеждой. Не с отчаянием, а с верой.

Потому что самое трудное на войне - не наступать. Не стрелять. Не побеждать даже. Самое трудное - ждать и верить. Ждать, когда зазвонит телефон. Верить, что он зазвонит и они ждали и они верили и их вера была вознаграждена.

За окном шумело море - вечное, спокойное, равнодушное к людским тревогам и радостям. Чайки кричали во тьме, перекликаясь друг с другом. Над Севастополем зажигались всё новые звёзды, и Млечный Путь перекинулся через всё небо серебряным мостом и где-то далеко, в выжженной донецкой степи, под светом тех же самых звёзд, их сын - усталый, пропылённый, но живой и невредимый - сидел в блиндаже и при свете огарка свечи писал очередное письмо. Домой. В Севастополь. Родителям. Которое обязательно дойдёт. Потому что письма с фронта всегда доходят. Даже когда их не отправляют.

Часть 4. Прорыв

Иловайск, 28 августа 2014 года. Ночь.

Алексей лежал в неглубоком окопе на восточной окраине города и смотрел в небо. Окоп был отрыт наспех, всего в полный рост, укреплённый досками и мешками с песком - результат двух дней работы под редким, но методичным артиллерийским огнём. Звёзды над головой были крупными, яркими, какими-то немигающими - такими они бы-

вают только в степи, вдали от городских огней, когда воздух чист и прозрачен, а горизонт бесконечен. Если бы не отдалённый, привычный уже гул артиллерии, доносившийся с севера, и редкие вспышки осветительных ракет, которые то и дело зависали над горизонтом, заливая степь мертвенным белым светом, можно было бы представить, что это мирная ночь. Обычная августовская ночь в донецкой степи, когда воздух пахнет полынью и сухой, выжженной солнцем травой, а в темноте стрекочут цикады, заливаясь своим бесконечным звоном.

Но цикады молчали. Они замолчали ещё в первую неделю августа, когда артиллерийские обстрелы стали особенно интенсивными, то ли погибли, то ли ушли куда-то в более спокойные места, подальше от грохота и вибрации, от которой земля дрожала, как живое существо и воздух пах не полынью, а гарью - смесью сгоревшего пороха, дизельного топлива из подбитых танков, кирпичной пыли от разрушенных домов и ещё чего-то сладковатого, тошнотворного, что всегда висит над полем боя после больших потерь.

Рядом, завернувшись в пропылённый, прожжённый в нескольких местах бушлат, спал Витька. Он дышал неровно, прерывисто, всхлипывал во сне, иногда вскрикивал - видимо, ему снился бой. За последние дни он почти не разговаривал - случай с пленным Тарасом что-то перевернул в нём. Раньше Витька был горячим, порывистым, готовым стрелять без раздумий. Теперь он стал молчаливым, задум-

чивым, словно переваривал внутри себя что-то тяжёлое, что не мог выплюнуть. Алексей не лез с расспросами - знал по себе, что каждый справляется с войной по-своему. Некоторых она ломает сразу. Некоторые гнутся, но не ломаются. А некоторые, как Дед, становятся только крепче. Витька, кажется, был где-то посередине - гнулся, трещал, но держался.

С другой стороны окопа, привалившись спиной к ящику с гранатами, сидел Дед. Он не спал - старый афганец вообще спал мало, говорил, что привык за годы войны. В зубах у него дымилась сигарета, и он машинально прикрывал её огонёк широкой, покрытой шрамами ладонью, хотя над позициями и так стояло зарево от горящих домов в центре Иловайска, и какой-то несчастный огонёк сигареты вряд ли мог привлечь внимание снайпера. Привычка, выработанная десятилетиями. Дед смотрел в темноту, туда, где за полем угадывались позиции украинских частей, и лицо его, подсвеченное оранжевым заревом, было суровым и сосредоточенным.

- О чём думаешь? - спросил Алексей, придвигаясь ближе.

Дед не сразу ответил. Он сделал глубокую затяжку, выпустил дым в ночное небо и только потом заговорил - негромко, словно разговаривал не с Алексеем, а с самим собой:

- О девяносто первом. Странно, да? Ты тогда ещё пацаном был, в школу ходил. А я в Афгане служил, последний год. Мы выводили войска - та самая операция, которая считалась успешной. Я помню, как стоял на броне БТРа, колонна шла через перевал Саланг, и я смотрел на горы. Горы бы-

ли огромные, снежные, равнодушные и я думал: «За что мы воевали? За что ребята гибли - Сашка из Рязани, Серёга из Омска, Игорь из Киева?» Я тогда не знал ответа. Вернулся в Союз, а через полгода Союза не стало и я снова спросил себя: «За что?» И знаешь, только теперь, здесь, в этом донецком котле, я нашёл ответ.

- Какой? - тихо спросил Алексей.

- Мы воевали не за Союз, Бондарь, Дед повернулся к нему, и в его глазах, отражавших далёкое зарево, была странная смесь боли и уверенности. - Союза больше нет, и я не знаю, был ли он прав во всём. Мы воевали за людей. За таких, как ты., как Витька., как те двое, которых мы сегодня похоронили. За то, чтобы они могли говорить на своём языке и не стыдиться этого. Чтобы их дети не выросли теми, кто марширует с портретами Бандеры и кричит «москалей на ножи». Чтобы они помнили, кто они и откуда. Ради этого стоит жить, Бондарь и умирать тоже стоит. Не зря. Никогда не зря.

Он замолчал. Алексей тоже молчал, переваривая услышанное. В словах Деда было что-то такое, что находило отклик глубоко внутри - там, где ещё жила память о деде Захаре, о бондарной мастерской, о рассказах отца про флот и честь.

Внезапно тишину разорвал грохот. Не одиночный выстрел, не далёкий разрыв - сплошной, нарастающий, утробный гул, от которого завибрировали стенки окопа и посыпалась земля с бруствера. Где-то слева, со стороны железной

дороги, ночное небо осветилось десятками вспышек - красных, оранжевых, белых. Это заработала артиллерия. Сразу много стволов, батарея, не меньше. Земля вздрагивала, как живое существо, и воздух наполнился свистом летящих снарядов.

- Началось! - Дед вскочил одним движением, отбросил сигарету, которую держал в руке. это артподготовка! Сейчас пойдут на прорыв!

- Витька, подъём! - Алексей растолкал товарища. - Украинцы прорываются! Живо!

Витька вскочил, хватая автомат. Глаза у него были мутные со сна, но руки уже действовали машинально, наработанными за эти месяцы движениями - проверить магазин, передёрнуть затвор, снять с предохранителя. Война въелась в него на уровне рефлексов.

Через минуту весь опорный пункт пришёл в движение. Ополченцы выскакивали из блиндажей и укрытий, занимали позиции вдоль линии окопов, проверяли оружие, перекрикивались. Кто-то тащил ящики с гранатами. Кто-то разворачивал пулемёт. Кто-то наспех крестился, шепча молитву. Где-то впереди, в темноте, уже гремели автоматные очереди и глухо ухали танковые орудия. Украинская колонна - по данным разведки, около десяти танков, пятнадцать БТРов и до батальона пехоты - пошла на прорыв, пытаясь вырваться из сжимающегося кольца.

Алексей припал к своему ПКМ - старому, видавшему ви-

ды пулемёту, который он ласково называл «Петрович», как отца. Рядом Витька, бледный, как полотно, но с решительно сжатыми челюстями, раскладывал перед собой гранаты - «лимонки», «эргэдэшки», пару противотанковых. Дед, стоя в полный рост под огнём, он всегда стоял в полный рост, словно бросая вызов смерти, отдавал короткие, чёткие команды, перекрикивая грохот.

- Пулемётчикам - внимание! Бить по пехоте, когда пойдут за танками! Гранатомётчикам - ждать, пока подойдут на сто метров! Без команды не стрелять! Беречь боеприпасы!

Первые танки появились из темноты внезапно - два Т-64, идущие на полной скорости, лязгая гусеницами, разбрасывая комья земли. За ними, прикрываясь их бронёй, бежала пехота. Танки открыли огонь, и один из снарядов разорвался всего в двадцати метрах от позиции Алексея - его обдало жаром, землёй и осколками.

- Огонь! - крикнул Дед.

И ночь взорвалась окончательно. Загрохотали сразу все стволы - пулемёты, автоматы, гранатомёты. Трассеры прочертили ночное небо огненными линиями. Один из танков задымился, закрутился на месте с перебитой гусеницей. Второй продолжал идти, но гранатомётчики уже взяли его на прицел.

Алексей стрелял длинными очередями, стараясь отсечь пехоту от танков. Рядом Витька, вскочив, метнул одну за другой две гранаты и снова упал в окоп. Где-то справа кто-то

вскрикнул и замолк. Где-то слева Дед, всё ещё стоя в полный рост, корректировал огонь.

Бой длился до самого рассвета - почти пять часов непрерывного ада. Украинская колонна, попав под перекрёстный огонь с нескольких сторон, понесла тяжелейшие потери. Пять танков были подбиты и горели на поле, как гигантские погребальные костры. Восемь БТРов, пытавшихся обойти опорный пункт с фланга, напоролись на минное поле и были уничтожены. Пехота, отсечённая от техники, пыталась отступать обратно к городу, но попадала под фланговый пулемётный огонь.

Но и ополченцам эта ночь далась дорогой ценой. У Алексея на глазах убили двоих - молодого пулемётчика из Макеевки по фамилии Коваленко, которому осколок танкового снаряда попал прямо в голову, даже каска не спасла, и пожилого санитара дядю Мишу, который под огнём вытаскивал раненого и был срезан автоматной очередью. Дядя Миша был фельдшером ещё в Афганистане, имел медаль «За отвагу» и орден Красной Звезды, а погиб здесь, в донецкой степи, за две недели до своего пятидесятипятилетия.

Когда над степью взошло солнце - красное, огромное, словно пропитанное кровью, Алексей сидел на ящике из-под снарядов и молча смотрел на поле боя. Там, среди дымящихся, всё ещё горящих остовов техники, лежали тела. Десятки тел и свои, и чужие - вперемешку, как будто смерть не разбирала, кто на чьей стороне воевал. Чёрный дым подни-

мался к небу столбами. В воздухе стоял запах гари, железа и того самого сладковатого, тошнотворного, что Алексей уже хорошо знал.

Подошёл Дед. Он был без каски - потерял где-то в бою. Лицо в копоти, на щеке кровоточащая царапина, но глаза были спокойны.

- Ну что, Бондарь. Вот и всё. Котёл зачищен. Украинская группировка в Иловайске разгромлена. Те, кто выжил, сдались в плен.

- Разгромлена, повторил Алексей, не отрывая взгляда от поля. - А сколько ещё таких котлов будет, Дед? Сколько ещё таких ночей?

Дед посмотрел на него долгим взглядом - тем самым, от которого молодым бойцам становилось не по себе. Потом сказал:

- Много, Бондарь. Очень много. Эта война, она надолго. Может, на годы. Может, на десятилетия, но мы выстоим. Мы же русские люди. А русские люди всегда выстаивают. Под Москвой в сорок первом. Под Сталинградом в сорок втором. Здесь, под Иловайском, в четырнадцатом. Где угодно. Когда угодно. Потому что мы защищаем не территорию. Мы защищаем право быть собой.

-, как бочка, сказал Алексей, и на его губах появилась тень улыбки. - Которую собирают заново.

-, как бочка, согласился Дед. - Молодец, что помнишь. Помни своего деда. Помни отца. Помни, кто ты. Это самое

главное на войне - не забыть, кто ты.

Алексей кивнул. Потом достал из нагрудного кармана потёртый блокнот и аккуратно, стараясь не смазать чернила, записал ещё два имени. «Коваленко Дмитрий, 22 года, Макеевка, пулемётчик. Погиб 28.08.2014 при отражении прорыва под Иловайском. Осталась мать». «Михаил Степанович (дядя Миша), 54 года, фельдшер. Погиб 28.08.2014, вытаскивая раненого. Остались жена и дочь».

Список рос. Уже больше двадцати имён. Двадцать человек, которых он знал лично, с кем делил хлеб и укрытие, с кем разговаривал о жизни и смерти. Их больше нет, но они остались здесь - в этом блокноте, в его памяти, в его сердце.

Он убрал блокнот и снова посмотрел на поле боя. Там уже работали санитары и похоронные команды - собирали тела, своих отдельно, чужих отдельно. Война продолжалась, и нужно было жить дальше. Следующий котёл. Следующий бой. Следующая ночь.

Но Алексей знал: он выстоит., как выстаивали его дед, его отец, его товарищи. Потому что он - Бондаренко. А Бондаренко всегда возвращаются.

Часть 5. Киев. Осень

Киев, октябрь 2014 года.

Осень пришла в Киев незаметно, как всегда, приходит осень в большие города - сначала пожелтели каштаны на бульваре Шевченко, потом зарядили мелкие, затяжные дожди, потом вдруг ударили первые заморозки, и лужи по

утрам покрывались тонкой, хрупкой корочкой льда. Воздух стал прозрачным и холодным, пахнущим прелой листвой и дымом - где-то на окраинах жгли опавшие листья, несмотря на запреты, и этот горьковатый запах плыл над улицами, смешиваясь с бензиновыми выхлопами и ароматом кофе из бесчисленных киевских кофеен. Катя любила этот запах с детства - он напоминал ей о Севастополе, где осенью тоже жгли листья в палисадниках, и дым стелился над Корабельной стороной, и мама ворчала, что от него першит в горле, а папа говорил: «Это запах детства. Запах дома».

Теперь дом был далеко и папа с мамой были далеко и само понятие «дом» раздвоилось, расщепилось, как свет в призме - на киевский дом, где жила тётя Оксана, и севастопольский дом, который теперь был за границей, в другой стране, в России.

Катя Бондаренко шла по Владимирской улице, кутаясь в тёплый шарф - тёмно-синий, в белую полоску, подаренный мамой на прошлый Новый год, когда они ещё были вместе. Она помнила тот Новый год: они сидели за столом в севастопольской квартире, папа открывал шампанское, Алёша дурачился и запускал хлопушки с балкона, мама загадывала желание под бой курантов. Катя тогда загадала поступить на журфак. Дурацкое желание, думала она теперь. Сбылось и что? Лучше бы загадала, чтобы все остались вместе.

Она шла и думала о том, что этот город, который когда-то казался ей воплощением мечты - большой, красивый, евро-

пейский, столичный, теперь стал для неё чужим. Нет, он не стал менее красивым. Золотые купола Софийского собора всё так же сияли в лучах осеннего солнца, пробивавшегося сквозь облака. Старинные особняки в стиле модерн всё так же горделиво смотрели на прохожих своими лепными фасадами, кариатидами и атлантами и Днепр всё так же катил свои воды - широкие, спокойные, серые под осенним небом, но что-то изменилось. Что-то неуловимое., как будто воздух стал плотнее, тяжелее, пропитался тревогой и недоверием., как будто город, сам того не замечая, перестал улыбаться.

Может быть, дело было в плакатах. Они висели повсюду - на столбах, на стенах домов, на остановках транспорта, на дверях магазинов. «Україна понад усе!» - кричал один, с трезубцем на сине-жёлтом фоне. «Армія - це сила!» - вторил другой, с фотографией улыбающегося солдата в каске. «Захистимо рідну землю!» - призывал третий, с картой Украины, на которой Крым был закрашен в цвета национального флага, а Донбасс - в чёрный, как зона боевых действий.

И ещё - фотографии погибших. Они висели отдельно, на специальных стендах, установленных возле административных зданий и в парках. Молодые лица - мужские и женские, в военной форме и в гражданском, с улыбками и серьёзные, снятые в студиях и наспех вырезанные из семейных альбомов. «Герой України. Загинув за Батьківщину» и даты - 2014 год. Каждый день появлялись новые лица. Каждый день кто-то уходил на фронт и не возвращался.

Катя иногда останавливалась перед этими стендами и вглядывалась в лица. Она искала знакомых и боялась найти. Она думала: «Вот этот мальчик - ему было девятнадцать. Он, наверное, учился на первом курсе. Или работал. Или любил кого-то. А теперь его нет» и ещё она думала о том, что где-то в Донецке, по ту сторону фронта, висят такие же плакаты. Только с другими именами. С другими лицами и там тоже чьи-то сыновья, мужья, братья и их тоже больше нет и эта мысль разрывала ей сердце - потому что она не могла ненавидеть ни тех, ни других. Она не могла ненавидеть вообще. Это было выше её сил.

Она свернула на бульвар Шевченко и пошла к красному корпусу университета. Занятия на журфаке шли полным ходом - война войной, а учёба учёбой, как говорил декан на первой лекции. «Стране нужны грамотные журналисты, которые будут рассказывать правду о происходящем», сказал он тогда, и многие зааплодировали. Катя не аплодировала. Она уже знала, что «правда» у каждого своя.

За эти месяцы она изменилась. Исчезла та восторженная девочка, которая год назад стояла на Майдане с сине-жёлтым флагом и верила, что всё будет просто: свои это те, кто за Украину, чужие - те, кто против. Теперь она знала: всё гораздо, гораздо сложнее. Свои это те, кого ты любишь. А чужие - те, кто ещё не стал своими.

Она стала тише, сдержаннее, словно замкнулась в себе. На лекциях сидела молча, записывала, но редко задавала вопро-

сы. На семинарах говорила коротко, по делу, избегая споров. Однокурсники, которые поначалу сторонились её из-за «севастопольского прошлого», постепенно привыкли. Кто-то даже проникся уважением - особенно после того, как её эссе о Небесной Сотне, написанное на вступительных экзаменах, зачитали вслух на лекции, как образец «сложного, нешаблонного взгляда на патриотизм». Профессор, читавший курс политической журналистики, сказал тогда: «Вот так и надо писать - честно, без пафоса, с пониманием, что мир не делится на чёрное и белое» и Катя почувствовала, как несколько человек в аудитории посмотрели на неё по-новому - не, как на «сепарку» из Крыма, а, как на коллегу.

Но сама Катя знала: то эссе было лишь началом. Началом долгого, мучительного пути к самой себе. К пониманию того, кто она такая на самом деле. Украинка? Русская? Крымчанка? Киевлянка? Ни то, ни другое, ни третье. Она была Катей Бондаренко и это всё, что она знала о себе наверняка.

В аудитории было холодно - отопление ещё не включили, а старые окна, выходящие в университетский парк, пропускали ветер. Студенты сидели в куртках, кутались в шарфы, дули на замёрзшие пальцы, пытаясь согреть их дыханием. На партах стояли термосы с чаем и кофе. Профессор Дмитрий Иванович, пожилой мужчина с седой бородкой клинышком и в круглых очках, делавших его похожим на Чехова, читал лекцию о советской журналистике, что-то о «Крокодиле», о фельетонах, о партийной цензуре. Он рассказывал увлечён-

но, с искренней любовью к предмету, но Катя слушала вполуха. Её мысли были далеко.

Она думала о письмах Алёши. Их было три - февральское, майское из госпиталя и короткая записка, пришедшая в конце августа, уже после Иловайского котла. «Катя, я жив. Всё нормально. Бои закончились, мы победили. Не волнуйся за меня. Береги себя. Твой брат Алёша». Три предложения, но она перечитывала их снова и снова, и каждый раз находила что-то новое - не в словах, а между строк. Он жив. Это было главное. Всё остальное - политика, идеология, границы - отступало перед этим простым фактом.

Она достала из сумки конверт - тот самый, с майским письмом из госпиталя. Оно было потёртое, зачитанное до дыр, с загнувшимися уголками. Она развернула его и в который раз пробежала глазами по неровным строчкам. «Война всё обостряет. Война проявляет, как фотографию... Есть вещи, которые война не может изменить. Например, то, что ты моя сестра. Этого не отменит никакая политика. Никакой референдум. Никакая граница». Она помнила эти строки наизусть, но каждый раз, читая их, чувствовала, как к горлу подкатывает ком.

После лекции к ней подошла Ярина - всё такая же рыжая, веснушчатая, неугомонная. За эти месяцы они сдружились по-настоящему, и Катя иногда думала, что если бы не Ярина, она бы, наверное, сошла с ума. Ярина была из тех людей, которые умеют слушать. Не просто кивать головой, де-

лая вид, что им интересно, а слушать по-настоящему, задавать вопросы, запоминать детали. В Киеве, где каждый был занят собой, и война сделала всех немного глухими к чужим проблемам, это было редкое качество.

- Кать, ты чего такая хмурая? - спросила Ярина, присаживаясь на край парты. - Опять новости из Донецка? От брата что-то плохое?

- Нет, Катя покачала головой, убирая письмо обратно в сумку. - От брата давно ничего не было. Последнее письмо ещё в августе, после Иловайска. Он писал, что жив, что всё нормально и с тех пор молчание.

- Может, просто связи нет? - предположила Ярина. - Там же война. Письма не всегда доходят. Или он занят, не может написать. Ты же знаешь, какая там обстановка.

- Знаю, Катя вздохнула и всё равно волнуюсь. Каждый день. Каждую ночь. Я просыпаюсь и думаю: «А вдруг с ним что-то случилось? А вдруг он ранен? А вдруг...», она не договорила, потому что самое страшное слово нельзя было произносить вслух.

- Он выживет, твёрдо сказала Ярина. - Ты же сама говорила - он сильный. Шахтёр. Ополченец и потом, у него позывной «Бондарь». Ты говорила, что это значит - тот, кто скрепляет. Тот, кто собирает. Такие не умирают.

- Откуда ты знаешь?

- Чувствую, Ярина улыбнулась и вдруг стала серьёзной. - Знаешь, Катя, я тебе завидую.

- Чему?

- У тебя есть брат. Пусть он далеко. Пусть по другую сторону фронта, но он есть и он тебя любит и ты его любишь. А у меня никого нет. Только мама в Виннице. Я иногда думаю: вот если бы у меня был брат, старший, который бы меня защищал... Я бы, наверное, всё что угодно отдала, чтобы с ним увидеться. Даже через фронт.

Катя посмотрела на подругу долгим взглядом. Потом вдруг сказала:

- Я хочу поехать в Донецк.

Ярина поперхнулась чаем.

- Ты с ума сошла? Там же война! Там стреляют!, как ты туда попадёшь? Через линию фронта, через украинские блокпосты, через российские?

- Есть волонтёры, которые возят гуманитарку, Катя говорила тихо, но твёрдо. - Я узнавала. В Киеве есть организация, они помогают мирным жителям по обе стороны фронта. У них есть пропуска, они знают дороги. Можно договориться, чтобы взяли с собой.

и что ты им скажешь? «Здравствуйте, я сестра ополченца, возьмите меня к нему»? Тебя же сразу сдадут в СБУ! Или завернут на первом же блокпосту!

- Я скажу, что я журналистка. Что хочу написать репортаж о гуманитарной ситуации. У меня есть студенческий билет, есть редакционное задание - я могу его получить.

Ярина молчала, переваривая услышанное. Потом спроси-

ла:

- А ты понимаешь, чем рискуешь? Если тебя поймают украинские военные - обвинят в пособничестве сепаратистам. Если российские - могут принять за шпионку и те, и другие могут просто пристрелить на месте без суда и следствия. Ты это понимаешь?

- Понимаю, Катя кивнула, но я не могу больше сидеть и ждать. Я хочу увидеть брата. Понимаешь? Хочу сказать ему в лицо всё, что думаю и всё, что чувствую. Хочу обнять его. Хочу убедиться, что он жив. Письма это не то. Письма это слова на бумаге. А мне нужен он сам. Живой. Тёплый. Настоящий.

Ярина долго смотрела на неё. Потом вдруг обняла - крепко, порывисто.

- Если ты решила - я тебя не отговорю. Ты упрямая, как..., как твой брат, наверное. Только обещай мне, что будешь осторожна. Что не будешь лезть на рожон. Что вернёшься. Ты мне тут нужна. Слышишь?

- Слышу, Катя улыбнулась. - Обещаю. Вернусь. Обязательно вернусь.

Они вышли из университета. Осенний Киев жил своей жизнью - неспешной, немного сонной, как будто война была где-то далеко, а не в шестистах километрах к востоку. По Крещатику гуляли пары, шурша листьями. На Майдане по-прежнему стояли палатки, горели свечи памяти, висели фотографии Небесной Сотни - уже выцветшие, потрёпанные

ветром и дождём. В кафе подавали горячий шоколад с маршмеллоу и тыквенный латте с корицей - осенние новинки сезона. Студенты сидели за ноутбуками, пенсионеры читали газеты, дети кормили голубей. Обычная жизнь. Мирная жизнь.

Но Катя знала: это обманчивое впечатление. Война была здесь, рядом. Она пряталась в газетных заголовках, в очередях у военкоматов, в заплаканных глазах женщин, получающих похоронки, в сине-жёлтых флагах на административных зданиях, в ночных сиренах воздушной тревоги, которые иногда выли над городом. Просто здесь, в столице, она ощущалась иначе - не так остро, не так страшно, не так непосредственно. Здесь война была фоном, тревожной музыкой, которая звучит постоянно, но к которой со временем привыкаешь., как привыкают к шуму водопада или к гулу автострады за окном. Перестаёшь замечать и это было, пожалуй, самое страшное.

Катя смотрела на всё это и думала о том, как странно устроена жизнь. Её брат сидит в окопе под Донецком, рискует жизнью каждый день, каждый час. Её родители в Севастополе считают минуты до звонка, не спят ночами, молятся в церкви. А она здесь, в мирном Киеве, ходит на лекции, пьёт кофе, спорит о журналистике. Имеет ли она на это право? Или она должна быть там, с ними? Или она должна быть здесь, но делать что-то большее, чем просто учиться?

- О чём задумалась? - спросила Ярина, прерывая её мыс-

ли.

- О том, что мы живём, как будто в двух разных реальностях, ответила Катя. - Здесь - лекции, кофе, планы на будущее, выбор специализации. А там - окопы, обстрелы, смерть каждую минуту и эти две реальности почти не соприкасаются., как будто война идёт не с нами, а где-то в параллельной вселенной., как будто мы смотрим её по телевизору.

Но она идёт с нами, тихо сказала Ярина. - Просто мы научились не замечать. Это защитная реакция психики. Если бы мы каждый день плакали над каждым погибшим - мы бы сошли с ума. Все бы сошли с ума и страна бы остановилась.

- Может быть, Катя вздохнула, но иногда мне кажется, что сойти с ума было бы честнее. Честнее, чем делать вид, что ничего не происходит.

Они остановились у перехода на перекрёстке Владимирской и бульвара Шевченко. Загорелся красный свет. Мимо, взревев дизельным двигателем, проехал военный грузовик «Урал» с солдатами в кузове - молодые парни в камуфляже, с автоматами между колен. Некоторые смотрели на прохожих, некоторые дремали, привалившись к бортам, некоторые просто глядели в одну точку. Они ехали на фронт. Или с фронта - по их лицам трудно было определить. Война стирает разницу между теми, кто едет туда, и теми, кто возвращается и те и другие выглядят одинаково: усталые, отрешённые, постаревшие раньше времени. Катя проводила их взглядом, пока грузовик не скрылся за поворотом.

- Знаешь, что я ещё решила? - сказала она.

- Что?

- Когда поеду в Донецк - я не просто увижу Алёшу. Я напишу об этом. Настоящий репортаж. О том, как война разделяет семьи. О том, как брат и сестра оказались по разные стороны фронта. О том, что любовь сильнее политики. Пусть это будет моя первая настоящая журналистская работа. Честная. Без пропаганды. Без лозунгов.

- А если тебя не напечатают?

- Значит, не напечатают, но я всё равно напишу. Для себя. Для Алёши. Для родителей. Чтобы они знали: я их не предала. Я просто искала свой путь.

Ярина долго молчала. Потом сказала:

- Знаешь, Катя, я тобой горжусь. Ты сейчас делаешь то, на что у меня никогда не хватило бы смелости. Ты переходишь границу. Не только ту, что на карте. Ту, что внутри. Это самое трудное.

Они пошли дальше, и осенний ветер нёс им в лицо сухие каштановые листья. Солнце уже садилось за купола Софии, окрашивая небо в розовые и золотые тона. Где-то звонили колокола. Где-то играла уличная скрипка. Где-то смеялись дети, гоняясь друг за другом в сквере.

А где-то далеко, за сотни километров отсюда, в донецкой степи, Алексей Бондаренко сидел в блиндаже при свете керосиновой лампы и писал очередное письмо сестре. Он не знал, что она решила ехать к нему. Он не знал, увидит ли он

её когда-нибудь снова, но он писал - потому что письма были единственной нитью, которая связывала его с той, другой жизнью. С той, где не стреляют.

«Катя, привет.

У нас тут наступила осень. Степь стала жёлтой, небо - серым. По ночам холодно, но мы греемся у буржуек. Война продолжается, но после Иловайска стало немного тише - украинская армия зализывает раны, мы тоже перегруппировываемся.

Я часто думаю о тебе. О том, как ты там, в Киеве., как учёба., как жизнь. Не обижают ли тебя из-за меня. Знаю, что ты сильная. Ты всегда была сильной, даже когда мы были детьми. Помнишь, как ты поспорила с соседскими мальчишками, что переплывёшь бухту, и переплыла? Тебе было двенадцать, а им - по четырнадцать, и они смеялись над тобой. А ты взяла и переплыла и потом стояла на берегу, синяя от холода, но гордая. Я тогда понял: моя сестра - особенная.

Я не знаю, когда мы увидимся. Может быть, через месяц. Может быть, через год. Может быть, никогда, но я хочу, чтобы ты знала: где бы ты ни была, что бы ты ни думала обо мне и о моём выборе, я тебя люблю. Ты моя сестра и это навсегда.

Твой брат Алёша. Октябрь 2014. Донецк.»

Он сложил письмо, запечатал в конверт и передал волонтёру, который завтра утром отправлялся в Россию. Через

неделю, а может, через месяц, оно дойдёт до Киева. Если не попадёт под обстрел. Если не затеряется на блокпосту. Если его не выбросят при проверке.

Часть 6. Письмо матери

Севастополь, ноябрь 2014 года. Корабельная сторона.

Анна сидела за кухонным столом и держала в руках конверт. Он был помятый, с затёртыми краями, со штемпелем донецкой полевой почты и следом от грязного пальца на оборотной стороне - наверное, почтальона или волонтёра, который передавал его по цепочке, из рук в руки, через блокпосты и линии фронта. Такие конверты приходили теперь раз в месяц, иногда реже - когда удавалось передать с оказией, с кем-то из добровольцев, с гуманитарным грузом, с раненым, которого везли в тыл и каждый раз, когда Анна видела в почтовом ящике этот мятый, пропахший дымом, соляркой и войной конверт, её сердце замирало. Сначала - от леденящего страха: а вдруг это похоронка? Вдруг казённый бланк с соболезнованиями? Вдруг чужой почерк, сообщающий о том, что её сына больше нет? Потом - от облегчения, граничащего с эйфорией: нет, это письмо. Почерк сына. Неровные, скачущие буквы, которые она узнала бы из тысячи. Значит, жив. Значит, дышит. Значит, пишет. Значит, у неё ещё есть сын.

Сегодняшнее письмо было четвёртым по счёту с начала войны. Она бережно хранила все предыдущие - в шкатулке, вместе с самыми дорогими сердцу вещами: с венчальными

кольцами её родителей, с первым локоном Кати, с пожелтевшей фотографией деда Захара. Февральское письмо - самое первое, короткое, скомканное, написанное явно на колене, на обрывке какого-то бланка: «Мама, папа, я в ополчении. Так надо. Не волнуйтесь. Я вас люблю». Тогда она плакала над ним три дня. Майское из госпиталя, уже спокойнее, с попыткой шутить: «Я жив, всё нормально. Плечо заживает, как на собаке. Познакомился с девушкой, её зовут Лена. Позывной - Ласточка. Она медсестра, так что я в надёжных руках». Августовское - совсем короткое, пришедшее после трёх недель мучительного молчания, когда она уже начала думать самое страшное: «Мы взяли Иловайск. Я цел. Не волнуйтесь. Скоро напишу подробнее. P.S. Я представлен к медали. Не знаю, дадут ли, но всё равно приятно».

И вот - новое. Ноябрьское. Четвёртое. Она держала его в руках и не решалась вскрыть - не из страха, а из какого-то суеверного чувства, что пока письмо не прочитано, сын жив., как кот Шрёдингера и жив, и мёртв одновременно, пока не откроешь конверт. Анна знала, что это глупость, что судьба сына не зависит от того, прочитала она письмо или нет, но на войне, как говорил Андрей, все становятся суеверными.

Она всё-таки вскрыла конверт - аккуратно, ножом для бумаг, чтобы не повредить ни клочка. Достала сложенный вчетверо листок. Он был вырван из школьной тетради в клетку - такие тетради продавались в любом канцелярском магазине, и Анна вдруг с щемящей нежностью представила, как Алё-

ша покупает эту тетрадь где-то в полуразрушенном донецком киоске, среди консервов и батареек. Почерк сына стал заметно ровнее, чем в предыдущих письмах, видимо, писал не в окопе, не на колене, а в более спокойной обстановке, может быть, в блиндаже, при свете керосиновой лампы, но всё равно в каждой букве чувствовалась усталость - глубокая, застарелая, та, что накапливается месяцами и уже не проходит даже во сне. Буквы были мелкими, экономными, строчки теснились друг к другу, как будто он боялся, что не хватит бумаги. Или, как будто хотел уместить в один лист всё, что накопилось за эти долгие недели.

«Здравствуйте, мои дорогие мама и папа!

Пишу вам из Донецка. У нас тут наступила глубокая осень, степь вокруг города стала жёлто-серой, как старый плед, по ночам - заморозки, лужи покрываются льдом. Днём ещё иногда пригревает солнце, но это обманчиво - ветер с востока пробирает до костей. Мы топим буржуйки, греемся чаем, ждём зимы. Говорят, зима будет трудной и в военном смысле, и в бытовом, но мы держимся. Мы готовы.

Война продолжается, но после Иловайска стало немного спокойнее. Не насовсем, конечно, локальные бои идут постоянно, то там, то здесь, но крупных наступательных операций пока нет. Обе стороны перегруппировываются, накапливают силы, зализывают раны. Дед говорит, что это затишье перед бурей. Он вообще много чего говорит - ты же знаешь, пап, он, как ты, только с афганским опытом. Он

считает, что зимой или весной снова начнётся большое наступление. Может, на Дебальцево. Может, на Мариуполь. Не знаю. Мы не загадываем. Мы просто делаем свою работу.

Мама, я знаю, что ты волнуешься. Я знаю, что ты не спишь ночами, считаешь дни между письмами, ждёшь каждого телефонного звонка и вздрагиваешь от каждого выпуска новостей. Я знаю, что ты ходишь в церковь и ставишь свечки - мне Витька рассказал, когда к вам заезжал. Прости меня за всё это. За твои седые волосы. За твои бессонные ночи. За твой страх. Я не хотел, чтобы так вышло. Я не хотел, чтобы тебе было больно, но я не мог иначе - ты сама меня этому научила. Помнишь, когда я был маленьким и боялся идти в школу, потому что старшие мальчишки обижали меня? Ты сказала: "Нельзя всё время прятаться, сынок. Иногда нужно дать сдачи. Даже если страшно. Особенно если страшно". Я запомнил. Я даю сдачи. За себя. За Донбасс. За всех, кто не может дать сдачи сам.

У нас всё по-прежнему. Лена работает в госпитале - ты даже не представляешь, какая она сильная. После суток на ногах, после операций, после того, как на её глазах умирают люди, она приходит домой и находит силы улыбаться Андрейке и мне. Я смотрю на неё и думаю: за что мне такое счастье? Среди всего этого ада - она. Ласточка. Моя.

Андрейка растёт не по дням, а по часам. Ему уже год и семь месяцев. Представляете? Совсем большой. Научил-

ся ходить - теперь носится по блиндажу, хватает всё, что плохо лежит. Говорит несколько слов: "мама", "папа", "деда", "баба", "дай", "на" и ещё одно слово. Новое. Знаешь, мама, что он сказал вчера? Мы сидели в блиндаже, был вечер, относительно тихо и вдруг где-то далеко ухнула артиллерия - очередной обстрел окраин. Андрейка поднял голову, посмотрел на меня своими серыми глазами - точь-в-точь, как у тебя, пап, и сказал: "Папа, там бах" и показал пальцем в сторону фронта. Мама, я чуть не заплакал. Мой сын, которому нет ещё двух лет, уже знает слово "бах". Он думает, что артиллерийские разрывы это что-то обычное., как дождь., как ветер., как пение птиц и это разбивает мне сердце, но в то же время я знаю: мы воюем ради того, чтобы его дети никогда не слышали этого "бах". Чтобы для них война была только в книжках и фильмах. Чтобы они не вздрагивали от громких звуков. Ради этого стоит терпеть всё.

Папа, как твоя мастерская? Как та бочка, которую ты чинил в феврале, перед самым началом? Помнишь, ты говорил мне тогда, по телефону: "Бочка, она, как держава. Рассыхается медленно, а собирается быстро. Главное, чтобы обручи были крепкие. Одна клёпка выпадет - всё развалится. А если собрать с умом - будет крепче прежнего". Я часто вспоминаю эти слова. Они мне помогают, правда. Потому что здесь, на фронте, мы тоже собираем державу. Заново. С нуля. По одной клёпке. По одному обручу. Иногда кажет-

ся, что ничего не выйдет. Что всё рассыплется, но потом вспоминаю тебя, твои руки, твою мастерскую и снова верю.

Мама, папа, я вас очень люблю. Я знаю, что мы редко видимся. Что между нами - сотни километров, линия фронта, границы, кордоны, но я чувствую вашу поддержку каждый день. Каждый бронежилет, который привёз папа, я помню, как он рисковал, пробираясь через украинские блокпосты. Каждая пара тёплых носков, которую связала мама, я их ношу, и мне кажется, что они греют не только ноги, но и душу. Каждая строчка в ваших письмах это то, что держит меня на плаву. Спасибо вам за это. Низкий поклон.

Берегите друг друга. Я обязательно приеду, когда смогу. Может быть, на Новый год - если дадут увольнительную. А пока - ждите и верьте., как вы ждали возвращения Крыма., как вы ждали меня из армии., как вы вообще умеете ждать - терпеливо, преданно, по-настоящему.

Ваш сын Алёша. Ноябрь 2014. Донецк.

P.S. Передайте привет Гаврилову. Скажите ему, что его пенсия, которую он отдал летом, пошла на бронежилет для молодого парня из Горловки. Парня зовут Саша, ему девятнадцать лет, он доброволец, пришёл в ополчение прямо со школьной скамьи. Броник, купленный на деньги Гаврилова, уже спас ему жизнь - осколок застрял в кевларе, не дойдя до сердца. Саша передаёт спасибо и обещает лично пожать руку, когда всё кончится. Пусть Гаврилов знает: его деньги работают. Спасают жизни. Может быть, это самое глав-

ное, что я могу ему сказать.

P.P.S. Мама, помнишь, ты говорила, что молитва матери со дна моря достаёт? Я не знаю, как насчёт дна моря, но до донецких окопов точно достаёт. Я это чувствую. Продолжай молиться. Пожалуйста».

Анна дочитала и аккуратно, словно святыню, положила письмо на стол. Потом сняла очки, потёрла глаза - они устали от напряжения, от мелкого почерка, от слёз, которые подступали весь день. Ей хотелось плакать, но она сдерживалась изо всех сил, до боли в горле. Это были не слёзы горя. Это были слёзы гордости. Слёзы матери, которая вдруг поняла: её сын, её мальчик, её Алёша, который когда-то боялся темноты и плакал над разбитой коленкой, стал мужчиной. Настоящим. Таким, каким она всегда мечтала его видеть, но боялась даже мечтать - потому что стать таким мужчиной можно только через испытания. А она не хотела ему испытаний. Она хотела ему счастья.

Она перечитала последний постскриптум - про молитву, которая достаёт до окопов и тут слёзы прорвались - неудержимо, горячо, солёно. Она плакала и улыбалась одновременно, и это было самое странное выражение лица, которое только можно представить.

Во дворе хлопнула калитка - характерный звук, который она узнала бы из тысячи. Андрей вернулся из мастерской. Она услышала, как он вытирает ноги о коврик в прихожей, как вешает бушлат на крючок, как проходит по коридору. Он

вошёл на кухню, увидел лицо жены - заплаканное и улыбающееся одновременно, увидел конверт на столе, и всё понял без слов.

- От Алёши?

- От Алёши. Четвёртое.

- Что пишет?

- Что жив. Что здоров. Что воюет. Что Лена держится. Что Андрейка сказал «папа, там бах», она всхлипнула, вытерла глаза краем рукава. - Господи, Андрей. Нашему внуку нет двух лет, а он уже знает, что такое артиллерийский обстрел. Он думает, что это нормально. Что это часть жизни., как мы до этого дожили?

Андрей тяжело опустился на стул рядом с ней. Взял её руку в свою - большую, шершавую, с мозолями от молотка и стамески, с въевшейся древесной пылью, которую не отмыть никаким мылом. Он не говорил утешительных слов - он знал, что они сейчас не нужны, что словами тут не поможешь. Он просто сидел и держал её руку в своей, и от этого простого жеста Анне становилось легче. Так было всегда - тридцать один год. Когда умирали родители. Когда Андрей уходил в опасные походы. Когда не было денег и приходилось считать копейки. Когда началась война и сын ушёл на фронт. Он всегда был рядом. Не с громкими фразами - с молчаливой поддержкой. С теплом своей руки.

- Он спрашивает про бочку, сказала Анна, немного успокоившись. - Помнишь, ту, что ты чинил в феврале? Пишет:

«Бочка, она, как держава. Рассыхается медленно, а собирается быстро. Главное, чтобы обручи были крепкие». Он помнит, Андрей. Он всё помнит. Все твои слова. Все твои уроки.

- Конечно помнит, Андрей кивнул, и в его глазах тоже блеснули слёзы, хотя он изо всех сил старался их скрыть. - Он же Бондаренко. Бондаренко всё помнят.

- А ещё он просит передать привет Гаврилову. Говорит, что на его деньги купили бронежилет, и этот бронежилет спас жизнь молодому парню. Саше из Горловки. Девятнадцать лет.

- Надо будет завтра к Гаврилову зайти, Андрей кивнул. - Обрадуется старик. Он же всё переживает, что не может на фронт пойти - возраст, здоровье. А тут - его деньги работают, жизни спасают. Это для него лучшее лекарство.

и ещё он просит, чтобы я продолжала молиться, тихо добавила Анна. - Говорит, что чувствует мои молитвы. Представляешь? Он там, в окопах, под обстрелами, а говорит, что чувствует, как я за него молюсь.

- Значит, так и есть, просто сказал Андрей. - Молитва, она ведь не просто слова. Это энергия. Это любовь, которая передаётся на расстоянии. Я в это верю.

Они сидели вдвоём на кухне, и за окном шумело ноябрьское море - серое, неспокойное, с белыми барашками волн. Ветер гнал по небу низкие, тяжёлые облака, и сквозь них иногда пробивался бледный свет луны. На рейде мигали сигнальные огни кораблей. В доме напротив светились окна -

там тоже кто-то ждал, тоже считал дни до писем, тоже вздрагивал от телефонных звонков. Война была далеко, но она была везде. Она поселилась в каждом доме, в каждой семье, в каждом сердце.

А где-то далеко, за сотни километров отсюда, в донецкой степи, под холодным ноябрьским небом, их сын сидел в блиндаже при свете керосиновой лампы и ждал следующего боя. Он смотрел на фотографию родителей - ту самую, с Приморского бульвара, где они молодые и счастливые и думал о том, что нужно выжить. Обязательно. Ради них. Ради Лены. Ради Андрейки. Ради всех.

А пока - ночь, холод, война, но сегодня он был жив и это было главное.

Часть 6. Письмо матери

Севастополь, ноябрь 2014 года. Корабельная сторона.

Анна сидела за кухонным столом и держала в руках конверт. Он был помятый, с затёртыми краями, со штемпелем донецкой полевой почты и следом от грязного пальца на оборотной стороне - наверное, почтальона или волонтёра, который передавал его по цепочке, из рук в руки, через блокпосты и линии фронта. Такие конверты приходили теперь раз в месяц, иногда реже - когда удавалось передать с оказией, с кем-то из добровольцев, с гуманитарным грузом, с раненым, которого везли в тыл и каждый раз, когда Анна видела в почтовом ящике этот мятый, пропахший дымом, соляркой и войной конверт, её сердце замирало. Сначала - от леденя-

щего страха: а вдруг это похоронка? Вдруг казённый бланк с соболезнованиями? Вдруг чужой почерк, сообщающий о том, что её сына больше нет? Потом - от облегчения, граничащего с эйфорией: нет, это письмо. Почерк сына. Неровные, скачущие буквы, которые она узнала бы из тысячи. Значит, жив. Значит, дышит. Значит, пишет. Значит, у неё ещё есть сын.

Сегодняшнее письмо было четвёртым по счёту с начала войны. Она бережно хранила все предыдущие - в шкатулке, вместе с самыми дорогими сердцу вещами: с венчальными кольцами её родителей, с первым локоном Кати, с пожелтевшей фотографией деда Захара. Февральское письмо - самое первое, короткое, скомканное, написанное явно на колене, на обрывке какого-то бланка: «Мама, папа, я в ополчении. Так надо. Не волнуйтесь. Я вас люблю». Тогда она плакала над ним три дня. Майское из госпиталя, уже спокойнее, с попыткой шутить: «Я жив, всё нормально. Плечо заживает, как на собаке. Познакомился с девушкой, её зовут Лена. Позывной - Ласточка. Она медсестра, так что я в надёжных руках». Августовское - совсем короткое, пришедшее после трёх недель мучительного молчания, когда она уже начала думать самое страшное: «Мы взяли Иловайск. Я цел. Не волнуйтесь. Скоро напишу подробнее. P.S. Я представлен к медали. Не знаю, дадут ли, но всё равно приятно».

И вот - новое. Ноябрьское. Четвёртое. Она держала его в руках и не решалась вскрыть - не из страха, а из какого-то

суеверного чувства, что пока письмо не прочитано, сын жив., как кот Шрёдингера и жив, и мёртв одновременно, пока не откроешь конверт. Анна знала, что это глупость, что судьба сына не зависит от того, прочитала она письмо или нет, но на войне, как говорил Андрей, все становятся суеверными.

Она всё-таки вскрыла конверт - аккуратно, ножом для бумаг, чтобы не повредить ни клочка. Достала сложенный вчетверо листок. Он был вырван из школьной тетради в клетку - такие тетради продавались в любом канцелярском магазине, и Анна вдруг с щемящей нежностью представила, как Алёша покупает эту тетрадь где-то в полуразрушенном донецком киоске, среди консервов и батареек. Почерк сына стал заметно ровнее, чем в предыдущих письмах, видимо, писал не в окопе, не на колене, а в более спокойной обстановке, может быть, в блиндаже, при свете керосиновой лампы, но всё равно в каждой букве чувствовалась усталость - глубокая, застарелая, та, что накапливается месяцами и уже не проходит даже во сне. Буквы были мелкими, экономными, строчки теснились друг к другу, как будто он боялся, что не хватит бумаги. Или, как будто хотел уместить в один лист всё, что накопилось за эти долгие недели.

«Здравствуйте, мои дорогие мама и папа!

Пишу вам из Донецка. У нас тут наступила глубокая осень, степь вокруг города стала жёлто-серой, как старый плед, по ночам - заморозки, лужи покрываются льдом. Днём ещё иногда пригревает солнце, но это обманчиво - ветер с

востока пробирает до костей. Мы топим буржуйки, греемся чаем, ждём зимы. Говорят, зима будет трудной и в военном смысле, и в бытовом, но мы держимся. Мы готовы.

Война продолжается, но после Иловайска стало немного спокойнее. Не насовсем, конечно, локальные бои идут постоянно, то там, то здесь, но крупных наступательных операций пока нет. Обе стороны перегруппировываются, накапливают силы, зализывают раны. Дед говорит, что это затишье перед бурей. Он вообще много чего говорит - ты же знаешь, пап, он, как ты, только с афганским опытом. Он считает, что зимой или весной снова начнётся большое наступление. Может, на Дебальцево. Может, на Мариуполь. Не знаю. Мы не загадываем. Мы просто делаем свою работу.

Мама, я знаю, что ты волнуешься. Я знаю, что ты не спишь ночами, считаешь дни между письмами, ждёшь каждого телефонного звонка и вздрагиваешь от каждого выпуска новостей. Я знаю, что ты ходишь в церковь и ставишь свечки - мне Витька рассказал, когда к вам заезжал. Прости меня за всё это. За твои седые волосы. За твои бессонные ночи. За твой страх. Я не хотел, чтобы так вышло. Я не хотел, чтобы тебе было больно, но я не мог иначе - ты сама меня этому научила. Помнишь, когда я был маленьким и боялся идти в школу, потому что старшие мальчишки обижали меня? Ты сказала: "Нельзя всё время прятаться, сынок. Иногда нужно дать сдачи. Даже если страшно.

Особенно если страшно". Я запомнил. Я даю сдачи. За себя. За Донбасс. За всех, кто не может дать сдачи сам.

У нас всё по-прежнему. Лена работает в госпитале - ты даже не представляешь, какая она сильная. После суток на ногах, после операций, после того, как на её глазах умирают люди, она приходит домой и находит силы улыбаться Андрейке и мне. Я смотрю на неё и думаю: за что мне такое счастье? Среди всего этого ада - она. Ласточка. Моя.

Андрейка растёт не по дням, а по часам. Ему уже год и семь месяцев. Представляете? Совсем большой. Научился ходить - теперь носится по блиндажу, хватает всё, что плохо лежит. Говорит несколько слов: "мама", "папа", "деда", "баба", "дай", "на" и ещё одно слово. Новое. Знаешь, мама, что он сказал вчера? Мы сидели в блиндаже, был вечер, относительно тихо и вдруг где-то далеко ухнула артиллерия - очередной обстрел окраин. Андрейка поднял голову, посмотрел на меня своими серыми глазами - точь-в-точь, как у тебя, пап, и сказал: "Папа, там бах" и показал пальцем в сторону фронта. Мама, я чуть не заплакал. Мой сын, которому нет ещё двух лет, уже знает слово "бах". Он думает, что артиллерийские разрывы это что-то обычное., как дождь., как ветер., как пение птиц и это разбивает мне сердце, но в то же время я знаю: мы воюем ради того, чтобы его дети никогда не слышали этого "бах". Чтобы для них война была только в книжках и фильмах. Чтобы они не вздрагивали от громких звуков. Ради этого стоит терпеть

всё.

Папа, как твоя мастерская? Как та бочка, которую ты чинил в феврале, перед самым началом? Помнишь, ты говорил мне тогда, по телефону: "Бочка, она, как держава. Рассыхается медленно, а собирается быстро. Главное, чтобы обручи были крепкие. Одна клёпка выпадет - всё развалится. А если собрать с умом - будет крепче прежнего". Я часто вспоминаю эти слова. Они мне помогают, правда. Потому что здесь, на фронте, мы тоже собираем державу. Заново. С нуля. По одной клёпке. По одному обручу. Иногда кажется, что ничего не выйдет. Что всё рассыплется, но потом вспоминаю тебя, твои руки, твою мастерскую и снова верю.

Мама, папа, я вас очень люблю. Я знаю, что мы редко видимся. Что между нами - сотни километров, линия фронта, границы, кордоны, но я чувствую вашу поддержку каждый день. Каждый бронежилет, который привёз папа, я помню, как он рисковал, пробираясь через украинские блокпосты. Каждая пара тёплых носков, которую связала мама, я их ношу, и мне кажется, что они греют не только ноги, но и душу. Каждая строчка в ваших письмах это то, что держит меня на плаву. Спасибо вам за это. Низкий поклон.

Берегите друг друга. Я обязательно приеду, когда смогу. Может быть, на Новый год - если дадут увольнительную. А пока - ждите и верьте., как вы ждали возвращения Крыма., как вы ждали меня из армии., как вы вообще умеете ждать - терпеливо, преданно, по-настоящему.

Ваш сын Алёша. Ноябрь 2014. Донецк.

P.S. Передайте привет Гаврилову. Скажите ему, что его пенсия, которую он отдал летом, пошла на бронежилет для молодого парня из Горловки. Парня зовут Саша, ему девятнадцать лет, он доброволец, пришёл в ополчение прямо со школьной скамьи. Броник, купленный на деньги Гаврилова, уже спас ему жизнь - осколок застрял в кевларе, не дойдя до сердца. Саша передаёт спасибо и обещает лично пожать руку, когда всё кончится. Пусть Гаврилов знает: его деньги работают. Спасают жизни. Может быть, это самое главное, что я могу ему сказать.

P.P.S. Мама, помнишь, ты говорила, что молитва матери со дна моря достаёт? Я не знаю, как насчёт дна моря, но до донецких окопов точно достаёт. Я это чувствую. Продолжай молиться. Пожалуйста».

Анна дочитала и аккуратно, словно святыню, положила письмо на стол. Потом сняла очки, потёрла глаза - они устали от напряжения, от мелкого почерка, от слёз, которые подступали весь день. Ей хотелось плакать, но она сдерживалась изо всех сил, до боли в горле. Это были не слёзы горя. Это были слёзы гордости. Слёзы матери, которая вдруг поняла: её сын, её мальчик, её Алёша, который когда-то боялся темноты и плакал над разбитой коленкой, стал мужчиной. Настоящим. Таким, каким она всегда мечтала его видеть, но боялась даже мечтать - потому что стать таким мужчиной можно только через испытания. А она не хотела ему испыта-

ний. Она хотела ему счастья.

Она перечитала последний постскриптум - про молитву, которая достаёт до окопов и тут слёзы прорвались - неудержимо, горячо, солёно. Она плакала и улыбалась одновременно, и это было самое странное выражение лица, которое только можно представить.

Во дворе хлопнула калитка - характерный звук, который она узнала бы из тысячи. Андрей вернулся из мастерской. Она услышала, как он вытирает ноги о коврик в прихожей, как вешает бушлат на крючок, как проходит по коридору. Он вошёл на кухню, увидел лицо жены - заплаканное и улыбающееся одновременно, увидел конверт на столе, и всё понял без слов.

- От Алёши?

- От Алёши. Четвёртое.

- Что пишет?

- Что жив. Что здоров. Что воюет. Что Лена держится. Что Андрейка сказал «папа, там бах», она всхлипнула, вытерла глаза краем рукава. - Господи, Андрей. Нашему внуку нет двух лет, а он уже знает, что такое артиллерийский обстрел. Он думает, что это нормально. Что это часть жизни., как мы до этого дожили?

Андрей тяжело опустился на стул рядом с ней. Взял её руку в свою - большую, шершавую, с мозолями от молотка и стамески, с въевшейся древесной пылью, которую не отмыть никаким мылом. Он не говорил утешительных слов - он знал,

что они сейчас не нужны, что словами тут не поможешь. Он просто сидел и держал её руку в своей, и от этого простого жеста Анне становилось легче. Так было всегда - тридцать один год. Когда умирали родители. Когда Андрей уходил в опасные походы. Когда не было денег и приходилось считать копейки. Когда началась война и сын ушёл на фронт. Он всегда был рядом. Не с громкими фразами - с молчаливой поддержкой. С теплом своей руки.

- Он спрашивает про бочку, сказала Анна, немного успокоившись. - Помнишь, ту, что ты чинил в феврале? Пишет: «Бочка, она, как держава. Рассыхается медленно, а собирается быстро. Главное, чтобы обручи были крепкие». Он помнит, Андрей. Он всё помнит. Все твои слова. Все твои уроки.

- Конечно помнит, Андрей кивнул, и в его глазах тоже блеснули слёзы, хотя он изо всех сил старался их скрыть. - Он же Бондаренко. Бондаренко всё помнят.

- А ещё он просит передать привет Гаврилову. Говорит, что на его деньги купили бронежилет, и этот бронежилет спас жизнь молодому парню. Саше из Горловки. Девятнадцать лет.

- Надо будет завтра к Гаврилову зайти, Андрей кивнул. - Обрадуется старик. Он же всё переживает, что не может на фронт пойти - возраст, здоровье. А тут - его деньги работают, жизни спасают. Это для него лучшее лекарство.

и ещё он просит, чтобы я продолжала молиться, тихо добавила Анна. - Говорит, что чувствует мои молитвы. Пред-

ставляешь? Он там, в окопах, под обстрелами, а говорит, что чувствует, как я за него молюсь.

- Значит, так и есть, просто сказал Андрей. - Молитва, она ведь не просто слова. Это энергия. Это любовь, которая передаётся на расстоянии. Я в это верю.

Они сидели вдвоём на кухне, и за окном шумело ноябрьское море - серое, неспокойное, с белыми барашками волн. Ветер гнал по небу низкие, тяжёлые облака, и сквозь них иногда пробивался бледный свет луны. На рейде мигали сигнальные огни кораблей. В доме напротив светились окна - там тоже кто-то ждал, тоже считал дни до писем, тоже вздрагивал от телефонных звонков. Война была далеко, но она была везде. Она поселилась в каждом доме, в каждой семье, в каждом сердце.

А где-то далеко, за сотни километров отсюда, в донецкой степи, под холодным ноябрьским небом, их сын сидел в блиндаже при свете керосиновой лампы и ждал следующего боя. Он смотрел на фотографию родителей - ту самую, с Приморского бульвара, где они молодые и счастливые и думал о том, что нужно выжить. Обязательно. Ради них. Ради Лены. Ради Андрейки. Ради всех.

А пока - ночь, холод, война, но сегодня он был жив и это было главное.

Часть 8. Волонтёры

Киев, декабрь 2014 года. Окраина города, склад волонтёрской организации «Допомога поруч».

Катя стояла перед обшарпанным зданием бывшего заводского цеха, переоборудованного под склад гуманитарной помощи. Цех этот когда-то принадлежал станкостроительному заводу, но завод закрылся ещё в девяностые, и с тех пор помещение пустовало, пока его не заняли волонтёры - люди, которые не могли сидеть сложа руки, пока в шестистах километрах к востоку шла война. Они вычистили мусор, побелили стены, провели электричество от соседнего дома, и теперь здесь кипела жизнь. Повсюду громоздились коробки с медикаментами, тёплыми вещами, детским питанием, консервами, памперсами, средствами гигиены. Пахло картоном, аптечными настойками, бензином от генератора и ещё чем-то неуловимым - запахом человеческой солидарности. Запахом надежды.

Вокруг суетились люди - мужчины и женщины, молодые и пожилые, в гражданской одежде и в камуфляже. Они грузили коробки в старенький микроавтобус «Фольксваген» с облупившейся краской и наклейкой «Гуманітарна допомога» на борту. Грузили молча, сосредоточенно, без лишней суеты - видно было, что они делают это не первый раз и не десятый. Каждый знал своё место в цепочке. Каждый понимал: от того, насколько быстро и аккуратно они погрузят, зависит, успеют ли они проскочить опасный участок дороги до наступления темноты.

Катя стояла у входа, сжимая в руках потёртый рюкзак с вещами, и чувствовала себя чужой. Она никогда не была на

войне. Она никогда не видела линии фронта. Она выросла в мирном Севастополе, в семье военного моряка, но это была другая война - далёкая, холодная, подводная, невидимая. А здесь пахло бензином, картоном и тревогой и ей было страшно, но она не отступала.

- Вы Катерина? - к ней подошёл пожилой мужчина с седой, аккуратно подстриженной бородой и усталыми, но добрыми глазами. Одет он был в старую штормовку с капюшоном и высокие армейские ботинки на шнуровке. Руки у него были в мозолях, а на левом запястье виднелся старый шрам - видимо, ещё с афганской войны. Он представился Степаном Петровичем и оказался координатором этой поездки.

- Да, это я, Катя шагнула вперёд.

- Хорошо. Мне звонили из университета, предупредили. Значит так, слушай внимательно, повторять не буду. Маршрут такой: выезжаем завтра в пять утра, до рассвета. Сбор здесь, у склада. Опоздавших не ждём. Идём через Харьков - там у нас перевалочный пункт, заправимся, проверим груз. Потом к Изюму, потом к линии разграничения. Там нас встречают с той стороны, с российскими документами. Ты переходишь с ними, мы остаёмся. Обратно - через неделю, если всё будет спокойно. Вопросы?

- У меня журналистское удостоверение и редакционное задание, Катя показала бумаги.

Степан Петрович взял их, внимательно изучил, подслеповато щурясь. Пошевелил губами, читая текст задания. Потом

вернул.

- Добро. Только на блокпостах много не болтай. Ты - журналистка, собираешь материал о гуманитарной ситуации. Никаких имён, никаких военных подробностей и Боже тебя упаси упоминать, что у тебя там брат в ополчении. Поняла?

- Поняла.

Она действительно подготовилась основательно. Получила в университете официальное редакционное задание - написать репортаж о гуманитарной ситуации в зоне конфликта. Тема была нейтральной, не вызывающей подозрений: как мирные жители выживают в условиях войны, как доставляется помощь, какие трудности возникают у волонтёров. Профессор Дмитрий Иванович, пожилой интеллигент с бородкой клинышком, похожий на Чехова, подписал задание без лишних вопросов. Он вообще поддерживал студентов, которые хотели заниматься настоящей журналистикой, а не переписывать пресс-релизы из министерств. «Только будьте осторожны, Екатерина Андреевна, сказал он, и в его глазах мелькнула тревога. - Там стреляют и по журналистам тоже. У меня в Чечне погиб ученик. Не хочу, чтобы это повторилось».

Катя помнила эти слова. Они звучали у неё в голове, как предупреждение, но она всё равно стояла здесь, на пороге склада, и готовилась к поездке.

- Тогда до завтра, сказал Степан Петрович. - Форма одежды - тёплая. В дороге не топим - экономим топливо, бензин

нынче дорогой. С собой взять термос с кипятком и бутерброды на два дня. Спальник, если есть. Аптечку. Документы держать при себе, в нагрудном кармане, на случай проверки и запомни главное правило: никакой политической символики - ни украинской, ни российской. Ни флагов, ни ленточек, ни значков. Мы вне политики. Мы - помощь. Тем, кто помогает, стреляют в спину реже, но всё равно стреляют.

- Поняла, Катя кивнула и пошла к выходу.

У дверей она почти столкнулась с девушкой примерно своего возраста - худенькой, светловолосой, с бледным, измождённым лицом и тёмным синяком на левой скуле. Девушка несла в руках старый, потёртый чемодан, перевязанный бельевой верёвкой - видимо, замок сломался. Одета она была в дешёвенькое пальтишко, явно не по погоде, и стоптанные сапоги. От неё пахло холодом, сыростью и какой-то безнадёжной усталостью.

- Ты тоже завтра едешь? - спросила она, заметив Катин рюкзак.

- Да. А ты?

и я, девушка попыталась улыбнуться, но улыбка вышла кривой и безрадостной. - Меня Марина зовут. Марина Коваленко. Я из Луганска.

- Катя Бондаренко. Из Киева. Вернее... из Севастополя, но сейчас живу здесь.

из Севастополя? - Марина удивлённо подняла брови, и в её глазах мелькнул какой-то сложный, трудно определимый

интерес. это же теперь Россия., как ты здесь оказалась?

- Долгая история, уклончиво ответила Катя. - Я здесь учусь. На журналиста.

- А там у тебя кто?

- Родители.

- Понятно, Марина вздохнула, и её глаза затуманились. - У всех сейчас всё сложно. Никто не знает, где окажется завтра.

Они замолчали. Катя рассматривала синяк на скуле Марины и не решалась спросить, но та, заметив её взгляд, сказала сама, просто и без эмоций:

- это на блокпосту. Когда в прошлый раз ездила. Украинские военные остановили, стали проверять документы. У меня мать в Луганске, а я гражданка Украины - говорят, «сепарка», «ждёшь, пока мы вас освободим». Не поделили что-то между собой, а крайняя я. Ударили прикладом, но ничего, до свадьбы заживёт.

- А ты часто туда ездишь? - спросила Катя.

- Каждые два месяца. Мать у меня там одна. Живёт в подвале, в частном секторе. У неё диабет второго типа, инсулин нужен постоянно. А там ни лекарств, ни врачей - ничего нет. Всё, что могу, вожу. Вот и теперь везу инсулин, бинты, обезболивающее. Ей хватит на пару месяцев, если всё нормально будет. А если не будет - тогда не знаю.

Катя сглотнула. Её собственная миссия - увидеть брата, обнять его, поговорить - вдруг показалась ей почти эгоистичной. Она ехала к живому, здоровому человеку, который мог

за себя постоять. Который сам носил оружие и знал, как выживать. А эта девушка с синяком на лице и потёртым чемоданом ехала к больной матери, умирающей без инсулина, через блокпосты, через унижения, через побои и в этом была какая-то страшная, обыденная героика.

- Сочувствую, сказала Катя тихо. - Я не знала, что всё настолько плохо.

- Никто не знает, Марина горько усмехнулась. - Пока не увидишь своими глазами - не поймёшь. Мне тоже казалось, что война это где-то далеко. А потом снаряд прилетел в наш двор, и мама осталась без дома. Теперь живёт в подвале, как крыса и я ничего не могу сделать. Только возить инсулин.

Они попрощались - обеим нужно было готовиться к завтрашнему дню. Катя поехала домой, в Оболонь. В автобусе она смотрела на проплывающий за окном Киев - нарядный, предпраздничный, с гирляндами и ёлками на площадях, и думала о Марине. О её матери в подвале. О её синяке. О том, как странно устроена жизнь: здесь, в Киеве, люди готовятся к Новому году, покупают подарки, пьют кофе. А там, в Луганске, такие же люди сидят в подвалах без света и лекарств. Две реальности. Две параллельные вселенные и завтра она шагнёт из одной в другую.

Дома её ждала Оксана. Она уже знала о планах племянницы и, хотя в душе была категорически против, не стала отговаривать - видела, что решение принято твёрдо. Вместо этого она сделала то, что всегда делала в минуты тревоги: наго-

товила еды на неделю вперёд, собрала Кате термос с чаем, бутерброды, тёплые носки и старые отцовские варежки. И, конечно, аптечку - самую полную, какую только можно было собрать в киевских аптеках.

- Вот, она протянула Кате небольшой тканевый мешочек. - Здесь деньги. Немного, но на первое время хватит и телефонные карточки - там связь плохая, роуминг не работает. Будешь звонить с городских телефонов.

- Спасибо, тётя Оксана, Катя обняла её.

и вот ещё, Оксана достала из кармана маленький серебряный крестик на цепочке. это бабушкин. Надень. Я не очень верю, но... бережёного Бог бережёт.

Катя надела крестик. Он был холодным и лёгким на шее. Почти невесомым, но в этом жесте, в этом подарке было столько любви, что она вдруг почувствовала, как к горлу подкатывает ком.

- Я вернусь, сказала она. - Обязательно вернусь и не одна - с репортажем и с новостями от Алёши.

- Возвращайся, тихо ответила Оксана. - Пожалуйста.

Ночью Катя почти не спала. Лежала в темноте, глядя в потолок, и слушала, как за окном шумит декабрьский Киев. Машины, ветер, редкий смех прохожих - предпраздничная суета. Она думала о том, что завтра увидит брата. Впервые за полтора года. Впервые после всего - после Майдана, после референдума, после Иловайска.

Что она ему скажет? «Привет, Алёша. Я приехала»? Или:

«Прости меня за то, что я говорила тогда, в феврале»? Или: «Я тебя люблю. Я всегда тебя любила, даже когда пыталась ненавидеть»? Может быть, всё сразу. Может быть, ничего - просто обнимет и заплачет.

А ещё она думала о том, что где-то там, за линией фронта, за блокпостами и колючей проволокой, её ждёт совсем другая реальность. Не лекции, не конспекты, не кофе в университетской столовой. Война. Настоящая. С кровью, грязью и смертью. С детьми, которые говорят «папа, там бах». С матерями, умирающими без инсулина в подвалах. С женщинами, которые получают синяки на блокпостах.

Готова ли она к этому?

Ответа не было, но выбора тоже не было. Она должна была это сделать. Не ради журналистики. Не ради репортажа. Ради себя. Ради Алёши. Ради всех Бондаренко, которые должны были наконец собраться вместе, как та самая бочка.

Она закрыла глаза и попыталась уснуть. Завтра - в пять утра. Завтра всё изменится.

Где-то за стеной тихо играло радио. Передавали старую песню - «Надежда, мой компас земной». Катя слушала её и думала: вот оно, самое точное слово. Надежда. Только она и ведёт сейчас вперёд. Через страх. Через сомнения. Через линию фронта.

Часть 9. Дорога через фронт

Трасса Киев - Харьков изюм, декабрь 2014 года. Раннее утро.

Микроавтобус «Фольксваген» выехал со склада в пятом часу утра, когда Киев ещё спал - спали его улицы, его парки, его многоэтажки, спали люди, не знавшие, что где-то в шестистах километрах к востоку другие люди сидят в подвалах и считают разрывы снарядов. В салоне, помимо водителя - молчаливого, сосредоточенного мужчины лет сорока с позывным «Шофёр», который за всю дорогу не сказал и десяти слов, сидели восемь человек. Степан Петрович, расположившийся на переднем сиденье с картой в руках. Два волонтёра-медика - пожилая женщина в очках и молодой парень с армейской выправкой, видимо, бывший военный. Марина, прижимавшая к груди свой потёртый чемодан, перевязанный верёвкой. Катя, кутавшаяся в тёплый шарф и смотревшая в окно и ещё две женщины - немолодые, с испуганными глазами, ехавшие к родственникам в Донецк.

Все молчали. Каждый думал о своём. Каждый боялся, но боялся по-своему. Тишину нарушал только гул двигателя, шорох шин по асфальту да редкие реплики Степана Петровича, сверявшего маршрут.

За окнами проплывали заснеженные поля - бескрайние, белые, искрящиеся в свете фар. Голые перелески, где чёрные ветки деревьев сплетались в причудливые узоры на фоне серого предрассветного неба. Редкие деревни - покосившиеся хаты, заколоченные ставни, пустые дворы, ни души. Чем дальше на восток, тем заметнее становились следы войны: воронки у дороги, засыпанные снегом, но всё равно за-

метные - круглые, тёмные, как оспины на лице земли. Сгоревшие остовы автомобилей на обочинах - одни уже заржавели и почернели, другие были совсем свежими, словно их подбили только вчера. Покосившиеся, перебитые осколками столбы линий электропередач, с которых свисали оборванные провода.

Где-то между Харьковом и Изюмом, когда солнце уже поднялось над горизонтом и осветило заснеженную равнину, им встретилась колонна украинской бронетехники - танки Т-64 с нарисованными на броне трезубцами, БТРы с сине-жёлтыми флажками на антеннах, грузовики с пехотой. Колонна шла на восток - туда, куда ехали и они. «Фольксваген» прижался к обочине, пропуская военных. Солдаты в кузовах, молодые парни в касках, смотрели на волонтёров без интереса - видимо, привыкли к виду гражданских машин на этой трассе. Кто-то спал, привалившись к плечу товарища. Кто-то курил, стряхивая пепел за борт. Кто-то просто глядел в одну точку - тот самый взгляд, который Катя уже видела у ополченцев в телерепортажах. Взгляд человека, который слишком много видел.

- Скоро блокпост, нарушил молчание Степан Петрович, оборачиваясь к пассажирам. - Приготовьте документы. Паспорта держите открытыми, на странице с пропиской. Удостоверения - в руках и помните: мы - гуманитарная миссия. Никакой политики. Никаких споров. Никаких вопросов. Отвечаем коротко и по делу. Кто едет к родственникам - так и

говорите. Журналистка - предъяви задание и Боже вас упаси шутить с военными. У них тут с юмором плохо.

Первый блокпост был украинским. Он возник внезапно, из-за поворота - бетонные заграждения, выкрашенные в сине-жёлтые цвета, мешки с песком в три ряда, пулемётное гнездо из брёвен, над которым висел украинский флаг - выцветший, потрёпанный ветром, но всё ещё гордо реявший на морозном воздухе. Вокруг стояли военные в полной экипировке - каски, бронежилеты, автоматы. Молодой солдат, почти мальчик, с румяными от мороза щеками и серьёзными, не по возрасту, глазами, подошёл к микроавтобусу. Он проверил документы - медленно, внимательно, сверяя фотографии с лицами. Заглянул в салон, осмотрел коробки с медикаментами. Увидел бинты, шприцы, ампулы - кивнул.

- Проезжайте. Только осторожнее там, дальше, сказал он, и голос у него был усталый, глуховатый. - Утром был обстрел. Трассу накрыло. Воронки ещё не засыпали.

- Спасибо, сынок, сказал Степан Петрович. - Ты сам-то давно здесь?

- Четвёртый месяц. Мобилизовали в августе. Был студентом, стал солдатом. - Он горько усмехнулся. - Ладно, езжайте. Не задерживайтесь.

«Фольксваген» тронулся, и солдат остался позади - ещё один мальчик, которого война вырвала из мирной жизни и бросила на мороз, к пулемёту.

Дальше дорога стала хуже. Асфальт был разбит гусеница-

ми танков и взрывами снарядов, и Степан Петрович то и дело приказывал Шофёру сбавлять скорость. Микроавтобус полз медленно, как старая черепаха, объезжая воронки - некоторые были такими глубокими, что в них свободно поместился бы легковой автомобиль. На обочинах попадались остовы сгоревших машин, перевёрнутые грузовики, разбитые повозки и везде - тишина. Странная, неестественная тишина, нарушаемая только гулом двигателя.

Второй блокпост находился уже на линии разграничения, в так называемой «серой зоне» - полосе земли шириной в несколько километров, которая не контролировалась ни одной из сторон. Это было самое опасное место. Здесь не действовали никакие законы, кроме закона силы. Здесь могли обстрелять с любой стороны. Здесь по обочинам стояли знаки «Осторожно, мины!», а в кюветах лежали остовы техники, подорвавшейся на этих минах.

На обочине стоял сгоревший рейсовый автобус - чёрный, искорёженный, с выбитыми окнами и обвалившейся крышей. Он был полным - когда-то, в прошлой жизни, пассажиров. Теперь от них ничего не осталось. В салоне автобуса кто-то повесил табличку, написанную от руки на куске фанеры: «Осторожно, мины. Не подходить» и ниже, другим почерком: «Здесь погибли люди. Помолитесь за них».

- Господи, прошептала Марина, и голос её дрогнул и здесь люди живут?

- Живут, сухо ответил Степан Петрович, не оборачиваясь.

- А куда им деваться? Это их земля. Их дом. Не всем повезло уехать.

Катя смотрела на сгоревший автобус и чувствовала, как к горлу подкатывает ком. Она вспомнила Севастополь, набережную, тёплое море. Вспомнила Киев, кофейни, лекции. Вспомнила всё то, что ещё вчера казалось ей обыденным. Теперь это казалось чудом. Невероятной, недостижимой роскошью.

Наконец впереди показался блокпост ополченцев. Он отличался от украинского - меньше казёнщины, больше самодеятельности. Российский флаг, георгиевские ленточки на антенне, наспех сколоченный щит с надписью «ДНР. Документы к проверке!». Люди в камуфляже - разномастном, без единой формы, но все с оружием. Катя вглядывалась в их лица с замиранием сердца, надеясь увидеть брата. Высокий, в кепке-афганке - не он. Коренастый, с пулемётом - не он. Совсем молодой, почти мальчишка, с автоматом наперевес - не он.

Но один из ополченцев, проверявших документы, показался ей смутно знакомым. Невысокий, светловолосый, с перевязанной правой рукой, которая ещё плохо слушалась. Он подошёл к микроавтобусу, заглянул в салон и вдруг замер, увидев Катю.

- Ты... - начал он. - Ты же...

- Витька? - Катя узнала его. Это был тот самый парень, которого Алёша упоминал в каждом письме. Витька, его луч-

ший друг. - Ты - Витька?

- Я, он растерянно улыбнулся. - А ты - Катя? Сестра Бондаря?

- Да.

- Ничего себе! - Витька хлопнул себя по колену здоровой рукой. - Вот это встреча! Алёшка с ума сойдёт! Он же тебя не ждал! Он думал, ты в Киеве!

- Я и была в Киеве. А теперь здесь.

- Ну, дела... - Витька всё не мог прийти в себя. - Слушай, а ты надолго?

- На неделю. Потом обратно, с волонтёрами.

- Успеешь повидаться. Алёшка сейчас в городе, в казарме. Я ему позвоню, предупрежу. Пусть готовится.

- Не надо, Катя покачала головой. - Не предупреждай. Я хочу сделать сюрприз.

- Сюрприз так сюрприз, Витька ухмыльнулся. - Он у тебя крепкий, Бондарь наш. Выдержит. А ты молодец, что приехала. Он о тебе столько рассказывал...

- Что рассказывал?

- Что сестра у него - самая лучшая. Что в Киеве учится на журналистку. Что он по тебе скучает и что обязательно хочет увидеться. Вот, считай, мечта сбылась.

Катя почувствовала, как к глазам подступают слёзы. Она заморгала, пытаясь их скрыть, но Витька заметил.

- Ладно, сказал он мягко. - Езжайте. Там, в городе, найдёте, где остановиться. Спросите гостиницу «Донбасс», она

работает, хоть и без удобств. А завтра Алёшка будет на построении в штабе, на площади Ленина. Найдёте.

- Спасибо, Витька.

- Не за что. Свои же.

Микроавтобус пересёк невидимую черту, и Катя вдруг поняла: она на другой стороне. В Донбассе. В том самом Донбассе, о котором столько говорили по телевизору, из-за которого спорили в университете, о котором писал брат в своих письмах. Теперь она видела его своими глазами. Вдыхала его воздух - морозный, пахнущий гарью и углём. Смотрела на его улицы - разрушенные, но живые. На его людей - усталых, но не сломленных.

До Донецка оставалось несколько часов пути. А завтра она увидит брата. Впервые за полтора года. Впервые после всего и слова, которые она так долго искала, может быть, найдутся сами собой.

Часть 10. Встреча

Донецк, декабрь 2014 года. Площадь Ленина.

Катя стояла на площади, кутаясь в тёплый шарф - тот самый, тёмно-синий в белую полоску, подаренный мамой на прошлый Новый год, и смотрела на здание бывшей областной администрации, которое теперь стало штабом ополчения ДНР. Здание было массивным, сталинской постройки, с высокими колоннами и барельефами на фасаде. Сейчас его окна были заложены мешками с песком, а на углу чернела пробоина от снаряда - видимо, прилетело ещё летом, но заде-

лать до сих пор не успели. Над входом развевались два флага - российский триколор и флаг ДНР, чёрно-сине-красный. У дверей стояли часовые в камуфляже, с автоматами, и внимательно оглядывали прохожих. Мимо, утопая в нечищеном снегу, шли люди - военные и гражданские, мужчины и женщины, молодые и пожилые. Все были одеты тепло, по-зимнему, но у многих на лицах читалась та особая, глубокая усталость, которая бывает только на войне. Война изматывала всех и тех, кто воевал с оружием в руках, и тех, кто просто пытался выжить, стоял в очередях за хлебом, грелся у буржуек.

Вчерашний вечер Катя провела в маленькой, тесной комнатке общежития при городской больнице - волонтёры помогли устроиться, дали раскладушку и старое одеяло. Она почти не спала - ворочалась с боку на бок на жёстком матрасе, прислушивалась к далёким, глухим разрывам, которые то стихали, то возобновлялись с новой силой. В полудрёме ей мерещились голоса - мамин, папин, Алёшин. Ей снился Севастополь, море, набережная. Снилось детство. Снилось, что она снова маленькая, и Алёша ведёт её за руку в воду - «Не бойся, там медузы не кусаются, они просто плавают».

Теперь, стоя на площади под моросящим снегом, она чувствовала, как сердце колотится где-то у самого горла, мешая дышать. Он должен быть здесь. Сегодня утром. Сейчас. Витька сказал, что у них построение в девять, и она пришла заранее, заняла наблюдательный пост у памятника Ленину -

бронзовый Ильич всё так же простирал руку в будущее, хотя вокруг гремела война, и будущее было туманным.

Она не предупредила его. Не позвонила, не передала записку. Хотела увидеть его лицо в самый первый момент - то неуловимое выражение, когда человек ещё не знает, не ждёт, не приготовился. Когда эмоции настоящие, не наигранные. Когда душа видна насквозь.

Минуты тянулись бесконечно. Холод пробирался под куртку, снег залетал за воротник. Катя переминалась с ноги на ногу и думала: «Какая же я дура. Столько времени потеряла. Столько месяцев молчала. А он писал мне письма - февральское, майское, августовское, октябрьское. Каждое, как ниточка. А я отвечала коротко, сдержанно. Боялась. Гордость мешала. Или страх. Или и то, и другое».

И вот из высоких дверей штаба вышел человек в камуфляже. Высокий, чуть сутуловатый - сказывалась привычка пригибаться под огнём. Закинул автомат за спину привычным, отработанным движением. Поправил кепку-афганку, которую носил и зимой, и летом. Остановился на ступеньках, достал из кармана смятую пачку сигарет, закурил, прикрывая огонёк ладонью от ветра.

Катя замерла. Сердце остановилось. Весь мир сузился до этого человека на ступеньках.

Он изменился. Похудел, осунулся, черты лица заострились. Под глазами залегли глубокие, почти чёрные тени - следы многих бессонных ночей. На левой скуле темнел свежий

шрам - видимо, зацепило осколком. Движения стали резкими, экономными, без единого лишнего жеста - так двигаются люди, которые привыкли экономить силы, потому что неизвестно, когда они понадобятся снова, но это был он. Её Алёша. Её брат. Человек, с которым она делила детство, игрушки, мечты, родителей. Человек, которого она когда-то, в запале, назвала предателем и который продолжал писать ей письма, несмотря ни на что.

- Алёша! - крикнула она.

Он вздрогнул. Сигарета выпала из пальцев и упала в снег, зашипев. Он обернулся на голос - резко, как оборачиваются на войне: сначала оценить угрозу, потом уже искать знакомые черты. Прищурился, вглядываясь в женскую фигуру на другой стороне площади. Не поверил. Моргнул. Снова вгляделся.

- Катя?.. - голос был хриплым, неуверенным, словно он спрашивал не столько у неё, сколько у самого себя. - Катя, ты?

Она побежала. Не пошла быстрым шагом, не заторопилась именно побежала, как в детстве, когда он возвращался из школы и она, заслышав его шаги на лестнице, мчалась ему навстречу, размахивая портфелем, забыв обо всём на свете. Её ноги скользили по утоптанному снегу, шарф размотался и полетел за спиной, но она ничего не замечала. Он тоже шагнул вперёд - забыв про сигарету, про автомат, про то, что он командир и вокруг люди. Он шёл ей навстречу, сначала

быстро, потом почти бегом, и на его лице расцветала улыбка - та самая, из детства, которую она помнила с самых ранних лет.

Они встретились посреди площади - на ничьей земле между бронзовым Лениным и заложенным мешками штабом. Замерли на секунду в шаге друг от друга, глядя глаза в глаза. Сколько всего было в этом взгляде - вопросов, ответов, обид и прощений. А потом он раскрыл объятия - широко, по-медвежьи, и она упала в них, как в детстве, как будто не было этих полутора лет разлуки.

- Катька... - прошептал он, уткнувшись лицом в её волосы. - Катька... Ты приехала... Я не верю... Дай посмотрю на тебя...

Он отстранил её на расстояние вытянутой руки, всё ещё держа за плечи, как будто боялся, что она исчезнет, растает, окажется миражом. Оглядел - её лицо, её шарф, её рюкзак. Покачал головой.

- Ты совсем взрослая стала. Студентка. Журналистка. А я... А я тут.

- Ты здесь, сказала она, и слёзы текли по её щекам, смешиваясь с тающим снегом. - Ты живой. Это главное. Прости меня, Алёша. Прости за всё. За те слова, которые я сказала тогда, в феврале. За то, что называла тебя предателем. За то, что молчала так долго. За всё.

- Тише, тише, он гладил её по голове, как в детстве, когда она падала с велосипеда и разбивала коленку. - Всё хорошо. Ты здесь. Ты приехала. Через фронт, через блокпосты, через

всё. Ради меня. Это самое главное. Остальное - ерунда. Слова - они забываются. А поступки - остаются. Ты приехала. Значит, всё правильно.

- Я боялась, призналась она, что ты не захочешь меня видеть. Что ты обиделся. Что ты меня возненавидел.

- Дурочка, он улыбнулся, и улыбка эта осветила его усталое лицо, как я могу тебя ненавидеть? Ты моя сестра. Единственная. Самая любимая. Я о тебе каждый день думал. Каждое письмо, которое писал, это была надежда, что ты ответишь и ты отвечала. Пусть коротко, но отвечала. Это меня держало. Ты даже не представляешь, как это важно - знать, что там, в Киеве, у тебя есть сестра, которая ждёт.

Они стояли так долго - брат и сестра, обнявшись посреди площади, под моросящим декабрьским снегом. Прохожие - ополченцы, женщины с сумками, старики - обходили их стороной, понимая: сейчас лучше не мешать. На войне редко увидишь такое - объятия, слёзы, смех сквозь слёзы. Это было что-то из мирной жизни, из той, довоенной, где люди могли позволить себе эмоции и вид этих двух фигур посреди площади, наверное, напоминал каждому о чём-то своём. О доме. О семье. О тех, кого они ждали.

- Ты надолго? - спросил он наконец, нехотя размыкая объятия.

- На неделю. Потом обратно, с волонтёрами. У меня редакционное задание - написать репортаж о гуманитарной ситуации, но на самом деле... на самом деле я просто хотела

тебя увидеть. Репортаж это предлог.

- Хитро придумано, он одобрительно хмыкнул. - Журналистская смекалка. Неделя это много. Целая неделя. Я покажу тебе город. Вернее, то, что от него осталось. Познакомлю с Леной и с Андрейкой - ты же его ещё не видела.

- Не видела. Только на фотографиях. Он на тебя похож.

- На деда больше. На нашего деда Захара. Глаза такие же - серые, упрямые. Увидишь - сама убедишься.

Он закинул автомат за спину, взял её за руку, как в детстве, когда переводил через дорогу, и они пошли по заснеженной улице. Прошли мимо разрушенного универмага, мимо очереди за водой, мимо старухи, которая продавала с лотка солёные огурцы. Алексей кивал знакомым, отвечал на приветствия, но не останавливался. Он вёл сестру домой.

- Алёша... - сказала она, когда они свернули на тихую улочку.

- Что?

- Я тебя люблю. Ты мой брат и это навсегда. Чтобы ни случилось - война, политика, границы. Это неважно. Важно только это.

Он ничего не ответил. Просто остановился, прижал её к себе ещё крепче - так, что она почувствовала запах его камуфляжа, табака и ещё чего-то неуловимого, родного. Постояли. Пошли дальше.

А снег всё падал и падал - белый, чистый, мягкий, укрывая разрушенный город, воронки от снарядов, разбитые до-

ма., как будто природа сама пыталась залечить раны, которые люди нанесли друг другу., как будто сама земля говорила: «Простите друг друга. Вы же люди. Вы же братья».

Впереди их ждала неделя - семь дней, которые стоили целой жизни. Семь дней, за которые нужно было успеть сказать всё, что не было сказано за полтора года. Семь дней, которые изменят их обоих навсегда.

Часть 11. Семь дней

Донецк, декабрь 2014 года.

Неделя, которую Катя провела в Донецке, была, наверное, самой странной, самой удивительной, самой переломной неделей в её жизни. Семь дней, которые вместили в себя больше, чем иной год. Семь дней, которые изменили её навсегда.

В первый же день, после той самой встречи на площади, Алёша повёл её к себе - вернее, к тёте Вере, соседке, которая приютила его семью после того, как снаряд попал в их квартиру. Они шли через разрушенный город, и Катя смотрела во все глаза. Вот таким она видела Донецк только по телевизору - в репортажах, которые показывали в киевских новостях с пометкой «зона АТО». Теперь она шла по этим улицам сама. Разрушенный универмаг с выбитыми витринами и чудом уцелевшей вывеской «Донбасс». Очередь за водой - десятки людей с канистрами и вёдрами, стоящие молча, терпеливо, как стояли, наверное, в блокадном Ленинграде. Старуха, торгующая с лотка солёными огурцами и самогоном - «Для

сугреву, сынки, для сугреву». Дети, катающиеся на санках с горки, насыпанной из обломков разрушенного дома и везде - следы обстрелов: воронки, пробоины в стенах, заклеенные скотчем окна.

-, как они живут? - тихо спросила Катя.

- Живут, пожал плечами Алёша. - Привыкают. Человек ко всему привыкает. Даже к войне. Особенно к войне.

Тётя Вера - полная, румяная, несмотря на все трудности, женщина лет шестидесяти - встретила Катю, как родную. Всплеснула руками, запричитала: «Ой, да какая ж ты красавица! Ой, да, как же ты похожа на брата! Ой, да раздевайся скорее, я тебя сейчас кормить буду!» И, не слушая возражений, усадила за стол, накрытый чистой, хоть и старенькой скатертью. На столе появились солёные огурцы, квашеная капуста, варёная картошка и даже кусок сала - немыслимая роскошь по военным временам.

- Откуда это всё? - удивилась Катя.

- Сарафанное радио, усмехнулся Алёша. - В городе быстро узнали, что ко мне сестра приехала. Соседи принесли кто что мог. Тётя Вера расстаралась.

- А, как же, подтвердила тётя Вера. - Сестра командира это уважаемый человек. У нас тут, в Донецке, семью уважают. Особенно такую, как Бондаренко. Твоего брата тут каждая собака знает и каждая кошка.

Катя смотрела на всё это - на стол, на тётю Веру, на брата и чувствовала, как к горлу подкатывает ком. Она ожидала

увидеть войну, и она её увидела, но она не ожидала увидеть здесь столько тепла. Столько человечности. Столько жизни.

В тот же вечер она познакомилась с Леной. Та пришла из госпиталя поздно, уже в сумерках, усталая, в белом халате поверх камуфляжа. Увидев Катю, она остановилась в дверях, и на её лице отразилась целая гамма чувств - удивление, радость, волнение.

- Вы... ты - Катя? - спросила она.

- Да. А вы... ты - Лена? Ласточка?

- Ласточка, Лена улыбнулась, и Катя сразу поняла, почему Алёша влюбился в неё с первого взгляда. Когда Лена улыбалась, её лицо - усталое, осунувшееся, с тёмными кругами под глазами - вдруг преображалось, становилось почти девичьим, светлым. В этой улыбке была какая-то особая, тихая красота, которая не бросается в глаза, но остаётся в сердце навсегда.

Они обнялись - не, как незнакомые люди, а, как сёстры., как будто были знакомы всю жизнь.

- Алёша столько о тебе рассказывал, сказала Лена. - Я тебя по фотографиям знаю. Вот эту, где вы в Балаклаве, он её в блиндаже на стенку повесил. Каждое утро смотрит.

- Правда? - Катя повернулась к брату.

- Правда, Алёша чуть смутился. - Ну, а что? Имею право.

Потом познакомилась с Андрейкой. Маленький мальчик, которому не было ещё и двух лет, сначала стеснялся незнакомой тёти. Он выглядывал из-за материнской юбки, хмурил

серые, как у деда, бровки и недоверчиво сопел, но Катя привезла ему подарок - большого плюшевого медведя, купленного в магазине на Крещатике перед самым отъездом. Она долго выбирала его, перебрала десяток игрушек, пока не нашла того самого - мягкого, с доброй мордой и блестящими глазами-пуговками и когда она достала медведя из рюкзака, Андрейка забыл о своей застенчивости. Схватил игрушку обеими руками, прижал к груди и не выпускал из рук всю неделю - даже спал с ним в обнимку.

- Какая ты красивая, сказал вдруг Андрейка, разглядывая Катю. Он уже освоился, сидел у неё на коленях и деловито теребил её шарф.

- Спасибо, она засмеялась. - Ты тоже красивый.

- Я знаю, серьёзно ответил малыш. - Я в папу.

Все рассмеялись. Даже Алёша, который за эти дни впервые смеялся так открыто, без оглядки на войну и в этом смехе было что-то удивительное, почти забытое, что-то из мирной жизни. Из той жизни, где нет обстрелов, нет фронта, нет слова «бах».

Дни пролетали незаметно. Днём Катя ходила по городу иногда с Алёшей, иногда одна, с диктофоном и блокнотом. Собирала материал для репортажа, как и планировала. Разговаривала с людьми: с врачами в госпитале, с учителями в уцелевших школах, с шахтёрами, которые продолжали спускаться в забой, несмотря на обстрелы. Все они рассказывали одно и то же: трудно, страшно, но выдержим. «Мы же рус-

ские люди. Мы привыкли».

Она записывала истории в блокнот. История Марины - той самой девушки из Луганска, которая ехала с ними в микроавтобусе: она добралась до матери, передала инсулин, и теперь ждала обратной оказии. История старика, который потерял обеих дочерей во время обстрела, но продолжал ухаживать за их могилами на кладбище, которое само находилось под огнём. История учительницы, которая вела уроки в подвале, при свечах, потому что школа была разрушена, а электричества не было. Десятки историй. Сотни судеб и все - об одном: о том, как остаться человеком, когда всё вокруг рушится.

Вечером они собирались в маленькой комнатке у тёти Веры. Сидели за столом, пили чай из оббитых кружек - каждый вечер одни и те же, потому что других не было, и разговаривали. О детстве. О родителях. О море. О Севастополе.

- Помнишь, как мы ездили в Балаклаву? - спрашивала Катя.

- Помню. Ты боялась медуз.

- А ты меня успокаивал. Говорил: они не кусаются, они просто плавают.

и ты верила и заходила в воду.

- Я тебе всегда верила. Даже когда ты обманывал.

- Я никогда тебя не обманывал!

- А, как же история с «мороженым для медуз»? Ты сказал, что, если бросить в воду мороженое, медузы уплывут. Я от-

дала тебе своё эскимо, а ты его съел.

- Ну... это была не ложь. Это была военная хитрость. Я же будущий командир.

Они смеялись и эти вечерние разговоры были лучшим лекарством - лучше любого обезболивающего, лучше любого антидепрессанта. Они возвращали их в детство. В то время, когда мир был целым. Когда семья была вместе.

Они старательно избегали политики. Алёша не спрашивал, что Катя думает о войне теперь, когда увидела всё своими глазами. А она не спрашивала, сколько ещё он собирается воевать и когда всё это кончится. Они просто были вместе и это было главное. Слова были не нужны. Слова могли подождать.

Один раз, когда они остались вдвоём - Лена укладывала Андрейку спать в соседней комнате, и оттуда доносилось её тихое пение, колыбельная, Алёша вдруг сказал:

- Знаешь, я иногда думаю: а что будет, когда всё кончится? Когда война закончится? Сможем ли мы снова быть одной семьёй? Сможешь ли ты приехать к нам в Севастополь? Смогут ли мама с папой приехать сюда?

- Сможем, твёрдо сказала Катя. - Обязательно сможем. Мы же Бондаренко.

- Ты говоришь прямо, как папа.

- Я знаю. Я у него научилась и у тебя и у мамы. Я у всех вас научилась.

Они помолчали, глядя на огонь в буржуйке. Потом Алёша

спросил:

- Ты видела маму и папу? В смысле, недавно?

- Последний раз - перед отъездом в Киев, Катя покачала головой. - Больше года назад. Мы тогда ещё были все вместе. Ещё не было этого... раскола.

- Они, наверное, волнуются. За нас обоих. Мама, наверное, все глаза выплакала.

- Волнуются, Катя кивнула. - Мама пишет мне каждую неделю. Длинные письма, на несколько страниц. Рассказывает о своей работе, о новом спецкурсе, о погоде в Севастополе и всегда в конце: «Береги себя. Я тебя люблю. Возвращайся». А папа звонит. Редко - связь дорогая, но каждый раз говорит одно и то же: «Держись, дочка. Мы ждём».

- Мы приедем к ним, сказал Алёша. - Когда всё кончится. Всей семьёй. Ты, я, Лена, Андрейка и мама с папой. Соберёмся за одним столом., как раньше и ты увидишь - всё будет, как прежде. Только лучше. Потому что мы теперь знаем цену тому, что имеем.

- Обязательно, Катя взяла его за руку и сжала. - Обязательно соберёмся. Я тебе обещаю.

В последний вечер перед отъездом они сидели допоздна. Никто не хотел расходиться, хотя завтра всем рано вставать - Кате в дорогу, Алёше на построение, Лене в госпиталь. Андрейка давно уснул на руках у матери, прижимая к себе плюшевого медведя. Лена тихо унесла его в соседнюю комнату и уложила в кроватку. Алёша курил у открытой форточки,

выпуская дым в морозную декабрьскую ночь. Катя смотрела на них - на брата, на его жену, на их спящего сына и думала: «Вот она, семья. Не та, что была раньше. Новая. Изменившаяся, но от этого не менее родная. И, может быть, даже более крепкая - потому что она прошла через такие испытания, которые другим и не снились».

На прощание Алёша передал ей конверт - письмо для родителей.

- Отвезёшь? - спросил он, и в его голосе была надежда.

- Отвезу. Обязательно., как только доберусь до Киева - сразу отправлю. Или сама отвезу, если получится.

и сама пиши. Не пропадай больше. Не молчи так долго. Я понимаю, что у тебя учёба, работа, свои дела, но письма... письма это важно. Я тебе уже говорил.

- Не пропаду, Катя улыбнулась. - Теперь - точно не пропаду. Обещаю. Каждую неделю буду писать и звонить по возможности.

Они обнялись. На этот раз - без слёз, без надрыва. Просто крепко, по-мужски, по-родственному., как обнимаются люди, которые знают: они увидятся снова. Может быть, не скоро. Может быть, через год, через два, через десять лет, но обязательно увидятся. Потому что по-другому быть не может.

Утром микроавтобус волонтёров увозил Катю обратно - через блокпосты, через «серую зону», через линию фронта. Назад, в мирную жизнь. В Киев. В университет. В ту реаль-

ность, где не стреляют. Где не говорят слово «бах». Где люди сидят в кафе и пьют горячий шоколад.

Но что-то изменилось. Что-то важное. Что-то необратимое. Она уезжала другим человеком. С новым знанием. С новым пониманием. С новой любовью.

В её рюкзаке лежал блокнот, исписанный историями - десятки страниц, которые станут основой для репортажа, но ещё там лежало письмо от Алёши к родителям и её собственное письмо, она написала его ночью, перед отъездом, при свете керосиновой лампы. Короткое, всего на полстраницы, но в нём было самое главное.

«Мама, папа. Я была в Донецке. Я видела Алёшу. Он жив. Он здоров. Он воюет. У него прекрасная жена и чудесный сын. Я поняла, что мы - семья. Несмотря ни на что. Границы, политика, война - всё это временно. А семья - навсегда. Я вас люблю. Скоро приеду. Катя».

Микроавтобус катил по заснеженной трассе. За окнами проплывали поля, перелески, редкие деревни. Война оставалась позади, но Катя знала: она вернётся. Обязательно. Потому что Бондаренко всегда возвращаются.

Часть 12. Возвращение Кати

Киев, конец декабря 2014 года.

Микроавтобус «Фольксваген» добрался до Киева поздно вечером, когда город уже зажёг предпраздничные огни и на площадях засияли гирляндами новогодние ёлки. Всю обратную дорогу - долгую, тряскую, с неизбежными задержками

на блокпостах и нервным ожиданием в «серой зоне», где их снова могли обстрелять, Катя молчала. Она сидела у окна, прижимая к груди рюкзак с блокнотом и письмами - самым ценным грузом, который она когда-либо везла. За окнами проплывали те же заснеженные поля, те же редкие деревни, те же блокпосты, но теперь она смотрела на них другими глазами. Она видела не просто дорогу, не просто трассу Киев - Донецк. Она видела границу между мирами. Между войной и миром. Между жизнью и смертью. Между прошлым и будущим.

Она вспоминала лица. Алёша на ступеньках штаба, ещё не знающий, что сестра здесь. Лена, улыбающаяся своей тихой, усталой улыбкой. Андрейка, прижимающий к груди плюшевого медведя и говорящий «я в папу». Тётя Вера, хлопочущая у стола. Витька на блокпосту, с перевязанной рукой. Десятки, сотни лиц - шахтёры, врачи, учителя, старики, дети. Все они были частью того мира, который она только что открыла для себя. Мира, о котором в Киеве говорили с экранов телевизоров, но совсем, другими словами.

Она думала о том, что теперь у неё есть тайна. Не тайна в смысле секрета - а тайна в смысле знания. Она видела то, чего не видели её однокурсники. Она слышала то, чего не слышали её преподаватели. Она держала в руках правду - настоящую, живую, неотфильтрованную пропагандой и эта правда была не чёрно-белой, не «наши - хорошие, ваши - плохие». Она была сложной. Противоречивой. Человечной.

На складе волонтёров её встретили тепло, почти, как родную. Степан Петрович, несмотря на усталость - он тоже провёл за рулём почти сутки, нашёл силы пожать ей руку и спросить, как съездила, удалось ли собрать материал.

- Удалось, ответила Катя. - Больше, чем удалось.

Марина, которая тоже вернулась этим же рейсом - с хорошими новостями: мать получила инсулин и чувствовала себя значительно лучше, обняла Катю на прощание и сунула ей в руку мятый клочок бумаги с адресом и телефоном.

- Будешь в Луганске - заходи, сказала она просто. - Мама будет рада. Она теперь всем рассказывает, как ты мне помогла.

- Я же ничего не сделала, удивилась Катя.

- Сделала. Ты слушала. Это иногда важнее, чем помогать.

Катя кивнула, хотя не знала, попадёт ли когда-нибудь в Луганск, но сам этот жест - простое человеческое приглашение, готовность поделиться тем немногим, что есть, был важнее любых слов. Он означал, что она теперь часть этого мира. Не чужая. Своя.

Дома её ждала Оксана. Она не спала - сидела на кухне, обхватив ладонями чашку с давно остывшим чаем, и смотрела в одну точку. Телефон лежал рядом, она ждала звонка, но Катя не могла позвонить с дороги: связи не было, а заряжать телефон было негде. Увидев племянницу в дверях - живую, невредимую, чуть похудевшую, с обветренным лицом, но с горящими глазами, Оксана вскочила, бросилась к ней, обня-

ла так крепко, как не обнимала, наверное, никогда.

- Вернулась! Господи, вернулась! Я уже не знала, что думать! Три дня от тебя ни весточки!

- Вернулась, тётя Оксана. Всё хорошо. Я видела Алёшу. Я видела его жену и сына. Я передала им привет от тебя.

- Рассказывай. Всё рассказывай. Ничего не упускай.

И Катя рассказывала. Они просидели до самого утра, до рассвета, она говорила, Оксана слушала, плакала, смеялась, задавала бесконечные вопросы. Катя показывала фотографии на телефоне - те, что успела сделать, пока была в Донецке. Алёша в камуфляже, стоящий на фоне разрушенного здания. Лена в белом халате, у входа в госпиталь. Андрейка с плюшевым медведем, смеющийся в объектив. Тётя Вера на кухне, с кастрюлей в руках. Витька на блокпосту, показывающий здоровой рукой знак «V» - victory, победа.

Оксана смотрела на эти снимки, переводила взгляд с одного лица на другое и качала головой:

- Надо же. Совсем взрослый и сын у него и жена красавица. А я всё помню его мальчишкой., как они с тобой играли в Севастополе, на пляже., как ты за ним хвостиком бегала., как вы ссорились из-за игрушек, а потом мирились. Боже мой, как давно это было.

- Теперь мы не ссоримся, улыбнулась Катя. - Теперь мы - одна семья. Ещё крепче, чем раньше. Война нас только сплотила.

На следующий день, выспавшись и придя в себя, Катя по-

шла в университет. Первым делом - на кафедру журналистики, к профессору Дмитрию Ивановичу. Тот самый, похожий на Чехова, с бородкой клинышком и в круглых очках. Он был на месте, как всегда, в своём кабинете, заваленном книгами и рукописями, пахнущем табаком и старыми газетами.

Катя молча положила на стол черновик репортажа - двадцать пять страниц убористого текста, исписанных от руки. Она писала его по ночам, при свете керосиновой лампы, в комнатке у тёти Веры. Писала, пока Алёша дежурил на блокпосту, пока Лена спала после смены, пока Андрейка посапывал в своей кроватке и каждая страница была пропитана тем воздухом - морозным, пахнущим гарью и углём.

- Вот, сказала она просто, как обещала.

Профессор взял рукопись, начал читать прямо при ней. Он читал медленно, внимательно, как читают что-то очень важное - не студенческую работу, а документ эпохи. Иногда хмурился, натыкаясь на особенно страшные описания. Иногда кивал, встречая точную метафору или глубокую мысль. Иногда останавливался, протирал очки и перечитывал абзац заново.

Дочитав до конца, он снял очки, аккуратно положил их на стол и долго молчал. В кабинете было тихо - только старые часы на стене отмеряли секунды.

- Знаете, Екатерина Андреевна, сказал он наконец, и голос его звучал глухо, взволнованно, за тридцать лет преподавания я прочитал тысячи студенческих работ. Были талант-

ливые. Были бездарные. Были честные. Были конъюнктурные, но это... это самая сильная работа, которую мне доводилось читать за все эти годы. Не знаю, напечатают ли это где-нибудь. Может быть, нет. Сейчас такое время, что настоящая правда никому не нужна - ни с той стороны, ни с этой. Всем нужна пропаганда. Всем нужны лозунги, но вы написали правду. Настоящую. Без пропаганды, без лозунгов, без деления на «наших» и «ваших». Вы написали о людях. Просто о людях, которые живут, страдают, любят и умирают и это - высший пилотаж журналистики. Я горжусь, что вы моя студентка.

Катя вышла из кабинета с чувством, которое давно не испытывала, с чувством глубокого внутреннего удовлетворения. С чувством выполненного долга. Нет, не перед университетом. Не перед профессором. Перед братом. Перед теми людьми, чьи истории она записала в блокнот. Перед самой собой.

Вечером она позвонила родителям. Долго не решалась, ходила вокруг телефона, набирала номер и сбрасывала, снова набирала и снова сбрасывала. Она не знала, с чего начать., как сказать маме, что она только что вернулась из Донецка? Что видела Алёшу, живого и здорового? Что держала на руках Андрейку, своего племянника? Что пересекла линию фронта и провела неделю в осаждённом городе?

Она боялась, что мама рассердится. Что отец будет ругать. Что они скажут: «Ты с ума сошла, зачем ты рисковала жиз-

нью?!»

Но когда на том конце провода раздался мамин голос - усталый, немного встревоженный («Катюша, ты? Я уже три дня не могу до тебя дозвониться! Где ты была?»), слова нашлись сами собой.

- Мама, это я. Ты только не волнуйся, ладно? Я была в Донецке. У Алёши.

В трубке повисла такая глубокая тишина, что Катя испугалась - не прервалась ли связь.

- Мама? Ты здесь?

- Здесь, голос Анны был странным, сдавленным. - Катюша... Девочка моя... Ты была там? Сама? Через фронт?

- Сама. Через фронт. С волонтёрами. Я всё тебе расскажу, но сначала - главное. Алёша жив. Он здоров. Он воюет, но сейчас всё относительно тихо. У него всё хорошо. Лена работает в госпитале. Андрейка растёт, ему уже почти два года. Он вылитый дед Захар - папа бы увидел, точно бы прослезился. Алёша передаёт тебе письмо, я пришлю его завтра с курьером и я передаю тебе привет и ещё.., она набрала побольше воздуха, я тебя люблю. Очень. Прости меня за всё.

В трубке послышался всхлип. Потом ещё один. Анна плакала, но это не были слёзы горя. Это были слёзы облегчения. Слёзы матери, которая ждала этого звонка полтора года.

- Катюша... Девочка моя... Ты хоть понимаешь, что ты сделала? Ты перешла фронт. Ты увидела брата. Ты вернулась. Ты - чудо. Настоящее чудо.

- Я просто Бондаренко, улыбнулась Катя. - А Бондаренко всегда возвращаются.

Тут трубку взял Андрей - Катя услышала его голос, спокойный, сдержанный, с характерной хрипотцой:

- Молодец, дочка. Ты настоящая Бондаренко. Мы тобой гордимся. Рассказывай всё по порядку.

И она рассказывала. Они проговорили, наверное, часа три - мама, папа и Катя. Обо всём. О войне - той, которую она видела своими глазами. О людях - тех, с кем она познакомилась. О Лене и Андрейке. О тёте Вере. О Витьке. О том, как Алёша изменился и, как остался прежним. О том, что война это не только смерть, но и жизнь. Не только разрушение, но и любовь.

И Катя чувствовала, как лёд, который сковывал их отношения последние полтора года, тает окончательно. Не просто даёт трещину, как тогда, после писем Алёши, а превращается в воду. В живую, тёплую воду, которая течёт свободно, не зная преград.

За окнами шумел предновогодний Киев. Город готовился к празднику - на площадях стояли разукрашенные ёлки, витрины магазинов сверкали гирляндами, люди спешили с подарками, смеялись, обнимались. Всё было, как всегда и всё было по-другому. Потому что Катя теперь знала: в шестистах километрах к востоку, в разрушенном Донецке, её брат и его семья тоже готовятся к Новому году. Может быть, без гирлянд и фейерверков, но с тем же чувством надежды.

А в Донецке, знала Катя, сейчас ночь. Тишина - та особая, тревожная тишина, которая бывает перед обстрелом, но сегодня, кажется, тихо. Сегодня можно спать.

Она положила трубку, когда за окном уже начал брезжить ранний декабрьский рассвет. Глаза слипались, в горле першило от долгого разговора, но на душе было легко. Она вдруг поняла: она сделала всё, что хотела. Всё, ради чего ехала. Увидела брата. Обняла племянника. Поговорила с родителями. Написала репортаж. Собрала семью - пусть не за одним столом, а через телефонные провода, но всё же собрала.

Севастополь, 31 декабря 2014 года. Корабельная сторона.

Андрей Петрович Бондаренко стоял на балконе своей старой квартиры и смотрел на море. Балкон был крошечным, как все балконы в домах старой постройки на Корабельной стороне - вдвоём на нём было не развернуться, а втроём уже не поместиться, но отсюда открывался вид на всю Севастопольскую бухту: от Графской пристани, где белели колонны, до Константиновской батареи, чей тёмный силуэт угадывался на северном мысу. Он часто стоял здесь в трудные минуты - когда уходил в дальние походы, когда умерла мать, когда сын ушёл на войну и в радостные тоже - когда родился Алёша, когда вернулся Крым, когда позвонила Катя. Море было его собеседником, его исповедником, его свидетелем. Оно помнило его молодым лейтенантом, зрелым капитаном, седым отставником. Оно видело его слёзы и слышало его молитвы и ни разу не осудило.

Был тот особенный, тихий вечер, какой бывает только в последний день года - когда всё замирает в ожидании, когда даже чайки кричат тише, а ветер стихает, словно природа сама собирается с силами перед новым стартом. В воздухе пахло морозной свежестью - к ночи обещали минус пять, редкость для севастопольской зимы, и ещё водорослями, йодом, солью, тем вечным морским запахом, который Андрей впитывал с детства. С берега тянуло дымком из труб - на Корабельной стороне до сих пор топили печи углём, и этот запах напоминал ему детство: вот он, семилетний, бежит по Корабельному спуску, а из труб вьются дымки, и мать зовёт его домой ужинать. В бухте мигали сигнальные огни кораблей - красные, зелёные, белые, и их отражения дрожали в тёмной, маслянистой воде, создавая причудливый, постоянно меняющийся узор. Где-то внизу, на Корабельном спуске, слышны были голоса - соседи вышли на улицу, поздравляли друг друга с наступающим Новым годом, хлопали пробки шампанского, смеялись, запускали первых петарды. Город готовился к празднику. Город жил и впервые за долгое время этот праздник был настоящим - не вымученным, не формальным, а искренним, идущим из сердца. Потому что было что праздновать.

Андрей думал о том, что этот год - две тысячи четырнадцатый - был, наверное, самым трудным в его жизни и одновременно - самым важным. Самым переломным. Таким, о которых потом пишут в учебниках истории, но которые ред-

ко удаётся пережить лично. Ему удалось. Он был здесь. Он был частью этого.

Он вспомнил февраль - начало начал. Мастерскую, пропахшую дубом и лаком. Недочиненную бочку, которая стояла у стены. Тревожные новости по радио - «столкновения на Майдане», «кровь на Институтской». Он помнил, как отложил молоток и долго стоял у окна, глядя на бухту, и чувствовал: что-то надвигается. Что-то огромное. Что-то необратимое. Он ещё не знал, что именно, но уже чувствовал, как чувствуют приближение шторма старые моряки.

Потом была площадь Нахимова. Митинг. Тысячи людей с российскими флагами. Он стоял в толпе и плакал, не скрываясь, когда запели гимн - тот самый, который он помнил с детства, который пел на флоте, который, казалось, никогда больше не зазвучит над Севастополем. «Россия - священная наша держава...» И у него перехватывало горло, и слёзы текли по щекам, и он не мог произнести ни слова - только беззвучно шевелил губами.

Он вспомнил «вежливых людей» в порту. Серое утро, туман, силуэты грузовиков. Майора Кузнецова с его спокойными, всё понимающими глазами. «Служил? - Подводник. - Значит, порядок знаешь» и этот короткий диалог сказал ему больше, чем иные долгие разговоры: Россия пришла. Не на словах - на деле. Своих не бросают.

Референдум. Шестнадцатое марта. День, который он запомнил навсегда - в мельчайших подробностях., как они с

Анной шли на избирательный участок., как он взял бюллетень и, не читая второго вопроса, поставил галочку в первом квадрате., как Анна колебалась - он видел, как дрожала её рука, и всё-таки поставила галочку там же., как они вышли на улицу, и вся площадь пела гимн, и старухи плакали, и мужчины обнимались. Это было, как рождение заново., как возвращение домой после долгой, бесконечно долгой разлуки. Крым вернулся в Россию - он ждал этого двадцать три года и дождался. Двадцать три года - целая жизнь. Он уже и не надеялся. А потом - дождался.

Он вспомнил сына. Алёша. Его мальчик, который когда-то боялся воды и никак не хотел учиться плавать - кричал, цеплялся за отца, умолял не отпускать, а теперь не боится ничего. Ушёл в ополчение, когда всё только начиналось просто потому, что не мог иначе. «Так надо, батя», сказал он тогда по телефону, и в голосе его не было ни сомнения, ни страха. Только спокойная решимость и Андрей понял: не отговорить. Да и не нужно отговаривать. Потому что мужчина должен защищать свой дом. Свой язык. Свою землю. Своих детей.

Он вспомнил Славянск - первый бой, первую контузию, первое письмо из госпиталя: «Всё нормально, мам, просто уши заложило». Госпиталь, где его сын лежал с осколком в плече и писал письма сестре. Иловайск - ад, из которого он вышел живым, но где потерял Степана, дядю Мишу, десятки других, чьи имена он записывает в свой потрёпанный блок-

нот, чтобы не забыть и при всём этом Алёша остался человеком. Не ожесточился. Не сломался. Сохранил способность любить - жену, сына, родителей, сестру. Сохранил способность прощать - того пленного мальчишку из-под Житомира, который сидел у стены с поднятыми руками и ждал смерти, но не дождался. Андрей думал об этом и чувствовал гордость - ту особую, отцовскую гордость, которая не зависит от чинов и наград. Его сын стал мужчиной. Настоящим. Таким, о каких пишут книги.

Он вспомнил дочь. Катя. Его девочка, которая уехала в Киев - учиться, строить будущее, и чуть не потерялась там, в чужом мире, среди чужих идей, среди слов, которые она повторяла, не понимая их смысла. Сколько бессонных ночей они с Анной провели, думая о ней, глядя в потолок и не говоря ни слова, потому что слова были бессильны. Сколько раз он порывался поехать в Киев, найти её, схватить в охапку и увезти домой и каждый раз останавливал себя: «Она взрослая. Она должна сама. Если я приеду и заставлю, она возненавидит меня навсегда» и она смогла. Сама. Прошла через фронт - в буквальном смысле: через блокпосты, через «серую зону», через страх и неуверенность. Через гордость, которая мешала ей первой протянуть руку. Увидела брата. Обняла племянника. Вернулась. Позвонила. Сказала те самые слова, которые он ждал полтора года: «Я вас люблю». Это было самое дорогое, что он слышал в этом году. Дороже любых новостей. Дороже любых побед.

Он вспомнил внука. Андрейка. Маленький человек с серыми глазами - точь-в-точь, как у прадеда Захара, как у деда Андрея, как у отца Алёши. Фамильные глаза. Фамильное упрямство. Он только учится ходить и уже топает по комнате, хватаясь за стены и стулья. Он уже говорит «деда» и «баба» и когда Андрей услышал это по телефону, у него перехватило дыхание. Он уже знает слово «бах» и это разбивает сердце, потому что ребёнок не должен знать этого слова, но при этом он улыбается, смеётся, растёт. Жизнь продолжается. Наперекор всему и это - главная победа. Главное чудо.

Он вспомнил жену. Анна. Его Аня, с которой они прожили тридцать один год - целую вечность и один миг одновременно. Которая прошла через всё это - страх, отчаяние, молитву, слёзы, бессонные ночи, бесконечное ожидание у телефона, и не сломалась. Которая продолжает преподавать, хотя каждый день это бой: с равнодушием, с непониманием, с теми, кто хочет всё забыть и перечеркнуть. Которая строит свой спецкурс - «Русская и украинская литература: диалог культур» и верит, что слово может быть мостом. Которая печёт свои знаменитые яблочные пироги и ставит свечки в церкви, потому что верит: материнская молитва со дна моря достаёт. Которая молится за сына, за дочь, за внука, за него. За всех. За живых и за мёртвых. За своих и за чужих. Потому что для матери нет чужих детей.

Они выстояли. Все вместе. Все - Бондаренко.

Из кухни доносился запах пирогов - яблочных, с корицей,

тех самых, что Анна пекла когда-то на каждый Новый год, когда дети были ещё маленькими и вся семья собиралась за одним столом в этой самой квартире. Тогда стол был большим, а квартира - тесной, и все помещались с трудом, но это было счастье. В последние годы Анна не пекла - не было настроения, не было сил, не было повода. А теперь вдруг достала старую тетрадку с рецептами, перелистала пожелтевшие страницы, нашла тот самый рецепт, записанный ещё её мамой, и с самого утра хлопотала у плиты, просеивала муку, тёрла яблоки, месила тесто и в этом было что-то глубоко символическое - возвращение к традициям, к корням, к мирной жизни., как будто пирог был не просто пирогом, а обещанием. Обещанием, что всё будет хорошо. Что однажды они снова соберутся за этим столом - все вместе: она, Андрей, Алёша, Лена, Андрейка и Катя и это будет самый счастливый день.

- Андрей! - позвала Анна из комнаты, и голос её дрожал от волнения. иди сюда! Катя звонит!

Он зашёл в комнату, всё ещё пахнущую пирогами и ёлкой - в углу стояла небольшая искусственная ёлочка, которую Анна нарядила ещё в начале декабря, повесила старые игрушки, сохранившиеся с советских времён: стеклянные шары, шишки, сосульки, Деда Мороза с отбитым носом. Анна держала телефонную трубку обеими руками, словно боялась уронить, и по её лицу текли слёзы - светлые, радостные, совсем не такие, как те, что он видел в августе, когда она пла-

кала от страха за сына. Тогда слёзы были горькими, как полынь. Теперь - сладкими, как тот самый яблочный пирог.

, она из Киева. Хочет поздравить нас с Новым годом. Включи громкую связь, я хочу, чтобы ты тоже слышал. Чтобы мы оба слышали.

Андрей нажал кнопку, и комнату наполнил голос дочери - звонкий, счастливый, немного запыхавшийся, словно она только что забежала с мороза, из киевского декабря, где, наверное, тоже шёл снег и ветер нёс по Крещатику сухие листья.

- Папа, мама! С наступающим вас! С Новым годом!, как вы там? Не замёрзли? У вас, говорят, холодно?

- Хорошо, дочка, Андрей улыбнулся, и улыбка эта была широкой, открытой, совсем не похожей на те сдержанные полуулыбки, которые он позволял себе в последние месяцы. - У нас тепло. Мама пирогов напекла. Ты, как сама? Как Оксана? Как настроение?

- У меня всё отлично! Профессор Дмитрий Иванович похвалил мой репортаж. Сказал - лучшая студенческая работа за последние годы, и не только среди студентов. Представляете? Сказал, что это уровень профессионального военного корреспондента. Сказал, что я написала правду - настоящую, без пропаганды. Правда, он не знает, напечатают ли это где-нибудь сейчас - слишком честно, слишком неудобно для всех сторон и для украинских, и для российских, но это неважно. Главное - я его написала. Я сделала это. Я сдержала слово.

- Напечатают, уверенно сказал Андрей. - Если не сейчас, то потом. Когда-нибудь обязательно напечатают. Правда не горит в огне и не тонет в воде. Она ждёт своего часа и ты этого часа дождёшься. Я в тебя верю.

- Спасибо, пап. Мам, ты плачешь? Я слышу по голосу.

- От счастья, сказала Анна, вытирая слёзы краем фартука - того самого, с вышитыми васильками, который Катя помнила с детства. - От счастья, Катюша. Ты даже не представляешь, как я рада тебя слышать. Твой голос это лучший подарок на Новый год. Лучше любых подарков. Мы тут с папой, как раз тебя вспоминали. Сидели, пили чай с пирогом и говорили: как хорошо было бы собраться всем вместе. Ты, Алёша, Лена, Андрейка. Все за одним столом., как раньше., как в детстве.

- Соберёмся, сказала Катя, и в её голосе не было ни тени сомнения, ни капли неуверенности. Это был голос человека, который знает, чего хочет. - Обязательно соберёмся. Может, не в этом году. Может, не в следующем, но обязательно. Я Алёше звонила сегодня утром, поздравляла с Новым годом. У них тоже всё хорошо, насколько это возможно в их условиях. Тихо, обстрелов нет второй день это уже огромный праздник, Алёша говорит, что такого не было с ноября. Лена испекла печенье из того, что было. Андрейка носится по комнате, играет с плюшевым медведем. Алёша передаёт вам привет и Лена передаёт и Андрейка - он уже говорит «деда» и «баба». Алёша говорит - вылитый дед Захар, только без

усов, но усы ещё вырастут.

- Слышал? - Анна повернулась к мужу, и глаза её сияли так, как не сияли уже давно. - Говорит «деда»! Твой внук говорит «деда»! И «баба» это он меня так называет!

- Слышал, Андрей кивнул, чувствуя, как к горлу подкатывает предательский ком, а к глазам - непрошеные слёзы. - Хороший парень. Весь в нас. Весь в Бондаренко.

Они проговорили ещё полчаса, а может, и больше - время летело незаметно. Вспоминали смешные истории из прошлого., как Алёша в детстве разбил банку с малиновым вареньем и пытался склеить её обратно суперклеем, а потом сидел красный от стыда, когда мама обнаружила осколки., как Катя на спор переплыла бухту в двенадцать лет и потом неделю ходила с синими губами и температурой, но страшно гордилась собой., как они все вместе ездили в Балаклаву, и Алёша учил Катю не бояться медуз., как Андрей впервые взял сына на рыбалку, и тот поймал крошечного бычка, но рассказывал всем, что поймал акулу.

Они смеялись. Плакали, но это были хорошие слёзы. Слёзы очищения. Слёзы единства. Слёзы, которые смывают старые обиды и залечивают старые раны.

Потом Катя попрощалась - ей нужно было бежать: Ярина, её лучшая подруга, уже накрывала на стол в общежитии, и тётя Оксана ждала их в гостях, обещала свой фирменный торт «Киевский» с орехами и безе, но перед тем, как повесить трубку, она вдруг сказала - серьёзно, без улыбки, словно

проговаривая что-то очень важное, что долго носила в себе, с чем не спала ночами и что наконец созрело:

- Папа, мама. Я вас очень люблю и Алёшу люблю и Лену и Андрейку. Я жалею, что не говорила этого раньше. Жалею, что молчала так долго - почти полтора года. Мне было страшно. Мне было стыдно. Мне казалось, что, если я признаюсь в любви к вам, я предам Украину. Глупо, да? Сейчас это кажется таким глупым. Любовь к семье это не предательство. Это основа всего. Это то, на чём держится мир. Я поняла это только теперь. Когда увидела Алёшу. Когда обняла Андрейку. Когда проехала через эту страшную «серую зону» и поняла, что никакая политика, никакая идеология не стоит того, чтобы брат шёл на брата. Теперь я знаю: семья это мост. Через границы, через войну, через время. Мост, который нельзя разрушить. Можно расшатать, можно повредить, можно даже попытаться подорвать, но он всё равно выстоит. Потому что он держится не на бетоне и не на стали. Он держится на любви. А любовь это самый прочный материал. Вы меня научили этому. Своим примером. Своей жизнью. Своей верностью друг другу. Спасибо вам.

Когда разговор закончился и в трубке зазвучали короткие гудки, Андрей и Анна ещё долго сидели молча. Каждый думал о своём, но мысли их, как всегда, после тридцати одного года брака, текли в одном направлении, как две реки, сливающиеся в одну.

Потом Андрей встал, подошёл к окну и посмотрел на бух-

ту. Там, в темноте, на воде, мигали сигнальные огни - красные, зелёные, белые, и цепочка этих огней уходила куда-то вдаль, к выходу из бухты. Он знал, что где-то там, на востоке, начинается Керченский пролив - узкая полоска воды, отделяющая Крым от материковой России. Он слышал, что уже идут подготовительные работы, что инженеры бурят дно, берут пробы грунта, делают замеры. Он слышал, что скоро, совсем скоро начнут строить мост. Настоящий мост - не метафору, не фигуру речи, а реальную конструкцию из бетона и стали, которая наконец соединит два берега. Которая сделает Крым не островом, а полуостровом - частью большой земли.

Мост ещё не был построен. Только проект. Только чертежи. Только мечта, но он уже был - в сердцах людей. В их надеждах. В их вере. В их любви.

- Знаешь, сказал Андрей, не оборачиваясь, Катя права. Семья это мост и мы его строим. Всю жизнь. Клёпка за клёпкой. Обруч за обручем., как бочку. Медленно. Осторожно. С душой. Иногда кажется, что всё рассыплется, что одна неверная клёпка, один слабый обруч, и вся конструкция пойдёт прахом, но если не опускать руки, если продолжать работать, если верить - выстоит и пока мы вместе, пока мы любим друг друга - он выстоит. Что бы ни случилось. Какие бы ветры ни дули. Какие бы снаряды ни рвались. Какие бы границы ни проводили по живым сердцам.

Анна подошла сзади, обняла его за плечи, прижалась щекой к его спине - туда, где под старой фланелевой рубаш-

кой ровно и спокойно билось сердце. Он чувствовал тепло её рук, её дыхание, её любовь - ту самую, которая прошла через тридцать один год и не остыла. Так они стояли долго - двое немолодых людей, прошедших через холодную войну, развал великой страны, безденежье девяностых, унижение русского флота, возрождение Крыма, страх за сына, тоску по дочери, радость возвращения. Они стояли и смотрели на море, и море смотрело на них - вечное, спокойное, равнодушное к людским тревогам, но всё же - свидетель. Свидетель их жизни. Их любви. Их верности.

- С Новым годом, Андрей, тихо сказала Анна.

- С Новым годом, Аня. С две тысячи пятнадцатым.

За окном, над Севастопольской бухтой, взорвались первые фейерверки - красные, зелёные, золотые, серебряные. Они с шипением взлетали в небо, рассыпались на тысячи искр, отражались в тёмной воде, и на несколько мгновений весь мир становился ярким, праздничным, почти сказочным. Город праздновал. Город жил. Город верил в будущее.

И где-то далеко, за сотни километров отсюда, в разрушенном, но не сломленном Донецке, их сын стоял на балконе тёти-Вериной квартиры и смотрел на те же звёзды, что сияли над Севастополем. Рядом с ним стояла жена, прижимая к груди спящего сына - тот уснул, не дождавшись полуночи, с плюшевым медведем в одной руке и мандариновой долькой в другой и они тоже молчали и тоже смотрели в небо и тоже верили. Что однажды всё кончится. Что однажды они собе-

рутся все вместе. Что однажды мост будет построен и через Керченский пролив, и через их сердца.

И где-то в Киеве, на Оболони, в квартире, украшенной бумажными гирляндами, их дочь поднимала пластиковый стаканчик с шампанским - «За семью! За Бондаренко!» и Ярина, и Оксана, и ещё несколько друзей-студентов, собравшихся за скромным столом, подхватывали этот тост и Катя улыбалась - светло, открыто, счастливо, потому что она наконец поняла: она не одна. У неё есть семья и это навсегда.

Мост был построен. Не через Керченский пролив - не из бетона и стали, не на сваях и опорах. Через сердца. Через время. Через войну и он выстоит. Потому что построен он не по чертежам и не по госконтрактам. Потому что держится он не на инженерных расчётах. Потому что материал, из которого он сделан, не ржавеет, не гниёт, не поддаётся коррозии.

Имя этому материалу - любовь.

Так закончился 2014 год. Год, который изменил всё. Год, который расколол семью, но в итоге сделал её крепче, чем она была до войны. Год, который принёс смерть, но и научил ценить жизнь. Год страшных потерь и великих обретений. Год, который войдёт во все учебники истории, но для семьи Бондаренко навсегда останется годом, когда они поняли главное: они - семья. Несмотря ни на что и это - навсегда.

Часть 1. Перемирие

Донецк, февраль 2015 года.

Война не закончилась. Она просто затаилась, как зверь перед прыжком, как тяжёлая болезнь, загнанная антибиотиками вглубь, но не побеждённая - готовая в любой момент вернуться с новой силой. После Иловайского котла, после страшного августа, после сотен погибших с обеих сторон наступило затишье. То самое, о котором Дед говорил ещё в октябре, когда они сидели в блиндаже под Донецком и считали потери: «Затишье перед бурей, Бондарь. Помяни моё слово это ещё не конец. Это только начало. Самое страшное - впереди» и Алексей помнил эти слова и верил им.

В Минске политики подписывали соглашения. Они жали друг другу руки перед телекамерами, позировали для совместных фотографий, говорили красивые, правильные слова о мире - о долгожданном, выстраданном, необходимом. Журналисты со всего мира комментировали каждый пункт, эксперты обсуждали детали, дипломаты поздравляли друг друга с успехом. А на передовой в это время ополченцы считали патроны, рыли новые окопы, укрепляли блиндажи и ждали. Они не верили ни одному слову из того, что звучало в новостях. Слишком много было пролито крови за последний год. Слишком много друзей осталось в сырой донецкой земле. Слишком многое ещё предстояло потерять, чтобы поверить в красивые слова.

Слишком часто они уже слышали эти слова - «перемирие», «отвод войск», «мирное урегулирование». Слишком часто эти слова оборачивались новой кровью. Слишком хо-

рошо они помнили «минские договорённости» сентября - когда соглашение о прекращении огня было нарушено в тот же день. Когда обе стороны обвиняли друг друга в провокациях. Когда санитарные машины везли раненых, а политики улыбались в телекамеры и говорили: «Процесс идёт». Да, процесс шёл. Шёл к очередному котлу, к очередным смертям, к очередным похоронкам.

Алексей Бондаренко сидел в блиндаже под Донецком, в том самом, который за эти месяцы стал почти домом - с нарами, с буржуйкой, с потрескавшейся от времени гитарой, которую кто-то нашёл в разрушенном доме и притащил сюда. Он держал в руках старое, потрёпанное письмо от сестры - то самое, декабрьское, которое Катя оставила ему перед отъездом, сунув под подушку, чтобы он нашёл утром. Он перечитывал его, наверное, в двадцатый раз, а может, и в тридцатый - он сбился со счёта. Он давно знал каждое слово наизусть, каждую запятую, каждую помарку, но ему нужно было видеть её почерк - неровный, торопливый, с характерным наклоном вправо, с петельками над «й» и длинными хвостиками у «р». Ему нужно было держать в руках эту бумагу, которая пахла Киевом. Миром. Нормальной жизнью. Кофе и книгами. Аудиториями и спорами. Всем тем, что было так далеко отсюда.

«Алёша, я уезжаю завтра утром. Не хочу будить тебя - ты так редко спишь, а завтра тебе снова на позиции. Просто знай: эти семь дней были лучшими в моей жизни за по-

следние полтора года. Лучшими. Я увидела тебя - живого, настоящего, такого же, как в детстве, только с сединой на висках и шрамом на скуле. Я обняла Андрейку - твоего сына, моего племянника, маленького человека с нашими фамильными глазами. Я познакомилась с Леной и теперь понимаю, почему ты её полюбил. Она особенная. Береги её. Я поняла за эти семь дней главное: семья это не место на карте. Не страна. Не язык. Семья это люди и пока мы любим друг друга - мы вместе. Где бы мы ни были. Хоть в Киеве, хоть в Донецке, хоть на краю света. Я буду писать. Каждую неделю. Обещаю. Слово Бондаренко.

Твоя сестра Катя.

P.S. Андрейке понравился медведь. Он назвал его Миша. Спит с ним в обнимку».

Алексей бережно, словно святыню, сложил письмо и убрал в нагрудный карман - туда, где уже лежали другие письма, целая пачка, перетянутая аптечной резинкой. Письмо от матери - ноябрьское, на трёх листах, с рассказом о новом спецкурсе и о том, как она скучает. Письмо от отца - короткое, на одной странице, но каждое слово в нём было на вес золота: «Держись, сынок. Мы тобой гордимся. Мастерская работает, бочка готова, ждёт своего часа». Письма от Лены, она иногда писала ему записочки, когда он уходил в рейды, хотя они жили в одном городе, в одной комнате у тёти Веры. «Я тебя жду. Возвращайся. Я тебя люблю». Простые слова, но они держали его на плаву.

Эта пачка писем была его талисманом. Его бронёй - не той, что из кевлара, а той, что защищает душу. Его напоминанием о том, ради чего он воюет. Ради кого. Ради этой женщины, которая ждёт его в тёплой комнате. Ради этого ребёнка, который говорит «папа, там бах». Ради этих стариков в Севастополе, которые молятся за него каждый вечер. Ради этой девушки в Киеве, которая прошла через фронт, чтобы обнять брата.

- Бондарь! - в блиндаж заглянул Витька, и его голос вывел Алексея из задумчивости. Витька был в своей обычной кепке-афганке, из-под которой торчали светлые вихры, и в расстёгнутом бушлате, несмотря на февральский холод. Он всегда ходил расстёгнутым - говорил, что ему жарко. Может, от молодости. Может, от того внутреннего огня, который ещё не погасила война. - Там это... делегация из Минска приехала. Ну, не сама делегация, а новости от них. Гуманитарщики привезли. Говорят, перемирие подписали. Настоящее. Командиры велели всем собраться у штаба, сейчас будут зачитывать. Второй Минск, чтоб его.

- Перемирие? - Алексей недоверчиво хмыкнул. - Которое по счёту? Третье? Четвёртое? Я уже сбился. В сентябре было перемирие, в октябре было перемирие, в декабре было перемирие. Ни одного не соблюли. Ни одного дня не прошло без обстрелов.

- Говорят, это другое, Витька пожал плечами, и в его голосе слышалось сомнение. - С отводом тяжёлых вооружений. С

обменом пленными по формуле «всех на всех». С конституционной реформой. Всё серьёзно, говорят. Президенты лично подписали. Четыре стороны. ОБСЕ гарантирует.

- Ну-ну, только и сказал Алексей. - Президенты подписывали, а отдуваться нам., как обычно.

Он выбрался из блиндажа - сырого, полуподземного, пропахшего табаком и оружейной смазкой, на свет божий. Над Донецком висело низкое, тяжёлое, свинцовое небо такое же, каким оно было в декабре, в январе, и, наверное, будет в марте. Пахло сыростью, талым снегом, углём из печных труб и всё той же гарью, которая не выветривалась уже полгода запахом пожарищ, запахом войны, который въелся в каждый камень, в каждое дерево, в каждую душу.

На площади перед штабом - бывшей областной администрацией с заложенными мешками окнами, собралось человек пятьдесят. Ополченцы в разномастном камуфляже, командиры с картами и планшетами, несколько журналистов с камерами на штативах. Дед стоял в первом ряду, хмурый и сосредоточенный, как всегда, перед важными новостями. Его седые усы были покрыты инеем от дыхания, руки засунуты глубоко в карманы бушлата. Увидев Алексея, он молча кивнул.

- Слыхал, Дед? - спросил Алексей, подходя ближе.

- Слыхал. Перемирие. Второе минское. Или третье - я уже со счёту сбился.

- Не веришь?

- А ты?

- Не верю.

и правильно, Дед сплюнул в снег, но слушай. Иногда полезно знать, что они там, наверху, придумали. Чтобы понимать, чего ждать.

На импровизированную трибуну - старый деревянный ящик из-под снарядов, поднялся командир. Немолодой, седой, с усталым, изрезанным морщинами лицом человека, который слишком много видел и слишком мало спал. Звали его полковник Коваленко, он был из кадровых военных, ещё советской закалки, и пользовался уважением - не за звания, а за то, что никогда не прятался за спины подчинённых. Он развернул лист бумаги - распечатку с факса, прокашлялся и начал читать.

Голос его звучал ровно, без эмоций, как и полагается при зачитывании официальных документов, но в этом ровном голосе слышалась усталость та самая, которая накопилась за год войны и уже не проходила.

- «Комплекс мер по выполнению Минских соглашений... Немедленное и всеобъемлющее прекращение огня в отдельных районах Донецкой и Луганской областей Украины и его строгое выполнение начиная с 00 часов 00 минут по киевскому времени 15 февраля 2015 года... Отвод всех тяжёлых вооружений обеими сторонами на равные расстояния в целях создания зоны безопасности...»

Ополченцы слушали молча. Кто-то машинально крутил в

руках сигарету. Кто-то чертил носком берца узоры на снегу. Кто-то переглядывался с товарищами без слов, одними глазами. Эти люди слишком много видели, чтобы верить бумагам.

- «...Обмен пленными по формуле "всех на всех"... Обеспечение безопасного доступа, доставки и хранения гуманитарной помощи... Восстановление социально-экономических связей... Проведение конституционной реформы на Украине... Особый статус отдельных районов Донецкой и Луганской областей...»

Когда чтение закончилось, над площадью повисла тишина. Такая глубокая, что слышно было, как ветер шуршит снегом по асфальту и, как каркает ворона на обгоревшем дереве у дороги. Никто не аплодировал. Никто не кричал «ура». Никто не радовался.

- и что это значит? - спросил наконец Витька, нарушая молчание. Он задал тот вопрос, который, наверное, вертелся на языке у каждого.

это значит, что политики договорились, ответил Дед, не поворачивая головы. - А нам от этого ни холодно, ни жарко. Война, как была, так и будет. Может, чуть тише станет - тяжёлую артиллерию отведут. Может, без танков и «Градов» обойдёмся какое-то время, но снайперы останутся их никто не отводит. Диверсанты останутся - они вообще ничьих соглашений не читают. Провокаторы останутся им перемирие, как кость в горле и кровь останется. Кровь никуда не денет-

ся. Потому что пока мы тут стоим и слушаем про «особый статус», где-то там, на передке, кто-то уже нажимает на спусковой крючок.

Алексей ничего не сказал. Он стоял, засунув руки в карманы, и смотрел на серое, безнадёжное небо. Он думал о том, что где-то там, в Киеве, Катя, наверное, смотрит сейчас новости и видит те же кадры: стол переговоров, флаги, президенты, рукопожатия. Те же лица. Те же слова. И, может быть, тоже не верит. А может быть, верит, она ведь в Киеве, не здесь. Она не видела того, что видел он. Не слышала того, что слышал он. Может быть, ей хочется верить, что война закончилась. Может быть, она уже мечтает о том, как они снова соберутся все вместе.

Вечером, когда стемнело и над городом повисла та особенная, тревожная тишина, которая бывает после больших новостей, он сидел в блиндаже при свете керосиновой лампы и писал письмо. Короткое - всего на полстраницы, но каждое слово в нём было правдой.

«Катя, привет.

У нас тут подписали перемирие. Второе минское. Говорят, всё серьёзно - с отводом войск, с обменом пленными, с конституционной реформой. Газеты пишут: "Мир на Донбассе". По телевизору показывают улыбающихся политиков. Я смотрел на всё это и думал: а ведь мы это уже видели. В сентябре. Потом в октябре. Потом в декабре и каждый раз одно и то же - подписи, рукопожатия, обещания, а

через день снова стрельба. Я не верю, Катя. Не могу верить. Слишком много друзей погибло, чтобы я верил словам, но если это правда, если хотя бы на время станет тише, может быть, мы увидимся раньше, чем я думал. Может быть, даже получится приехать к родителям. Не знаю. Война научила меня не загадывать. Ничего не планировать. Жить сегодняшним днём, но я хочу, чтобы ты знала: я жив. Я держусь. Я тебя люблю и где бы ты ни была, у тебя есть брат.

Твой Алёша.

P.S., как твой репортаж? Его напечатали? Напиши, мне важно знать».

Он запечатал конверт и передал его волонтёру, который завтра утром отправлялся в Россию, а оттуда, кружным путём, письмо должно было попасть в Киев. Месяц, не меньше, но это было неважно. Важно было то, что он написал. Что он протянул ниточку через фронт. Что мост продолжал стоять.

Часть 2. Киев. Новости

Киев, февраль 2015 года. Оболонь.

Катя сидела на кухне тётиной квартиры и смотрела новости по старенькому телевизору «Samsung», который Оксана купила ещё в докризисные времена - кажется, в 2011-м, когда всё было спокойно, и никто не думал о войне. Телевизор иногда барахлил, показывал с помехами, но сегодня работал исправно, словно понимая важность момента. На экране мелькали кадры из Минска из того самого Дворца независи-

мости, где проходили переговоры: большой овальный стол, флаги четырёх сторон Украины, России и непризнанных республик, политики в строгих тёмных костюмах и при галстуках, рукопожатия перед объективами, вспышки фотокамер, серьёзные, сосредоточенные лица.

Диктор бодрым, почти торжественным голосом рассказывал о «Комплексе мер по выполнению Минских соглашений» - о «немедленном и всеобъемлющем прекращении огня с 00 часов 00 минут 15 февраля», об «отводе тяжёлых вооружений на равные расстояния», об «обмене пленными по формуле "всех на всех"», об «обеспечении гуманитарного доступа», о «восстановлении социально-экономических связей», о «конституционной реформе» и «особом статусе отдельных районов». Все эти слова звучали так официально, так весомо, так обнадёживающе., как будто мир уже наступил., как будто завтра всё станет по-прежнему.

Но Катя не верила.

Она сидела, поджав ноги, в старом вязаном свитере и с чашкой давно остывшего чая, и смотрела на экран, и чувствовала внутри странную, щемящую пустоту. Она прошла через фронт. Она видела войну своими глазами - не в телевизоре, не в репортажах, а вживую. Она держала в руках правду - ту самую, которую не показывают в новостях. Она разговаривала с людьми, которые теряли близких. Она видела разрушенные дома и сгоревшие танки. Она слышала слово «бах» из уст своего двухлетнего племянника и она зна-

ла: слова политиков и реальность это две разные вещи. Две параллельные вселенные, которые почти не соприкасаются. Разве что в телевизионной картинке.

- Опять смотришь? - в кухню вошла Оксана с чашкой кофе. Она была в домашнем халате и тапочках, волосы собраны в небрежный пучок. По выходным она позволяла себе расслабиться война войной, а отдых отдыхом. - Ты же это уже третий раз за день смотришь. Новости не меняются от количества просмотров.

- Не могу оторваться, призналась Катя, не отводя глаз от экрана. - Вроде бы хорошие новости. Мир. Перемирие. Все эти слова - «отвод войск», «обмен пленными», «особый статус». А у меня внутри что-то не складывается., как будто всё это неправда., как будто нам рассказывают сказку, а мы делаем вид, что верим.

- Потому что ты была там, Оксана села рядом, поставила кофе на стол. - Ты видела то, чего не видят политики в Минске. Ты держала в руках правду. Не ту правду, которую пишут в газетах, а настоящую - живую, страшную, человеческую. А правда, Катя, она редко совпадает с тем, что говорят по телевизору. По обе стороны фронта.

Но ведь хочется верить, тихо сказала Катя. - Хочется верить, что Алёша теперь будет в безопасности. Что обстрелы прекратятся. Что люди перестанут гибнуть в окопах. Что Андрейка больше никогда не скажет «папа, там бах». Я так этого хочу, тётя Оксана. Ты даже не представляешь.

- Представляю, Оксана вздохнула и отпила кофе. - Я тоже хочу. Все хотят. Кроме тех, кто на этой войне наживается, но ты сама знаешь: Минские соглашения это бумага. Бумага, подписанная в Минске. А на передовой - автоматы, пулемёты, снайперские винтовки и пока они не замолчат, пока люди не перестанут стрелять друг в друга, никакая бумага не поможет. Ни первая минская, ни вторая, ни десятая.

Катя кивнула. Она знала это лучше многих - лучше тех, кто комментировал перемирие в телестудиях, лучше тех, кто писал о нём в газетах. Она знала это, потому что видела войну и потому что у неё там был брат.

Она вспомнила разговор с Алёшей - тот самый, в последний вечер перед отъездом, когда они сидели вдвоём в комнатке у тёти Веры, за окном падал декабрьский снег, а в буржуйке потрескивали дрова. Андрейка уже спал, Лена ушла в ночную смену в госпиталь, и они остались вдвоём - брат и сестра, первый раз за полтора года.

«Ты веришь в перемирие?» - спросила она тогда, глядя на огонь.

«Нет, ответил он, и в его голосе не было ни злости, ни горечи, только усталость. - Перемирие это когда никто не стреляет. А у нас стреляют каждый день. Может, не так густо, как в августе, когда Иловайск брали, но стреляют. Снайперы работают, диверсанты, провокаторы и будут стрелять. Потому что война это не только оружие. Это ещё и ненависть. А ненависть за пару месяцев не проходит. Она за год не про-

ходит. Может, за десять лет пройдёт. А может, и за сто не пройдёт. Кто знает».

Теперь, глядя на экран, она думала: может быть, Алёша был прав. Может быть, Минские соглашения это просто передышка. Передышка перед новой бурей. Перед новым котлом может быть, под Дебальцево, о котором уже ходили тревожные слухи. Перед новыми смертями. Перед новыми именами в списках погибших.

Она встала, подошла к окну. За стеклом шумел февральский Киев мокрый, серый, пасмурный, но живой. Люди спешили по делам, кутаясь в шарфы и пальто. Машины гудели в пробках на Оболонском проспекте. Где-то вдалеке играла музыка из открытого кафе несмотря на холод, на войну, на всё. Мирная жизнь продолжалась. Киев жил своей обычной жизнью - работа, учёба, встречи, планы и в этом было что-то удивительное. Что-то, что давало надежду.

Но Катя знала: в шестистах километрах к востоку всё по-другому. Там холодные блиндажи и сырые окопы. Там люди с автоматами, которые не спят ночами. Там её брат, который читает её письма при свете керосиновой лампы и пока он там, она не может быть спокойна. Не может просто жить и делать вид, что ничего не происходит.

- Пойду пройдусь, сказала она, отворачиваясь от окна.

- Куда? Холодно же. Ветер с Днепра, пронизывает до костей.

- На Майдан. Хочу посмотреть, что там сейчас.

Она оделась - тёплые колготки, джинсы, свитер, куртка, шарф, шапка, и вышла на улицу. Февральский ветер действительно дул с Днепра, пробирая до костей, заставляя ёжиться и прятать лицо в воротник. Она дошла до метро, проехала несколько станций и вышла на Крещатике.

Майдан Незалежности встретил её тишиной. Той особенной, звенящей тишиной, которая бывает в местах, где пролилась кровь. Баррикад уже не было их разобрали ещё летом. Палатки, в которых жили протестующие, тоже исчезли. Остались только фотографии Небесной Сотни на стендах выцветшие, потрёпанные ветром и дождём, но всё ещё живые. Молодые лица. Мужские и женские. С улыбками и серьёзные. Студенты, преподаватели, рабочие, программисты, художники. Те, кто погиб год назад на этой самой площади.

Катя подошла к стенду и долго стояла, вглядываясь в эти лица. Она помнила их. Она видела их год назад - не на фотографиях, а вживую, когда стояла в толпе на Институтской. Когда падали люди. Когда кровь текла по брусчатке. Когда она, семнадцатилетняя, впервые поняла, что такое смерть.

Она достала из кармана маленькую восковую свечку, у неё всегда было с собой несколько, она носила их на всякий случай, зажгла, прикрывая огонёк ладонью от ветра, и поставила в ряд с другими. Десятки свечей уже горели здесь кто-то приходил сюда каждый день, несмотря ни на что.

Она поставила свечу не только за украинцев. За всех. За

тех, кто погиб с обеих сторон. Потому что смерть не разбирает национальностей. Потому что пуля не спрашивает, на каком языке ты говоришь. Потому что матери плачут одинаково и в Киеве, и в Донецке, и в Севастополе, и в Москве. Потому что война забирает лучших и с той, и с другой стороны.

Она постояла ещё немного, глядя на пламя свечи, которое дрожало на ветру, но не гасло. Думала об Алёше. О его жене Лене. О маленьком Андрейке. О родителях. О том, что Минские соглашения, может быть, и не принесут мира, но хотя бы дадут передышку. Хотя бы на время. Хотя бы для того, чтобы написать ещё одно письмо.

И где-то там, в далёком Донецке, её брат, наверное, тоже стоял сейчас у огня у буржуйки, которая грела их блиндаж, и тоже думал о погибших и тоже ждал ответа на своё письмо и тоже надеялся. Потому что без надежды на войне нельзя. Без надежды - смерть.

Она развернулась и пошла обратно к метро, к Оболони, к тёте Оксане. Февральский ветер дул в спину, подгоняя. Над Киевом сгущались сумерки, но где-то там, за тучами, уже угадывался свет. Может быть, весна. Может быть, мир. Может быть, просто ещё один день, который нужно прожить.

Мост стоял.

Часть 3. Дебальцево

Донецкая область, февраль 2015 года. Дебальцевский котёл.

Перемирие, подписанное в Минске лидерами четырёх сторон, должно было вступить в силу 15 февраля ровно в ноль часов ноль минут по киевскому времени. Газеты уже печатали заголовки о долгожданном мире, телеканалы готовили репортажи о прекращении огня, политики давали интервью, в которых говорили об «историческом прорыве» и «новой эре для Украины», но война не читает газет. Война не смотрит телевизор. Война живёт по своим, древним, как мир законам, и законы эти не меняются от подписей под дипломатическими документами.

Пока в Минске политики пожимали друг другу руки и позировали для совместных фотографий на фоне флагов, пока эксперты обсуждали детали соглашения, а журналисты со всего мира комментировали каждый пункт, под Дебальцево - стратегически важным железнодорожным узлом, соединявшим Донецк и Луганск, разворачивалось одно из самых ожесточённых сражений всей зимней кампании и те, кто участвовал в этом сражении, понятия не имели ни о каких перемириях. Они знали только одно: нужно выжить. Нужно победить. Нужно успеть до того, как часы пробьют полночь.

Алексей Бондаренко лежал в неглубоком, наспех отрытом окопе на южных подступах к городу и смотрел, как над заснеженными холмами поднимаются столбы чёрного, маслянистого дыма. Артиллерия работала с обеих сторон глухо, методично, с ритмичностью огромного метронома, который отсчитывал последние часы человеческих жизней. Зем-

ля вздрагивала от близких разрывов, и с бруствера осыпалась замёрзшая земля, смешанная со снегом. Воздух был пропитан гарью, пороховой вонью и чем-то сладковатым, приторным - тем самым запахом, который Алексей уже хорошо знал и от которого каждый раз переворачивало внутри. Запахом смерти. Запахом войны, который не выветривается ни за месяц, ни за год, ни за десять лет.

Рядом, привалившись спиной к обледенелой стенке окопа, сидел Витька. Он был без каски - потерял где-то при утреннем обстреле, и его светлые волосы припорошило снегом. Лицо у него было серое от усталости, под глазами залегли глубокие, почти чёрные тени, но он держался. Всегда держался. За эти месяцы он изменился до неузнаваемости. От того мальчишки, который плакал после первого боя под Славянском, не осталось и следа. Теперь это был закалённый, опытный боец, на счету которого были десятки успешных операций, но в глазах его всё ещё теплилось что-то человеческое. Что-то, что не смогла убить даже эта война.

По другую сторону окопа, за пулемётом «ПКМ», расположился Дед. Он был спокоен, как всегда, перед боем или после боя, Алексей уже не различал. Старый афганец обладал удивительной способностью сохранять невозмутимость в любой ситуации. Он мог шутить под обстрелом, мог спать под грохот канонады, мог есть, когда другие не могли проглотить ни куска. За этот год войны он стал для Алексея чем-то большим, чем просто командир. Наставником. Отцом -

вторым, после Андрея Петровича. Совестью. Той самой совестью, которая не позволяет превратиться в зверя даже тогда, когда всё вокруг толкает к этому.

- Ну что, Бондарь, дождались перемирия? - Дед горько усмехнулся в седые усы, не отрываясь от наблюдения за позициями. - Пятнадцатое февраля. Ноль часов ноль минут. Исторический момент, мать его. А мы тут который день воюем, как будто никакого Минска и не было., как будто все эти соглашения - просто бумага.

это не перемирие, Дед, ответил Алексей, поправляя запотевший бинокль. это попытка взять Дебальцево до того, как оно официально вступит в силу. Пока часы не пробили - можно воевать. А, как пробьют - всё, руки связаны. Вот они и спешат и мы спешим. Все спешат успеть до полуночи. Успеть отвоевать ещё кусок земли, который потом назовут «линией разграничения».

- Политика, Дед сплюнул в снег и покачал головой. - Грязное дело. Я за свою жизнь столько этих перемирий перевидал, что уже со счёту сбился. В Афгане тоже были перемирия. Временные. Локальные. На время, пока моджахеды не перегруппируются. А потом - снова бой. Снова смерть. Снова матери плачут и здесь то же самое. Меняются только декорации.

Но без неё никак, Алексей пожал плечами. - Без политики. Без переговоров. Без этих бумаг. Если бы не политика, мы бы до сих пор с охотничьими ружьями против танков во-

евали. А так хоть какая-то надежда.

- Знаю, но от этого не легче. От мысли, что там, в Минске, сидят люди в дорогих костюмах и решают нашу судьбу, а мы тут мёрзнем и умираем - легче не становится. Никому.

Бой продолжался весь день и всю ночь. Украинские части, окружённые в Дебальцевском выступе, отчаянно сопротивлялись. Они понимали: если город падёт, это будет второй Иловайск. Может быть, ещё страшнее - потому что в Дебальцево сил было больше, техники больше, потерь ожидалось больше. Ополченцы наступали с трёх сторон одновременно, планомерно сжимая кольцо окружения. Танки Т-64, доставшиеся от советской армии, утюжили позиции. «Грады» накрывали квадраты. Миномёты били по перекрёсткам и перекрёсткам всё было брошено в бой, всё, что стреляло и взрывалось.

Алексей со своей группой продвигался вдоль железнодорожной насыпи той самой, которую они штурмовали в августе под Иловайском. Война любила такие совпадения. Те же разбитые пути, те же обгоревшие остовы товарных вагонов, тот же запах гари и мазута, пропитавший всё вокруг. Только теперь снег. Много снега. Белого, чистого, искрящегося на солнце. Он лежал повсюду на крышах разрушенных домов, на сгоревших танках, на воронках от снарядов и этот снег так странно, так дико смотрелся на фоне чёрных развалин, что казался декорацией., как будто кто-то взял и присыпал войну сахарной пудрой., как будто пытался скрыть её уродство.

Впереди, у кирпичной водонапорной башни, засели украинские пулемётчики. Они оборудовали там отличную огневую точку - с башни просматривался весь сектор, и они били длинными, методичными очередями, не давая ополченцам поднять головы. Несколько попыток подавить их из гранатомёта провалились - гранаты ложились мимо, а пулемёт продолжал работать.

- Витька! - крикнул Алексей, перекрикивая грохот. - Обходи справа, вдоль насыпи! Дед, прикрой с левого фланга, не давай им высунуться! Я пойду прямо, отвлеку на себя.

- Понял, Бондарь! - Витька рванул вправо, пригибаясь, скользя по обледенелой, покрытой снегом земле.

Они двинулись вперёд. Пули свистели над головой, выбивали фонтанчики снега и мёрзлой земли, рикошетили от рельсов с противным визгом. Алексей бежал короткими перебежками, падал, поднимался, снова падал, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Где-то справа Витька, подобравшись почти вплотную к башне, метнул гранату. Бросок был точным - граната влетела прямо в окно второго этажа. Раздался глухой взрыв, из окна вырвалось облако пыли и дыма, пулемёт захлебнулся и замолчал.

- Вперёд! - скомандовал Алексей, поднимаясь в полный рост. - Все за мной!

Они ворвались в башню через выбитую дверь. Внутри было темно, пахло кирпичной пылью, сгоревшим тротилом и ещё чем-то - кровью. Там, среди битого кирпича, обвалив-

шейся штукатурки и стреляных гильз, усыпавших пол, как осенние листья, лежали трое украинских солдат. Один был мёртв осколок гранаты попал ему прямо в голову, и он лежал на спине, раскинув руки, глядя в пробитый потолок невидящими глазами. Двое были ранены. Один, пожилой мужчина с седыми висками, стонал, зажимая рукой рану на животе из-под пальцев текла тёмная, почти чёрная кровь. Второй - молодой парень, почти мальчик, с наспех перевязанной головой - поднял руки, увидев ворвавшихся ополченцев.

- Не стреляйте, сказал он по-русски, с лёгким, едва уловимым украинским акцентом, который выдают мягкие «г» и певучие гласные. - Я сдаюсь. У меня оружия нет. Только бинты.

Алексей опустил автомат. Подошёл ближе, всё ещё держа палец на спусковом крючке - привычка, выработанная за год войны. Парень был его ровесником - лет двадцать пять, не больше. Серые глаза, как у него самого. Русые волосы, выбившиеся из-под грязной, пропитанной кровью повязки. На гимнастёрке - пятна крови, не своей: видимо, перевязывал товарища, который сейчас лежал на полу. Руки у него дрожали то ли от холода, то ли от страха, но в глазах не было ни ненависти, ни мольбы. Только усталость. Бесконечная, вселенская усталость, которая бывает у людей, слишком рано увидевших смерть.

- Откуда? - спросил Алексей, опуская ствол.

из Киева. Вернее, из-под Киева. Бровары. Слыхал?

- Слыхал. У меня сестра в Киеве. На журналистку учится.

Парень усмехнулся - криво, горько.

- Может, даже знакомы. Киев большая деревня. А я вот тут. Мобилизовали в январе, сразу после Нового года. Я даже служить толком не успел - две недели учебки, показали, с какой стороны у автомата приклад, и сюда. В самое пекло.

- Знаешь, что сегодня перемирие? - спросил Алексей. Пятнадцатое февраля. Ноль часов ноль минут. В Минске подписали. Прекращение огня, отвод войск, обмен пленными. Всё, как положено.

- Знаю, парень снова усмехнулся, и в его усмешке было больше горечи, чем в иных слезах. - Только оно почему-то не работает, твоё перемирие. Нас тут второй день молотят из всего, что стреляет. Никто не вспомнил про Минск. Ни те, ни другие.

Алексей ничего не ответил. Да и что тут можно было ответить? Он дал знак санитарам, которые уже подоспели, и раненых унесли сначала седого, потом парня. Мёртвого накрыли плащ-палаткой и оставили лежать до похоронной команды. Потом он подошёл к окну и долго смотрел на горящий город. Дебальцево горело многоэтажки, частные дома, склады, станция. Всё было охвачено огнём. Чёрный дым поднимался к небу десятками столбов, и небо было серым, тяжёлым, безнадёжным.

Дебальцево пало через несколько дней. Украинские части, потеряв надежду на прорыв и деблокаду, выходили из

окружения мелкими группами, бросая технику, оружие, раненых. Потери с обеих сторон были огромны - по самым скромным оценкам, несколько тысяч убитыми и ранеными, но в официальных сводках это назвали «локальным нарушением режима прекращения огня». Политики в Минске продолжали улыбаться. Дипломаты продолжали обсуждать детали. А в донецких госпиталях продолжали умирать люди те, кого не успели довезти, те, кому не хватило крови для переливания, те, кто просто не выдержал.

Вечером, когда бои стихли и над разрушенным городом повисла та особенная, звенящая тишина, какая бывает только после больших сражений, Алексей сидел в захваченном блиндаже и писал письмо Кате. Блиндаж был чужим, украинским, с брошенными в спешке вещами фотографией какой-то девушки на стене, недопитой кружкой чая, солдатским молитвенником, но печка-буржуйка работала исправно, и это было главное.

«Катя, привет.

Мы взяли Дебальцево. Это было страшно. Страшнее Иловайска. Я видел такое, что не хочу описывать - тебе, наверное, лучше не знать, но я жив и Витька жив - опять отделался царапинами, его словно заговорили и Дед жив - он вообще бессмертный, по-моему. Это главное.

Перемирие? Да, формально оно вступило в силу. По телевизору показывают улыбающихся политиков, которые жмут друг другу руки и говорят о мире, но пока мы брали

Дебальцево, никто о перемирии не вспоминал. Ни мы, ни они. Слишком много было поставлено на карту. Слишком много крови уже пролилось, чтобы остановиться. Теперь, наверное, станет тише. Теперь, наверное, отведут тяжёлые вооружения, как обещали, но я не верю в тишину. Я верю только в то, что видел своими глазами. А мои глаза видели: война не кончилась. Она просто перешла в другую фазу. Менее громкую, но не менее страшную.

Ты спрашивала в прошлом письме про репортаж. Я очень рад, что твой профессор похвалил тебя. Я знал, что так будет. Ты всегда была талантливой. Даже в детстве, когда мы играли в журналистов, ты всегда придумывала самые интересные истории. Помнишь? Ты брала папин старый диктофон и ходила по квартире, брала интервью у всех - у меня, у мамы, у папы, у кота. А потом садилась и писала «статью» в тетрадку. Мама хранит эти тетрадки до сих пор. Я надеюсь, что твой репортаж напечатают, но даже если нет - ты сделала главное. Ты сказала правду. А правда, она, как мост. Её можно бомбить, её можно обстреливать, на неё можно вешать таблички «Осторожно, мины», но она всё равно стоит и будет стоять.

Береги себя, сестрёнка. Пиши мне. Каждое твоё письмо это глоток воздуха.

Твой брат Алёша.

P.S. Сегодня я встретил пленного из Киева. Из Броваров. Он сказал, что Киев - большая деревня. Может быть, ты

его даже знаешь. Мир тесен. Особенно на войне».

Он запечатал конверт. Передал волонтёру. Письмо ушло через фронт, через блокпосты, через границы. Мост продолжал стоять. Наперекор всему.

Часть 4. Севастополь. Весна 2015

Севастополь, март 2015 года.

Весна в Крым пришла рано, словно природа торопилась залечить раны, нанесённые долгим и тревожным годом. Уже в начале марта зацвели абрикосы в университетском сквере Симферополя, а здесь, в Севастополе, на склонах Корабельной стороны, проклюнулись первые крокусы нежные, сиреневые, пробивающиеся сквозь прошлогоднюю жухлую траву. Воздух стал тёплым, влажным, пахнущим морем, водорослями, солью и пробуждающейся землёй. Чайки кричали над бухтой с какой-то особенной, весенней энергией, словно радовались тому, что пережили ещё одну зиму.

Год назад в это время Севастополь жил в тревоге и ожидании. Референдум ещё только готовился, «вежливые люди» только начинали появляться на улицах, украинские части ещё сидели в казармах, блокированные, но не сдавшиеся. Каждый день мог принести что угодно провокацию, перестрелку, вторжение, войну. Анна не спала ночами, Андрей дежурил на блокпостах, Алёша только ушёл в ополчение, Катя только начала отдаляться. Это было время, когда будущее казалось зыбким и неопределённым, как утренний туман над бухтой.

Теперь всё было по-другому. Город жил мирной, почти забытой за эти годы жизнью. На Приморском бульваре гуляли пары - молодые, держащиеся за руки, и пожилые, чинно прогуливающиеся под руку. В бухте стояли российские корабли уже без всякой маскировки, с гордо поднятыми триколорами на корме и андреевскими флагами на гафелях. В кафе на набережной подавали крымское вино, чебуреки и свежую барабульку, только что выловленную рыбаками. Дети катались на самокатах, старики играли в шахматы в тени платанов, уличные музыканты играли на гитарах что-то из Цоя. Война была где-то далеко, за Перекопом, и здесь, в тылу, она ощущалась только через новости по телевизору, через сводки с фронта, через редкие, но такие драгоценные письма.

Андрей Петрович Бондаренко сидел в своей мастерской и работал. Мастерская была той самой, старой, ещё отцовской - с низким потолком, с почерневшими от времени балками, с инструментами, развешанными по стенам: молотки, стамески, рубанки, обручи разных размеров. В углу, под брезентом, хранился старый сундук с флотской формой Андрей не выбрасывал его, хотя Анна предлагала убрать на чердак. «Пусть лежит, говорил он. - Память».

Перед ним стояла новая бочка - большая, дубовая, литров на триста, для выдержки марочного вина. Заказ пришёл из Массандры - тамошние виноделы, прослышав о старом бондаре с Корабельной стороны, который делает «правильные»

бочки, не хуже французских, прислали ему партию отборных дубовых клёпок и попросили собрать. Андрей работал уже вторую неделю не спеша, с чувством, с толком, с расстановкой. Он вообще перестал спешить после того, что случилось за этот год. Война научила его ценить каждый момент. Раньше он мог торопиться, нервничать, подгонять себя теперь он знал, что время это единственное, что нельзя вернуть и его не стоит тратить на суету.

Каждая клёпка была аккуратно подогнана, каждый обруч набит ровно, с тем самым усилием, которое не даёт бочке рассохнуться, но и не перетягивает дерево. Андрей работал молча, иногда напевая под нос старую флотскую песню - «Севастопольский вальс» или «Вечер на рейде». В такие минуты он чувствовал себя почти счастливым. Почти - потому что полное счастье было невозможно, пока сын на фронте, а дочь в Киеве, но даже это «почти» было драгоценным.

Дверь скрипнула, впуская в мастерскую запах моря и цветущих абрикосов. Вошла Анна. Она была в своём обычном домашнем платье, поверх которого накинула старую вязаную кофту - в мастерской было прохладно, Андрей не любил включать обогреватель, говорил, что дерево не терпит перепадов температуры.

- Я так и думала, что ты здесь, сказала она, присаживаясь на старый деревянный табурет, который помнил ещё деда Захара. - Обед готов. Борщ. С фасолью, как ты любишь и чесночные пампушки.

- Сейчас иду, Андрей отложил молоток, вытер руки ветошью. - Только эту клёпку закончу. Она капризная - чуть перетянешь, треснет.

- Ты можешь не спешить? Вечно ты со своими бочками. Горишь на работе, как молодой.

- Бочка не терпит суеты, он усмехнулся, и усмешка эта была точь-в-точь, как у его деда. это ещё дед Захар говорил. Если поспешишь - обруч не сядет, как надо, и вся работа насмарку. Бочка, она, как жизнь. Её нужно собирать медленно, с душой.

Анна покачала головой, но ничего не сказала. Она знала эту его привычку - доводить всё до совершенства, не оставлять ни одного изъяна. За тридцать два года брака можно было привыкнуть к этому. Больше того, она полюбила в нём это качество. Оно было частью его. Частью того мужчины, за которого она когда-то вышла замуж.

- От Алёши письмо пришло, сказала она, и голос её дрогнул.

Андрей сразу отложил молоток и выпрямился. Письма от сына были для него важнее любых заказов, любых бочек, любых дел. Он вытер руки чистой тряпкой и повернулся к жене.

- Что пишет?

- Что жив. Что здоров. Что после Дебальцева стало немного тише - перемирие всё-таки работает, хоть и не так, как обещали, не идеально, но всё же. Пишет, что по ночам уже не стреляют, только снайперы иногда беспокоят. Что Лена по-

лучила медаль «За спасение погибавших» - её представили за то, что она вытащила из-под обстрела троих раненых. Андрей, ты представляешь? Наша невестка - героиня. Что Андрейка научился считать до пяти и теперь считает всё подряд: деревья за окном, пуговицы на папином кителе, звёзды на погонах и ещё - спрашивает про тебя. Про мастерскую. Про бочку.

- Про бочку? - Андрей усмехнулся, но в глазах его что-то блеснуло. - Всё-таки помнит. Значит, не зря я ему рассказывал.

- Конечно помнит. Он же твой сын. Бондаренко. А Бондаренко всё помнят.

Андрей кивнул, глядя на свою недоделанную бочку. Потом вдруг сказал - медленно, словно размышляя вслух:

- Знаешь, Аня, я иногда думаю: вот я делаю бочки. Это моя работа. Дед Захар делал бочки. Прадед Трофим делал бочки - он ещё в Полтаве начинал, до того, как в Крым перебраться. Мы бондари в третьем поколении и что я оставлю после себя? Бочки? Они, конечно, хорошие, дубовые, на совесть сделанные, но даже самая лучшая бочка через сто лет сгниет. Через двести - от неё и следа не останется. Дом? Его, может, снесут когда-нибудь, новый построят. Мастерскую? Её тоже не вечно хранить будут. А вот сына... - он помолчал. - Сына я оставлю и внука. Алёшу и Андрейку. Они - моя главная работа. Самая важная. Та, которую я делал всю жизнь, даже когда не осознавал этого.

Анна подошла, обняла его сзади, прижалась щекой к его плечу. От него пахло деревом, лаком и морем - вечный запах старого бондаря с Корабельной стороны.

- Ты философ, Андрей Петрович, сказала она тихо. - Тебе бы лекции читать, а не бочки делать.

это возраст, он снова усмехнулся, накрывая её руки своими. - В молодости мы воюем. В старости думаем. А в промежутке - делаем бочки. Так уж устроена жизнь. Три этапа. Я все три прошёл.

и пишем письма, добавила Анна.

и пишем письма, согласился он. - Письма это тоже мост. Через расстояния. Через время. Через войну. Когда-нибудь наши внуки прочитают эти письма и поймут, как мы жили. Что мы чувствовали. За что боролись.

Они ещё постояли так - двое немолодых людей, прошедших через многое и не сломавшихся. Потом Андрей аккуратно отложил инструменты, накрыл бочку брезентом, чтобы не пылилась, и они вместе вышли из мастерской.

Над Севастополем сияло яркое мартовское солнце, и море в бухте блестело в его лучах, как расплавленное серебро. У причала рыбаки разгружали улов - серебристая барабулька трепыхалась в сетях. Чайки с криками кружили над ними, выпрашивая подачку. На Корабельном спуске мальчишки играли в футбол потрёпанным мячом. Где-то звонили колокола - в соборе Петра и Павла шла служба.

Война была далеко. За сотни километров, но она была

здесь в каждом письме, которое приходило из Донецка. В каждой молитве, которую Анна шептала по вечерам перед иконой. В каждом ударе сердца, который отсчитывал дни до возвращения сына.

Они шли домой, держась за руки, как ходили тридцать два года и над ними сияло крымское солнце и море было спокойным и где-то там, на востоке, их сын, может быть, тоже смотрел на небо и видел те же облака. Потому что небо над Донбассом и над Крымом - одно и мост через него уже построен.

Часть 5. Катя и репортаж

Киев, апрель 2015 года. Институт журналистики.

Весна в Киеве была совсем не похожа на крымскую - более сдержанная, более осторожная, словно город всё ещё не мог поверить, что зима закончилась и можно расслабиться. Каштаны на бульваре Шевченко только-только начинали выпускать первые клейкие листочки, и в воздухе стоял тот особенный запах - смесь влажной земли, прошлогодней прелой листвы, бензиновых выхлопов и свежей выпечки из соседней булочной, который бывает только в больших городах ранней весной, но Катя не замечала ни каштанов, ни запахов. Она шла по длинному гулкому коридору института, прижимая к груди тонкую брошюру - вёрстку своего репортажа, который наконец-то, после долгих месяцев ожидания и споров, приняли к публикации.

Это была победа. Маленькая, скромная, но победа. Её

первая настоящая публикация. Её первый шаг в профессию.

Правда, публиковали его не в том виде, в каком она написала - не в том, в каком она везла его через линию фронта в своём рюкзаке, перечитывая каждую страницу при свете керосиновой лампы. Редактор студенческого журнала «Молодая журналистика» - немолодая уже женщина с усталым, испитым лицом, в очках с толстыми линзами и с вечной сигаретой в жёлтых от никотина пальцах, прочитав репортаж, долго молчала. Потом затушила сигарету в переполненной пепельнице и сказала:

- Сильно. Очень сильно, девочка. Уровень профессионального военного корреспондента. Я таких работ не читала со времён Чечни, но мы не можем напечатать всё. У нас есть определённые... ограничения.

И они вычеркнули несколько абзацев. Те самые, где Катя писала о том, как живут люди по ту сторону фронта. О том, что они такие же, как мы - так же варят картошку, так же укладывают детей спать, так же мечтают о мире. О том, что они не «сепаратисты» и не «террористы», а просто люди, оказавшиеся в эпицентре войны. О том, что они тоже ждут мира и надеются на лучшее.

- Пойми, сказала редактор, заметив, как у Кати задрожали губы. - Сейчас не время для такой правды. Слишком много ненависти с обеих сторон. Если мы напечатаем это, журнал закроют, а меня уволят. Может быть, потом. Когда всё закончится. Когда страсти улягутся. Когда люди будут готовы

услышать.

Катя тогда чуть не расплакалась прямо в редакции - в этом прокуренном кабинете, заваленном старыми вёрстками и пожелтевшими газетами, но сдержалась. Вышла в коридор, прислонилась спиной к холодной стене и долго стояла, глядя в одну точку на противоположной стене, где висел выцветший плакат с надписью «Журналист должен быть объективным». Ей казалось, что она предала тех людей. Предала тётю Веру, которая поила её чаем из оббитой кружки и рассказывала о погибшем сыне. Предала Марину, которая ехала с ней в одном микроавтобусе и везла инсулин умирающей матери. Предала того старика, который потерял обеих дочерей, но продолжал ухаживать за их могилами. Предала Алёшу. Предала Лену. Предала Андрейку с его плюшевым медведем и словом «бах».

Она достала телефон и набрала номер брата, но тут же сбросила - не знала, что сказать. «Прости, я не смогла рассказать твою историю полностью»? «Прости, я струсила»? «Прости, что я слабая»?

Но потом, поразмыслив, походив по коридору, выпив горький кофе из автомата, она поняла: даже в урезанном виде её репортаж был правдой. Неполной, обрезанной, адаптированной, но правдой. А правда, как говорил отец, не горит в огне и не тонет в воде. Она пробивается, как трава сквозь асфальт. Медленно, но, верно.

И вот теперь брошюра лежала у неё в руках - тоненькая,

всего шестнадцать страниц на дешёвой сероватой бумаге, но её собственная. Её первая публикация. Пахнущая типографской краской и новой жизнью. Она открыла страницу с началом репортажа и прочитала - медленно, словно пробуя каждое слово на вкус:

«Они живут в шестистах километрах от нас. Они так же пьют чай по утрам, так же тревожатся за детей, так же надеются на мир. Я видела их глаза. Я слышала их голоса и я знаю: эта война - не их выбор., как и не наш. Война, это то, что случается с людьми, когда политики не могут договориться и самые страшные раны она наносит не городам - города можно отстроить заново, а душам. Души заживают гораздо дольше».

Дальше шли фотографии те самые, которые она сделала в Донецке на старенький телефон, а потом распечатала в университетской лаборатории. Разрушенные дома, зияющие пустыми глазницами окон. Очереди за водой десятки людей с канистрами и вёдрами, стоящие на морозе. Дети, играющие среди развалин, они смеялись, и этот смех на фоне руин был самым страшным, что Катя когда-либо видела и одно большое фото, почти на всю страницу, Алёша в камуфляже, стоящий на фоне обгоревшего танка. Лица не видно - только тёмный силуэт на фоне заснеженного поля, но Катя знала, кто это и Алёша знал и этого было достаточно.

- Поздравляю! - в коридор влетела Ярина, сияющая, раскрасневшаяся, с букетом жёлтых тюльпанов в одной руке и

бутылкой дешёвого шампанского в другой. - Я прочитала! Я всё прочитала, от корки до корки! Это потрясающе! Даже то, что осталось после цензуры, потрясающе! Ты - настоящий журналист, Катя! Я всегда знала, что ты им станешь!

- Спасибо, Катя улыбнулась, принимая цветы. - Только это ещё не всё. Я не остановлюсь. Я хочу написать продолжение. О том, что было после. О Минских соглашениях. О том, как живут люди сейчас, когда перемирие вроде бы есть, а война на самом деле никуда не делась.

- Пиши, Ярина кивнула, и в её зелёных глазах зажегся тот самый огонёк, который появлялся всегда, когда она говорила о настоящей журналистике. - Я тебе помогу. Вместе пробьём эту стену. Вместе расскажем правду. А если нас не будут печатать будем публиковаться в интернете. Правда всё равно найдёт дорогу.

Они пошли по коридору, и Ярина взахлёб рассказывала о своих планах, она собиралась делать большой репортаж о волонтёрах, о тех самых людях, с которыми Катя ездила в Донецк. О Степане Петровиче, о Шофёре, о Марине. О тех, кто каждый день рискует жизнью, чтобы доставить лекарства и еду тем, кто оказался по ту сторону фронта.

А Катя думала о том, что её репортаж, это ещё один мост. Через пропасть непонимания. Через реку ненависти. Через стену отчуждения и пусть он пока тонкий и хрупкий, как паутинка, но он уже есть. Он уже соединяет берега и по нему уже можно пройти.

Вечером, сидя в своей комнате при свете настольной лампы, она написала Алёше - на том самом листке, который вырвала из блокнота:

«Алёша, привет!

Мой репортаж напечатали. Правда, многое вырезали сказали, слишком честно, слишком неудобно, люди пока не готовы, но даже то, что осталось, это правда. Неполная, но правда и я думаю, что это только начало. Первый шаг. Первый камень в основу моста.

Я буду писать дальше. О тебе. О Лене. Об Андрейке. О тёте Вере. О всех, кого я там видела и чьи истории записала в свой блокнот. Я обещала им, что расскажу их истории и я сдержу слово. Может быть, не сразу. Может быть, не в этом журнале, но я сдержу.

Ты спрашивал, помню ли я, как мы играли в журналистов. Помню. Папин старый диктофон, мамины вопросы, твои ответы. Я тогда была маленькой и думала, что журналистика, это просто игра. Теперь я знаю: это ответственность. Огромная. За каждое слово. За каждую историю. За каждую жизнь.

Спасибо тебе. За то, что ты есть. За то, что ты мой брат. За то, что ты показал мне ту, другую сторону войны - не из телевизора, а изнутри. Это изменило меня. Навсегда.

Береги себя. Пиши мне. Каждое твоё письмо, это глоток надежды.

Твоя сестра Катя.

P.S. Ярине понравился твой силуэт на фотографии. Она сказала: "У твоего брата очень мужественная спина". Я передаю тебе это, как комплимент».

Она запечатала письмо в конверт, надписала адрес полевой почты и отложила до утра. Завтра она отнесёт его волонтёрам, и письмо пойдёт через фронт, как ходили уже десятки писем до него. Мост работал. Мост стоял и будет стоять, пока есть те, кто пишет, и те, кто читает.

Часть 6. Письма через фронт

Донецк, май 2015 года.

Война не закончилась, но она изменилась стала другой, непохожей на ту, что гремела здесь летом и зимой. После Минских соглашений, после страшного Дебальцевского котла, после того, как тяжёлое вооружение было официально отведено от линии соприкосновения - танки, гаубицы, «Грады» спрятаны в тылах, наступила та самая «тишина», о которой так много говорили политики с экранов телевизоров, но тишина эта была обманчивой, призрачной, как мираж в степи. Стреляли по-прежнему из стрелкового оружия, из миномётов малого калибра, из снайперских винтовок, которые никто не отводил. Каждый день приносил новые потери - одну-две смерти, не больше, но эти смерти складывались в недели, недели в месяцы, и счёт шёл на сотни. Это была уже другая война позиционная, окопная, изматывающая. Война на истощение, в которой побеждает не тот, кто сильнее, а тот, у кого крепче нервы.

Алексей Бондаренко сидел в том же самом блиндаже под Донецком, который за эти месяцы стал почти родным. Блиндаж обжили, обустроили: стены обшили досками от разобранного сарая, пол застелили старым линолеумом, найденным в разрушенном доме, поставили две буржуйки одну для тепла, другую для готовки, и даже соорудили подобие душа из прохудившегося бака. На стене висела карта Донецкой области с нанесёнными позициями, фотография Лены с Андрейкой и старая, выцветшая открытка с видом Севастопольской бухты - её прислала Анна ещё в январе.

За окном - точнее, за замаскированным лазом, который заменял окно, зеленел май. Степь ожила после зимы, покрылась изумрудной травой, зацвела дикими тюльпанами и полынью. Птицы вернулись с юга и пели по утрам так громко, что иногда заглушали далёкую канонаду и этот контраст мирная, цветущая природа и война - был, пожалуй, самым невыносимым. Алексей иногда думал: лучше бы шёл дождь. Лучше бы было серо и мрачно так легче соответствовать тому, что происходит внутри.

Он сидел на своём обычном месте - на старом ящике из-под снарядов, заменявшем стул, и перебирал письма. Их накопилось уже больше двух десятков, целая стопка, которую он хранил в жестяной коробке из-под патронов калибра 7,62, специально освобождённой для этого. Коробка была тяжёлой, увесистой - не от металла, а от слов, которые в ней хранились. Письма от матери - длинные, на несколько страниц,

написанные аккуратным учительским почерком, с рассказами о новой программе, о студентах, о погоде в Севастополе. Письма от отца короткие, на одной странице, но каждое слово в них было, как гвоздь: «Держись, сынок. Мы тобой гордимся. Мастерская работает, бочка готова, ждёт своего часа. Возвращайся». Письма от Кати живые, эмоциональные, с помарками и восклицательными знаками. Письма от Лены она писала редко, но каждое её письмо он перечитывал помногу раз. «Я тебя жду. Андрейка спросил, когда папа придёт. Я сказала - скоро. Он сказал - хорошо, я подожду».

Каждое письмо было перечитано столько раз, что бумага на сгибах истерлась до дыр. Некоторые он знал наизусть от первого до последнего слова, но всё равно перечитывал. Это было его лекарство. Его связь с миром. Его напоминание о том, ради чего он здесь.

Сегодня пришло новое письмо - от Кати. Он сразу узнал её почерк на конверте: неровный, торопливый, с характерным наклоном вправо и длинными хвостиками у букв. Она писала о том, что её репортаж наконец-то напечатали - пусть и с купюрами, пусть и не в том виде, в каком она его задумала, но всё же напечатали. Писала о том, что профессор Дмитрий Иванович предложил ей тему для дипломной работы - «Освещение вооружённых конфликтов в современных СМИ: проблемы объективности и этики». Тема была сложной, почти невыполнимой в нынешних условиях, но Катя, судя по тону письма, была полна решимости. Писала о том,

что Ярина передаёт привет и что тётя Оксана спрашивает, не нужны ли ему тёплые носки «она готова связать хоть сто пар, только скажи».

Алексей читал и улыбался. Он представлял себе Катю её быстрые, порывистые движения, её серьёзный взгляд, когда она сосредоточена на важном, её привычку закусывать нижнюю губу, когда она пишет. Он скучал по ней. Скучал по всем - по матери с её вечным чаем и пирогами, по отцу с его молотком и бочками, по их старой квартире на Корабельной стороне, где прошло его детство, но он знал: пока война не кончится, не кончится по-настоящему, а не на бумаге, он не уедет. Не сможет. Не имеет права.

Рядом, на соседних нарах, сколоченных из поддонов и застеленных старыми матрацами, сидел Витька. Он держал в руках губную гармошку - ту самую, которую подобрал ещё под Славянском, в разрушенном доме, и с тех пор не расставался с ней. Гармошка была старенькая, поцарапанная, с полустёртой надписью «Made in GDR», но звучала чисто, пронзительно, трогая душу. Витька играл что-то медленное, задумчивое - не то «Тёмную ночь», не то «Журавлей», Алексей не мог точно определить. Мелодия плыла по блиндажу, смешиваясь с дымом буржуйки, и в ней было столько тоски, что у Алексея щемило сердце.

- Витька, позвал он, не отрываясь от письма.

- А? - тот перестал играть и повернулся. Лицо у него было задумчивое, отстранённое, словно он был ещё там, в мело-

дии.

- Ты когда-нибудь думаешь о том, что будет после войны?

Витька помолчал, вертя гармошку в пальцах. Потом сказал - медленно, словно пробуя слова на вкус:

- Думаю. Каждый день думаю. Понимаешь, раньше я не думал. Раньше я жил сегодняшним днём - бой, обстрел, снова бой. Не до мыслей было. А теперь, когда стало потише... Я хочу жениться. Хочу детей - двоих, мальчика и девочку. Хочу дом построить - не купить, а сам, своими руками, как мой дед строил. Хочу забыть всё это - запах гари, крики раненых, лица убитых. Хочу проснуться когда-нибудь утром и понять, что мне не нужно брать в руки автомат.

- Забыть не получится, сказал Алексей тихо, это останется с нами навсегда. Война, она, как осколок, который нельзя вытащить. Можно только научиться жить с ним.

- Ты научился?

- Учусь, Алексей пожал плечами. - Каждый день учусь. Иногда получается. Иногда нет, но я стараюсь. Ради Лены. Ради Андрейки. Ради родителей. Ради Кати. Если бы не они - не знаю, справился бы я или нет.

Они замолчали. Гармошка снова запела - теперь что-то более светлое, похожее на «Катюшу». Мелодия плыла над блиндажом, над окопами, над выжженной степью, и казалось, что сама земля поёт эту песню. Песню о любви. О надежде. О доме.

Алексей взял ручку - обычную шариковую, которую но-

сил в нагрудном кармане, и листок бумаги, вырванный из школьной тетради. Начал писать ответ Кате.

«Катя, привет!

Получил твоё письмо. Оно пришло, как раз вовремя - у нас тут третий день дожди, сидим в блиндаже, настроение так себе. А твоё письмо, как солнечный луч. Рад, что репортаж напечатали. Очень рад. Даже с купюрами, даже с цензурой, это победа. Твоя личная победа. Помнишь, папа говорил: „Правда не горит и не тонет“? Вот ты и доказала. Пусть не всю правду, но часть. А часть правды лучше, чем ложь целиком.

Ты пишешь про диплом. Это здорово. „Проблемы объективности“ важная тема. Особенно сейчас. Особенно здесь. Я вижу каждый день, как врут с обеих сторон., как наши приукрашивают победы и замалчивают потери., как украинские делают то же самое и где-то между этими двумя ложью - правда. Настоящая. Живая. Человеческая. Если ты сможешь рассказать о ней - ты сделаешь больше, чем мы тут с автоматами.

У нас всё по-прежнему. Перемирие вроде бы соблюдается - тяжёлое вооружение отвели, танков не слышно, но стрельба не затихает. Вчера опять был миномётный обстрел, легко ранило одного нашего - молодого парня из Макеевки, он только месяц, как пришёл. Царапина, но неприятно. Дед говорит: „Привыкайте. Это надолго. Может, на годы“. Он, как всегда, прав. Он вообще редко ошибается.

Спасибо Ярине за привет. Передай ей, что тёплые носки - это, конечно, хорошо, но ещё лучше - тёплые письма. Они греют не ноги, а душу. А душа на войне мёрзнет сильнее, чем тело.

Береги себя. Учись. Пиши. Не останавливайся. Я в тебя верю. Всегда верил.

Твой брат Алёша.

P.S. Маме и папе я написал отдельно - длинное, на три страницы, но ты тоже передай им привет при случае. Скажи - я их люблю. Скажи - я вернусь. Обязательно».

Он запечатал конверт и отложил в сторону туда, где уже лежала стопка готовых писем для волонтёров. Завтра они уйдут через фронт. Через неделю, а может, через две связь работала с перебоями, письмо будет в Киеве. Катя прочитает его, может быть, сидя на подоконнике в своей комнате на Оболони, глядя на Днепр и думая о брате.

Мост продолжал стоять и Витька играл на губной гармошке, и майский ветер заносил в блиндаж запах полыни, и где-то далеко, на горизонте, гремели редкие выстрелы. Война продолжалась, но жизнь тоже продолжалась и это было самое главное.

Часть 7. Анна и спецкурс

Симферополь, май 2015 года. Крымский федеральный университет имени Вернадского.

Анна Игоревна Бондаренко стояла перед аудиторией и смотрела на студентов. Их было немного - человек двадцать,

не больше, но это были те, кто пришёл добровольно, без принуждения, без зачёта в ведомости просто потому, что им было интересно. Спецкурс «Русская и украинская литература: диалог культур, общие корни, перекрёстные судьбы», который они с Еленой Викторовной Снегирёвой придумали ещё год назад, в апреле четырнадцатого, наконец-то заработал в полную силу. Он не был обязательным - всего лишь факультатив, который студенты могли посещать по желанию, в свободное от основных занятий время, но желающие нашлись и это было лучшей наградой.

Аудитория была маленькой, уютной не та огромная поточная, где Анна читала общий курс, а камерная, на тридцать мест, с большими окнами, выходящими в университетский парк. За окнами цвели каштаны - белые свечи соцветий покачивались на ветру, и запах их проникал в приоткрытую форточку, смешиваясь с запахом старых книг и мела. На стенах висели портреты писателей - Пушкин, Шевченко, Гоголь, Франко, Леся Украинка, Достоевский, и Анне нравилось думать, что они смотрят друг на друга без вражды.

Это была необычная, пёстрая аудитория, как и сам Крым. Здесь сидели русские студенты, которые хотели лучше понять украинскую культуру, её корни, её особенности. Украинские студенты, которые остались в Крыму после референдума и пытались найти своё место в новой реальности - кто-то из них всё ещё носил в душе обиду, кто-то уже смирился, кто-то искал точки опоры. Крымские татары, которым было

интересно всё, что связано с историей и культурой полуострова и просто любопытные, которые пришли «посмотреть, что это за спецкурс такой», а потом остались, потому что их зацепило.

- Тема сегодняшней лекции, начала Анна, обводя взглядом притихшую аудиторию, «Тарас Шевченко и Александр Пушкин: два поэта, две судьбы, одна эпоха».

Она говорила о том, как два великих поэта - русский и украинский - жили практически в одно время. Пушкин родился в 1799-м, Шевченко в 1814-м, всего пятнадцать лет разницы. Они дышали одним воздухом, читали одни книги, думали о схожих вещах, о свободе, о народе, о назначении поэта. Пушкин интересовался украинским фольклором, использовал мотивы украинских народных песен в своих произведениях - взять хотя бы «Полтаву», где звучит тема Украины, или «Гусара», где слышны отголоски малороссийского говора. Шевченко, при всём своём сложном, трагическом отношении к Российской империи, которая его, крепостного, выкупила из неволи, а потом сослала в солдаты, Шевченко высоко ценил Пушкина-поэта. В своём дневнике он называл его «великим поэтом» и посвятил ему стихотворение «На не забудь Пушкина».

- Понимаете, Анна сделала паузу, обводя взглядом лица, эти два человека никогда не встречались лично. Пушкин погиб на дуэли в 1837 году, когда Шевченко было всего двадцать три года и он только начинал свой поэтический путь,

но они могли бы встретиться. Могли бы разговаривать о литературе, о судьбе, о народе. Могли бы спорить. Могли бы понять друг друга и то, что эта встреча не состоялась, одна из великих потерь нашей общей культуры.

Студенты слушали. Кто-то записывал, склонившись над тетрадью. Кто-то просто внимал, подперев голову рукой. Кто-то хмурился - видимо, не со всем соглашался, но никто не спал, никто не сидел в телефоне, и это было признаком того, что лекция попала в цель.

Потом начались вопросы. Они были острыми, неудобными, провокационными именно такими, каких и следовало ожидать.

- Анна Игоревна, поднял руку молодой человек с третьего ряда, вы говорите о диалоге культур, о взаимопонимании, но, как можно говорить о диалоге, когда прямо сейчас, в этот самый момент, между нашими странами идёт война? Когда гибнут люди и с той, и с другой стороны? Когда Украина называет Россию агрессором, а Россия Украину - бандеровской хунтой? Какой тут может быть диалог?

В аудитории повисла напряжённая тишина. Анна почувствовала, как двадцать пар глаз уставились на неё, ожидая ответа.

- Спасибо за вопрос, сказала она спокойно. - Он очень важный. Я скажу так: культура не виновата в войне. Пушкин не виноват в том, что происходит сегодня на Донбассе. Шевченко не виноват. Войны начинают политики, а расплачива-

ются за них простые люди и русские, и украинцы. Поэты, писатели, художники - они не отвечают за политиков. Они отвечают за то, чтобы сохранить человеческое в человеке и наш с вами диалог здесь, в этой аудитории, это маленький, но важный шаг к тому, чтобы война не стала вечной. Чтобы мы не забыли, что у нас общие корни, общая история, общие герои. Да, сейчас мы по разные стороны, но когда-нибудь эта война закончится и тогда нам придётся заново учиться жить вместе. Вот для этого и нужен диалог. Для будущего.

Студент помолчал, обдумывая ответ. Потом кивнул, не то, чтобы согласился, но принял к сведению.

- Ещё вопрос, подняла руку девушка с переднего ряда. - Анна Игоревна, а вы сами, как относитесь к тому, что Крым теперь Россия? Вы украинка или русская?

Анна чуть заметно улыбнулась. Этого вопроса она ждала.

- Я филолог, ответила она. - Я изучаю слова. А слово «украинка» и слово «русская», это не взаимоисключающие понятия. Можно быть украинкой по происхождению и гражданкой России по паспорту. Можно любить украинскую литературу и уважать русскую. Можно говорить на двух языках и не чувствовать себя предателем ни одного из них. Я не выбираю между «русским» и «украинским». Я выбираю культуру. Диалог. Понимание. Это мой выбор и ради него я здесь.

После лекции, когда студенты потянулись к выходу, к Анне подошла девушка - та самая, с переднего ряда. У неё было

открытое, располагающее лицо и внимательные карие глаза.

- Анна Игоревна, можно вас на минутку?

- Да, конечно. Вас, как зовут?

- Оксана. Оксана Приходько. Я из Сум, с Украины. Приехала сюда поступать ещё до войны, когда всё было спокойно. Думала - будете нас тут всех в «русский мир» переучивать, промывать мозги, заставлять забыть родной язык. А вы... вы другая. Вы настоящая. Вы не врёте и за это я хочу сказать вам спасибо.

- Спасибо, Оксана, Анна улыбнулась, чувствуя, как тепло разливается в груди. - Я просто делаю свою работу.

- Нет, девушка покачала головой, и в её глазах блеснули слёзы. - Вы делаете гораздо больше. Вы строите мост. Между нами и. и теми, кто сейчас по ту сторону. Я знаю, что у вас сын в Донецке, в ополчении. Я случайно услышала, как вы говорили об этом с Еленой Викторовной и я хочу сказать: я не знаю, кто прав в этой войне. Может быть, никто, но я знаю, что такие люди, как вы, они нужны. Очень нужны и нам, и им. Всем.

Анна задумалась над этими словами по дороге домой. Она ехала в автобусе, глядя на проплывающий за окном весенний Симферополь, и думала о том, что сказала эта девушка. Мост. Да, наверное, так и есть. Она строит мост - не из бетона и стали, а из слов, из стихов, из понимания. Из лекций о Пушкине и Шевченко. Из споров со студентами. Из писем сыну и дочери.

И этот мост, возможно, даже важнее того, который обещают построить через Керченский пролив. Потому что тот мост из бетона и стали, он соединяет берега. А её мост из любви и понимания, он соединяет души и он нужен не меньше. Может быть, даже больше.

Дома она села за стол, зажгла настольную лампу, достала лист бумаги и начала писать - Алёше.

«Сынок, здравствуй!

У нас всё хорошо. Спецкурс работает, студенты ходят, задают вопросы иногда трудные, иногда провокационные, но я справляюсь. Сегодня одна студентка сказала мне: „Вы строите мост". Знаешь, я думаю, она права. Каждая лекция, каждый разговор, каждое прочитанное стихотворение, это, как ещё одна клёпка в бочке., как ещё один пролёт моста.

Мы с папой часто говорим о тебе и о Кате и об Андрейке. Мы молимся за вас каждый вечер, перед иконой, которую мне подарила ещё моя бабушка. Я не знаю, помогает ли это, но я верю, что материнская молитва со дна моря достаёт. А уж до донецких окопов - тем более.

Папа передаёт тебе привет. Он сейчас работает над новой бочкой - для красного вина, из горного дуба. Говорит: „Когда Алёша вернётся, мы из этой бочки первый бокал нальём". Я ему верю и ты верь.

Береги себя, сынок. Ты нам нужен. Живой. Здоровый. Возвращайся.

Мама.

P.S. Лене и Андрейке - отдельный привет и самые тёплые пожелания. Я мечтаю их увидеть. Когда-нибудь. Обязательно».

Она запечатала письмо и положила в сумку, чтобы завтра отправить. За окном шумел весенний Симферополь - цвели каштаны, кричали птицы, жизнь продолжалась и где-то далеко, в донецких окопах, её сын ждал этого письма.

Часть 8. Андрей и бочка

Севастополь, июнь 2015 года. Мастерская на Корабельной стороне.

Андрей Петрович Бондаренко стоял перед готовой бочкой и смотрел на неё долгим, оценивающим взглядом мастера, который вложил в работу всю душу и теперь проверяет, не упустил ли чего. Бочка была хороша - большая, дубовая, литров на триста, для выдержки марочного красного вина. Заказ из Массандры, о котором он говорил Анне ещё в марте, был выполнен в срок и с тем качеством, которое Андрей считал единственно приемлемым. Дуб был старый, выдержанный, из горных пород, привезённый откуда-то из-под Ялты, где деревья растут медленно, набирая плотность и крепость. Такой дуб не трескается от перепадов температуры, не боится ни сырости, ни сухости, ни времени. Он придаёт вину тот самый благородный оттенок, который ценится виноделами всего мира - лёгкую терпкость, глубокий аромат, долгое послевкусие.

Андрей провёл ладонью по гладкой, отполированной поверхности - медленно, почти нежно, как проводят по голове ребёнка. Дерево было тёплым на ощупь, почти живым. Он всегда думал, что дерево - оно живое. Оно помнит всё: и солнце, которое его грело десятилетиями, пока оно росло на горном склоне и дожди, которые поили его корни и ветры, которые трепали его крону и руки мастера, который срубил его, распилил, высушил, обработал, собрал заново, но уже в другой форме. Если делать бочку с душой, думал Андрей, она будет служить десятилетиями, переживёт и мастера, и заказчика, и всех, кто будет пить из неё вино. Если без души - рассохнется через год, даст течь, и придётся пускать её на дрова.

Он отошёл на шаг, прищурился, оценивая симметрию. Клёпки были пригнаны идеально - ни щели, ни зазора. Обручи сидели плотно, ровно, без перекосов. Дно было врезано точно, без малейшего люфта. Хорошая бочка. Правильная. Одна из лучших, что он делал за всю свою жизнь.

- Дед Захар говорил: «Бочка, она, как семья», произнёс Андрей вслух, обращаясь не то к бочке, не то к самому себе. - «Клёпка к клёпке, обруч к обручу. Всё должно быть пригнано. Если одна клёпка выпадет - всё рассыплется. Если один обруч ослабнет - даст течь. А если всё сделать по уму - будет стоять вечно».

Он вспомнил деда. Захар Трофимович Бондаренко - бондарь в первом поколении, перебравшийся в Крым из-под

Полтавы ещё в двадцатых годах, когда в селе от тифа вымерло пол-улицы. Дед был невысоким, кряжистым, с огромными руками, которые, казалось, могли согнуть подкову. Он никогда не повышал голоса, никогда не ругался - только смотрел, и от этого взгляда становилось стыдно. Он учил Андрея ремеслу, когда тот ещё был мальчишкой - не заставлял, не принуждал, просто показывал. «Смотри, внучек. Дерево - оно живое. С ним надо, как с человеком. Понимаешь?» Андрей не понимал тогда. Теперь - понимал.

Он отошёл к верстаку, взял ветошь, начал протирать инструменты - молотки, стамески, рубанки. Каждый инструмент имел своё место, своё назначение, свою историю. Некоторые перешли к нему от отца, некоторые - от деда, а были и такие, что хранились в семье с незапамятных времён. Андрей берёг их, чистил после каждой работы, смазывал маслом, чтобы не ржавели. Инструмент, как и дерево, требует уважения.

В дверь мастерской постучали - характерный, торопливый, чуть нервный стук Гаврилова. Андрей узнал бы его из тысячи.

- Петрович, ты тут? - дверь приоткрылась, и в щель просунулась седая, всклокоченная голова старого мичмана. Глаза у Гаврилова сияли, как у ребёнка, которому пообещали подарок. - Я к тебе. Новости есть. Важные.

- Какие ещё новости? - Андрей отложил ветошь и вытер руки. - Опять что-то по телевизору показали?

- Не по телевизору! По радио! По «Маяку» передавали, я сам слышал, своими ушами! Мост через Керченский пролив будут строить! Настоящий мост, Петрович! Не в переносном смысле - в прямом! Правительство решение приняло, проект уже готов, деньги выделены! Будет мост, понимаешь?

Андрей замер. Рука с ветошью повисла в воздухе. Он медленно выпрямился, повернулся к Гаврилову всем телом.

- Не шутишь? - спросил он, и голос его прозвучал глухо, словно из-под воды.

- Какие шутки, Петрович! - Гаврилов даже обиделся. - Я тебе когда-нибудь врал? По «Маяку» передали - официальное сообщение! Сказали: проект уже готов, тендер объявлен, через несколько лет будет мост. Автомобильный и железнодорожный. Самый длинный в России. Представляешь? Мы больше не будем островом! Крым соединится с материком!

Андрей тяжело опустился на старый табурет - тот самый, что помнил ещё деда Захара. Ноги вдруг стали ватными. Он не ожидал, что эта новость так его тронет - пробьёт до самого сердца, до той глубины, где хранились самые сокровенные мечты.

Мост. Не метафора. Не образ. Не фигура речи. Реальный мост из бетона и стали, который навсегда, физически свяжет Крым с Россией. О котором они говорили ещё в девяносто первом, когда Союз рушился, а флот делили, и казалось, что всё пропало. «Когда-нибудь построят мост», говорил тогда его отец, глядя на Керченский пролив с тоской и надеждой.

«Когда-нибудь мы вернёмся», добавлял он и вот теперь это «когда-нибудь» наступило.

Он вспомнил, как мальчишкой они с отцом ездили на Керченскую переправу. Тогда, в шестидесятых, это было целое приключение: очередь на паром растягивалась на километры, люди стояли по шесть, по восемь часов, ждали, когда стихнет шторм или когда подойдёт следующий паром. Андрей, маленький, сидел в стареньком «Москвиче» и смотрел на пролив - узкую полоску воды, отделявшую Крым от материка. «Пап, а почему нет моста?» - спрашивал он. «Потому что это сложно, отвечал отец. - Очень сложно и очень дорого, но когда-нибудь построят. Когда придёт время».

И вот - время пришло.

Он подумал об Алёше. О том, как сын сидит сейчас где-то в донецком окопе и, может быть, тоже слышит эту новость. Что он почувствует? Наверное, то же самое - гордость. Надежду. Веру в то, что всё было не зря.

Он подумал о Кате., как она, в Киеве, воспримет эту новость? Наверное, с болью, но может быть, и с пониманием, она ведь видела Донбасс своими глазами, она знает цену этого моста.

Он подумал об Анне., как она улыбнётся, когда он расскажет ей., как скажет: «Я знала. Я всегда знала, что так будет».

- Знаешь, Гаврилыч, сказал он медленно, глядя в одну точку, я ведь всю жизнь мечтал об этом. Ещё мальчишкой. Я смотрел на пролив и думал: «Почему нет моста? Почему

мы, великая страна, не можем построить мост через какой-то пролив?» Я не понимал тогда, что это сложно. Я просто видел - вода и хотел, чтобы через неё прошла дорога.

- Все хотели, кивнул Гаврилов. - Все, кто здесь жил. Мы же островом были, Петрович. Формально - полуостров, а фактически - остров. Особенно когда Украина была. Помнишь, как они нам воду перекрывали? Как продукты не пропускали? Как говорили: «Сидите на своём острове и не высовывайтесь»? Теперь - всё. Теперь мы не остров. Теперь мы - Россия. Настоящая. С мостом.

- Жаль, отец не дожил, тихо сказал Андрей и дед Захар не дожил. Они бы порадовались. Особенно дед - он ведь всю жизнь говорил: «Бочка, она, как держава. Рассыхается медленно, а собирается быстро». Дождался бы - увидел бы, как держава собирается.

- Они оттуда видят, Гаврилов поднял палец к небу и радуются. Я уверен и отец твой, и дед, и все, кто ждал. Они там, наверху, сейчас, может быть, шампанское пьют. Или вино из твоей бочки.

Андрей кивнул. Встал. Подошёл к бочке, которая стояла у стены - уже готовая, покрытая свежим лаком, пахнущая дубом и временем. Провёл по ней рукой.

- Знаешь что, Гаврилыч, сказал он. - Я, наверное, пойду на этот мост работать.

- Ты? На мост? - Гаврилов удивлённо поднял брови. - В твоём-то возрасте? Тебе ж седьмой десяток!

и что? Я ещё крепкий. Руки есть - вон, видишь, какие. Голова есть - пока соображаю. Опыт есть - я с деревом и металлом всю жизнь. Бондарь на мосту - это, конечно, звучит необычно, но ведь мост - он тоже из дерева и металла, как бочка. Только масштаб другой. Я хочу быть частью этого, Гаврилыч. Хочу своими руками, вот этими самыми руками, построить мост, который соединит Крым с Россией. Понимаешь?

- Понимаю, Гаврилов кивнул, и в его глазах что-то блеснуло. - Ты всегда был таким, Петрович. Если что решил - не отговорить., как танк. Или, как подводная лодка.

-, как бочка, поправил Андрей с улыбкой. - Крепкая, дубовая. Которую собирали три поколения.

Вечером, когда солнце уже садилось за бухту и вода стала золотой от его лучей, Андрей рассказал о своём решении Анне. Они сидели на кухне, пили чай с мятой, и он говорил - медленно, обстоятельно, как всегда, говорил о важном.

Анна выслушала, не перебивая. Потом помолчала, глядя в свою чашку. Потом сказала:

- Я знала, что ты это скажешь. Я знала это с того самого дня, как мы вернулись из Донецка, и ты стоял на балконе и смотрел на бухту, и говорил: «Мост построят. Обязательно построят». Ты уже тогда решил.

- Не решил. Почувствовал.

, это одно и то же, она взяла его за руку. - Если хочешь иди. Я тебя поддержу. Только обещай мне, что будешь беречь се-

бя. Что не будешь надрываться. Что будешь нормально есть и спать. Ты мне нужен, Андрей. Живой и здоровый.

- Обещаю, он сжал её ладонь. - Я знал, что ты поймёшь. Ты всегда понимала.

В ту ночь Андрей долго не мог уснуть. Он лежал в темноте, глядя в потолок, и думал о мосте. О том, как поедет на Керченский пролив - впервые в жизни, не на переправу, а на стройку., как увидит первые сваи, вбитые в морское дно., как будет работать - может быть, простым плотником, может быть, бригадиром. Неважно кем. Важно - быть причастным. Важно - оставить свой след.

И ещё он думал о том, что мост через Керченский пролив, это не просто инженерное сооружение, не просто рекордная длина и сложные конструкции. Это символ. Символ того, что Крым вернулся домой навсегда. Что обратной дороги нет и не будет. Что его дети, его внуки, его правнуки будут ездить по этому мосту и, может быть, когда-нибудь, глядя на пролёты, скажут: «Здесь работал наш дед. Андрей Петрович Бондаренко. Бондарь. Он собирал этот мост, как бочку - клёпка за клёпкой, обруч за обручем».

И эта мысль наполняла его гордостью и покоем.

За окном шумело море. Чайки кричали в темноте. Над Севастополем зажигались звёзды и где-то далеко, на Керченском проливе, уже начинали свою работу геодезисты и инженеры - те, кто сделает первый шаг. А он, Андрей Бондаренко, сделает свой. Обязательно.

Часть 9. Донецк. Тишина

Донецк, июль 2015 года.

Лето в Донбасс пришло внезапно, как всегда, приходит лето в степные края - без долгих переходов, без плавного нарастания тепла, без того постепенного пробуждения природы, к которому привыкли в Крыму. Ещё в мае было прохладно, ветрено, небо затягивали низкие серые тучи, и по ночам температура падала почти до нуля. А в июне вдруг ударила жара - тридцать градусов в тени, тридцать пять на солнце, и степь вокруг города выгорела в считанные дни. Трава пожелтела, пожухла, скрутилась в трубочки. Цветы, которые ещё неделю назад радовали глаз, засохли на корню. Деревья стояли поникшие, с пожухлыми, скрученными листьями. Земля потрескалась, превратившись в подобие гигантской мозаики, и над всем этим висело марево - дрожащее, колеблющееся, искажающее очертания предметов.

Алексей Бондаренко стоял на блокпосту у въезда в город - том самом, где он дежурил ещё в четырнадцатом, когда всё только начиналось. Блокпост изменился, оброс бытом, стал почти стационарным. Мешки с песком заменили на бетонные блоки, навес от солнца соорудили из старых рекламных баннеров, даже скамейку поставили - сколоченную из поддонов, но вполне удобную. За эти полтора года здесь сменилось несколько гарнизонов, но блокпост оставался на том же месте, выполняя ту же функцию - контроль въезда и выезда, проверка документов, досмотр машин. Рутина, но рутина, от

которой зависели жизни.

Он смотрел на дорогу, прикрывая глаза от яркого солнца. Дорога была пуста - ни колонн, ни грузовиков с боеприпасами, ни бронетехники. Только пыль, поднимаемая горячим ветром, да редкие гражданские машины - старенькие «Жигули», «Ланосы», иногда потрёпанные микроавтобусы с надписью «Гуманитарная помощь» на бортах. После Минских соглашений, после страшного Дебальцево, после того, как тяжёлое вооружение было официально отведено, наступила странная, непривычная тишина. Не та тишина, о которой говорят «мир», не благословенная, не долгожданная, не похожая на ту, что снилась им в окопах. Другая. Тревожная. Звенящая. Какая бывает перед грозой, когда воздух сгущается, и ты кожей чувствуешь приближение чего-то огромного и страшного.

Тяжёлую артиллерию отвели - «Грады», гаубицы, крупнокалиберные миномёты теперь стояли в тылах, замаскированные, но готовые в любой момент вернуться на позиции. Танки спрятали в капонирах. Авиация не летала, но снайперы продолжали работать - методично, профессионально, каждый день. Диверсанты просачивались через линию разграничения. Провокаторы устраивали перестрелки, которые потом каждая сторона использовала для обвинений другой и каждый день приносил новые потери - одну-две смерти, не больше, но эти смерти складывались в статистику, а статистика - в молчаливое отчаяние.

Ополченцы называли это «вялотекущей войной» или «войной на истощение». Политики в Минске продолжали встречаться, пожимать друг другу руки перед камерами, давать интервью о «хрупком, но устойчивом перемирии». А на передовой люди продолжали гибнуть.

Алексей за эти месяцы изменился. Не внешне - внешне он был всё тем же высоким, чуть сутуловатым человеком в выгоревшем на солнце камуфляже и неизменной кепке-афганке, которую ему подарил Дед. Разве что шрам на скуле стал заметнее - побелел, зарубцевался, но остался навсегда. Изменилось что-то внутри. Он стал спокойнее. Терпеливее. Перестал вздрагивать от каждого выстрела. Научился ждать - того, чего раньше ждать не умел. Писем от Кати. Вестей от родителей. Конца войны.

Он часто думал о том, что говорил Дед ещё в четырнадцатом, под Иловайском: «Война, это не только бои. Война, это ещё и ожидание. Самое трудное - не стрелять. Самое трудное - ждать». Тогда, в пылу сражений, когда каждый день был, как последний, Алексей не понимал этих слов. Теперь - понимал. Ожидание выматывало сильнее, чем самые страшные бои. В бою ты действуешь, ты занят, ты не успеваешь думать. А здесь, в тишине, мысли лезут в голову и не всегда это хорошие мысли.

Он думал о погибших. О Степане, который остался под Славянском. О дяде Мише, санитаре, который погиб под Иловайском, вытаскивая раненого. О молодом пулемётчике

из Макеевки, имени которого Алексей даже не узнал - только записал в блокнот: «Пулемётчик, 22 года, Макеевка». О десятках других, чьи имена хранились в его потрёпанном блокноте. Их было уже больше сорока. Сорок человек, с которыми он делил хлеб, укрытие, последнюю сигарету. Их больше нет. А он есть и он должен жить - за себя и за них.

Рядом стоял Витька. Он тоже изменился за эти полтора года - возмужал, раздался в плечах, отпустил светлую бородку, которая делала его старше своих лет. Теперь он был не мальчишкой-добровольцем, каким пришёл в ополчение в апреле четырнадцатого, а командиром отделения - на его счету были десятки успешных операций, несколько спасённых жизней и ни одного погибшего по его вине. Он носил на груди медаль «За отвагу» и относился к ней с той сдержанной гордостью, которая свойственна людям, знающим цену наградам, но глаза у него оставались прежними - живыми, цепкими, иногда озорными. Война не убила в нём мальчишку. Только спрятала его глубоко внутри.

- Скучаешь по боям? - спросил Витька, кивая в сторону пустой, убегающей к горизонту дороги. Он щурился от яркого солнца и машинально крутил в пальцах незажжённую сигарету - курить на посту запрещалось, но держать сигарету в руках было своего рода ритуалом.

- Нет, ответил Алексей, не отрывая взгляда от дороги. - Не скучаю. Я вообще не понимаю, как можно скучать по тому, что мы видели.

- А я скучаю, признался Витька неожиданно. - Странно, да? Вроде бы радоваться надо, что тихо. Что не стреляют. Что можно ходить в полный рост, не пригибаясь. А я не могу. Я привык. Понимаешь, Бондарь, я привык к тому, что каждый день - бой. Что нужно выживать. Что нужно быть на пределе. А теперь - тишина и непонятно, что делать. Куда девать этот адреналин. Эту энергию. Я иногда ловлю себя на мысли, что мне не хватает... не хватает войны.

, это пройдёт, сказал Алексей. - Дед говорит, это нормально. У всех, кто долго воюет, такая реакция. Организм привыкает к постоянной опасности, а когда она исчезает - он не знает, что делать. Это, как ломка.

- У тебя тоже так было?

- Было. После Иловайска. Когда бои закончились и мы вернулись в Донецк. Я неделю не мог спать - лежал, смотрел в потолок и ждал обстрела. Каждый звук, каждая машина за окном казались началом атаки. Лена говорила: «Лёша, всё тихо. Всё хорошо». А я не верил.

и, как ты справился?

- Не знаю. Наверное, просто время прошло и Лена помогла и Андрейка и письма от Кати и работа - я же не только на блокпосту, я ещё тренирую молодых. Это помогает. Когда ты занят - меньше думаешь.

Витька кивнул, всё ещё вертя в пальцах незажжённую сигарету.

- Знаешь, о чём я мечтаю? - спросил он вдруг.

- О чём?

- Съездить на море. Не на Азовское - там сейчас тоже война. А на настоящее море. В Крым. В Севастополь. К твоим родителям. Постоять на набережной, посмотреть на корабли, съесть мороженое. Я сто лет не ел мороженого.

- Приезжай, просто сказал Алексей. - Когда всё кончится. Отец будет рад. Мама напечёт пирогов. Я тебя с ними познакомлю.

- Думаешь, когда-нибудь кончится?

- Должно. Не может не кончиться. Все войны когда-нибудь заканчиваются.

- Даже Столетняя? - Витька усмехнулся.

- Даже Столетняя. Хотя я не хотел бы ждать сто лет.

Они помолчали. Солнце клонилось к закату, и длинные тени от бетонных блоков протянулись через дорогу. Где-то вдалеке, на окраине, простучала короткая автоматная очередь и смолкла. То ли провокация, то ли учебные стрельбы, то ли просто кто-то чистил оружие и случайно нажал на спуск. Этого они уже никогда не узнают.

Вечером Алексей вернулся в свою комнату у тёти Веры. Та самая комната, которая стала их домом после того, как снаряд попал в их квартиру. Здесь всё было обжито, всё было на своих местах: старая мебель, принесённая соседями, детская кроватка в углу, фотография родителей на стене, плюшевый медведь на подоконнике. Там его ждали Лена и Андрейка.

Мальчику было уже почти два с половиной года - он бегал по комнате, играл с плюшевым медведем, которого подарила Катя, и болтал без умолку. Его словарный запас рос с каждым днём, и он уже мог составлять короткие предложения. «Папа пришёл!» «Я хочу кушать!» «Там птичка!» Он знал много слов - гораздо больше, чем положено в его возрасте, но среди этих слов по-прежнему было «бах» и каждый раз, когда он произносил его, Алексей вздрагивал, хотя старался не показывать виду.

Лена сидела за столом, проверяла какие-то бумаги из госпиталя - графики дежурств, списки медикаментов, отчёты для начальства. Она по-прежнему работала медсестрой, хотя теперь, в относительном затишье, раненых стало меньше, и работы тоже стало меньше, но она не жаловалась - наоборот, радовалась. Меньше раненых - меньше смертей. Меньше смертей - больше надежды. Она вообще была из тех людей, которые умеют радоваться малому. Алексей часто думал, что именно это спасло их обоих.

-, как прошёл день? - спросила она, не отрываясь от бумаг. Её ручка быстро бегала по строчкам, оставляя аккуратные, почти каллиграфические пометки.

- Тихо, ответил Алексей, садясь на край кровати. - Даже слишком тихо. Знаешь, тишина иногда страшнее обстрелов.

, это хорошо, что тихо, она наконец подняла глаза. - Значит, никто не погиб сегодня.

- Никто из наших, уточнил он. - А из чужих - кто знает.

- Лёша, она отложила ручку и посмотрела на него серьёзно, чужих не бывает. Ты сам это говорил. Помнишь? Когда мы с тобой спорили в первый месяц. Ты говорил: «Война, это не только наши и ваши. Война, это люди». Ты изменился с тех пор. А сейчас ты опять говоришь «чужие».

- Ты права. Извини. Просто...

- Просто что?

- Мне всё время кажется, что эта тишина - обман. Что вот-вот снова начнётся. Что мы расслабимся, поверим в перемирие, а они ударят., как в Дебальцево., как в Иловайске. Я не могу расслабиться, Лена. Не могу поверить.

Она встала, подошла к нему, обняла.

- Может, и начнётся, сказала она тихо, гладя его по голове. - А может, и нет. Мы не знаем. Никто не знает, но пока тихо - надо жить. Радоваться. Любить. Иначе война победит. Даже если мы выиграем все бои, она победит, если мы разучимся жить.

- Ты права., как всегда. - Он обнял её в ответ. - Я не знаю, что бы я без тебя делал.

- Пропал бы, она улыбнулась. - К счастью, я рядом.

Андрейка, увидев, что родители обнимаются, бросил своего плюшевого медведя на пол и с радостным криком подбежал к ним.

- Я тоже! Я тоже обниматься! Я тоже хочу!

Они засмеялись - впервые за долгое время по-настоящему, от души. Алексей подхватил сына на руки, подбросил его

к потолку - бережно, чтобы не задеть низкую лампу, и мальчик заливисто расхохотался. В этом смехе чистом, звонком, заливистом, совершенно детском, было что-то такое, что перекрывало все «бах». Что заглушало воспоминания о боях. Что давало надежду.

Поздно вечером, когда Лена и Андрейка уже спали, она на кровати, он в своей кроватке, прижимая к себе медведя, Алексей сел за стол, зажёг настольную лампу и достал бумагу. Надо было написать письмо. Он делал это каждую неделю - писал родителям, писал Кате, иногда писал Деду, хотя тот находился в соседнем блиндаже. Письма были его способом сохранить рассудок. Способом не забыть, кто он.

«Батя, привет.

У нас тут тихо. Слишком тихо, если честно. После всего, что было - после Славянска, Иловайска, Дебальцево, эта тишина кажется неестественной., как будто война затаилась и ждёт момента. Дед говорит: „Привыкай. Это надолго. Может, на годы". Может, он прав. Может, война действительно затухает, переходит в какую-то другую фазу, но я пока не верю. Слишком много всего было, чтобы поверить. Слишком много друзей погибло.

Слышал про мост. Про Крымский мост. Мне Витька рассказал, а потом я по радио слышал. Это здорово, батя. Правда, здорово. Я очень горжусь, что ты решил пойти туда работать. Знаешь, когда я думаю о том, что мой отец строит мост через Керченский пролив тот самый мост, о

котором мы говорили ещё в детстве, когда стояли на переправе и ждали паром, мне кажется, что всё это было не зря. Что наша война здесь, в Донбассе, и ваша стройка там, в Крыму, это части одного большого дела. Одной большой работы. Одного большого моста.

Лена передаёт тебе привет. Она получила ещё одну медаль теперь „За заслуги перед Отечеством". Говорит, что это не только её медаль, но и твоя, и мамина, и всех, кто ей помогал. Она у меня такая никогда не присваивает победы себе.

Андрейка растёт. Ему уже два с половиной. Он знает все буквы, считает до десяти и иногда путает „шесть" и „восемь". Спрашивает про тебя. Говорит: „Когда деда приедет? Я хочу, чтобы деда приехал". Я ему рассказываю. Говорю: „Дед Андрей - самый сильный. Он был подводником. Он умеет делать бочки и ещё он строит мост". Андрейка слушает, открыв рот, а потом говорит: „Я тоже буду строить мост., как деда". Может, и будет. Кто знает.

Береги себя, батя и маму береги. Вы нам нужны.

Твой сын Алёша.

P.S. Если увидишь Гаврилова, передай ему привет. Скажи, что броник, который он купил на свою пенсию, до сих пор служит - я передал его молодому парню из Горловки, когда свой получил. Так что Гаврилов спас уже две жизни. Пусть гордится».

Он запечатал письмо и отложил в сторону туда, где уже

лежала стопка готовых писем для волонтёров. Завтра утром они уйдут через линию фронта, через блокпосты, через границы и где-то через неделю или две отец прочитает эти строки. Может быть, сидя в своей мастерской, среди бочек и инструментов. Может быть, уже на Керченском проливе, в вагончике строителей и улыбнётся и подумает: «У меня хороший сын».

А пока ночь. Тишина и где-то далеко, на Керченском проливе, его отец, может быть, тоже не спит. Смотрит на звёзды и думает о сыне. О мосте. О том, что всё это не зря.

Часть 10. Катя и Ярина

Киев, август 2015 года. Оболонь.

Катя сидела на старой деревянной скамейке в парке на набережной Днепра и смотрела, как солнце медленно опускается за горизонт, окрашивая воду в золотисто-розовые, почти нереальные тона. Август в Киеве был жарким, душным, наполненным стрекотом цикад и запахом разогретого асфальта, но вечерами с реки тянуло прохладой, и можно было наконец дышать полной грудью. Днепр катил свои широкие, спокойные воды, и в них отражались купола Киево-Печерской лавры на противоположном берегу - золотые, сияющие, словно обещание чего-то вечного.

Катя любила это место. Она часто приходила сюда, когда нужно было подумать, разобраться в себе, принять важное решение. Здесь, у воды, мысли текли ровнее, спокойнее, словно река уносила с собой всё лишнее - тревоги, сомнения,

страхи. Она помнила, как приходила сюда в феврале четырнадцатого, когда всё только начиналось., как стояла на этом самом месте и смотрела на дым над Майданом., как плакала, сама не зная отчего - от страха, от боли, от бессилия. Тогда ей казалось, что мир рушится. Теперь она знала: мир не рушится. Он просто меняется. Иногда - страшно. Иногда - больно, но жизнь продолжается.

Рядом на скамейке сидела Ярина с двумя бумажными стаканчиками кофе из соседней кофейни на Подоле, она всегда покупала два, зная, что Катя забывает поесть, когда много работает или много думает. Ярина была в своём обычном стиле - яркая, рыжая, в каком-то невероятном клетчатом берете, который она носила и зимой, и летом, и в дождь, и в солнце. Она утверждала, что берет - её талисман, и Катя давно перестала спорить. От Ярины пахло кофе, корицей и ещё чем-то неуловимым - может быть, юностью. Может быть, надеждой.

- О чём думаешь? - спросила Ярина, протягивая стаканчик. - Ты уже полчаса смотришь на воду и молчишь. У тебя такое лицо, как будто ты решаешь судьбу человечества. Или, по крайней мере, свою собственную.

- О родителях, ответила Катя, принимая кофе. Сделала глоток - кофе был горячим, сладким, с привкусом карамели, именно такой, как она любила, и об Алёше. У них скоро годовщина свадьбы - у мамы с папой. Тридцать два года. Представляешь? Тридцать два года вместе. Это больше, чем

я живу на свете. Я хочу поехать к ним. В Севастополь. Поздравить лично. Обнять. Увидеть их лица.

- Поезжай, просто сказала Ярина, пожав плечами, как будто это было самым естественным решением в мире, что тебе мешает?

Катя горько усмехнулась и отпила ещё кофе.

- Граница, сказала она. - Мне нужно получать разрешение на пересечение административной границы с Крымом. По украинским законам, я должна въезжать туда только через украинские пункты пропуска, а их практически не осталось. По российским - получать визу, потому что я гражданка Украины. Проходить кучу проверок с обеих сторон, заполнять анкеты, объяснять, зачем я еду, кто мои родители, почему они там, а я здесь. Ты представляешь, как это сложно? Как унизительно - доказывать, что ты имеешь право увидеть собственную мать?

- Представляю, Ярина кивнула, и её зелёные глаза стали серьёзными, но ты же через фронт проходила, Катя. Ты ездила в Донецк, когда там стреляли каждый день. Ты стояла на блокпостах, когда тебя могли арестовать или того хуже. Неужели бюрократия страшнее, чем линия фронта?

- По-своему - да, Катя задумалась, подбирая слова. - Там, на фронте, всё было просто. Понятно. Есть линия разграничения. Есть блокпосты. Есть риск, но риск очевидный, предсказуемый. Ты знаешь, на что идёшь, и принимаешь это. А здесь - бесконечные очереди в миграционной службе, кори-

доры, кабинеты, чиновники с каменными лицами. Ты подаёшь документы и ждёшь - неделю, две, месяц и никогда не знаешь, дадут разрешение или откажут и почему откажут - тоже не узнаешь. Просто придёт бумага с формулировкой «в связи с отсутствием оснований» и всё. Ты для них - никто.

- Бюрократия, это тоже война, задумчиво сказала Ярина. - Только оружие у них не автоматы, а бумажки.

- Именно и ещё - я боюсь, как на меня посмотрят здесь, в Киеве. Ты же знаешь, я до сих пор для многих «сепарка». Дочь «крымских предателей». Сестра «террориста». Это не все так думают, но таких хватает. Если я поеду в Севастополь - найдутся те, кто скажет: «Ну вот, мы же говорили. Она всегда была с ними» и меня могут просто выжить из университета. Или из профессии. Ты не представляешь, Ярина, как это - жить с постоянным страхом, что кто-то узнает, кто ты на самом деле. Что ты любишь людей, которых положено ненавидеть.

Ярина поставила стаканчик на скамейку и повернулась к подруге всем телом. Её лицо стало серьёзным, почти строгим - таким Катя видела его редко.

- Знаешь, что, Катя, сказала она твёрдо. - Послушай меня внимательно. Я тебе никогда этого не говорила, но сейчас скажу. Ты не «сепарка». Ты не «ватница». Ты не «предательница». Ты не «коллаборационистка». Ты - человек. Хороший человек. Человек, который любит свою семью. Человек, который рисковал жизнью, чтобы увидеть брата. Человек, ко-

торый написал репортаж, тронувший всех, кто его читал и с той, и с этой стороны. Человек, который сказал правду, когда все вокруг врали и если кто-то этого не понимает - если кто-то смотрит на тебя косо, шепчется за твоей спиной, называет тебя этими ужасными словами, это их проблемы. Их, а не твои. Понимаешь?

Катя молчала, глядя на воду. Слова Ярины падали на неё, как тёплые капли дождя - мягко, но настойчиво.

- Ты сделала больше, чем все эти обвинители вместе взятые, продолжала Ярина. - Они сидят в своих креслах, читают новости и судят других, не вставая с дивана. А ты прошла через фронт. Ты видела войну. Ты держала в руках правду - настоящую, живую, не приглаженную пропагандой и ты её опубликовала - пусть не полностью, пусть с купюрами, но опубликовала. Это поступок, Катя. Настоящий поступок. А они... они просто болтают и если тебе нужно поехать к родителям - поезжай. Ни на кого не оглядывайся. Ни на кого. Ты имеешь право. Ты заслужила.

Катя долго молчала. По Днепру проплыл прогулочный катер, с которого доносилась музыка, что-то старое, из советских фильмов. На набережной гуляли пары молодые и пожилые, держащиеся за руки. Дети бегали за голубями, старики играли в шахматы за столиками летнего кафе. Мирная жизнь продолжалась несмотря ни на что. Несмотря на войну. Несмотря на границы. Несмотря на ненависть.

И Катя вдруг подумала, что именно за это воюет её брат.

За то, чтобы люди могли гулять по набережным, кормить голубей, играть в шахматы и не думать о войне. За то, чтобы тишина была нормой, а не исключением. За то, чтобы дети не знали слова «бах» и её родители - они тоже за это. Мама, своими лекциями о Пушкине и Шевченко. Папа, своей бочкой и будущим мостом. Они все строили этот мир. Каждый по-своему.

Она вдруг обняла Ярину - крепко, порывисто, расплескав кофе.

- Спасибо тебе.

- За что? - Ярина удивлённо заморгала.

- За то, что ты есть. За то, что ты меня понимаешь. За то, что ты всегда рядом. За то, что ты веришь в меня, даже когда я сама в себя не верю. Ты - мой мост, Ярина. Мой личный мост. Через все эти страхи и сомнения.

, это потому, что ты хороший человек, Катя Бондаренко, Ярина улыбнулась своей широкой, открытой улыбкой. - А хорошие люди должны держаться вместе. Особенно сейчас. Особенно в этой стране. Особенно в этом мире.

Они ещё посидели немного, глядя на закат. Солнце уже почти скрылось за горизонтом, и небо из золотисто-розового стало тёмно-синим, бархатным. Над Днепром зажглись первые звёзды. Где-то вдалеке играла скрипка уличный музыкант заканчивал свой вечерний концерт и в этом звуке, печальном и торжественном одновременно, было что-то такое, что обещало: всё будет хорошо. Не сейчас. Не сразу, но обя-

зательно.

- Я поеду, сказала Катя твёрдо. - Обязательно поеду. Может, не сейчас - нужно оформить документы, получить все эти чёртовы разрешения, пройти все круги бюрократического ада, но я поеду. Я должна увидеть родителей. Обнять их. Сказать, что я их люблю. Посмотреть им в глаза и сказать это - не по телефону, не в письме, а лично.

- Правильно, Ярина кивнула и Алёше напиши. Он ждёт твоих писем. Ты же знаешь - каждое твоё письмо для него, как глоток воздуха.

- Знаю. Напишу сегодня.

Вечером, когда Ярина ушла домой, а Оксана ещё не вернулась с работы, Катя сидела за столом в своей комнате и писала. Письмо получилось длинным, на три страницы, о своей жизни, о планах, о предстоящей поездке в Севастополь, о разговоре с Яриной, о закате на Днепре. Она писала обо всём, что накопилось за эти недели, и слова лились свободно, легко, как вода, прорвавшая плотину.

«Алёша, привет!

Я сегодня говорила с Яриной. О многом. О родителях. О тебе. О себе и знаешь, что я поняла? Я поняла, что устала бояться. Устала оглядываться на чужие мнения. Устала прятаться. Я - Катя Бондаренко. У меня есть мама и папа в Севастополе. У меня есть брат в Донецке и я их люблю и если кто-то считает это преступлением - пусть. Я больше не буду оправдываться. Не буду объяснять. Не буду дока-

зывать. Я просто буду жить.

Я решила поехать в Севастополь. Это будет непросто нужно получить кучу разрешений, пройти все бюрократические препоны, но я сделаю это. Я увижу родителей. Я обниму их. Я поздравлю их с годовщиной и я скажу им то, что так долго не могла сказать: я вас люблю. Вы моя семья и это навсегда.

А потом, когда-нибудь, я приеду к тебе. Снова и мы опять будем сидеть у тёти Веры, пить чай из оббитых кружек и вспоминать детство., как я боялась медуз, а ты меня успокаивал., как ты разбил банку с вареньем., как мы играли в журналистов. Всё это было и всё это - навсегда.

Береги себя, Алёша. Береги Лену. Береги Андрейку. Вы моя семья и я вас люблю.

Твоя сестра Катя.

P.S. Ярина передаёт тебе привет и спрашивает, не нужно ли тебе ещё тёплых носков. Она готова связать. Говорит, что это её вклад в борьбу».

Она запечатала письмо, надписала адрес полевой почты и отложила в сторону. Завтра утром она отнесёт его волонтёрам, и оно отправится через фронт, как отправлялись десятки писем до него. Мост работал. Мост стоял и будет стоять, пока есть те, кто пишет, и те, кто читает.

Часть 11. Годовщина

Севастополь, август 2015 года. Корабельная сторона.

Тридцать вторая годовщина свадьбы Андрея и Анны Бон-

даренко выпала на воскресенье - тихий, солнечный день, один из тех, какие бывают в Крыму только в самом конце лета, когда изнуряющая жара уже спадает, а море ещё хранит накопленное за лето тепло, и воздух пахнет созревшим виноградом, поздними розами, солью и водорослями. День был из тех, что запоминаются на всю жизнь не потому, что в него произошло что-то особенное, а потому, что он был наполнен тихим, спокойным счастьем. Тем самым счастьем, которое не кричит о себе, не требует внимания, а просто существует -, как воздух, как море, как свет.

Анна с самого раннего утра хлопотала на кухне. Она надела свой любимый домашний фартук с вышитыми васильками - тот самый, который помнил ещё те времена, когда дети были маленькими и бегали по этой кухне, путаясь под ногами. Она пекла свой знаменитый яблочный пирог - тот самый, рецепт которого передавался в её семье от матери к дочери, а от бабушки к матери, и был записан на пожелтевшем листке бумаги выцветшими чернилами. Рецепт был простым - яблоки, мука, сахар, корица, немного ванили, но в нём было что-то особенное. Может быть, секрет был в том, как Анна раскатывала тесто - медленно, с любовью, напевая под нос старые украинские песни, которым её научила мать. Может быть, в том, что яблоки она всегда выбирала самые спелые, самые ароматные, из тех, что продавали на Привозе старухи из окрестных деревень. А может быть, секрет был просто в том, что пирог пекла она, Анна Игоревна Бондаренко, жен-

щина, которая вкладывала душу во всё, что делала.

Андрей помогал ей - чистил яблоки, нарезал их тонкими, почти прозрачными дольками, как она любила, и думал о том, что за тридцать два года научился делать это почти профессионально. Когда-то, в первые годы брака, он не мог отличить корицу от ванилина, а сахар от соли - однажды, оставшись один на кухне, он попытался сварить компот и положил в него соль вместо сахара, о чём Анна потом вспоминала со смехом долгие годы. Теперь он мог бы, наверное, сам печь пироги, но не пёк. Оставлял это Анне. У них было своеобразное, сложившееся десятилетиями разделение труда: она - пироги, он - бочки. Она - уют, он - защита. Она - сердце, он - руки и это работало.

- Помнишь нашу первую годовщину? - спросила Анна, раскатывая тесто деревянной скалкой, которая тоже была старушкой - ещё от её бабушки, из Харькова. - Мы тогда жили в общежитии, в Североморске. За Полярным кругом. Холод, ветер, полярная ночь. Ты пришёл с дежурства уставший, но принёс торт - купил в военторге. Он был сухой, как картон, и крем был синтетический, безвкусный, но мы всё равно съели его до крошки и были абсолютно счастливы.

- Помню, Андрей усмехнулся, и в его усмешке была целая гамма чувств - от ностальгии до нежности. - Я тогда ещё форму забыл погладить. Ты меня ругала - говорила, что я, как неряха, что на мне мундир сидит мешком. А я слушал и думал: «Господи, как мне повезло. Она у меня есть. Она

меня ругает - значит, любит».

- Я не ругала, я воспитывала, поправила Анна с улыбкой. - А потом мы пошли на берег Баренцева моря, помнишь? Был мороз, ветер, но мы стояли и смотрели на северное сияние. Оно было зелёное, с розовыми переливами - я такого никогда больше не видела и ты сказал мне: «Смотри, Аня. Это наш салют. В честь годовщины». А я сказала тебе: «Если мы переживём Север, мы всё переживём».

- Пережили, Андрей обнял её сзади, осторожно, чтобы не запачкать мукой её фартук и Север пережили и девяностые пережили - когда зарплату не платили по полгода, когда флот резали на металлолом, когда офицеры стрелялись от безысходности и эту войну переживём. Обязательно.

Анна отложила скалку, повернулась к нему и посмотрела в глаза - тем самым долгим, глубоким взглядом, каким смотрела на него тридцать два года назад, когда он, молодой лейтенант, впервые подошёл к ней на Приморском бульваре.

- Ты знаешь, о чём я мечтаю? - спросила она.

- О чём?

- Я мечтаю, что однажды мы соберёмся все вместе за этим столом. Ты, я, Алёша с Леной и Андрейкой, Катя и Оксана, может быть, если сможет приехать из Киева. Я испеку два пирога яблочный и вишнёвый. Ты откроешь бутылку крымского вина из той бочки, которую ты сделал. Мы будем сидеть, разговаривать, смеяться и никто не будет никуда спешить и никто не будет бояться. Это будет самый счастливый

день.

- Будет, твёрдо сказал Андрей. - Обязательно будет.

Днём, когда пирог уже испёкся и наполнил квартиру ароматом яблок и корицы, пришёл Гаврилов. Он явился, как всегда, без предупреждения, но с неизменной бутылкой крымского муската в одной руке и букетом поздних георгинов в другой. Георгины он выращивал сам, на крошечном участке перед домом, и страшно гордился ими. Гаврилов был при полном параде - в своём стареньком, но тщательно отутюженном мичманском кителе с медалями и с георгиевской ленточкой на груди. За эти полтора года он стал почти членом семьи Бондаренко, и Анна всегда ставила для него лишний прибор, даже когда он не предупреждал о приходе. Он был своим. Он был частью их мира.

- Поздравляю, соседи дорогие! - прогудел он с порога, вручая Анне георгины и галантно целуя ей руку, как когда-то целовал руку своей покойной Марии. - Тридцать два года, это не шутка! Это вам не в море выйти и обратно вернуться! Я вот до такого юбилея не дожил, моя Мария пятнадцать лет, как ушла, царствие ей небесное. А вы держитесь. Молодцы! Пример для всей Корабельной стороны!

Они сели за стол, втроём. Анна разлила чай в старые, ещё советские чашки с золотым ободком, которые она доставала только по особым случаям. Андрей открыл вино то самое, крымское, из Массандры. Гаврилов, как всегда, говорил больше всех. Он был из тех людей, которые не выносят

тишины и заполняют её словами иногда глубокими, иногда пустыми, но всегда искренними. Сегодня он рассказывал о стройке моста через Керченский пролив - эта тема захватила его целиком.

- Я вчера по радио слышал! - говорил он, размахивая вилкой. - Уже подрядчиков выбрали! Уже первые геодезисты на месте! Уже грунт бурят, пробы берут! Это ж исторический момент, Петрович! Ты понимаешь? Исторический! А ты тут сидишь со своими бочками! Бочки подождут, а мост - нет! Там люди нужны - рукастые, опытные, такие, как ты! Которые с деревом и металлом на «ты»! Подавай заявление, не тяни!

- Подам, спокойно отвечал Андрей. - Уже решил., как только объявят набор - сразу пойду.

- Вот это по-нашему! - Гаврилов стукнул кулаком по столу, так что чашки подпрыгнули. - Я бы и сам пошёл, да возраст не пускает. А ты ещё крепкий. Ты себя покажешь! Я в тебя верю, Петрович!

Анна слушала их и улыбалась. Она знала, что Андрей уже всё решил. Он действительно пойдёт на этот мост. Будет работать - может быть, простым плотником, может быть, бригадиром. Неважно. Важно, что он будет частью этого. Частью истории. Частью моста, который навсегда соединит Крым с Россией.

Потом, когда Гаврилов ушёл раскрасневшийся, довольный, унося с собой кусок пирога, завёрнутый в салфетку, и

они остались вдвоём, зазвонил телефон. Анна взяла трубку, ещё не зная, кто это, но уже чувствуя сердцем.

- Мама? - голос Кати был далёким, с лёгким потрескиванием помех, но отчётливым. - Мама, это я! Поздравляю вас с папой! С годовщиной! С тридцать второй годовщиной!

- Катюша! - Анна просияла, прижала трубку обеими руками, словно боялась, что голос дочери исчезнет. - Спасибо, родная моя!, как ты? Как твои дела? Как учёба?

- У меня всё хорошо, мам. Я сдала летнюю сессию - на отлично, между прочим. Профессор Дмитрий Иванович говорит, что мой репортаж - лучшая студенческая работа за последние годы. Представляешь? Я готовлюсь к диплому и ещё.., она сделала паузу, словно собираясь с духом, я собираюсь к вам. В Севастополь.

- К нам? - Анна почувствовала, как сердце пропустило удар. Катюша, ты серьёзно?

- Серьёзно. Я уже начала оформлять документы. Это сложно - нужно получить разрешение на пересечение границы с обеих сторон, пройти проверку, но я справлюсь. Я должна вас увидеть, мама. Должна обнять вас с папой. Я так давно этого ждала.

- Мы всегда ждём, сказала Анна, и слёзы потекли по её щекам - светлые, радостные, совсем не такие, какие текли год назад. Всегда ждём тебя, Катюша. Каждый день. Каждую минуту.

Потом трубку взял Андрей. Он говорил с дочерью недолго

- он вообще не любил долго говорить по телефону, но каждое его слово было на вес золота.

- Береги себя, дочка. Оформляй документы, приезжай. Мы тебя очень ждём и не бойся ничего. Ты - Бондаренко. А Бондаренко ничего не боятся.

Потом позвонил Алёша из Донецка. Связь была плохой, голос прерывался, трещал, пропадал - обычное дело для полевого телефона, который работал через усилитель и зависел от погоды, но они услышали главное.

- Мама, папа, поздравляю! С годовщиной! Вы у меня самые лучшие! Я вас очень люблю! Мы все обязательно соберёмся вместе. Может, не в этом году. Может, не в следующем, но обязательно. Обещаю.

- Слышишь, Андрей? Анна повернулась к мужу. -Они оба позвонили. Оба.

- Слышу, Андрей кивнул, и в его глазах что-то блеснуло.

Вечером, когда солнце уже садилось за бухту и вода стала золотой от его лучей, Андрей и Анна сидели на балконе на том самом крошечном балконе, где Андрей стоял в феврале четырнадцатого, когда всё только начиналось. Тогда он смотрел на море и чувствовал, как надвигается шторм. Теперь, полтора года спустя, он смотрел на то же море и чувствовал покой.

- Знаешь, сказал Андрей, и голос его был тихим и спокойным, я тут подумал. Мы с тобой, наверное, самые счастливые люди на свете.

- Почему? - Анна повернулась к нему, и в её глазах отражался закат.

- Потому что у нас есть дети. Потому что они живы. Потому что они любят нас, несмотря ни на что. Несмотря на границы, на войну, на расстояние. Потому что у нас есть внук, который говорит «деда» и «баба». Потому что мы нужны друг другу. Всё остальное мелочи. Всё остальное можно пережить.

Анна ничего не ответила. Она просто взяла его за руку, сухую, тёплую, с мозолями от молотка и стамески, и прижалась щекой к его плечу и они сидели так долго, глядя, как садится солнце и, как на рейде зажигаются сигнальные огни кораблей.

Завтра Андрей пойдёт в мастерскую. Послезавтра подаст заявление на стройку моста. Через месяц, может быть, Катя получит разрешение и приедет в Севастополь. Через год, может быть, они все соберутся за одним столом, но это всё будет потом.

А сейчас был просто тихий августовский вечер и море, как всегда, было спокойным и в этом спокойствии было обещание. Обещание, которое давала сама жизнь: всё будет хорошо. Не сразу. Не легко, но обязательно.

Часть 12. Мост через время

Керченский пролив, сентябрь 2015 года.

Андрей Петрович Бондаренко стоял на берегу и смотрел на пролив. Он приехал сюда ранним утром, на попутной ма-

шине - стареньком «ГАЗоне», который вёз на стройку доски и цемент, и всю дорогу молчал, глядя на проплывающие за окном крымские пейзажи. Выжженные сентябрьским солнцем холмы, ещё хранящие следы летнего зноя. Виноградники, на которых уже созрел урожай, и рабочие собирали последние гроздья в большие плетёные корзины. Белые домики прибрежных посёлков с красными черепичными крышами и море - бескрайнее, синее, сверкающее в лучах утреннего солнца, которое то появлялось за поворотом, то снова исчезало за холмами.

Он думал о том, что вся его жизнь шла к этому моменту. К этому месту. К этому проливу., как будто невидимая рука вела его через десятилетия - через службу на Северном флоте, через холодную войну, через развал страны, через девяностые, через возвращение Крыма, через страх за сына и тоску по дочери. Всё это было подготовкой. Всё это было путём и теперь он стоял на берегу пролива, который столько раз пересекал на пароме - мальчишкой с отцом, потом курсантом, потом офицером, потом отставником, и который теперь наконец-то должен был обрести мост.

Позади остался Севастополь - родной город, где каждый камень был знаком с детства. Мастерская на Корабельной стороне, пропахшая дубом и лаком. Бочка, готовая к отправке в Массандру, последний заказ перед долгим перерывом. Анна, которая перекрестила его на прощанье и сказала: «Возвращайся. Обязательно возвращайся» и он обещал. Он

всегда выполнял обещания.

Впереди был мост. Настоящий мост - не метафора, не образ, не фигура речи. Реальная конструкция из бетона и стали, которая должна была навсегда соединить два берега. Которая должна была сделать Крым не островом, а полуостровом. Частью большой земли.

На стройке уже кипела работа, она началась несколькими месяцами раньше, и сейчас здесь трудились сотни, если не тысячи людей. Геодезисты в ярких жилетах делали замеры, сверялись с приборами, установленными на треногах, что-то отмечали в планшетах. Инженеры в касках склонились над чертежами, разложенными на импровизированных столах из досок. Рабочие монтировали оборудование, подвозили материалы, сваривали металлические конструкции. Огромные краны высились над водой, как доисторические существа, пришедшие из какой-то другой эпохи - их стрелы медленно поворачивались, поднимая и опуская грузы. Бетономешалки гудели непрерывно, и их ритмичный гул смешивался с шумом прибоя и криками чаек.

Пахло соляркой, морем, металлом, свежим бетоном, нагретой на солнце землёй. Этот запах напомнил Андрею флот - там тоже пахло соляркой и морем. Только там к этому примешивался ещё запах оружейной смазки и пороха. А здесь - запах созидания. Запах стройки. Запах будущего.

Он постоял немного, вглядываясь в эту картину и чувствуя, как сердце бьётся чаще обычного - от волнения, от

предвкушения, от ощущения причастности к чему-то огромному. Потом поправил рюкзак на плече, развернул бумагу с адресом, которую ему дали в отделе кадров ещё в Севастополе, и направился к прорабской - синему вагончику с облупившейся краской и табличкой «Набор рабочих. Требуются: бетонщики, арматурщики, плотники, разнорабочие».

Постучал. Дверь была приоткрыта, и из неё доносился запах табака и крепкого чая.

- Входи! - раздался голос.

Андрей вошёл. Внутри вагончик был тесным, заставленным шкафами с папками и рулонами чертежей. За столом, заваленным бумагами, сидел немолодой уже мужчина с обветренным, продублённым всеми ветрами лицом - такие лица бывают у людей, которые всю жизнь провели под открытым небом. У него были мощные, как у кузнеца, руки с въевшейся в поры металлической пылью, седой ёжик волос и цепкие, всё замечающие глаза. На вид ему было около пятидесяти, но, судя по уверенным движениям, он был здесь главным.

- Чего хотел? - спросил он, поднимая глаза от бумаг.

- Работу, сказал Андрей. - Я бондарь. Работаю с деревом и металлом. Руки есть, опыт есть. Хочу на мосту работать.

- Бондарь? - прораб хмыкнул, откинувшись на спинку стула. - Бочки делаешь?

- Делаю.

- А лет-то тебе сколько, бондарь?

- Шестьдесят четыре.

Прораб присвистнул.

- Шестьдесят четыре? Не молоденький. Тут работа тяжёлая. По двенадцать часов в день, иногда без выходных. Ветры с моря такие, что с ног сбивают. Зимой холодно, летом жара. Спина, руки, ноги - всё болит к вечеру. Молодые не выдерживают, уходят через неделю. А ты в шестьдесят четыре хочешь?

- Хочу, спокойно ответил Андрей. - Я подводник. Тридцать лет на флоте. Мы привыкли к нагрузкам и потом - у меня опыт. Я с деревом работаю с детства. С металлом - с юности. Руки пока не дрожат, спина держит. Вы только дайте попробовать. Если не справлюсь - сам уйду. Никаких претензий.

Прораб помолчал, разглядывая его с тем особым, оценивающим вниманием, с каким старые мастера смотрят на новичков. Что-то в этом пожилом человеке с прямой спиной и спокойным взглядом, видимо, вызвало у него доверие.

- Подводник, значит, сказал он наконец, это меняет дело. Подводники - народ дисциплинированный. Ладно. Давай документы. Оформим испытательный срок - две недели. Посмотрим, на что ты годен. Если справишься - останешься. Если нет - не обессудь.

- Справлюсь, повторил Андрей.

Он достал из внутреннего кармана паспорт, трудовую книжку - старую, ещё советского образца, с записями о служ-

бе на флоте, и положил на стол. Прораб взял документы, раскрыл, пробежал глазами.

- Бондаренко Андрей Петрович. Капитан второго ранга. Северный флот. Подводные лодки. Тридцать лет выслуги. Ничего себе послужной список. - Он поднял глаза на Андрея. - А чего на флоте не остался? Или после отставки?

- После отставки. Вернулся в Севастополь, занялся ремеслом. Дед был бондарем, отец - бондарем и я стал. Семейное дело.

- А теперь на мост?

- Теперь на мост, Андрей кивнул. - Хочу быть частью этого. Хочу своими руками построить мост, который соединит Крым с Россией. Понимаете?

Прораб долго смотрел на него. Потом вдруг улыбнулся - впервые за весь разговор.

- Понимаю, Петрович. Можно я тебя так буду называть?

- Можно. Меня все так называют.

- А я - Сергеич. Прораб. Ну, Петрович, добро пожаловать на строительство Крымского моста. Приступаешь завтра с утра. Работа - плотником, по твоему профилю. С инструментом знаком?

- Знаком, Андрей усмехнулся. - Топор, молоток, рубанок, стамеска, это мои друзья с детства.

- Вот и ладно. Инструмент получишь на складе. Жить будешь в общежитии, это вон тот барак, видишь? Койка, тумбочка, душ - всё, как в казарме. Устраивайся. Завтра в шесть

утра на построение. Опаздывать не принято.

- Не опоздаю. Спасибо, Сергеич.

Он вышел из вагончика. Солнце уже поднялось над проливом, и вода блестела, как расплавленное серебро. Чайки кричали над прибоем. Краны медленно поворачивали свои стрелы. Где-то гудела бетономешалка. Где-то стучали молотки. Стройка жила своей жизнью - огромной, шумной, энергичной.

Вечером, устроившись в общежитии - длинном бараке с двухъярусными койками, напоминавшем казарму, Андрей вышел на берег. Достал телефон, нашёл номер Анны. Долго смотрел на него, прежде чем нажать кнопку вызова. Она ответила сразу - словно ждала звонка.

- Ну что? - спросила она, и в её голосе была тревога. -, как всё прошло?

- Взяли, сказал он. - С завтрашнего дня я - строитель Крымского моста. Плотник. Испытательный срок - две недели, но я справлюсь.

Анна помолчала. Потом сказала и он услышал, как она улыбается:

- Я знала, что так будет. Ты всегда добиваешься того, что задумал. Всегда. Береги себя. Не надрывайся. Ешь нормально. Спи и возвращайся.

- Обязательно. Ты же меня знаешь.

- Знаю. Поэтому и волнуюсь. Ты никогда не бережёшь себя.

- На этот раз буду. Обещаю.

Они поговорили ещё немного - о погоде, о пирогах, которые Анна испекла, о Гаврилове, который заходил справиться о новостях. Потом Андрей попрощался и убрал телефон в карман.

Ночью он долго не мог уснуть. Лежал на жёсткой казённой койке, застеленной чистым, но грубым бельём, слушал дыхание соседей по бараку - таких же рабочих, как он, приехавших со всей России, и думал. Думал о том, что завтра начнётся новая глава его жизни. Что он будет строить мост - настоящий мост, который простоит десятилетия, может быть, столетия. По которому будут ездить машины, поезда, люди. Его внуки, правнуки, праправнуки - все, кто придёт после и никто из них, может быть, не узнает, что какой-то старый бондарь из Севастополя приложил к этому руку, но это было и неважно. Важно было другое: он был здесь. Он был частью этого. Он строил мост.

Он вспомнил деда Захара, который говорил: «Бочка, она, как держава. Рассыхается медленно, а собирается быстро». Вспомнил отца, который стоял с ним на Керченской переправе и говорил: «Когда-нибудь построят мост». Вспомнил сына, который воюет в Донецке. Вспомнил дочь, которая собирается приехать из Киева. Вспомнил внука, который говорит «деда» и «баба». Четыре поколения Бондаренко - бондари, моряки, воины, строители. Все они что-то собирали - бочки, корабли, страну, семью. Все они строили мосты -

невидимые, но прочные. А теперь он, Андрей Петрович Бондаренко, будет строить мост настоящий. Из бетона и стали. Мост, который увидят все.

«Вот оно, подумал он, закрывая глаза. - Вот ради чего всё было. Ради этого момента. Ради этого моста».

И с этой мыслью он уснул - спокойно, глубоко, без снов.

Завтра начиналась новая жизнь.

Часть 13. Мост

Декабрь 2015 года. Четыре города. Четыре окна. Четыре свечи, горящие в темноте. Четыре человека, думающих об одном и том же. О семье. О доме. О мосте, который строится - не только через Керченский пролив, но и через саму жизнь.

В Севастополе, на Корабельной стороне, в маленькой квартире с видом на бухту, Анна Игоревна Бондаренко стояла у окна и смотрела на зимнее море. Серое, спокойное, тяжёлое, как расплавленный свинец, оно катило свои волны к берегу с тем же мерным, вечным ритмом, что и тысячи лет назад - когда здесь жили тавры, когда сюда пришли греческие колонисты, когда здесь стояли римские легионы, когда крестился князь Владимир в Херсонесе, когда сражались насмерть русские моряки в Крымскую войну, когда гремели взрывы двух героических оборон. Море было старше всех империй и спокойнее всех. Оно видело всё - взлёты и падения, войны и перемирия, революции и возвращения и оставалось собой. Эта неизменность утешала. Эта вечность давала надежду.

Чайки кричали над бухтой - пронзительно, требовательно, как кричат только портовые птицы, привыкшие к людям и кораблям. На рейде мигали сигнальные огни - красные, зелёные, белые, складываясь в знакомый с детства узор. Андрей, если бы был здесь, мог бы назвать каждый корабль по имени, даже в полной темноте, даже по одним лишь огням, но Андрея здесь не было. Он был там, на Керченском проливе, на стройке, которая стала делом его жизни и Анна ждала его., как ждала всегда - тридцать два года. Из походов. Из плаваний. С войны.

В доме напротив зажигались окна - соседи возвращались с работы, готовили ужин, включали телевизоры, делали уроки с детьми. Обычная мирная жизнь. Та самая, ради которой всё и затевалось. Та самая, о которой мечтали в самые страшные дни четырнадцатого года, когда город готовился к обороне, а украинские части ещё стояли в казармах. Тогда казалось: мирная жизнь никогда не вернётся, но она вернулась. Медленно, неуверенно, но вернулась и это было чудом.

Анна думала о муже. Андрей уже три месяца работал на строительстве Крымского моста. Он уехал туда в сентябре - неожиданно даже для себя, хотя она знала, что этот момент настанет. Знала с того самого дня, как по радио передали о решении строить мост. Знала, когда он стоял на балконе и смотрел на бухту. Знала, когда он говорил: «Я хочу быть частью этого». Она всегда знала его лучше, чем он сам.

Он вернулся с первой вахты другим человеком. Нет, он

остался тем же Андреем Петровичем, которого она знала и любила тридцать два года, спокойным, надёжным, немногословным, с руками, которые умели всё: держать штурвал подводной лодки, собирать дубовые бочки, обнимать её, когда было трудно, но в его глазах появился какой-то новый свет. Какой-то молодой задор, которого она не видела в нём со времён флота. Словно он сбросил десяток лет. Словно нашёл то, что искал всю жизнь.

Он приезжал домой раз в две недели - усталый, пропахший соляркой, морем, металлом и бетоном, с руками, огрубевшими от работы с арматурой и опалубкой, но счастливый. Он рассказывал о стройке с таким воодушевлением, с каким не рассказывал ни о чём уже много лет. О сваях, которые вбивают в морское дно - огромных, многометровых, уходящих в глубь породы на десятки метров. О пролётах, которые монтируют над водой, соединяя опоры, и каждый пролёт весит сотни тонн, и каждый требует ювелирной точности. О людях, с которыми он работает - таких же, как он сам, приехавших со всей России: из Сибири, с Урала, с Дальнего Востока, из Краснодара, из Москвы. Бывшие военные, бывшие шахтёры, бывшие колхозники, бывшие инженеры. Все, кто хотел быть частью чего-то великого. Все, кто понимал: это не просто стройка. Это - история.

«Это великая стройка, Аня, говорил он, и глаза его горели тем огнём, который она помнила по их молодым годам, когда он, молодой лейтенант, только начинал службу на Се-

верном флоте и говорил о море с той же страстью. - Великая. Я горжусь, что я часть этого. Знаешь, когда я смотрю на эти опоры, которые уходят в небо, я думаю: вот оно. Вот то, ради чего я жил. Вот то, что останется после меня. Не бочки - бочки, даже самые лучшие, даже из горного дуба, сгниют через сто лет. А мост - он будет стоять веками и по нему будут ездить наши внуки и правнуки и праправнуки. И, может быть, кто-то из них когда-нибудь вспомнит, что их дед - Андрей Петрович Бондаренко, бондарь с Корабельной стороны, работал здесь простым плотником и улыбнётся и скажет: "У меня был хороший дед"».

Она слушала его и улыбалась. Она знала: это не просто работа. Это - его судьба. Его предназначение. Его мост и она была счастлива, что он его нашёл. Потому что нет большего счастья для жены, чем видеть своего мужа счастливым.

Анна отошла от окна, села за стол, зажгла настольную лампу с зелёным абажуром - старую, ещё от родителей. Достала из ящика стопку писем - тех самых, которые они получали от Алёши и Кати, и начала перебирать их, перечитывать, раскладывать в хронологическом порядке. Это стало её вечерним ритуалом - перебирать письма, как чётки. Каждое письмо было бусиной. Каждая бусина - воспоминанием. Каждое воспоминание - молитвой.

Вот письмо Алёши, февраль четырнадцатого: «Мама, папа, я в ополчении. Так надо. Не волнуйтесь». Первое. Самое страшное. Она помнила, как плакала над ним три дня. Вот

письмо из госпиталя, май четырнадцатого: «Я жив, всё нормально. Плечо заживает. Познакомился с девушкой, её зовут Лена». Вот письмо после Иловайска: «Мы взяли город. Я цел. Не волнуйтесь». Вот письмо после Дебальцево: «Перемирие подписали, но мы продолжаем воевать. Так надо». Каждое письмо - веха. Каждая веха - шаг на долгом пути.

Она думала о сыне. Алёша звонил неделю назад, поздравлял с наступающим Новым годом. Связь была плохой - обычное дело для полевого телефона, голос прерывался, трещал, пропадал, но она услышала главное: он жив, он здоров, он держится. На Донбассе по-прежнему относительно тихо - перемирие, подписанное в Минске в феврале, в целом соблюдается, хотя отдельные перестрелки продолжаются, и каждый день приносит новые потери, и снайперы не прекращают свою страшную работу, но это уже не та война, что была в четырнадцатом и в начале пятнадцатого. Война перешла в другую фазу - позиционную, затяжную, изматывающую, войну на истощение, в которой побеждает не тот, кто сильнее, а тот, у кого крепче нервы.

Лена получила повышение - теперь она была старшей медсестрой в хирургическом отделении, и на её плечах лежала ответственность за всё отделение: за врачей, за сестёр, за раненых, за медикаменты. Андрейка готовился к своему первому в жизни Новому году, который он встретит в сознательном возрасте. Ему было уже два с половиной года - он говорил, бегал, смеялся, задавал бесконечные вопросы, и каж-

дый его вопрос был, как глоток свежего воздуха в спёртой атмосфере войны.

«Он уже выучил стишок про ёлочку, рассказывал Алёша, и в его голосе звучала такая гордость, такая отцовская нежность, что Анна не могла сдержать слёз. - „В лесу родилась ёлочка, в лесу она росла, зимой и летом стройная, зелёная была“. Представляешь, мам? Мой сын рассказывает стихи. В землянке. В нескольких километрах от линии фронта. На войне и это, наверное, самое большое чудо, которое я видел за последние два года».

«Чудо, повторила про себя Анна, и её губы беззвучно зашевелились, повторяя это слово снова и снова, как молитву. - Да, это чудо. Жизнь, которая продолжается, несмотря ни на что, это и есть чудо. Ребёнок, который рассказывает стихи на войне, это чудо. Письма, которые доходят через фронт, это чудо. Мост, который строится через пролив, это чудо и мы, Бондаренко, которые до сих пор вместе, несмотря на границы, несмотря на расстояние, несмотря на всё, мы тоже чудо».

Она думала о дочери. Катя прислала длинное письмо - на четырёх страницах, исписанных её быстрым, летящим почерком, с характерным наклоном вправо и длинными хвостиками у букв «р» и «у». Анна читала его и видела перед собой не студентку журфака, а ту маленькую девочку с бантами, которая когда-то бегала по этой самой квартире и играла в журналистов с папиным старым диктофоном.

Катя почти закончила оформление документов для поезд-

ки в Крым. Почти прошла все круги бюрократического ада - разрешения, справки, проверки, собеседования в миграционной службе, в СБУ, ещё где-то. «Осталось получить последнюю бумажку, мам. Самую трудную, но я её получу. Я себе обещала и тогда я приеду. Возможно, весной., как только потеплеет., как только сойдёт снег и зацветут абрикосы -, как в тот год, когда я уезжала. Я так хочу вас увидеть. Так хочу обнять вас. Так хочу постоять на нашей набережной и посмотреть на море. Так хочу услышать твой голос не по телефону, а вживую. Ждите меня. Я скоро буду».

Анна ждала. Она всегда ждала. Сначала - мужа из дальних походов, из Североморска, из Атлантики, из Средиземного моря. Потом - сына с войны, которая всё не кончалась. Потом - дочь, которая уехала в Киев и пропала на долгие месяцы, отвергая всё, что было ей дорого. Это было её призвание, её крест, её судьба - ждать и верить. Ждать, когда откроется дверь. Верить, что за дверью - они. Её муж. Её сын. Её дочь. Её семья.

И она верила. Верила, что муж вернётся с моста - усталый, счастливый, пропахший морем. Верила, что сын вернётся с войны - живой, здоровый, с женой и сыном. Верила, что дочь вернётся из Киева - переступит порог, обнимет её, скажет: «Мама, я дома». Верила, что когда-нибудь они все соберутся за одним столом - все Бондаренко, все четыре поколения, живые и здоровые и это будет самый счастливый день в её жизни и ради этого дня стоило жить. Стоило ждать. Стоило

верить.

В Керчи, на берегу пролива, на том самом месте, откуда три месяца назад, в сентябре, Андрей Петрович Бондаренко впервые увидел стройку - тогда ещё только начинавшуюся, теперь всё изменилось до неузнаваемости. Тогда здесь были только геодезисты с их треногами и приборами, инженеры с рулонами чертежей, временные вагончики, строительные леса, первые пробные сваи, которые только начинали вбивать в илистое дно. Теперь над водой поднимались опоры - серые, массивные, незыблемые, как солдаты в строю, уходящие ровной цепочкой к горизонту, туда, где пролив расширялся и сливался с открытым морем. На них уже монтировали пролёты - огромные металлические конструкции, которые краны поднимали с барж и укладывали на опоры с ювелирной, почти нечеловеческой точностью. Стройка гудела, как растревоженный улей. Сотни людей - бетонщики, арматурщики, сварщики, плотники, крановщики, инженеры, работали в три смены, без выходных, без праздников. Мост рос на глазах.

Андрей смотрел на всё это и чувствовал то, чего не чувствовал уже давно, гордость. Не за себя. За всех. За Сергеича, прораба, который руководил работами на своём участке и спал по четыре часа в сутки, а остальное время проводил на ногах, с неизменной сигаретой в зубах и планшетом в руках. За молодых ребят из Сибири и с Урала, которые приехали сюда за длинным рублём, но остались не из-за денег - из-за

того, что прониклись духом великой стройки, почувствовали себя частью чего-то огромного. За инженеров из Москвы и Петербурга, которые решили, казалось бы, неразрешимые технические задачи -, как строить мост в сейсмически активной зоне, как вбивать сваи в илистое дно пролива, как монтировать пролёты при штормовом ветре, который иногда достигал ураганной силы. За всех, кто работал здесь, не жалея сил, здоровья, времени.

И за тех, кто ждал этого моста десятилетиями, но не дожил. За своего отца, Петра Захаровича Бондаренко, который стоял с ним, маленьким мальчишкой, на Керченской переправе в шестидесятых и говорил, глядя на пролив: «Когда-нибудь построят мост, сынок. Когда придёт время. Когда страна станет сильной». За деда Захара, который прожил почти девяносто лет, пережил три войны, вырастил сына и внука и говорил, сидя в этой самой мастерской, где теперь работал Андрей: «Держава, она, как бочка. Рассыхается медленно, а собирается быстро. Клёпка к клёпке, обруч к обручу. Главное - чтобы мастер был хороший. Главное - чтобы руки не опускались». За Гаврилова, который отдал две пенсии на бронежилет для незнакомого парня и каждый день молился за победу. За всех, кто верил и ждал.

«Ничего, дед Захар, сказал Андрей мысленно, глядя на опоры, уходящие в небо. - Мы строим. Мы собираем., как ты учил. Клёпка за клёпкой. Обруч за обручем. Мост за мостом. Всё по твоей науке. Ты бы гордился, дед. Честное слово, ты

бы гордился».

Завтра он снова заступит на смену. Снова наденет каску и рабочую куртку. Снова возьмёт в руки инструменты - молоток, стамеску, рубанок, пилу, которые стали продолжением его рук. Снова будет делать свою работу - может быть, незаметную, не героическую, не ту, о которой пишут в газетах и снимают репортажи, но важную. Необходимую. Потому что из таких вот маленьких, незаметных дел и складывается великое. Потому что мост, это не только пролёты и опоры. Это ещё и люди. Тысячи людей. Каждый из которых делает своё дело.

В Донецке, в маленькой комнатке у тёти Веры, что на окраине Петровского района, в той самой комнате, которая стала их домом после того, как снаряд попал в их квартиру, Алексей Бондаренко сидел у ёлки. Ёлка была маленькая, искусственная, с облезшей местами зелёной краской - её принесла Лена откуда-то из госпиталя, где старый завхоз разбирал довоенные запасы и нашёл целую коробку забытых украшений, но ёлка была украшена с любовью. Лена развесила на ней старые игрушки, чудом уцелевшие при обстреле их дома, она специально ходила на развалины и собирала то, что осталось: стеклянные шары с потрескавшейся краской, серебряный дождик, уже потемневший от времени, звезду на макушке, погнутую, но всё ещё сияющую, самодельные гирлянды из цветной бумаги, которые они с Андрейкой клеили вместе три вечера подряд. Она вообще умела создавать уют

из ничего - из обломков, из осколков, из остатков прежней жизни и в этом, пожалуй, была её главная сила. Сила, которую Алексей ценил больше всего.

Андрейка, сидя на коленях у отца, в десятый, в двадцатый раз рассказывал стишок про ёлочку. Он сбивался, путал строчки, забывал слова, начинал заново, но страшно гордился собой - каждое удачно произнесённое слово вызывало у него бурю восторга. Глаза у него сияли, как те самые стеклянные шары на ёлке, щёки раскраснелись от волнения и тепла буржуйки. Лена смотрела на них и улыбалась - той самой тихой, усталой, но бесконечно тёплой улыбкой, которую Алексей так любил и ради которой, наверное, был готов выдержать всё.

- «В лесу родилась ёлочка, в лесу она росла... Зимой и летом... зимой и летом...» - Андрейка запнулся, нахмурился, сдвинул бровки, как делал всегда, когда сталкивался с трудной задачей.

- «Стройная, зелёная была», подсказал Алексей, стараясь не улыбаться.

- «Стройная, зелёная была»! - радостно закончил Андрейка, подпрыгнув на отцовских коленях. - Я сам вспомнил! Почти сам! Ты мне только чуть-чуть помог!

- Молодец, сынок, Алексей погладил его по светлым, как у матери, волосам. - Деду Морозу понравится. Он любит, когда дети рассказывают стихи.

- А деда Мороз придёт? - спросил Андрейка с замирани-

ем сердца, и в его серых, бондаренковских глазах была такая надежда, что Алексею стало больно. - Тут, в Донецк? Где война?

- Придёт, твёрдо сказал Алексей, хотя сам не был в этом уверен. - Обязательно придёт. Деды Морозы приходят ко всем, кто их ждёт. Даже на войну. Они же волшебники. А для волшебников границ не существует.

-, как для нас, добавила Лена, и Алексей кивнул.

Да, как для них. Для Бондаренко. Для тех, кто строит мосты.

Он думал о том, что этот год был трудным. Самым трудным в его жизни. Он принёс много потерь - Степан, дядя Миша, десятки других, чьи имена он записывал в свой блокнот, чтобы не забыть. Он принёс много боли - ранения, контузии, бессонные ночи, страх за близких, но он принёс и надежду. Минские соглашения, пусть несовершенные, пусть нарушаемые, дали передышку. Тяжёлое вооружение отвели от линии соприкосновения. Крупномасштабные бои прекратились. Люди начали возвращаться к жизни - медленно, осторожно, словно после тяжёлой болезни, но возвращаться. В город возвращались беженцы. Открывались магазины. В школах снова начались уроки.

И новый, 2016 год, возможно, будет лучше. Возможно, тишина сохранится. Возможно, перемирие перерастёт в настоящий, долгожданный мир. Возможно, они все соберутся вместе - он, Лена, Андрейка, родители, Катя. За одним сто-

лом. В Севастополе. В их старой квартире на Корабельной стороне., как раньше., как в детстве.

Он не знал, сбудется ли это. За два года войны он научился не загадывать, не планировать, не надеяться на лучшее - потому что надежда часто оборачивалась разочарованием, но сегодня, в канун Нового года, глядя на сына, который рассказывал стихи, и на жену, которая улыбалась, он позволил себе эту слабость. Он позволил себе надеяться. Потому что без надежды нельзя. Без надежды - смерть.

В Киеве, на Оболони, в комнате студенческого общежития, заставленной книгами, конспектами и фотографиями, Катя и Ярина сидели на старом продавленном диване, накрывшись одним пледом на двоих - клетчатым, тёплым, пахнущим лавандой, пили горячий чай с мятой из больших керамических кружек и смотрели на заснеженный город за окном. За окном шёл снег - крупный, пушистый, какой бывает только в канун Нового года, когда природа словно сама готовится к празднику. Он укрывал крыши домов, ветки деревьев, припаркованные во дворе машины, превращая обычную Оболонь в рождественскую открытку. В соседней комнате кто-то включил музыку - старую, советскую, «Пять минут» из «Карнавальной ночи», и звуки рояля долетали сквозь стены, смешиваясь с шумом ветра за окном.

Катя только что получила последнюю справку - ту самую, которую ждала несколько месяцев и без которой не могла пересечь административную границу с Крымом. Она держа-

ла её в руках - обычный лист бумаги с гербовой печатью и подписью начальника миграционной службы, и не могла поверить, что это наконец случилось. Месяцы ожидания. Месяцы хождений по инстанциям. Месяцы унизительных объяснений: почему она, гражданка Украины, хочет поехать в Крым, который Украина считает временно оккупированной территорией. Месяцы страха, что откажут и вот бумага у неё в руках. Путь был открыт.

- Я еду, сказала она, и в её голосе была странная смесь радости, страха и недоверия. - Весной., как только потеплеет., как только сойдёт снег., как только зацветут первые абрикосы. Я увижу их. Я обниму их. Я скажу им всё, что не могла сказать так долго.

- Я рада за тебя, Ярина улыбнулась и сжала её руку. Ты долго к этому шла. Через всё - через фронт, через бюрократию, через собственный страх, через осуждение окружающих.

- Мы все долго к этому шли, Катя задумчиво посмотрела в окно, где снег всё падал и падал, укрывая город белым покрывалом. Вся наша семья. Каждый по-своему. Папа строит мост - настоящий мост, из бетона и стали, через Керченский пролив. Мама строит мост из слов и лекций, из Шевченко и Пушкина. Алёша... Алёша вообще воюет за то, чтобы мосты не рушились. Чтобы люди могли переходить через границы. Чтобы дети не знали слова «бах». А я - я просто учусь быть человеком. В это трудное время. В этом трудном мире. Ко-

гда все вокруг кричат: «Выбирай сторону!» А я не могу выбрать. Я люблю обе стороны.

, это самое сложное, тихо сказала Ярина. Быть человеком, когда всё вокруг толкает тебя к тому, чтобы стать зверем. Когда ненависть проще любви. Когда ложь удобнее правды. Ты справляешься, Катя. Ты справляешься. Я видела, как ты менялась за эти два года. Из той девочки, которая кричала на Майдане «Слава Украине!», в человека, который способен понять и принять другую сторону. Это огромный путь. Не каждый способен его пройти.

- Я не прошла его до конца, Катя покачала головой. - Я всё ещё в пути., как мой папа - на своём мосту., как Алёша - в своей войне, но я иду.

Они ещё посидели немного, глядя на снег и думая каждая о своём. А потом Катя вдруг сказала - тихо, словно размышляя вслух:

- Знаешь, я только сейчас поняла. По-настоящему поняла. Моя семья, это не просто люди, которые живут в одном доме. Которые собираются за одним столом по праздникам. Которые звонят друг другу. Моя семья, это мост. Мы все - один большой мост, который соединяет берега. Крым и материк. Россию и Украину. Войну и мир. Прошлое и будущее. Мы - Бондаренко и пока мы есть - мост стоит. Пока мы любим друг друга - он нерушим. Пока мы пишем письма - он работает. Понимаешь?

- Понимаю, Ярина кивнула, и в её зелёных глазах блеснули

слёзы. - Это, наверное, лучшее определение семьи, которое я когда-либо слышала.

И где-то над всеми этими городами - над Севастополем, где Анна перебирала письма и ждала мужа; над Керчью, где Андрей смотрел на опоры моста и думал о деде Захаре; над Донецком, где Алёша слушал стишок про ёлочку и гладил сына по голове; над Киевом, где Катя говорила о семье-мосте, сияло одно небо. Одно на всех. Бескрайнее, тёмное, усыпанное звёздами и падал снег белый, чистый, укрывающий всё: развалины и дворцы, окопы и набережные, мирную жизнь и войну.

И Новый, 2016 год стоял на пороге, обещая перемены. Какими они будут - никто не знал. Может быть, хорошими. Может быть, плохими. Может быть, разными, но одно было ясно: Бондаренко встретят их вместе. Пусть не за одним столом. Пусть в разных городах. Пусть по разные стороны границ, но вместе сердцем, душой, любовью.

Мост через Керченский пролив ещё не был достроен. До его открытия оставались годы - долгие, трудные, наполненные работой, преодолением, сомнениями и верой, но он уже стоял, незримый, но прочный. Мост через время. Через войну. Через расстояние. Через боль, непонимание, обиды. Мост, который построила семья Бондаренко, клёпка за клёпкой, обруч за обручем, слово за словом, письмо за письмом, молитва за молитвой.

И этот мост нельзя было разрушить. Потому что он дер-

жался не на бетоне и не на стали. Не на политических соглашениях и не на военных победах. Он держался на любви. А любовь это самый прочный материал во вселенной. Крепче дуба. Крепче стали. Крепче самой смерти.

Глава 7. Возвращение

Часть 1. Весна в Севастополе

Севастополь, 25 марта 2016 года.

Весна в Крым пришла, как всегда, внезапно и без предупреждения - словно кто-то на небесах щёлкнул выключателем. Ещё вчера дул холодный, пронизывающий февральский ветер, и по бухте гуляли серые, тяжёлые волны, разбиваясь о причалы с глухим рокотом, и небо было затянуто низкими тучами, а сегодня солнце сияло в безоблачной, пронзительной синеве, и воздух был тёплым, ласковым, пахнущим морем, водорослями, солью, мокрой землёй и первыми цветами - той особенной, непередаваемой смесью, которая бывает только в Крыму в начале весны. На склонах Корабельной стороны, на всех этих крутых улочках, сбегающих к бухте, зацвели абрикосы - их нежно-розовые, почти прозрачные на солнце лепестки усыпали тротуары, как свадебное конфетти, и ветер носил их по улицам, закручивал в маленькие вихри, заносил в подъезды и на балконы. Чайки кричали над бухтой с какой-то особенной, весенней, почти истерической энергией, словно праздновали возвращение тепла и света. Море, ещё недавно серое и мрачное, теперь блестело на солнце,

как расплавленное серебро, и у причалов рыбаки разгружали улов - серебристая барабулька трепыхалась в сетях, и чайки пикировали на них, выхватывая добычу.

Анна Игоревна Бондаренко стояла на перроне севастопольского вокзала и ждала поезда. Вокзал был старый, ещё довоенный, с высокими сводчатыми потолками, с лепниной, потемневшей от времени, с мраморными колоннами, на которых ещё виднелись следы пуль времён Великой Отечественной - их специально не заделывали, как память. Несмотря на будний день, народу было много - встречающие с цветами и плакатами, военные в форме, семьи с детьми, просто пассажиры, ожидающие своих поездов. Все они двигались, говорили, смеялись, обнимались и Анна чувствовала себя частью этого большого, живого потока.

Сердце колотилось так, словно она была не пожилой женщиной, прошедшей через многое - через холодную войну, развал страны, безденежье, страх за сына, тоску по дочери, а девчонкой на первом свидании. Она нервно теребила край платка - старая привычка, которая никуда не делась за тридцать три года брака, и всматривалась вдаль, туда, где рельсы сливались в одну сверкающую точку на горизонте. Она представляла себе этот момент тысячу раз - за те долгие два года, что они не виделись. Представляла, как Катя выйдет из вагона., как она обнимет её., как скажет: «Мама, я дома» и каждый раз, представляя это, плакала. Вот и сейчас слёзы уже подступали, но она сдерживала их - не хотела встречать

дочь с заплаканным лицом.

Рядом стоял Андрей. Он специально взял отпуск на стройке - отпросился у Сергеича на четыре дня, объяснив причину. Сергеич, старый прораб с лицом, продублённым всеми ветрами, узнав, что к Бондаренко приезжает дочь из Киева, которую он не видел два года, только крякнул и сказал: «Езжай, Петрович. Семья, это святое. Мост подождёт. Он от нас никуда не денется». Андрей был в своей лучшей рубашке - той самой, белой, которую Анна подарила ему на прошлый Новый год, и в вычищенных до блеска ботинках. Он даже побрился особенно тщательно и надушился одеколоном «Шипр», который хранил для особых случаев. Анна, увидев его сборы, улыбнулась, она помнила этот одеколон ещё со времён их молодости, когда Андрей, молодой лейтенант, приходил к ней на свидания, пахнущий «Шипром» и морем.

Он тоже волновался, хотя старался не показывать виду - стоял прямо, засунув руки в карманы, и смотрел на рельсы с тем сосредоточенным выражением, которое появлялось у него всегда, когда он пытался скрыть эмоции, но Анна знала его слишком хорошо. Она видела, как он то и дело сглатывает., как его пальцы нервно сжимаются в карманах., как он бросает быстрые взгляды на часы - старые, ещё отцовские, на цепочке.

- Не опоздает? - спросил он в третий раз за последние полчаса.

- Не опоздает, в третий раз ответила Анна, стараясь, чтобы голос звучал уверенно, она написала: прибываю двадцать пятого марта, в четырнадцать двадцать. Поезд из Киева. Вагон седьмой. Место двенадцатое. Я всё проверила.

- Уже двадцать минут четвёртого.

- Значит, задерживается. Ты же знаешь, как сейчас поезда ходят - граница, проверки, таможня, паспортный контроль с двух сторон. Это не то, что раньше - сел и поехал. Теперь это целое приключение.

Андрей кивнул. Он знал. Поезда из Украины в Крым теперь ходили редко и с большими задержками - сказывалась и бюрократия, и напряжённые отношения между странами, и просто разрушенная за последние годы инфраструктура, но они всё равно ходили и на одном из этих поездов, преодолев все препятствия, все границы, все проверки, ехала их дочь. Их Катя. Которая когда-то, два года назад, назвала их предателями. Которая потом прошла через всё - через страх, через сомнения, через линию фронта, и вернулась. Не физически - душевно. А теперь возвращалась и физически.

Прошло ещё полчаса. Анна уже начала нервничать по-настоящему, она то садилась на скамейку, то снова вставала, то начинала ходить по перрону, то возвращалась к Андрею. В голову лезли всякие страшные мысли: а вдруг поезд задержали на границе? А вдруг Катю не пропустили? А вдруг что-то случилось? Она гнала эти мысли, но они возвращались.

- Андрей, а вдруг...

- Не «вдруг», перебил он. - Всё будет хорошо. Она же Бондаренко. А Бондаренко всегда добираются до дома.

На перроне тем временем продолжалась обычная вокзальная жизнь. Объявляли прибытие поездов - симферопольского, московского, краснодарского, донецкого. Встречающие оживлялись, вытягивали шеи, поднимали плакаты. Кто-то кого-то находил, обнимал, плакал. Кто-то разочарованно вздыхал - не тот поезд, не тот вагон. Анна смотрела на всё это и думала: сколько же людей проходят через этот вокзал. Сколько судеб. Сколько историй и одна из этих историй - её собственная.

И вдруг динамик наконец ожил тем особым, потрескивающим голосом, который бывает только у вокзальных диспетчеров:

- Внимание! Поезд номер сто сорок семь сообщением Киев - Севастополь прибывает на первый путь. Просьба встречающих соблюдать осторожность, не подходить близко к краю платформы. Повторяю: поезд номер сто сорок семь, Киев - Севастополь, прибывает на первый путь.

- Андрей! - Анна схватила мужа за руку. - Слышишь? Прибывает! Первый путь!

- Слышу, слышу, он сжал её ладонь. - Спокойно, Аня. Всё хорошо.

Поезд показался из-за поворота - длинный, зелёный, с облупившейся местами краской и знакомой эмблемой «Укрзализныци» на вагонах. Он шёл медленно, словно устав от дол-

гой дороги, и колёса его размеренно, успокаивающе стучали по рельсам: тук-тук, тук-тук. Анна смотрела на проплывающие мимо вагоны и считала: первый, второй, третий... В каждом окне - чьи-то лица, чьи-то руки, машущие встречающим, чьи-то улыбки. Четвёртый, пятый, шестой... Вот и седьмой вагон - тот самый, из которого должна выйти Катя. Из открытых дверей тамбура уже выглядывали пассажиры - кто-то с чемоданами, кто-то с детьми, кто-то просто вдыхал морской воздух после долгой дороги.

И вдруг Анна увидела её.

Катя стояла на ступеньках вагона, одной рукой держась за поручень, другой придерживая рюкзак на плече. Она была не такой, какой Анна помнила её по фотографиям. Похудевшая - скулы заострились, стали заметнее. Повзрослевшая - в глазах появилось что-то новое, какая-то глубина, которой не было раньше. С короткой стрижкой, которая очень ей шла. В лёгком весеннем пальто - слишком лёгком для марта, но она всегда одевалась не по погоде, и с потрёпанным рюкзаком за плечами, с которым, наверное, прошла через фронт. Она всматривалась в толпу на перроне - близоруко щурилась, потому что забыла надеть очки, и глаза её, те самые серые, бондаренковские глаза, были полны тревоги и надежды одновременно.

- Катя! - Анна закричала, забыв обо всём - о приличиях, о том, что вокруг люди, о том, что она пожилая женщина. - Катюша! Мы здесь! Мы здесь!

Она замахала рукой, и Катя увидела их. Увидела мать в её неизменном платке и отца в белой рубашке. Её лицо озарилось улыбкой - той самой, которую Анна помнила с детства, с тех пор, как Катя была маленькой девочкой с бантами, и она спрыгнула со ступенек, не дожидаясь, пока поезд полностью остановится. Проводница что-то крикнула ей вслед, но Катя не слышала. Она уже бежала по перрону, лавируя между чемоданами, детскими колясками, пассажирами, не видя ничего и никого вокруг, кроме двух фигур в конце платформы.

- Мама! Папа!

Они обнялись втроём - крепко, отчаянно, как обнимаются люди, которые слишком долго были в разлуке и уже почти потеряли надежду увидеться снова. Анна плакала, не скрывая слёз, и они текли по её щекам, смешиваясь с абрикосовыми лепестками, которые ветер заносил на перрон. Андрей молча прижимал дочь к груди и чувствовал, как у самого щиплет в глазах, но держался - он же мужчина, он же офицер, он не должен плакать. Хотя в этот момент ему было всё равно, должен он или не должен.

- Приехала, прошептала Катя, уткнувшись лицом в отцовское плечо. - Наконец-то. Я думала, это никогда не случится. Господи, как я скучала., как я мечтала об этом дне. Два года. Два года я представляла, как выйду на этом вокзале и увижу вас и вот - я здесь. Я правда здесь.

- Ты дома, сказал Андрей, и его голос, обычно такой сдержанный, дрогнул. - Теперь ты дома и больше никуда не

уедешь.

- Не уеду, пообещала Катя. - То есть, уеду - мне нужно будет возвращаться в Киев, у меня учёба, диплом, но я всегда буду возвращаться. Теперь - всегда.

Они стояли так долго - трое на перроне, обнявшись, не в силах разомкнуть объятия, и прохожие обходили их стороной, понимая: здесь происходит что-то важное. Что-то, ради чего стоило жить, ждать, верить. Что-то, что нельзя измерить никакими мерками - ни деньгами, ни временем, ни расстоянием. Воссоединение. Возвращение. Любовь.

А в небе над Севастополем сияло весеннее солнце, и море блестело в его лучах, как расплавленное серебро, и абрикосовые лепестки летели по ветру, словно белые бабочки, и чайки кричали над бухтой и в этот самый момент всё было правильно. Всё было именно так, как должно быть. Семья Бондаренко собиралась заново - клёпка за клёпкой, обруч за обручем и этот процесс был прекрасен.

Часть 2. Дом

Севастополь, 25 марта 2016 года. Корабельная сторона.

Они шли с вокзала пешком - Катя настояла. Ей хотелось пройти по знакомым улицам, вдохнуть знакомые запахи, услышать знакомые звуки. Хотелось убедиться, что город - её город, город её детства, город её снов и воспоминаний, всё ещё здесь. Что он жив. Что он ждал её. Что он помнит её - ту девочку с бантами, которая бегала по этим улицам, гоняла голубей на Приморском бульваре, ела мороженое на

набережной, плавала в бухте, боялась медуз и верила, что мир, это что-то простое, понятное, навсегда данное.

И Севастополь не подвёл. Он встретил её всем, что она помнила и любила, всем, что хранила её память все эти долгие два года разлуки. Гул порта, доносившийся снизу, от причалов - басовитые гудки кораблей, скрежет кранов, окрики докеров, ритмичный стук двигателей. Крики чаек - вечные, пронзительные, требовательные, как сама жизнь. Запах водорослей и соли, пропитавший каждый камень, каждую трещину в асфальте, каждый кирпич старых домов - тот самый запах, который она узнала бы из тысячи, который снился ей в Киеве долгими бессонными ночами. Облупленные фасады старых домов из инкерманского камня, помнившие ещё царские времена, две обороны, немецкую оккупацию, советскую власть, украинский период. Вывески на русском языке - когда-то это было редкостью, почти диссидентством, а теперь стало нормой: «Продукты», «Аптека», «Парикмахерская», «Мастерская по ремонту обуви» и море - бескрайнее, синее, сверкающее на солнце, которое открывалось с каждого перекрёстка, с каждой смотровой площадки, с каждого поворота.

Они шли по Большой Морской - главной улице города, по которой Катя когда-то ходила в школу, в музыкальную школу, в библиотеку, в гости к подружкам. Прошли мимо памятника адмиралу Нахимову - бронзовый адмирал всё так же стоял, глядя на бухту, и в его позе было что-то вечное,

незыблемое, как сама Россия. Мимо Графской пристани с её белыми колоннами, где стояли катера и яхты и где всегда было полно туристов. Мимо старых платанов, на которых уже набухали почки и вот-вот должны были проклюнуться первые клейкие листочки. Мимо Морской библиотеки, куда Катя записалась в первом классе и прочитала, кажется, половину книг. Мимо кинотеатра «Победа», где она смотрела свои первые фильмы.

Андрей нёс Катин рюкзак, хотя она пыталась протестовать - «Папа, я сама, я взрослая, я через фронт прошла», но он только отмахивался: «Я два года тебя не видел. Дай хоть рюкзак понести» и она сдалась, потому что понимала: ему это нужно. Ему нужно чувствовать себя отцом. Защитником. Тем, кто несёт тяжесть.

Анна держала дочь под руку, словно боялась, что та исчезнет, растворится в воздухе, окажется миражом, сном, галлюцинацией. Она то и дело пожимала её локоть, гладила по плечу, поправляла выбившуюся прядь волос - те самые машинальные материнские жесты, которые не исчезают никогда, сколько бы лет ни было ребёнку. Катя не сопротивлялась. Ей было хорошо. Ей было спокойно. Ей было... дома.

Она смотрела по сторонам и чувствовала, как что-то внутри неё - что-то, что было сжато, скомкано, спрятано глубоко-глубоко, куда она сама боялась заглядывать, начинает расправляться., как сухой цветок, который наконец-то поставили в воду., как замёрзшая птица, которую отогрели в

ладонях., как человек, который вернулся домой.

- Здесь почти ничего не изменилось, сказала она, оглядывая знакомые витрины, знакомые вывески, знакомые лица прохожих. - Только флаги другие и памятники... нет, памятники те же. Всё то же.

- Флаги, это ерунда, ответил Андрей. - Флаги меняются. Империи рушатся. Государства приходят и уходят. А главное остаётся. Город. Люди. Море. Это - навсегда.

- Море - навсегда, повторила Катя, глядя на бухту. Солнце клонилось к закату, и вода стала золотисто-розовой, как на картинах Айвазовского. - Я скучала по морю. В Киеве есть Днепр - широкая река, красивая, особенно весной, когда разливается, но это не то. Река, она пресная. Она течёт в одну сторону. А море - оно живое. Оно дышит. Оно пахнет. Оно разговаривает с тобой.

- Разговаривает? - Анна улыбнулась, и в её глазах блеснули слёзы - светлые, радостные. - О чём же оно тебе говорит?

- О разном. О том, что всё проходит и горе, и радость, и война, и мир. О том, что всё возвращается - весна, любовь, надежда. О том, что нужно просто ждать. Просто верить. Просто любить. Это самое трудное и самое важное.

Анна переглянулась с Андреем. Эти слова - «просто верить, просто любить» - были так похожи на то, что они сами говорили друг другу все эти тридцать три года. Яблочко от яблони недалеко падает.

Они свернули на Корабельный спуск - узкую, мощённую

булыжником улочку, круто сбегающую вниз, к бухте. Это была дорога детства. По этим камням Катя бегала в школу. По этим камням она возвращалась домой. По этим камням они с Алёшей гоняли на велосипедах. Здесь почти ничего не изменилось и это было самое удивительное. Те же старые дома из инкерманского камня, слегка облупившиеся, но всё ещё крепкие. Те же чугунные решётки на балконах с причудливыми узорами. Те же коты, греющиеся на солнце - толстый рыжий на крыльце булочной, чёрный с белым пятном на подоконнике аптеки, серый полосатый на заборе. Те же запахи - свежего хлеба, аптечных настоек, моря.

Вот булочная, куда Катя бегала за хлебом каждое утро, сжимая в кулаке мятые купюры. Вот аптека, где мама покупала лекарства от простуды и зелёнку для разбитых коленок. Вот старая акация - та самая, на которую Катя залезла в шесть лет, чтобы доказать Алёше, что она не трусиха, и не смогла слезть. Отец тогда снимал её с дерева, а мама стояла внизу и охала. Вот мастерская отца - массивная дубовая дверь приоткрыта, и оттуда пахнет дубом, лаком, стружкой, временем. Всё на своих местах. Всё, как прежде., как будто и не было этих двух лет.

- Зайдём? - спросил Андрей, кивая на мастерскую.

- Зайдём, Катя кивнула.

Они вошли внутрь. В мастерской царил полумрак, пронизанный тонкими лучами света, пробивавшимися сквозь щели в ставнях. Пахло деревом - тем самым, знакомым с дет-

ства запахом дуба, лака, стружки, который Катя помнила, кажется, с младенчества. Вдоль стен стояли инструменты - молотки разных размеров, стамески, рубанки, пилы, развешанные в идеальном порядке, каждый на своём месте. Дед Захар, который оборудовал эту мастерскую ещё в пятидесятых, говорил: «Инструмент, это лицо мастера. Если инструмент в беспорядке и работа будет беспорядочной». Андрей свято соблюдал это правило.

Посередине мастерской, на деревянных козлах, стояла бочка - большая, дубовая, ещё не законченная. Несколько клёпок были уже пригнаны, обручи набиты наполовину, и пахло от неё свежим деревом и временем. Андрей работал над ней, когда узнал о приезде дочери.

- Вот, сказал он, подходя к бочке и проводя по ней рукой - тем самым жестом, который Катя помнила с детства, это для Массандры. Заказ на триста литров, для выдержки красного вина. Они попросили сделать её к маю, но я решил - закончу позже. Сергеич на стройке отпустил на четыре дня. Семья важнее любых бочек.

Катя подошла к бочке, провела рукой по гладкому, тёплому дереву. Оно было живым. Оно дышало. Оно помнило руки мастера и деда Захара, и отца, и, может быть, когда-нибудь запомнит руки Алёши или Андрейки.

- Помнишь, папа, как ты учил меня строгать? - спросила она. - Мне было, наверное, лет десять. Я пришла сюда и сказала: «Научи меня что-нибудь делать» и ты дал мне рубанок

и доску и я строгала, строгала...

- Помню, Андрей усмехнулся. - Ты тогда порезала палец стамеской. Не очень глубоко, но кровь пошла. Ты плакала, а я тебя утешал. Сказал: «Ничего, до свадьбы заживёт».

- А Алёша, который сидел вон там, на табурете, и смотрел, сказал: «Значит, тебя никто замуж не возьмёт, раз палец порезан» и я запустила в него стамеской.

- Он увернулся, Андрей покачал головой. - Слава Богу, увернулся. Иначе быть бы ему без глаза. А ты всегда была вспыльчивой. Вся в мать.

- Эй! - возмутилась Анна. - Я, между прочим, никогда стамесками не кидалась!

- Зато кастрюлями, улыбнулся Андрей. - Помнишь, как ты запустила в меня кастрюлей, когда я забыл про годовщину? Девяносто второй год, кажется.

, это был девяносто третий, поправила Анна, и ты не забыл про годовщину. Ты забыл купить хлеба и пришёл пьяный. С Гавриловым.

- Ну, с Гавриловым, это святое, развёл руками Андрей.

Они засмеялись - впервые за долгое время все вместе, всей семьёй, вот так, запросто и этот смех был лучшим доказательством того, что всё возвращается. Что семья, это не просто слово. Это люди, которые помнят твои детские слёзы и твои брошенные стамески. Которые помнят, как ты боялся медуз и, как ты запустил кастрюлей. Которые любят тебя не за что-то, а просто так. Потому что ты - свой. Потому что ты

- Бондаренко.

Вечером они сидели за столом в квартире - той самой, где Катя выросла, где прошло всё её детство. Анна испекла свой знаменитый яблочный пирог, тот самый, рецепт которого передавался в семье из поколения в поколение. Андрей открыл бутылку крымского красного вина - из той самой бочки, которую он сделал год назад для Массандры. Вино было терпким, ароматным, с привкусом дуба и времени. Катя рассказывала о Киеве - об учёбе, о Ярине, о своих планах на будущее. О том, что собирается писать диплом по военной журналистике. О том, что её репортаж, тот самый, напечатанный с купюрами, заметили в профессиональном сообществе. О том, что, возможно, после выпуска она поедет работать на Донбасс - военным корреспондентом. «Только теперь с другой стороны», добавила она и замерла, ожидая реакции.

Родители переглянулись. Анна вздохнула. Андрей помолчал.

, это опасно, сказала Анна.

- Я знаю, ответила Катя, но я там была. Я видела. Я знаю, о чём пишу и я хочу быть там. Хочу рассказывать правду. Настоящую.

- Ты уже рассказываешь, Андрей кивнул, и мы тобой гордимся. Только будь осторожна.

- Буду. Обещаю.

Родители слушали, задавали вопросы, смеялись, иногда плакали, но это были хорошие слёзы. Слёзы очищения. Слё-

зы воссоединения. Всё было, как раньше и в то же время совсем по-другому. Потому что теперь они знали цену этим минутам. Знали, как хрупко счастье., как легко его потерять и, как трудно, почти невозможно - вернуть.

Когда за окном стемнело и над бухтой зажглись первые звёзды, Катя вышла на балкон - тот самый крошечный балкон, где отец стоял в феврале четырнадцатого, когда всё только начиналось. Море было чёрным, спокойным, и в нём отражались звёзды - тысячи звёзд, рассыпанных по небу, как драгоценные камни. Где-то далеко, на рейде, мигали сигнальные огни кораблей - красные, зелёные, белые. Где-то ещё дальше, за сотни километров, в донецкой степи, сидел в своём блиндаже Алёша. Она достала телефон и набрала его номер.

- Катя? - голос брата был удивлённым и радостным. - Ты откуда звонишь? У тебя же роуминг должен быть отключён!

- Из дома, ответила она. - Из Севастополя. С нашего балкона. Я приехала, Алёша. Я здесь. С мамой и папой. Мы только что поужинали. Мама испекла пирог. Папа открыл вино из своей бочки. Всё, как раньше.

В трубке помолчали. Потом Алёша сказал - тихо, с чувством:

- Поздравляю, сестрёнка. Ты сделала это. Я знал, что ты сделаешь. Знал с того самого дня, как ты приехала ко мне в Донецк. Когда ты перешла через фронт. Когда ты сказала, что семья, это мост. Я знал, что ты доберёшься. Жаль, что

меня там нет.

- Ты тоже приедешь. Когда-нибудь. Когда всё кончится. Когда можно будет просто сесть на поезд и приехать. Без виз, без разрешений, без блокпостов.

- Когда-нибудь, повторил он. - Обязательно. Мы все соберёмся за этим столом. Ты, я, Лена, Андрейка, мама, папа. Я тебе обещаю. Дай трубку маме. Я хочу её поздравить. С тем, что ты наконец дома.

Катя вернулась в комнату, передала телефон матери. Анна взяла трубку, и её лицо - усталое, в морщинах, но такое родное - осветилось улыбкой. Андрей сидел рядом, положив руку ей на плечо. Катя смотрела на них - на своих родителей, которые прошли через всё: через холодную войну, развал страны, безденежье, страх за сына, тоску по дочери, и не сломались и думала: «Вот оно. Вот ради чего всё. Ради этого момента. Ради этой минуты. Ради этого пирога и этого вина. Ради этого балкона и этого моря. Ради этой семьи».

Мост был построен. Не через Керченский пролив - через время, через расстояние, через боль и непонимание. Через линию фронта и государственные границы и он стоял. Прочный, надёжный, нерушимый.

Потому что держался он не на бетоне и не на стали. Он держался на любви.

Часть 3. Разговоры на кухне

Севастополь, 26 марта 2016 года. Корабельная сторона.

На следующее утро Катя проснулась поздно - сказывалась

усталость после долгой дороги, после двух дней в поезде, после пересадок, проверок на границе, после бессонной ночи перед прибытием, когда она стояла в тамбуре и смотрела на проплывающие мимо крымские пейзажи. Солнце уже стояло высоко, и его яркие лучи, пробиваясь сквозь старые ситцевые занавески, рисовали на полу золотые квадраты. С кухни доносился запах свежеиспечённых блинов и кофе - мама, как всегда, хлопотала у плиты, и этот звук, этот запах, это ощущение были ей знакомы с детства. Запах дома. Запах безопасности. Запах любви.

Она потянулась, оглядела свою комнату. Всё было на своих местах. Старый письменный стол, за которым она делала уроки. Книжные полки с потрёпанными томиками - Пушкин, Шевченко, Дюма, «Остров сокровищ», которого ей читал папа. Плакат с видом Севастопольской бухты на стене. Фотография в рамке - они с Алёшей на пляже, смеются. Всё то же., как будто она никуда не уезжала., как будто не было этих двух долгих лет.

Она вышла на кухню, щурясь от яркого света. Анна стояла у плиты, переворачивая блинчики на старой чугунной сковородке - той самой, которую ещё её мать привезла из Харькова, и напевала что-то тихое, украинское, мелодичное. Андрей сидел за столом в своей любимой позе - чуть ссутулившись, облокотившись на стол, читал свежий номер «Крымской правды» и пил чай из своей любимой чашки: старой, с отбитой ручкой и надписью «Севастополь», которую Анна

давно порывалась выбросить, но он не давал. Увидев дочь, он отложил газету и улыбнулся.

- Доброе утро, соня, сказал он. - Уже почти полдень. Мы думали, ты до вечера проспишь. Мать уже три раза к тебе заглядывала - проверяла, жива ли.

- Доброе утро, Катя поцеловала отца в колючую щёку, потом мать - в мягкую, пахнущую ванилью. - Я, кажется, впервые за два года выспалась по-настоящему. В Киеве всё время кажется, что нужно куда-то бежать, что-то делать, кому-то что-то доказывать. А здесь... здесь время течёт по-другому. Медленно. Спокойно., как в детстве.

, это море так действует, сказал Андрей, отпивая чай. - Я заметил, что, когда приезжаю со стройки, первое время тоже не могу спать нормально. Там, на проливе, всё время шум, гул, краны, техника. А здесь - тишина. Только чайки кричат. Я долго привыкал. А теперь научился ценить эту тишину.

Они сели завтракать. Блины были тонкие, кружевные, с маслом и густой домашней сметаной, точно такие, какие Катя любила в детстве. Анна ставила перед ней тарелку за тарелкой, подкладывала ещё и ещё, приговаривая: «Ты похудела, тебе надо есть, в Киеве, наверное, одна гречка да макароны». Катя не сопротивлялась. Она ела и чувствовала, как что-то внутри неё - какая-то пружина, сжатая до предела за эти годы, наконец-то отпускает., как будто она всё это время держалась, сама того не замечая, и только теперь, здесь, за этим столом, позволила себе расслабиться.

- Расскажи про Киев, попросила Анна, подливая дочери чай. -, как там сейчас? Что изменилось за эти два года?

- По-разному, Катя задумалась, подбирая слова. - С одной стороны - мирная жизнь. Люди работают, учатся, ходят в кафе и кино. На Крещатике играют уличные музыканты, в парках гуляют пары, дети катаются на самокатах. С виду - обычный европейский город, но это только с виду. Если присмотреться... Война чувствуется. Везде плакаты: «Україна понад усе», «Армія - це сила», «Захистимо рідну землю». У военкоматов - очереди из мобилизованных. По телевизору постоянно говорят о «российской агрессии», о «временно оккупированных территориях» и многие люди... многие ненавидят. Искренне. Не хотят слышать другую точку зрения. Не хотят думать. Им проще делить мир на чёрное и белое.

- А ты? - спросил Андрей, глядя на неё поверх газеты. -, как ты там? Не обижают? Не травят?

- Бывает, призналась Катя, отодвигая тарелку. - Когда узнают, что я из Севастополя, что у меня родители в Крыму, а брат в ополчении - по-разному реагируют. Кто-то перестаёт здороваться. Кто-то бросает косые взгляды. Кто-то шепчется за спиной. Однажды в деканате одна преподавательница сказала мне: «Вам бы, Екатерина Андреевна, определиться, на чьей вы стороне». А я ответила: «Я на стороне правды». Она поджала губы и больше со мной не разговаривала.

- А те, кто не перестаёт? - спросила Анна.

- Таких тоже много. Ярина, она вообще золото. Она един-

ственная, кто знает всю правду, от начала до конца и я знаю её правду - у неё дядя в Луганске, тоже за Россию. Он не воюет, он просто живёт там и ждёт, но Ярина не может к нему поехать - граница, те же проблемы, что и у меня. Так что мы друг друга поддерживаем. Она говорит: «Мы с тобой, как два сапёра на минном поле. Кто-то должен разминировать эту ненависть».

Анна вздохнула. Она вспомнила Оксану, свою младшую сестру, с которой они почти не общались с февраля четырнадцатого. Несколько звонков, несколько коротких писем, одна открытка на Новый год и всё., как будто между ними выросла стена. Стена из политики, из идеологии, из взаимных обид.

- А тётя Оксана? - спросила она, и голос её дрогнул. -, как она? Ты с ней видишься?

- Каждую неделю, Катя кивнула, она работает в Министерстве образования, всё так же. Передаёт вам привет. Всегда, каждый раз, когда я к ней прихожу. Она... она тоже изменилась. Сильно. Стала тише. Задумчивее. Меньше говорит о политике, меньше смотрит телевизор. Когда я рассказала ей, что была в Донецке и видела Алёшу, она заплакала. Первый раз за всё время. Сказала: «Я тоже хочу его увидеть. Я помню его вот таким, она показала рукой ниже пояса, когда он бегал по этой квартире. А теперь он воюет., как это могло случиться?»

- Может быть, когда-нибудь... - начала Анна и замолчала,

не в силах договорить.

- Может быть, согласилась Катя, беря её за руку. - Война не вечна. Когда-нибудь она кончится. Все войны когда-нибудь кончаются и тогда мы все сможем нормально общаться. Без виз, без разрешений, без страха. Просто - семья.

Андрей слушал этот разговор и думал о том, как странно, как причудливо устроена жизнь. Ещё два года назад они все были одной страной. Ездили друг к другу без виз и разрешений. Звонили без роуминга. Встречались на праздниках, сидели за одним столом, спорили о какой-то ерунде. Тогда это казалось обыденным. Теперь это казалось чудом.

- Ладно, сказал он, вставая и откладывая газету. - Хватит о грустном. Пойдём, я покажу тебе город. Ты же два года не была. Многое изменилось. Не всё в худшую сторону.

- Что изменилось? - Катя оживилась.

- Увидишь. Одевайся. Только тепло, с моря ветер.

И они пошли гулять - отец и дочь. По Корабельному спуску вниз, к бухте. По Приморскому бульвару, где играли уличные музыканты на гитаре и скрипке. Мимо памятника затопленным кораблям - символа Севастополя, который стоял здесь уже больше ста лет. Мимо новых кафе и ресторанов, открывшихся после возвращения в Россию. Мимо отремонтированных набережных и покрашенных фасадов. Мимо Графской пристани, где стояли яхты и катера, и матросы в парадной форме фотографировались с туристами.

Севастополь жил. Севастополь строился. Севастополь ды-

шал полной грудью.

И Катя, глядя на всё это, на эти знакомые с детства улицы и новые здания, на чаек и корабли, на отца, который шёл рядом и рассказывал о каждой стройке, о каждом новом магазине, о каждой перемене, чувствовала, что она часть этого. Что она дома. Что всё, через что они прошли, было не зря.

Часть 4. Прогулка по городу

Севастополь, 26 марта 2016 года. День.

Они шли по Приморскому бульвару - одному из самых красивых мест города, откуда открывался вид на всю Севастопольскую бухту. Был тот самый час, когда солнце уже начинало клониться к западу, и его лучи окрашивали воду в золотисто-розовые тона, а тени от платанов становились длинными, причудливыми, словно нарисованными тушью. Белые колонны Графской пристани сияли на солнце, только что отреставрированные, помолодевшие, словно сбросившие груз прожитых десятилетий. У причала стояли катера и яхты, и матросы в парадной форме - бескозырки, чёрные бушлаты, фотографировались с туристами, которые приехали в Крым на весенние каникулы. Пахло морем, водорослями, солью, свежей выпечкой из соседней булочной и ещё чем-то неуловимым - может быть, весной, может быть, счастьем, может быть, самой жизнью.

Андрей шёл рядом с дочерью, засунув руки в карманы старой флотской куртки, которую носил уже много лет и которую Анна грозилась выбросить, но он не давал - «она ещё

послужит». Он показывал на здания, на корабли, на памятники и рассказывал -, как всегда, немногословно, но весомо, с той особой интонацией, которая появлялась у него только тогда, когда он говорил о Севастополе.

- Видишь, фонтан отремонтировали. Помнишь, он ещё в двухтысячных сломался? Лет десять не работал, стоял, как памятник разрухе. А теперь - смотри, какой красивый и подсветку сделали, по вечерам музыка играет. Молодёжь здесь гуляет, свидания назначает. Я иногда вечером выхожу, сажусь на скамейку и слушаю. Хорошо играют. Классику - Чайковского, Рахманинова.

- А вон там, он указал на набережную, где раньше был пустырь, заросший бурьяном, новый сквер разбили. Скамейки поставили, клумбы с тюльпанами, фонари кованые. Раньше там был просто пустырь, а теперь - люди гуляют, дети играют. Хорошо сделали, по-настоящему, с душой. Видишь, вон та бабушка с внуком? Она тут каждый день гуляет. Говорит: «Наконец-то есть где посидеть».

- Графскую пристань отреставрировали. Колонны укрепили, ступени заменили. А то ведь стыдно было - главная пристань города, визитная карточка, а плитка выщерблена, штукатурка обваливается. Теперь, как новая. Даже лучше, чем новая - потому что сохранили дух старины.

Катя слушала и улыбалась. Она помнила этот город другим - более запущенным, более уставшим, словно пожилой человек, которому не хватает денег на лекарства. В украин-

ские времена денег на реставрацию не хватало, и Севастополь потихоньку ветшал, как и всё в той стране - облупленные фасады, разбитые тротуары, фонари, которые не горели годами. Теперь город преображался на глазах., как будто он тоже вернулся домой и расцвел, расправил плечи, задышал полной грудью.

- Ты говоришь, как экскурсовод, сказала она, сжимая отцовский локоть.

- А я и есть экскурсовод, Андрей усмехнулся в усы. - Только бесплатный и только для своих. Для чужих - пусть платят.

Они прошли мимо памятника затопленным кораблям - символа Севастополя, который стоял здесь, в море, больше ста лет. Бронзовый орёл на вершине колонны всё так же смотрел в море, и волны всё так же разбивались о камни у его подножия, и этот звук - мерный, ритмичный, вечный - был лучшей музыкой. Катя остановилась, положила руки на парапет, долго смотрела на памятник. Она помнила, как в детстве отец рассказывал ей его историю - о кораблях, затопленных в 1854 году, чтобы преградить вход в бухту вражескому флоту. О русских моряках, которые пожертвовали своими кораблями ради города. О том, что Севастополь всегда был городом-героем, городом-крепостью, городом-жертвой.

- Знаешь, сказала она, не отрывая взгляда от памятника, я, когда была в Киеве, часто вспоминала это место. Этот памятник. Это море. Мне кажется, если бы у меня спросили, что такое Севастополь, я бы показала на него. Он -, как го-

род. Пережил всё. Войны, революции, смену властей, бомбёжки, осады и стоит. Стоит, несмотря ни на что.

- Стоит, согласился Андрей, вставая рядом. - Потому что у него корни глубокие., как у дуба. Чем глубже корни - тем труднее повалить. Это ещё дед Захар говорил. Он вообще любил сравнивать всё с деревом. Говорил: «Человек -, как дерево. Дом -, как дерево. Город -, как дерево. Если корни крепкие - никакой ветер не страшен».

Они пошли дальше. Свернули на улицу Ленина, прошли мимо Дома офицеров - величественного здания с колоннами, где когда-то Андрей бывал на собраниях и концертах, где они с Анной танцевали на новогодних вечерах. Потом вышли к площади Нахимова - той самой, где два года назад, в феврале-марте четырнадцатого, кипели митинги, где тысячи людей собирались с российскими флагами, где Андрей стоял в толпе и плакал, когда пели гимн России. Теперь здесь было тихо, мирно. На скамейках сидели старухи в платках, кормили голубей, которые слетались к ним со всей площади. Дети катались на самокатах по свежеуложенной плитке. Молодые мамы катили коляски. Уличный фотограф предлагал туристам снимки на фоне памятника адмиралу. Обычная, спокойная, мирная жизнь.

Но Андрей смотрел на эту площадь и помнил.

- Здесь всё началось, сказал он, и голос его стал глуше, тише. - Здесь. Вот на этом самом месте. Мы стояли вон там, у памятника. Я, мама, Гаврилов. Тысячи людей и когда за-

пели гимн - ты не представляешь, что это было., как будто двадцать три года ожидания прорвались разом. Все плакали. Мужики, бабы, старики, молодые. Все.

- Я помню, Катя кивнула. - Я видела по телевизору. В Киеве. Я сидела у тёти Оксаны и смотрела. И...

- Что?

и ненавидела вас. Всех. Толпу, флаги, гимн. Мне казалось, что вы предатели. Что вы продали Украину.

- А теперь?

- Теперь я понимаю. Вы не предавали Украину. Вы выбирали Россию. Это разные вещи и я... прости меня, папа. За те слова. За ту ненависть. Я была глупой. Мне задурили голову.

Андрей остановился. Повернулся к дочери. Положил руки ей на плечи - тяжело, по-отцовски.

- Забудь, сказал он. - Ты была ребёнком. Тебе было семнадцать лет. В семнадцать лет все верят в то, что им говорят и ты смогла сама, своим умом, через всё это пройти. Через пропаганду. Через страх. Через фронт. Ты сама дошла до правды. Это дорогого стоит. Я тобой горжусь.

Катя всхлипнула, уткнулась лицом в отцовскую куртку. От куртки пахло морем, табаком, деревом - вечный запах старого бондаря и этот запах был для неё запахом дома. Запахом защиты. Запахом любви.

Они постояли так немного. Потом Андрей вдруг сказал:

- Пойдём, я покажу тебе кое-что ещё. То, что ты точно не видела.

Они прошли через сквер, мимо Вечного огня, мимо мемориала героической обороны Севастополя, и вышли на смотровую площадку над бухтой. Отсюда открывался вид на всю Севастопольскую бухту - от Графской пристани до Константиновской батареи, от Северной стороны до мыса Херсонес. Корабли на рейде - большие десантные, сторожевики, тральщики. Катера и яхты, снующие между берегами. Чайки, парящие в восходящих потоках и море - бескрайнее, синее, сверкающее, уходящее за горизонт, где оно сливалось с небом.

- Вот, сказал Андрей, это я и хотел тебе показать.

- Море? - Катя улыбнулась, вытирая слёзы. - Я его и так видела. Каждый день в детстве.

- Не просто море. Это Наш Севастополь. Наш дом. Наша Россия. Когда я стою здесь, я понимаю: всё было не зря и референдум, и война, и страх за Алёшу, и тоска по тебе. Всё было ради этого. Ради того, чтобы мы могли стоять здесь, на этой земле, и знать: это наша земля. Навсегда и никто её у нас не отнимет.

Катя взяла его под руку. Они стояли вдвоём - отец и дочь, и смотрели на море. Высокий, седой, чуть сутуловатый человек в старой флотской куртке. Молодая женщина с короткой стрижкой и серыми, бондаренковскими глазами и море, как всегда, было спокойным и в этом спокойствии было обещание. Обещание, которое давала сама жизнь: всё будет хорошо. Не сразу. Не легко, но обязательно.

Часть 5. Письмо от Алёши

Севастополь, 27 марта 2016 года. Утро.

На третий день после приезда Кати пришло письмо от Алёши. Почтовая марка с изображением Донецка - того самого, разрушенного, но не сломленного, штемпель полевой почты с едва различимой датой, знакомый неровный почерк на конверте. Всё это было таким привычным, почти рутинным за эти два года, и в то же время каждый раз, когда Анна видела в почтовом ящике очередной конверт, её сердце замирало. Сначала - от страха: а вдруг это не письмо, а похоронка? Потом - от облегчения: нет, это письмо. Почерк сына. Значит, жив.

Она взяла конверт из ящика и, ещё не вскрывая, прижала к груди, словно пыталась передать сыну тепло через плотную бумагу. Она всегда так делала - с самого первого письма, которое пришло в феврале четырнадцатого. Это стало её ритуалом, её маленькой молитвой.

На кухне завтракали Катя и Андрей. Солнце уже поднялось над бухтой и заливало комнату ярким, почти летним светом. На столе стояли остатки утреннего пиршества - блины, сметана, мёд, домашнее абрикосовое варенье, которое Анна сварила ещё в прошлом году. Андрей пил чай из своей неизменной чашки и читал «Крымскую правду». Катя, поджав ноги, сидела на стуле и смотрела в окно на море, она всё ещё не могла привыкнуть к тому, что оно рядом.

- От Алёши, сказала Анна, входя на кухню, и голос её дро-

жал от радости.

- Читай вслух, попросила Катя, отворачиваясь от окна. - Я хочу слышать его слова. Не просто читать - слышать.

Анна аккуратно, словно святыню, вскрыла конверт, достала сложенный вчетверо листок бумаги - обычной, в клеточку, вырванной из школьной тетради, надела очки, которые всегда лежали у неё наготове, и начала читать.

«Здравствуйте, мои дорогие мама, папа и Катя!

Пишу вам и знаю, что Катя сейчас у вас. Мне Витька сказал - ему Ярина написала в соцсетях, что Катя всё-таки получила разрешение и уехала. Это удивительное чувство - знать, что моя сестра, которая когда-то, сто лет назад, называла меня предателем и вешала трубку, теперь сидит за нашим столом, ест мамины пироги и смотрит на наше море. Катя, если ты это читаешь - я рад за тебя. Я всегда знал, что так будет. Всегда верил. Даже когда ты не верила сама.

Помнишь наш разговор в Донецке, в последний вечер перед твоим отъездом? Ты сидела у буржуйки и смотрела на огонь. Ты сказала: „Я боюсь, что мама с папой меня не простят. После всего, что я им наговорила". А я ответил: „Простят. Они же родители. Родители всегда прощают" и вот ты дома. Ты сидишь с ними за одним столом. Я оказался прав.

У нас всё по-прежнему. Перемирие в целом соблюдается - с оговорками, с провокациями, с ежедневными снайперскими

дуэлями и редкими миномётными обстрелами, но соблюдается. Тяжёлое вооружение отведено от линии соприкосновения. Танки и гаубицы стоят в тылах. Авиация не летает. Это не мир, конечно, до настоящего мира ещё далеко, но и не та война, что была в четырнадцатом и начале пятнадцатого. Мы называем это „вялотекущей фазой". Дед говорит: „Привыкайте. Это надолго. Может быть, на годы. Может быть, на десятилетия". Мы привыкли. Человек ко всему привыкает.

Лена работает в госпитале, получила звание старшего сержанта медицинской службы и третью медаль - теперь у неё их целых три, и она шутит, что скоро сможет открывать собственный музей. Она у меня героиня. Я ею горжусь.

Андрейка растёт, как на дрожжах. Ему уже почти три года - представляете? Три года! Он знает все буквы, считает до пятнадцати (иногда путает „восемь" и „девять", но это мелочи) и задаёт миллион вопросов в минуту. Почему небо синее? Почему трава зелёная? Почему люди воюют? Это самый трудный вопрос. На днях спросил: „Папа, а когда кончится война?" Что я мог ему ответить? Сказал: „Когда люди научатся договариваться". Он подумал, нахмурился - точь-в-точь, как папа, когда думает, и сказал: „Значит, скоро. Ты же умеешь договариваться. Ты с мамой всегда договариваешься". Дети - они мудрее нас. Они видят суть.

Катя, я знаю, что ты пробудешь у родителей до конца месяца. Жаль, что я не могу приехать - обстановка не поз-

воляет, командиры не отпускают, да и просто пересекать границу сейчас для меня было бы рискованно, но я верю - когда-нибудь мы все соберёмся вместе. За одним столом. В Севастополе. В нашей старой квартире на Корабельной стороне. Мама испечёт свой яблочный пирог, папа откроет вино из своей бочки, Андрейка расскажет стишок про ёлочку, а мы с Леной будем сидеть и смотреть на вас, и радоваться и это будет самый счастливый день в моей жизни.

Мама, папа - берегите себя. Берегите друг друга. Берегите Катю. Она вам сейчас нужна. Я вас очень люблю. Всех троих.

Ваш сын Алёша.

P.S. Катя, напиши мне про Киев. Про Ярину, она мне писала, что хочет приехать в Донецк и сделать репортаж о госпитале. Скажи ей - пусть приезжает. Мы её встретим. Твои письма, это глоток воздуха для меня. Не пропадай».

Анна дочитала и сняла очки. В кухне повисла тишина - та особая, глубокая, наполненная смыслом тишина, которая бывает после хороших писем. Тишина, в которой слышно, как тикают старые ходики на стене, как шумит ветер за окном, как кричат чайки над бухтой. Андрей молча смотрел в свою чашку с чаем - он всегда так делал, когда волновался. Анна вытирала слёзы краем фартука - светлые, радостные слёзы. А Катя взяла письмо, перечитала его ещё раз, уже про себя, и улыбнулась.

- «Когда люди научатся договариваться», повторила она,

это он хорошо сказал. Андрейка - мудрый мальчик. Весь в деда.

- В прадеда, поправил Андрей, не поднимая глаз. - Захар Трофимович тоже любил простые истины. Говорил: «Сложное - оно от лукавого. А правда, она всегда простая., как обруч на бочке».

- Я напишу ему, сказала Катя, вставая из-за стола. - Сегодня же. Прямо сейчас. Можно я возьму бумагу? В ящике стола?

- Там, где всегда лежала, кивнула Анна. - В правом ящике. Ручка там же.

Катя села за письменный стол в своей комнате - за тот самый стол, за которым она делала уроки в школе, за которым писала свои первые «журналистские репортажи» с папиным диктофоном, за которым когда-то, в феврале четырнадцатого, сидела и не знала, что написать брату. Теперь она знала. Достала чистый лист бумаги, ручку. Задумалась на минуту, глядя в окно, где сияло яркое мартовское солнце и море блестело, как расплавленное серебро, а чайки парили в восходящих потоках. Потом начала писать - быстро, размашисто, как всегда, когда эмоции переполняли её и слова не поспевали за мыслями.

«Алёша, привет!

Я читала твоё письмо. Мы читали его всей семьёй - мама, папа и я. Мама плакала, папа молчал (ты же его знаешь - он всегда молчит, когда чувства переполняют), а я... я

улыбалась. Потому что ты прав. Я дома. Я сижу за нашим столом, ем мамины пироги, смотрю на наше море и это - счастье. Настоящее, простое, человеческое счастье.

Знаешь, когда я шла по Корабельному спуску в первый день, я вспоминала тебя., как мы бегали здесь детьми - ты впереди, я сзади, еле поспевая., как ты учил меня не бояться медуз в Балаклаве: „Они не кусаются, они просто плавают“., как мы спорили, кто быстрее добежит до булочной и обратно., как ты разбил банку с вареньем и пытался её склеить., как я запустила в тебя стамеской, а ты увернулся. Всё это было и всё это - навсегда. Это нельзя отнять. Нельзя переписать. Нельзя забыть.

Папа водил меня гулять по городу. Показывал, что изменилось за эти два года. Отреставрировали Графскую пристань, разбили новый сквер, отремонтировали фонтан. Севастополь оживает. Он, как будто тоже вернулся домой. Я смотрела на всё это и думала: вот ради чего вы воюете. Вот ради чего всё это. Чтобы дети могли гулять по набережным и кормить голубей. Чтобы старухи сидели на скамейках и грелись на солнце. Чтобы город жил.

Передай привет Лене. Скажи, что я мечтаю её увидеть. Я помню её улыбку - ту, первую, когда мы встретились у тёти Веры. Она тогда сказала: „Я тебя по фотографиям знаю“ и я её - по твоим письмам и Андрейку поцелуй за меня. Скажи, что тётя Катя привезёт ему ещё одного медведя - большого, коричневого, с голубыми глазами. Пусть ждёт.

Ярине передам твои слова. Она будет рада. Она действительно хочет приехать в Донецк - говорит, что хороший журналист должен видеть всё своими глазами. Я её понимаю. Я сама такая.

Береги себя, Алёша. Ты нам нужен. Живой. Здоровый. Возвращайся.

Твоя сестра Катя.

P.S. Мама передаёт, что молится за тебя каждый вечер. Папа - что бочка ждёт. А я - что люблю тебя. Всегда».

Она запечатала письмо, аккуратно надписала адрес полевой почты и отдала Анне - та завтра же отнесёт его на почту и письмо пойдёт через границы, через блокпосты, через линию фронта, через время., как ходили уже десятки писем до него., как будут ходить ещё десятки после.

Мост продолжал стоять и будет стоять, пока есть те, кто пишет, и те, кто читает.

Часть 6. Андрей и мост

Керченский пролив, апрель 2016 года.

Андрей Петрович Бондаренко вернулся на стройку после четырёхдневного отпуска ранним утром, когда солнце только поднималось над проливом и вода казалась розовой от его первых лучей. Он вышел из старенького рейсового автобуса, который курсировал между Керчью и стройплощадкой, на знакомой остановке - бетонный блок с облупившейся краской и табличкой «Строительство Крымского моста. Посторонним вход запрещён», поправил рюкзак на плече и замер,

глядя на пролив.

За те четыре дня, что он провёл в Севастополе - с Катей, с Анной, в родных стенах, мост заметно вырос. Ещё две массивные опоры поднялись из воды, серые и незыблемые, как солдаты в строю. Ещё один пролёт был смонтирован, и теперь цепочка этих гигантов уходила к горизонту, туда, где пролив расширялся и сливался с открытым морем. Андрей смотрел на это и чувствовал, как внутри поднимается волна гордости - той самой, особенной, которую может испытывать только человек, причастный к великому делу.

Стройка гудела, как растревоженный улей. Огромные краны - плавучие и наземные - медленно поворачивали свои длинные стрелы, поднимая многотонные конструкции. Бетономешалки вращали барабанами, и их ритмичный гул смешивался с шумом прибоя. Сварщики в защитных масках рассыпали снопы золотых искр, которые падали в воду и гасли с коротким шипением. Рабочие в оранжевых касках и ярких жилетах сновали туда-сюда - кто-то нёс инструменты, кто-то тащил арматуру, кто-то сверялся с чертежами. Инженеры в белых касках стояли над разложенными на столах схемами и что-то обсуждали, указывая на пролёты и над всем этим стоял всё тот же запах - солярки, моря, металла, свежего бетона, нагретой на солнце земли. Запах созидания. Запах будущего.

Андрей постоял немного, вглядываясь в эту картину. Он помнил, как всё начиналось - всего полгода назад, в сентяб-

ре, когда он впервые приехал сюда. Тогда здесь были только геодезисты с треногами, инженеры с рулонами чертежей, временные вагончики и первые пробные сваи. Теперь мост рос на глазах и он, Андрей Бондаренко, был частью этого.

- Петрович! Вернулся, бродяга! - к нему спешил Сергеич, прораб, в своей неизменной, выцветшей на солнце оранжевой каске и с вечным планшетом в руках. Его обветренное, продублённое всеми ветрами лицо расплылось в улыбке. - Ну, как дочка? Как Севастополь? Как семья?

- Дочка - хорошо, Андрей улыбнулся в ответ, и улыбка эта была шире и светлее, чем обычно. - Приехала. Впервые за два года. Мы с женой чуть с ума не сошли от счастья. Сидели, разговаривали, пили вино из моей бочки. Я её по городу водил, показывал, что изменилось. Она говорит - Севастополь ожил.

- Поздравляю, Петрович! - Сергеич от души хлопнул его по плечу своей тяжёлой, как кувалда, ладонью, это дело надо отметить. Вечером заходи ко мне в вагончик, у меня есть бутылка крымского муската - специально для такого случая берёг. Посидим, выпьем за твою дочку, за семью, за всё хорошее.

- За дочку, это можно, согласился Андрей. - Только сначала - работа. У меня там, на третьем участке, доски недоделанные.

- Успеешь с досками. Они никуда не денутся. А дочка, это святое.

Андрей переоделся в рабочую одежду в общем вагончике-раздевалке, где пахло потом, соляркой и крепким мужским духом. Надел каску, взял инструменты - молоток, стамеску, рубанок, которые стали продолжением его рук, и пошёл на свой участок. Здесь, на мосту, у него была простая работа - плотницкая, такая же, какую он делал всю жизнь. Он монтировал деревянную опалубку для бетонных конструкций, подгонял доски, укреплял леса, но масштаб был совершенно другой. Вместо бочек - мост. Вместо тесной мастерской на Корабельной стороне - бескрайнее море и небо, которое смыкалось на горизонте и это наполняло его душу чем-то большим, чем просто работа.

Он работал весь день - до самого вечера, до заката, когда солнце окрасило воду в багряные тона. Потом, как и обещал, зашёл к Сергеичу. В тесном прорабском вагончике, заставленном шкафами с папками и рулонами чертежей, пахло табаком и крепким чаем. Сергеич уже ждал его - достал откуда-то из-под стола бутылку крымского муската, два гранёных стакана, нарезал хлеба и сала.

- Ну, Петрович, рассказывай, сказал он, разливая вино. -, как там, в Севастополе? Что нового? Как город?

И Андрей рассказывал. О Кате -, как она изменилась, повзрослела, как плакала на перроне и смеялась за столом. О жене -, как она пекла пироги и не спала ночами, ожидая дочь. О городе -, как он преображается на глазах, как ремонтируют набережные и скверы, как возвращается жизнь. О сыне -

который всё ещё там, на Донбассе, и пишет письма, полные надежды. Он говорил долго, и Сергеич слушал, не перебивая, кивая, подливая вина.

- Знаешь, Петрович, сказал он наконец, когда Андрей закончил, я на своём веку много чего построил. Дороги, мосты, тоннели, плотины. От Калининграда до Владивостока, но этот мост... он особенный. Понимаешь?

- Понимаю, Андрей кивнул. - Я всю жизнь ждал этого моста. Ещё мальчишкой стоял на Керченской переправе с отцом и думал: «Когда-нибудь построят. Когда-нибудь мы перестанем быть островом» и вот - строим. Своими руками.

- Вот именно, Сергеич поднял гранёный стакан. - Мы с тобой не просто рабочие. Мы с тобой - история. Про нас, может, не напишут в газетах и не покажут по телевизору, но наши внуки будут по этому мосту ездить. И, может, кто-то из них вспомнит нас добрым словом. Скажет: «Здесь работал мой дед. Он был простым плотником, но он строил мост».

- Или не вспомнят, Андрей пожал плечами и взял свой стакан, но это неважно. Важно, что мост будет стоять. Что Крым будет соединён с материком. Что наши дети и внуки не будут стоять в очередях на паром. Что они будут просто ехать по мосту и думать о чём-то своём. О хорошем.

Они чокнулись гранёными стаканами - не чокаясь, как полагается по старой флотской традиции, и выпили. За мост. За историю. За семью. За тех, кто ждёт. За тех, кто не дождался.

Ночью Андрей долго не мог уснуть. Он лежал на своей жёсткой койке в рабочем общежитии - длинном бараке с двухъярусными кроватями, слушал, как за стеной шумит море и, как дышат во сне его товарищи, и думал. Думал о Кате, которая наконец-то приехала домой, в Севастополь, и сидит сейчас за их столом, пьёт чай с мятой и разговаривает с матерью. Об Алёше, который всё ещё там, на Донбассе, в своём блиндаже, и ждёт писем. Об Анне, которая ждала его, Андрея, все эти годы - ждала из походов, с войны, со стройки. О внуке Андрейке, который говорит «деда» и спрашивает, когда кончится война.

Он думал о том, что семья, это действительно мост. Мост между поколениями. Между городами. Между странами. Мост, который строится всю жизнь - клёпка за клёпкой, обруч за обручем и он, Андрей Петрович Бондаренко, строил мосты всю свою жизнь. Просто раньше они были из дерева - дубовые, надёжные, на совесть сделанные. А теперь - из бетона и стали, но суть от этого не менялась.

Мост, это то, что соединяет. То, что держит. То, что нельзя разрушить.

И с этой мыслью он наконец уснул.

Часть 7. Катя и Анна

Севастополь, 3 апреля 2016 года. Корабельная сторона.

Катя стояла у окна и смотрела на море. Шёл уже десятый день её пребывания в родном городе, и каждый из этих дней был наполнен тем особым, тихим, глубоким счастьем, кото-

рое она так долго искала в Киеве и не находила. В Киеве была учёба, была Ярина, были планы на будущее, был драйв большого города, но здесь, в Севастополе, было что-то другое. Что-то, что она потеряла два года назад и думала, что потеряла навсегда. Покой. Ощущение дома. Ощущение, что ты на своём месте.

Завтра нужно было уезжать. Билеты уже куплены - поезд Севастополь - Киев, отправление в четырнадцать двадцать, вагон седьмой, место двенадцатое. Почти зеркальное отражение того пути, который она проделала десять дней назад. Только теперь она уезжала не с надеждой увидеть родителей, а с грустью расставания, но это была светлая грусть. Грусть, замешанная на уверенности, что она вернётся.

Анна сидела за столом, перебирала старые фотографии. Она достала их из старой обувной коробки, обклеенной выцветшей подарочной бумагой, той самой, где хранились все семейные снимки. Это было её любимое занятие в минуты, когда хотелось остановить время, перебирать фотографии, как чётки, переходя от одной к другой, вспоминая каждый момент. Вот Катя - первоклассница, с огромным букетом гладиолусов, которые были выше её самой. Вот Алёша - выпускник, в строгом чёрном костюме, смущённо улыбается в объектив. Вот они все вместе - в Балаклаве, на пляже, загорелые и счастливые, и Катя боится медуз, а Алёша держит её за руку. Вот Андрей в парадной форме, молодой, красивый, с кортиком на боку, только что произведён в капитан-лейте-

нанты. Вот сама Анна - в белом платье, на Приморском бульваре, за год до свадьбы, смеётся, и ветер треплет её волосы.

Катя смотрела на мать и думала о том, как мало она знает о её жизни. О её молодости. О её мечтах. Для Кати мама всегда была просто мамой - тем человеком, который варит борщ, проверяет уроки, гладит рубашки и ждёт с работы, но ведь она была молодой. У неё были свои мечты, свои страхи, свои победы и Катя только теперь, в эти десять дней, начала узнавать об этом.

- Мама, можно я посмотрю с тобой? - Катя отошла от окна, села рядом.

- Конечно, дочка. Я, как раз тебя вспоминала. Вот, смотри, это ты в первый класс пошла. Помнишь?

- Помню. Мне было так страшно. Я боялась, что учительница будет строгой. А она оказалась доброй. Антонина Петровна, кажется?

- Антонина Павловна, поправила Анна, она до сих пор работает в той же школе. Только теперь у неё внуки пошли. А я иногда встречаю её на улице, и она спрашивает о тебе.

- Правда? - Катя удивилась, она меня помнит?

- Конечно помнит. Ты была её любимой ученицей. Она говорит: «Катя Бондаренко, это та девочка, которая в первом классе написала сочинение про море, и я поставила ей пятёрку, хотя там было десять ошибок. Потому что оно было написано с душой».

Катя улыбнулась. Она не помнила этого сочинения, но

помнила Антонину Павловну - пожилую, седую, в очках, которая никогда не кричала на учеников.

Они стали перебирать снимки вместе. Анна рассказывала истории - о каждой фотографии, о каждом моменте, запечатлённом на пожелтевшей бумаге и Катя слушала, затаив дыхание. Она узнавала то, чего не знала раньше. То, что забыла. То, что ещё предстояло узнать.

- Вот это - мы с папой в Североморске, Анна показала на снимок, где они стояли на фоне заснеженного берега, закутанные в огромные тулупы. Андрей был в форме, Анна - в смешной меховой шапке, похожей на ушанку, это была наша первая годовщина свадьбы. Мы жили в общежитии, денег не было совсем. Папа пришёл с дежурства уставший, принёс торт из военторга - сухой, как картон, но мы всё равно его съели. А потом пошли на берег Баренцева моря. Был мороз минус тридцать, ветер, полярная ночь, но мы стояли и смотрели на северное сияние - оно было зелёное, с розовыми переливами, какого я никогда больше не видела и папа сказал: «Смотри, Аня. Это наш салют. В честь первой годовщины» и я поверила и мы были счастливы.

- А вот это - Алёша, ему здесь три года, Анна показала на другую фотографию, где маленький мальчик в панамке стоял на берегу и смотрел на море. - Он только научился говорить и первое слово, которое он сказал, было не «мама» и не «папа». Это было «море». Представляешь?

- Представляю, Катя улыбнулась. - Он всегда был моря-

ком., как папа. Даже не став им.

- А вот это - ты, Анна протянула дочери старый, выцветший от времени снимок. - Тебе здесь шесть лет. Мы тогда поехали в Ялту, и ты залезла на акацию. Залезть-то залезла, а слезть не смогла. Папа тебя снимал, а я стояла внизу и ругалась. Ты плакала, но фотографу улыбалась. Ты всегда была сильной. Даже когда плакала.

Катя взяла фотографию, долго смотрела на неё. Маленькая девочка с бантами сидела на ветке акации и улыбалась в объектив, хотя по щекам текли слёзы. Она помнила этот случай. Помнила, как отец снимал её с дерева и говорил: «Ничего, дочка. Главное - не бояться. Упала - вставай. Залезла - слезай. Жизнь, она, как дерево. Иногда забираешься высоко, а слезть не можешь, но всегда есть тот, кто поможет».

- Папа, прошептала она.

- Да, Анна кивнула. - Он всегда был рядом. Даже когда ты этого не замечала.

Катя отложила фотографию, взяла мать за руку. Рука была тёплой, мягкой, с набухшими венами - рука пожилой женщины, которая много работала.

- Мама, сказала она тихо. - Я так боялась, что ты меня не простишь.

- За что, дочка? - Анна подняла на неё глаза.

- За всё. За те слова, которые я говорила тогда, в четырнадцатом. За то, что называла вас предателями. За то, что кричала на тебя по телефону. За то, что не звонила потом.

За то, что молчала так долго.

Анна обняла её - крепко, по-матерински, как обнимала в детстве, когда Катя приходила с разбитой коленкой.

- Я тебе давно всё простила, сказала она. - В тот самый день, когда ты позвонила и сказала: «Мама, я была в Донецке. Я видела Алёшу». В тот самый день. Поняла?

- Правда?

- Правда. Потому что ты - моя дочь. А мать не может долго сердиться на своего ребёнка. Это закон природы. Это сильнее нас. Ты можешь наговорить что угодно, можешь обидеться, можешь уехать на край света, но я всё равно буду тебя ждать. Я всегда тебя ждала и всегда буду ждать.

Катя заплакала - тихо, беззвучно, уткнувшись лицом в материнское плечо. Анна гладила её по голове, как в детстве, и что-то тихо напевала - кажется, ту самую украинскую песню, которую пела ей когда-то её мать.

Они сидели вдвоём, обнявшись, и старые фотографии рассыпались по столу, как осенние листья. А за окном сияло апрельское солнце, и море было спокойным, и чайки кричали над бухтой и в этом покое было что-то вечное. Что-то, что нельзя разрушить. Что-то, что сильнее войны, политики, расстояния.

Часть 8. Отъезд

Севастополь, 4 апреля 2016 года. Железнодорожный вокзал.

Катя стояла на перроне и смотрела на родителей. Андрей

держал её рюкзак - так же, как десять дней назад, когда встречал её здесь же, на этом самом месте. Анна теребила край платка и изо всех сил старалась не плакать, но слёзы всё равно предательски блестели в её глазах. Утро было ранним, солнечным, и вокзал уже жил своей обычной, суетливой жизнью: диктор объявлял прибытия и отправления поездов, спешили пассажиры с чемоданами на колёсиках, носильщики в форменных фуражках катили тележки, гружённые багажом, голуби ворковали под сводами перрона, выпрашивая крошки. Обычная вокзальная суета - та самая, которую Катя видела здесь десятки раз в детстве, когда они всей семьёй ездили отдыхать, когда провожали отца в командировки, когда встречали бабушку из Харькова, но сегодня эта суета была окрашена грустью расставания. Сегодня она уезжала.

Десять дней пролетели, как один миг. Десять дней, наполненных разговорами, прогулками, смехом, воспоминаниями, пирогами и вином из отцовской бочки. Десять дней, которые вместили в себя больше, чем иные годы. Десять дней, ради которых стоило ждать два года.

- Ну, вот и всё, сказала Катя, пытаясь улыбнуться, но улыбка вышла кривой, дрожащей. - Пора. Поезд подадут с минуты на минуту.

- Пора, эхом отозвался Андрей, и в его голосе было столько чувств, сколько он никогда не позволял себе выражать словами.

Анна обняла дочь - крепко, долго, отчаянно, словно пыта-

ясь передать ей всё тепло, всю любовь, всю нежность, которую накопила за эти десять дней и за все предыдущие годы. Она прижимала Катю к себе и молчала - слова были не нужны. Катя чувствовала, как вздрагивают её плечи, как бьётся её сердце, как пахнут её волосы - ванилью и чем-то родным, домашним, что она помнила с детства и сама еле сдерживала слёзы.

- Ты только не пропадай, сказала Анна, отстраняясь и заглядывая дочери в глаза. - Звони. Пиши. Приезжай. Хотя бы раз в год. Хотя бы на несколько дней. Я тебя очень прошу.

- Обязательно, пообещала Катя, и голос её дрожал. - Теперь - обязательно. Я не могу без моря. Я не могу без вас. Я приеду на летние каникулы и на Новый год и просто так - когда станет грустно.

- Приезжай когда угодно, Анна погладила её по щеке. - Двери нашего дома всегда открыты для тебя. Всегда.

Андрей обнял её по-мужски - сдержанно, но крепко, до хруста в костях. От него пахло морем, табаком, деревом - вечный запах старого бондаря, запах её детства.

- Береги себя, дочка, сказал он, и голос его был глухим, как будто он говорил через силу и помни: ты - Бондаренко. А Бондаренко всегда возвращаются. Всегда. Что бы ни случилось.

- Я знаю, папа. Ты мне это говорил сто раз.

и сто первый скажу. Потому что это правда.

Поезд подали - тот самый, зелёный, с облупившейся крас-

кой и эмблемой «Укрзализныци» на вагонах. Проводница уже стояла у открытой двери, проверяла билеты. Пассажиры засуетились, заторопились, начали прощаться с провожающими. Катя в последний раз обняла родителей - сначала мать, потом отца, подхватила рюкзак и поднялась в вагон. Она нашла своё место - седьмой вагон, место двенадцатое, почти зеркальное отражение того пути, который она проделала десять дней назад, и сразу же открыла окно. Высунулась наружу.

Родители стояли на перроне - седой, чуть сутуловатый мужчина в старой флотской куртке и женщина в синем платке, держащие друг друга за руки. Они не плакали. Они улыбались. Они махали ей, и она махала в ответ - долго, отчаянно, пока поезд не тронулся.

- Я вернусь! - крикнула она, перекрывая шум колёс и гудок локомотива. - Обязательно вернусь! Ждите меня!

- Ждём! - донёсся до неё мамин голос. - Всегда ждём!

Поезд набирал ход. Перрон поплыл назад - сначала медленно, потом всё быстрее. Фигуры родителей становились всё меньше и меньше, пока не превратились в две крошечные точки на фоне белого здания вокзала с его колоннами и часами. А потом и они исчезли - скрылись за поворотом и остались только рельсы, убегающие вдаль, и море, сверкающее за окнами, и небо, огромное, синее, бескрайнее.

Катя села на своё место, достала из сумки блокнот - тот самый, в котором она писала свой репортаж о Донбассе, и

начала писать. Писала о том, как провела эти десять дней. О том, что поняла. О том, что почувствовала. О том, как изменилась за это время. О том, что семья, это действительно мост. Мост, который держится на любви и пока этот мост стоит, она не одна. Никогда.

Она писала и думала о том, что завтра будет в Киеве. Что послезавтра пойдёт в университет. Что её ждёт диплом, работа, взрослая жизнь, но теперь она знала: у неё есть тыл. У неё есть дом. У неё есть родители, которые ждут и брат, который пишет письма и это - самое главное.

За окнами проплывал весенний Крым - цветущие абрикосовые сады, белые и розовые, как невесты; зелёные холмы, покрытые свежей травой; синее-синее море, которое то появлялось за поворотом, то снова исчезало. Поезд уносил её в Киев, к другой жизни - к лекциям, семинарам, библиотекам, к спорам с Яриной о политике, к очередям в миграционной службе, но теперь она знала: она вернётся. Обязательно. Потому что Бондаренко всегда возвращаются.

Часть 9. Донецк. Тихая жизнь

Донецк, май 2016 года.

Весна в Донбасс пришла, как всегда, внезапно - без предупреждения, без плавного перехода. Ещё в апреле было холодно, ветрено, по ночам подмораживало, а в мае вдруг ударила жара, и степь вокруг города зазеленела, покрылась изумрудной травой, зацвела дикими тюльпанами, полынью и какими-то мелкими жёлтыми цветами, названия которых

Алексей не знал. Птицы вернулись с юга и пели по утрам так громко, так самозабвенно, что иногда заглушали даже далёкие разрывы на северной окраине, где время от времени ещё гремели перестрелки. Воздух был тёплым, густым, пахнущим степью, полынью, нагретой землёй и всё той же гарью, которая не выветривалась уже два года.

Алексей стоял на своём обычном месте - у блокпоста на въезде в город, и думал о том, как всё изменилось за эти два года. Два года. Целая вечность и один миг. Два года назад, в мае четырнадцатого, он впервые взял в руки оружие. Два года назад он впервые увидел смерть - своего товарища, Степана из Макеевки, который погиб под Славянском. Два года назад он написал первое письмо родителям: «Мама, папа, я в ополчении. Так надо. Не волнуйтесь». Тогда он был мальчишкой. Шахтёром, который понятия не имел, с какой стороны у автомата приклад. Теперь ему было двадцать шесть. У него была жена - Лена, его Ласточка, которая вытаскивала раненых из-под огня. У него был сын - Андрейка, которому уже почти три, который знает все буквы и спрашивает, когда кончится война. У него были медали на груди и седина на висках. Он прошёл Славянск, Иловайск, Дебальцево. Похоронил десятки товарищей - их имена были записаны в его блокноте, и он перечитывал их иногда, чтобы не забыть. Был ранен, контужен, но выжил и теперь стоял на этом блокпосту и смотрел на пустую дорогу, которая убегала к горизонту, туда, где за холмами начиналась «серая зона», а за ней -

Украина.

За его спиной был Донецк - город, который за два года войны научился жить под обстрелами. Город, где люди ходили на работу, в магазины, в школы, несмотря ни на что. Город, который не сдался.

- О чём думаешь, Бондарь? - спросил Витька, который, как всегда, был рядом - сидел на бетонном блоке и чистил автомат.

- О Кате, ответил Алексей, не оборачиваясь, она прислала письмо на прошлой неделе. Пишет, что съездила в Севастополь. Что видела родителей. Что они её простили. Что она счастлива и ещё пишет, что я был прав.

- В чём именно? - Витька поднял глаза.

- В том, что семья, это мост. Что он выстоит. Что родители простят. Я ей это говорил, когда она приезжала в Донецк, помнишь? Она тогда сидела у буржуйки и плакала: «А вдруг они меня не простят? После всего, что я им наговорила?» А я сказал: «Простят. Они же родители. Родители всегда прощают» и вот, она съездила и они простили и всё хорошо.

- Мудрая у тебя сестра, Витька кивнул, протирая затвор ветошью. - Вся в тебя.

- Нет, Алексей покачал головой, это я в неё. Она у нас самая умная. Всегда была. Ещё в школе - круглая отличница, медалистка. А я так, троечник.

Витька хмыкнул, закурил, прикрывая огонёк ладонью по старой привычке, хотя над блокпостом уже давно не лета-

ли снайперские пули. Над Донецком висело мирное, почти идиллическое небо - синее, высокое, с редкими пушистыми облаками, которые плыли куда-то на запад, в сторону Киева. Где-то далеко, на северной окраине, простучала короткая автоматная очередь - тук-тук-тук, и смолкла. Тишина. Почти мир.

- Знаешь, Бондарь, сказал Витька задумчиво, выпуская дым в небо, я иногда думаю: а что будет, когда всё это кончится? Когда война закончится - по-настоящему, а не этими «перемириями»? Чем мы тогда займёмся?

- Жить будем, ответил Алексей просто. - Работать. Растить детей. Сажать деревья. Строить дома. То, что люди всегда делали после войны.

- А я, наверное, женюсь, Витька мечтательно улыбнулся. - На своей невесте. Помнишь, я тебе рассказывал? Она в Макеевке, ждёт меня. Мы с ней уже пять лет, как помолвлены, а свадьбу всё откладываем. То денег не было, то война началась, но я ей обещал: когда всё кончится - сыграем и Дед обещал быть свидетелем.

- Дед до свадьбы не доживёт, пошутил Алексей. - Он старый.

- Дед всех нас переживёт, Витька усмехнулся. - Он бессмертный. Его пули боятся.

Они помолчали. Солнце клонилось к закату, и длинные тени от бетонных блоков протянулись через дорогу. Где-то в городе заиграла музыка - уличный музыкант на гитаре, на-

верное, и звуки долетали до блокпоста, смешиваясь с шумом ветра. Мирная жизнь продолжалась. Несмотря ни на что.

Вечером Алексей вернулся домой - в ту самую комнатку у тёти Веры, которая стала их домом после того, как снаряд попал в их квартиру. Лена была на ночном дежурстве в госпитале, она теперь работала старшей медсестрой, и у неё было много ответственности. Андрейка играл на полу с плюшевым медведем - тем самым, которого подарила Катя, и что-то тихо бормотал себе под нос. Увидев отца, он бросил медведя и побежал навстречу.

- Папа! Папа пришёл! Папа, смотри, что я умею!

Он подпрыгнул на одной ножке, потом на другой. Алексей рассмеялся, подхватил сына на руки, подбросил к потолку - бережно, чтобы не задеть лампу, и мальчик заливисто рассмеялся. В этом смехе - чистом, звонком, детском, было всё. Вся надежда. Вся вера. Вся любовь.

Позже, когда Андрейка уснул, прижимая к себе медведя, Алексей сел за стол, зажёг настольную лампу и достал бумагу. Надо было написать Кате - ответ на её письмо.

«Катя, привет!

Получил твоё письмо. Очень рад, что ты съездила в Севастополь. Я знал, что так будет. Знал, что родители тебя простят. Они же у нас самые лучшие. Ты писала, что мама плакала, когда вы перебирали старые фотографии. Я представляю. Она всегда плачет, когда счастлива. А папа молчит, но внутри у него всё переворачивается.

У нас всё тихо. Война затихла, но не кончилась. Мы всё ещё здесь, но я не жалуюсь. У меня есть Лена, Андрейка, родители, ты. Что ещё нужно? Я часто думаю о том дне, когда мы все соберёмся вместе. За одним столом. В Севастополе. Это будет самый счастливый день.

Береги себя. Учись. Пиши.

Твой брат Алёша».

Он запечатал письмо и отложил в сторону - туда, где уже лежала стопка готовых писем для волонтёров. Завтра утром они уйдут через фронт. Через неделю, а может, через две, Катя прочитает эти строки. Может быть, сидя на подоконнике в своей комнате в Киеве, глядя на Днепр и улыбнётся. И, может быть, напишет ответ.

Часть 10. Киев. Диплом

Киев, июнь 2016 года. Институт журналистики.

Катя стояла перед дверью аудитории, прижимая к груди папку с дипломной работой. Папка была потёртой, с загнутыми уголками, она носила её с собой повсюду последние месяцы, перечитывала, правила, дописывала. Сердце колотилось где-то в горле, ладони вспотели. Сегодня была защита - тот самый день, к которому она шла четыре долгих года. Четыре года лекций, семинаров, бессонных ночей над книгами, споров с преподавателями, сомнений в себе. Четыре года, которые вместили в себя всё: Майдан, кровь на Институтской, войну, разрыв с родителями, отчаянную поездку в Донецк через линию фронта, возвращение в Севастополь, пер-

вый репортаж, напечатанный с купюрами, и вот теперь - дипломную работу.

Тема диплома была той самой, которую когда-то, ещё на втором курсе, предложил профессор Дмитрий Иванович: «Освещение вооружённых конфликтов в современных СМИ: проблемы объективности и этики». Тогда, в четырнадцатом, эта тема казалась Кате абстрактной, теоретической. Теперь она была её жизнью. Её судьбой. Она работала над дипломом почти год. Перечитала горы литературы - от классических трудов по журналистике до современных исследований пропаганды. Проанализировала десятки репортажей - российских, украинских, западных, сравнивая, как одни и те же события освещаются с разных сторон. И, конечно, использовала свой собственный опыт. Тот самый опыт, который она получила там, в Донецке, когда перешла через фронт. Опыт, который нельзя было найти ни в одной книге.

- Катя! - в коридор влетела Ярина с огромным букетом белых ромашек. Она была в своём неизменном клетчатом берете и с сияющими глазами. - Ты чего стоишь, как вкопанная? Там уже все собрались! Комиссия ждёт! Дмитрий Иванович волнуется - сказал, что, если ты опоздаешь, он тебе этого никогда не простит!

- Волнуюсь, призналась Катя, и голос её дрожал. - А вдруг они меня завалят? Вдруг тема слишком острая? Слишком неудобная? Вдруг им не понравится, что я пишу о людях с обеих сторон?

- Не завалят, уверенно сказала Ярина, поправляя берет. - Ты лучшая на курсе. У тебя высший балл по всем предметам. Твой репортаж из Донецка - лучшая студенческая работа за последние годы, сам профессор так сказал. Комиссия тебя уважает. Всё будет хорошо. Вот увидишь.

- Ты правда так думаешь?

- Я знаю, Ярина взяла её за плечи и посмотрела прямо в глаза. - Ты - Катя Бондаренко. Ты прошла через фронт. Ты видела войну. Ты написала правду. Какая-то защита диплома по сравнению с этим - ерунда. Просто выйди и расскажи им то, что знаешь. То, что видела. То, что чувствуешь и всё получится.

Катя глубоко вздохнула, поправила волосы, одёрнула пиджак - строгий, тёмно-синий, который они с Оксаной выбирали специально для защиты, и вошла в аудиторию. Это была та самая аудитория, где четыре года назад она писала вступительное эссе. Где начинался её путь.

За длинным столом, покрытым зелёным сукном, сидела Государственная экзаменационная комиссия - четверо преподавателей во главе с Дмитрием Ивановичем. Он был в своём неизменном костюме-тройке и при галстуке-бабочке, а его очки поблёскивали в лучах солнца, падающих из окна. Рядом с ним сидела декан факультета, строгая женщина с седым пучком на голове. Ещё двое преподавателей - с кафедры тележурналистики и с кафедры международной журналистики. В углу стояла камера - защиту снимали для архива,

и это добавляло волнения. В зале, на откидных стульях, сидели студенты - несколько однокурсников, пришедших поддержать, какие-то незнакомые младшекурсники и среди них - Оксана, которая специально отпросилась с работы в Министерстве образования, чтобы поддержать племянницу. Она сидела в третьем ряду, сжимая в руках сумочку, и ободряюще улыбалась.

Катя положила папку на кафедру, раскрыла её, поправила микрофон. Сделала глубокий вдох и начала говорить.

- Уважаемые члены Государственной экзаменационной комиссии, уважаемые коллеги. Тема моей дипломной работы - «Освещение вооружённых конфликтов в современных СМИ: проблемы объективности и этики на примере войны на Донбассе».

Она рассказывала о том, как современные средства массовой информации освещают вооружённые конфликты. О том, как пропаганда и с той, и с другой стороны - искажает реальность, превращает живых людей в «врагов», в «террористов», в «сепаратистов», в «карателей». О том, что настоящая журналистика, это не лозунги, не идеологические штампы, а человеческие истории. О том, что она сама видела в Донецке в декабре четырнадцатого. О людях, которые живут по ту сторону фронта и которые такие же, как мы. О тёте Вере, которая приютила семью брата после того, как их дом разбомбило. О Марине, которая везла инсулин умирающей матери через блокпосты и унижения. О детях, которые игра-

ют среди развалин и говорят слово «бах». О брате, который воюет - не потому, что он «сепаратист», а потому, что защищает свой дом.

- В своей работе я пришла к выводу, говорила Катя, и голос её, сначала дрожавший, теперь звучал твёрдо, уверенно, что объективность в освещении вооружённых конфликтов возможна только тогда, когда журналист видит людей, а не стороны. Когда он рассказывает истории, а не транслирует лозунги. Когда он помнит: по обе стороны фронта - люди. Со своими страхами, надеждами, мечтами. Со своими семьями. Со своими потерями и задача журналиста - не судить и не делить на «наших» и «ваших». Задача журналиста - понимать. Не разделять, а соединять. Строить мосты, а не стены.

Когда она закончила, в аудитории повисла та особенная, глубокая тишина, которая бывает только в моменты настоящей правды. Тишина, в которой слышно, как тикают часы на стене и, как чирикают воробьи за окном. Потом Дмитрий Иванович медленно снял очки, протёр их платком и сказал - тихо, но отчётливо:

- Блестяще. Это лучшая дипломная работа, которую я слышал за последние десять лет. А может быть, и за все тридцать.

Комиссия задавала вопросы - острые, провокационные, на грани фола., как вы можете говорить об объективности, если ваш брат воюет на стороне ополченцев? Не является ли ваша позиция предвзятой? Как вы оцениваете роль украинских

СМИ в освещении конфликта? А российских? Катя отвечала спокойно, уверенно, аргументированно. Она знала эту тему. Она прожила её. Она выстрадала её и когда председатель комиссии, посовещавшись с коллегами, объявила: «Защита прошла успешно. Государственная экзаменационная комиссия присваивает вам квалификацию журналиста. Оценка - отлично», Катя почувствовала, как земля на мгновение уходит из-под ног.

Ярина бросилась обнимать её, едва не сбив с ног. Оксана плакала, не скрываясь, и её слёзы были самыми искренними. Кто-то из однокурсников хлопал по плечу, кто-то кричал «Поздравляем!», кто-то снимал на телефон. А Катя стояла посреди этого радостного хаоса и думала: «Я сделала это. Я стала журналистом. Я сказала правду и меня услышали».

Вечером они сидели в маленьком кафе на Подоле - Катя, Ярина, Оксана и несколько однокурсников. Пили шампанское, смеялись, вспоминали смешные истории из студенческой жизни. Оксана рассказывала, как Катя в детстве играла в журналистов с папиным диктофоном. Ярина -, как они познакомились на вступительных экзаменах и, как Катя тогда сказала: «Правду нельзя делить на "нашу" и "вашу"» и все смеялись, и это был хороший, светлый смех.

А потом Катя вышла на улицу - подышать воздухом. Киевский вечер был тёплым, летним, пахнущим цветущими липами и рекой. Она достала телефон и набрала номер.

- Алёша? Привет. Это я. Я защитила диплом. На отлич-

но. Я теперь дипломированный журналист. С красным дипломом.

В трубке помолчали - связь была не очень, а потом голос брата, полный радости, прорвался сквозь помехи:

- Поздравляю, сестрёнка! Я знал! Я всегда знал, что ты сможешь! Ещё тогда, когда ты играла с папиным диктофоном, я знал, что ты будешь журналистом. Ты была самой талантливой из нас. Самой упрямой.

- Спасибо. Я... я хочу, чтобы ты знал: в своём дипломе я написала о тебе. О Донецке. О людях, которых там видела. О тёте Вере. О Марине. Обо всех. Это была лучшая часть работы. Самая честная. Самая важная.

- Я горжусь тобой, сказал Алёша, и в его голосе была та самая братская нежность, которую Катя помнила с детства, и мама с папой будут гордиться. Ты им уже звонила?

- Ещё нет. Сейчас позвоню.

- Звони. Они ждут. Мама, наверное, уже все ногти себе обгрызла. Ты же её знаешь.

Катя набрала севастопольский номер. Мама взяла трубку после первого гудка - словно сидела и ждала.

- Мама? Это я. Я защитила диплом. На отлично. С красным дипломом. Я теперь журналист.

В трубке заплакали, но это были слёзы радости. Слёзы гордости. Слёзы матери, которая дождалась. Слёзы женщины, которая верила в свою дочь даже тогда, когда та сама в себя не верила.

- Катюша... Девочка моя... Я так тобой горжусь. Мы с папой так тобой гордимся. Ты - наша дочь. Ты - Бондаренко.

- Спасибо, мама. Я вас люблю.

и мы тебя любим. Приезжай. Отметим.

- Обязательно приеду. Летом., как только смогу.

Катя убрала телефон и долго стояла на улице, глядя на киевское небо. Где-то там, над головой, зажигались первые звёзды. Где-то далеко, в Донецке, её брат, наверное, тоже смотрел на небо. А в Севастополе родители, обнявшись, сидели на кухне и плакали от счастья.

Часть 11. Мост растёт

Керченский пролив, август 2016 года.

Лето на стройке было жарким, пыльным, изнурительным, наполненным непрерывным, ни на минуту не стихающим гулом техники. Солнце палило с безжалостностью, какой Андрей не помнил даже в самые жаркие годы своей флотской службы - температура поднималась до тридцати пяти градусов в тени, а на открытом солнце, на раскалённых металлических конструкциях, было все пятьдесят. Металл нагревался так, что к нему невозможно было прикоснуться голой рукой, и рабочие надевали плотные рукавицы, которые к обеду промокали от пота насквозь. Воздух дрожал от зноя, и горизонт над проливом колебался в мареве, как мираж в пустыне.

Но работа не останавливалась ни на минуту. Строители трудились в три смены, по двенадцать часов каждая, и мост рос на глазах -, как живое существо, как гигантский стальной

зверь, протягивающий свои лапы через пролив. Огромные плавучие краны, доставленные сюда со всей России, медленно поворачивали свои стрелы, поднимая многотонные пролёты. Бетономешалки вращали барабанами днём и ночью, и их ритмичный гул смешивался с шумом прибоя. Сварщики в защитных масках рассыпали снопы золотых искр, которые падали в воду и гасли с шипением. Бульдозеры, самосвалы, автокраны, вибропогружатели - вся эта огромная техника двигалась, работала, дышала в едином ритме и над всем этим стоял всё тот же запах - солярки, моря, металла, свежего бетона, разогретой на солнце земли, человеческого пота. Запах великой стройки. Запах истории.

Андрей Петрович Бондаренко стоял на своём участке - том самом, где он работал плотником, монтируя опалубку для бетонных конструкций, и смотрел на пролив. Он только что закончил смену, снял каску, вытер пот со лба и позволил себе несколько минут отдыха, прежде чем идти в душ и в столовую. Прошло уже почти одиннадцать месяцев с тех пор, как он впервые пришёл сюда - в тот сентябрьский день пятнадцатого года, когда его взяли на испытательный срок. Тогда мост только начинался: несколько опор, едва поднимающихся из воды, временные строительные леса, геодезические вышки с приборами, инженеры с чертежами, волнение и неуверенность - получится ли? Теперь всё изменилось до неузнаваемости. Десятки мощных опор - серых, массивных, незыблемых, как сама Россия, уходили ровной цепочкой к

горизонту. На них монтировали пролёты, и уже можно было пройти по готовым секциям от крымского берега до первой морской опоры, а скоро и дальше. Мост обретал форму. Мост становился реальностью.

Андрей изменился за эти месяцы. Он похудел - килограммов на десять, не меньше, загорел до черноты, и его лицо, обветренное всеми ветрами, стало похоже на лицо старого моряка с картин Айвазовского. Руки огрубели от постоянной работы с деревом, арматурой, бетоном - ладони покрылись мозолями, пальцы стали ещё крепче, но глаза светились тем же молодым, почти мальчишеским задором, который Анна заметила в нём ещё в прошлом году, когда он только пришёл на стройку. Он был счастлив. Он был на своём месте. Он делал то, ради чего жил.

- Петрович! - к нему, как всегда стремительно, подошёл Сергеич в своей неизменной выцветшей каске, с вечным планшетом в одной руке и термосом в другой. - Ты когда-нибудь отдыхаешь? Твоя смена закончилась час назад. Все уже в столовой, а ты всё тут стоишь.

- Любуюсь, ответил Андрей, не отрывая взгляда от пролива.

- Чем?

- Мостом. Я его каждый день вижу, а всё равно не могу налюбоваться. Знаешь, Сергеич, когда я смотрю на эти опоры, у меня сердце замирает. Неужели мы это делаем? Неужели это мы?

- Мы, Петрович, мы, Сергеич улыбнулся и встал рядом. - Ты, я, вон те ребята на кране, сварщики, бетонщики, инженеры. Все мы. Одна большая семья.

- Семья, повторил Андрей задумчиво. - Хорошее слово. У меня семья - жена, сын, дочь, внук. А здесь - другая семья. Строительная.

- Кстати, о семье, Сергеич отхлебнул чай из термоса. - Ты слышал? Сегодня приезжает комиссия из Москвы. Большая проверка. Будут смотреть темпы работ, качество, соблюдение сроков. Начальство волнуется.

- Слышал, Андрей кивнул. - Мне мастер сказал. Мы готовы. Наш участок в полном порядке. Я вчера сам всё проверил - каждую доску, каждый узел.

- Знаю, что готовы, Сергеич одобрительно хлопнул его по плечу. - Ты у меня лучший плотник на всём объекте. Я тебя всем в пример ставлю. Молодым говорю: «Учитесь у Петровича. Он в свои шестьдесят четыре работает так, как вы в двадцать пять не можете». Они, знаешь, сначала смеялись - мол, старик, куда ему. А потом посмотрели, как ты работаешь, и замолчали. Уважают тебя, Петрович. По-настоящему уважают.

- Шестьдесят пять, поправил Андрей.

- Что?

- Мне шестьдесят пять. В июле исполнилось. Я не говорил никому - не хотел шума.

- Петрович! - Сергеич даже поперхнулся чаем. - У тебя

был день рождения, и ты молчал?! Нехорошо! Надо было отметить! Я бы коньяк достал!

- Отметим, когда мост достроим, спокойно ответил Андрей. - Вот тогда и коньяк, и шампанское, и всё что угодно. А пока - работа.

Они стояли вдвоём и смотрели, как огромный плавучий кран «Севастополец» медленно, величественно поднимает очередной пролёт. Многотонная металлическая конструкция плыла над водой, направляемая точными движениями крановщика и сигнальщиков, и через несколько минут легла на опоры - идеально, миллиметр в миллиметр. В небе кричали чайки. Вода в проливе была спокойной, синей, и в ней отражались опоры моста - ровные, устремлённые в небо, как солдаты на параде. Андрей думал о том, что этот мост - не просто инженерное сооружение, не просто рекордная длина и сложные конструкции. Это символ. Символ того, что Крым вернулся домой навсегда. Что обратной дороги нет и не будет. Что они, Бондаренко, теперь - часть большой России. Навсегда.

- Знаешь, Сергеич, сказал он задумчиво, я ведь всю жизнь мечтал об этом. Ещё мальчишкой, в шестидесятых, мы с отцом ездили на Керченскую переправу. Тогда паром был старый, очереди - на километры, люди стояли по восемь часов. Я сидел в «Москвиче» и смотрел на пролив и спрашивал отца: «Папа, почему нет моста?» А он отвечал: «Потому что это очень трудно, но когда-нибудь построят. Когда придёт

время» и вот - время пришло и я его строю. Своими руками.

, это судьба, Петрович, тихо ответил Сергеич, и в его голосе не было обычной прорабской бравады. - У каждого человека своя судьба. Твоя - строить мосты.

- Моя - строить мосты, повторил Андрей. - Сначала из дерева - бочки, которые соединяют клёпки. Теперь из бетона и стали - мост, который соединяет берега, но суть одна и та же. Соединять. Скреплять. Собирать то, что рассыпалось.

-, как твой дед говорил? «Держава, она, как бочка»?

- «Держава, она, как бочка. Рассыхается медленно, а собирается быстро. Главное, чтобы мастер был хороший», процитировал Андрей. - Дед Захар. Бондарь в первом поколении. Он до этого дня не дожил и отец не дожил. А я - дожил.

Они помолчали. Солнце клонилось к закату, и вода в проливе стала золотой, а опоры моста отбрасывали длинные тени. Где-то в рабочем посёлке заиграла музыка - строители собирались после смены, кто-то достал гитару. Жизнь продолжалась.

Вечером, перед сном, Андрей вышел на берег, достал телефон и набрал номер Анны. Он делал это каждый вечер, когда была связь, это стало их ритуалом.

-, как ты там? - спросила она, и голос её был тёплым, родным.

- Хорошо, Аня. Устал, но это приятная усталость. Знаешь, когда я ложусь спать и чувствую, что каждая мышца болит, я думаю: «Это хорошо. Это значит, что я сделал что-то важ-

ное». Я счастлив, Аня. По-настоящему счастлив. У нас хорошие дети. Алёша жив и здоров, Катя защитила диплом. У нас растёт внук. Я строю мост. Что ещё нужно человеку?

- Ничего, ответила Анна. - Больше ничего не нужно. Только чтобы все были живы и здоровы.

- Приеду в субботу, если Сергеич отпустит. Ты пирог испечёшь?

- Конечно испеку. Яблочный., как ты любишь. С корицей и Гаврилова позовём - он обижается, что ты редко приезжаешь.

- Договорились. Жди.

Он убрал телефон и долго стоял, глядя на мост, который чернел на фоне закатного неба. Опоры уходили к горизонту, и на них уже зажигались сигнальные огни. Андрей думал о том, что жизнь, она, как мост. Строится медленно, трудно, с потом и кровью. Иногда кажется, что ничего не получится. Что всё рассыплется, но если строить с душой, если не опускать руки, если верить - будет стоять. Веками.

Как бочка., как семья., как Россия.

Часть 12. Осень в Донецке

Донецк, октябрь 2016 года.

Осень пришла в Донбасс незаметно, словно крадучись, словно боясь потревожить и без того нарушенный войной покой. Сначала пожелтели листья на редких деревьях, чудом уцелевших после обстрелов и пожаров - хрупких, израненных осколками, но живых. Они стояли вдоль улиц, как немые

свидетели, и роняли свою листву на разбитый асфальт, на воронки, на остовы сгоревших машин. Потом зарядили холодные, затяжные дожди - те самые, которые превращают степной чернозём в непролазную грязь. Потом по утрам начались первые заморозки, и лужи покрывались тонкой, хрустящей корочкой льда. Степь вокруг города стала серой, унылой, пожухлой, и только рыжие шляпки поздних грибов кое-где выглядывали из жухлой травы, напоминая о том, что природа продолжает жить, несмотря ни на что.

Война продолжалась - та самая, вялотекущая, позиционная, окопная, которую никто не объявлял, и никто не мог закончить. Она стала привычной, как дождь, как ветер, как смена времён года. На неё уже не обращали внимания - так же, как не обращают внимания на шум автострады за окном. Люди привыкли. Ко всему привыкают люди, даже к войне. Особенно к войне. Привыкли к тому, что по ночам где-то далеко гремит артиллерия. Привыкли к тому, что в магазинах не всегда есть хлеб. Привыкли к тому, что свет дают по расписанию, а вода бывает только холодная. Привыкли жить. Потому что жизнь сильнее смерти. Всегда.

Алексей получил письмо от Кати в начале недели. Оно шло долго - почти месяц, но всё-таки дошло. Конверт был помятый, с несколькими штемпелями полевой почты, с разводами от влаги, но внутри лежал аккуратно исписанный листок бумаги - той самой, в клеточку, которую Катя, видимо, вырвала из своего рабочего блокнота. Почерк был ров-

ный, спокойный - не тот, торопливый, каким она писала в Донецке, при свете керосиновой лампы. Теперь у неё был стол, лампа, редакция. Настоящая взрослая жизнь.

Он сел к окну, чтобы прочитать письмо при дневном свете - электричество в этом районе давали только по вечерам, и погрузился в чтение. Катя писала о том, что устроилась на работу - корреспондентом в независимую киевскую газету «Честное слово». Это было небольшое издание, которое, несмотря на колоссальное давление со всех сторон и со стороны властей, требовавших патриотической риторики, и со стороны радикалов, угрожавших за любую «неправильную» публикацию, пыталось сохранять объективность и не скатываться в пропаганду. Это было трудно, почти невозможно в нынешних условиях, когда каждое слово рассматривалось через призму «свой - чужой», когда за неправильную фразу можно было лишиться работы или того хуже, но Катя держалась. Она была Бондаренко. А Бондаренко не сдаются.

«Главный редактор, Иван Степанович, старый журналист, ещё советской закалки, писала она. - Он говорит, что настоящая журналистика умерла в тот день, когда газеты начали делить людей на "наших" и "ваших" и он хочет её возродить. Говорит, что правда, она одна на всех и если мы не будем её говорить, то кто тогда? Я ему верю. Я хочу работать с ним. Может быть, у нас получится».

Её первый большой материал - о волонтёрах, которые возят помощь через линию фронта, рискуя жизнью под обстре-

лами и на блокпостах, должен был выйти в ноябре. Она работала над ним несколько месяцев: собирала истории, ездила на склады, разговаривала с людьми. Она волновалась, но была полна решимости. «Это будет честный репортаж, Алёша, писала она. - О людях, которые помогают другим, несмотря ни на что. О Степане Петровиче, который до сих пор возит гуманитарку, хотя ему уже под семьдесят и у него больное сердце. О Марине, которая смогла вывезти мать из Луганска и теперь помогает другим. О тех, кто строит мосты, а не стены. О тех, кто не выбирает сторону, а выбирает людей. Я хочу, чтобы люди читали это и понимали: война, это не только смерть и ненависть. Это ещё и жизнь и надежда и любовь».

Алексей читал письмо и улыбался. Он помнил, как Катя когда-то, в детстве, играла в журналистов с папиным старым диктофоном - тяжёлым, кассетным, который Андрей привёз из Североморска. Она ходила по квартире, смешно нахмурив брови, задавала всем вопросы - маме, папе, ему, даже коту Тимофею. «Скажите, пожалуйста, как вы относитесь к тому, что мышь убежала?» - спрашивала она кота, а тот только жмурился и мурлыкал. Потом она садилась за свой маленький стол, раскладывала листочки и писала «статью» в тетрадку. Тогда это была игра. Милая, детская, трогательная. Теперь она была настоящим журналистом. Его сестра. Его гордость.

Он отложил письмо и выглянул в окно. Дождь наконец прекратился, и сквозь серые тучи робко пробивалось солн-

це. Донецк жил своей обычной жизнью - люди спешили по делам, кутаясь в плащи и куртки, где-то гудела машина, где-то лаяла собака, где-то кричали дети, играющие во дворе и где-то далеко, на северной окраине, время от времени гремели выстрелы, но к этому уже все привыкли.

Лена была дома - у неё выдался редкий выходной после трёх бессонных суток в госпитале. Она сидела у окна в старом, продавленном кресле, закутавшись в клетчатый плед, и вязала свитер для Андрейки - тёплый, шерстяной, с узором из оленей. Она вообще любила вязать - говорила, что это успокаивает нервы лучше любого лекарства, лучше любого алкоголя. Спицы ритмично постукивали в её руках, и этот звук - тихий, размеренный, умиротворяющий - был самым мирным из всех, что Алексей слышал за последние два с половиной года. Он мог слушать его бесконечно.

- Что Катя пишет? - спросила Лена, не отрываясь от вязания.

- Устроилась на работу. В независимую газету. Будет писать о волонтёрах. О тех, кто помогает людям через линию фронта.

, это хорошая тема, Лена кивнула. - Важная. Про нас тоже много волонтёров помогают. Если бы не они - мы бы здесь не выжили. Лекарства, еда, тёплые вещи - всё от них.

, она передаёт тебе привет и Андрейке. Пишет, что мечтает вас увидеть.

- Когда-нибудь увидит, сказала Лена. - Война не вечна.

Когда-нибудь она кончится и мы все соберёмся вместе.

Андрейка играл на полу с плюшевым медведем - тем самым, которого подарила Катя, и что-то тихо рассказывал ему. Алексей прислушался. Это был стишок про ёлочку, который мальчик помнил ещё с прошлого Нового года и теперь повторял, готовясь к следующему. Он укладывал медведя спать, укрывал его носовым платком и монотонно бубнил:

- «В лесу родилась ёлочка, в лесу она росла... Зимой и летом... зимой и летом...»

- «Стройная, зелёная была», подсказал Алексей.

- «Стройная, зелёная была»! - радостно повторил Андрейка. - Папа, а когда зима? Когда снег? Когда Новый год?

- Скоро, ответил Алексей. - Через два месяца. Ты ждёшь зиму?

- Жду. Потому что зимой Новый год и Дед Мороз придёт и принесёт подарок. Мне и медведю. Медведю - мёд, а мне - машинку. Большую. Красную.

- Обязательно придёт, сказал Алексей. - К тем, кто ждёт, Дед Мороз всегда приходит. Даже на войну.

Андрейка удовлетворённо кивнул и снова занялся медведем. Алексей смотрел на него и думал о том, что этот мальчик, его сын, уже третий год живёт на войне. Он родился в четырнадцатом, когда всё начиналось. Он слышал обстрелы, прятался в подвалах, знал слово «бах». Он никогда не видел мирной жизни, но при этом он улыбался, смеялся, ждал Де-

да Мороза, рассказывал стишки и играл с медведем. Дети - они удивительные. Они умеют быть счастливыми даже там, где взрослые давно потеряли надежду.

Вечером, когда стемнело и включили электричество, когда Лена уложила Андрейку спать, и они остались вдвоём, Алексей сел за стол, зажёг настольную лампу и написал ответ Кате. Он думал над каждым словом - не потому, что не знал, что сказать, а потому, что хотел, чтобы каждое слово было правдой.

«Катя, привет!

Поздравляю с работой! Я знал, что у тебя получится. Ты всегда была талантливой - даже когда играла в журналистов с папиным диктофоном. Помнишь, ты интервьюировала кота? А он тебе мурлыкал в ответ. Ты потом написала статью: „Кот Тимофей считает, что мыши должны жить дружно“. Мама хранит эту тетрадку до сих пор. А теперь ты - настоящий журналист. Пишешь настоящие статьи, которые читают настоящие люди. Я горжусь тобой.

У нас всё по-прежнему. Осень, дожди, грязь, перестрелки по ночам, но мы держимся. Лена вяжет Андрейке свитер с оленями - говорит, что к Новому году будет готов. Я иногда смотрю на неё и думаю: как мне повезло. Среди всей этой грязи, крови, смерти - она. Моя Ласточка. Моя жена. Моя любовь.

Андрейка ждёт Деда Мороза и репетирует стишок про

ёлочку. Уже почти без запинок. Говорит, что хочет в подарок машинку - красную, большую и медведю - мёд. Я не знаю, где мы возьмём красную машинку в осаждённом городе, но я её найду. Обещаю.

Ты пишешь про волонтёров, это очень важно. Передай привет Степану Петровичу, если увидишь и Марине. Они хорошие люди. Настоящие. Я их помню. Особенно Марину -, как она везла инсулин через фронт, и у неё был синяк на лице, а она всё равно улыбалась. Такие люди - они и есть надежда.

Береги себя, сестрёнка. Пиши. Твои письма, это глоток воздуха. Я их перечитываю по многу раз. Они пахнут Киевом, миром, нормальной жизнью. Тем, ради чего мы воюем.

Твой брат Алёша.

P.S. Передай Ярине привет и тёте Оксане. Скажи им, что я их помню и жду».

Он запечатал письмо и отложил в сторону - туда, где уже лежала стопка готовых писем для волонтёров. Завтра утром они уйдут через линию фронта, через блокпосты, через бесконечные проверки. Через две недели, а может, через месяц, Катя прочитает эти строки. Может быть, сидя в редакции, за своим столом, попивая кофе. Может быть, дома, на Оболони, глядя на Днепр и улыбнётся. И, может быть, напишет ответ.

Мост продолжал стоять и будет стоять, пока есть те, кто пишет, и те, кто читает. Пока есть те, кто ждёт, и те, кто возвращается. Пока есть Бондаренко.

Часть 13. Годовщина

Севастополь, декабрь 2016 года. Корабельная сторона.

Тридцать третья годовщина свадьбы Андрея и Анны Бондаренко выпала на субботу - тихий, ясный день, один из тех, какие бывают в Крыму только в самом начале зимы, когда осень уже окончательно уступила свои права, а Новый год ещё не вступил в свои. Солнце стояло низко над горизонтом, но всё ещё грело - мягко, ласково, по-стариковски, и его лучи, пробиваясь сквозь голые ветви платанов, рисовали на тротуарах причудливые узоры. Воздух был прозрачным, холодным, пахнущим морем, водорослями, приближающимся Новым годом и мандаринами - тем самым запахом, который с детства ассоциировался у всех Бондаренко с праздником.

Море было спокойным - необычно спокойным для декабря, когда обычно штормит. Синее, с лёгкой серебристой рябью, оно отражало холодное зимнее солнце, и казалось, что вода светится изнутри каким-то волшебным светом. Чайки лениво кружили над бухтой, словно и они чувствовали праздник и решили взять выходной от своих обычных криков и драк за рыбу. В порту перекликались корабли - басовитыми, протяжными гудками, и эти звуки, знакомые с детства, были для Андрея лучшей музыкой.

В маленькой квартире на Корабельной стороне, в доме, который помнил ещё деда Захара, с самого раннего утра пахло пирогами. Этот запах - тёплый, сладкий, с корицей и ванилью - просачивался сквозь неплотно прикрытую дверь на

лестничную клетку, и соседи, проходя мимо, невольно замедляли шаг и вдыхали его. «Опять у Бондаренко праздник», говорили они и улыбались.

Анна хлопотала на кухне с самого рассвета. Она надела свой любимый фартук с вышитыми васильками - тот самый, который помнил ещё те времена, когда дети были маленькими и носились по этой кухне, путаясь под ногами и выпрашивая кусочек теста. Она пекла два пирога: свой знаменитый яблочный - тот самый, рецепт которого передавался в её семье от матери к дочери, и ещё один, вишнёвый, для разнообразия. Вишню она заморозила ещё летом, когда в саду у Гаврилова созрел богатый урожай, и теперь, размораживая её, вспоминала тёплые июльские дни.

Она напевала что-то украинское, мелодичное - кажется, «Ніч яка місячна», и руки её, привыкшие к работе, ловко раскатывали тесто. Андрей помогал - чистил яблоки, нарезал их тонкими, почти прозрачными дольками, как она любила, и выкладывал ровными кругами. За тридцать три года они научились делать это синхронно, без слов понимая друг друга. Он знал, когда ей нужна скалка. Она знала, когда ему нужен нож. Они двигались по кухне, как два танцора, которые столько лет танцевали вместе, что уже не нуждались в музыке.

- Тридцать три года, сказала Анна, раскатывая тесто и глядя, как оно послушно расползается под скалкой. -, как один день. Я помню нашу свадьбу, как будто это было вчера. Пом-

ню твоих друзей с флота, которые поднимали тосты и чуть не уронили торт. Помню, как моя мама плакала от счастья и, как ты, когда мы остались одни, сказал: «Ну вот, теперь мы семья».

-, как одна жизнь, поправил Андрей, не отрываясь от яблок. - Длинная, трудная, но счастливая. Не всегда ровная - были и штормы, и туманы, и мели, но мы прошли через всё. Вместе.

- Ты жалеешь о чём-нибудь? - спросила Анна, остановившись и глядя на него.

Андрей отложил нож, вытер руки полотенцем, повернулся к ней.

- Нет, сказал он твёрдо. - Всё, что было и хорошее, и плохое, и страшное, и радостное, привело нас сюда. К этому дню. К этому столу. К этим пирогам. У нас прекрасные дети - Алёша, который стал героем, и Катя, которая стала журналисткой. У нас внук - Андрейка, который говорит «деда» и «баба». Я строю мост через Керченский пролив - тот самый мост, о котором мечтал всю жизнь. Ты учишь студентов и строишь свой мост - между культурами, между людьми. Разве этого мало?

- Не мало, Анна улыбнулась, и в её глазах блеснули слёзы, это много. Это всё, о чём можно мечтать.

- Вот именно. Поэтому я ни о чём не жалею. Даже о том, что было трудно. Трудности - они, как обручи на бочке. Стягивают, держат, не дают рассыпаться.

Днём, по многолетней традиции, пришёл Гаврилов. Он явился, как всегда, без предупреждения, но с неизменной бутылкой крымского муската в одной руке и букетом поздних хризантем в другой. Хризантемы были белые, пушистые, с лёгким горьковатым запахом - он выращивал их сам, на крошечном участке перед домом, и страшно гордился ими. Гаврилов заметно сдал за эти три года - стал совсем седым, сгорбился, ходил теперь с палочкой, но глаза его всё так же блестели по-молодому, а энергия била через край. Он был из тех людей, которые не сдаются возрасту.

- Поздравляю, соседи дорогие! - прогудел он с порога, вручая Анне хризантемы и галантно целуя ей руку. - Тридцать три года, это вам не шутка! Это, как тридцать три богатыря из сказки! Каждый год -, как один богатырь. Сильный, могучий, непобедимый. Я вот до такого юбилея не дожил - моя Мария пятнадцать лет, как ушла, царствие ей небесное. А вы - молодцы! Держитесь друг за друга! Пример для всей Корабельной стороны!

Они сели за стол - втроём. Анна разлила чай в старые, ещё советские чашки с золотым ободком. Андрей открыл вино - то самое, крымское, из Массандры. Пироги источали аромат, от которого кружилась голова. Гаврилов, как всегда, говорил больше всех - он был из тех людей, которые не выносят тишины и заполняют её словами, но слова эти всегда были искренними, идущими от сердца.

- Я вчера по радио слышал! - рассказывал он, размахи-

вая вилкой с насаженным на неё куском яблочного пирога. - Мост уже наполовину готов! Представляете, Петрович? Наполовину! Ещё год-полтора и откроют! Я доживу! Обязательно доживу! Хочу своими глазами увидеть, как первый поезд пойдёт по этому мосту! Хочу стоять на берегу и плакать от счастья!

- Доживёшь, спокойно ответил Андрей. - Ты крепкий. Гавриловы вообще крепкие. Твой отец до девяноста лет рыбу ловил, ты рассказывал.

- Ловил! - подтвердил Гаврилов. - В девяносто лет выходил в море на своей лодке и возвращался с уловом! Так что у меня гены хорошие! Я ещё и на правнуков посмотрю!

- А когда у тебя правнуки появятся? - улыбнулась Анна. - Ты же даже не женат.

, это детали! - отмахнулся Гаврилов. - У меня внучатый племянник в Симферополе живёт, у него дочка недавно родилась. Считай, я уже почти прадед!

Они засмеялись и этот смех - тёплый, домашний, уютный - был ещё одним доказательством того, что жизнь продолжается. Что всё возвращается на круги своя.

Потом, когда Гаврилов ушёл - раскрасневшийся, довольный, унося с собой кусок пирога, завёрнутый в салфетку, и они остались вдвоём, зазвонил телефон.

Первой позвонила Катя - из Киева. Её голос, пробившийся сквозь помехи международной связи, был радостным, звонким, почти таким же, как в детстве, когда она звонила

из школы и рассказывала, что получила пятёрку.

- Мама, папа! Поздравляю вас! С тридцать третьей годовщиной!, как вы там? Не скучаете?

- Хорошо, дочка, Анна улыбалась в трубку, и слёзы текли по её щекам. - Пироги печём, вино пьём, Гаврилова слушаем. Всё, как обычно. Только тебя не хватает.

- Ничего, я приеду. Летом. Или весной., как только смогу. У меня теперь работа - дают отпуск. Я уже планирую.

- Мы ждём. Всегда ждём. Ты, как сама? Как работа?

- У меня всё отлично! Работаю, пишу. Мой репортаж про волонтёров напечатали - представляете? Без купюр! Впервые за всё время! Правда, тираж маленький, газета независимая, её не везде продают, но это неважно. Главное - напечатали! И знаете, что самое удивительное? Мне звонят люди. Читатели. Говорят: «Спасибо, что написали правду. Мы думали, такое уже невозможно». А я говорю: «Возможно. Просто нужно не бояться».

- Мы гордимся тобой, сказал Андрей, и голос его был твёрдым. - Ты - настоящий журналист и настоящая Бондаренко.

Потом трубку взяла Анна, и они проговорили ещё полчаса - о погоде в Киеве, о Ярине, которая защитила диплом и теперь работала на телевидении, о тёте Оксане, которая передавала привет и обещала тоже когда-нибудь приехать.

А потом позвонил Алёша - из Донецка. Связь была плохой - обычное дело для полевого телефона, работающего че-

рез усилитель, голос прерывался, трещал, пропадал, но они услышали главное.

- Мама, папа! С годовщиной! Поздравляю! Тридцать три года, это сильно! Я вас очень люблю! У нас тут всё тихо, почти мир. Андрейка выучил новый стих - про снежинку. Лена вяжет свитер. Я жив и здоров. Мы все обязательно соберёмся вместе! Я вам обещаю! Может быть, на Новый год. Может быть, на следующую годовщину, но обязательно!

- Мы верим, сказала Анна. - Мы всегда верим.

А потом наступил вечер. Гаврилов ушёл, телефон умолк, и они остались вдвоём. Андрей и Анна сидели на балконе - на том самом крошечном балконе, где три года назад, в феврале четырнадцатого, Андрей стоял и смотрел на море, чувствуя, как надвигается шторм. Тогда он не знал, что будет дальше. Не знал, что Крым вернётся в Россию. Не знал, что сын уйдёт на войну, а дочь потеряется в чужом городе. Не знал, что всё закончится хорошо. Он просто стоял и ждал.

Теперь, три года спустя, он снова сидел на этом балконе, но всё было по-другому. Море было чёрным, спокойным, и в нём отражались звёзды - тысячи звёзд, рассыпанных по небу, как драгоценные камни. На рейде мигали сигнальные огни кораблей. Где-то внизу, на Корабельном спуске, слышны были голоса - соседи вышли на улицу, поздравляли друг друга с наступающим Новым годом.

- Знаешь, сказал Андрей, глядя на море, я тут подумал. Мы с тобой, наверное, самые счастливые люди на свете.

- Ты это уже говорил, Анна улыбнулась и прижалась к его плечу. - Причём не один раз. Каждый год на нашу годовщину.

и ещё раз скажу. Потому что это правда. У нас есть дети - Алёша и Катя. Они живы. Они здоровы. Они любят нас. У нас есть внук - Андрейка, который говорит «деда», и «баба» и ждёт Деда Мороза. У нас есть дом - эта старая квартира, где прошла вся наша жизнь. У нас есть море - вечное, спокойное, которое было здесь до нас и будет после. У нас есть работа - я строю мост, ты строишь людей. Что ещё нужно человеку для счастья?

- Ничего, Анна взяла его за руку, сухую, тёплую, с мозолями от молотка и стамески. - Больше ничего не нужно. Только чтобы все были живы и здоровы и чтобы мы были вместе.

- Мы вместе, сказал Андрей. - Мы всегда вместе. Даже когда нас разделяют расстояния. Даже когда, между нами, границы. Даже когда идёт война. Мы - Бондаренко. А Бондаренко всегда вместе.

Они сидели вдвоём, держась за руки, и смотрели на море и в этот момент всё было правильно. Всё было на своих местах. Семья Бондаренко была вместе - пусть не за одним столом, пусть в разных городах, пусть по разные стороны границ, но вместе.

Потому что мост, который они построили - из писем, из звонков, из молитв, из пирогов и бочек, из лекций и репортажей, из автоматных очередей и снайперских выстрелов, из

слёз и смеха, из потерь и обретений, этот мост стоял и будет стоять. Всегда.

Глава 8. Мост

Часть 1. Зимняя стройка

Керченский пролив, январь 2017 года.

Зима на Керченском проливе была не похожа на севастопольскую - более суровая, более ветреная, более беспощадная. Если в Севастополе, укрытом горами от северных ветров и согретом дыханием Чёрного моря, даже в январе иногда можно было гулять без шапки, а снег выпадал редко и быстро таял, то здесь, на открытом пространстве между двумя морями - Азовским и Чёрным, - ветер дул такой силы, что буквально сбивал с ног. Он пронизывал до костей, забирался под любую одежду, в каждую щель, в каждую складку, и никакие тулупы, никакие ватники, никакие современные термокуртки не спасали от этого ледяного дыхания.

Температура опускалась до минус пятнадцати, а с учётом ветра, который здесь дул постоянно - то с севера, то с востока, - ощущалась, как все минус тридцать. Вода в проливе не замерзала - слишком сильным было течение, слишком солёной была вода, смешанная из двух морей, но густой белый пар поднимался над ней клубами, словно дыхание гигантского зверя, и казалось, что само море дышит, как живое существо. Этот пар оседал на металлических конструкциях моста, на одежде рабочих, на всём вокруг тонким слоем льда,

и к концу смены люди становились похожи на снеговиков.

Но стройка не останавливалась. Не имела права останавливаться. Сроки были жёсткими - президентские, государственные, те самые, о которых говорили по телевизору и писали в газетах, и весь огромный механизм, состоящий из тысяч людей, сотен единиц техники, десятков кораблей и барж, продолжал работать, несмотря на мороз, ветер, снег, штормы и ледяной дождь. Рабочие трудились в три смены, по двенадцать часов каждая, отогреваясь в специальных вагончиках-теплушках, где круглосуточно топились железные буржуйки и всегда стоял огромный закопчённый чайник с кипятком. Они выходили на мороз - закутанные, как полярники, и пар от их дыхания смешивался с паром над проливом, создавая причудливые облака.

Андрей Петрович Бондаренко стоял на своём участке - том самом, где он работал уже почти полтора года, с сентября пятнадцатого, и смотрел, как огромный плавучий кран «Севастополец» медленно, величественно, словно гигантский доисторический ящер, поднимает очередной пролёт. Пролёт был огромным - сотни тонн стали и бетона, целый мост в миниатюре, и казалось почти невероятным, что такая махина может висеть в воздухе, удерживаемая только тросами и противовесами, но крановщик, пожилой мужчина с обветренным, изрезанным глубокими морщинами лицом и спокойными, всё понимающими глазами, работал с ювелирной, почти нечеловеческой точностью. Андрей знал его - его звали

Николай Иванович, он был из Новороссийска, бывший портовый крановщик с тридцатилетним стажем, и про него говорили, что он может положить пролёт с точностью до миллиметра, с закрытыми глазами, в шторм и в туман.

Андрей изменился за эти полтора года. Он похудел ещё сильнее - килограммов на пятнадцать, не меньше, - загорел до черноты, и даже зимой его лицо оставалось обветренным и смуглым, как у старого моряка. Его руки, некогда знавшие только молоток, стамеску и рубанок, теперь привыкли к арматуре, опалубке, бетону, тяжёлым кувалдам и вибрирующим инструментам. Они огрубели, покрылись новыми мозолями, стали ещё крепче, но глаза светились тем же молодым, почти мальчишеским задором, который Анна заметила в нём ещё два года назад, когда он только пришёл на стройку. Этот задор не могли погасить ни мороз, ни ветер, ни усталость.

Он носил тёплую рабочую куртку с капюшоном - оранжевую, как у всех строителей, - под которую поддевал старый флотский свитер грубой вязки, сохранившийся ещё со времён Северного флота. На голове - неизменная каска, теперь утеплённая изнутри слоем войлока. На руках - толстые рукавицы из овчины, которые Анна связала ему специально для зимней работы и передала с оказией. Она вообще заботилась о нём на расстоянии - передавала тёплые носки, шарфы, домашние пироги в пластмассовых контейнерах и каждый раз, когда Андрей получал такую передачу, он чувствовал, как тепло разливается в груди.

Он часто думал о том, как изменилась его жизнь за эти три года и, как изменился он сам. Три года назад, в январе четырнадцатого, он сидел в своей мастерской на Корабельной стороне, чинил очередную дубовую бочку для Массандры, слушал тревожные новости по старенькому радиоприёмнику и чувствовал, как надвигается что-то огромное и страшное. Тогда он не знал, что будет дальше. Не знал, что через месяц Крым вернётся в Россию. Не знал, что его сын уйдёт в ополчение и пройдёт через Славянск, Иловайск, Дебальцево. Не знал, что его дочь потеряется в киевском тумане, а потом найдётся и вернётся. Не знал, что он сам, в шестьдесят пять лет, станет строителем Крымского моста - будет стоять здесь, на ледяном ветру, и своими руками соединять берега.

Теперь он знал и это знание наполняло его гордостью.

- Петрович! - к нему, увязая в снегу и размахивая руками, пробирался Сергеич, прораб, в своём неизменном тяжёлом тулупе из овчины и шапке-ушанке, завязанной под подбородком. Его лицо, и без того красное от ветра, сейчас было почти багровым. - Ты чего тут стоишь, как памятник? Замёрзнешь ведь! Уже час, как смена закончилась! Все давно в теплушках, чай пьют, а ты всё тут!

- Не замёрзну, - спокойно ответил Андрей, не отрывая взгляда от крана. - Я подводник. Мы привыкли к холоду. На Северном флоте, знаешь, какой ветер? Там не то, что здесь - там полярная ночь, минус сорок, а ты стоишь на мостике и в бинокль смотришь и ничего, жив остался.

- Подводник, - Сергеич хмыкнул, вытирая замёрзшие усы. - А я думал, вы там, в своих лодках, в тепле сидите., как в санатории. Под водой же холодно не бывает.

- В тепле, - Андрей усмехнулся, и его усмешка была похожа на дедовскую. - В тесноте, в тепле, в темноте., как в бочке, но на палубу выходить приходилось и на вахту, и по тревоге и на Севере, скажу я тебе, такой ветер, что этот пролив - просто курорт. Здесь хоть солнце иногда показывается.

Сергеич покачал головой, но ничего не сказал. Он давно привык к этому немногословному, спокойному человеку, который никогда не жаловался, никогда не просил поблажек и работал так, как не работали многие молодые. Он достал из-за пазухи термос - большой, армейский, с облупившейся зелёной краской, - свинтил крышку, налил в неё дымящийся чай, протянул Андрею.

- На, глотни. Согреешься. С мёдом и лимоном. Жена твоя, Анна Игоревна, передаёт, чтобы ты не мёрз. Звонила вчера вечером, когда тебя не было на связи - ты в ночную смену работал. Просила напомнить, чтобы ты не забывал есть и не работал на морозе без перерыва. Грозилась сама приехать и проверить.

- Спасибо, - Андрей взял крышку, сделал осторожный глоток. Чай был горячим - почти обжигающим, - сладким, с привкусом мёда и каких-то трав. Наверное, с чабрецом, который Анна собирала прошлым летом в крымских горах, на склонах Чатыр-Дага. Или с мятой. Или и с тем, и с другим. Чай

был её. Он чувствовал это. -, как она там? Как Севастополь?

- Нормально. Голос бодрый. Сказала, что пирог испекла - яблочный, как ты любишь. Ждёт тебя в субботу. Ещё сказала, что Гаврилов заходил - он теперь каждый день заходит, проверяет, не вернулся ли ты. Говорит, что без тебя скучно и ещё сказала... - Сергеич сделал паузу, словно вспоминая. - Ах да. Внук твой, Андрейка, звонил из Донецка. По телефону, с переговорного пункта. Рассказывал новый стишок.

- Андрейка звонил? - лицо Андрея мгновенно осветилось улыбкой, и даже морщины вокруг глаз стали мягче и, как он? Что рассказывал?

- Хорошо. Лена, жена твоего сына, трубку потом взяла. Говорит - растёт парень, здоровый, весёлый. Уже считает до двадцати, почти не сбивается. Все буквы знает, читать учится и стишок новый выучил - про снежинку., как там... «Снежинка упала на ладошку, её я согрею немножко». Или что-то вроде того. Я не запомнил точно, но она сказала - очень трогательно и ещё просил передать «деде», чтобы он приезжал скорее. Скучает.

Андрей кивнул, глядя на пролив, но глаза его были где-то далеко - в Донецке, в маленькой комнатке у тёти Веры, где его внук рассказывал стишки и ждал Деда Мороза. Он думал о том, как мало видел Андрейку за эти три года. Только на фотографиях, которые присылала Лена, да в редкие приезды Алёши в Севастополь - а тот приезжал всего два раза, и то ненадолго. Андрейка рос без деда, но он знал о нём. Знал по

рассказам, по письмам, по фотографиям и говорил «деда» и ждал.

- Ничего, - сказал Андрей, и голос его был твёрдым. - Скоро увидимся. Вот достроим мост и увидимся. Я ему обещал. Я ему даже подарок приготовил - деревянный кораблик, сам вырезал. Стоит в мастерской, ждёт.

- Достроим, - согласился Сергеич, забирая крышку от термоса. - Обязательно достроим. С такими темпами, как сейчас, - через год, может, и управимся. А может, и раньше.

Они ещё постояли немного, глядя, как пролёт медленно, сантиметр за сантиметром, опускается на опоры. Сварщики уже ждали его, пританцовывая на морозе, -, как только металл коснулся бетона, они начали свою работу, и снопы золотых, ослепительных искр рассыпались над водой, отражаясь в тёмных волнах. Красиво., как фейерверк., как новогодний салют, который здесь, на стройке, был каждый день.

Вечером, когда стемнело - а темнело зимой рано, уже в пятом часу, - Андрей сидел в вагончике-общежитии, у iron печки, которая гудела и потрескивала, пожирая уголь. В вагончике пахло сушащимися портянками, машинным маслом, дешёвым табаком и крепким мужским духом - запахом людей, которые тяжело работают. Вокруг, на двухъярусных койках, отдыхали после смены другие рабочие - кто-то спал, кто-то играл в карты, кто-то читал потрёпанные книги. Андрей сидел на своей нижней койке, пристроив на коленях фанерку, и писал письмо Анне. Он делал это каждый вечер,

когда были силы и когда давали свет. Это стало его ритуалом, его способом сохранить связь с домом.

«Аня, здравствуй!

У нас тут настоящая зима. Холодно, ветер, снег, пар над водой, но стройка идёт полным ходом, мост растёт. Сегодня монтировали очередной пролёт - ты бы видела, какая это красота. Огромная металлическая конструкция, сотни тонн, плывёт над водой, а потом ложится на опоры - точно, миллиметр в миллиметр. Крановщик у нас - волшебник. Сергеич говорит, что мы идём с опережением графика. Это хорошо. Значит, мост откроют вовремя, как обещали.

Сергеич передал, что ты звонила. Спасибо. Я жив, здоров, тепло одет, не мёрзну. Ты не волнуйся за меня. Твои носки и рукавицы - лучшее, что у меня есть. Все ребята завидуют, спрашивают, где ты такие взяла. Я говорю - жена связала. Они не верят.

Как там Гаврилов? Всё так же слушает радио и ждёт открытия моста? Передай ему, что я его помню и что первый поезд по мосту пойдёт обязательно - он дождётся.

Как твой спецкурс? Студенты ходят? Не разбежались после зимы? Помнишь, ты боялась, что никто не придёт, а пришли двадцать человек. Ты пишешь мне редко - наверное, занята, но я жду каждого письма. Твои письма, это то, что греет меня лучше любой печки.

Целую тебя. Жди в субботу, если Сергеич отпустит. Если нет - приеду через две недели.

Твой Андрей».

Он запечатал письмо в конверт, надписал адрес и отложил в сторону. Завтра утром его заберёт почтальон - пожилой мужчина на стареньком «УАЗике», который развозил почту по всей стройке. Через день, а может, через два, письмо будет в Севастополе. Анна возьмёт его из ящика, прижмёт к груди -, как она всегда делала, - прочитает, и, может быть, улыбнётся и напишет ответ.

Мост продолжал расти и где-то там, за сотни километров, в Донецке, его внук ждал деда. В Киеве его дочь писала очередной репортаж. В Севастополе его жена пекла пироги и смотрела на море.

Жизнь продолжалась.

Часть 2. Катя и редакция

Киев, февраль 2017 года. Редакция газеты «Честное слово».

Катя сидела за своим столом в редакции и смотрела на монитор старенького компьютера - того самого, который Иван Степанович, главный редактор, купил ещё в двухтысячных и который теперь работал с перебоями, требуя регулярной перезагрузки. Она работала над статьёй - очередным репортажем о волонтёрах, которые возили помощь через линию фронта, рискуя жизнью под обстрелами. Тема была сложной, почти запретной в нынешних условиях, когда любое упоминание о людях по ту сторону рассматривалось, как «пособничество сепаратистам», но Иван Степанович верил в

неё. «Пиши правду, девочка, - говорил он, попыхивая своей неизменной трубкой. - Только правду. Обе стороны. Без лозунгов. Без пропаганды. Это единственное, что может спасти нашу профессию от окончательной гибели».

Редакция была маленькой, тесной, бедной - три комнаты в полуподвальном помещении на Подоле, куда вела крутая, скользкая лестница. Зимой здесь было холодно, летом - душно, а весной и осенью - сыро, но Катя любила это место. Здесь пахло бумагой, типографской краской, дешёвым растворимым кофе и трубочным табаком - Иван Степанович курил трубку, несмотря на все запреты и предупреждения врачей. На стенах висели старые, пожелтевшие от времени выпуски газеты - первые полосы с громкими заголовками, фотографии журналистов, получивших награды ещё в советские времена и среди них - относительно новая фотография Кати, сделанная в день выхода её первого большого репортажа. Она стояла на фоне разрушенного дома в Донецке и улыбалась - устало, но счастливо. Это была её первая настоящая публикация.

Катя изменилась за эти годы. Она стала старше, увереннее, спокойнее. Исчезла та восторженная, немного наивная девочка, которая когда-то стояла на Майдане с сине-жёлтым флагом и кричала лозунги, веря в простые истины. Теперь она была профессионалом. Она видела войну с обеих сторон и с украинской, и с донецкой, и это знание изменило её. Она прошла через фронт в декабре четырнадцатого, когда ещё

гремели бои. Она потеряла иллюзии, но обрела правду и теперь пыталась рассказывать эту правду другим - через свои статьи, через свои репортажи, через каждое написанное слово.

- Катя! - в комнату без стука заглянула Ярина, и в её рыжих волосах, как всегда, запутались снежинки. Она теперь работала на телевидении - вела утренние новости на одном из небольших каналов, но часто забегала в редакцию просто так, проведать подругу. - Ты опять за компьютером? Уже седьмой час вечера! Ты вообще сегодня обедала?

- Обедала, - неопределённо ответила Катя, не отрываясь от экрана и продолжая печатать.

- Врёшь. Я знаю, что ты не обедала. У тебя на столе пусто, даже чашки нет. Пойдём, тут рядом открылась новая кофейня - «Львівська кава», - я угощаю. Тебе нужно есть и отдыхать, иначе ты свалишься.

Катя нехотя оторвалась от статьи, потянулась - спина затекла от долгого сидения в неудобном кресле, и кивнула. Она сохранила файл, выключила компьютер и накинула пальто. Они вышли на улицу, в февральский Киев. Было холодно, ветрено, но сухо - снег, выпавший на прошлой неделе, уже почти растаял, оставив на тротуарах грязные лужи. По Крещатику гуляли пары, на Майдане горели свечи памяти - уже третью зиму подряд. Война продолжалась где-то далеко, в шестистах километрах к востоку, но здесь, в столице, она ощущалась иначе - фоновой тревогой, к которой все привык-

ли., как к шуму автострады., как к тиканью часов.

Они сели в кофейне у окна. Внутри было тепло, уютно, пахло свежемолотым кофе и ванилью. Ярина заказала два капучино и круассаны с миндалём. Катя смотрела на прохожих за окном и думала о своём.

- О чём задумалась? - спросила Ярина, размешивая сахар.

- О родителях. У них скоро годовщина - тридцать четыре года вместе. Представляешь? Тридцать четыре. Это больше, чем я живу на свете. Я хочу поехать в Севастополь, поздравить лично, но документы опять задерживают. Ты представляешь, уже третью визу не дают. Говорят - «в связи с напряжённой обстановкой». Или «в связи с отсутствием оснований». Или просто молчат.

- Дай взятку, - посоветовала Ярина полушутя, подмигнув.

- Я журналист. Я не даю взяток. Это противоречит моим профессиональным принципам.

- Тогда жди. Рано или поздно дадут. Не могут не дать.

- Я уже два года так жду. Точнее, езжу раз в год, но каждый раз это целая эпопея. Справки, разрешения, собеседования в СБУ, в миграционной службе, ещё где-то., как будто я преступница., как будто я хочу не родителей обнять, а государственные секреты выведать.

Ярина вздохнула. Она знала, через что проходит Катя. Сама она, к счастью, не имела родственников по ту сторону фронта - только дядю в Луганске, с которым они почти не общались, но она понимала подругу. Понимала, что значит -

иметь семью, разделённую границей. Понимала, что значит - ждать разрешения на свидание с матерью. Понимала, как это унизительно и больно.

- Слушай, - вдруг сказала она, отставляя чашку. - А ты не думала переехать? В Крым? К родителям? Совсем?

Катя задумалась. Этот вопрос она задавала себе много раз. Каждый раз, когда возвращалась из Севастополя и плакала в поезде. Каждый раз, когда получала письма от Алёши и видела его неровный почерк. Каждый раз, когда смотрела на море - пусть даже на фотографиях.

- Думала, - призналась она. - Много раз думала, но я не могу. Здесь моя работа. Здесь Иван Степанович, который в меня поверил, когда никто не верил. Здесь газета, которая пытается говорить правду в мире, где все врут. Если я уеду - кто будет это делать? Кто будет рассказывать истории людей, которые оказались между двух огней?

- Кто-нибудь найдётся, - неуверенно сказала Ярина.

- Не найдётся, - Катя покачала головой. - Ты же знаешь, как сейчас с независимой прессой на Украине. Нас и так еле терпят. Каждую неделю - проверки, угрозы, звонки из министерства. Если я уйду - газета, может, закроется. Иван Степанович стар, ему за семьдесят, у него больное сердце. Он держится на мне и ещё двух журналистах - Саше и Оксане. Я не могу его бросить. Это было бы предательством.

- А, как же семья? - тихо спросила Ярина. - Ты же скучаешь.

- Скучаю. Очень, но семья, это мост, - сказала Катя. - Помнишь, я тебе говорила? Мост, который нельзя разрушить. Даже расстоянием. Даже границами. Даже войной. Я приезжаю к родителям, когда могу. Я пишу Алёше каждую неделю, и он пишет мне. Я звоню им - пусть связь плохая, пусть дорого, но я слышу их голоса. Я их люблю и этого достаточно. Пока достаточно.

Ярина покачала головой, и её рыжие кудри рассыпались по плечам.

- Ты удивительная, Катя. У тебя такая сила духа, что я иногда завидую. Ты как..., как скала. Всё вокруг рушится, а ты стоишь.

, это не сила духа, - Катя улыбнулась, отпивая кофе, это просто любовь и немного упрямства. У нас, Бондаренко, это семейное.

Они допили кофе, поболтали ещё о чём-то неважном, и Катя вернулась в редакцию. В полуподвале было тихо - Саша и Оксана уже ушли, и только из кабинета Ивана Степановича доносился запах трубочного табака. Катя постучала.

- Войдите!

Она вошла. Старый редактор сидел за своим столом, заваленным бумагами, рукописями, старыми газетами. Он снял очки, протёр их платком и посмотрел на Катю долгим, изучающим взглядом.

- Катя, - сказал он. - Зайди на минутку. Присядь.

Она села на скрипучий стул. Иван Степанович помолчал,

раскуривая трубку, потом заговорил:

- Я прочитал твой новый материал. Про волонтёров. Это очень сильно. Очень честно. Знаешь, что я думаю?

- Что?

- Я думаю, что ты - лучший военный корреспондент на Украине. Может быть, во всей Восточной Европе. У тебя талант, Катя. Настоящий, Божий талант. Ты видишь людей, а не стороны. Ты рассказываешь истории, а не лозунги. Ты не судишь - ты понимаешь. Это то, чему я пытался научить студентов тридцать лет и только ты поняла по-настоящему.

- Спасибо, Иван Степанович, - Катя почувствовала, как к горлу подкатывает ком.

- Не за что. Просто продолжай. Продолжай писать правду. Что бы ни случилось. Что бы тебе ни говорили. Что бы ни угрожали. Правда, это единственное, что у нас осталось и если мы её потеряем - мы потеряем всё.

- Я продолжу, - сказала Катя. - Обещаю.

Вечером, вернувшись домой, в свою маленькую квартиру на Оболони, которую она снимала вместе с Яриной, Катя села за стол и написала письмо Алёше. Рассказала о редакции, об Иване Степановиче, о своих планах. О том, что её четвёртый репортаж должен выйти в марте. О том, что она скучает. Очень скучает. По нему, по родителям, по морю.

«Алёша, привет!

У меня всё хорошо. Работаю, пишу. Сегодня редактор сказал, что я - лучший военный корреспондент на Украи-

не. Представляешь? Я даже заплакала немного. Вспомнила, как мы играли в журналистов с папиным диктофоном., как ты давал мне интервью, притворяясь знаменитым путешественником. Всё это было не зря.

Я скучаю по вам. Очень. Надеюсь, что скоро увидимся. Может быть, летом.

Береги себя. Береги Лену. Береги Андрейку.

Твоя сестра Катя».

Часть 3. Алёша и мир

Донецк, март 2017 года.

Третья весна войны пришла в Донбасс так же внезапно, как и предыдущие две - без предупреждения, без плавного перехода от холода к теплу. Ещё в феврале мели метели и температура опускалась ниже нуля, а в марте вдруг ударила оттепель, и степь вокруг города начала оживать. Снег сошёл быстро, обнажив бурую, истоптанную гусеницами и сапогами землю, и уже через неделю на ней проклюнулась первая робкая зелень. Птицы вернулись с юга и пели по утрам так громко, что иногда заглушали далёкие разрывы. Воздух стал тёплым, влажным, пахнущим талой водой, пробуждающейся землёй и всё той же гарью, которая не выветривалась уже три года.

Алексей Бондаренко стоял на своём обычном месте - у блокпоста на въезде в город, и смотрел на дорогу. За эти три года дорога изменилась. Исчезли воронки от снарядов - их засыпали, заровняли, заасфальтировали. Исчезли остовы

сгоревшей техники на обочинах - их убрали, сдали в металлолом. На блокпосту появились бетонные укрепления, нормальная печка-буржуйка, даже спутниковая антенна. Война стала бытом. Обустроенным, привычным, почти домашним.

Он думал о том, что этот март - особенный. Три года назад, в марте четырнадцатого, всё только начиналось. Референдум в Крыму, первые митинги в Донецке, формирование ополчения. Тогда он был мальчишкой, шахтёром, который понятия не имел, с какой стороны у автомата приклад. Теперь ему было двадцать семь. У него была жена, сын, медали на груди и седина на висках. Он прошёл Славянск, Иловайск, Дебальцево. Он похоронил десятки товарищей. Он был ранен, контужен, но выжил и теперь стоял на этом блокпосту и смотрел на пустую дорогу.

Но сегодня всё было по-другому. Сегодня был особенный день. Сегодня должно было прийти письмо от Кати, она писала каждую неделю, и письма приходили с завидной регулярностью, несмотря на все препоны. А ещё сегодня была годовщина - три года с начала войны. Три года с тех пор, как он впервые взял в руки оружие.

- Бондарь! - к нему подошёл Витька, как всегда с автоматом за спиной и неизменной губной гармошкой в нагрудном кармане. Он изменился за эти годы - возмужал, раздался в плечах, отпустил бороду, но глаза его остались прежними: живыми, цепкими, иногда озорными. - Почтальон пришёл. Тебе письмо. Из Киева.

Алексей взял конверт, узнал Катин почерк - быстрый, летящий, с характерным наклоном вправо, и улыбнулся. Он отошёл в сторону, к бетонному блоку, служившему скамьёй, и начал читать.

«Алёша, привет!

У меня всё хорошо. Работаю, пишу. Мой редактор, Иван Степанович, говорит, что я - лучший военный корреспондент на Украине. Представляешь? Я сначала не поверила, а потом поняла: это благодаря тебе. Благодаря тому, что ты показал мне другую сторону войны. Без этого я бы так и осталась пропагандисткой.

Я часто думаю о том дне, когда мы увидимся. Я мечтаю об этом. Приехать в Донецк, обнять тебя, Лену, Андрейку. Посидеть у тёти Веры, попить чай из оббитых кружек. Вспомнить детство. Забыть о войне хотя бы на час.

Я знаю, что это будет не скоро, но это будет. Обязательно.

Твоя сестра Катя».

Алексей дочитал, бережно сложил письмо и убрал в нагрудный карман - туда, где уже лежали десятки других писем, перетянутые резинкой. Он перечитывал их по вечерам, когда было тихо, и каждый раз чувствовал, как тепло разливается в груди.

Вечером он вернулся домой. Лена была на суточном дежурстве в госпитале, и он был вдвоём с Андрейкой. Мальчику было уже три с половиной года - он бегал по комнате,

играл с плюшевым медведем и задавал бесконечные вопросы. Почему небо синее? Почему трава зелёная? Почему папа носит автомат? Почему мама уходит на работу так надолго?

Алексей отвечал, как мог. Старался быть честным, но не травмировать. Это было трудно - объяснить трёхлетнему ребёнку, что такое война.

- Папа, а ты помнишь, как мы ходили на море? - спросил вдруг Андрейка.

Алексей замер. Они никогда не были на море. Андрейка родился в Донецке в четырнадцатом году и никуда не выезжал - сначала был слишком мал, потом шла война, но он видел море на фотографиях, которые присылали дедушка с бабушкой, и, видимо, создал в своём воображении целый мир.

- Помню, - сказал Алексей, решив подыграть. - А ты?

и я помню. Оно было синее-синее и чайки кричали и мы ели мороженое. Вкусное. Шоколадное.

- Обязательно поедем, - сказал Алексей, чувствуя, как к горлу подкатывает ком. - Когда кончится война. Сразу же. На самый синий берег. С самым вкусным мороженым.

- Обещаешь?

- Обещаю.

Позже, уложив Андрейку спать, Алексей сел за стол и написал ответ Кате. Короткий, но тёплый.

«Катя, привет!

Получил твоё письмо. Спасибо. Ты даже не представляешь, как оно меня греет. Когда я читаю твои строки, мне

кажется, что ты рядом. Что мы снова сидим у тёти Веры и пьём чай.

Поздравляю с успехом. Я знал, что ты станешь лучшей. Помнишь, как ты играла в журналистов? Ты всегда была талантливой. Я просто помог тебе увидеть то, что ты не видела.

Береги себя и передай привет Ярине и Ивану Степановичу. Скажи ему, что я благодарен ему за то, что он в тебя поверил.

Твой брат Алёша».

Он запечатал письмо и отложил в сторону. Завтра оно уйдёт в Киев. Через две недели Катя его прочитает. И, может быть, улыбнётся.

Часть 4. Анна и университет

Симферополь, апрель 2017 года. Крымский федеральный университет имени Вернадского.

Анна Игоревна Бондаренко стояла у окна в преподавательской и смотрела, как студенты спешат на занятия. Весна в Симферополе была в самом разгаре - цвели абрикосы и персики в университетском сквере, их нежно-розовые лепестки усыпали дорожки, как конфетти. Зеленели газоны, подстриженные заботливыми садовниками. Воздух был тёплым, влажным, пахнущим цветами, свежей травой и ещё чем-то неуловимым - может быть, молодостью, может быть, надеждой. В такой день хотелось бросить все дела и пойти гулять, но у Анны через полчаса была лекция, и она не могла

себе этого позволить.

За те три года, что прошли с референдума, университет изменился до неузнаваемости и внешне, и внутренне. Пришли новые преподаватели - из России, из Донбасса, даже несколько человек из Киева, которые по разным причинам не захотели оставаться в Украине. Ушли те, кто не принял перемены, -, как Гнатюк, уехавший во Львов и теперь преподававший в тамошнем университете. Программы переписали, учебники заменили, ввели новые стандарты, но суть осталась прежней: литература, культура, слово и Анна продолжала делать то, что умела лучше всего, - учить студентов думать, анализировать, понимать.

Она сама изменилась за эти годы. Стала спокойнее, мудрее, увереннее в себе. Перестала вздрагивать от каждого телефонного звонка - того самого, который мог принести страшную весть. Научилась ждать - не с замиранием сердца, как раньше, а с тихой, глубокой уверенностью, что всё будет хорошо. Её вера в это не была наивной, она была выстраданной, оплаченной бессонными ночами и тысячами прочитанных молитв.

Её спецкурс «Русская и украинская литература: диалог культур, общие корни, перекрёстные судьбы», который они с Еленой Викторовной Снегирёвой придумали три года назад, в апреле четырнадцатого, когда всё только начиналось, стал одним из самых популярных факультативов в университете. На него записывались студенты разных специально-

стей - филологи, историки, журналисты, даже будущие юристы и экономисты. Тема оказалась востребованной, несмотря ни на что - или, может быть, именно благодаря тому, что она была острой, дискуссионной, не имеющей однозначных ответов.

Сегодняшняя лекция была посвящена Лесе Украинке - великой украинской поэтессе, чьё творчество было неразрывно связано с русской и европейской литературой. Анна готовилась к ней несколько дней, перечитывая старые издания, делая выписки, сверяя переводы. Она рассказывала о том, как Леся, прикованная болезнью к постели, находила в себе силы писать, переводить, мыслить., как она переводила Тургенева, Гейне, Шекспира на украинский язык и делала это блестяще., как она переписывалась с русскими писателями и поэтами, как её творчество было частью общего литературного процесса, а не чем-то изолированным., как она, будучи глубоко национальным поэтом, никогда не была националисткой, она говорила о свободе, о достоинстве, о любви, о человеческом, а не о политическом.

Студенты слушали внимательно. Аудитория была полна - человек сорок, не меньше. Кто-то записывал, кто-то просто слушал, кто-то задавал вопросы. Вопросы были разными - от простых, фактологических («А правда ли, что Леся Украинка знала десять языков?») до острых, провокационных, почти политических («Как можно говорить о диалоге культур, когда Россия и Украина воюют друг с другом?»).

Анна уже научилась на них отвечать - спокойно, аргументированно, без агрессии.

- Война, это политика, - говорила она. - А культура, это вечность. Политики приходят и уходят, границы меняются, империи рушатся, но Пушкин остаётся и Шевченко остаётся и Леся Украинка остаётся. Их нельзя отменить, нельзя запретить, нельзя заставить людей забыть и пока мы читаем их - мы остаёмся людьми. Понимаете?

После лекции, когда студенты уже начали расходиться, к ней подошла девушка - та самая Оксана Приходько, которая когда-то, два года назад, сказала ей: «Вы строите мост». Теперь она была на четвёртом курсе, писала диплом под руководством Анны и готовилась к выпуску. У неё было открытое, умное лицо и внимательные, немного тревожные глаза.

- Анна Игоревна, можно вас на минуту? Для личного разговора?

- Да, Оксана, конечно. Пойдёмте в преподавательскую, там сейчас никого нет.

Они прошли в маленькую комнатку с окном в парк. Анна налила чай из термоса - у неё всегда был с собой термос, привычка, оставшаяся с тех времён, когда она работала допоздна, и они сели за стол.

- Я хотела спросить... - Оксана запнулась, подбирая слова. - Мой диплом почти готов, вы его читали, вы знаете, но я не знаю, что делать дальше. Стоит ли мне оставаться в Крыму? Получать российский диплом? Или уезжать обратно, на

Украину?

- А что вас держит здесь? - спросила Анна.

- Всё, - честно ответила Оксана. - Университет. Вы. Мои друзья. Моя жизнь. Я здесь уже четыре года. Я привыкла. Я полюбила Крым, но мои родители в Сумах, на Украине. Они звонят мне каждый месяц и говорят: «Возвращайся. Что ты забыла в этой России? Там ты будешь предательницей. Никто тебя не возьмёт на работу с крымским дипломом» и я не знаю, что им ответить. Я не чувствую себя предательницей. Я не предавала Украину. Я просто живу. Учусь. Люблю.

Анна задумалась, глядя в окно на цветущие деревья. Она вспомнила Катю -, как её дочь стояла перед таким же выбором три года назад. Вспомнила Алёшу, который выбрал войну. Вспомнила себя, она тоже когда-то выбирала между Украиной и Россией, между русским и украинским, между прошлым и будущим и выбрала. Не страну - себя.

- Знаешь, Оксана, - сказала она наконец, поворачиваясь к девушке, - я не могу тебе сказать, что делать. Это твой выбор. Твоя жизнь. Твоя судьба. Никто не имеет права решать за тебя - ни родители, ни преподаватели, ни политики, но я могу сказать тебе то, что поняла за эти долгие годы. За всю свою жизнь.

- Что же?

- Родина, это не флаг. Не паспорт. Не граница на карте. Не территория, за которую воюют. Родина, это люди, которых ты любишь. Это язык, на котором ты думаешь, на котором

тебе снятся сны. Это культура, которая тебя сформировала - книги, которые ты читала в детстве, песни, которые пела твоя мама, стихи, которые ты учила в школе. Всё остальное - политика. А политика приходит и уходит. Меняются режимы, меняются границы, меняются флаги. Остаётся только любовь и если ты любишь - ты не предательница. Ты просто человек, который ищет свой путь.

Оксана слушала, не перебивая. В её глазах стояли слёзы.

- Значит, я не предательница? - тихо спросила она.

- Нет. Ты - человек, который ищет свой путь. Это трудно, гораздо труднее, чем просто выбрать одну сторону и ненавидеть другую, но это правильно. Это честно и я горжусь тем, что ты моя студентка.

Оксана встала, порывисто обняла Анну.

- Спасибо вам. Вы даже не представляете, как это важно для меня - слышать такие слова. Мои родители... они хорошие люди, но они не понимают. Они смотрят телевизор и верят всему, что там говорят. А я уже не могу верить. Я слишком много узнала здесь. Слишком много увидела.

- Понимаю, - Анна кивнула. - Моя дочь прошла через то же самое. Она тоже когда-то верила телевизору. А потом перестала и нашла свой путь.

Девушка ушла, а Анна ещё долго сидела в преподавательской, глядя в окно. Студенты спешили по своим делам - кто-то на лекцию, кто-то в библиотеку, кто-то в кафе. Они смеялись, спорили, влюблялись, строили планы. Жизнь продол-

жалась и это было самое главное.

Вечером, вернувшись домой в Севастополь, Анна села за стол, зажгла настольную лампу и написала письмо Алёше. Она делала это каждую неделю и каждое письмо было, как глоток свежего воздуха.

«Сынок, здравствуй!

У нас всё хорошо. Спецкурс работает, студенты радуют. Сегодня одна девушка, моя лучшая студентка, спросила меня: „Я предательница?“ И я вспомнила Катю. Вспомнила, как она называла нас предателями, когда всё начиналось., как она плакала, как не хотела нас знать. А потом -, как она приехала в Севастополь, как мы сидели на кухне и перебирали старые фотографии. Всё проходит. Всё возвращается и ненависть, и любовь, но любовь - сильнее.

Я горжусь тобой, сынок. Ты стал мужчиной - настоящим, сильным, честным. Таким, каким мы с папой мечтали тебя видеть. Когда ты вернёшься - мы соберёмся все вместе. Обязательно.

Береги себя. Береги Лену. Береги Андрейку. Мы ждём вас. Всегда.

Мама.

P.S. Папа передаёт привет. Он сейчас на стройке, но в субботу приедет. Я испеку пирог. Яблочный., как ты любишь».

Она запечатала письмо и отложила в сторону. Завтра утром она отправит его и оно пойдёт через границы, через

фронт, через время., как ходили десятки писем до него.

Часть 5. Андрей и Сергеич

Керченский пролив, май 2017 года.

Весна на стройке была временем особенным, непохожим ни на что другое. Зимние штормы, которые терзали пролив с ноября по март, наконец утихали, и море, ещё недавно серое и грозное, становилось спокойным, синим, почти курортным. Ветер, который зимой пронизывал до костей, теперь дул мягко, ласково, принося с собой запахи пробуждающейся степи, цветущих трав и далёкого моря. Строители снимали тяжёлые тулупы, ватники и утеплённые каски, переодевались в более лёгкую одежду, но сами каски оставались неизменными - их здесь носили все, от простого разнорабочего до начальника участка. Каска была символом, пропуском, частью личности.

Мост рос на глазах. Каждый день приносил новые метры, новые пролёты, новые опоры, новые надежды. Уже можно было пройти по готовым секциям от крымского берега до острова Тузла - несколько километров над водой, и рабочие шутили, что скоро можно будет ходить пешком на Тамань. Администрация стройки официально объявила, что работы идут с опережением графика, и это наполняло всех - от министров до простых бетонщиков - чувством гордости. Они делали историю. Они строили мост, который войдёт во все учебники.

Андрей Петрович Бондаренко работал на своём участке -

том самом, где он начинал почти два года назад, в сентябре пятнадцатого, когда пришёл сюда простым плотником. Теперь он был не просто плотником, а бригадиром - Сергеич, оценив его опыт, ответственность и то уважение, которым он пользовался среди рабочих, повысил его прошлой осенью. Андрей поначалу отказывался - говорил, что он простой бондарь, а не начальник, что он привык работать руками, а не командовать, но Сергеич настоял. «Ты, Петрович, лучший работник на всём объекте, - сказал он тогда, и в его голосе не было лести. - Я за двадцать лет такого, как ты, не встречал. Ты не просто работаешь - ты душу вкладываешь. Если ты не возьмёшься, кто возьмётся? Молодые? Они хорошие ребята, но у них нет твоего опыта. Ты их научишь» и Андрей взялся.

Теперь под его началом работали двенадцать человек - молодые ребята из разных уголков России: из Сибири, с Урала, из Краснодарского края, из Ростовской области, даже один парень из Владивостока, который приехал на стройку за длинным рублём, но остался, потому что проникся духом. Они уважали своего бригадира - не за возраст, не за былые заслуги, о которых мало кто знал, а за то, что он никогда не прятался за их спины, всегда работал наравне со всеми и знал своё дело до таких мелочей, которые были неведомы даже опытным инженерам. Он мог на глаз определить, правильно ли пригнана доска опалубки, и заметить брак там, где его не замечали другие. Он мог объяснить сложную операцию просто и понятно - так, что даже новичок понимал с

первого раза и он никогда не кричал - говорил тихо, спокойно, но его слушали. Потому что знали: он говорит дело.

- Петрович, - сказал Сергеич однажды, когда они сидели на перекур у самого края готового пролёта, свесив ноги над водой. Внизу, метрах в двадцати, плескались волны, и чайки кружили над ними, выпрашивая хлеб. Сергеич достал свой неизменный термос, налил чай в крышку, протянул Андрею. - Ты когда-нибудь думал, что будешь строить мост?

Андрей взял крышку, сделал глоток. Чай был горячим, с мятой - Сергеич любил мяту, говорил, что она помогает от давления.

- Никогда, - честно ответил он, глядя на пролив. - Я думал, что всю жизнь буду бочки делать., как дед Захар., как отец, Пётр Захарович. Это у нас семейное - бондарное дело. Я с детства в мастерской, с пяти лет стружку подметал, с семи - молоток в руки взял. Думал, так и помру - с молотком и стамеской. А тут - мост. Это... это совсем другое.

- Не совсем, - Сергеич покачал головой и тоже засмотрелся на воду. - Ты знаешь, Петрович, я за свою жизнь много чего построил. Дороги, мосты, тоннели, плотины. От Калининграда до Владивостока и я понял одну вещь. Строительство - оно везде одинаковое. Будь то бочка, будь то дом, будь то мост через пролив. Везде одно и то же: материалы, руки, голова и душа. Если без души строить - всё развалится. А если с душой - будет стоять веками.

- Бочка, она ведь тоже соединяет, - продолжал Сергеич,

раскуривая сигарету. - Клёпки. Они же сами по себе - просто доски. Рассыпаются. А собери их вместе, стяни обручами и получится сосуд. Крепкий, надёжный. Так и мост. Он соединяет берега, которые сами по себе - просто земля. А вместе - страна.

Андрей задумался. Он никогда не смотрел на это с такой стороны, но Сергеич был прав -, как всегда, впрочем. Вся его жизнь была соединением. Он соединял клёпки в бочки -, как делали его дед и отец. Он соединял свою семью - письмами, звонками, молитвами, любовью. А теперь соединял два берега - Крым и Россию, которые так долго были разорваны.

- Ты философ, Сергеич, - сказал он наконец, возвращая крышку от термоса. - Тебе бы книжки писать, а не мосты строить.

, это я от тебя заразился, - усмехнулся прораб. - Ты сам философ, Петрович. Помнишь, ты мне рассказывал про своего деда? «Держава, она, как бочка. Рассыхается медленно, а собирается быстро. Главное - чтобы мастер был хороший». Это же целая теория. Я её теперь всем рассказываю. Говорю: «У меня есть бригадир, он говорит, что мы тут не просто мост строим. Мы державу собираем., как бочку».

- Правда? - Андрей удивлённо поднял бровь.

- Правда и знаешь, это работает. Люди слушают. Понимают, что они не просто за зарплатой приехали. Что они - часть чего-то большого. Исторического.

Они посидели ещё немного, глядя на пролив. Солнце кло-

нилось к закату, и вода из синей становилась золотой, потом розовой, потом оранжевой. Красиво - так красиво, что дух захватывало. Где-то вдалеке гудел паром, перевозивший машины через пролив, - старенький, ещё советской постройки, он ходил здесь десятилетиями, но скоро, совсем скоро он будет не нужен. Мост заменит его. Мост сделает переправу быстрой, удобной, всепогодной.

- Скоро, - сказал Андрей, глядя на паром. - Ещё год-полтора.

- Год, - подтвердил Сергеич. - Если ничего не случится. Если погода не подведёт. Если финансирование не сократят. Ты знаешь, Петрович, я суеверный стал на этой стройке. Никогда не говорю «когда откроем». Только «если».

- Я тоже, - признался Андрей. - Война научила. Никогда не загадывать.

Они помолчали. Потом Сергеич вдруг спросил:

- Петрович, а ты что будешь делать, когда мост достроят? Вернёшься в Севастополь? К своим бочкам?

Андрей долго не отвечал. Он смотрел на закат, на пролив, на растущий мост, и думал о чём-то своём.

- Не знаю, - сказал он наконец. - Наверное, вернусь. К жене. К внуку. К бочкам, но я уже никогда не буду прежним. Этот мост... он изменил меня. Я понял, что могу больше, чем думал. Что мои руки нужны не только для бочек. Что я могу строить историю.

- Ты уже её строишь, Петрович, - Сергеич хлопнул его по

плечу. - Уже построил. Запомни это.

Вечером, в вагончике-общежитии, Андрей сидел на своей койке и писал письмо Анне. Он рассказывал о разговоре с Сергеичем, о закате над проливом, о своих мыслях и о том, что скучает. Очень скучает. По ней, по дому, по пирогам с яблоками.

«Аня, здравствуй!

У нас тут весна. Тепло, солнечно, вода в проливе синяя-синяя, как в Севастополе. Мост растёт. Сергеич говорит, что мы идём с опережением графика. Если так пойдёт и дальше, через год, может быть, откроем.

Я много думаю. О нас. О детях. О том, как всё сложилось и знаешь, я ни о чём не жалею. Всё, что было - хорошее и плохое, - привело нас сюда. К этому дню. К этому мосту.

Сергеич сказал сегодня: «Ты строишь историю». Я сначала не понял. А потом подумал: ведь он прав. Мы все её строим. Ты - своими лекциями. Алёша - своей войной. Катя - своими репортажами. Я - своим мостом. Мы все - одна семья и мы строим один большой мост.

Целую тебя. Жди в субботу.

Твой Андрей».

Он запечатал письмо и отложил в сторону. Завтра утром его заберёт почтальон. Через день оно будет в Севастополе.

Часть 6. Лена и госпиталь

Донецк, июнь 2017 года. Третья городская больница.

Лена Бондаренко, старший сержант медицинской службы,

стояла у операционного стола и подавала хирургу инструменты. Шла уже третья операция за день, и время, казалось, остановилось в этих стенах, пропитанных запахом хлорки, крови, лекарств и человеческого страдания. За окном операционной, за плотными шторами, сиял июньский день - яркий, солнечный, наполненный птичьим пением и запахом цветущей степи, но здесь, внутри, царил искусственный свет мощных ламп, и единственным звуком было мерное гудение аппаратуры, поддерживающей жизнь пациента, да короткие, отрывистые фразы хирурга.

Молодой ополченец, почти мальчишка, лет девятнадцати на вид, получил осколочное ранение в живот во время ночного обстрела. Осколок был небольшим, размером с ноготь, но он прошёл через брюшную стенку, задел печень и застрял где-то рядом с позвоночником. Ранение было тяжёлым, почти безнадёжным. Хирург, пожилой мужчина с усталыми, покрасневшими от недосыпа глазами и глубокими морщинами на лбу, работал молча, сосредоточенно, и только иногда бросал короткие, отрывистые фразы, которые Лена понимала без слов.

- Зажим... Тампон... Ещё зажим... Отсос... Чёрт, где артерия?.. Вот она... Держи зажим, держи крепче... Так... Хорошо... Тампонируй... Теперь иглу... Шить будем...

Лена работала с этим хирургом уже больше двух лет и понимала его без слов - по движению бровей, по напряжению плеч, по тому, как он склонял голову, разглядывая операци-

онное поле. Она знала, какой инструмент ему понадобится через секунду, и подавала его раньше, чем он успевал попросить. Её руки двигались быстро, точно, без суеты, она могла бы делать это с закрытыми глазами. В госпитале её ценили. Она была не просто медсестрой, одной из многих, она была правой рукой хирурга, его ангелом-хранителем, его вторым зрением. Про неё говорили: «Если Лена на операции - считай, повезло. Она никого не отпускает».

Операция длилась почти пять часов. Пять часов непрерывного напряжения, когда нельзя расслабиться ни на секунду, когда от каждого движения зависит человеческая жизнь. Когда всё закончилось - осколок был извлечён, кровотечение остановлено, рана зашита, и раненого увезли в реанимацию под присмотром дежурной бригады, Лена вышла в коридор. Она стянула перчатки, сняла маску и шапочку, бросила их в корзину для использованных материалов и присела на старую деревянную скамейку, стоявшую здесь, наверное, ещё с советских времён. Ноги гудели от усталости, спина ныла, в висках стучало, а ладони, несмотря на многолетнюю привычку, слегка дрожали - так бывало всегда после особенно тяжёлых операций, но она чувствовала то глубокое, спокойное удовлетворение, которое приходит только после хорошо сделанной работы. Мальчишка будет жить. Ещё одна жизнь, вырванная у смерти. Ещё одна мать не получит похоронку. Ещё одна семья не останется без сына.

За эти три года войны она повидала столько крови, столь-

ко боли, столько смертей, что хватило бы на десять обычных жизней. Она научилась не плакать - слёзы кончились ещё в четырнадцатом, в первые недели войны, когда на её руках умер первый раненый, молодой парень из Макеевки, которому осколок попал в сонную артерию. Она тогда рыдала всю ночь, а наутро вернулась в госпиталь и больше не плакала. Никогда. Она научилась отключать эмоции, когда это было необходимо, - становиться холодной, собранной, точной, как скальпель и включать их снова, когда она приходила домой, к Андрейке. Для сына она всегда находила улыбку, какой бы трудной ни была смена. Для мужа - ласковое слово, нежный жест, объятие. Это было её спасением. Её бронёй. Её способом оставаться человеком в мире, который сошёл с ума.

Она сидела на скамейке, прикрыв глаза, и думала о том, как странно устроена жизнь. Когда-то, в другой жизни, она была студенткой медицинского училища в Донецке. Мечтала стать детским врачом. Хотела лечить детей - не раненых, не искалеченных войной, а обычных детей с обычными болезнями: ангинами, ветрянками, сломанными руками. Она представляла себе светлый кабинет, игрушки на полках, улыбающихся мам с малышами. А теперь она ассистирует на операциях, где сшивают разорванные осколками артерии, и видит такое, чего не пожелаешь никому и всё же она не жалела. Она была нужна здесь. Её руки, её знания, её спокойствие - всё это было нужно тем, кто умирал на операционных столах.

К ней подошла молоденькая санитарка, совсем девчонка, наверное, только после училища - её звали Настя, и она работала в госпитале всего третий месяц. У неё было круглое, ещё по-детски пухлое лицо и испуганные глаза. Лена помнила себя такой же - три года назад, когда всё начиналось.

- Елена Сергеевна, - сказала Настя тихо, словно боясь потревожить, - там вас спрашивают. Какой-то мужчина. Говорит, вы его жену оперировали в прошлом году. Пришёл поблагодарить. Ждёт в вестибюле. С цветами.

Лена кивнула, с трудом поднялась со скамейки - ноги всё ещё гудели, - поправила халат, провела рукой по волосам, выбившимся из-под шапочки, и вышла в вестибюль. Там, у входа, переминаясь с ноги на ногу и нервно теребя в руках букет садовых роз, стоял немолодой мужчина в потёртой рабочей куртке. Ему было лет пятьдесят, может, чуть больше. Лицо обветренное, руки в мозолях - видимо, работал на заводе или в шахте. Увидев Лену, он шагнул вперёд, и его глаза - серые, усталые, много повидавшие - наполнились слезами. Он явно не привык плакать, и эти слёзы давались ему с трудом.

, это вы, - сказал он, и голос его дрогнул, это вы оперировали мою Надю. В прошлом июне. Помните? Осколочное ранение, задета печень. Врачи сказали - почти безнадёжно, шансов мало. А вы... вы её спасли. Вы стояли там, у стола, и подавали инструменты. Я не знаю, что именно вы делали, но врач потом сказал: «Если бы не эта медсестра, мы бы её по-

теряли». Она сейчас дома, с детьми. Живая. Ходит, говорит, смеётся. Я пришёл сказать спасибо. Вы... вы даже не представляете, что вы для нас сделали.

Лена помнила этот случай. Он врезался в память - такие случаи не забываются. Тяжёлое ранение, действительно почти безнадёжное. Женщина лет сорока, мать троих детей, попала под обстрел, когда выходила из магазина. Осколок пробил ей бок, раздробил ребро, задел печень. Кровопотеря была такой сильной, что к моменту, когда её доставили в операционную, давление почти не определялось. Хирург работал четыре часа, Лена ассистировала, подавала инструменты, а сама молилась про себя - не Богу, в которого не очень верила, а просто так, в пустоту, отчаянно, как молятся все, кто оказывается лицом к лицу со смертью: «Пожалуйста, пусть она выживет. У неё же дети. Пожалуйста» и она выжила. Организм справился, сердце не остановилось, и через месяц её выписали домой.

- Не стоит благодарности, - сказала Лена тихо, принимая цветы. Розы были садовые, домашние, неровно подстриженные - видно, что мужчина срезал их в своём палисаднике, но пахли они изумительно, как пахнут только розы, выращенные с любовью, это моя работа. Я просто делала то, что должна была делать.

- Нет, - мужчина покачал головой, и слёзы всё-таки потекли по его морщинистым щекам, это не работа. Работа, это когда за зарплату. А это... это подвиг. Вы каждый день со-

вершаете подвиг. Каждый день спасаете людей. Вы и врач, и все, кто здесь работает. Дай Бог вам здоровья. Дай Бог, чтобы ваши дети никогда не узнали того, что видите вы.

Он поклонился - неуклюже, по-деревенски, - положил букет на скамейку и быстро ушёл, не оборачиваясь, словно стесняясь своих слёз. Лена ещё долго стояла в вестибюле, сжимая в руках розы и глядя на закрывшуюся за ним дверь. Она думала о том, что за эти три года видела не только смерть, боль, кровь и грязь. Она видела и благодарность. Настоящую, искреннюю, от всего сердца и эта благодарность была тем, что держало её на плаву. Тем, ради чего стоило приходить сюда каждый день и снова, и снова.

Она думала о том, сколько ещё таких операций ей предстоит. Сколько ещё раненых, искалеченных, умирающих пройдёт через её руки. Сколько ещё жизней нужно будет спасти. Она не знала ответа, но знала одно: она будет делать это. До конца. Пока война не кончится. Пока не наступит мир. Пока последний раненый не покинет стены этого госпиталя.

Вечером, когда её смена наконец закончилась, она длилась почти сутки, с короткими перерывами на еду и отдых, - Лена вернулась домой. Дом, это была всё та же комната у тёти Веры, на окраине Петровского района. За три года комната стала уютной, обжитой: на окнах появились занавески, сшитые самой Леной из старого ситца, на стенах - детские рисунки Андрейки, на полках - книги и немногие уцелевшие семейные фотографии. У стены стояла кроватка сына, у дру-

гой стены - их с Алексеем кровать. Тесно, бедно, но это был их дом. Их крепость. Их островок мира посреди войны.

Алексей был дома - у него выдался редкий выходной. Он сидел за столом, разбирал и чистил автомат, но, увидев жену, сразу отложил оружие в сторону и встал навстречу. Он знал этот взгляд - усталый, отстранённый, и знал, что сейчас ей нужно.

- Рассказывай, - сказал он просто.

И Лена рассказала. О мальчишке с осколком в животе, который будет жить. О мужчине с розами, который приходил благодарить за спасённую жену. О своих мыслях, о своей усталости, о своей надежде.

- Представляешь, - говорила она, сидя за столом и обхватив ладонями кружку с чаем, который заварил Алексей, - пришёл муж той женщины, которую мы оперировали в прошлом году. Принёс розы из своего сада. Говорит - спасибо. Плакал. А я даже не сразу вспомнила её лицо. Представляешь? Я забыла. За три года столько лиц прошло через операционную, что я не могу их всех запомнить.

- Ты у меня героиня, - Алексей обнял её, прижал к себе. - Я всегда это знал. С первого дня, когда увидел тебя там, на площади, под обстрелом. Ты бежала к раненому, а пули свистели вокруг и ты не остановилась. Я тогда понял: вот она, моя судьба.

- Я не героиня, - Лена покачала головой, но улыбнулась - впервые за этот долгий день. - Я просто делаю свою работу.

То, что умею. То, чему меня учили.

- Вот именно, - Алексей поцеловал её в макушку. - В этом и есть героизм. Делать свою работу, когда вокруг ад. Не сбежать, не спрятаться, не сломаться. Просто продолжать. Изо дня в день. Из года в год. Это и есть самое трудное.

Андрейка, игравший на полу со своим неизменным плюшевым медведем, поднял голову и внимательно посмотрел на родителей. Ему было уже три с половиной года, он многое понимал - гораздо больше, чем им хотелось бы. Он слышал разговоры взрослых, видел их усталые лица, чувствовал напряжение, висевшее в воздухе и по-своему, по-детски, пытался помочь.

- Мама - герой, - сказал он убеждённо, откладывая медведя и папа - герой и я - герой. Потому что я - Бондаренко. А Бондаренко - они все герои. Так деда Андрей говорит.

Лена и Алексей переглянулись и рассмеялись - впервые за долгое время от души и этот смех, этот детский голос, это простое утверждение - «мы все - герои» - было лучшим лекарством от войны. Лучше любых антидепрессантов. Лучше любого сна.

- Правильно, сынок, - сказал Алексей, подхватывая Андрейку на руки. - Мы все - герои и деда Андрей, и баба Аня, и тётя Катя, и ты. Мы - Бондаренко. А Бондаренко никогда не сдаются.

Позже, когда Андрейка уснул, прижимая к себе медведя, Лена и Алексей сидели вдвоём за столом. За окном темне-

ло, и где-то далеко, на северной окраине, гремели редкие выстрелы, но они не обращали на них внимания - привыкли. Лена положила голову на плечо мужа и закрыла глаза.

- Знаешь, о чём я мечтаю? - спросила она тихо.

- О чём?

- О море. О настоящем море. Не об Азовском - до него рукой подать, но там сейчас тоже неспокойно. О Чёрном море. О Севастополе. Я никогда там не была, только на фотографиях видела, но я так хочу туда. Хочу стоять на берегу, смотреть на волны, слушать чаек. Хочу, чтобы Андрейка увидел море - настоящее, синее, бескрайнее. Хочу, чтобы мы все - ты, я, он, твои родители, Катя - собрались вместе и чтобы никто никуда не спешил и чтобы никто не боялся.

- Будет, - сказал Алексей, гладя её по голове. - Обязательно будет. Вот кончится война - сразу поедем. Я тебе обещаю.

- Ты веришь, что она кончится?

- Верю. Должна. Все войны когда-нибудь кончаются. Даже Столетняя.

- Даже Столетняя, - повторила Лена и улыбнулась.

Они сидели в тишине, думая каждый о своём. За окном всходила луна - большая, круглая, мирная. Она освещала разрушенный город, пустые улицы, блокпосты, окопы. Она светила всем и своим, и чужим и в этом свете было что-то успокаивающее. Что-то, что обещало: всё будет хорошо. Не сразу. Не легко, но обязательно.

Часть 7. Катя и censored правда

Киев, июль 2017 года. Редакция газеты «Честное слово».

Катя сидела за своим столом в редакции и смотрела на монитор компьютера. Она работала над статьёй - самой трудной, самой опасной из всех, что ей приходилось писать за последние три года. Это был материал о цензуре в украинских СМИ. О том, как независимых журналистов выдавливают из профессии. О том, как правду заменяют пропагандой. О том, как её саму, Катю Бондаренко, дочь крымских родителей и сестру донецкого ополченца, пытались заставить выбирать сторону.

Она работала над этим материалом уже несколько месяцев - собирала факты, записывала интервью, анализировала публикации. Она говорила с журналистами, которых уволили за «неправильную» позицию. С редакторами, которым угрожали. С волонтёрами, которым запрещали въезд в зону боевых действий за то, что они помогали «не той» стороне. Она записывала всё это в свой блокнот - тот самый, с которым когда-то ездила в Донецк, и с каждым новым фактом ей становилось всё тяжелее.

- Катя! - в комнату заглянул Иван Степанович. Он был без трубки, что случалось редко, и это означало, что он сильно взволнован. - Зайди ко мне. Срочно.

Она сохранила файл, выключила монитор и прошла в кабинет редактора. Иван Степанович сидел за своим столом, заваленным бумагами, и нервно крутил в пальцах очки. Его лицо было серым, усталым, под глазами залегли глубокие те-

ни.

- Катя, - сказал он, когда она села, - у нас проблемы. Большие проблемы.

- Какие?

- Мне звонили. Сверху. Сказали, что если мы опубликуем твой материал о цензуре, газету закроют. А меня... меня могут посадить. Формально - за «разжигание вражды» или «дискредитацию вооружённых сил». Ты понимаешь, что это значит?

Катя почувствовала, как внутри всё похолодело. Она знала, что этот материал опасен. Знала, что он может вызвать гнев властей, но она не думала, что угроза будет настолько серьёзной и что она последует ещё до публикации. Видимо, утечка произошла - кто-то из сотрудников типографии, где печаталась газета, сообщил куда следует. Или прослушивали телефон редактора. Или всё вместе.

и что вы предлагаете? - спросила она тихо.

- Я предлагаю тебе выбор, - Иван Степанович посмотрел ей прямо в глаза. - Мы можем опубликовать этот материал, но тогда газету закроют. Меня, скорее всего, арестуют. Тебя - тоже могут и всё, ради чего мы работали, пойдёт прахом. Или мы можем отложить публикацию. На время. Пока обстановка не изменится.

- А если она не изменится?

- Тогда... тогда не знаю.

Катя долго молчала. Она думала об Алёше. О том, как он

воюет за правду - с оружием в руках. О том, как он пишет ей письма и никогда не жалуется. О том, как он сказал когда-то: «Правда -, как мост. Её можно бомбить, но она всё равно стоит». Она думала об отце, который строил свой мост из бетона и стали. О матери, которая строила свой мост из лекций и книг. О том, что семья Бондаренко всегда была мостом - между городами, странами, людьми и она не могла предать эту семейную черту.

- Публикуйте, - сказала она твёрдо.

- Что?

- Публикуйте. Я не могу молчать. Если я сейчас отступлю - значит, всё, что я делала, было зря. Значит, мой брат зря рискует жизнью. Значит, мой отец зря строит свой мост. Я не отступлю. Я - Бондаренко. А Бондаренко не сдаются.

Иван Степанович долго смотрел на неё. Потом надел очки, достал трубку, раскурил её - впервые за весь разговор, и сказал:

- Знаешь, Катя, когда я брал тебя на работу, я думал, что ты просто талантливая девочка. Способная, но неопытная. Я ошибался. Ты не просто талантливая. Ты - настоящая и я горжусь тем, что работаю с тобой.

- Так мы публикуем?

- Публикуем. Завтра. Первая полоса и будь что будет.

На следующий день статья вышла. Она называлась «Правда под запретом: как цензура убивает украинскую журналистику». В ней Катя рассказывала о том, что видела своими

глазами. О том, как её собственный репортаж, написанный три года назад, был искромсан цензорами. О том, как её коллег увольняли за неудобные вопросы. О том, как правда становилась всё более редким товаром на медийном рынке.

Реакция была мгновенной. Газету смели с прилавков за несколько часов - пришлось допечатывать тираж. В соцсетях разразилась буря - кто-то хвалил Катю за смелость, кто-то проклинал за «предательство», кто-то угрожал. В редакцию звонили и с благодарностями, и с проклятиями. А вечером, когда Катя собиралась домой, в дверь постучали.

На пороге стояли двое мужчин в штатском. Они предъявили удостоверения - Служба безопасности Украины. Катя почувствовала, как земля уходит из-под ног.

- Екатерина Андреевна Бондаренко? Пройдёмте с нами. У нас к вам несколько вопросов.

Её допрашивали всю ночь. Спрашивали о брате-ополченце. О родителях в Крыму. О поездке в Донецк в четырнадцатом году. О связях с «российскими спецслужбами». О том, кто заказал статью. Катя отвечала спокойно, сдержанно, она знала, что за ней нет никакой вины. Она просто писала правду. А правда, как учил её отец, не должна бояться вопросов.

Под утро её отпустили. Без предъявления обвинений, но с предупреждением: «Мы за вами следим. Будьте осторожны». Она вышла из серого здания на рассвете, вдохнула влажный июльский воздух и заплакала - впервые за долгое время, но это были не слёзы страха. Это были слёзы облегчения и гор-

дости. Она выдержала. Она не сломалась. Она осталась собой.

Вечером она написала Алёше - длинное, на пять страниц, письмо. О том, что случилось. О том, что она сделала. О том, что ей страшно, но она не жалеет и о том, что она поняла: правда, это не просто слова. Это выбор. Каждый день. Каждую минуту и она сделала свой выбор.

«Алёша, привет!

У меня были трудные дни. Очень трудные. Мою статью о цензуре опубликовали, и меня вызывали на допрос. Всю ночь спрашивали о тебе, о родителях, о моих поездках. Было страшно. Очень страшно, но я выдержала. Я не сломалась. Я думала о тебе. О папе. О маме. О том, что вы все делаете своё дело, несмотря ни на что и я сделала своё.

Не знаю, что будет дальше. Может быть, газету закроют. Может быть, меня уволят. Может быть, будет ещё хуже, но я не жалею. Я сделала то, что считала правильным и это - главное.

Береги себя. Ты - мой герой. Всегда им был.

Твоя сестра Катя».

Часть 8. Андрей и отпуск

Севастополь, август 2017 года. Корабельная сторона.

Андрей Петрович Бондаренко приехал домой в отпуск - на целых десять дней, впервые за последние полгода. Сергеич, узнав, что у Петровича скоро годовщина свадьбы - тридцать четвёртая, и что он не был дома почти три месяца, сам

настоял: «Езжай, Петрович. Мост подождёт. Он уже никуда не денется - стоит, красавец. А жена - нет. Жена ждать устала» и Андрей поехал. Сел в старенький рейсовый автобус, который курсировал между стройкой и Севастополем, и всю дорогу смотрел в окно на проплывающие мимо крымские пейзажи - выжженные августовским солнцем холмы, виноградники, белые домики прибрежных посёлков, бескрайнее синее море. Он не был дома три месяца - целую вечность и теперь, с каждым километром, приближавшим его к Севастополю, его сердце билось всё чаще.

Десять дней в Севастополе, это было, как глоток свежей родниковой воды после долгой, изнурительной жажды в пустыне., как первый вдох после того, как выныриваешь с глубины., как возвращение к жизни. Он спал в своей постели - не на жёсткой казённой койке в рабочем общежитии, а на нормальной кровати, с нормальными простынями, которые пахли лавандой, потому что Анна всегда перекладывала бельё лавандовыми саше. Он просыпался не от гула стройки, не от скрежета кранов и рёва самосвалов, а от крика чаек за окном - того самого звука, который был саундтреком его детства, его юности, его жизни. Он завтракал на кухне с Анной - не спеша, не глотая еду второпях, как на стройке, а сидя за столом, разговаривая, глядя на море за окном. Он ходил на рынок за фруктами - сочными августовскими персиками, истекающими соком, тёмным крымским виноградом, ароматными дынями. Он гулял по Приморскому бульвару, мимо

памятника затопленным кораблям, мимо Графской пристани, где стояли яхты и катера, мимо старых платанов, на которых уже начинали желтеть первые листья. Он впервые за долгое время никуда не спешил. Просто жил. Просто дышал. Просто был дома.

И всё же он заметил, что отвык от тишины. На стройке всё время что-то гудело, стучало, скрежетало, работало. Там тишина была редкостью, исключением, почти аномалией. А здесь, в Севастополе, было тихо - по-настоящему тихо. Только чайки кричали, да море шумело, да иногда проезжала машина по Корабельному спуску и эта тишина поначалу оглушала его. Он просыпался по ночам оттого, что ничего не слышал, и ему казалось, что что-то случилось. Анна, заметив это, успокаивала его: «Всё хорошо, Андрей. Ты дома. Это просто тишина. Это мир».

Анна изменилась за те месяцы, что они не виделись. Не внешне - внешне она была всё той же Анной Игоревной Бондаренко, его женой, его Аней, с которой они прожили тридцать четыре года, но в её глазах появилась какая-то новая мягкость, какая-то глубокая, спокойная мудрость. Она стала больше улыбаться - не той тревожной, вымученной улыбкой, какой улыбалась в четырнадцатом, когда всё только начиналось, а настоящей, светлой, открытой. Её спецкурс процветал, студенты записывались на него за месяц вперёд, и она чувствовала, что её работа - вот эти лекции, эти споры, эти разговоры о литературе - кому-то нужна. Что она не зря про-

жила эти годы.

Они много разговаривали в эти дни. Обо всём - о детях, о внуке, о войне, о мосте, о будущем и каждый разговор был, как ещё один кирпичик в стене их общей жизни. Андрей рассказывал о стройке - о Сергеиче, о ребятах из своей бригады, о том, как монтируют последние пролёты. Анна рассказывала об университете - о студентке Оксане, которая защитила диплом и осталась в Крыму, о новой программе, которую они с Еленой Викторовной разрабатывали, о том, как трудно иногда бывает отвечать на провокационные вопросы, но, как важно это делать. Они говорили и говорили, как будто пытались наверстать те месяцы, что провели в разлуке.

В один из дней, ближе к вечеру, к ним зашёл Гаврилов -, как всегда, без предупреждения, с неизменной бутылкой крымского муската в одной руке и букетом поздних георгинов в другой. Он постарел ещё сильнее за последние месяцы - сгорбился, лицо покрылось новыми морщинами, ходил теперь с палочкой, на которую тяжело опирался, но глаза его всё так же блестели, и голос звучал всё так же бодро, и энергия, казалось, била через край, несмотря ни на что.

- Петрович! - закричал он с порога, ещё не успев перешагнуть порог. - Вернулся, бродяга! Дай я на тебя посмотрю! Дай обниму тебя, старый чёрт!

Они обнялись - крепко, по-мужски, хлопая друг друга по спинам. Андрей чувствовал, как под руками хрустят старческие кости Гаврилова, и от этого ему становилось немного

грустно.

- Похудел! - констатировал Гаврилов, отстраняясь и оглядывая Андрея. - Загорел! Помолодел! Что эта стройка с людьми делает! Я тоже хочу на стройку!

- Скажешь тоже, - Андрей усмехнулся. - Помолодел. В шестьдесят пять лет не молодеют.

- А ты помолодел! - настаивал Гаврилов. - Тебе стройка на пользу идёт. Я всегда говорил: человек должен работать. Пока работаешь - живёшь., как только перестаёшь - всё, конец. Я вот тоже работаю - в огороде. У меня такие помидоры в этом году выросли - закачаешься! Принести?

- Неси, - сказала Анна, улыбаясь. - Всё неси и помидоры, и вино, и себя. Мы тебе всегда рады.

Они сели за стол. Анна принесла чай и пирог - яблочный, как любил Андрей, и нарезала помидоры, которые Гаврилов действительно притащил из дома: огромные, мясистые, истекающие соком. Гаврилов рассказывал новости - он теперь был главным источником информации для всей Корабельной стороны, потому что слушал радио с утра до вечера и читал все газеты.

- Я тут по радио слышал! - говорил он, размахивая вилкой. - Мост уже почти готов! Последние пролёты монтируют! Говорят, в следующем году откроют! Представляешь, Петрович? В следующем году мы с тобой поедем по этому мосту! Я специально куплю билет на первый поезд! Или на первую машину! Я ещё не решил!

- Я, наверное, на первую машину не поеду, - Андрей усмехнулся. - Я его строю, а не катаюсь, но когда-нибудь - обязательно. С внуком. С Андрейкой. Хочу, чтобы он увидел.

- Правильно! - Гаврилов стукнул кулаком по столу. - С внуком! Это самое главное! Чтобы внуки видели, что их деды строили! Чтобы помнили! Чтобы гордились!

Они проговорили до позднего вечера. Вспоминали прошлое -, как стояли на площади Нахимова в феврале четырнадцатого, как плакали, когда пели гимн, как Андрей впервые поехал на стройку. Гаврилов рассказывал о своей покойной жене Марии, с которой они прожили тридцать лет, о том, как он до сих пор скучает по ней. Анна слушала и вытирала слёзы - то ли от смеха, то ли от грусти.

Когда Гаврилов ушёл, было уже совсем темно. Андрей и Анна сидели на балконе - на том самом крошечном балконе, где они провели столько вечеров за последние три года. Море было спокойным, чёрным, и в нём отражались звёзды - тысячи звёзд, рассыпанных по августовскому небу. Где-то на рейде мигали сигнальные огни кораблей. Где-то внизу, на Корабельном спуске, играла гитара - кто-то из соседей устроил вечерние посиделки.

- Знаешь, - сказал Андрей, глядя на море, - я тут много думал. О нас. О детях. О жизни и я решил: когда мост достроят - я вернусь. Насовсем. Хватит уже. Пора домой.

- Правда? - Анна повернулась к нему, и в её глазах, осве-

щённых светом луны, блеснули слёзы - те самые, светлые, радостные, которые он так любил.

- Правда. Я своё дело сделал. Мост будет стоять - без меня, без Сергеича, без всех нас. Он уже стоит. Осталось только последние пролёты смонтировать, дорожное полотно уложить, перила поставить. Это уже не моя работа, это работа дорожников и отделочников. Моя работа - дерево, металл, опалубка. Я своё отработал и теперь я хочу быть с тобой. С детьми. С внуком. Хочу бочки делать - я забыл, когда в последний раз держал в руках стамеску. Хочу сидеть на этом балконе и смотреть на море. Хочу просыпаться от крика чаек, а не от гула стройки. Я устал, Аня. По-хорошему устал., как устаёт человек, который выполнил свою работу и может наконец отдохнуть.

- Я ждала этих слов, - тихо сказала Анна. - Три года ждала. С тех пор, как ты уехал на эту стройку. Я знала, что ты вернёшься. Знала, что однажды ты скажешь: «Всё, хватит, я дома», но я не думала, что это будет так скоро.

- Скоро? - Андрей усмехнулся. - Три года, это скоро?

- Для меня - да. Я готова была ждать ещё три и ещё три. Лишь бы ты был счастлив. Лишь бы ты делал то, что считаешь нужным.

- Я счастлив, - сказал Андрей. - По-настоящему счастлив и я делал то, что считал нужным, но теперь я хочу быть с тобой.

Она взяла его за руку - сухую, тёплую, с мозолями от мо-

лотка и стамески, с въевшейся металлической пылью, и прижалась щекой к его плечу. Они сидели так долго, глядя на море, и молчали. Слова были не нужны. Всё, что нужно было сказать, уже было сказано за тридцать четыре года брака.

На следующий день Андрей пошёл в свою мастерскую. Она стояла на том же месте, что и всегда, - маленькое строение из инкерманского камня, притулившееся к склону Корабельной стороны. Анна регулярно проветривала её, смахивала пыль с инструментов, ждала хозяина. Она знала, что рано или поздно он вернётся сюда. Знала, что он не сможет жить без своей мастерской.

Андрей открыл дверь - старую, рассохшуюся, которую он сам когда-то сколотил, и вошёл внутрь. В мастерской пахло деревом, лаком, стружкой - тот самый запах, который он помнил с детства. Инструменты висели на стенах в идеальном порядке - молотки, стамески, рубанки, пилы, - все на своих местах. Анна не позволила ничему пропасть. Посередине стояла бочка - та самая, которую он начал три года назад, в феврале четырнадцатого, и так и не закончил. Она была собрана, обручи набиты, но не хватало нескольких клёпок, и дно было не врезано. Она ждала его.

Андрей подошёл к бочке, провёл по ней рукой - медленно, нежно, как проводят по голове ребёнка. Дерево было сухим, но ещё живым. Оно хранило тепло мастерской. Оно помнило его руки.

- Ничего, - сказал он бочке, как говорил когда-то. - Ско-

ро я вернусь и мы с тобой закончим. Обещаю. Потерпи ещё немного.

Он вышел из мастерской, запер дверь на ключ и пошёл домой - туда, где его ждала Анна. Впереди были ещё несколько дней отпуска. А потом - снова стройка, но теперь он знал: это ненадолго. Ещё год и он вернётся. Навсегда.

Часть 9. Андрейка и море

Донецк, сентябрь 2017 года.

Андрейка Бондаренко, которому недавно исполнилось три года и восемь месяцев, сидел на широком подоконнике в их комнате у тёти Веры и смотрел на улицу. Подоконник был его любимым местом - отсюда открывался вид на двор, на старую акацию, которая чудом уцелела после обстрелов, на кусочек неба над крышами соседних домов. За окном моросил мелкий, нудный сентябрьский дождь, превращая разбитый асфальт в серое месиво, но мальчика это не волновало. Дождь был привычным -, как обстрелы, как очереди за водой, как всё, что составляло его жизнь.

В руках он держал открытку - ту самую, которую прислали дедушка с бабушкой из Севастополя в прошлом месяце. Она была потрёпанной, с загнутыми уголками, потому что он рассматривал её каждый день. На открытке было море - синее-синее, с белыми барашками волн, с чайками, парящими в небе, с белым корабликом на горизонте. Море было нарисованным, ненастоящим, но Андрейка верил, что где-то далеко есть точно такое же - живое, настоящее, которое мож-

но потрогать.

Он никогда не видел моря. Если не считать Азовского, до которого было рукой подать, но оно было не таким, как на картинке, - серым, мелким, с мутной водой и илистым дном. Андрейка родился в Донецке в феврале четырнадцатого года - в том самом месяце, когда всё началось. Он появился на свет под грохот первых митингов, его привезли из роддома в квартиру, которая через несколько месяцев будет разрушена снарядом. Война была его колыбельной, его воздухом, его реальностью. Он не знал другой жизни, но он знал, что где-то есть море.

Знал от папы, который рассказывал о нём долгими вечерами, когда они сидели у буржуйки и ждали окончания обстрела. Папа говорил: «Море - оно синее-синее, бескрайнее. Когда смотришь на него, кажется, что оно никогда не кончается и оно тёплое летом, и в нём плавают медузы - прозрачные, как зонтики. Они не кусаются, просто плавают». Андрейка слушал, затаив дыхание, и представлял себе это море - огромное, сверкающее, живое.

Знал от мамы, которая мечтала туда поехать. Она говорила: «Вот кончится война - сразу поедем. На самый синий берег. С самым вкусным мороженым. Будем стоять на набережной и смотреть на чаек» и Андрейка ждал. Он вообще много ждал в своей короткой жизни - ждал папу с дежурства, ждал маму из госпиталя, ждал Деда Мороза на Новый год, ждал, когда кончатся обстрелы. Он привык ждать. Это было

его суперсилой.

Знал от дедушки с бабушкой, которые жили в Севастополе и присылали открытки. Каждая открытка была, как окно в другой мир - мир, где нет войны, где небо синее, а не серое от дыма, где дома целые, а не разрушенные, где люди гуляют по набережным и кормят чаек. Андрейка верил, что когда-нибудь он тоже будет там. Будет стоять на берегу, смотреть на волны и есть мороженое. Шоколадное. Самое вкусное.

Сегодня он проснулся рано - папа уже ушёл на дежурство, мама собиралась в госпиталь. За окном было серо, мокро, неуютно, но Андрейка не грустил. Он взял открытку, забрался на подоконник, укутался в старый плед и стал смотреть на море - нарисованное, но такое настоящее в его воображении.

- Мама, - спросил он, когда Лена, уже одетая в белый халат поверх камуфляжа, подошла поцеловать его на прощание, - а когда мы поедем на море? На настоящее? На синее?

Лена замерла. Она знала, что этот вопрос прозвучит. Андрейка спрашивал о море каждый раз, когда получал открытку от дедушки с бабушкой и каждый раз она отвечала одно и то же - потому что не знала, что ещё можно ответить.

- Когда кончится война, сынок. Папа обещал. Помнишь?

- Помню, но когда она кончится? Папа говорил - скоро. А она всё не кончается.

Лена присела рядом, обняла его. От неё пахло лекарствами и хлоркой - вечный запах госпиталя, который Андрейка знал с рождения.

- Война, она, как долгая зима, - сказала она. - Холодная, тёмная, неприятная, но после зимы всегда приходит весна. Понимаешь? Всегда. Так устроен мир и мы дождёмся весны и поедем на море.

- А какое оно? Море? Настоящее?

- Я не знаю, - честно ответила Лена. - Я сама никогда его не видела. Только на картинках, но папа говорит, что оно прекрасное.

Вечером, когда Алексей вернулся с дежурства, Андрейка ждал его у двери. Он бросился к отцу, обхватил его колени, поднял голову.

- Папа! Папа пришёл! Папа, расскажи про море!

Алексей снял мокрую куртку, повесил её на крючок, подхватил сына на руки. Они прошли в комнату, сели на диван. За окном всё так же моросил дождь, и где-то далеко, на северной окраине, гремели редкие выстрелы, но здесь, в комнате, было тепло и уютно - горела керосиновая лампа, потрескивала буржуйка, на плите стоял чайник.

- Про море? - переспросил Алексей. - Ну, слушай.

И он начал рассказывать. О том, как мальчишкой ходил с отцом на Приморский бульвар. О том, как они смотрели на корабли и мечтали о дальних странах. О том, как вода меняет цвет - утром она серебряная, днём синяя, вечером золотая. О том, как чайки кричат над бухтой, выпрашивая рыбу у рыбаков. О том, как волны разбиваются о камни и разлетаются миллионами брызг. О том, как пахнет море - солью,

водорослями, йодом, свободой.

Андрейка слушал, затаив дыхание. Он представлял себе всё это - море, чаек, волны, запах и ему казалось, что он уже там. Что он стоит на берегу, держит папу за руку и смотрит на бескрайнюю синюю гладь.

- Папа, - сказал он, когда Алексей закончил, - а когда мы поедем на море? По-настоящему?

Алексей вздохнул. Он знал, что этот вопрос будет звучать снова и снова и он не мог дать точного ответа, но он мог дать обещание.

- Когда кончится война, - сказал он. - Я же тебе обещал. Помнишь?

- Помню, но она долго кончается.

- Долго, - согласился Алексей. - Очень долго, но она кончится. Все войны когда-нибудь кончаются. Даже Столетняя и мы поедем на море. Ты, я, мама. Мы приедем в Севастополь, к дедушке с бабушкой. Дед Андрей покажет тебе свою мастерскую - там пахнет дубом и лаком. Баба Аня испечёт свой знаменитый яблочный пирог и мы пойдём на набережную и ты увидишь море. Настоящее. Не на открытке. Живое.

- Обещаешь?

- Обещаю. Слово Бондаренко.

Андрейка кивнул - серьёзно, по-взрослому. Он верил отцу. Он всегда ему верил и хотя он не знал, когда кончится война, он знал, что однажды они поедут на море. Потому что папа обещал. А папа всегда выполняет обещания.

Позже, когда Лена уложила Андрейку спать, и он уснул, прижимая к себе плюшевого медведя и открытку с морем, Алексей сел за стол и написал письмо отцу. Длинное, на несколько страниц. Он рассказывал о том, как растёт Андрейка. О том, что он спрашивает о море. О том, что он верит в обещания и о том, что он, Алексей, мечтает только об одном: чтобы однажды они все - он, Лена, Андрейка, родители, Катя - собрались вместе. На берегу моря. В Севастополе и это был бы самый счастливый день в его жизни.

«Батя, привет!

Пишу тебе из Донецка. У нас тут осень, дожди, серое небо. Война продолжается - всё та же, вялотекущая, изматывающая, но мы держимся. Лена работает в госпитале, я на блокпосту, Андрейка растёт. Ему уже три года и восемь месяцев - представляешь? Совсем большой.

Твой внук спрашивает о море. Каждый день. Каждый раз, когда получает от вас открытку. Он смотрит на неё и говорит: «Деда, когда мы поедем на море? На настоящее? На синее?» И я не знаю, что ему ответить. Говорю - когда кончится война, но война не кончается.

Я рассказываю ему о море. О том, как мы с тобой ходили на Приморский бульвар. О том, как ты учил меня не бояться воды. О том, как мы запускали бумажные кораблики с Графской пристани. Он слушает и представляет и мне кажется, что я передаю ему что-то важное. Что-то, что ты передал мне, а я передаю ему.

Когда всё это кончится, мы приедем. Обязательно. Всей семьёй и ты покажешь Андрейке море. Настоящее. Не на открытке. Не на картинке. Живое. Я тебе обещаю.

Береги себя, батя и маму береги.

Твой сын Алёша.

P.S. Лена передаёт привет. Она мечтает увидеть море так же, как Андрейка. Я обещал ей, что мы поедем. Когда-нибудь».

Он запечатал письмо и отложил в сторону. Завтра оно уйдёт с волонтёрами. Через две недели, а может, через месяц, отец прочитает его. Может быть, сидя на балконе и глядя на то самое море, о котором мечтал его внук. И, может быть, напишет ответ.

А за окном всё шёл дождь и где-то далеко гремели выстрелы, но здесь, в этой комнате, было тепло и на подоконнике, укрытый пледом, спал мальчик, который верил в море.

Часть 10. Катя и выбор

Киев, октябрь 2017 года. Редакция газеты «Честное слово».

Катя сидела за своим столом и смотрела на конверт. Он был казённый, плотный, с гербовой печатью и обратным адресом Министерства информационной политики Украины. Она знала, что внутри. Знала ещё до того, как вскрыла его. Такие конверты приходили многим её коллегам в последние месяцы - независимым журналистам, редакторам оппозиционных изданий, блогерам, и всегда, без исключений, означа-

ли одно и то же. Конец.

Она аккуратно, почти торжественно вскрыла конверт, достала лист бумаги с водяными знаками, пробежала глазами по строкам. Официальные формулировки, юридические термины, ссылки на статьи законов. «В связи с выявленными нарушениями законодательства о средствах массовой информации... Разжигание межнациональной розни... Дискредитация вооружённых сил Украины... Принято решение об аннулировании лицензии на издательскую деятельность...» Всё было предсказуемо, всё было ожидаемо. После той статьи о цензуре, которая вышла в июле, после ночного допроса в СБУ, после многомесячной кампании травли в социальных сетях и на проправительственных телеканалах, это было лишь вопросом времени. Газету «Честное слово» закрывали. Иван Степанович, старый редактор, ещё держался - писал апелляции, собирал подписи в защиту, обращался к международным организациям, но Катя знала: это конец. Система перемалывала всех, кто пытался говорить правду.

Она сидела за своим столом, глядя на буквы, которые расплывались перед глазами, и вспоминала. Вспоминала, как три года назад, в четырнадцатом, она впервые переступила порог этой редакции - заплаканная, испуганная, только что вернувшаяся из Донецка, где она увидела войну своими глазами., как Иван Степанович прочитал её репортаж и сказал: «Сильно. Очень сильно, девочка, но мы не можем напечатать всё»., как они вычеркнули несколько абзацев - те самые,

где она писала о людях по ту сторону фронта., как она тогда чуть не расплакалась прямо в редакции, но сдержалась., как поклялась себе: когда-нибудь она напишет правду. Полную. Без купюр.

И она написала. Три года работы. Десятки статей. Сотни человеческих историй. Тысячи писем от читателей - благодарных, возмущённых, угрожающих. Она писала о волонтёрах, которые возят помощь через линию фронта. О матерях, которые ждут сыновей с обеих сторон. О детях, которые играют среди развалин. О том, что война, это не только смерть, но и жизнь и за это её газету закрывали.

Она поднялась из-за стола, чувствуя, как дрожат ноги, и пошла к кабинету редактора. Постучала. Иван Степанович сидел за своим столом, как всегда - в старом потёртом кресле, в своём неизменном костюме-тройке, но выглядел он ужасно. Похудевший, осунувшийся, с серым, землистым лицом и трясущимися руками, он напоминал человека, которому только что сообщили смертельный диагноз. Перед ним на столе лежал такой же конверт - вскрытый, с отброшенной в сторону гербовой печатью.

- Катя, - сказал он, поднимая на неё глаза, и в его голосе была такая усталость, такая бесконечная, вселенская усталость, что у неё сжалось сердце. - Вот и всё. Конец.

- Иван Степанович.., она хотела сказать что-то утешительное, что-то ободряющее, но слова застревали в горле.

- Не надо, - он поднял руку, останавливая её. - Не надо

меня утешать. Я не нуждаюсь в утешении. Я прожил длинную жизнь - семьдесят четыре года, и большую часть этой жизни я занимался журналистикой. Я работал при советской власти, при украинской, пережил перестройку, развал Союза, девяностые, Майдан, войну. Я всегда верил, что журналистика может изменить мир. Что слово сильнее оружия. Что правда рано или поздно побеждает и я до сих пор в это верю. Газету закрыли, но идею не закрыть. Идеи не горят. Правду не закрыть. Мосты не закрыть. Понимаешь?

- Понимаю, - тихо ответила Катя.

- Ты - лучшая из всех, кто у меня работал, - продолжал Иван Степанович, и его голос дрогнул. - За тридцать лет преподавания и двадцать лет редакторства я видел многих. Были талантливые, были старательные, были амбицизные, но ты - особенная. У тебя есть то, чего нет у большинства журналистов. У тебя есть сердце и совесть и готовность идти до конца. Не теряй этого. Что бы ни случилось.

- Не потеряю, - пообещала Катя.

Они обнялись на прощание - старый редактор и молодая журналистка. Иван Степанович, всегда такой сдержанный, такой суховатый, на этот раз не скрывал слёз. Катя тоже плакала - впервые за долгое время. Они стояли в пустой редакции, среди опустевших столов, выключенных компьютеров, голых стен, с которых уже сняли все фотографии и вырезки, и молчали. Всё было кончено, но в то же время - всё только начиналось.

- Что вы теперь будете делать? - спросила Катя, вытирая слёзы.

- Я? - Иван Степанович слабо улыбнулся. - Поеду к дочке. В Винницу. Она давно зовёт. Буду нянчить внуков - у меня их трое, между прочим. Сажать розы на даче. Читать книги, до которых раньше не доходили руки. Я своё отработал. А ты... ты должна продолжать. Ты молодая, талантливая, честная. Такие, как ты, сейчас на вес золота. Не бросай журналистику. Не дай им победить. Не дай им заставить тебя замолчать.

- Я не брошу и не замолчу. Обещаю.

Катя собрала свои вещи - немногочисленные, уместившиеся в одну картонную коробку: старый блокнот, в котором она писала свой первый репортаж, несколько книг, подаренных Иваном Степановичем, фотографию родителей в деревянной рамке, старую открытку с видом Севастопольской бухты, которую прислала мама. Она вышла на улицу, и октябрьский Киев встретил её холодным, пронизывающим ветром и мелким моросящим дождём. Она стояла на крыльце, сжимая в руках коробку с вещами, и думала: «Что дальше? Куда теперь?»

Вечером, когда дождь усилился и за окнами завывал ветер, она позвонила Ярине. Та примчалась сразу же - с бутылкой красного вина, коробкой пирожных из кондитерской на Крещатике и мокрым от дождя беретом.

- Я всё знаю, - сказала Ярина, обнимая подругу прямо

в дверях. - Мне Иван Степанович позвонил. Сказал, что ты держалась молодцом. Что ты не плакала, когда получала письмо. Что ты - настоящий боец. Что он тобой гордится.

- Я не боец, - Катя покачала головой, принимая бокал с вином. - Я просто не умею сдаваться. Это у нас семейное. Бондаренко не сдаются.

, это одно и то же, - Ярина улыбнулась, усаживаясь на диван и поджимая под себя ноги. - Слушай, я тут подумала. У меня есть предложение. Серьёзное.

- Какое?

- Помнишь, я говорила тебе про свой канал на YouTube? Я его завела пару месяцев назад, просто так, для души. Рассказываю там о журналистике, о цензуре, о том, что происходит в стране. Никакой политики - только правда и знаешь, он набирает просмотры. Люди хотят слышать правду. Им надоела пропаганда с обеих сторон. Им надоело, что их кормят лозунгами. Они хотят историй. Настоящих. Живых. Человеческих.

и что? - Катя отпила вина.

- Присоединяйся. Будем делать репортажи вместе. Без цензуры. Без министерств. Без страха. Ты будешь писать сценарии, я - снимать и монтировать. У меня есть камера, есть свет, есть микрофон. Твой текст, моя картинка. Что скажешь?

Катя задумалась. Это было неожиданное предложение. YouTube-канал, это не газета. Это совсем другая аудито-

рия, другой формат, другие риски. Меньше охват, но больше свободы. Меньше денег, но больше возможностей говорить правду. Это был шаг в неизвестность, но это была возможность продолжать. Возможность не молчать.

- А название? - спросила она.

- «Честное слово». В память о газете. Пусть живёт.

- Я согласна, - сказала Катя. - С чего начнём?

- С тебя. С твоей истории. С истории семьи Бондаренко. Ты столько раз рассказывала мне о родителях, о брате, о себе. Об этом нужно рассказать всем.

И они ударили по рукам. А потом просидели до глубокой ночи, разрабатывая план первого выпуска.

Ночью Катя долго не могла уснуть. Она лежала в темноте, глядя в потолок, и думала о том, как всё изменилось за эти годы. Ещё три года назад она была студенткой, которая боялась собственной тени, которая не знала, кто она - украинка или русская, дочь или предательница. Теперь она - журналистка, которую закрыли за правду. Она прошла через фронт, через допросы, через травлю, через потерю работы, но она не сломалась. Она выстояла и теперь у неё был новый путь.

Она встала, зажгла настольную лампу, достала из ящика стола бумагу и ручку - те самые, которыми всегда пользовалась для писем, и начала писать. Алёше. Она рассказывала ему о том, что случилось. О том, что газету закрыли. О том, что она не сдаётся. О том, что начинает новый проект с Яри-

ной. О том, что первый выпуск будет посвящён их семье - Бондаренко, которые строят мосты.

«Алёша, привет!

У меня опять перемены. Большие. Газету закрыли - за ту статью о цензуре, помнишь? Я знала, что так будет. Знала с того самого дня, как меня вызвали на допрос, но всё равно больно. Три года работы. Три года борьбы и вот - конец. Я собрала вещи в одну коробку и ушла.

Но я не сдаюсь. Я договорилась с Яриной - мы будем делать репортажи для YouTube. Без цензуры. Без страха. Без министерств и гербовых печатей. Первый выпуск будет о нас. О Бондаренко. О том, как мы строим мосты. О тебе, обо мне, о маме и папе. Я расскажу всем нашу историю.

Это будет трудно. Очень трудно. Возможно, меня опять вызовут на допрос. Возможно, нам попытаются помешать, но я готова. Ты научил меня не сдаваться. Папа научил меня строить мосты. Мама научила меня любить слово. Я всё это помню.

Скучаю. Очень скучаю. Надеюсь, что скоро увидимся. Может быть, даже на море -, как Андрейка мечтает.

Твоя сестра Катя.

P.S. Передай привет Лене и Андрейке. Скажи ему, что море - оно существует. Я его видела и он обязательно его увидит».

Она запечатала письмо, надписала адрес полевой почты и отложила в сторону. Завтра утром она отнесёт его волонтё-

рам, и оно пойдёт через фронт, через блокпосты, через время., как ходили десятки писем до него.

Часть 11. Зимние письма

Декабрь 2017 года. Четыре города. Четыре письма.

Четыре письма были написаны в один день - 15 декабря 2017 года. Четыре человека в четырёх разных городах, разделённых сотнями километров, государственными границами и линией фронта, сели за столы, зажгли лампы, достали бумагу и ручки и написали тем, кого любили. Они не знали, что их письма пересекутся во времени и пространстве, что они будут написаны в один день и почти в один и тот же час. Они не сговаривались - так распорядилась судьба. Так часто случалось в семье Бондаренко - словно невидимая нить связывала их сердца, заставляя думать друг о друге одновременно, чувствовать друг друга на расстоянии, слышать голоса любимых сквозь шум войны и времени.

В Севастополе, на Корабельной стороне, в маленькой квартире с видом на бухту, Андрей Петрович Бондаренко сидел за кухонным столом и писал письмо сыну. За окном шумело зимнее море - серое, неспокойное, с белыми барашками волн. Чайки, притихшие от холода, сидели на пирсе, нахохлившись. В бухте мигали сигнальные огни кораблей. В доме напротив зажигались окна - соседи возвращались с работы, готовили ужин, включали телевизоры. Мирная жизнь продолжалась - та самая, ради которой всё и затевалось.

Андрей только что вернулся со стройки - насовсем, как

и обещал. Мост через Керченский пролив был почти готов. Оставались последние отделочные работы - укладка асфальта, монтаж перил, покраска, установка освещения, но это была уже не его работа. Его работа - деревянная опалубка, плотницкое дело, точная подгонка досок - была закончена. Сергеич на прощание обнял его - крепко, по-мужски, и сказал: «Ты своё дело сделал, Петрович. Мост будет стоять. Он уже стоит. Возвращайся к жене, к внуку. Ты это заслужил больше, чем кто-либо» и Андрей вернулся.

Теперь он сидел на кухне, пил чай с мятой из своей любимой чашки с отбитой ручкой, смотрел на море за окном и писал. Рядом на плите тихо кипел чайник. Анна хлопотала у шкафа, перебирая старые фотографии. В комнате было тепло, уютно, пахло яблочным пирогом - тем самым, который она пекла каждую субботу.

«Алёша, здравствуй, сынок!

Пишу тебе из дома. Я вернулся со стройки - насовсем. Мост почти готов. Ещё несколько месяцев, и по нему поедут первые машины, первые поезда. Я своё дело сделал. Теперь я дома. С мамой. Мы ждём тебя.

Знаешь, я часто думаю о том, что мы с тобой похожи. Гораздо больше, чем может показаться на первый взгляд. Ты строишь свой мост - на войне. Твой мост - из автоматных очередей, из писем, из спасённых жизней, из того, что ты остаёшься человеком там, где это почти невозможно. Я строил свой - на проливе. Мой мост - из бетона и стали,

из дерева и металла, но суть одна. Мы оба - строители. Мы оба - Бондаренко.

Мама строит свой мост - в университете, из лекций, из книг, из разговоров со студентами. Катя строит свой - в журналистике, из статей, из репортажей, из правды, которую она говорит, несмотря ни на что. Мы все - одна семья. Мы все - строители и мы все строим один большой мост - через время, через расстояние, через войну. Мост, который нельзя разрушить.

Я скучаю по тебе, сынок. Очень скучаю. Мы с мамой считаем дни до твоего возвращения. Когда всё это кончится, мы соберёмся все вместе. За одним столом. В этой самой квартире. Мама испечёт свой яблочный пирог, я открою вино из своей бочки, Катя приедет из Киева, ты - из Донецка, с Леной и Андрейкой и это будет самый счастливый день. Я верю в это. Верю так же, как верил в мост.

Береги себя, сынок. Ты нам нужен. Живой. Здоровый. Возвращайся.

Твой отец.

P.S. Андрейке передай, что деда его ждёт. Я приготовил ему подарок - деревянный кораблик. Сам вырезал. Он стоит в мастерской и ждёт своего капитана».

Он запечатал письмо и отложил в сторону. Завтра утром он отнесёт его на почту и оно пойдёт через границы, через фронт, через время., как ходили десятки писем до него.

В Симферополе, в преподавательской комнате универси-

тета, Анна Игоревна Бондаренко писала письмо дочери. За окном шёл снег - редкий для Крыма, но в этом году зима выдалась на удивление снежной. Белые хлопья падали на университетский парк, на голые ветви платанов, на памятник Вернадскому, и весь мир становился похожим на рождественскую открытку. Студенты разъехались на каникулы, сессия закончилась, и в университете было непривычно тихо - только где-то вдалеке хлопали двери да гудел копировальный аппарат.

Анна сидела за своим столом, заваленном курсовыми работами, дипломами, конспектами лекций, но всё это было отложено в сторону. Сейчас было важнее другое. Она думала о дочери - о том, как Катя прислала ей ссылку на их с Яриной YouTube-канал. О том, как она смотрела первый выпуск - тот самый, про семью Бондаренко, и плакала от гордости и счастья. О том, как ей хотелось обнять дочь и сказать: «Ты молодец. Ты всё сделала правильно».

«Катюша, здравствуй, родная моя!

Пишу тебе из университета. У нас тихо - сессия закончилась, студенты разъехались, и я сижу в пустой преподавательской и думаю о тебе. За окном идёт снег - такой красивый, пушистый, какой редко бывает в Крыму. Я смотрю на него и вспоминаю, как ты в детстве лепила снеговиков. Ты всегда лепила их сама, без помощи, и они у тебя получались кривые, но очень милые. Помнишь?

Ты прислала мне ссылку на ваш канал. Я посмотрела

все три выпуска и знаешь, что я почувствовала? Гордость. Огромную, материнскую гордость. Ты - настоящий журналист. Ты не побоялась сказать правду. Ты не сломалась, когда газету закрыли, когда тебя вызывали на допрос, когда тебе угрожали. Ты - Бондаренко. Настоящая., как твой отец., как твой брат.

Я помню, как ты когда-то назвала нас предателями. Это было так давно, что кажется сном. Ты была девочкой, тебе заморочили голову, но ты нашла в себе силы пройти через это - через страх, через сомнения, через фронт и теперь ты - сильная, уверенная женщина, которая знает, чего хочет. Я горжусь тобой больше, чем могу выразить словами.

Мы с папой очень скучаем. Ждём тебя на Новый год. Приезжай, если сможешь. Я знаю, что это трудно - границы, документы, разрешения, но я верю: ты приедешь. Я испеку два пирога - яблочный и вишнёвый., как ты любишь. Папа откроет вино из своей бочки. Мы будем сидеть за столом и разговаривать, как в тот раз, когда ты приезжала в марте. Помнишь?

Береги себя, дочка. Ты - наша гордость. Ты - наша любовь.

Твоя мама».

Она запечатала письмо, надписала адрес и отложила в сторону. Завтра она отправит его и оно пойдёт через границы - в Киев, к дочери.

В Донецке, в комнате у тёти Веры, Алексей Бондаренко

писал письмо Кате. За окном было тихо - редкая, драгоценная тишина, когда не слышно ни обстрелов, ни автоматных очередей, ни гула военной техники. Только ветер шумел в голых ветвях акации да где-то далеко лаяла собака. Андрейка уже спал в своей кроватке, прижимая к себе плюшевого медведя. Лена была на ночном дежурстве в госпитале, она теперь работала через ночь, и её смены стали ещё длиннее. Алексей сидел при свете керосиновой лампы и выводил неровные строчки.

«Катя, привет!

Получил твоё письмо про газету и новый канал. Я посмотрел ваш первый выпуск - тот, что про нашу семью. Мне Витька показал - у него в землянке есть спутниковый интернет, представляешь? Цивилизация добирается даже до окопов. Я сидел и смотрел, и знаешь, что я почувствовал? Что всё это было не зря. Что наша война, наша разлука, наши письма, наши слёзы - всё это часть чего-то большего., как ты там сказала в выпуске? „Мост, который нельзя разрушить“. Это правда. Я это знаю. Я это чувствую каждый день.

Ты рассказывала обо мне. О маме и папе. О том, как мы живём и я вдруг увидел нас со стороны -, как будто посмотрел в зеркало и знаешь, что я увидел? Семью. Настоящую, крепкую, любящую семью. Которая прошла через всё и не сломалась. Которая продолжает строить свои мосты. Я горжусь тем, что я - часть этой семьи и я горжусь тобой.

У нас всё тихо. Относительно, конечно, - война не кончилась, она просто перешла в другую фазу, но обстрелы стали реже. Может быть, это перемирие всё-таки работает. Может быть, через год-два всё закончится. Я не загадываю - война научила меня не загадывать, но я надеюсь. Без надежды нельзя.

Андрейка растёт. Он уже знает все буквы, считает до ста, задаёт миллион вопросов. Недавно спросил: „Папа, а когда я вырасту, война кончится?" Я сказал: „Кончится". Он подумал и сказал: „Тогда я стану строителем., как деда Андрей. Буду строить мосты". У меня сердце сжалось. Мой сын хочет строить мосты. Значит, мы что-то делаем правильно.

Лена работает. Она устаёт, но держится. Она у меня сильная - сильнее, чем я. Я смотрю на неё и думаю: „Господи, за что мне такое счастье?" Среди всего этого ада - она. Моя Ласточка. Моя любовь.

Береги себя, сестрёнка. Мы обязательно увидимся. Когда-нибудь. Может быть, даже в следующем году. Я в это верю.

Твой брат Алёша».

Он запечатал письмо и отложил в сторону. Завтра оно уйдёт с волонтёрами. Через две недели Катя прочитает его. И, может быть, улыбнётся. И, может быть, напишет ответ.

В Киеве, на Оболони, в квартире, которую они снимали вместе с Яриной, Катя Бондаренко писала письмо брату. Она

только что закончила монтировать третий выпуск их канала - о волонтёрах, которые возят помощь через линию фронта. Было поздно - за полночь, - за окном шумел декабрьский Киев: ветер, снег, редкие машины. Ярина уже спала в соседней комнате, но Катя не спала. Она сидела за столом, глядя на фотографию семьи - ту самую, где они все вместе в Балаклаве, загорелые и счастливые, и писала.

«Алёша, привет!

У нас всё хорошо. Канал набирает просмотры - третий выпуск уже посмотрели больше десяти тысяч человек. Это немного по сравнению с большими каналами, но для нас это огромная цифра. Люди пишут - благодарят, спорят, иногда ругают. Это нормально. Значит, мы делаем что-то важное. Значит, мы задеваем за живое.

Я рассказываю о войне. О людях. О тебе. О родителях. О нас. О том, что Бондаренко, это не просто фамилия. Это символ. Символ того, что можно быть разными и всё равно любить друг друга. Что границы, это линии на карте, а любовь, это то, что внутри. Что мосты строятся не из бетона и стали, а из писем, звонков, объятий.

Я скучаю. Очень скучаю. Надеюсь, что в следующем году увидимся. Может быть, даже приеду в Донецк., как тогда, в четырнадцатом. Помнишь? Ты стоял на ступеньках штаба, а я бежала к тебе через площадь. Это было лучшее, что случилось со мной за последние годы.

Береги себя. Береги Лену. Береги Андрейку. Ты - мой герой.

Всегда им был. С тех пор, как учил меня не бояться медуз.

Твоя сестра Катя».

Четыре письма были написаны. Четыре конверта запечатаны. Четыре адреса надписаны. Завтра они отправятся в путь - через города, через границы, через фронты и где-то через неделю или две каждое из них найдёт своего адресата. Андрей прочитает письмо сына и улыбнётся. Анна прочитает письмо дочери и заплачет от счастья. Алексей прочитает письмо сестры и почувствует прилив сил. Катя прочитает письмо брата и сядет писать ответ.

Мост стоял. Мост работал. Мост соединял.

Часть 12. Последний пролёт

Керченский пролив, апрель 2018 года.

Весна на проливе была в самом разгаре - цвели дикие тюльпаны на склонах холмов, вода из свинцово-серой превратилась в ярко-синюю, чайки кричали над волнами с каким-то особенным, праздничным азартом, словно понимали важность момента и было что праздновать. Сегодня, 15 апреля 2018 года, монтировали последний пролёт Крымского моста - тот самый, который соединит две половины и сделает мост единым целым. Тот самый, ради которого всё затевалось. Тот самый, которого ждали десятилетиями - одни с надеждой, другие с неверием, третьи с уверенностью, что это невозможно.

Но невозможное стало возможным. Мост стоял. Оставался последний шаг.

Андрей Петрович Бондаренко стоял на крымском берегу, опираясь на металлические перила смотровой площадки, и смотрел на пролив. Он специально приехал сюда из Севастополя - взял билет на первый утренний автобус, добрался до Керчи, потом до стройплощадки на попутном грузовике. Он не мог пропустить этот день. Даже если бы ему пришлось идти пешком - он бы пошёл. Потому что этот день был одним из самых важных в его жизни. Может быть, самым важным после дня свадьбы и дней рождения детей.

Вокруг него собрались тысячи людей. Строители в оранжевых касках - те, кто работал на мосту все эти годы, кто вбивал сваи в илистое дно, кто монтировал пролёты, кто сваривал металл, кто укладывал асфальт. Их семьи - жёны, мужья, дети, родители, - приехавшие поддержать своих героев. Журналисты с телекамерами, микрофонами, штативами, спутниковыми тарелками. Официальные лица в строгих костюмах и при галстуках и просто зеваки - местные жители, которые пришли посмотреть на историческое событие.

Играла музыка - военный оркестр исполнял что-то торжественное, патриотическое. Развевались флаги - российские триколоры, флаги Крыма, флаги строительных компаний. Фотографы щёлкали затворами, операторы водили камерами, журналисты что-то возбуждённо говорили в микрофоны. Это был праздник. Настоящий, искренний, заслуженный. Праздник, которого ждали почти четыре года.

Андрей стоял среди толпы, но чувствовал себя отдельно

от неё. Он смотрел на мост и думал о том, сколько всего произошло за эти годы. Сколько жизней изменилось. Сколько судеб переплелось. Он вспомнил, как впервые пришёл на стройку - сентябрь пятнадцатого, почти три года назад. Тогда он был просто пожилым человеком, который искал работу. Тогда мост только начинался - несколько опор, едва поднимающихся из воды, временные леса, сомнения, страхи, неуверенность. Получится ли? Справимся ли? Успеем ли к сроку?

Получилось. Справились. Успели.

Он вспомнил свой первый день., как стоял перед Сергеичем, прорабом, в его тесном вагончике, пропахшем табаком и чаем., как Сергеич, тогда ещё не знавший его, спросил: «Чего хотел?» И он ответил: «Работу»., как Сергеич хмыкнул, оглядел его с ног до головы и сказал: «Не молоденький». А он ответил: «Зато опытный и спина ещё держит и руки не дрожат. Вы только дайте попробовать. Если не справлюсь - сам уйду».

И он справился. Не ушёл. Остался. Стал бригадиром. Научил десятки молодых ребят работать с деревом и металлом и теперь стоял здесь, на берегу, и смотрел, как его мост - их мост, общий мост, - обретает завершённость.

Он вспомнил сына. Алёша не смог приехать - война продолжалась, и он был на передовой, под Донецком, где снова активизировались обстрелы, но он прислал письмо. Короткое, но такое тёплое, что Андрей, читая его, не мог сдержать

слёз. «Батя, поздравляю. Ты сделал это. Ты построил мост. Ты - герой. Я помню, как ты рассказывал мне о деде Захаре, о бочках, о том, что всё в жизни -, как бочка: рассыхается медленно, а собирается быстро. Ты собрал свой мост. Я горжусь тобой. Жаль, что я не могу быть рядом, но мысленно я с тобой. Твой сын Алёша».

Андрей перечитывал это письмо сегодня утром, сидя на кухне в севастопольской квартире, и чувствовал, как слёзы наворачиваются на глаза. Он не показал их Анне, она и так волновалась, но про себя он плакал. Плакал от гордости за сына, который, несмотря ни на что, оставался человеком. Который воевал, но не ожесточился. Который терял друзей, но продолжал любить. Который, как и он сам, строил свой мост.

Он вспомнил дочь. Катя не смогла приехать - граница, документы, вечные проблемы с разрешениями, но она прислала видео - записала его специально для этого дня, смонтировала, наложила музыку. «Папа, я знаю, что ты сейчас там. Я смотрю трансляцию по интернету - Ярина нашла какой-то сайт, где показывают в прямом эфире. Ты - герой. Ты построил мост. Настоящий мост. Не метафору - реальный. Я помню, как ты говорил: „Семья, это мост“ и теперь я понимаю: ты строил мосты всю свою жизнь. Сначала - из дерева. Потом - из любви. А теперь - из бетона и стали. Я тебя люблю. Твоя дочь Катя».

Андрей смотрел это видео на стареньком телефоне, который дала Анна, и улыбался. Его дочь. Его девочка. Которая

когда-то называла его предателем. Которая прошла через всё - через Майдан, через войну, через допросы в СБУ, через закрытие газеты и не сломалась. Выстояла. Продолжала говорить правду. Он гордился ею так же, как она гордилась им.

Он вспомнил жену. Анна не смогла приехать - у неё была важная лекция в университете, которую нельзя было отменить, и она не могла подвести студентов, но она позвонила утром, как только он вышел из автобуса, и сказала - просто, тихо, как говорила всегда: «Я с тобой. Всегда. Горжусь. Люблю. Жду». Четыре слова, но в них было всё. Вся их жизнь. Все тридцать четыре года. Все радости и горести. Все разлуки и встречи. Вся любовь.

Он вспомнил деда Захара. Захар Трофимович Бондаренко, бондарь в первом поколении, который перебрался в Крым из-под Полтавы в двадцатых годах. Который прожил почти девяносто лет, пережил три войны, вырастил сына и внука. Который говорил: «Держава, она, как бочка. Рассыхается медленно, а собирается быстро. Главное - чтобы мастер был хороший. Главное - чтобы руки не опускались. Главное - верить». Дед Захар не дожил до этого дня - он умер в 1978 году, когда Андрей ещё был курсантом. Он не видел ни развала Союза, ни возвращения Крыма, ни стройки моста, но он был здесь. Андрей чувствовал его присутствие., как будто дед стоял рядом - в своей неизменной косоворотке, с мозолистыми руками, с мудрыми, всё понимающими глазами. Стоял и смотрел на мост и улыбался.

И отец, Пётр Захарович, тоже не дожил. Он умер в 1999 году, когда Крым ещё был украинским, когда мост казался несбыточной мечтой, но он тоже был здесь. В парадной флотской форме, с кортиком на боку, с седыми висками. Стоял и смотрел. И, может быть, скупая мужская слеза текла по его морщинистой щеке.

- Петрович! - раздался знакомый голос.

Андрей обернулся. К нему, прихрамывая и опираясь на палку, шёл Гаврилов. Старый мичман был при полном параде - в своей выцветшей флотской форме, с георгиевской ленточкой на груди, с медалями, которые звенели при каждом шаге. Его лицо сияло, глаза блестели, и он улыбался так широко, как не улыбался, наверное, никогда в жизни.

- Гаврилыч! - Андрей шагнул навстречу. - Ты, как здесь? Ты же в Севастополе должен быть!

- А я не мог! - Гаврилов обнял его, и Андрей почувствовал, как дрожат его старческие руки. - Не мог я дома сидеть, Петрович! Это же исторический момент! Я всю жизнь ждал этого моста! Ещё мальчишкой, в сороковых, мы с отцом стояли на переправе и думали: «Когда-нибудь построят» и вот - построили! Ты построил! Я должен был это увидеть своими глазами! Я бы пешком пришёл, если бы автобус не ходил!

- Ты сумасшедший старик, - сказал Андрей, но в его голосе была нежность.

- Какой есть! - гордо ответил Гаврилов. - Зато я здесь! Зато я вижу это! Ну что, Петрович, давай смотреть! Давай за-

поминать! Это войдёт в историю! И мы с тобой - часть этой истории!

Они встали рядом - два старых человека, два севастопольца, два ветерана. Один строил мост. Другой ждал его и оба дождались.

Огромный плавучий кран «Севастополец» - тот самый, названный в честь их города, - медленно, торжественно, словно понимая важность момента, поднял последний пролёт. Тот самый, которого ждали несколько месяцев. Андрей знал этот пролёт - он работал над его опалубкой. Знал каждую деталь, каждый сварной шов, каждый болт. Он помнил, как они монтировали деревянные формы, как заливали бетон, как ждали, пока он застынет и теперь смотрел, как его творение плывёт над водой - величественно, торжественно, словно символ всего, ради чего он жил.

Пролёт медленно опускался на опоры. Сварщики уже ждали его - они стояли наготове в своих защитных масках, с горелками в руках., как только металл коснулся бетона, они начали свою работу, и снопы золотых искр рассыпались над водой. Красиво., как фейерверк., как новогодний салют.

Толпа замерла. Даже журналисты на мгновение замолчали, перестав говорить в свои микрофоны. Все смотрели, как последние сварные швы соединяют две половины моста в единое целое., как рождается что-то великое. Что-то вечное.

И через час, когда последний шов был сделан и проверен, когда инженеры подтвердили качество, когда официальные

лица подписали акты, по мосту прошли первые люди. Строители в оранжевых касках - те, кто работал здесь все эти годы. Инженеры с чертежами в руках - те, кто проектировал это чудо. Журналисты с камерами - те, кто расскажет о нём всему миру. Официальные лица - те, кто принимал решения.

И среди них - Андрей Петрович Бондаренко, простой плотник из Севастополя, бывший подводник, бондарь в третьем поколении. Он шёл по мосту, который строил своими руками, и плакал. Не скрываясь. Не стесняясь. Слёзы текли по его морщинистым щекам, и он не вытирал их. Это были слёзы счастья. Слёзы гордости. Слёзы человека, который выполнил своё предназначение.

Рядом с ним шёл Гаврилов, прихрамывая и опираясь на палку. Он тоже плакал и тоже не скрывал слёз.

- Дождались, Петрович, - сказал он. - Дождались.

- Дождались, - ответил Андрей.

Мост был построен. Мост стоял и он соединил не только два берега - он соединил времена, поколения, судьбы. Он стал символом того, что Крым вернулся домой навсегда. Что пути назад нет. Что Бондаренко и все, кто строил этот мост, - сделали своё дело.

Вечером, когда официальная часть закончилась, когда отгремели фанфары и разъехались журналисты, Андрей сидел на балконе своей квартиры с Анной. Они вернулись в Севастополь поздно вечером, усталые, но счастливые. Море было спокойным, и в нём отражались звёзды - тысячи звёзд, рас-

сыпанных по апрельскому небу. Где-то далеко, на востоке, за сотни километров, стоял его мост. Настоящий. Из бетона и стали. Мост, который он строил.

- Знаешь, - сказал Андрей, - я счастлив. По-настоящему счастлив. Так, как никогда в жизни.

- Я знаю, - Анна взяла его за руку - сухую, тёплую, с мозолями и шрамами. - Я всегда это знала.

- Мост построен. Теперь можно и отдохнуть.

- Ты заслужил. Ты его построил. Ты - молодец.

- Не я один. Все мы. Ты строила свой мост - из лекций, из книг, из разговоров. Алёша строил свой - на войне. Катя - в журналистике. Мы все - одна семья. Мы все - строители.

Они сидели вдвоём, держась за руки, и смотрели на море и всё было правильно. Всё было на своих местах. Мост был построен. Семья была вместе. Жизнь продолжалась.

Часть 13. Открытие

Керченский пролив, 15 мая 2018 года.

День открытия Крымского моста выдался таким, каким его представляли в самых смелых мечтах - солнечным, ясным, по-настоящему праздничным, словно сама природа, уставшая от долгой и капризной крымской весны с её резкими перепадами температур, внезапными штормами и затяжными дождями, решила внести свой щедрый вклад в торжество. Небо было пронзительно-синим, глубоким, без единого облачка, и казалось, что оно простирается не только над проливом, не только над Крымом и Таманью, но и над

всей огромной страной - от Калининграда до Владивостока, от Мурманска до Сочи, - объединяя всех, кто ждал этого дня, кто верил в него, кто строил его своими руками и своими сердцами. Море, ещё неделю назад штормившее так, что приходилось останавливать работы, сегодня было на удивление спокойным, почти зеркальным, и лёгкий, почти ласковый бриз развевал бесчисленные флаги, установленные вдоль всего моста - российские триколоры, флаги Республики Крым, флаги строительных компаний, вымпелы с эмблемой стройки, которые трепетали на ветру, как крылья огромных птиц.

Тысячи людей собрались на обоих берегах пролива - на крымском, где были установлены трибуны для почётных гостей, и на таманском, откуда должна была стартовать первая колонна. Здесь были все, кто имел отношение к великой стройке: строители в парадных оранжевых касках, которые они специально берегли для этого дня; инженеры с чертежами, по которым возводился мост; проектировщики, чьи смелые идеи воплотились в бетоне и стали; геодезисты, которые первыми пришли на эти берега; экологи, которые следили за сохранностью природы; водители самосвалов и крановщики, сварщики и бетонщики, арматурщики и плотники - все те, кто своими руками, своим потом, своим упорством возводил это чудо. Чиновники в строгих костюмах и при галстуках. Журналисты со всего мира, приехавшие освещать историческое событие - их было так много, что пришлось оборудо-

вать специальную пресс-зону и просто люди - местные жители, туристы, добровольцы, - которые хотели своими глазами увидеть то, о чём мечтали десятилетиями. Момент, ради которого работали, боролись, верили, ждали. Момент, который войдёт во все учебники истории.

Среди приглашённых, на почётных местах, расположились строители - те, кто своими руками возводил этот мост. Бетонщики и сварщики, плотники и арматурщики, крановщики и водители самосвалов, инженеры и прорабы. Тысячи людей, каждый из которых вложил в этот мост частицу своей души. Среди них был и Андрей Петрович Бондаренко - простой плотник из Севастополя, бывший подводник, бондарь в третьем поколении. Он сидел на трибуне, одетый в свой лучший костюм - тот самый, тёмно-синий, который Анна покупала ему на шестидесятипятилетний юбилей два года назад, и чувствовал, как сердце колотится где-то в горле, мешая дышать. Он, капитан второго ранга в отставке, человек, который провёл под водой годы своей жизни, который не боялся ни глубины, ни штормов, ни вражеских кораблей, - сегодня волновался, как мальчишка перед первым свиданием. Его руки, привыкшие к тяжёлой работе, слегка дрожали. Его глаза, видевшие столько всего за шестьдесят шесть лет, были влажными.

Рядом с ним сидела Анна, держа его под руку. Она была в своём лучшем платье - строгом, тёмно-синем, с белым шифоновым платком на плечах, который она надевала только

по самым торжественным случаям. Её волосы, теперь почти совсем седые, были аккуратно уложены, а в ушах поблёскивали серьги - те самые, с крошечными бриллиантами, которые Андрей подарил ей на тридцатую годовщину свадьбы. Она улыбалась, но её глаза были влажными, и она то и дело украдкой вытирала их кончиком платка. Это были слёзы счастья. Слёзы гордости. Слёзы женщины, которая ждала этого дня много лет - с тех самых пор, как её муж, тогда ещё молодой офицер, впервые сказал ей, глядя на Керченский пролив: «Когда-нибудь здесь будет мост. Настоящий мост и я хочу быть частью этого».

По другую сторону от Андрея сидел Гаврилов. Старый мичман был при полном параде - в своём выцветшем, но тщательно отутюженном кителе со всеми медалями, с георгиевской ленточкой на груди и с кортиком на боку, который он носил только в самых исключительных случаях. Он тяжело опирался на палку - годы брали своё, и ходить становилось всё труднее, но держался прямо, как старый солдат на параде, и его глаза, всё ещё живые и цепкие, блестели от слёз. Он ждал этого дня больше всех. Больше семидесяти лет - с тех пор, как мальчишкой стоял с отцом на Керченской переправе, в далёком сорок шестом, когда паром был ещё деревянным, и спрашивал: «Пап, а почему нет моста?» И отец отвечал: «Потому что это очень трудно, но когда-нибудь построят. Когда страна станет сильной» и вот - страна стала сильной и мост был построен.

Чуть поодаль, на соседнем ряду, сидела Катя. Она смогла приехать! Это было почти чудо - оформить все документы, получить все разрешения, пройти все проверки на границе. Украинские власти не хотели выпускать её - журналистку, известную своими неудобными статьями, дочь «крымских предателей», сестру «сепаратиста», но она проявила невероятное упрямство - то самое, бондаренковское, фамильное, которое передавалось из поколения в поколение, и добилась своего. Она сидела на трибуне, счастливая, взволнованная, и держала в руках букет белых роз, который собиралась подарить отцу после церемонии. Её глаза сияли, а на губах играла улыбка - та самая, которую Андрей помнил с её детства.

Рядом с ней сидела Ярина, она тоже приехала, чтобы поддержать подругу, и, как всегда, с камерой. Она снимала всё: церемонию, гостей, мост, Андрея, Анну, Гаврилова. Этот материал должен был лечь в основу специального выпуска их YouTube-канала «Честное слово», который они готовили к открытию моста.

- Ты только посмотри на это, - прошептала Ярина, не отрываясь от видоискателя, это история. Настоящая. Живая и мы её снимаем. Представляешь, Катя? Через сто лет люди будут смотреть эти кадры и знать, что мы были здесь.

- Снимай, - ответила Катя. - Снимай всё. Это для Алёши. Он не смог приехать, но он должен это увидеть. Каждую секунду. Каждое мгновение.

Алёши среди них не было. Он не смог приехать - война

продолжалась, и он был на передовой, под Донецком, где снова активизировались обстрелы. Командиры не отпустили его, как он ни просил, как ни доказывал, что это событие - одно из самых важных в его жизни. «Понимаю, Бондарь, - сказал Дед, но служба есть служба. Твой отец поймёт» и Алёша остался, но он смотрел трансляцию по спутниковому интернету, в своём блиндаже, вместе с Витькой и Дедом. Телевизор, старенький, ещё советский, принесённый кем-то из ополченцев, показывал картинку с помехами, но главное было видно: мост. Его отец. Его семья.

- Смотри, Бондарь, - сказал Витька, показывая на экран. - Вон твой батя. Видишь? В синем костюме. Сидит на трибуне, рядом с матерью. А вон Катя, с розами. Видишь?

- Вижу, - ответил Алексей, и его голос дрогнул. - Вижу, Витька. Это он. Это мой отец.

- Герой, - сказал Дед, закуривая. - Настоящий герой., как и ты., как все Бондаренко. Я бы пожал ему руку.

И Алексей плакал - впервые за долгое время. Плакал от гордости за отца, от счастья, от надежды, что однажды и его война закончится, и он тоже сможет стоять на берегу и смотреть на море и его сын, Андрейка, будет стоять рядом и они вместе проедут по этому мосту.

Торжественная церемония открытия началась ровно в полдень. Оркестр сыграл государственный гимн - тот самый, который Андрей когда-то пел на площади Нахимова, плача от счастья, в марте четырнадцатого и сейчас, стоя на трибуне

и слушая эти величественные звуки, он снова плакал. Анна плакала рядом. Гаврилов приложил руку к сердцу и беззвучно шевелил губами. Катя пела, она знала слова. Ярина снимала.

Потом были речи - официальные, торжественные, но звучавшие искренне. Говорили о значении моста для Крыма и всей России. О том, что это самый длинный мост в Европе. О том, что он построен в рекордные сроки - всего за три с половиной года. О том, что это победа - не военная, но не менее важная. Победа труда, победа духа, победа веры.

Потом на трибуну поднялся президент. Он говорил недолго, но каждое его слово отдавалось в сердцах слушателей. Он благодарил строителей - всех, кто работал на этом мосту, кто вбивал сваи в илистое дно, кто монтировал пролёты, кто сваривал металл, кто укладывал асфальт. Он говорил о том, что Крым вернулся домой навсегда. О том, что этот мост - символ единства, символ силы, символ веры. О том, что Россия своих не бросает и о том, что это только начало.

А потом был самый главный момент. Тот, ради которого все собрались. По мосту, со стороны Тамани, медленно, торжественно, двинулась первая колонна. Её возглавлял оранжевый грузовик «КамАЗ» - тот самый, который первым проехал по мосту, - украшенный флагами и цветами. За ним шли автобусы с почётными гостями, за ними - колонна строительной техники: самосвалы, бетономешалки, краны на платформах, - те самые машины, которые работали

здесь все эти годы и теперь, в свой звёздный час, проезжали по мосту, как победители и наконец - вереница легковых автомобилей, в которых ехали простые люди, победители лотереи, разыгранной среди жителей Крыма и Кубани. Они махали руками из открытых окон, и их лица светились счастьем.

Колонна двигалась медленно - не потому, что не могла быстрее, а потому, что хотелось продлить этот момент. Хотелось запомнить его навсегда. Хотелось, чтобы он длился вечно и все, кто стоял на трибунах, кто смотрел трансляцию по телевизору, кто следил за событием в интернете, - все они чувствовали одно и то же. Гордость. Счастье. Единство.

Андрей смотрел на колонну и плакал. Плакал, не скрываясь, не стесняясь своих слёз. Они текли по его морщинистым, обветренным щекам, и он не вытирал их. Анна плакала рядом, прижимаясь к его плечу. Гаврилов плакал, опираясь на палку, и его старческие плечи вздрагивали. Катя плакала, прижимая к груди букет роз. Ярина, забыв про камеру, тоже вытирала глаза. Даже суровые строители, видавшие виды, прошедшие через шторма и морозы, украдкой вытирали глаза рукавами своих парадных курток.

- Дождались, Петрович, - прошептал Гаврилов, и его голос дрожал. - Дождались. Мост открыт. Первая колонна пошла. Ты видишь?

- Вижу, - ответил Андрей. - Вижу, Гаврилыч.

Мост был открыт. Мост стоял и по нему уже ехали машины - первые машины, первые люди, первые грузы. Жизнь по-

бедила.

Вечером, когда официальная часть закончилась, когда отгремели фанфары и разъехались высокие гости, когда салют рассыпался над проливом тысячами разноцветных искр, отражавшихся в тёмной воде, небольшая компания собралась в маленьком кафе на крымском берегу. Кафе называлось «У маяка» и стояло на самом берегу, откуда открывался вид на мост. Андрей знал это место - он часто заходил сюда во время стройки, когда нужно было перекусить или просто посидеть, глядя на пролив. Хозяин кафе, пожилой грек по имени Коста, знал его в лицо и всегда наливал чай со скидкой.

Сегодня здесь собрались Андрей, Анна, Катя, Ярина и Гаврилов. Они заняли столик у окна, из которого был виден мост, сияющий огнями в наступающей темноте. Тысячи ламп - белых, жёлтых, красных, - освещали его, и он был похож на гигантское ожерелье, брошенное через пролив. На гигантскую светящуюся дорогу, уходящую в бесконечность. На мечту, ставшую реальностью.

Коста принёс крымского вина - красного, терпкого, из местных сортов винограда, и огромное блюдо чебуреков, которые жарила его жена. Они ели, пили, смеялись, плакали, вспоминали. Говорили обо всём - о прошлом, о настоящем, о будущем.

Вспоминали, как всё начиналось., как Андрей стоял на площади Нахимова в феврале четырнадцатого и плакал, когда пели гимн России., как Алёша ушёл в ополчение и при-

слал первое письмо: «Мама, папа, так надо»., как Катя назвала их предателями, а потом, пройдя через фронт, приехала в Донецк и обняла брата., как Андрей впервые пришёл на стройку - в тот самый вагончик, к Сергеичу, и попросил работу., как Анна молилась за всех - за мужа, за сына, за дочь, за внука.

- Знаешь, папа, - сказала Катя, поднимая бокал, - я сегодня поняла одну очень важную вещь. Я хочу сказать тост.

- Говори, дочка, - Андрей кивнул.

- Я поняла, что ты строил мост не один. Мы все его строили. Каждый по-своему. Ты - своими руками, своим трудом, своими мозолями. Мама - своими молитвами, своими лекциями, своей верой в нас. Алёша - своей войной, своей борьбой, тем, что он остался человеком там, где это почти невозможно. Я - своими статьями, своими репортажами, своей попыткой говорить правду. Мы все - Бондаренко. Мы все - одна семья и мост, который мы построили, - он не только через пролив. Он через наши сердца. Через время. Через расстояние. Через войну и мир. Через всё.

Она подняла бокал.

- За семью. За Бондаренко. За мост.

- За мост, - эхом отозвались все.

Андрей обнял дочь и ничего не ответил. Слова были не нужны. Всё, что нужно было сказать, уже было сказано - за эти годы, в письмах, в звонках, в объятиях.

Потом, когда совсем стемнело и мост засиял особенно яр-

ко на фоне чёрного неба, они вышли на берег. Море было спокойным, и в нём отражались огни моста - длинная светящаяся дорожка уходила к горизонту. Чайки спали, и только лёгкий бриз шелестел в прибрежных кустах.

Андрей стоял на берегу, смотрел на мост и думал о том, что его жизнь прожита не зря. Что он оставил после себя не только дубовые бочки, которые, как бы хороши они ни были, сгниют через сто лет. Не только детей и внука, которые продолжат его дело. Он оставил мост. Настоящий мост. Из бетона и стали. Мост, который будет стоять веками. Мост, по которому будут ездить его внуки, правнуки, праправнуки, все, кто придёт после. И, может быть, кто-то из них, проезжая по этому мосту, посмотрит на пролив и скажет: «Здесь когда-то работал мой прадед. Андрей Петрович Бондаренко. Простой плотник из Севастополя. Он строил этот мост».

И эта мысль наполняла его покоем.

Он думал о сыне. Алёша сейчас там, в Донецке, в своём блиндаже. Смотрит в потолок и думает о них. Он не смог приехать, но он был здесь - душой, сердцем, мыслями. Андрей знал это. Чувствовал и он знал, что однажды Алёша приедет и они вместе проедут по этому мосту.

Он думал о дочери. Катя стояла рядом, держа его под руку, и тоже смотрела на мост. Она прошла через многое - через Майдан, через войну, через допросы в СБУ, через закрытие газеты, но она не сломалась. Выстояла. Продолжала говорить правду. Он гордился ею. Бесконечно гордился.

Он думал о жене. Анна стояла по другую сторону, положив голову ему на плечо. Она была его опорой все эти годы. Она ждала его из походов, со стройки, с войны. Она молилась за него, за детей, за внука. Она пекла пироги и читала лекции. Она строила свой мост - из слов, из любви, из веры и этот мост был не менее прочным, чем тот, что сиял сейчас над проливом.

Он думал о Гаврилове. Старый мичман стоял чуть поодаль, опираясь на палку, и молча смотрел на мост. Он ждал этого дня семьдесят лет и дождался. Теперь можно было умирать спокойно, но Гаврилов не собирался умирать - он ещё хотел проехать по этому мосту. На первом поезде. Или на первой машине. Он ещё не решил.

- Пора домой, - сказала Анна, нарушая молчание.

- Пора, - согласился Андрей.

Они попрощались с Катей и Яриной - те оставались в Керчи до утра, чтобы снять рассвет над мостом для своего канала. Попрощались с Гавриловым - он решил заночевать у своих дальних родственников, живших неподалёку и сели в старенький «жигулёнок», который Андрей вёл сам - он никому не доверял руль в такой важный день.

Они ехали домой, в Севастополь. Дорога была долгой - почти три часа, но теперь - по мосту. По их мосту. По мосту, который построили Бондаренко и каждый километр этого пути был наполнен смыслом. Каждый пролёт, каждая опора, каждый сварной шов - всё это было частью их жизни.

Андрей вёл машину молча. Анна сидела рядом, положив руку ему на колено. Они не говорили. Слова были не нужны. Всё уже было сказано - за эти годы, в этих письмах, в этих звонках, в этих объятиях.

За окнами проплывал ночной Крым - холмы, укутанные темнотой, виноградники, спящие посёлки с редкими огнями, белые домики, чернеющие на фоне неба и мост оставался позади, но он был с ними. Навсегда.

Мост был построен. Мост стоял и он соединил не только два берега - он соединил времена, поколения, судьбы. Он стал символом того, что Крым вернулся домой навсегда. Что пути назад нет. Что Бондаренко и все, кто строил этот мост, кто верил в него, кто ждал его, - сделали своё дело.

И где-то далеко, в Донецке, под светом тех же звёзд, что сияли над Керченским проливом, Алексей Бондаренко сидел в блиндаже и писал письмо отцу. Он не знал, когда оно дойдёт. Не знал, дойдёт ли вообще, но он писал - потому что не мог не писать. Потому что слова, которые переполняли его сердце, должны были найти выход.

«Батя, я видел. Я всё видел. Ты стоял на трибуне в синем костюме. Мама плакала. Гаврилов плакал. Катя держала розы. Я видел это по телевизору, в нашем блиндаже, и сам плакал. Витька говорит, что я стал сентиментальным. Может, и так. Может, это возраст. А может, это любовь.

Ты построил мост, батя. Настоящий. Я горжусь тобой.

Я всем рассказываю - вот этот мост строил мой отец. Андрей Петрович Бондаренко. Простой плотник. Подводник. Бондарь. Герой. Мой герой.

Когда-нибудь я приеду. Мы вместе проедем по этому мосту. Ты, я, Лена, Андрейка и ты покажешь нам каждый пролёт. Каждую опору. Каждый сварной шов. Ты расскажешь, как всё это строил - в мороз и жару, в дождь и ветер. А мы будем слушать и гордиться и Андрейка скажет: «Деда, ты - герой».

Береги себя, батя и маму береги. Я вас люблю и скоро приеду.

Твой сын Алёша».

Мост стоял и будет стоять. Всегда.

Глава 9. Тишина

Часть 1. Утро после войны

Донецк, сентябрь 2018 года.

Алексей Бондаренко проснулся рано, как привык просыпаться за эти четыре с половиной года войны - на рассвете, когда первые лучи солнца ещё только пробивались сквозь старые ситцевые занавески, которые Лена повесила ещё в четырнадцатом, когда они только переехали к тёте Вере. Он лежал в постели, глядя в потолок, по которому змеилась тонкая трещина - след от близкого разрыва, случившегося года два назад, и прислушивался к звукам. Это была его привычка, выработанная годами войны: просыпаться и первым делом

слушать. Слушать, не летят ли снаряды. Не гудят ли танки. Не стреляют ли где-то рядом.

За окном пели птицы - громко, радостно, словно назло всему, что здесь происходило. Воробьи чирикали на ветках старой акации, которая чудом уцелела после обстрелов, и их весёлая перекличка наполняла комнату жизнью. Где-то далеко, на соседней улице, загудела машина - обычный гражданский автомобиль, не военный грузовик. Проехал трамвай, позвякивая на стыках рельсов, - трамваи в Донецке перестали ходить в четырнадцатом, но год назад их снова запустили, и этот звук был одним из символов возвращающейся мирной жизни. Где-то во дворе залаяла собака - просто так, от скуки, а не потому что услышала выстрелы. Обычные, ничем не примечательные звуки просыпающегося города.

И тишина. Главное - тишина.

Не было слышно ни далёких разрывов, ни автоматных очередей, ни гула военной техники. Уже третью неделю над Донецком стояла тишина - та самая, которой они ждали четыре с половикой года. Тишина, которая казалась невозможной, нереальной, почти пугающей. Тишина, в которую никто не мог поверить до конца. Тишина, от которой звенело в ушах.

Алексей помнил, как начиналась эта война. Апрель четырнадцатого. Первые митинги, первые выстрелы, первые убитые. Тогда он был мальчишкой, шахтёром, который понятия не имел, с какой стороны у автомата приклад. Он пом-

нил свой первый бой под Славянском -, как дрожали руки, как он не мог попасть в цель, как рядом упал Степан, его товарищ, и больше не поднялся. Помнил Иловайск - ад, из которого они выбрались чудом. Помнил Дебальцево - холод, снег, кровь на белом. Помнил госпиталь, куда попал с осколком в плече. Помнил лица погибших - десятки лиц, которые он записывал в свой блокнот, чтобы не забыть.

И вот теперь - тишина. Странная, непривычная, оглушающая.

Рядом, положив голову ему на плечо, спала Лена. Она дышала ровно, спокойно - за эти годы он научился различать все оттенки её дыхания. Когда она волновалась - дыхание становилось частым, прерывистым. Когда уставала после суточной смены в госпитале - глубоким, тяжёлым. Когда ей снились кошмары, она всхлипывала и стонала во сне, но сейчас она дышала спокойно, ровно, умиротворённо и это спокойное дыхание было лучшей музыкой, лучшим доказательством того, что всё действительно закончилось.

В соседней комнате посапывал Андрейка - ему уже почти пять лет, он вырос из своей детской кроватки, которую они соорудили из старой раскладушки, и спал, раскинувшись на большой кровати, прижимая к себе неизменного плюшевого медведя - того самого, которого подарила Катя в четырнадцатом, когда приезжала в Донецк. Медведь за эти годы изрядно потрепался: у него не хватало одного глаза, ухо было оторвано и пришито обратно грубой ниткой, а шерсть на

животе вытерлась до основания, но Андрейка не соглашался его менять. «Это мой друг, - говорил он. - Он прошёл со мной всю войну».

Алексей осторожно, чтобы не разбудить жену, встал, накинул старую флотскую тельняшку - подарок отца, который тот передал с оказией ещё в пятнадцатом, и вышел на кухню. Их кухня была крошечной, всего несколько квадратных метров, но за эти годы она стала сердцем их дома. Здесь они пили чай долгими вечерами, когда за окнами гремели обстрелы. Здесь они праздновали редкие праздники - Новый год, дни рождения, возвращения с фронта. Здесь Лена перевязывала его раны. Здесь Андрейка делал первые шаги и говорил первые слова.

Он поставил чайник - старенький, электрический, который работал с перебоями, но пока не сдавался. Достал из шкафа банку с кофе - настоящим, молотым, который прислала Катя из Киева месяц назад. Банка была аккуратно завёрнута в пузырчатую плёнку и проделала долгий путь через границы, через блокпосты, через бесконечные проверки, но дошла., как доходили все письма., как доходила вся любовь.

За эти годы он отвык от хорошего кофе. В первые месяцы войны они пили какую-то бурду, которую выдавали по гуманитарной помощи, она была горькой, пережжённой, но всё равно бодрила. Потом, когда гуманитарные поставки наладились, появился растворимый кофе в пакетиках - тоже не бог весть что, но уже лучше. А теперь у него был настоящий,

молотый, из Киева, от сестры. Он вдыхал его аромат и думал о том, что, наверное, это и есть мир - когда можно пить хороший кофе и не бояться, что в любую минуту прилетит снаряд.

За окном занимался рассвет. Сентябрьское солнце поднималось над многоэтажками Петровского района, окрашивая небо в розовые и золотые тона. Город просыпался. Люди шли на работу, спешили по делам, и в их походке уже не было той напряжённости, того страха, который сопровождал их все эти годы. Они шли спокойно, не оглядываясь, не пригибаясь при каждом громком звуке. Женщина с коляской - просто гуляла с ребёнком, а не бежала в укрытие. Старик с собакой - просто выгуливал пса, а не искал, где бы переждать обстрел. Дети играли в песочнице - самой обычной песочнице, которую построили ещё в советские времена и которая чудом уцелела.

Что-то изменилось. Что-то неуловимое, но очень важное., как будто город вздохнул., как будто он тоже проснулся после долгого кошмарного сна.

Алексей стоял у окна, пил кофе и думал. Думал о том, что произошло за последние недели. О том, что война, кажется, действительно закончилась. Не прекратилась временно, не затихла до следующего обострения, не спряталась, чтобы перегруппироваться, - а закончилась. Пришло официальное сообщение: подписано соглашение о прекращении огня, начат отвод тяжёлых вооружений, согласована дорожная карта

мирного урегулирования, предусматривающая особый статус Донбасса. Газеты пестрели заголовками о «долгожданном мире», политики давали интервью, в которых говорили об «историческом прорыве», эксперты обсуждали детали, но Алексей не верил газетам. Он давно перестал им верить - после всех этих «перемирий», которые заканчивались новыми боями, после всех «отводов войск», после всех красивых слов, за которыми следовала кровь.

Он верил только тому, что видел своими глазами. А его глаза видели: обстрелы прекратились. Уже три недели ни одного разрыва. Ни одной автоматной очереди в черте города. Ни одного раненого, доставленного в госпиталь Лены. Госпиталь, который годами работал в режиме непрерывного потока раненых, теперь принимал только гражданских пациентов. Лена рассказывала, что врачи до сих пор не могут привыкнуть к тишине и по старой памяти вздрагивают от каждого громкого звука.

- Не спится? - Лена вышла на кухню, закутанная в старый махровый халат, который она носила с незапамятных времён. Её волосы были растрёпаны после сна, глаза ещё не совсем проснулись, но она улыбалась. Она обняла его сзади, прижалась щекой к спине, и он почувствовал тепло её тела, её дыхание, её любовь.

- Не спится, - признался он, накрывая её руки своими. - Всё думаю.

- О чём?

- О том, что война кончилась. Кажется, кончилась. Я просыпаюсь каждое утро и жду обстрела. Уже три недели жду. А его нет и я не знаю, как к этому относиться. Радоваться? Бояться, что это ненадолго? Просто жить?

- Кажется, - согласилась Лена. - Я тоже не могу поверить. Каждое утро просыпаюсь и первым делом смотрю в окно - не летят ли снаряды. Уже три недели смотрю. А их нет и знаешь, что самое странное? Я забыла, как жить без войны. Мы все забыли. Четыре с половиной года, это целая жизнь. Андрейка родился в четырнадцатом, он вообще не знает другой реальности. Для него война, это норма. А теперь нормы нет и что нам делать?

- Жить, - ответил Алексей. - Просто жить. Работать. Растить сына. Сажать деревья. Строить дом. То, что люди всегда делали после войны.

Они замолчали, глядя в окно. Солнце уже поднялось над крышами, и его лучи заливали кухню тёплым сентябрьским светом. Где-то запели птицы - громче, увереннее. Где-то засмеялись дети, играющие во дворе. Где-то загудел автомобиль. Мирная жизнь. Настоящая. Непривычная.

- Знаешь, о чём я мечтаю? - спросила Лена.

- О чём?

- О море. Я никогда его не видела, кроме, как на фотографиях. Я родилась в Донецке, выросла здесь, выучилась на медсестру. Война началась, когда мне было двадцать четыре. Я даже на Азовском море была только раз, и то оно серое и

мелкое. А Чёрное море - оно синее, да? Как на открытках?

- Синее, - Алексей улыбнулся. - Очень синее и тёплое и в нём плавают медузы - они не кусаются, просто плавают и пахнет солью и водорослями и чайки кричат. Я тебе обещал, помнишь?

- Помню. Ты обещал, что когда кончится война, мы поедем на море. В Севастополь. К твоим родителям.

- Вот теперь и поедем.

Вечером они сидели за столом всей семьёй. Лена приготовила ужин - картошку с мясом, которое удалось достать на рынке (рынки снова работали, и это тоже было чудом). За окном сгущались сумерки, но небо было чистым, звёздным - ни облачка, ни дыма, ни вспышек. Андрейка, как всегда, болтал без умолку - рассказывал о своих игрушках, о медведе, который «уже совсем взрослый и скоро пойдёт в школу», о том, что он хочет стать строителем, как деда Андрей. «Я тоже буду строить мосты, - говорил он. - Только не из бетона, а из железа. Или из дерева., как деда».

- Папа, - спросил он вдруг, отрываясь от своей тарелки, - а война правда кончилась? Совсем-совсем?

Алексей переглянулся с Леной. Она кивнула.

- Правда, - ответил он. - Кажется, правда.

- Значит, мы поедем на море? Ты обещал. Ещё давно. Помнишь?

- Помню. Поедем. Обязательно поедем. Вот устроимся немного и поедем. К дедушке с бабушкой. В Севастополь.

На поезде. Или на машине и ты увидишь море. Настоящее., как на открытке.

- Ура! - Андрейка захлопал в ладоши. - Я увижу море! Я скажу деде, что я уже большой! Я ему стишок расскажу! Про ёлочку! Или про море! Я выучу новый стишок про море!

Алексей и Лена засмеялись и этот смех - искренний, свободный, не сдавленный страхом, - был ещё одним доказательством того, что мир наступил. Что жизнь продолжается. Что всё будет хорошо.

Позже, когда Андрейка уснул, прижимая к себе медведя, и в комнате стало тихо, Алексей сел за стол, зажёг настольную лампу и достал бумагу. Он писал письмо отцу - первое письмо, в котором не было ни слова о войне. Только о мире. Только о надежде. Только о будущем.

«Батя, привет!

У нас тут, кажется, наступил мир. Я не верю до конца - слишком много было лжи за эти годы, слишком много ложных перемирий, но обстрелов нет уже три недели. Три недели тишины. Это самое долгое перемирие за всё время. В госпитале у Лены нет раненых - только гражданские пациенты, представляешь? Она говорит, что врачи до сих пор вздрагивают от громких звуков, но громких звуков больше нет. Только трамваи и птицы.

Может быть, это навсегда. Может быть, война действительно закончилась. Может быть, мы дожили до мира.

Мы хотим приехать. В Севастополь. К вам с мамой. Я обещал Андрейке море. Ты обещал ему деревянный кораблик. Лена никогда не видела Чёрного моря. Пора выполнять обещания. Пора жить.

Напиши, когда вам удобно. Мы приедем на поезде. Или на машине - я узнаю, можно ли сейчас проехать через границу. Будем решать.

Жди нас. Скоро. Очень скоро.

Твой сын Алёша.

P.S. Андрейка передаёт привет и говорит, что выучит стишок про море. Он у нас упрямый - весь в деда».

Он запечатал письмо и отложил в сторону. Завтра утром он отнесёт его на почту - теперь, когда мир наступил, почта работала почти нормально и письмо пойдёт в Севастополь - не через фронт, не через блокпосты, а обычной почтой. Может быть, это и было самым большим чудом.

Часть 2. Сборы

Донецк, октябрь 2018 года.

Сборы в Севастополь заняли почти месяц. Это оказалось гораздо сложнее, чем Алексей предполагал, когда писал отцу то первое, полное надежды письмо. Одно дело - мечтать о поездке, и совсем другое - организовать её в реальности, где только-только наступил хрупкий, ещё не устоявшийся мир. Нужно было оформить множество документов: внутренние паспорта нового образца, которые только начали выдавать, свидетельство о рождении Андрейки, разрешение на

выезд из непризнанной республики, справки для пересечения границы с Россией. Всё это требовало времени, терпения и немалых нервов.

Алексей провёл несколько дней в очередях - в паспортном столе, в миграционной службе, в военкомате. Паспортный стол находился в полуподвальном помещении бывшего жилого дома, приспособленном под административные нужды. Очередь туда занимали с раннего утра, а иногда и с ночи, и люди стояли часами, переминаясь с ноги на ногу, кутаясь в куртки и пальто. Здесь были все - молодые и старые, мужчины и женщины, военные и гражданские. Все хотели одного: документов, которые позволят им нормально жить. Выезжать. Возвращаться. Быть гражданами.

В военкомате его долго не хотели отпускать. Майор, немолодой мужчина с усталым лицом и седыми висками, листал его личное дело и качал головой.

- Бондаренко Алексей Андреевич, - читал он вслух. - Позывной «Бондарь». Командир разведвзвода. Участвовал в боях под Славянском, Иловайском, Дебальцево. Два ранения, одна контузия. Медаль «За отвагу», орден «За военные заслуги» и вы хотите уехать?

- Так точно, - ответил Алексей. - Война кончилась. У меня семья. Жена, сын. Я обещал им море.

- Война кончилась, - повторил майор задумчиво. - А если опять начнётся? Кто будет воевать?

- Те, кто останется. Я своё отвоевал.

Майор долго смотрел на него, потом вздохнул, поставил печать и подписал разрешение.

- Езжайте, Бондаренко. Вы это заслужили. Только... если что - мы вас ждём.

Алексей кивнул, взял документы и вышел. На душе было странно - смесь облегчения и грусти. Он покидал армию, с которой сроднился за эти годы. Покидал товарищей, с которыми делил хлеб и укрытие, но он знал: так надо. Он обещал сыну море.

Дома, в их комнате у тёти Веры, царил хаос. Лена перебирала их скромный скарб - одежду, игрушки Андрейки, книги, посуду, и не знала, что брать, а что оставлять. Они так долго жили в режиме «минимум вещей», что теперь, когда можно было взять с собой больше, она терялась. Каждая вещь имела свою историю. Вот этот чайник - его подарила тётя Вера, когда они только переехали. Вот это одеяло - его принесли волонтёры в первую военную зиму, и оно согревало их в самые холодные ночи. Вот эти занавески - Лена сшила их сама из старого ситца. Вот детские рисунки на стенах - их нельзя взять с собой, но и оставить невозможно.

- Что ты делаешь? - спросил Алексей, застав жену за странным занятием: она фотографировала стены на старенький телефон.

- Хочу запомнить, - ответила Лена. - Мы прожили здесь четыре года. Это был наш дом. Пусть плохой, пусть тесный, пусть с трещинами от обстрелов, но это был наш дом. Я хочу,

чтобы Андрейка, когда вырастет, увидел, где он родился.

Алексей обнял её. Он понимал. Он сам чувствовал то же самое.

В конце концов решили брать только самое необходимое: одежду на первое время, документы, медведя Андрейки (это даже не обсуждалось - медведь был членом семьи), фотографии, письма, которые они хранили все эти годы, и блокнот Алексея с именами погибших. Всё остальное - мебель, посуду, старые книги, - оставляли тёте Вере. Она обещала сохранить всё до их возвращения.

Андрейка помогал собираться с энтузиазмом, который бывает только у пятилетних детей. Он таскал свои игрушки - деревянный грузовичок, сломанный пистолет, коллекцию камешков, собранных во дворе, и аккуратно складывал их в старый чемодан, который нашёлся в чулане. Чемодан был потёртый, с облупившейся краской и сломанным замком, но Андрейка страшно гордился им.

, это мой чемодан, - говорил он важно. - Я сам его собрал. Я уже большой.

Он был в восторге от предстоящего путешествия. Он никогда не выезжал из Донецка - родился здесь, в феврале четырнадцатого, вырос в осаждённом городе, и весь его мир ограничивался несколькими кварталами Петровского района, двором с песочницей, блиндажом, где служил папа, и квартирой тёти Веры. Он видел море только на открытках, которые присылали дедушка с бабушкой. Теперь ему пред-

стояло увидеть его по-настоящему. А ещё - поезд, Севастополь, дедушку с бабушкой. Всё это было для него, как сказка.

- Мама, а поезд - он какой? - спрашивал он в сотый раз, не отрываясь от своего чемодана.

- Длинный, зелёный, с окнами, - отвечала Лена, складывая вещи.

- А он быстро едет?

- Быстро. Очень быстро. Ты уснёшь, а когда проснёшься - мы уже будем на месте.

- А там есть кровати?

- Есть. Полки называются. Знаешь, как в шкафу - одна сверху, другая снизу.

- А море - оно какое?

- Синее. Очень синее., как на открытке. Только лучше, потому что настоящее.

Андрейка кивал, удовлетворённый ответами, и снова убегал собирать игрушки.

Вечером накануне отъезда они сидели втроём за столом. Лена приготовила прощальный ужин - всё, что оставалось в холодильнике. Картошка, тушёнка, солёные огурцы от тёти Веры и даже бутылка вина, которую Алексей хранил для особого случая. Они ели, пили, разговаривали. Вспоминали, как всё начиналось., как они встретились в четырнадцатом - под обстрелом, на площади перед обладминистрацией., как поженились через две недели после знакомства - кольца из медной проволоки, свидетели - Витька и пожилая женщи-

на-регистратор., как родился Андрейка., как они пережили все эти годы - вместе, держась друг за друга.

Андрейка, уставший от сборов, клевал носом, но упорно не хотел идти спать. Он боялся, что проспит поезд, что они уедут без него, что всё это окажется сном.

- Завтра в шесть утра, - напомнил Алексей. - Если не выспишься - не увидишь море.

- Увижу, - упрямо отвечал Андрейка, зевая. - Я не просплю. Я буду сидеть и ждать.

Он проспал через пять минут, уронив голову на стол рядом с тарелкой. Алексей осторожно поднял его, отнёс в кроватку, укрыл одеялом. Рядом, как всегда, лежал плюшевый медведь - он тоже «собрал чемодан» и был готов к путешествию.

Ночью Алексей не спал. Он стоял у окна, смотрел на тёмный город и думал. Думал о том, что завтра он уедет из Донецка - города, который стал его судьбой. Города, где он воевал, терял друзей, женился, стал отцом. Города, который он защищал четыре с половиной года. Города, который изменил его навсегда и теперь он покидал его. Не навсегда - они ещё вернутся, обязательно, но надолго.

Он думал о тех, кто остался здесь. О Витьке, который теперь командовал отделением и не мог поехать - у него были свои обязательства, своя невеста, с которой они наконец-то решили сыграть свадьбу. О Деде, который сказал на прощание: «Езжай, Бондарь. Ты своё отвоевал. Теперь живи. За

всех, кто не дожил». О тёте Вере, которая плакала, собирая им в дорогу пирожки и консервы, и крестила их на прощанье. О всех, кто погиб за эти годы и чьи имена были записаны в его блокноте - в том самом, который он всегда носил в нагрудном кармане. Их было больше сорока. Сорок человек, с которыми он делил хлеб, укрытие, последнюю сигарету. Их больше нет. А он есть и он должен жить. За них. Ради них.

- Мы вернёмся, - прошептал он в темноту, глядя на спящий город. - Обязательно вернёмся. Это наша земля. Наш дом. Мы никуда не уезжаем навсегда. Мы просто едем к морю.

Лена подошла сзади, обняла его. Она тоже не спала.

- О чём думаешь? - спросила она.

- О том, что завтра всё изменится. Мы уедем из Донецка. Ты, я, Андрейка. Мы больше не будем жить на войне. Это странно. Я так долго этого ждал, а теперь, когда это случилось, - не знаю, что чувствовать.

- Радость, - сказала Лена. - Чувствуй радость. Мы заслужили.

- Да, - согласился он. - Заслужили.

Они стояли у окна, обнявшись, и смотрели на ночной Донецк. Город спал. Война ушла. Впереди была новая жизнь.

Часть 3. Дорога на юг

Поезд Донецк - Севастополь, октябрь 2018 года.

Поезд тронулся ровно в восемь утра, издав протяжный, чуть хрипловатый гудок, который эхом разнёсся над перро-

ном. Андрейка, прилипший к окну вагонного купе, смотрел, как медленно проплывает мимо перрон, как машут руками провожающие - тётя Вера, Витька, несколько соседей, пришедших попрощаться, -, как уменьшаются и исчезают вдали знакомые очертания донецкого вокзала с его облупленной лепниной и высокими сводчатыми окнами. Он никогда не видел ничего подобного - мир за окном двигался, менялся, превращался из серого и знакомого в зелёный и неизвестный. Степь сменялась перелесками, перелески - полями, убранными к осени, поля - снова степью, и так до бесконечности.

- Мама, смотри! Деревья бегут! - кричал он, показывая пальцем в окно и подпрыгивая на сиденье от возбуждения.

, это не деревья бегут, это мы едем, - объясняла Лена, поправляя его растрёпанные волосы.

- Нет, они бегут! Я вижу! Они быстро-быстро!

Алексей сидел напротив, откинувшись на спинку сиденья, и улыбался. Он помнил, как сам в детстве вот так же прилипал к окну поезда, когда они с родителями ездили в Симферополь к бабушке. Тогда мир казался огромным и полным чудес. Он помнил, как отец - молодой ещё, в парадной флотской форме - поднимал его на руки и показывал в окно: «Смотри, сынок, это Крымские горы. Это Чатыр-Даг. А это уже море - видишь, синяя полоска?» И он, маленький Алёша, смотрел во все глаза и мечтал о море. Теперь он видел мир другими глазами - глазами человека, прошедшего вой-

ну, потерявшего друзей, научившегося ценить каждую минуту тишины, но сейчас, глядя на сына, он снова чувствовал себя ребёнком. Война осталась позади, за окнами поезда, и с каждой минутой, с каждым километром отдалялась всё больше, становилась всё менее реальной.

В купе они были втроём - четвёртое место пустовало, и это было кстати: можно было не беспокоиться о посторонних, не объяснять, кто они и откуда, не ловить на себе сочувствующие или подозрительные взгляды. Лена разложила на откидном столике нехитрую снедь: бутерброды с салом, варёные яйца, печенье, которое напекла тётя Вера, несколько яблок из её сада. Всё это было завёрнуто в чистую льняную салфетку - последний подарок перед дорогой. Чай они попросили у проводницы - немолодой женщины с усталым, но добрым лицом, в форменном платье и с неизменным ключом на поясе. Проводницу звали Нина Ивановна, и она, узнав, что семья едет из Донецка, отнеслась к ним с особым, почти материнским вниманием.

- Из Донецка? - переспросила она, и её брови поползли вверх. -, как там сейчас? Тихо? А то по телевизору разное говорят...

- Тихо, - ответил Алексей. - Уже месяц тихо. Ни одного обстрела.

- Слава Богу, - Нина Ивановна перекрестилась, и её лицо осветилось искренней радостью. - У меня там сестра живёт, в Макеевке. Представляете? Родная сестра. Я ей всё время

звоню, волнуюсь. Она говорит - страшно было, особенно в четырнадцатом и пятнадцатом. А теперь, значит, мир?

- Похоже на то. Официально ещё не объявили, но обстрелов нет, войска отводят. Люди возвращаются.

- Ну, дай-то Бог. Дай-то Бог. Сколько же можно воевать? Люди должны жить. Дети должны расти, она посмотрела на Андрейку, который всё ещё стоял у окна, не в силах оторваться от проплывающих пейзажей. - Хороший мальчик. На вас похож. Глаза такие же серьёзные.

, это он в деда, - сказала Лена. - У нас все мужчины с такими глазами.

Нина Ивановна принесла им чай в настоящих железнодорожных подстаканниках - горячий, ароматный, с сахаром, и даже угостила Андрейку шоколадной конфетой из своих запасов. Мальчик был в восторге - он редко ел сладкое, в Донецке с этим было трудно. Он аккуратно развернул фантик, бережно, словно сокровище, и съел конфету в два укуса.

- Вкусно! - объявил он. - Спасибо, тётя!

- На здоровье, малыш, - улыбнулась проводница и, уже обращаясь к Алексею, добавила: - Если что нужно - зовите. Я в своём купе, в конце вагона.

За окнами проплывали пейзажи, которых Алексей не видел никогда в жизни - или видел, но не замечал, потому что тогда, в прошлой жизни, у него не было времени смотреть по сторонам. Степь, ещё зелёная, несмотря на октябрь, с редкими островками пожухлой травы. Перелески, где дубы и клё-

ны уже начали желтеть и краснеть, создавая причудливую осеннюю палитру. Поля, убранные к осени, с аккуратными скирдами соломы, похожими на гигантские грибы. Редкие деревни с белыми хатами и красными черепичными крышами. Где-то вдалеке паслись коровы - чёрно-белые, ленивые, и пастух в ватнике сидел на склоне холма, глядя на поезд. Где-то трактор пахал землю, оставляя за собой длинные тёмные полосы. Всё это было таким мирным, таким обыденным, что казалось почти нереальным., как будто Алексей смотрел фильм о чужой жизни - о жизни, в которой нет войны, нет обстрелов, нет страха.

Он поймал себя на мысли, что не может расслабиться до конца. Каждый раз, когда поезд замедлял ход, его мышцы напрягались - старая привычка, выработанная годами войны. Когда состав резко тормозил, он инстинктивно пригибался, ожидая обстрела. Когда за окном раздавался громкий звук - гудок встречного поезда, крик птицы, хлопок выхлопной трубы, - его рука сама тянулась к поясу, где раньше висел автомат. Лена заметила это.

- Ты всё ещё на войне, - сказала она тихо, чтобы не разбудить Андрейку, который наконец угомонился и теперь дремал на полке, прижимая к себе медведя.

- Ничего не могу с собой поделать, - признался Алексей. - Четыре с половиной года, это не шутка. Я разучился быть мирным человеком. Я не знаю, как это - просто ехать в поезде и не ждать обстрела.

- Научишься, она взяла его за руку. - Мы все научимся. Это, как после тяжёлой болезни. Нужно время.

Они проехали границу - ту самую, что разделяла Донецкую Народную Республику и Российскую Федерацию. На пограничном пункте поезд остановился, и в купе вошли люди в форме - российские пограничники, вежливые, но внимательные. Они проверили документы - паспорта, свидетельство о рождении Андрейки, разрешение на выезд, - сверили фотографии с лицами, задали несколько формальных вопросов. Всё прошло спокойно - документы были в полном порядке, Алексей подготовился основательно и вот они уже в России, на пути к морю.

Вечером, когда за окнами стемнело, а Андрейка, утомлённый впечатлениями, уснул на своей верхней полке, укрытый казённым одеялом, Лена и Алексей сидели в коридоре вагона, у окна, на откидных стульчиках. Мимо проплывали огни - редкие, далёкие, и мерный стук колёс убаюкивал. В коридоре было тихо - другие пассажиры уже спали или сидели по своим купе.

- О чём думаешь? - спросила Лена, кладя голову ему на плечо.

- О том, что я забыл, как это - путешествовать, - ответил Алексей, глядя в темноту за окном. - Просто ехать куда-то. Не на войну. Не по заданию. Не в госпиталь. А просто - к родителям. К морю. С семьёй. Это так странно и так хорошо.

- Мы заслужили это, - сказала Лена. - Мы все заслужили.

Ты, я, Андрейка, твои родители, Катя. Все, кто ждал. Все, кто верил.

- Знаешь, я думаю о тех, кто не дождался. О Степане, о дяде Мише, о других. Они тоже мечтали о мире. Тоже хотели увидеть море, но не дожили. А я дожил. Почему я?

- Потому что кто-то должен жить, - Лена сжала его руку. - Кто-то должен рассказывать о них. Помнить их. Растить детей. Ты живёшь за них, Алёша. За всех.

Они замолчали. Стук колёс стал громче, ритмичнее. Поезд шёл через ночь, унося их всё дальше от войны, всё ближе к морю.

Утром, когда солнце только поднималось над горизонтом, окрашивая небо в нежные розовые и золотые тона, за окнами показалось море. Сначала - лишь узкая полоска синего на горизонте, тонкая, как нитка. Потом - всё шире, всё ближе, всё реальнее. Андрейка, проснувшийся раньше всех, словно почувствовал этот момент, встал на цыпочки у окна и закричал на весь вагон:

- Море! Я вижу море! Настоящее! Синее! Мама, папа, смотрите!

И весь вагон, казалось, проснулся от этого крика. Пассажиры выглядывали из купе, улыбались, глядя на счастливого мальчика, который подпрыгивал у окна и хлопал в ладоши. Кто-то засмеялся. Кто-то тоже подошёл к окну. А Лена и Алексей стояли рядом, держась за руки, и тоже смотрели на море. На их море. На море, к которому они ехали четыре

с половиной года. На море, которое они обещали друг другу в самые тёмные дни.

- Вот оно, - прошептала Лена, и её глаза наполнились слезами. - Я думала, что никогда его не увижу. Думала, что это останется просто мечтой.

, это не мечта, - сказал Алексей, это реальность. Мы здесь. Мы доехали.

Поезд замедлил ход, и за окнами проплыли первые севастопольские дома - белые, из инкерманского камня, с красными черепичными крышами. Потом показалась бухта, корабли на рейде, памятник затопленным кораблям и наконец - вокзал, тот самый, куда два с половиной года назад приезжала Катя.

Поезд остановился. Андрейка уже тащил свой чемодан к выходу. Лена поправляла волосы. Алексей глубоко вздохнул, собираясь с силами.

За дверями вагона их ждали. Он знал это. Чувствовал.

Они приехали.

Часть 4. Встреча

Севастополь, октябрь 2018 года. Железнодорожный вокзал.

Андрей Петрович Бондаренко стоял на перроне и смотрел, как к платформе медленно подходит поезд. Он помнил этот вокзал в разные времена -, как провожал отсюда жену в Симферополь, как встречал дочь два года назад, как сам уезжал на стройку и возвращался, но сегодня всё было по-

другому. Сегодня он встречал сына. Сына, которого не видел больше года. Сына, который прошёл через войну и выжил.

Рядом стояла Анна, нервно теребя край платка - привычка, которая не изменилась за тридцать пять лет брака. Она волновалась так, словно ей снова было двадцать, а не шестьдесят с лишним. Она представляла себе эту встречу тысячу раз - за те долгие четыре с половиной года, что Алёша был на войне. Представляла, как обнимет его, как посмотрит в глаза, как скажет: «Сынок, ты дома» и теперь этот момент настал.

Чуть поодаль стояла Катя. Она приехала из Киева неделю назад - специально, чтобы встретить брата. Оформила очередные документы, прошла все проверки на границе, и вот она здесь, на перроне, с букетом осенних хризантем. Она тоже волновалась - хотя видела Алёшу чаще, чем родители, каждое их свидание было драгоценным.

Гаврилов тоже был здесь - куда же без него. Он стоял, опираясь на палку, в своём парадном кителе с медалями и с георгиевской ленточкой. Он немного сдал за последний год - всё-таки возраст давал о себе знать, но глаза его блестели по-прежнему молодо, и он то и дело вытирал их платком, делая вид, что это просто ветер.

Поезд остановился. Из вагонов начали выходить пассажиры - кто-то с чемоданами, кто-то с детьми, кто-то просто с сумками. Анна всматривалась в лица, ища сына. Андрей стоял прямо, засунув руки в карманы, но его пальцы нервно

сжимались - единственный признак волнения, который он позволял себе.

И вот они появились. Сначала - маленький мальчик с плюшевым медведем в одной руке и потрёпанным чемоданчиком в другой. За ним - молодая женщина со светлыми волосами, усталая, но улыбающаяся и наконец - высокий мужчина в камуфляжной куртке, с рюкзаком за плечами и сединой на висках.

- Алёша! - Анна бросилась к сыну, забыв обо всём.

Она обняла его так крепко, словно боялась, что он исчезнет, растворится в воздухе. Алексей обнял мать в ответ, чувствуя, как она дрожит, как текут по её щекам слёзы, как сильно бьётся её сердце.

- Мама, - сказал он тихо. - Я вернулся.

- Вернулся, - прошептала она. - Вернулся. Сынок. Живой.

Андрей подошёл, положил руку на плечо сына. Он не плакал - он вообще редко плакал, но глаза его были влажными.

- Здорово, сын, - сказал он.

- Здорово, батя.

Они обнялись - сдержанно, по-мужски, но в этом объятии было столько чувств, сколько не выразить словами.

Катя подошла, когда мать наконец отпустила брата, и повисла у него на шее.

- Алёша! Ты приехал! Я так ждала!

- Приехал, сестрёнка., как обещал.

А потом было знакомство с Леной - настоящая, не по

письмам и телефону. Анна обняла её, как родную дочь, и Лена, которая так боялась этой встречи, вдруг почувствовала, что она действительно дома. Что её приняли. Что она - часть этой семьи.

И знакомство с Андрейкой - тот самый момент, ради которого всё было. Андрей присел на корточки, чтобы быть с внуком одного роста, и посмотрел в его глаза - серые, бондаренковские, как у всех мужчин этой семьи.

- Здравствуй, Андрейка. Я твой дед.

Мальчик внимательно посмотрел на него, потом на бабушку, потом перевёл взгляд на отца, словно спрашивая разрешения. Алексей кивнул.

- Деда, - сказал Андрейка. - Я тебя знаю. Ты на фотографии и ты строил мост.

- Строил, - Андрей улыбнулся.

- А я привёз тебе стишок. Про море. Хочешь расскажу?

- Хочу.

И Андрейка, стоя на перроне, посреди вокзальной суеты, начал рассказывать стишок, который выучил специально для деда. Он немного сбивался, путал слова, но это было неважно. Важно было то, что семья наконец-то собралась вместе. Что мост сработал. Что любовь победила.

Вечером они сидели за столом в квартире на Корабельной стороне - все вместе. Анна испекла два пирога, Андрей открыл вино из своей бочки, Гаврилов произнёс тост - длинный, путаный, но очень искренний. Они смеялись, плакали,

вспоминали прошлое и мечтали о будущем и это был самый счастливый день за долгие годы.

Часть 5. Первый день

Севастополь, октябрь 2018 года. Корабельная сторона.

Первый день в Севастополе начался для Андрейки с крика чаек. Он проснулся рано, ещё затемно, когда первые лучи солнца только начинали окрашивать небо над бухтой в бледно-розовые тона. Первое, что он услышал, был этот пронзительный, требовательный, ни на что не похожий крик. Чайки. Настоящие, живые, крикливые чайки. Они кружили над бухтой, перекликаясь друг с другом, и их голоса разносились над водой, отражались от стен старых домов, проникали сквозь закрытые окна.

Андрейка никогда не слышал чаек. В Донецке их не было - только голуби, воробьи да изредка вороны. А здесь - огромные белые птицы, которые парили в небе, как бумажные самолётики, и кричали так громко, что было слышно даже сквозь сон. Сначала он испугался. Спросонья ему показалось, что это сирена воздушной тревоги - звук, который он слышал десятки раз за свою короткую жизнь, который заставлял его маму хватать его в охапку и бежать в подвал. Он инстинктивно нырнул под одеяло, сжался в комок, зажмурился. Сердце колотилось, дыхание перехватило.

- Андрейка, ты чего? - Лена, спавшая рядом, сразу проснулась - ещё одна привычка, оставшаяся с войны: просыпаться от малейшего шороха. Она положила руку на плечо сына. -

Что случилось?

- Там... там сирена, - прошептал он из-под одеяла.

Лена прислушалась. Чайки кричали за окном - пронзительно, требовательно, но совершенно мирно.

, это не сирена, сынок, - сказала она, и её голос был спокойным, успокаивающим, это чайки. Птицы такие. Морские. Они всегда кричат по утрам. Это не опасно.

- Птицы? - Андрейка осторожно выглянул из-под одеяла. - Такие громкие?

- Очень громкие, но они не кусаются., как медузы. Помнишь, папа рассказывал?

Андрейка кивнул, всё ещё недоверчиво, и слез с кровати. Он подошёл к окну, встал на цыпочки, выглянул наружу. За окном открывался вид на Севастопольскую бухту - ту самую, которую он видел на открытках, которые присылали дедушка с бабушкой. Море было спокойным, серым в предрассветных сумерках, и над ним, подсвеченные первыми лучами солнца, кружили белые птицы. Чайки. Настоящие. Они то взмывали вверх, то падали к воде, то садились на пирс, и их крики наполняли воздух жизнью.

- Мама, папа! - закричал Андрейка, забыв о своём недавнем страхе. - Там птицы! Белые! Они кричат! Вы слышите?

Алексей, который уже проснулся от шума, сел на кровати и улыбнулся.

- Слышу, сынок. Это чайки. Добро пожаловать в Севастополь.

Весь этот день стал для Андрейки - да и для всех них - днём открытий. Они позавтракали на кухне, где Анна уже хлопотала у плиты, готовя свои знаменитые блины. Андрейка впервые в жизни ел блины с абрикосовым вареньем - настоящим, домашним, которое бабушка сварила летом. Он уплетал их за обе щеки и просил добавки.

- Вкусно! - объявлял он после каждого блина. - Очень вкусно! Бабушка, ты волшебница!

Анна смеялась и подкладывала ему ещё. Она смотрела на внука - маленького мальчика с серыми глазами и светлыми волосами, и не могла поверить, что он наконец здесь, за её столом, ест её блины. Она ждала этого момента четыре с половиной года.

После завтрака Андрей повёл всех гулять по городу - по своему обычному маршруту, который он знал наизусть. Они вышли из дома, и сразу же начались чудеса. Андрейка никогда не видел такого города. В Донецке дома были серые, многоэтажные, многие разрушенные или повреждённые обстрелами. А здесь - белые, из инкерманского камня, с красными черепичными крышами, с балконами, увитыми плющом, с чугунными решётками. Улицы были чистыми, ухоженными, и на них не было воронок от снарядов.

- Почему здесь так красиво? - спросил Андрейка, оглядываясь по сторонам.

- Потому что здесь не было войны, - ответил Алексей. - Только однажды, давным-давно, но с тех пор прошло много

лет.

- А у нас была война?

- Была, сынок, но теперь кончилась.

Они спустились по Корабельному спуску - узкой, мощёной булыжником улочке, круто сбегающей к морю. Андрейка бежал впереди, размахивая руками, и его восторгу не было предела. Он видел море - настоящее, синее, бескрайнее, и не мог оторвать от него глаз.

- Море! - кричал он каждые пять минут. - Я вижу море! Деда, смотри! Бабушка, смотри!

- Вижу, внучек, вижу, - улыбался Андрей.

Они прошли по Приморскому бульвару, где играли уличные музыканты - скрипач и гитарист, и Андрейка впервые в жизни услышал живую музыку. Он остановился, как вкопанный, заслушался, а потом начал пританцовывать в такт мелодии. Прохожие улыбались, глядя на счастливого мальчика.

Они остановились у памятника затопленным кораблям - символа Севастополя, который стоял здесь больше ста лет. Андрей рассказал внуку историю этого памятника - о том, как русские моряки затопили свои корабли, чтобы преградить вход в бухту вражескому флоту. Андрейка слушал, затаив дыхание. Он не всё понимал, но чувствовал: это важно.

- А мой папа тоже герой? - спросил он.

- Тоже, - ответил Андрей. -, как и твой прадед., как и прапрадед. У нас в семье все герои.

Они зашли в мастерскую Андрея - ту самую, где он де-

лал бочки. Алексей помнил её с детства - запах дуба, лака, стружки. Инструменты, развешанные на стенах в идеальном порядке. Старый верстак, за которым работали ещё дед Захар и отец Пётр. Бочка у стены - та самая, которую Андрей начал много лет назад, в феврале четырнадцатого, и так и не закончил, потому что ушёл на стройку. Она стояла здесь, ждала его, покрытая слоем пыли, но всё ещё крепкая.

Андрейка с любопытством рассматривал всё это, трогал инструменты, задавал бесконечные вопросы. Он брал в руки молотки, стамески, рубанки, и его глаза горели.

- Деда, а что это? - спрашивал он, показывая на рубанок.

, это рубанок. Им строгают доски. Смотри, как он работает. - Андрей взял кусок дерева, провёл по нему рубанком, и тонкая, почти прозрачная стружка упала на пол. Андрейка смотрел заворожённо.

- А это? - он показал на стамеску.

, это стамеска. Ей делают пазы - такие канавки в дереве, чтобы клёпки плотно прилегали друг к другу.

- А зачем?

- Чтобы бочка была крепкой. Чтобы вино не вытекало. Понимаешь, бочка, она, как семья. Если всё пригнано правильно - будет стоять вечно.

Андрейка кивал с серьёзным видом, словно запоминал каждое слово. Потом спросил - тихо, почти шёпотом:

- А ты меня научишь?

Андрей посмотрел на внука - маленького, с серыми гла-

зами, в которых светилось такое любопытство, такая жажда знаний, и улыбнулся. Он вспомнил, как сам когда-то стоял перед своим дедом Захаром и задавал те же вопросы., как дед брал его за руку и говорил: «Смотри, внучек. Дерево - оно живое. С ним надо, как с человеком». Теперь всё повторялось. Только теперь он был на месте деда.

- Научу, - сказал он. - Обязательно научу. Всему, что знаю сам и бочки делать, и мосты строить. Всему.

Вечером они сидели на балконе - Андрей, Анна, Алексей, Лена, Катя и Андрейка на коленях у деда. Солнце садилось за бухту, окрашивая воду в золотые и розовые тона. Море было спокойным, и в нём отражались первые звёзды. Где-то далеко мигали сигнальные огни кораблей. Чайки, накричавшись за день, успокоились и сидели на пирсе, чистые, белые, молчаливые.

Часть 6. Возвращение к морю

Севастополь, октябрь 2018 года. Пляж в Балаклаве.

На третий день после приезда Андрей объявил, что пора показать внуку настоящее море - не с набережной, не с балкона, не из окна поезда, а с пляжа. Чтобы он мог потрогать воду руками, почувствовать гальку под ногами, увидеть медуз, о которых столько слышал от отца, услышать, как волны разбиваются о берег. Решили ехать в Балаклаву - туда, где когда-то, в далёком детстве, Алёша учил Катю не бояться медуз. Гаврилов, узнав о планах, напросился с ними - сказал, что сто лет не был в Балаклаве, что у него там есть знакомый

рыбак, у которого можно купить свежей барабульки, и что он, Гаврилов, будет за экскурсовода.

- Я там каждый камень знаю! - хвастался он. - Я ещё пацаном с отцом туда на рыбалку ходил! Тогда, правда, Балаклава была закрытым городом, там подводные лодки базировались, но нас, местных, пропускали. Мы знали такие бухты, куда ни один турист не доберётся!

Выехали рано утром, на двух машинах. Андрей вёл свой старенький «жигулёнок» - тот самый, с вмятиной на правом крыле, который он так и не удосужился выправить. В салоне, кроме него, сидели Анна, Лена и Андрейка, который всю дорогу прилипал к окну и задавал бесконечные вопросы: «А это что за гора? А это что за дерево? А почему небо синее? А море там будет?» Анна терпеливо отвечала на каждый вопрос, а Лена улыбалась, глядя на сына. За ними, на машине Гаврилова - такой же старой, но ещё крепкой «Ниве» с наклейкой «Севастополь» на заднем стекле, - ехали Алексей и Катя. Гаврилов сидел за рулём, гордый и сосредоточенный, и всю дорогу рассказывал - он вообще любил рассказывать, а тут у него появились благодарные слушатели.

- Вот здесь, - говорил он, показывая на холм, поросший можжевельником, - здесь в сорок втором стояла наша батарея. Мой отец её защищал. А вон там, видите, старая генуэзская крепость? Ей шестьсот лет! Представляете? Шестьсот! Она ещё Колумба помнит!

Дорога вилась между холмов, поросших можжевельни-

ком, соснами и какими-то колючими кустарниками, которые цеплялись за склоны. Воздух становился всё чище, всё прозрачнее, всё ароматнее - пахло морем, хвоей, нагретой на солнце землёй и ещё чем-то неуловимым, что бывает только в Крыму. За очередным поворотом открылась Балаклавская бухта - узкая, извилистая, окружённая высокими горами, похожая на норвежский фьорд. Вода в ней была спокойной, зеркальной, и в ней отражались горы и небо. Катерки и яхты стояли у причалов, чайки кружили над водой.

- Вот это да, - прошептал Алексей, глядя на бухту. - Я и забыл, как здесь красиво.

- Я тоже, - призналась Катя. - Последний раз мы здесь были, наверное, лет десять назад. Помнишь, как ты учил меня не бояться медуз?

- Помню. Ты кричала на весь пляж.

- Ничего я не кричала!

- Кричала. «Алёша, они меня съедят!» И все отдыхающие оборачивались.

Катя шутливо стукнула брата по плечу, и они оба рассмеялись. Гаврилов, не оборачиваясь, продолжал свой бесконечный рассказ - теперь он повествовал о том, как в пятидесятых годах в Балаклаве снимали какой-то фильм про пиратов.

Они припарковались у набережной и вышли из машин. Балаклава встретила их тишиной - здесь было гораздо спокойнее, чем в Севастополе. Маленькая набережная с кафе и сувенирными лавками, рыбацкие лодки у причала, старые

дома, карабкающиеся по склонам гор. Андрейка выскочил из машины первым и замер, глядя на воду. Она была совсем близко - не на открытке, не из окна поезда, не с балкона, а прямо здесь, перед ним. Настоящая, живая, дышащая. Прозрачная, с зеленоватым оттенком, с солнечными бликами на поверхности.

- Ну, что стоишь? - Алексей подошёл, взял его за руку. - Пойдём. Ты же хотел потрогать море. Вот оно.

Они спустились на пляж - небольшой, уютный, усыпанный не песком, а мелкой гладкой галькой, которую волны обточили за тысячи лет. Андрейка осторожно, словно боясь обжечься, наклонился и коснулся воды кончиком пальца. Вода была прохладной, но не холодной - октябрь в Крыму ещё тёплый. Он отдёрнул руку, посмотрел на отца, словно спрашивая разрешения, потом снова опустил палец в воду. Потом - всю ладонь. Потом зашёл по щиколотку, зажмурившись от удовольствия.

, она мокрая! - объявил он с таким изумлением, словно сделал величайшее открытие в истории человечества.

- Конечно мокрая, - засмеялся Алексей, это же море. Оно всегда мокрое. Его так и называют - море.

и солёная! - Андрейка лизнул палец и сморщился. - Я попробовал!

- Правильно. Море всегда солёное. Потому что в нём соль.

- Откуда?

- Из земли. Из рек. Очень долго объяснять. Потом расска-

жу.

Они провели на пляже весь день. Андрейка купался - заходил в воду по пояс, плескался, визжал от восторга, когда волна окатывала его с головой. Он строил замки из гальки - высокие, причудливые, и тут же разрушал их, когда набегала волна. Он бегал за чайками, которые с криком взлетали при его приближении и садились чуть дальше. Он собирал ракушки - маленькие, белые, перламутровые, и складывал их в карман, чтобы показать бабушке.

Лена, которая никогда не видела Чёрного моря - только Азовское, серое и мелкое, да и то один раз, - стояла по колено в воде и просто смотрела на горизонт. На её лице была улыбка - тихая, спокойная, умиротворённая. Алексей смотрел на неё и думал: «Вот оно. Вот ради чего всё было. Ради этой минуты. Ради этой улыбки. Ради того, чтобы она увидела море». Он подошёл, обнял её за плечи.

- Нравится? - спросил он.

- Очень, - ответила она. - Я даже не представляла, что оно такое. На открытках оно не такое. Оно... живое.

- Живое. Самое живое, что есть на свете.

- Спасибо тебе.

- За что?

- За то, что привёз меня сюда. За то, что мы выжили. За всё.

Андрей и Анна сидели на берегу, на старом клетчатом пледе, который Анна предусмотрительно захватила из дома.

Они смотрели, как их внук играет с морем, как их сын обнимает жену, как их дочь фотографирует всё это на телефон. Им было хорошо. Им было спокойно. Они дождались.

- Знаешь, - сказал Андрей, - я, наверное, самый счастливый человек на свете.

- Ты это уже говорил, - Анна улыбнулась.

и ещё раз скажу. Потому что это правда. У меня есть ты. У меня есть дети. У меня есть внук. Я построил мост. Что ещё нужно?

- Ничего. Больше ничего.

Гаврилов, как и обещал, нашёл своего знакомого рыбака - древнего старика по имени Василь, который сидел на причале и чинил сети. Они обнялись, как старые друзья, хотя, судя по разговору, не виделись лет двадцать. Василь продал им целый пакет свежей барабульки - серебристой, ещё трепещущей, и даже дал в придачу несколько кефалей, сказав: «Для гостей с большой земли. Угощайтесь».

- Вечером зажарим! - объявил Гаврилов, потрясая пакетом. - На костре!, как в старые добрые времена! Я лично займусь! Я, между прочим, лучший повар на всём Черноморском флоте! Меня сам адмирал хвалил!

- Адмирал тебя хвалил за другое, - усмехнулся Андрей. - За то, что ты ему самогонку гнал.

, это клевета! - возмутился Гаврилов. - Я не гнал! Я только сырьё поставлял!

Все засмеялись. Даже Андрейка, который не понял шут-

ки, засмеялся за компанию.

Вечером они действительно развели костёр - прямо на берегу, в специально отведённом для этого месте, с разрешения местного сторожа. Гаврилов, как и обещал, взял на себя роль шеф-повара. Он ловко чистил рыбу, нанизывал её на шампуры, посыпал специями, которые привёз с собой в маленьком мешочке. Рыба жарилась на углях, и над пляжем плыл такой аромат, что у всех текли слюнки.

Они сидели вокруг костра - одна большая, дружная семья. Ели рыбу, которая таяла во рту, пекли картошку в углях, завернув её в фольгу, пили вино из пластиковых стаканчиков. Андрей произнёс тост - короткий, но ёмкий: «За семью. За то, что мы вместе». Все выпили.

Андрейка, уставший за день, спал на руках у матери, завернувшись в плед. Медведь лежал рядом - он тоже «купался» в море и теперь «отдыхал». Море было спокойным, чёрным, и в нём отражались звёзды - тысячи звёзд, которые были особенно яркими вдали от городских огней. Где-то в темноте плескалась рыба. Где-то кричала ночная птица. Где-то далеко, на рейде, мигал маяк.

Катя смотрела на всё это - на своих родителей, которые сидели, обнявшись, на брата, который гладил жену по голове, на спящего племянника, на смешного Гаврилова, который рассказывал очередную байку, и думала о том, как странно устроена жизнь. Ещё четыре года назад она стояла на Майдане и кричала лозунги, веря в простые истины. Ещё два го-

да назад она ехала через фронт, рискуя жизнью, чтобы увидеть брата. Ещё год назад её газету закрыли, а её саму вызывали на допрос. А теперь - вот. Семья вместе. Море. Звёзды и тишина. Настоящая, мирная, глубокая тишина. Тишина, за которую было заплачено так дорого.

Поздно вечером, когда костёр догорел и угли подёрнулись седым пеплом, а все начали собираться домой, Алексей отошёл на край старого деревянного пирса, уходящего в море, и долго стоял один, глядя в темноту. Он думал о тех, кто не дожил до этого дня. О Степане, который погиб под Славянском в первом же бою. О дяде Мише, санитаре, который был убит под Иловайском, когда вытаскивал раненого. О молодом пулемётчике из Макеевки, имени которого он так и не узнал. О десятках других, чьи имена были записаны в его блокноте. Все они мечтали о мире. Все они хотели увидеть своих детей на этом берегу. Не дожили.

К нему подошла Катя. Она знала, о чём он думает. Она всегда знала.

- О чём думаешь? - спросила она, хотя уже знала ответ.

- О тех, кто не дожил. О Степане, о дяде Мише, о других. Их было больше сорока. Я записывал каждое имя, чтобы не забыть. Они тоже мечтали о море. Тоже хотели увидеть своих детей на этом берегу. Не дожили.

- Они здесь, - сказала Катя тихо. - Пока мы их помним - они здесь. С нами. Ты расскажешь о них Андрейке. Я напишу о них в своём репортаже. Мама будет молиться за них в

церкви. Папа поставит свечку. Они не забыты.

Алексей кивнул. Он достал из кармана свой старый, потрёпанный блокнот - тот самый, в который записывал имена погибших все эти годы. Некоторые страницы были залиты кровью, некоторые - водой, некоторые - слезами. Он перелистал его, пробежал глазами по именам. Каждое имя - судьба. Каждое имя - боль. Каждое имя - память.

- Я хочу их отпустить, - сказал он. - Не забыть - отпустить. Чтобы они уплыли в море. Чтобы им было спокойно.

Он аккуратно вырвал одну страницу из блокнота - ту, где были записаны самые первые имена, самые первые потери. Сложил из неё бумажный кораблик - так, как учил его отец в детстве, когда они вместе запускали кораблики с Графской пристани. Кораблик получился немного кривым - Алексей давно не практиковался, но вполне узнаваемым.

Он наклонился и осторожно опустил его на воду. Кораблик покачался на волнах, словно раздумывая, а потом поплыл в темноту, туда, где море сливалось с небом, где не было видно горизонта, где реальность переходила в вечность.

, это им, - сказал он. - Пусть плывут. Пусть увидят море.

Катя взяла его за руку. Они стояли вдвоём на пирсе и смотрели, как кораблик исчезает в темноте, становится всё меньше и меньше, пока не превращается в крошечную точку, а потом и вовсе пропадает из виду.

- Мы будем их помнить, - сказала Катя. - Всегда.

- Всегда, - повторил Алексей.

Они ещё постояли немного, глядя в темноту. Море было спокойным, и звёзды отражались в нём, как в зеркале. Где-то за их спинами, на берегу, Гаврилов тушил костёр, ворча себе под нос. Андрей и Анна складывали вещи в машину. Лена укачивала Андрейку, который так и не проснулся. Семья собиралась домой.

И всё было правильно.

Катя достала телефон и сделала снимок - всю семью на балконе, на фоне заката. Этот снимок она потом отправит Ярине и скажет: «Вот. Мы вместе. Мы дождались».

- Знаешь, батя, - сказал Алексей, глядя на море, - когда я был там, на войне, я часто представлял себе этот момент. Вот этот балкон. Это море. Вас всех рядом и это помогало мне держаться. Помогало не сдаваться. Помогало верить.

- Я знаю, - ответил Андрей. - Я тоже представлял. Когда строил мост. Когда работал по двенадцать часов, когда ветер сбивал с ног, когда казалось, что ничего не получится. Я думал: «Вот достроим мост, и мы все соберёмся вместе. Сын вернётся с войны, дочь приедет из Киева, внук увидит море» и вот - собрались.

- Мы все этого ждали, - сказала Анна. - Все эти годы. Ждали и верили и дождались.

Андрейка, который до этого тихо сидел на коленях у деда, вдруг поднял голову и сказал:

- Деда, а знаешь что?

- Что, внучек?

- Я тоже буду строить мосты., как ты. Когда вырасту. Чтобы люди могли ездить друг к другу. Чтобы не было войны.

Все замолчали. Андрей смотрел на внука и чувствовал, как к горлу подкатывает ком.

- Правильно, Андрейка, - сказал он наконец. - Строй мосты. Всегда строй мосты. Это самое важное.

Они сидели на балконе, пока не стемнело совсем. Море было чёрным, спокойным, и в нём отражались тысячи звёзд. Где-то далеко, на рейде, мигали сигнальные огни кораблей. Город засыпал. Семья была вместе.

Часть 7. Разговоры на кухне

Севастополь, октябрь 2018 года. Корабельная сторона.

Вечер. За окнами шумело море - спокойно, ритмично, убаюкивающе. Волны с мерным шорохом накатывали на берег и отступали, и этот звук, знакомый с детства, был лучшей музыкой для всех, кто сидел сейчас за столом. В доме на Корабельной стороне горел мягкий жёлтый свет, и из открытых окон тянуло прохладным октябрьским воздухом, пахнущим солью, водорослями и приближающейся осенью. Андрейка уже спал в комнате, которую Катя уступила ему на время своего пребывания, - для неё поставили раскладушку в гостиной, но она не жаловалась. Лена перед сном читала сыну книгу о морских приключениях - старую, потрёпанную, с пожелтевшими страницами, которую нашла в шкафу среди других книг, оставшихся ещё от деда Захара. Книга называ-

лась «Путешествие на дно моря», и Андрейка, засыпая, видел во сне подводные лодки, китов и сокровища.

А на кухне собрались Андрей, Анна, Алексей и Катя. Впервые за долгие, бесконечно долгие годы они могли просто сидеть и разговаривать, никуда не спеша, не боясь обстрелов, не думая о войне, не вздрагивая от каждого телефонного звонка. Это было так непривычно, так странно, что иногда они замолкали и просто смотрели друг на друга, словно проверяя - не сон ли это, не мираж ли.

На столе, покрытом старой, но чистой льняной скатертью, стояли чашки с горячим чаем, заваренным с мятой и чабрецом, который Анна собирала летом в крымских горах. В центре стола красовались остатки яблочного пирога - того самого, фирменного, семейного, рецепт которого передавался от матери к дочери. Пирог был почти съеден, но Анна готова была испечь ещё, она вообще была готова печь пироги круглосуточно, лишь бы все сидели за этим столом. В углу тихо работал старый телевизор «Горизонт», но никто не смотрел его - он был просто фоном, привычным шумом, как и море за окном. Свет настольной лампы мягко освещал лица, и в этом свете они казались моложе, спокойнее, чем были на самом деле.

- Расскажи про Донецк, - попросила Анна, глядя на сына поверх чашки с чаем. -, как там сейчас? Что говорят люди? Как город?

Алексей задумался, подбирая слова. Он отпил чай, по-

смотрел в окно, где в темноте угадывались очертания бухты и мигали далёкие сигнальные огни кораблей. Его лицо, освещённое лампой, было спокойным, но в глазах таилась та особая глубина, которая появляется у людей, слишком много видевших.

- Тихо, - сказал он наконец. - Уже месяц, как тихо. Обстрелы прекратились - все, даже снайперы перестали работать. Войска отводят от линии соприкосновения и наши, и украинские. Люди возвращаются - те, кто уезжал в эвакуацию. Открываются магазины, школы, больницы. Трамваи снова ходят - ты представляешь, мам, трамваи! Мы так отвыкли от этого звука, что первые дни выходили на улицу специально послушать. Жизнь налаживается. Но...

- Что «но»? - спросил Андрей, подаваясь вперёд.

Но люди боятся. Все боятся. Слишком много было лжи за эти годы. Слишком много ложных перемирий, которые заканчивались новыми боями, новой кровью, новыми смертями. Помнишь, батя, Минские соглашения? Первое, второе? Каждый раз говорили: «Вот теперь точно мир» и каждый раз обманывали. Люди не верят, что это навсегда. Они ждут, что завтра, через неделю, через месяц опять начнут стрелять. Они боятся радоваться. Боятся надеяться. Это, наверное, самое страшное - когда у человека отнимают способность надеяться.

, это пройдёт, - сказал Андрей, и его голос звучал уверенно, как всегда, когда он говорил о важном. - Со временем.

Не сразу, не за месяц, может, даже не за год, но пройдёт. Мы тоже не сразу поверили, что Крым вернулся в Россию. Помнишь, Аня, как мы ходили по улицам и оглядывались? Всё ждали - а вдруг украинские войска вернутся? А вдруг провокация? А вдруг всё это сон?, но ничего не случилось. Крым стал Россией и здесь будет так же.

- Дай Бог, - Алексей кивнул. - Я очень на это надеюсь. Потому что люди устали. Понимаешь, батя, они устали так, что уже ничего не хотят - только тишины. Только чтобы не стреляли. Только чтобы дети могли ходить в школу, не прячась в подвалы. Чтобы можно было выйти на улицу и не бояться, что в тебя попадёт снаряд. Это такая простая мечта, но за неё пришлось заплатить так дорого.

Катя сидела молча, обхватив чашку обеими руками, и слушала брата. Она вспоминала свою поездку в Донецк - декабрь четырнадцатого, холод, страх, блокпосты, «серую зону», где на обочине стоял сгоревший автобус с табличкой «Осторожно, мины». Вспоминала, как увидела Алёшу на ступеньках штаба - осунувшегося, с сединой на висках, с автоматом за спиной, с шрамом на скуле., как они обнялись посреди площади, под моросящим снегом., как сидели у тёти Веры, пили чай из оббитых кружек и говорили, говорили, говорили - обо всём, что накопилось за полтора года молчания.

- А ты помнишь, как я приезжала к тебе в Донецк? - спросила она, прерывая молчание.

- Помню, - Алексей улыбнулся, и его лицо на мгновение стало почти мальчишеским, как в детстве. - Ты тогда чуть с ума не сошла от страха. Всю дорогу тряслась. А я чуть с ума не сошёл от радости. Витька, помню, прибежал: «Бондарь, там к тебе сестра!» Я не поверил. Думал, шутит. А потом вышел на площадь и увидел тебя.

- Я думала, ты меня прогонишь, - призналась Катя. - После всего, что я тебе наговорила. После того, как я называла тебя предателем. Я думала, ты меня ненавидишь.

- Я никогда тебя не ненавидел. Я просто не понимал, почему ты не хочешь нас знать, но я знал, что ты приедешь. Знал, что рано или поздно ты переступишь через всё это и приедешь.

- А теперь? - спросила Катя. - Теперь понимаешь, почему я тогда... была такой?

- Теперь понимаю. Ты была ребёнком. Тебе заморочили голову - школа, телевизор, Майдан. Ты не виновата. Никто не виноват. Просто так сложилось.

- Я рада, что всё закончилось, - сказала Катя. - Рада, что мы снова вместе.

Они замолчали. Анна смотрела на них - на своих детей, которые когда-то были по разные стороны баррикад, а теперь сидели рядом, пили чай и улыбались друг другу. Она вспомнила, как всё начиналось., как Катя кричала в трубку: «Ты мне не мать! Ты предательница!», как Алёша ушёл в ополчение и прислал первое письмо: «Мама, папа, я в ополчении.

Так надо. Не волнуйтесь»., как она молилась за них обоих - за сына, который воевал, и за дочь, которая потерялась в киевском тумане., как она ставила свечки в церкви - за каждого, за всех., как она ждала писем, звонков, вестей., как она научилась жить с этой болью - болью матери, чьи дети оказались по разные стороны фронта.

- Я так боялась за вас, - сказала она тихо, и её голос дрогнул. - За обоих. Каждый день. Каждую ночь. Я молилась, чтобы вы выжили. Чтобы вы встретились. Чтобы вы снова стали братом и сестрой. Я не знала, доживу ли до этого дня и вот - дожила.

- Мы всегда были братом и сестрой, - сказала Катя, беря мать за руку. - Даже когда ругались. Даже когда не разговаривали. Даже когда были по разные стороны фронта. Просто мы этого не знали. Или не хотели знать.

- А теперь знаете? - спросила Анна.

- Теперь знаем.

Андрей слушал этот разговор и думал о том, как всё переплелось в их семье. Крым, Россия, Украина, война, мир. Его сын воевал за Донбасс - прошёл через Славянск, Иловайск, Дебальцево, был ранен, контужен, похоронил друзей. Его дочь писала правду в Киеве - её газету закрыли, её вызывали на допрос, ей угрожали. Его жена учила студентов в Симферополе - строила мост между культурами, между русскими и украинцами, между теми, кто остался в Крыму, и теми, кто уехал. Он сам строил мост через Керченский про-

лив - настоящий, из бетона и стали, который теперь соединял берега. Все они были разными, но все они делали одно дело. Строили мосты. Каждый по-своему. Каждый на своём месте.

- Знаете, - сказал он, отставляя чашку, - я тут подумал. Мы все - строители. Каждый по-своему. Алёша строит мир на Донбассе - после войны это самое трудное, труднее, чем воевать. Катя строит правду в журналистике - каждым своим репортажем, каждым выпуском вашего канала. Анна строит понимание между людьми - своими лекциями, своими разговорами со студентами. Я строил мост. Мы - одна семья и мы делаем одно дело.

- Строим мосты, - подхватила Катя, и её глаза загорелись. -, как дед Захар говорил: «Бочка, она, как держава. Рассыхается медленно, а собирается быстро. Клёпка к клёпке, обруч к обручу. Главное - чтобы мастер был хороший».

- Именно, - Андрей кивнул, и в его глазах мелькнула гордость. - Дед Захар был мудрым человеком. Он понимал то, что многие не понимают до сих пор. Что всё в жизни -, как бочка. Семья, страна, мир - всё держится на клёпках и обручах. Если одна клёпка выпадет - всё развалится. Если обруч ослабнет - даст течь. А если всё пригнано правильно - будет стоять вечно.

- Жаль, что он не дожил до этого дня, - сказал Алексей. - Он бы порадовался. Увидел бы, что мы все вместе. Что мост построен. Что война кончилась.

- Он здесь, - сказала Анна, и её голос был спокойным и

уверенным. - Он всегда здесь. Пока мы его помним - он с нами и он видит нас и радуется.

На несколько минут воцарилась тишина. Каждый думал о своём - о прошлом, о настоящем, о будущем. За окном всё так же шумело море. В доме напротив зажглись окна - соседи возвращались с работы, садились ужинать, включали телевизоры. Обычная мирная жизнь.

В кухню вошла Лена, закончившая укладывать Андрейку. Она была в старой вязаной кофте и домашних тапочках, волосы собраны в небрежный пучок. Выглядела она уставшей, но счастливой.

- Уснул, - сказала она, присаживаясь за стол. - С медведем и с ракушками, которые собрал в Балаклаве. Положил их под подушку - говорит, это его сокровища.

- Правильно, - улыбнулся Андрей. - Моряк должен спать с сокровищами. Чтобы снились хорошие сны.

- Он спросил перед сном, - продолжала Лена, принимая от Анны чашку с чаем, - когда мы поедем к дедушке на мост. Говорит: «Я хочу посмотреть, как деда строил мост. Я тоже хочу быть строителем».

- Обязательно поедем, - сказал Андрей. - Завтра и поедем. Покажу ему каждый пролёт. Каждую опору. Расскажу, как мы работали. Пусть знает, что его дед не просто так прожил жизнь.

- Он будет гордиться, - сказал Алексей. - Он уже гордится. Ты бы слышал, как он рассказывал про тебя в Донецке. «Мой

деда - самый сильный. Он строил мост». Все соседи знали.

- Да, - подтвердила Лена. - Он всем рассказывал и тёте Вере, и Витьке, и даже Деду. Дед, кстати, просил передать тебе привет и сказать, что ты - герой. Он вообще редко такое говорит, но тут сказал.

- Спасибо, - Андрей кивнул, и в его глазах что-то блеснуло. - Передай ему, что я его помню и что он тоже герой. Все, кто прошёл эту войну, - герои.

Они говорили ещё долго - о прошлом, о настоящем, о будущем. О том, что будут делать, когда война окончательно закончится. О том, где будут жить - вернутся ли в Донецк или останутся в Севастополе. О том, что Андрейка пойдёт в школу. О том, что надо бы починить мастерскую - вон ту бочку, что стоит у стены, так и не законченную. О том, что Катя хочет написать книгу - о своей семье, о войне, о мосте. Обо всём.

- Книгу? - переспросил Андрей. - О нас?

- Да, - Катя кивнула. - Обо всех нас. О том, как мы жили эти годы. О том, как мы строили мосты. О том, как мы остались семьёй, несмотря ни на что. Я давно об этом думаю. Ещё с тех пор, как мы с Яриной запустили канал. Люди пишут - им интересно. Они хотят знать, как обычная семья пережила всё это.

, это будет хорошая книга, - сказала Анна. - Честная. Настоящая., как все твои репортажи.

- Я напишу её, - сказала Катя. - Обязательно напишу. Для

вас. Для Алёши. Для Андрейки - чтобы он, когда вырастет, знал, через что прошла его семья и для всех, кто хочет понять, что такое война и что такое мир.

За окнами шумело море. В доме горел свет. Семья была вместе.

Часть 8. Мост и внук

Керченский пролив, октябрь 2018 года.

Андрей сдержал обещание. На следующий день после того долгого, душевного разговора на кухне, когда они просидели далеко за полночь, он объявил, что пора показать Андрейке мост - тот самый, который он строил почти три года. «Пусть увидит своими глазами, - сказал он, и в его голосе звучала та особая, с трудом сдерживаемая гордость, которая бывает только у людей, сделавших что-то по-настоящему великое. - Пусть знает, что его дед не просто так прожил жизнь. Пусть запомнит этот день навсегда».

Решили ехать всей семьёй - Андрей, Анна, Алексей, Лена, Катя и, конечно, сам Андрейка. Гаврилов тоже напросился - сказал, что хочет ещё раз проехать по мосту, теперь уже с внуком своего лучшего друга. «Я, между прочим, ждал этого моста семьдесят лет! - заявил он, размахивая своей неизменной палкой. - Семьдесят! Ещё когда пацаном был, с отцом на переправе стоял! Имею полное право! И не спорьте со мной!»

Никто и не спорил. Гаврилов давно стал членом семьи - чудаковатым, шумным, но бесконечно родным. Он был ча-

стью их жизни, частью их истории, и они не представляли себе эту поездку без него.

Выехали рано утром, когда солнце только начинало подниматься над бухтой, окрашивая небо в нежные розовые и золотые тона. На двух машинах - Андрей, как всегда, вёл свой старенький «жигулёнок», в котором, кроме него, сидели Анна, Лена и Андрейка. За ними, на машине Гаврилова - такой же старой, но ещё крепкой «Ниве» с облупившейся краской и наклейкой «Севастополь» на заднем стекле, - ехали Алексей, Катя и сам Гаврилов.

Дорога вилась между холмов, поросших можжевельником, соснами и какими-то колючими кустарниками. За окнами проплывали виноградники, белые домики посёлков, синие бухты, которые то появлялись, то исчезали за поворотами. Воздух был чистым, прозрачным, пахнущим морем, хвоей и осенней листвой.

Андрейка, который ехал в первой машине, прилип к окну и смотрел во все глаза. Он уже провёл в Крыму несколько дней, но каждый новый пейзаж всё равно вызывал у него восторг. В Донецке, где он прожил всю свою короткую жизнь, не было ничего подобного - ни этих гор, ни этих бухт, ни этого простора. Он задавал бесконечные вопросы, и Анна с Леной терпеливо отвечали.

- Бабушка, а почему горы такие зелёные?

- Потому что там растут деревья, внучек. Сосны, можжевельник, кипарисы.

- А почему море синее?

- Потому что в нём отражается небо.

- А почему небо синее?

, это сложный вопрос, - смеялась Анна. - Спроси у дедушки. Он у нас всё знает.

Андрей, не отрываясь от дороги, улыбался. Он слышал эти вопросы, эти звонкие детские голоса, и они наполняли его сердце теплом. Он ждал этого дня четыре с половиной года - дня, когда его внук будет сидеть в его машине и задавать вопросы и вот этот день настал.

Гаврилов, который ехал во второй машине, говорил без умолку. Он был из тех людей, которые не выносят тишины и заполняют её словами - иногда глубокими, иногда пустыми, но всегда искренними. Сегодня он вспоминал своё детство.

- Мне было, наверное, лет восемь, - рассказывал он, ловко объезжая яму на дороге. - Отец взял меня с собой на рыбалку. Мы поехали на Керченскую переправу - тогда, в сорок шестом, это было целое приключение! Паром был деревянный, старый, ещё довоенный. Очередь - на несколько километров. Люди стояли часами, ждали, пока погрузят машины, пока переправят, пока разгрузят. Я сидел в кузове нашего старого «газика» и смотрел на пролив и спросил отца: «Пап, а почему нет моста?» А он ответил: «Потому что это очень трудно, но когда-нибудь построят. Когда страна станет сильной».

и вот - страна стала сильной, - сказал Алексей, глядя в

окно на проплывающий пейзаж и мост построен.

- Вот именно! - Гаврилов даже руль на мгновение отпустил, чтобы поднять палец вверх. - Построен! И ты, Петрович, его строил! А теперь твой внук его увидит! Это же история! Живая история! Мы с вами в учебники попадём!

- Вряд ли в учебники, - усмехнулся Алексей, но для нас это история. Семейная.

- Семейная история - самая важная! - отрезал Гаврилов. - Что там учебники? Учебники переписывают каждые десять лет. А семья, она навсегда.

Через два с половиной часа они подъехали к мосту. Дорога шла вдоль берега, и мост появился внезапно - огромный, величественный, протянувшийся через пролив, как гигантский стальной дракон. Солнце уже поднялось высоко и отражалось в воде тысячами бликов. Белые чайки кружили над опорами. По мосту ехали машины - обычные, гражданские, и этот вид, такой привычный для всех остальных, для Андрея был лучшей наградой.

Андрей специально остановил машину на смотровой площадке - той самой, откуда он впервые увидел стройку три года назад, в сентябре пятнадцатого. Тогда здесь были только геодезисты с треногами, временные вагончики и первые пробные сваи. Теперь здесь была благоустроенная площадка с лавочками, информационными щитами и биноклями для обзора.

Все вышли из машин. Андрейка спрыгнул на землю и за-

мер, глядя на гигантское сооружение, протянувшееся через пролив. Мост был огромным, величественным, и казался почти нереальным. Ветер трепал его светлые волосы, солнце отражалось в серых глазах.

- Вот это да, - прошептал он. - Деда, это ты построил?

Андрей присел на корточки, чтобы быть с внуком одного роста. Его старые колени хрустнули, но он не обратил на это внимания. Он смотрел на Андрейку - на его лицо, на его глаза, и видел в них себя. Себя много лет назад, когда он сам стоял на этом берегу и смотрел на пролив.

- Не я один, внучек. Нас было много - тысячи людей. Инженеры, которые придумали, как это сделать. Крановщики, которые поднимали пролёты. Сварщики, которые соединяли металл. Бетонщики, которые заливали опоры. Я был плотником - делал деревянную опалубку для бетона. Понимаешь, что это значит?

- Нет, - честно ответил Андрейка. - А что это?

, это значит, что я делал формы, в которые потом заливали бетон. Представь: ты хочешь испечь печенье в форме звезды. Ты делаешь формочку, кладёшь в неё тесто, и получается звезда. Так и здесь. Я делал деревянные формы, а потом в них заливали бетон. Когда бетон застывал, формы снимали, и оставалась готовая опора. Понимаешь?

- Теперь понимаю, - Андрейка кивнул, и его глаза загорелись. - Ты делал формочки для моста!, как для печенья!

- Точно! - Андрей рассмеялся, и его смех подхватили все

остальные. -, как для печенья. Только печенье было из бетона, а не из теста и формочки были огромные - выше человеческого роста.

- А можно мы по нему проедем? По мосту?

- Конечно. Мы для того и приехали.

Они сели в машины и поехали по мосту. Это было удивительное чувство - ехать над водой, видеть слева и справа бескрайний пролив, чувствовать под колёсами ровный, гладкий асфальт. Андрейка сидел у окна и считал пролёты вслух: «Один, два, три, четыре, пять, шесть...», но быстро сбился. Пролётов было слишком много - десятки, сотни, целая цепочка, уходящая к горизонту. Мост был слишком длинным, слишком огромным для его детского восприятия.

- Мама, смотри! - кричал он. - Вода везде! Мы едем по воде!

, это мост, сынок, - улыбалась Лена. - Он над водой.

-, как корабль?

-, как корабль. Только он стоит на месте.

Андрейка смотрел на воду, которая простиралась повсюду, на чаек, которые кружили над волнами, на далёкие корабли, которые казались игрушечными с такой высоты, и его серые глаза сияли от восторга. Он никогда не видел ничего подобного. В Донецке не было ни моря, ни мостов - только разрушенные дома, воронки от снарядов и серая степь.

- Деда, а страшно было строить? - спросил он, не отрываясь от окна.

- Иногда - страшно, - честно ответил Андрей. - Когда был сильный шторм, и ветер сбивал с ног. Или когда работали на высоте, над самой водой, и нужно было идти по узкой балке. Или когда поднимали пролёт, а он весил сотни тонн, и все боялись, что тросы не выдержат, но мы справлялись. Потому что знали: это нужно. Это важно. Это для людей.

- А зачем ты это делал? Зачем нужен мост?

- Чтобы люди могли ездить друг к другу. Раньше, до моста, чтобы попасть из Крыма в Россию или обратно, нужно было ждать паром. Иногда - часами. Иногда - сутками, если был шторм. А в сильный шторм паром вообще не ходил, и люди не могли попасть домой. Теперь - сел в машину и поехал. Быстро, удобно, в любое время, в любую погоду.

и мы теперь можем приезжать к тебе?

- Теперь можете. Хоть каждый месяц. Хоть каждую неделю.

Андрейка задумался. Он смотрел на мост, на воду, на чаек, и в его голове, видимо, складывалась какая-то картина. Он хмурил брови - совсем, как дед, когда тот думал, и молчал. Все ждали, что он скажет.

- Значит, мост, это чтобы люди не были одни, - сказал он наконец. - Чтобы они могли видеться., как мы. Чтобы никто не был один.

Андрей переглянулся с Анной. Она сидела на заднем сиденье, и её глаза были влажными. Лена смотрела на сына с гордостью. Алексей, который ехал во второй машине и не

слышал этого разговора, потом узнает о нём и тоже будет гордиться.

- Да, внучек, - сказал Андрей, и его голос дрогнул. - Именно так. Мост, это чтобы люди не были одни. Ты всё правильно понял.

Они проехали мост до конца, до таманского берега. Там Андрей показал место, где начиналась стройка, где стояли первые вагончики, где он когда-то пришёл к Сергеичу просить работу. От вагончиков уже ничего не осталось - их убрали, и теперь здесь была просто ровная площадка с несколькими хозяйственными постройками, но Андрей помнил каждый уголок. Каждый камень. Каждый запах.

- Вот здесь я стоял, - сказал он, показывая на пустое место. - Три года назад. Пришёл, постучал в дверь. Сергеич, прораб, спросил: «Чего хотел?» А я ответил: «Работу».

и тебя взяли? - спросил Андрейка.

- Взяли. Не сразу - сначала не хотели. Говорили: «Старый ты для такой работы. Тут молодые не выдерживают», но я их убедил.

- Как?

- Сказал: «Я подводник. Тридцать лет на флоте. Мы привыкли к нагрузкам. Дайте попробовать - если не справлюсь, сам уйду».

и ты справился.

- Справился и стал бригадиром и научил многих молодых ребят работать с деревом.

Андрейка посмотрел на деда с уважением. Потом перевёл взгляд на мост, который сиял в лучах солнца, и вдруг сказал - тихо, но твёрдо:

- Я тоже буду строить мосты. Когда вырасту. Чтобы люди могли ездить друг к другу. Чтобы не было войны. Чтобы все были вместе.

Все замолчали. Андрей стоял, глядя на внука, и чувствовал, как к горлу подкатывает ком. Анна вытирала слёзы, она уже и не пыталась их скрывать. Алексей положил руку на плечо сына и молчал, но в его глазах была гордость. Катя, которая снимала всё это на телефон, замерла на мгновение, а потом продолжила снимать, она знала, что эти кадры войдут в их фильм, в их историю. Лена обняла мужа и сына, и по её щекам тоже текли слёзы. Даже Гаврилов, старый, видавший виды мичман, отвернулся и сморкался в платок, делая вид, что это просто ветер.

- Правильно, внучек, - сказал Андрей наконец, и его голос дрожал от сдерживаемых чувств. - Строй мосты. Всегда строй мосты. Это самое важное, что может делать человек. Не стены - мосты. Понимаешь? Мосты соединяют. А стены разделяют. Запомни это.

- Запомню, - пообещал Андрейка.

Они развернулись и поехали обратно. На середине моста, где была оборудована ещё одна смотровая площадка, Андрей остановил машину. Они вышли, подошли к перилам. Вода была далеко внизу - синяя, спокойная, бескрайняя. Ве-

тер трепал волосы, и чайки кричали над головой. Солнце клонилось к закату, окрашивая небо в золотые и розовые тона, и мост отбрасывал длинную тень на воду.

Андрей стоял, опираясь на перила, и смотрел на пролив. Андрейка стоял рядом - маленький мальчик, которому ещё не исполнилось и пяти лет. Дед и внук. Строитель и будущий строитель. Между ними была разница в шестьдесят с лишним лет, но сейчас, на этом мосту, они были равны. Два человека, которые смотрели в будущее.

- Знаешь, Андрейка, - сказал Андрей, глядя на пролив, - когда я был таким, как ты, я стоял на этом берегу с моим отцом. С твоим прадедом Петром и спрашивал его: «Папа, почему нет моста?» А он отвечал: «Когда-нибудь построят. Когда придёт время. Когда страна станет сильной» и вот - время пришло. Страна стала сильной, и я его построил. Своими руками. А теперь ты стоишь здесь. И, может быть, когда-нибудь ты приведёшь сюда своего сына, или внука, или просто человека, которого любишь, и скажешь: «Этот мост строил твой прадед. Андрей Петрович Бондаренко. Простой плотник из Севастополя. Мой дед».

Андрейка посмотрел на деда, потом на мост, потом снова на деда. В его серых глазах - бондаренковских глазах, глазах Захара, Петра, Андрея, Алексея, - светилось что-то, чего Андрей никогда раньше не видел. Гордость. Решимость. Мечта. Наследственность. Сама история их семьи, передаваемая из поколения в поколение.

- Я запомню, - сказал он тихо, но твёрдо. - Я запомню, деда и приведу сюда своего сына и расскажу ему про тебя и про прадеда, и про всех.

Андрей обнял внука. Ветер трепал их волосы - седые, почти белые, и светлые, льняные. Чайки кричали над головой. Мост стоял под их ногами - прочный, незыблемый, построенный на века и где-то там, на горизонте, садилось солнце, обещая новый день.

Мост был построен. Мост стоял и будет стоять. Всегда.

Часть 9. Катя и Ярина

Севастополь, октябрь 2018 года. Набережная.

Катя сидела на скамейке на Приморском бульваре, глядя на море, и разговаривала по телефону с Яриной. Подруга звонила из Киева - спрашивала, как дела, как семья, когда Катя вернётся. Связь была хорошей, и голос Ярины звучал так близко, словно она сидела рядом на этой же скамейке, а не находилась за сотни километров, в другом государстве, по другую сторону границы.

День был тёплым, солнечным, почти летним, хотя на календаре был уже октябрь. Море блестело, как расплавленное серебро, и лёгкий бриз шевелил волосы. Чайки кружили над бухтой, выпрашивая хлеб у прохожих. Дети бегали по набережной, смеялись, запускали воздушного змея - большого, разноцветного, похожего на дракона. Старики играли в шахматы за столиками летнего кафе. Уличный скрипач играл что-то из старого советского кино - кажется, «Мелодию»

из «Семнадцати мгновений весны». Всё было так мирно, так спокойно, так обычно, что Кате иногда казалось, она спит. Слишком долго она жила в мире, где нормой была война, а тишина - исключением.

- Ты не представляешь, что здесь творится! - рассказывала Ярина, и её голос, как всегда, был полон энергии. Она вообще была человеком-фейерверком - ярким, шумным, неугомонным. Наш канал набрал сто пятьдесят тысяч подписчиков! Сто пятьдесят, Катя! Мы думали, будет хорошо, если будет десять. А тут - сто пятьдесят! И это только начало. Люди хотят правды. Они устали от пропаганды и с той, и с этой стороны. Они устали от лозунгов, от политических ток-шоу, от новостей, в которых всё врут. Они хотят слышать настоящие истории. Человеческие. Живые. Такие, как ты рассказываешь.

, это здорово! - Катя улыбнулась, и её улыбка была искренней, широкой. - Я так рада! Жаль, что меня там нет. Я бы обняла тебя.

- Ничего, ты скоро вернёшься. Кстати, у меня есть потрясающая идея для нового выпуска. Я тут ночью не спала, всё думала, думала, думала и придумала! Слушай! Мы сделаем выпуск о твоей семье. О твоём отце - о том, как он строил Крымский мост. О твоём брате - о том, как он воевал на Донбассе. О твоей матери - о том, как она преподаёт и строит мост между культурами и о тебе - о том, как ты прошла через всё это. Это будет лучший выпуск! Самый сильный! Я даже

название придумала, ещё ночью, пока не спала: «Мост». Коротко и ясно. Одно слово., как удар молота., как выстрел.

- «Мост», - повторила Катя задумчиво, пробуя слово на вкус. - Да, это хорошее название. Очень хорошее. Папа всегда говорит, что семья, это мост. Что мы всю жизнь строили мосты.

- Вот видишь! Значит, это судьба! Ну так что? Ты согласна? Сможешь записать интервью с отцом? С братом? С мамой? Со всеми? Я хочу сделать большой выпуск - минут на сорок, а может, и на час. Чтобы люди увидели: вот она, настоящая семья. Вот они, настоящие люди. Не картинки из телевизора, а живые, дышащие, любящие.

- Смогу, - Катя кивнула, хотя Ярина не могла этого видеть. - Они тут все рядом. Мы вчера ездили на мост - я снимала. Папа показывал Андрейке, как он строил. Это было... это было волшебно, Ярина. Ты бы видела глаза Андрейки. Он сказал: «Я тоже буду строить мосты. Чтобы люди могли ездить друг к другу. Чтобы не было войны».

- Господи, - Ярина на том конце провода замолчала. - Он это сказал? В пять лет?

- В пять лет. У нас в семье все такие. Это наследственное.

- Я, кажется, сейчас заплачу. Нет, правда. У меня мурашки. Слушай, ты обязательно запиши интервью с отцом. Пусть он расскажет, как всё начиналось., как он пришёл на стройку., как работал. Что чувствовал, когда мост открыли и с братом - пусть расскажет о войне. О том, что видел. О том, как

выжил и с мамой - о её лекциях и с Андрейкой - если он согласится.

- Он согласится, - Катя усмехнулась. - Он вообще не стесняется камеры. Весь в меня.

- Вот и отлично! Тогда жду тебя в Киеве. Приезжай скорее! У нас куча работы!

- Приеду. Через несколько дней. Вот только побуду ещё немного с семьёй. Мы так редко видимся.

Она положила трубку и ещё долго сидела на скамейке, глядя на море. Солнце медленно клонилось к закату, окрашивая воду в золотые и розовые тона. Чайки всё так же кричали над бухтой. Дети всё так же бегали по набережной. Скрипач всё так же играл свою бесконечную мелодию.

Катя думала о том, как всё изменилось за эти четыре с половиной года. Ещё четыре года назад - целая вечность!, она стояла на Майдане и кричала лозунги, свято веря в то, что ей говорили по телевизору. Она была девочкой, которой заморочили голову. Она называла родителей предателями. Она не разговаривала с братом. Она жила в мире иллюзий.

Ещё два года назад она ехала через фронт, рискуя жизнью, чтобы увидеть Алёшу. Она помнила этот страх - липкий, холодный, сковывающий. Помнила блокпосты, «серую зону», сгоревший автобус с табличкой «Осторожно, мины». Помнила, как увидела брата - осунувшегося, с сединой на висках и шрамом на скуле., как они обнялись посреди площади, под моросящим снегом.

Ещё год назад её газету закрыли, а её саму вызывали на допрос в СБУ. Она помнила эту ночь - серые стены, яркий свет в глаза, бесконечные вопросы. «Кто ваш брат? Где ваши родители? Зачем вы ездили в Донецк? Кто заказал вам статью?» Она отвечала спокойно, хотя внутри всё дрожало и выдержала. Не сломалась.

А теперь у неё был свой канал, сто пятьдесят тысяч подписчиков и возможность говорить правду. Свободно. Без цензуры. Без страха и она собиралась сделать выпуск о своей семье - о людях, которые строили мосты. О людях, которые прошли через всё и остались вместе.

Она думала о родителях. Об отце - Андрее Петровиче, который строил Крымский мост. Который в шестьдесят с лишним лет пошёл работать простым плотником, чтобы быть частью чего-то великого. Который говорил: «Бочка, она, как держава. Рассыхается медленно, а собирается быстро. Главное - чтобы мастер был хороший». Который плакал, когда мост открыли.

О матери - Анне Игоревне, которая преподавала украинскую и русскую литературу в крымском университете. Которая строила мост между культурами, между языками, между людьми. Которая говорила студентам: «Культура не виновата в войне. Пушкин не виноват. Шевченко не виноват. Войну начинают политики, а расплачиваются простые люди». Которая молилась за сына и дочь все эти годы.

О брате - Алексее Андреевиче, позывной «Бондарь». Ко-

торый ушёл в ополчение в четырнадцатом, прошёл через Славянск, Иловайск, Дебальцево. Который был ранен, контужен, но выжил. Который похоронил десятки товарищей, но не ожесточился. Который запускал бумажный кораблик в море - в память о погибших. Который обнимал сына и обещал ему мир.

Она думала о том, что семья, это действительно мост. Мост, который держится на любви. Мост, который нельзя разрушить и пока этот мост стоит - всё будет хорошо.

Вечером она вернулась домой. Вся семья была в сборе - Андрей и Анна сидели на кухне, Алексей и Лена укладывали Андрейку спать, Гаврилов, как всегда, зашёл «на огонёк» и теперь рассказывал очередную историю. Катя вошла, села за стол, налила себе чаю.

- Мне сегодня Ярина звонила, - сказала она. - У нас канал набрал сто пятьдесят тысяч подписчиков.

- Сколько? - Анна всплеснула руками, это же огромная цифра!

- Огромная, - подтвердила Катя и мы хотим сделать выпуск о нашей семье. О тебе, папа. О том, как ты строил мост. О тебе, Алёша. О твоей войне. О тебе, мама. О твоих лекциях. Обо всех нас. Это будет честный рассказ. Без пропаганды. Без лозунгов. Просто история нашей семьи.

- Я согласен, - сказал Андрей. - Если это поможет людям понять...

- Я тоже, - кивнул Алексей. - О войне трудно говорить, но

нужно. Чтобы помнили.

и я, - улыбнулась Анна. - Я расскажу о своих студентах. О том, как мы строим мост между культурами.

- Я тоже хочу! - заявил Андрейка, который уже должен был спать, но тайком выбрался из комнаты. - Я расскажу про море! И про медведя! И про дедушку!

Все засмеялись. Лена подхватила сына на руки и поцеловала в макушку.

- Вот и отлично, - сказала Катя. - Тогда завтра начинаем снимать. У нас будет лучший выпуск. Самый честный. Самый настоящий.

- За семью! - поднял кружку с чаем Гаврилов. - За Бондаренко! За мосты!

- За мосты! - эхом отозвались все.

И за окнами шумело море и звёзды зажигались в небе, и семья была вместе.

Часть 10. Съёмки

Севастополь, октябрь 2018 года. Корабельная сторона.

Съёмки начались на следующее утро. Катя проснулась рано, ещё затемно, когда за окнами только начинал брезжить серый октябрьский рассвет и чайки ещё не проснулись. Она осторожно, чтобы не разбудить Лену и Андрейку, которые спали в соседней комнате, выбралась из своей раскладушки в гостиной и сразу принялась за подготовку. Она вооружилась камерой, которую накануне вечером одолжила у местного оператора - немолодого мужчины по имени Аркадий

Семёнович, который когда-то, в советские времена, работал на севастопольском телевидении, снимал репортажи о моряках и подводниках, а теперь, на пенсии, подрабатывал съёмками свадеб и корпоративов. Камера была профессиональной, но уже не новой - с потёртым корпусом, с царапинами на объективе, с слегка разболтанным штативом, который норовил сложиться в самый неподходящий момент. Однако для их целей она вполне годилась.

Катя установила штатив в гостиной, направила объектив на старое отцовское кресло - то самое, продавленное, с вытертой обивкой, которое помнило ещё деда Захара. Она долго выбирала ракурс, двигала кресло туда-сюда, проверяла свет из окна - он падал мягко, рассеянно, идеально для интервью. Разложила на журнальном столике блокнот с вопросами, которые она составила накануне ночью. Вопросов было много, она хотела охватить всё, всю историю семьи, от начала до конца.

Она была и режиссёром, и оператором, и интервьюером одновременно. Ярина, которая осталась в Киеве и не могла приехать из-за очередных проблем с пересечением границы - украинские власти снова задерживали её документы, - должна была потом смонтировать отснятый материал, добавить графику, музыку, титры, но вся творческая часть - сам разговор, атмосфера, интонация, свет, ракурс - легла на плечи Кати и она чувствовала огромную ответственность. Это был не просто очередной выпуск для их канала. Это была исто-

рия её семьи. История, которую она должна была рассказать миру.

Первым перед камерой оказался Андрей. Он сидел на своём любимом стуле, на фоне книжного шкафа, забитого старыми томами в потёртых переплётах - Пушкин, Шевченко, Гоголь, Тургенев, Толстой, Достоевский, Франко, Леся Украинка. Шкаф этот был свидетелем всей их семейной жизни, и Катя специально выбрала его, как фон. Андрей заметно нервничал - теребил край скатерти, поправлял воротник рубашки, которую Анна нагладила специально для съёмок, откашливался, поглядывал на камеру с опаской. Он, капитан второго ранга в отставке, человек, который провёл под водой годы своей жизни, который строил мост в шторм и мороз, который не боялся ни глубины, ни вражеских кораблей, - волновался перед маленькой камерой с красным огоньком записи.

- Папа, не волнуйся, - успокаивала его Катя, поправляя штатив, который опять начал крениться. - Просто расскажи, как всё было., как ты пришёл на стройку., как работал. Что чувствовал, когда мост открыли. Представь, что ты рассказываешь это Андрейке. Он же спрашивал тебя, помнишь? Ты ему рассказывал про формочки для печенья.

При упоминании внука Андрей расслабился. Его лицо, напряжённое и сосредоточенное, вдруг осветилось улыбкой - той самой, которую Катя помнила с детства. Он посмотрел на дочь, потом в объектив, и начал говорить. Сначала - немного

сбивчиво, неуверенно, подбирая слова, как будто боясь сказать что-то не то, но потом, увлёкшись, он забыл о камере, забыл о штативе, забыл о красном огоньке записи. Он просто рассказывал., как когда-то рассказывал своим детям сказки на ночь., как рассказывал внуку о море.

, это было в сентябре пятнадцатого, - начал он, и его голос постепенно обретал уверенность, становился глубже, выразительнее. - Я тогда только что вернулся из Донецка, от Алёши. Мы с мамой говорили о мосте - тогда только объявили, что его будут строить. Я слушал радио и думал: «Господи, неужели правда? Неужели построят?» И в какой-то момент я понял: я должен быть там. Должен участвовать. Я ведь всю жизнь ждал этого моста. Ещё мальчишкой, в шестидесятых, мы с отцом, с твоим дедом Петром, стояли на Керченской переправе. Паром был старый, очереди - на километры, люди стояли часами. Я сидел в нашем стареньком «Москвиче» и смотрел на пролив и спросил отца: «Папа, почему нет моста?» А он ответил: «Когда-нибудь построят. Когда придёт время. Когда страна станет сильной» и вот - время пришло. Страна стала сильной. А я сижу дома и бочки делаю. Нет, так не годится.

Он рассказывал о том, как приехал на стройку., как добирался на попутках - сначала до Керчи, потом до стройплощадки., как шёл по берегу, разыскивая прорабскую - синий вагончик с табличкой «Набор рабочих»., как постучал в дверь., как Сергеич - прораб, немолодой уже мужчина с об-

ветренным, продублённым ветрами лицом и мощными, как у кузнеца, руками, - открыл дверь и спросил: «Чего хотел?»

- Я говорю: «Работу. Я бондарь. Работаю с деревом и металлом. Руки есть, опыт есть. Хочу на мосту работать». Он посмотрел на меня - а мне тогда уже шестьдесят четыре было, - покачал головой и говорит: «Не молоденький. Тут работа тяжёлая. По двенадцать часов, в любую погоду. Молодые не выдерживают, через неделю уходят. А ты в шестьдесят четыре хочешь?» А я ему: «Я подводник. Тридцать лет на флоте. Мы привыкли к нагрузкам. Дайте попробовать - если не справлюсь, сам уйду. Без претензий». Он подумал, полистал мои документы, увидел послужной список - тридцать лет выслуги, капитан второго ранга, Северный флот, и взял. На испытательный срок. Сказал: «Две недели. Посмотрим, на что ты годен».

- и как? - спросила Катя, хотя знала ответ. Она подалась вперёд, не отрываясь от видоискателя.

- Справился, - Андрей улыбнулся, и в его глазах мелькнула гордость. - Через две недели он вызвал меня и сказал: «Остаёшься, Петрович. Ты работник хороший. Руки у тебя золотые. Я таких, как ты, за всю жизнь, может, пару раз встречал». А через год сделал бригадиром. У меня в подчинении двенадцать человек было. Молодые ребята - из Сибири, с Урала, из Краснодара, даже один парень из Владивостока приехал. Я их учил работать с деревом, с металлом, с опалубкой. Они меня уважали - не за возраст, не за былые

заслуги, а за то, что я никогда не прятался за их спины, всегда работал наравне со всеми. Если нужно - первым брался за самую тяжёлую работу.

Он рассказывал о работе - о том, как они монтировали деревянную опалубку для бетонных конструкций., как нужно было выверить каждый угол, каждый стык, каждую доску., как одна ошибка, одна неточность в миллиметр могла привести к тому, что вся конструкция пошла бы наперекосяк., как они работали в мороз - когда металл обжигал руки холодом, а ветер сбивал с ног., как работали в жару - когда солнце плавило асфальт, а от нагретого металла шёл жар., как работали в дождь и снег - потому что стройка не могла ждать, сроки были государственные.

Но мы работали, - говорил он, и его голос становился твёрже. - Потому что знали: это нужно. Это важно. Это для людей. Чтобы Крым не был островом. Чтобы каждый мог сесть в машину и поехать - в гости, на отдых, по делам. Без паромов, без очередей, без штормов. Чтобы Крым был соединён с Россией навсегда.

Катя снимала, и слёзы текли по её щекам. Она не вытирала их - пусть текут. Это были слёзы гордости. Слёзы дочери, которая только теперь, через камеру, по-настоящему поняла, что сделал её отец. Что он не просто «строил мост» - он строил историю. Он был частью чего-то великого. Частью того, что войдёт во все учебники.

- А что ты чувствовал, когда мост открыли? - спросила

она, когда пауза затянулась.

Андрей замолчал. Он смотрел куда-то мимо камеры, в окно, где виднелась бухта. Молчал долго, почти минуту. Потом сказал - тихо, с трудом, словно каждое слово давалось ему с болью:

- Я плакал. Не скрываясь. Стоял на трибуне и плакал. Потому что это было... это было, как рождение., как будто я прожил жизнь не зря., как будто я оставил что-то после себя. Не просто бочки, которые сгниют через сто лет. А мост. Настоящий мост. Который будет стоять веками. По которому будут ездить мои внуки, правнуки, праправнуки. И, может быть, кто-то из них, проезжая по этому мосту, посмотрит на пролив и скажет: «Здесь работал мой прадед. Андрей Петрович Бондаренко. Простой плотник из Севастополя» и я ради этого жил.

Катя выключила камеру, хотя хотелось снимать ещё. Она подошла к отцу, обняла его - крепко, как в детстве. Они стояли так несколько секунд - отец и дочь. Два человека, которые когда-то были по разные стороны, а теперь были вместе.

- Спасибо, папа, - сказала она, это было... это было потрясающе.

- Правда? - он смутился, вытер глаза рукавом. - Я думал, я плохо говорю. Я же не оратор. Я плотник.

- Ты говорил прекрасно. Лучше всех ораторов.

Потом перед камерой села Анна. Она была гораздо спокойнее - годы преподавания в университете, сотни лекций,

десятки публичных выступлений сделали своё дело. Она не боялась аудитории, и даже объектив камеры не смущал её. Она сидела на том же стуле, на фоне того же книжного шкафа, и говорила - ровно, спокойно, но с той глубокой, сдержанной эмоциональностью, которая всегда отличала её.

Она рассказывала о своём спецкурсе - «Русская и украинская литература: диалог культур, общие корни, перекрёстные судьбы». О том, как они с Еленой Викторовной, молодой преподавательницей из Ростова, придумали его в апреле четырнадцатого, когда всё только начиналось и никто не знал, что будет дальше., как сначала на него записались всего несколько человек - остальные боялись, не понимали, сторонились., как постепенно аудитория росла - приходили студенты, которым было интересно, которые хотели понять, а не осуждать., как однажды одна студентка - её звали Оксана, она была из Сум, с Украины, - сказала после лекции: «Анна Игоревна, вы строите мост. Между нами и теми, кто сейчас по ту сторону».

, это было самой большой наградой, - говорила Анна, глядя в объектив, и её глаза блестели. - Когда ты понимаешь, что твоя работа кому-то нужна. Что ты делаешь что-то важное. Что ты не зря прожил жизнь. Я не воюю - у меня нет оружия. Я не строю - у меня нет сил, как у Андрея, но я могу учить. Могу рассказывать. Могу объяснять и это тоже строительство. Строительство моста между культурами, между людьми, между народами. Потому что культура не виновата

в войне. Пушкин не виноват. Шевченко не виноват. Войну начинают политики, а расплачиваются за неё простые люди и наша задача - сохранить человеческое. Сохранить понимание. Сохранить любовь.

Потом настала очередь Алексея. Он долго отказывался - говорил, что не умеет, что ему нечего сказать, что о войне трудно говорить. Он предлагал вместо себя Лену - она, мол, героиня, она раненых спасала, она три медали имеет, но Катя была непреклонна.

- Ты нужен, - сказала она, глядя брату прямо в глаза. - Ты - часть этой истории. Самая важная часть. Без тебя фильм будет неполным. Это не только про мост и не только про лекции. Это про всех нас и про тебя тоже.

- Я не знаю, что говорить, - признался он, отводя глаза. - О войне... о ней трудно. Слова застревают в горле., как рассказывать о том, о чём не хочется вспоминать?

- Говори, как есть., как чувствуешь. Просто расскажи. Для тех, кто будет смотреть. Для Андрейки - он когда-нибудь вырастет и посмотрит этот фильм. Для мамы с папой. Для меня. Для всех, кто хочет понять.

И он согласился. Сел на стул - тот самый, где только что сидели родители, - сложил руки на коленях, опустил глаза. Он молчал почти минуту, и Катя уже хотела выключить камеру, подумав, что ничего не получится, но потом поняла: эта тишина - тоже часть рассказа. Это была тишина человека, который слишком много видел, и она не прерывала её.

Алексей заговорил. Тихо, медленно, подбирая слова, словно камни на берегу - каждый нужно было взвесить, прежде чем произнести.

Он рассказал о том, как ушёл в ополчение в апреле четырнадцатого., как пришёл на призывной пункт - в бывший Дом культуры, переоборудованный под штаб., как ему выдали старый автомат с потёртым прикладом и три магазина патронов., как он впервые взял оружие в руки и понял: обратного пути нет., как написал первое письмо родителям: «Мама, папа, я в ополчении. Так надо. Не волнуйтесь».

Он рассказал о первом бое под Славянском -, как дрожали руки, как он не мог попасть в цель, как рядом упал Степан, немолодой шахтёр из Макеевки, и больше не поднялся.

, это был первый, - сказал он, и его голос стал глухим. - Первый погибший на моих глазах. Я записал его имя в блокнот. Степан. Шахтёр. У него осталась внучка Оля, первоклассница. Он показывал мне её фотографию за день до боя. Говорил: «Вот, Бондарь, ради неё воюю. Чтобы она не выросла под бандеровскими флагами» и я его понимал. Я тоже воевал ради сына.

Он рассказал об Иловайске - об аде, из которого они выбрались чудом. О Дебальцево - о холоде, снеге, крови на белом. О госпитале, куда попал с осколком в плече. О Лене - о том, как она, медсестра, вытаскивала раненых из-под огня, как они поженились через две недели после знакомства, как родился Андрейка в феврале четырнадцатого, в самый раз-

гар событий.

- Он родился в четырнадцатом, - сказал Алексей, и его голос дрогнул. - Он никогда не видел мирной жизни. Для него война, это норма. Он знает слово «бах» с пелёнок и когда он спросил меня: «Папа, а что такое "бах"?» - я не знал, что ответить. Мой сын знает слово «бах» в три года. Это... это неправильно. Этого не должно быть, но я надеюсь, что его дети уже не будут знать этого слова.

- Ты герой, - тихо сказала Катя из-за камеры.

- Нет, - Алексей покачал головой. - Я не герой. Герои, это те, кто не вернулся. Степан, дядя Миша, десятки других. А я просто делал то, что должен был. Защищал свой дом. Свою семью. Свою землю. Я не хотел воевать. Никто не хочет, но, когда пришли в мой дом - я не мог остаться в стороне. Просто не мог. Понимаешь?

- Понимаю.

Катя выключила камеру, подошла к брату и обняла его. Он сидел неподвижно, но его плечи вздрагивали. Они стояли так долго, не говоря ни слова. Война, которая была между ними - не та, на Донбассе, а та, что разделила их семью, - давно закончилась. Осталась только любовь.

Вечером, когда все разошлись по своим комнатам, а Андрейка, утомлённый дневными впечатлениями, давно спал, Катя сидела за столом в гостиной и пересматривала отснятый материал на ноутбуке. Кадры были ещё сырыми, необработанными, но даже в таком виде они производили силь-

ное впечатление. Лицо отца, рассказывающего о мосте, - его глаза, полные слёз, его голос, дрожащий от волнения. Лицо матери, говорящей о своих студентах, - её спокойная уверенность, её вера в диалог культур. Лицо брата, вспоминающего погибших товарищей, - его боль, его тишина, его честность.

Это была история. Настоящая. Живая. Семейная. История о том, как обычная семья прошла через войну и не сломалась. О том, как они строили мосты - каждый по-своему. О том, как они остались вместе, несмотря ни на что.

Катя позвонила Ярине. В Киеве была уже глубокая ночь, но Ярина, как всегда, не спала - работала над монтажом очередного выпуска. Она ответила после первого же гудка.

- У нас есть материал, - сказала Катя, и её голос дрожал от волнения. - Лучший материал за всё время. Это будет самый сильный выпуск. Я тебе обещаю.

- Рассказывай, - потребовала Ярина, и по её голосу было слышно, что она отложила всё и полностью сосредоточилась на разговоре.

И Катя рассказала. О том, как отец плакал, вспоминая открытие моста, как он говорил о том, что прожил жизнь не зря. О том, как мать говорила о диалоге культур, о том, что культура не виновата в войне. О том, как брат молчал целую минуту перед камерой, а потом заговорил - тихо, с болью, но честно. О погибших товарищах, о Степане, о дяде Мише, о блокноте с именами. Обо всём.

На том конце провода молчали. Потом Ярина сказала и её

голос звучал непривычно серьёзно:

- Я жду. Привози материал. Мы сделаем шедевр. Настоящий. Такой, который изменит людей. Заставит их думать. Заставит их чувствовать. Это будет лучший выпуск в истории нашего канала. Может быть, лучший выпуск в истории украинского YouTube.

- Приеду через несколько дней, - пообещала Катя. -, как только закончу съёмки. Тут ещё нужно снять Лену, Гаврилова, общие планы...

- Жду. И... Катя?

- Да?

- Ты молодец. Ты делаешь великое дело. Твоя семья, она удивительная и ты рассказываешь о ней так, что все эти сто пятьдесят тысяч человек плачут. Продолжай.

Катя положила трубку и долго сидела, глядя на экран ноутбука. Там, на стоп-кадре, её отец улыбался, глядя в объектив. Седой, морщинистый, с натруженными руками, которые построили мост.

«Вот оно, - подумала Катя. - Вот ради чего всё. Ради этой истории. Ради этой семьи. Ради этого моста».

За окнами шумело море. Чайки спали. Город засыпал. А Катя всё сидела и смотрела на экран, и по её щекам текли слёзы - светлые, радостные, очищающие.

Часть 11. Прощание с Гавриловым

Севастополь, ноябрь 2018 года.

Гаврилов умер тихо, во сне, в ночь на третье ноября. Ему

было восемьдесят два года. Сердце остановилось - старое, изношенное сердце, которое билось ровно столько, сколько было нужно, и остановилось, когда его миссия была выполнена. Он не дожил до Нового года, о котором так мечтал, - хотел встретить его вместе с семьёй Бондаренко, выпить шампанского из той самой бутылки, которую хранил с девяносто первого года, запустить фейерверк над бухтой. Не успел, но он успел увидеть мост. Успел проехать по нему. Успел подержать на руках Андрейку и это было самое главное.

Анна узнала о его смерти первой. Было раннее утро, часов шесть, когда раздался телефонный звонок - резкий, пронзительный, заставивший её вздрогнуть. Она сразу почувствовала неладное - слишком рано для обычных звонков, слишком тревожно. Звонила соседка Гаврилова, Нина Петровна, пожилая женщина с тихим голосом, которая жила этажом выше и иногда заходила к старому мичману - проверить, жив ли, не нужно ли чего. Она плакала в трубку, сбиваясь и всхлипывая: «Анна Игоревна, Илья Степанович... ночью... я зашла, а он... он не дышит... "Скорая" приехала, но уже поздно... Врач сказал - сердце. Остановилось во сне. Он не мучился».

Анна положила трубку и долго сидела неподвижно, глядя в одну точку на стене, где висела старая фотография - они с Андреем, Гаврилов и его жена Мария, все вместе, смеются. Фотография была сделана лет двадцать назад, на пикнике в

Балаклаве. Все были молоды, счастливы, полны жизни. Теперь из четверых осталось двое. Потом Анна заплакала - тихо, беззвучно, как плакала всегда, когда горе было слишком большим. Слёзы текли по её морщинистым щекам, и она не вытирала их.

Андрей, проснувшийся от её слёз, всё понял без слов. Он сел рядом, обнял её за плечи, прижал к себе. Он чувствовал, как она дрожит, как колотится её сердце. За окнами занимался серый, пасмурный ноябрьский рассвет. Чайки кричали над бухтой - пронзительно, тревожно. Море было неспокойным - серые волны с белыми барашками разбивались о причал, словно и оно скорбело о старом мичмане.

- Он был хорошим человеком, - сказал наконец Андрей, и его голос звучал глухо, надтреснуто. - Настоящим. Таких сейчас мало. Может, и не осталось совсем. Я не знаю, кем я был бы без него. Он был моим другом. Моим братом. Не по крови - по духу.

- Он был членом нашей семьи, - ответила Анна, вытирая слёзы краем рукава. - Пусть не по крови - по духу. Он был с нами все эти годы. С самого начала. С нашей свадьбы. Он нянчил наших детей. Он провожал тебя в море и встречал. Он молился за Алёшу. Он ждал Катю., как мы теперь без него? Кто будет приходить с цветами и шампанским? Кто будет рассказывать свои бесконечные истории?

- Будем помнить, - сказал Андрей, это всё, что мы можем. Помнить и рассказывать о нём. Чтобы он не умер совсем.

Чтобы он жил в нашей памяти.

Они разбудили остальных. Алексей, узнав о смерти Гаврилова, долго молчал, глядя в стену. Он думал о том, что Гаврилов был одним из тех, кто верил в него. Кто писал ему письма на фронт. Кто отдал свою пенсию на бронежилет для незнакомого солдата. Кто никогда не сомневался, что они победят.

Катя, узнав, заплакала. Она вспомнила, как Гаврилов встречал её на вокзале - с цветами, со слезами, с распростёртыми объятиями. «Приехала! Вернулась! Я знал, что вернёшься!» - кричал он тогда на весь перрон, и ей было и стыдно, и радостно одновременно.

Лена, которая знала Гаврилова меньше других, но успела привязаться к нему за эти недели, молча обняла мужа. Она понимала: для Алексея Гаврилов был не просто соседом, не просто другом отца. Он был символом. Символом того, за что они воевали.

Андрейка проснулся от шума и долго не мог понять, почему все такие грустные. Когда ему объяснили, что дядя Гаврилов умер, он спросил: «А что такое "умер"?» И Лена, как могла, объяснила ему, что люди иногда уходят навсегда, что они больше не возвращаются, но остаются в памяти тех, кто их любил. Андрейка слушал, хмурил брови - совсем, как дед, и молчал.

Хоронили Гаврилова через два дня, пятого ноября, на старом севастопольском кладбище, что на холме над бухтой.

Кладбище было старым, с покосившимися крестами и мраморными памятниками, с видом на море. Там лежала его жена Мария, умершая пятнадцать лет назад от рака, и там же он сам давно, ещё в девяностых, зарезервировал место - рядом с ней. «Хочу лежать с моей Машей, - говорил он. - Чтобы и на том свете вместе. Она меня ждёт». Теперь его желание исполнилось. Они снова были вместе.

День был серым, пасмурным, под стать настроению. С моря дул холодный, пронизывающий ноябрьский ветер, срывая последние листья с платанов. Он забирался под одежду, холодил руки, заставлял ёжиться, но людей пришло много - больше, чем можно было ожидать. Соседи по Корабельной стороне, которые знали Гаврилова десятки лет, - старухи в чёрных платках, старики в потёртых пальто. Бывшие сослуживцы - несколько седых мужчин в парадных флотских кителях, с медалями на груди, пришедшие проводить товарища. Представители ветеранской организации, которую Гаврилов когда-то возглавлял и которая после его ухода осиротела. Даже Сергеич, прораб с Керченского моста, приехал за двести километров, узнав о смерти старого мичмана от Андрея, - он стоял в стороне, в своём неизменном тулупе, и молчал, сжимая в руках мятую кепку.

- Хороший был мужик, - сказал он, когда Андрей подошёл поздороваться. - Я его мало знал, но то, что знал, - уважал. Он за тебя, Петрович, горой стоял. Всё рассказывал, какой ты герой и сам он был герой. Жаль, не дожил.

Андрей, Анна, Алексей, Лена, Катя и Андрейка стояли у самого гроба -, как самые близкие. Андрейка был одет в свою лучшую курточку, тёмно-синюю, которую ему купили специально для поездки в Севастополь. Он не совсем понимал, что происходит, но чувствовал: что-то случилось. Что-то важное и печальное. Он держал в руках букет белых хризантем - тех самых, которые так любил Гаврилов и которые он сам когда-то дарил Анне на каждую годовщину свадьбы. Хризантемы пахли горьковато, по-осеннему.

Гроб был открытым - Гаврилов лежал в своём парадном мичманском кителе, с георгиевской ленточкой на груди и всеми медалями, которые он заслужил за долгую службу. Лицо его было спокойным, почти умиротворённым. Казалось, он просто уснул - так же, как засыпал каждый вечер, сидя в своём кресле перед телевизором. Только теперь он не проснётся. Никогда и от этой мысли становилось невыносимо горько.

Андрей произнёс прощальную речь. Он не готовился к ней - слова пришли сами, когда он встал перед гробом. Он говорил коротко, сбивчиво, но весомо - так, как говорят только о самых близких людях. Голос его дрожал, но он держался. Он знал: Гаврилов не любил слёз.

- Мы познакомились сорок лет назад, - начал он. - Я тогда только приехал в Севастополь, молодой лейтенант, только что из училища. Он уже был старым мичманом, с нашивками за выслугу лет, с медалями. Мы жили в одном доме,

на одной лестничной клетке. Он зашёл знакомиться - принёс бутылку вина, представился: «Гаврилов Илья Степанович. Можно просто Гаврилыч» и с того дня мы стали друзьями. На сорок лет.

Он замолчал, подбирая слова. Ветер трепал его седые волосы. Люди стояли молча, слушали.

- Он учил меня жить - не по уставу, а по совести. Он говорил: «Петрович, главное - не звание. Главное - человек. Можно быть адмиралом и подлецом. А можно быть мичманом и героем» и сам он был таким. Настоящим человеком. Настоящим героем. Не за медали - за то, как он жил. За то, как он любил. За то, как он верил.

Он вспоминал, как Гаврилов пришёл к ним в феврале четырнадцатого - с георгиевской ленточкой на груди и бутылкой шампанского, которую хранил с девяносто первого года. В тот день, когда стало ясно: Крым возвращается в Россию.

- «Я берег её для особого случая, - сказал он тогда. - Двадцать три года берёг и вот случай настал». Мы выпили эту бутылку втроём - он, я и Анна и плакали. От счастья. От того, что дождались.

Он вспоминал, как они вместе стояли на площади Нахимова в марте четырнадцатого, когда объявили о присоединении Крыма к России. Тысячи людей, море флагов, гимн, который пели все. Два старых моряка, плачущие от счастья. Гаврилов тогда сказал: «Петрович, я дожил. Я увидел. Теперь можно и умирать», но он не умер. Он остался. Чтобы

увидеть мост.

- Он ждал мост семьдесят лет, - продолжал Андрей. - Ещё мальчишкой, в сорок шестом, он стоял с отцом на Керченской переправе. Паром был старый, очереди - на километры. Он спросил отца: «Пап, а почему нет моста?» И отец ответил: «Когда-нибудь построят. Когда страна станет сильной» и он всю жизнь ждал. Верил. Надеялся и дождался. Мы вместе стояли на открытии моста, в мае этого года. Он плакал и говорил: «Петрович, я дожил. Я увидел» и это было его счастье.

Андрей замолчал, собираясь с силами. Ветер трепал его седые волосы. Чайки кричали над кладбищем.

- Он был верным другом, - сказал он наконец, и его голос дрогнул. - Настоящим севастопольцем. Настоящим русским человеком. Он верил в Россию, даже когда Россия сама в себя не верила. Он ждал мост, даже когда никто не верил, что его построят. Он отдавал последнее - свою пенсию, своё время, своё сердце, - чтобы помочь другим и он дождался. Спасибо тебе, Гаврилыч. За всё. За дружбу. За верность. За то, что ты был с нами. Мы будем помнить тебя. Всегда. Пока живы.

Гроб опустили в могилу - туда, где уже лежала его Мария. Комья мёрзлой земли застучали по деревянной крышке. Этот звук - глухой, ритмичный, неумолимый - отдавался в сердцах всех, кто стоял у могилы. Каждый комок земли был, как удар., как точка в конце долгой, трудной, но счастливой

жизни.

Анна плакала, не скрываясь, и слёзы текли по её морщинистым щекам. Катя плакала, уткнувшись в плечо брату. Андрейка, глядя на взрослых, тоже заплакал - впервые в жизни, по-настоящему, понимая, что такое смерть. Что кто-то уходит навсегда. Что больше никогда не увидишь его улыбку, не услышишь его голос, не получишь от него цветов.

- Мама, а почему дядю Гаврилова закапывают? - спросил он, и его голос дрожал.

- Потому что он умер, сынок, - ответила Лена, обнимая его. - Так бывает. Люди рождаются, живут, а потом умирают. Это закон жизни.

- А почему он умер?

- Потому что он был старенький. Его сердце устало биться. Оно билось восемьдесят два года, это очень долго.

- А моё сердце не устанет?

- Нет, твоё не устанет. Ты ещё маленький. У тебя сильное сердце. Оно будет биться долго-долго.

Андрейка кивнул, хотя, наверное, не совсем понял, но он запомнил этот день - серое небо, холодный ветер, белые хризантемы, плачущих взрослых. Запомнил на всю жизнь и когда-нибудь, много лет спустя, он расскажет об этом дне своим детям.

Вечером они сидели за столом в квартире на Корабельной стороне - все, кроме Гаврилова. Пустой стул стоял в углу - тот самый, на котором он всегда сидел, когда приходил в го-

сти. Никто не решался его убрать. Казалось, что Гаврилов всё ещё здесь - просто вышел на минутку, покурить на балкон, и сейчас вернётся, но он не возвращался и уже не вернётся.

Андрей поднял рюмку с водкой. Он редко пил, но сегодня был особый случай.

- За Гаврилова. За друга. За героя. За настоящего человека.

- За Гаврилыча, - эхом отозвались все.

Выпили молча. Закусили пирогом - тем самым, яблочным, который Анна пекла каждую субботу и который так любил Гаврилов. Она испекла его специально - в память о старом друге. Казалось, что пирог сегодня пахнет по-особенному - может быть, потому что в него была добавлена щепотка памяти.

Потом начали вспоминать. Каждый - своё. Это был вечер памяти. Вечер, когда они говорили о человеке, который был частью их семьи.

Анна вспоминала, как Гаврилов пришёл к ним знакомиться - сорок лет назад, молодой ещё, с букетом цветов и бутылкой вина., как он танцевал на их свадьбе и чуть не уронил торт - споткнулся о ковёр, и торт накренился, но Гаврилов поймал его в последний момент., как он плакал, когда родился Алёша, - стоял под окнами роддома и кричал: «Поздравляю, Петрович! У тебя сын! Ура!», как он нянчил Катю, когда она была маленькой, - катал её на спине, изображая

лошадку, и она заливалась смехом.

Алексей вспоминал, как Гаврилов передал ему письмо - в четырнадцатом, когда он уже был на фронте. Обычное письмо, написанное корявым старческим почерком на листке в клеточку, вырванном из школьной тетради, но в нём была такая вера, такая поддержка, что Алексей перечитывал его десятки раз. «Держись, сынок. Ты воюешь за правое дело. Россия с тобой. Мы с тобой. Я в тебя верю. Возвращайся живым». Эти слова помогали ему в самые трудные минуты - когда казалось, что всё, конец, больше не выдержать.

- Я до сих пор храню это письмо, - сказал Алексей. - В том же блокноте, где имена погибших. Оно лежит там, напоминает мне, ради чего всё это было.

Катя вспоминала, как Гаврилов встречал её на вокзале, когда она впервые приехала в Севастополь после долгой разлуки, в марте шестнадцатого. Он стоял на перроне с букетом своих знаменитых георгинов - белых, пушистых, с горьковатым запахом, и плакал от счастья. «Приехала! - кричал он на весь вокзал. - Вернулась! Я знал, что вернёшься! Я всем говорил, она вернётся!» И обнимал её так крепко, словно она была его собственной дочерью.

- Он был нашим ангелом-хранителем, - сказала Катя. - Хранителем нашей семьи. Он всегда был рядом. Всегда помогал. Всегда верил. Даже когда мы сами в себя не верили. Даже когда я называла вас предателями. Он говорил: «Ничего, она одумается. Она же Бондаренко. А Бондаренко всегда

возвращаются» и я вернулась.

Андрейка, который уже немного успокоился и сидел на коленях у матери, спросил:

- А дядя Гаврилов теперь на небе?

- На небе, - ответила Анна, вытирая слёзы. - Он теперь смотрит на нас сверху и радуется, что мы вместе. Что мы не ссоримся. Что мы любим друг друга.

- Он увидит море? С неба?

- Он всегда видел море. Он жил у моря. Он был моряком. Теперь у него ещё лучшее море. Небесное и там он встретится со своей женой. Они будут вместе.

Андрейка задумался. Потом вдруг слез с колен, взял своего плюшевого медведя - того самого, потрёпанного, с оторванным ухом, который прошёл с ним всю войну, и положил его на пустой стул Гаврилова.

- Пусть медведь с ним посидит, - сказал он. - Чтобы ему не было одиноко. Медведь добрый. Он умеет утешать. Он прошёл всю войну. Он знает, как это - когда одиноко.

Никто не стал спорить. Медведь так и сидел на стуле до конца вечера - маленький, потрёпанный, одноглазый, но верный., как и сам Гаврилов.

Поздно вечером, когда все разошлись по своим комнатам, а Андрейка, утомлённый впечатлениями, уснул, прижимая к себе второго медведя - того, которого подарил ему дед, - Андрей вышел на балкон. Он стоял и смотрел на море - то самое море, на которое они с Гавриловым смотрели вместе

сотни раз. Море было чёрным, спокойным, и в нём отражались звёзды - тысячи звёзд, рассыпанных по ноябрьскому небу. Где-то далеко мигали сигнальные огни кораблей. Где-то кричали ночные чайки. Где-то шумел прибой - вечный, неумолчный, как сама жизнь.

- Прощай, Гаврилыч, - сказал он в темноту. - Ты был хорошим другом. Самым лучшим. Ты дождался моста. Ты увидел, как Крым вернулся домой. Ты понял, что всё было не зря. Теперь отдыхай. Ты это заслужил. Больше, чем кто-либо.

Ветер с моря донёс запах соли и водорослей - тот самый, который Гаврилов так любил. Андрей постоял ещё немного, потом вернулся в дом.

Жизнь продолжалась. Мост стоял. Память оставалась. А на стуле в углу, укрытый пледом, сидел потрёпанный плюшевый медведь - маленький хранитель памяти о старом мичмане, который верил в Россию, ждал мост и никогда не сдавался.

Часть 12. Возвращение в Киев

Киев, декабрь 2018 года.

Катя вернулась в Киев в начале декабря, после почти двух месяцев, проведённых в Севастополе. Она уезжала с тяжёлым сердцем - так всегда бывало, когда она покидала родной дом, родителей, море, но в то же время с чувством выполненного долга и с огромным багажом впечатлений, эмоций и отснятого материала. Она сделала всё, ради чего при-

ехала. Она увидела брата, который вернулся с войны живым и невредимым. Она обняла племянника, который впервые в жизни увидел море и закричал: «Оно мокрое!» Она записала интервью с родителями - долгие, искренние разговоры перед камерой, в которых они рассказали свои истории. Она попрощалась с Гавриловым - старым другом семьи, который ушёл тихо, во сне, и теперь покоился рядом со своей женой и теперь она везла в Киев самое ценное - жёсткий диск с отснятым материалом, десятки часов видео, из которых им с Яриной предстояло смонтировать лучший выпуск в истории их канала.

Прощание на вокзале было долгим и трогательным. Андрей стоял на перроне, засунув руки в карманы старой флотской куртки, и молчал - он всегда молчал, когда переполняли чувства. Анна плакала и крестила дочь. Алексей обнял сестру и сказал: «Приезжай ещё. Теперь ты знаешь - мы всегда тебя ждём». Лена передала Кате пакет с пирожками, которые напекла тётя Вера. Андрейка, который уже привык к тёте Кате за эти два месяца, заплакал и сказал: «Не уезжай! Я буду скучать!» Катя присела на корточки, обняла его и пообещала: «Я вернусь. Обязательно. На Новый год. Или на лето. Ты только жди меня». Андрейка кивнул, вытер слёзы рукавом и сказал: «Я буду ждать и медведь будет ждать».

Поезд тронулся. Катя стояла у окна и махала рукой, пока перрон не скрылся за поворотом. Потом она села на своё место, достала из сумки блокнот и начала писать - записывать

мысли, впечатления, планы. Она делала так всегда, когда возвращалась из важных поездок. Это помогало ей осмыслить пережитое.

За окнами проплывали заснеженные поля, голые перелески, редкие деревни с дымящимися трубами. Был декабрь, и зима вступила в свои права - всё было белым, чистым, словно укрытым снежным саваном. Поезд шёл через Крым, через Перекоп, через Херсонскую область, через бескрайние украинские степи. Катя смотрела на эти пейзажи и думала о том, как всё изменилось за последние два месяца. Два месяца, это так мало в масштабе жизни, но, как много они вместили.

Она приехала в Севастополь в октябре, чтобы встретить брата, который вернулся с войны. Она помнила этот день в мельчайших подробностях -, как стояла на перроне, как увидела Алёшу, выходящего из вагона, как бросилась к нему и повисла на шее. Она помнила, как он изменился - похудел, осунулся, на висках появилась седина, а в глазах поселилась та особая глубина, которая бывает только у людей, прошедших через ад, но он был жив. Он вернулся. Он привёз жену и сына и это было самым главным.

Она хотела записать интервью с отцом и записала. Андрей Петрович Бондаренко, капитан второго ранга в отставке, бондарь в третьем поколении, строитель Крымского моста, сидел перед камерой и рассказывал свою историю. О том, как пришёл на стройку., как его не хотели брать из-за возраста., как он доказал, что может., как работал в мороз и

жару., как плакал, когда мост открыли. «Я оставил после себя не просто бочки, которые сгниют, - сказал он. - Я оставил мост. Который будет стоять веками» и Катя, глядя на него через объектив, сама плакала - от гордости, от любви, от понимания того, что её отец - великий человек.

Она планировала снять несколько кадров для канала и сняла целый фильм. Интервью с матерью, которая рассказывала о своём спецкурсе и о том, как строит мост между культурами. Интервью с братом, который говорил о войне - тихо, с болью, но честно. Кадры Андрейки, который впервые увидел море. Кадры поездки на мост - той самой, когда Андрей сказал внуку: «Этот мост строил твой дед». Кадры запуска бумажного кораблика в память о погибших товарищах. Кадры похорон Гаврилова - печальные, но светлые. Всё это был материал, из которого должен был родиться фильм.

Но самое главное было не в фильме. Самое главное было в том, что она снова стала частью семьи. Не гостьей, не дальней родственницей, которая приезжает раз в год на несколько дней, - а частью. Полноправной. Родной. Она сидела за одним столом с родителями, братом, невесткой, племянником. Она смеялась и плакала вместе с ними. Она вспоминала прошлое - детство в Севастополе, поездки в Балаклаву, медуз, которых она боялась, и мечтала о будущем. О том, как они все снова соберутся вместе. О том, как Андрейка пойдёт в школу. О том, как Алёша и Лена построят новый дом. О том, как она напишет книгу.

Она снова была Бондаренко. Не просто по фамилии - по сути. По духу. По любви.

Поезд прибыл в Киев ранним утром, когда город только просыпался. Над Днепром стоял лёгкий туман, и купола Киево-Печерской лавры золотились в лучах восходящего солнца. На перроне Катю встречала Ярина -, как всегда, с букетом цветов и с камерой наперевес. На этот раз это были алые розы, которые ярко выделялись на фоне декабрьского снега. Ярина была в своём неизменном клетчатом берете и в новом пальто - видимо, купила на гонорар от канала.

- Катя! - закричала она, завидев подругу, выходящую из вагона. - Ты вернулась! Наконец-то!

Она навела камеру на Катю и крикнула:

- Скажи что-нибудь для нашего канала! Первые слова после возвращения!, как прошла поездка?

Катя посмотрела в объектив - уже привычно, не смущаясь, и сказала:

, это было лучшее путешествие в моей жизни. Я увидела море. Я обняла брата. Я записала интервью с родителями. Я попрощалась с другом нашей семьи, который ушёл навсегда и я поняла: семья, это мост. Настоящий мост. Который нельзя разрушить. Можно расшатать, можно повредить, можно даже попытаться подорвать, но он всё равно выстоит. Потому что он держится на любви. А любовь - самый прочный материал во вселенной.

- Супер! - Ярина выключила камеру и бросилась обнимать

подругу, это будет отличный финал для нашего фильма! Ты не представляешь, как я скучала! Два месяца! Целая вечность! Рассказывай всё, что не вошло в наши телефонные разговоры!

Они поехали в свою квартиру на Оболони - ту самую, которую снимали вместе уже второй год. Квартира была маленькой - всего две комнаты, но очень уютной. За время отсутствия Кати Ярина превратила её в настоящий новогодний домик: поставила в углу пушистую искусственную ёлку, развесила на стенах разноцветные гирлянды, приклеила к окнам бумажные снежинки, которые они вместе вырезали в прошлом году. На столе стояла ваза с мандаринами, и весь дом пах хвоей, цитрусами и приближающимся праздником.

- Ну, рассказывай! - потребовала Ярина, усаживаясь на диван с огромной чашкой чая. - Всё-всё-всё! Что не вошло в наши телефонные разговоры, что ты не успела рассказать по скайпу.

И Катя рассказывала. Она рассказывала долго, несколько часов, пока за окнами не стемнело. О том, как Андрейка впервые увидел море и закричал: «Оно мокрое!» и все вокруг смеялись. О том, как Андрей повёл внука на мост и, стоя на середине пролива, сказал: «Этот мост строил твой дед. Когда-нибудь ты приведёшь сюда своего сына и скажешь: "Этот мост строил твой прадед"». О том, как Алексей запускал бумажный кораблик в память о погибших товарищах - вырвал страницу из своего блокнота с именами погиб-

ших, сложил кораблик и пустил его в море. О том, как они все вместе ездили в Балаклаву, жарили рыбу на костре и пели песни. О том, как Гаврилов умер - тихо, во сне, и, как они его хоронили на старом кладбище, и, как Андрейка, не понимая до конца, что такое смерть, положил на пустой стул плюшевого медведя, чтобы Гаврилову не было одиноко.

Ярина слушала, не перебивая. Она забыла про свой чай, который давно остыл. По её щекам текли слёзы, она не скрывала их.

, это будет лучший выпуск, - сказала она, когда Катя наконец замолчала. - Самый сильный. Самый честный. Самый душевный. Мы покажем его всем. Всему миру. Пусть люди видят: вот она, настоящая семья. Вот они, настоящие люди. Не картинки из телевизора, не пропагандистские штампы, а живые, дышащие, любящие, страдающие. Твой отец, который строил мост. Твоя мать, которая учит студентов. Твой брат, который прошёл войну и остался человеком и ты. Ты, которая прошла через всё это и рассказала нам эту историю.

- Когда начнём монтировать? - спросила Катя.

- Завтра. С утра. С самого раннего утра. У нас куча работы. Десятки часов материала. Нужно всё отсмотреть, отобрать лучшее, смонтировать, наложить музыку, титры... Месяца два работы, не меньше.

- Я готова. Я хочу, чтобы этот фильм увидели все. Чтобы его показали и в России, и в Украине. Чтобы люди поняли: мы не враги. Мы - люди. Мы - семья. Нас разделили полити-

ки, но мы всё равно вместе.

Они проговорили до глубокой ночи, строя планы и мечтая о будущем. Потом, когда Ярина уснула прямо на диване, Катя вышла на балкон. Киев спал, укрытый снегом. Огни большого города мерцали вдалеке. Где-то там, за горизонтом, было море. Был Севастополь. Была её семья.

Она достала телефон и набрала номер. Долго слушала гудки, потом услышала родной голос.

- Мама? Это я. Я в Киеве. Всё хорошо. Доехала нормально. Завтра начинаем монтировать фильм. Ты не представляешь, какой это будет фильм. Самый лучший. Самый честный.

- Катюша! - голос Анны дрожал. -, как я рада тебя слышать! Доехала? Не замёрзла? Как там Киев?

- Доехала, мама. Всё хорошо. Я уже дома. С Яриной. Она тут без меня ёлку поставила и мандарины купила.

- Умница твоя Ярина. Передавай ей привет от нас. И... Катя?

- Да, мама?

- Приезжай ещё. На Новый год. Если сможешь. Мы будем ждать. Папа тоже ждёт и Алёша с Леной и Андрейкой - они пока у нас, но на Новый год, может, тоже приедут. Мы все будем вместе., как раньше.

- Постараюсь, мама. Очень постараюсь. Если получится с билетами и с границей...

- Мы будем молиться. За тебя. За всех нас.

Катя положила трубку и долго сидела, глядя в окно на заснеженный Киев. Завтра начиналась новая глава. Глава, в которой она расскажет историю своей семьи всему миру.

Часть 13. Новый год

Севастополь, 31 декабря 2018 года.

Новый год семья Бондаренко встречала вместе - впервые за пять долгих лет. Пять лет - целая вечность, вместившая в себя столько событий, сколько иным не выпадает и за целую жизнь. Пять лет назад, в декабре 2013-го, они ещё не знали, что их ждёт. Не знали, что через несколько месяцев Крым вернётся в Россию, и они будут стоять на площади Нахимова, плача от счастья под гимн, который не слышали двадцать три года. Не знали, что Алёша уйдёт на фронт и пройдёт через Славянск, Иловайск, Дебальцево - через ад, из которого многие не вернулись. Не знали, что Катя потеряется в киевском тумане, будет называть их предателями, а потом найдётся - пройдёт через фронт, рискуя жизнью, обнимет брата и скажет: «Прости меня, я была неправа». Не знали, что Андрей в шестьдесят четыре года станет строителем Крымского моста - оставит мастерскую, бочки, привычную жизнь и уйдёт на стройку, чтобы своими руками соединить берега. Не знали, что Анна будет молиться за всех - за мужа, за сына, за дочь, за невестку, за внука, и её молитвы, вопреки всему, будут услышаны. Не знали, что у них родится внук, который в пять лет скажет: «Я тоже буду строить мосты. Чтобы люди могли ездить друг к другу. Чтобы не было войны». Всё это

было впереди, скрытое за горизонтом, как далёкий берег, к которому ещё нужно доплыть.

Теперь, спустя пять лет, они сидели за одним столом. Тем самым столом, который помнил ещё деда Захара, - старым, дубовым, покрытым льняной скатертью с вышитыми васильками. Эта скатерть тоже была семейной реликвией - её вышивала ещё прабабушка, и каждый стежок хранил тепло её рук. Стол был накрыт так, как накрывала его мать Анны в те далёкие времена, когда все были живы и здоровы, - с оливье, с селёдкой под шубой, с холодецом, дрожащим на тарелке, с горой мандаринов, источающих цитрусовый аромат, с бутылкой шампанского, покрытой капельками влаги. Всё, как в детстве. Всё, как в той, довоенной жизни, которая казалась теперь почти нереальной, словно сон, от которого они наконец пробудились.

Андрей и Анна сидели во главе стола -, как патриархи, как хранители рода, как два дуба, что простояли рядом всю жизнь и пустили корни так глубоко, что никакой ветер не мог их повалить. Андрей был в своей лучшей рубашке - белой, которую Анна купила ему специально для этого вечера, отгладила и повесила на плечики. Он чувствовал себя немного непривычно без рабочей куртки, но терпел - ради праздника. Анна надела то самое синее платье с белым шифоновым платком на плечах, которое надевала на все семейные торжества уже много лет. Она чуть тронула губы помадой и надела серьги - те самые, с крошечными бриллиантами, пода-

ренные Андреем на тридцатую годовщину. Они сидели рядом, держась за руки, как держались всю жизнь - тридцать пять лет вместе, и ни один год не был лёгким, но все они были прожиты в любви.

Алексей и Лена сидели на диване - том самом старом диване с вытертой обивкой, на котором когда-то, в далёком детстве, Алёша и Катя смотрели мультики, ссорились из-за пульта и мирились. Алексей был без формы - в обычном свитере и джинсах, и если бы не шрам на скуле, белеющий на загорелой коже, и ранняя седина на висках, можно было бы подумать, что он и не воевал вовсе, но глаза выдавали - в них была та особая глубина, которая появляется только у людей, прошедших через ад и вернувшихся обратно. Лена, в красивом зелёном платье, которое ей помогла выбрать Катя, сидела рядом, положив голову на плечо мужа. Она всё ещё привыкала к мирной жизни - к тому, что не нужно вздрагивать от громких звуков, не нужно прятаться в подвал, не нужно ждать раненых, но она привыкала и с каждым днём у неё это получалось всё лучше.

Катя, приехавшая из Киева за день до праздника, сидела на стуле, поджав под себя ноги, как любила сидеть с детства. Она всё-таки смогла - оформила все документы, прошла все границы, доказала всем чиновникам, что имеет право увидеть свою семью. За её спиной были два месяца напряжённой работы над фильмом - они с Яриной смонтировали лучший выпуск в истории канала, и его посмотрели больше миллио-

на человек. Она привезла с собой диск с готовым фильмом, чтобы показать его родным и теперь сидела за столом, счастливая и немного уставшая, но полная энергии.

Андрейка сидел на почётном месте, во главе стола, на высокой подушке, чтобы доставать до тарелки. Он был одет в новую рубашку и бабочку, которую ему подарила Катя, и чувствовал себя самым важным человеком в мире - может быть, даже важнее президента. Рядом с ним, на соседнем стуле, сидел его неизменный плюшевый медведь - тот самый, потрёпанный, с оторванным ухом и вытертой шерстью на животе, и тоже «участвовал» в празднике. Андрейка налил ему сока в крышечку от бутылки и поставил перед ним, а также положил на тарелку кусочек колбасы.

- Он тоже хочет праздновать, - объяснил он взрослым. - Он всю войну со мной был. Он заслужил.

Пустой стул Гаврилова так и стоял в углу - его не убирали. На сиденье лежал второй медведь, тот самый, которого Андрейка положил туда в день похорон. Медведь стал негласным символом памяти - никто не решался его убрать, и он сидел там, как молчаливый хранитель, как напоминание о старом мичмане, который так мечтал встретить этот Новый год вместе с ними. Он не дожил - сердце остановилось за два месяца до праздника, но он был здесь. Душой. Сердцем. Памятью и все чувствовали его присутствие.

Перед тем, как сесть за стол, Андрей поднял бокал и сказал:

- Давайте помянем Гаврилыча. Он был с нами все эти годы. Он верил в нас, даже когда мы сами в себя не верили. Он ждал этого дня больше, чем кто-либо. Он мечтал встретить этот Новый год с нами. Не дожил, но он здесь. Я знаю. Я чувствую. Пусть земля ему будет пухом.

Все встали. Выпили молча, не чокаясь. Андрейка тоже поднял свою кружку с соком и сказал:

- За дядю Гаврилова. Чтобы ему на небе было хорошо. Чтобы он там увидел море и свою жену.

Анна, как всегда, приготовила свои знаменитые пироги - яблочный и вишнёвый. Она пекла их два дня, и вся квартира пропахла корицей, ванилью и детством. Когда она достала пироги из духовки и поставила на стол, все ахнули - они были такими же, как в детстве, как в той, довоенной жизни. Золотистая корочка, сочная начинка, аромат, от которого кружилась голова.

- Мама, ты волшебница, - сказала Катя, вдыхая аромат. - Я сто лет не ела твоих пирогов. То есть, ела, когда приезжала, но каждый раз это, как в первый раз.

, это бабушкин рецепт, - ответила Анна, и её глаза увлажнились. - Её матери и её бабушки. Он передаётся из поколения в поколение. Когда-нибудь ты тоже будешь печь такие пироги и Лена и Андрейка, когда вырастет. Это наша семейная традиция. Наша память.

Андрей открыл бутылку шампанского - не ту, что хранил с девяносто первого (та была выпита ещё на открытии моста),

а новую, крымскую, из Массандры, из того самого винограда, что рос на склонах гор. Пробка вылетела с громким хлопком, шампанское полилось через край, заливая скатерть, и все засмеялись.

- За встречу! - сказал Андрей. - За то, что мы наконец-то вместе! За то, что мы дождались!

Алексей принёс гитару - ту самую, на которой когда-то играл в детстве, ещё до войны. Она пылилась в шкафу четыре с лишним года, и он боялся, что она рассохлась, что струны лопнули, что гриф повело, но гитара была в порядке - только струны пришлось заменить, и он купил новые в музыкальном магазине на Большой Морской. Он настроил её, провёл пальцами по струнам, и полилась мелодия - «Севастопольский вальс». Тот самый, который так любил Гаврилов. Тот самый, под который когда-то танцевали Андрей и Анна на своей свадьбе. Тот самый, который пели на всех семейных праздниках.

Анна, услышав первые аккорды, всплеснула руками:

- Алёша! Ты помнишь!

- Конечно помню, мама. Ты меня научила. Когда мне было десять лет. Я тогда ещё путал аккорды.

- Я думала, ты забыл. После всего, что было...

- Такое не забывается. Это, как на велосипеде ездить. Один раз научился и на всю жизнь.

Он заиграл громче, и Катя начала подпевать. У неё был хороший голос, она пела в школьном хоре, когда-то, в дру-

гой жизни. Лена, которая не знала слов, тихо хлопала в ладоши. Андрейка вскочил со стула и начал танцевать - неуклюже, по-детски, но очень старательно. Все смотрели на него и улыбались.

Лена помогала Анне на кухне - резала салаты, раскладывала закуски, мыла посуду. Она делала это с такой охотой, с такой радостью, словно никогда не видела нормальной кухни. Впрочем, так оно и было - четыре с лишним года она прожила в Донецке, где вода была по расписанию, электричество - с перебоями, а газ и вовсе редкость. Теперь она наслаждалась каждым мгновением. Каждой каплей горячей воды. Каждой минутой света. Каждым кусочком мирной жизни.

- Лена, - сказала Анна, глядя на невестку, - я так рада, что ты с нами. Ты даже не представляешь.

- Я тоже рада, - ответила Лена. - Вы все такие... такие родные. Я боялась, что вы меня не примете. Что я чужая.

- Ты не чужая. Ты - Бондаренко. Ты жена моего сына. Ты мать моего внука. Ты - часть этой семьи.

Лена обняла Анну, и они стояли так несколько секунд - две женщины, которые полюбили друг друга с первого взгляда.

Катя снимала всё это на камеру - последние кадры для их фильма. Она хотела, чтобы этот вечер остался не только в памяти, но и на плёнке. Чтобы его можно было пересматривать долгими зимними вечерами. Чтобы его увидели те, кто не смог быть здесь, - Ярина, тётя Вера, Витька, Дед. Чтобы

Андрейка, когда вырастет, посмотрел этот фильм и понял: вот она, его семья. Вот они, его корни. Вот ради чего всё было.

Она снимала, как Андрей открывает шампанское., как Анна режет пирог., как Алёша играет на гитаре., как Лена моет посуду., как Андрейка носится вокруг стола, не в силах усидеть на месте. Она старалась запечатлеть каждую мелочь, каждую деталь, каждую улыбку.

Андрейка действительно бегал вокруг стола - в пять лет невозможно усидеть на месте, особенно когда вокруг столько всего интересного. Он заглядывал во все тарелки, пробовал все закуски, задавал бесконечные вопросы. Почему шампанское стреляет? Почему в оливье зелёный горошек? Почему мандарины оранжевые? Почему ёлка колючая? Почему чайки кричат даже ночью? Взрослые отвечали, как могли, смеялись, и этот смех был лучшей музыкой.

Когда часы пробили полночь - старые часы с кукушкой, которые висели в коридоре и которые помнили ещё деда Захара, а может, и прадеда, - Андрей поднял бокал. Кукушка выскочила из своего домика, прокуковала двенадцать раз и скрылась. Все замолчали.

- За семью, - сказал Андрей просто, и его голос дрогнул от волнения. - За то, что мы вместе. За то, что мы выстояли. За то, что мы - Бондаренко. За то, что мы прошли через всё - через войну, через разлуку, через страх, через потери, через смерть близких, и остались людьми. За то, что мы строили

мосты, а не стены. За то, что мы любили, а не ненавидели. За это.

- За мост, - добавила Катя, поднимая свой бокал. - За мост, который мы построили. Не только через Керченский пролив - хотя и за него тоже, папа. За мост через время. Через расстояние. Через войну. Через наши сердца. За мост, который нельзя разрушить. За мост по имени Бондаренко.

- За мост, - эхом отозвались все.

Выпили. Андрейка чокнулся своим бокалом с соком со всеми по очереди, как учил его дед. Он подходил к каждому, серьёзно смотрел в глаза и говорил: «С Новым годом! С новым счастьем!» и все улыбались, а Анна украдкой вытирала слёзы.

Потом они вышли на балкон - посмотреть на фейерверк. Балкон был маленьким, все не помещались, поэтому вышли по очереди - сначала Андрей с Андрейкой на руках, потом Анна с Леной, потом Алексей с Катей. Над Севастопольской бухтой рассыпались разноцветные огни - красные, зелёные, золотые, серебряные. Они взлетали в небо с шипением, рассыпались на тысячи искр, отражались в тёмной воде, и казалось, что весь мир празднует вместе с Бондаренко. Что весь мир радуется тому, что они снова вместе.

Андрей стоял, обнимая Анну, и смотрел на фейерверк. Он думал о том, что этот Новый год - самый счастливый в его жизни. Счастливее, чем в детстве. Счастливее, чем в молодости, когда они только поженились. Счастливее, чем ко-

гда-либо. Потому что он был заслуженным. Выстраданным. Оплаченным годами труда, страха, ожидания.

Анна думала о том же. Она смотрела на мужа, на детей, на внука и не могла поверить своему счастью. Пять лет она молилась за них. Пять лет она ждала этого дня и вот он настал.

Алексей держал на руках Андрейку, который, несмотря на поздний час, не хотел спать и восторженно кричал при каждом залпе. Он смотрел на фейерверк и думал о том, что его сын никогда не будет знать войны. Что он будет жить в мире. Что он будет строить мосты.

Лена прижималась к мужу. Она смотрела на фейерверк и плакала - от счастья. Она никогда не видела такого красивого салюта. В Донецке фейерверки не запускали - только снаряды. Теперь всё было по-другому.

Катя снимала всё это на камеру - последние кадры для их фильма. Она знала: это будет лучший финал. Самый сильный. Самый эмоциональный. Эти кадры войдут в историю их семьи.

- С Новым годом! - крикнул кто-то с соседнего балкона.

- С Новым годом! - отозвались Бондаренко.

и вам счастья! - крикнула соседка. - Я вас помню! Вы Бондаренко! У вас сын вернулся с войны! И дочь приехала! С праздником!

- Спасибо! - закричала в ответ Катя и вас с праздником!

Где-то вдалеке, на востоке, за сотни километров, в Донецке, тоже праздновали. Тётя Вера накрывала стол - тот самый,

за которым они сидели все эти годы. Витька обнимал свою молодую жену - они наконец-то сыграли свадьбу, как и мечтали. Дед, старый афганец, поднимал кружку с чаем за тех, кто не дожил, - за Степана, за дядю Мишу, за десятки других, чьи имена он помнил наизусть и все они вспоминали Бондаренко и ждали, когда Алёша вернётся.

А в Киеве, на Оболони, в пустой квартире, которую они снимали вместе с Катей, Ярина сидела за компьютером, монтируя фильм, и плакала. Она только что получила от Кати последние кадры - фейерверк над Севастопольской бухтой, и монтировала их в финал. Она знала: этот фильм изменит всё. Этот фильм расскажет людям правду.

Глава 10. Премьера

Часть 1. Подготовка

Киев, январь 2019 года. Квартира на Оболони.

После Нового года, проведённого в Севастополе, Катя вернулась в Киев с новыми силами, с ясной головой и с чётким планом. План был амбициозным: закончить фильм, выпустить его в эфир, рассказать историю своей семьи всему миру. Она везла с собой не только воспоминания о празднике - о том, как они все сидели за одним столом, как Андрейка танцевал под гитару, как они запускали фейерверк над бухтой, как пахли мамины пироги, как сверкали огни на рейде, но и последние отснятые кадры, которые должны были стать финалом фильма. Кадры новогодней ночи, когда вся семья

стояла на балконе и смотрела на салют. Кадры, от которых у зрителей должны были наворачиваться слёзы.

Поезд из Севастополя в Киев шёл долго - почти сутки. Катя ехала одна, в купе, и всю дорогу пересматривала отснятый материал на ноутбуке. Она смотрела на экран и думала о том, как всё изменилось за эти пять лет. Пять лет назад она была студенткой первого курса, которая только начинала свой путь в журналистике. Она верила лозунгам, повторяла то, что говорили по телевизору, и считала родителей предателями. Теперь она была профессиональным журналистом, автором популярного канала, создателем фильма, который должен был изменить умы людей.

Фильм, который они с Яриной монтировали почти два месяца, был почти готов. Почти - потому что оставались последние штрихи, которые всегда занимают больше времени, чем кажется. Финальный монтаж: нужно было проверить каждый кадр, каждый переход, каждую склейку, убедиться, что ритм фильма не провисает, что зритель не заскучает. Цветокоррекция: привести все кадры к единой цветовой гамме, чтобы фильм выглядел профессионально, а не, как любительская съёмка. Сведение звука: почистить шумы, выровнять громкость, наложить музыку так, чтобы она подчёркивала эмоции, а не заглушала их. Титры: перечислить всех, кто помогал, всех, кто снимался, всех, кого стоит поблагодарить. Работы было много, очень много, но Катя и Ярина были полны решимости.

Ярина работала круглосуточно, забывая о сне и еде. Она сидела за своим стареньким компьютером, который они ласково называли «динозавром» за его медлительность и привычку зависать в самый неподходящий момент, обложившись чашками с остывшим кофе, обёртками от шоколадных батончиков и пустыми коробками от пиццы. Её рыжие волосы, обычно аккуратно уложенные в замысловатую причёску, торчали в разные стороны, под глазами залегли тёмные круги от недосыпа, но она была счастлива. Она щёлкала мышью, перетаскивая кадры на временной шкале, увеличивала, уменьшала, обрезала, склеивала, накладывала эффекты, подбирала переходы. Для неё этот фильм был не просто работой, это было дело всей жизни. Она верила в него так же сильно, как Катя.

- Понимаешь, - говорила она, не отрываясь от экрана, - мы делаем не просто видео для YouTube. Мы делаем документ эпохи. Через сто лет люди будут смотреть этот фильм и понимать, как мы жили. Что мы чувствовали. За что боролись. Это история. Настоящая история. Не та, что в учебниках, - та, что в сердцах.

Катя помогала - отсматривала материал, отбирала лучшие дубли, писала закадровый текст. Они работали в тандеме, как слаженный механизм, где каждая деталь знала своё место. Катя придумывала, Ярина воплощала. Катя писала текст, Ярина накладывала его на видео. Катя выбирала музыку, Ярина сводила звук. Они спорили, иногда ругались до

хрипоты, но всегда приходили к консенсусу. Потому что обе знали: фильм важнее личных амбиций.

Квартира на Оболони, которую они снимали вместе уже почти два года, превратилась в штаб-квартиру. Повсюду лежали диски, флешки, внешние жёсткие диски, провода, зарядные устройства, переходники. На стенах висели распечатки - раскадровки, планы монтажа, списки необходимых материалов. На холодильнике - записка: «Не забудь поесть!» - которую они написали друг для друга и обе систематически игнорировали. Пахло кофе, бумагой, электроникой и творческим хаосом. В углу стояла небольшая искусственная ёлка, которую Ярина так и не удосужилась убрать после Нового года, она мигала разноцветными огоньками и создавала иллюзию праздника.

- Смотри, - говорила Ярина, показывая на экран, где на монтажной линейке был закреплён очередной фрагмент. Она откинулась на спинку стула и скрестила руки на груди, любуясь своей работой. - Вот этот кадр. Твой отец на мосту. Стоит, опираясь на перила, смотрит на пролив. Ветер треплет его седые волосы. Чайки кричат над головой и его голос за кадром: «Я оставил после себя не просто бочки, которые сгниют через сто лет. Я оставил мост. Который будет стоять веками». Это будет кульминация. Понимаешь? Кульминация всего фильма. Здесь зритель должен заплакать.

- Понимаю, - Катя кивнула, всматриваясь в экран. Она уже видела этот кадр сотни раз, но он всё равно трогал её до глу-

бины души. - А вот этот момент - Алёша запускает бумажный кораблик. Вырывает страницу из своего блокнота с именами погибших, складывает кораблик, опускает его на воду и его голос за кадром: «Это им. Тем, кто не дожил». Это тоже сильный момент. Может быть, даже сильнее.

- Сильный, - согласилась Ярина, и её глаза загорелись тем особым огнём, который появлялся у неё всегда, когда она говорила о настоящем искусстве. - От него мурашки. Я когда первый раз смотрела, плакала. Честное слово, плакала. А ты знаешь, что я редко плачу.

- Знаю. Поэтому это и сильный момент.

Они работали день за днём, ночь за ночью, и фильм становился всё лучше и лучше. Катя пересматривала отснятые кадры и каждый раз находила что-то новое - какую-то деталь, которую не замечала раньше, какой-то жест, какой-то взгляд, какую-то интонацию. Вот отец рассказывает о том, как пришёл на стройку, и его глаза блестят от слёз, а руки, привыкшие к молотку и стамеске, нервно теребят край скатерти. Вот мать говорит о своих студентах, и её голос звучит спокойно и уверенно, но в нём слышна та особая, сдержанная страсть, которая бывает только у людей, посвятивших свою жизнь любимому делу. Вот брат молчит перед камерой целую минуту, и эта минута тишины говорит больше, чем любые слова, а потом начинает говорить - тихо, с болью, но честно. Вот Андрейка впервые видит море и кричит: «Оно мокрое!» и все вокруг смеются. Вот Гаврилов, ещё живой,

смеётся и рассказывает свои бесконечные истории, размахивая палкой.

Гаврилов. Катя смотрела на кадры с ним и чувствовала, как к горлу подкатывает ком. Старый мичман не дожил до премьеры. Он умер в ноябре, тихо, во сне, и теперь покоился на старом севастопольском кладбище, рядом со своей женой Марией, но он остался на плёнке - живой, смеющийся, полный энергии и это было утешением. Пока фильм существует, Гаврилов будет жив. Его будут видеть люди. Его голос будут слышать. Его истории будут помнить.

- Мы должны посвятить фильм ему, - сказала Катя однажды вечером, когда они монтировали сцену похорон. - Гаврилову. Пусть все знают, что он был частью нашей семьи.

- Обязательно, - согласилась Ярина. - Я уже сделала титр. В самом начале. «Памяти Ильи Степановича Гаврилова, мичмана, друга, хранителя семьи». Хорошо?

- Хорошо. Очень хорошо.

Фильм должен был называться «Мост» - просто и ясно, как удар молота. Катя предложила это название ещё в октябре, когда они только начинали съёмки, и Ярина сразу согласилась. «Мост», это было именно то, о чём они хотели рассказать. Мост между берегами, который построил Андрей. Мост между поколениями, который воплощал Андрейка. Мост между культурами, который строила Анна своими лекциями. Мост через войну, который прошёл Алексей. Мост через время, который возводила Катя своим фильмом.

Всё это был один большой мост. Мост по имени Бондаренко.

- Когда мы его выпустим? - спросила Катя, когда они в очередной раз сидели за монтажом до глубокой ночи.

- В феврале, - ответила Ярина, не отрываясь от экрана. - К годовщине начала войны. Двадцатого февраля. Пусть это будет наш ответ тем, кто до сих пор сеет ненависть. Пусть это будет наш мост. Мост через пропасть.

- Пять лет, - задумчиво сказала Катя, откидываясь на спинку стула. - Пять лет назад всё началось. Февраль четырнадцатого. Майдан, Крым, Донбасс. Неужели прошло пять лет?

- Пять лет, - подтвердила Ярина. - Целая жизнь. Для кого-то - целая жизнь. Для твоего брата - четыре с половиной года войны. Для твоего отца - три года стройки. Для твоей матери - пять лет молитв. Для тебя - пять лет пути от Майдана до этого фильма.

и мы расскажем, как мы прожили эти пять лет., как выжили., как остались людьми., как строили мосты, а не стены.

- Именно и это будет самый важный фильм в нашей жизни.

Катя написала анонс фильма и разместила его на их канале. Она долго думала над текстом, переписывала его несколько раз, советовалась с Яриной. В конце концов получилось коротко, но ёмко:

«Пять лет войны. Пять лет разлуки. Пять лет надежды. История одной семьи, которая прошла через всё - че-

рез фронт, через границы, через потери и осталась вместе. "Мост" - фильм о том, что любовь сильнее ненависти. О том, что семья, это мост, который нельзя разрушить. Премьера - 20 февраля 2019 года. Не пропустите».

Комментарии посыпались сразу же. Люди писали: «Ждём!», «Это будет сильно!», «Вы лучшие!», «Катя, ты наша героиня!». Кто-то спрашивал: «А правда ли то, что вы рассказали в анонсе? Неужели такое бывает?» Кто-то сомневался: «Наверное, пропаганда. Сейчас все пишут пропаганду», но большинство ждало и Катя знала: они не подведут.

За несколько дней до премьеры они устроили закрытый показ для своих - для родителей, для Алексея и Лены, для самых близких друзей. Это было волнительно. Катя стояла у экрана, держа в руках пульт, и её сердце колотилось так, словно она собиралась прыгнуть с парашютом. В комнате собрались Андрей и Анна - они специально приехали из Севастополя, проделав долгий путь через границу, - Алексей и Лена с Андрейкой, Ярина, несколько друзей-журналистов, которые поддерживали их канал с самого начала. Все смотрели на экран, затаив дыхание.

Фильм длился сорок семь минут. Это было самое длинное видео в истории их канала и когда он закончился, в комнате повисла тишина. Та самая, глубокая, наполненная смыслом тишина, которая бывает только после настоящего искусства. Никто не решался заговорить первым. Все боялись нарушить магию момента.

Анна плакала. Слёзы текли по её морщинистым щекам, и она не вытирала их. Андрей молчал, но его глаза были влажными, и он то и дело отворачивался к окну, чтобы скрыть эмоции. Алексей сидел, опустив голову, и его плечи вздрагивали - он плакал, впервые за долгое время. Лена прижимала к себе Андрейку, который не совсем понимал, что происходит, но чувствовал важность момента и тоже притих. Ярина, которая видела этот фильм уже сотни раз при монтаже, всё равно плакала.

- Это... это потрясающе, - сказала Анна, вытирая слёзы краем платка. - Я не знаю, как вам это удалось. Вы рассказали нашу историю. Настоящую. Честную. Без прикрас. Без пропаганды. Без лозунгов. Просто историю семьи.

, это не мы, - ответила Катя, и её голос дрожал, это вы. Вы все. Вы рассказали её. Мы только записали. Мы только нажали кнопку «запись». Всё остальное сделали вы.

, это будет бомба, - сказал Алексей, поднимая голову. Его глаза были красными от слёз. - Настоящая бомба. Люди будут смотреть и плакать. Я плакал. А я думал, что уже разучился. Думал, что война выжгла во мне все чувства. А тут - слёзы. Значит, не выжгла.

- Значит, всё получилось, - улыбнулась Ярина. - Мы этого и добивались. Чтобы люди плакали. Чтобы люди думали. Чтобы люди понимали.

Премьера была назначена на 20 февраля. До неё оставалось три дня.

Часть 2. День премьеры

Киев, 20 февраля 2019 года.

День премьеры начался с дождя. Мелкий, нудный февральский дождь барабанил по окнам квартиры на Оболони, стекал по стёклам мутными ручейками, и небо было серым, низким, тяжёлым, словно свинцовая крышка, но Катю это не волновало. Она проснулась рано, ещё затемно, когда за окнами только начинал брезжить серый рассвет, и первым делом проверила телефон. Десятки сообщений, сотни комментариев под анонсом. Люди ждали. Люди спрашивали, когда именно выйдет фильм, в каком формате, можно ли будет посмотреть в записи. Люди писали, что не могут дождаться. Люди писали, что этот фильм - единственное, ради чего они сегодня включили интернет.

Она встала, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить Ярину, прошла на кухню. Поставила чайник, достала из шкафа банку с кофе - той самой, молотой, которую когда-то прислал Алёша из Донецка. Банка уже почти опустела, но Катя берегла её -, как память. Сварила себе кофе - крепкий, чёрный, без сахара, и села к компьютеру. Ярина ещё спала в соседней комнате, она легла под утро, доделывая последние штрихи: финальную цветокоррекцию, балансировку звука, экспорт в нужный формат. Катя не стала её будить. Она знала: подруге нужен отдых. Последние недели Ярина работала на износ, спала по три-четыре часа в сутки, и её организм требовал передышки.

Вместо этого Катя открыла файл с фильмом и ещё раз просмотрела его - от начала до конца. Она делала это каждое утро, словно проверяя, не исчез ли он за ночь. Сорок семь минут. Сорок семь минут, которые стоили им двух месяцев работы, сотен часов монтажа, тысяч нервных клеток. Сорок семь минут, в которые они вложили всю душу.

Фильм начинался с чёрного экрана и тишины. Абсолютной, глубокой тишины, которая длилась несколько секунд - достаточно, чтобы зритель настроился, чтобы отвлёкся от всего постороннего. Потом - голос Кати за кадром, тихий, спокойный, почти интимный: «Эта история началась пять лет назад. В феврале две тысячи четырнадцатого. Тогда мы ещё не знали, что нас ждёт. Не знали, что Крым вернётся в Россию. Не знали, что начнётся война. Не знали, что наша семья окажется по разные стороны фронта. Мы просто жили. Просто любили друг друга. Просто были вместе».

Потом - кадры хроники. Хроника была жёсткой, документальной, без прикрас. Майдан: баррикады, дым, крики, кровь на брусчатке. Площадь Нахимова в Севастополе: тысячи людей с российскими флагами, гимн, слёзы радости. Первые митинги в Донецке: люди с георгиевскими ленточками, лозунги, тревога в глазах. Катя специально отбирала эти кадры так, чтобы они шли без комментариев - только картинка и звук. Пусть зритель сам делает выводы.

Потом - лицо отца, крупным планом. Андрей Петрович Бондаренко сидит на своём старом стуле, на фоне книжного

шкафа. Его лицо - морщинистое, обветренное, с седыми бровями и глубокими складками у рта. Его глаза смотрят прямо в объектив - спокойно, уверенно, с той особой мудростью, которая приходит только с годами и его голос: «Я помню этот день. Шестнадцатое марта четырнадцатого года. День референдума. Я стоял на площади Нахимова и плакал. Плакал от счастья. Потому что мы ждали этого двадцать три года. Двадцать три года - целая жизнь и вот - дождались. Крым вернулся домой».

Потом - мать, её спокойное лицо, её мудрые, всё понимающие глаза. Анна Игоревна Бондаренко сидит на том же стуле, и её голос звучит ровно, но в нём чувствуется та особая, сдержанная эмоциональность, которая бывает только у людей, переживших многое. «Я не знала, что будет дальше. Никто не знал. Я только знала, что мы должны остаться людьми. Что бы ни случилось. Должны помнить, что культура, она выше политики. Что любовь, она сильнее ненависти. Что семья, это мост, который нельзя разрушить».

Потом - брат, его шрам на скуле, его усталые, многое повидавшие глаза. Алексей Андреевич Бондаренко сидит, опустив голову, и молчит почти минуту. Эта минута тишины - режиссёрская находка Ярины - действует сильнее любых слов. Зритель видит человека, который прошёл через ад и вернулся. Видит его боль. Видит его силу. А потом он начинает говорить - тихо, медленно, подбирая слова: «Я не хотел воевать. Никто не хочет, но когда пришли в мой дом - я не

мог остаться в стороне. Просто не мог. Это мой дом. Моя земля. Моя семья и я должен был её защищать».

Фильм шёл, и Катя смотрела его, как зритель. Она видела всё это сотни раз - наверное, уже больше тысячи, но каждый раз находила что-то новое. Какую-то деталь, которую не замечала раньше. Какой-то взгляд. Какую-то интонацию. Вот Андрейка на мосту, маленький, с плюшевым медведем в одной руке и с ракушкой в другой, и его голос: «Я тоже буду строить мосты. Когда вырасту. Чтобы люди могли ездить друг к другу. Чтобы не было войны». Вот Гаврилов, ещё живой, смеётся, размахивает своей неизменной палкой и говорит: «Я ждал этого моста семьдесят лет! Семьдесят! Ещё пацаном на переправе стоял! И вот - дождался!» Вот панорама Севастопольской бухты на закате - солнце садится в море, вода становится золотой, чайки кружат над волнами. Вот новогодний фейерверк над морем - разноцветные огни рассыпаются в небе, отражаются в воде, и вся семья стоит на балконе, обнявшись и финальные титры - медленно ползущие вверх строки: «Памяти Ильи Степановича Гаврилова, мичмана, друга, хранителя семьи. 1936–2018».

Катя закрыла ноутбук и выдохнула. Фильм был готов. По-настоящему готов. Она знала это. Знала каждой клеточкой своего тела. Оставалось только показать его миру.

Премьера была назначена на восемь часов вечера по киевскому времени. Они решили устроить её в прямом эфире - чтобы зрители могли смотреть вместе, комментировать,

делиться эмоциями. Это был риск - прямой эфир всегда непредсказуем. Может зависнуть интернет. Может отключиться электричество. Может произойти что угодно, но Катя и Ярина решили, что так будет честнее. Они не хотели прятаться за заранее записанным видео. Не хотели делать вид, что это обычный выпуск. Они хотели быть вместе со своей аудиторией в этот важный момент. Смотреть вместе. Плакать вместе. Радоваться вместе.

Днём Катя позвонила родителям. Анна взяла трубку после первого гудка - она, видимо, ждала звонка, сидела у телефона, не отходя.

- Мама, сегодня, - сказала Катя, и её голос дрожал от волнения. - В восемь вечера. Вы будете смотреть?

- Конечно будем, - ответила Анна, и её голос был тёплым, родным, успокаивающим. - Мы с папой уже приготовились. Телевизор настроили, интернет подключили - Саша, соседский мальчик, помог. Даже стул Гаврилова поставили перед экраном и медведя посадили - того самого, плюшевого. Чтобы он тоже посмотрел. Чтобы Гаврилыч с нами был.

Катя улыбнулась, но на глаза навернулись слёзы. Она представила себе эту картину: родители сидят на диване, перед телевизором, а рядом - пустой стул с плюшевым медведем. Медведь-хранитель. Медведь-память.

- Спасибо, мама. За всё.

, это тебе спасибо, дочка. За то, что ты делаешь. За то, что рассказываешь нашу историю. За то, что ты - наша дочь.

Потом Катя позвонила Алёше. Трубку взяла Лена - Алексей был на дежурстве, но обещал вернуться к восьми.

- Мы обязательно посмотрим, - сказала Лена. - У нас тут целая компания собирается: мы с Алёшей, Андрейка, тётя Вера, Витька с женой, даже Дед обещал прийти. Представляешь? Дед, который интернетом никогда не пользовался, научился включать YouTube. Сказал: «Ради Бондаренко я и не такое освою».

- Передай ему мою благодарность, - Катя засмеялась сквозь слёзы и всем передай. Я вас всех люблю.

и мы тебя любим. Ждём. Волнуемся.

Вечером, без пятнадцати восемь, Катя и Ярина сидели перед компьютером в своей квартире-студии. Они специально убрались, навели порядок, чтобы в кадре не было видно творческого хаоса. На Кате была та самая блузка, в которой она записывала свои первые репортажи, она считала её счастливой. Ярина надела свой неизменный клетчатый берет. Они были готовы.

На экране был открыт их канал, и счётчик зрителей неумолимо рос: тысяча, две тысячи, пять тысяч, десять тысяч, пятнадцать... К началу эфира их было почти двадцать пять тысяч. Цифры, которые они никогда не видели. Цифры, от которых захватывало дух.

- Готова? - спросила Ярина, и её голос дрожал.

- Готова, - ответила Катя, хотя её сердце колотилось где-то в горле.

Ярина нажала кнопку «начать эфир». Камера включилась, и Катя увидела себя на экране - взволнованную, с горящими глазами, но решительную. Позади неё был плакат с названием фильма - «Мост», написанный крупными белыми буквами на синем фоне. Тот самый плакат, который они рисовали вместе с Яриной неделю назад, изведя три банки краски и испачкав весь пол.

- Здравствуйте, - сказала она, глядя в объектив. - Меня зовут Катя Бондаренко, и это канал «Честное слово». Сегодня у нас особенный выпуск. Сегодня мы покажем вам фильм, над которым работали два месяца. Это история одной семьи. Моей семьи. Семьи, которая прошла через войну, через разлуку, через потери и осталась вместе. Я хочу, чтобы вы знали: всё, что вы увидите, - правда. Здесь нет постановочных кадров. Нет пропаганды. Нет лозунгов. Только люди. Только их истории. Только их любовь. Я надеюсь, что этот фильм поможет вам понять что-то важное. О нас. О себе. О мире, в котором мы живём. Спасибо, что вы с нами. Поехали.

Она нажала кнопку, и фильм начался.

Чат взорвался комментариями. Сообщения летели с такой скоростью, что невозможно было прочитать ни одного. «Смотрим!» «Уже плачу!» «Катя, ты герой!» «Это невероятно!» «Севастополь с вами!» «Донецк с вами!» «Москва с вами!» «Киев с вами!» «Весь мир с вами!», но Катя не читала их, она смотрела фильм вместе со всеми, хотя знала его наизусть. Она смотрела и плакала - потому что не могла не

плакать.

Когда фильм закончился, в чате на несколько секунд повисла тишина. А потом - шквал эмоций. Сотни, тысячи сообщений хлынули одновременно: «Спасибо!», «Это лучшее, что я видел за последние годы!», «Я плакал весь фильм!», «Вы рассказали правду!», «Теперь я понимаю!», «Я хочу, чтобы мои дети это увидели!», «Это нужно показывать в школах!», «Это нужно показывать всем!», «Мост, это гениально!».

Катя сидела перед камерой, и по её щекам текли слёзы. Она не вытирала их.

- Спасибо вам, - сказала она, и её голос дрожал. - Спасибо, что посмотрели. Спасибо, что услышали. Спасибо, что поняли. Это всё, что мы хотели. Чтобы нас услышали. Чтобы нашу историю узнали. Чтобы люди поняли: семья, это мост и этот мост нельзя разрушить.

Эфир закончился далеко за полночь. Когда Катя наконец выключила камеру, она почувствовала, что сделала что-то важное. Что-то, ради чего стоило жить. Что-то, ради чего стоило пройти через всё.

Ярина обняла её, и они сидели так долго, не говоря ни слова. Слёзы текли по их щекам, но это были слёзы счастья. Слёзы выполненного долга. Слёзы победителей.

Часть 3. Реакция

Киев, 21–28 февраля 2019 года.

Утро после премьеры началось с тишины. Той особенной,

звенящей тишины, которая наступает после больших событий, когда мир ещё не очнулся, но ты уже знаешь: что-то изменилось. Катя проснулась поздно - почти в полдень. Она проспала больше десяти часов, что было для неё редчайшим исключением. Война, работа, бесконечные сжатые сроки приучили её вставать рано, даже если легла она глубокой ночью, но сегодня организм взял своё - он просто отключился, погрузился в глубокий, целительный сон без сновидений. Она лежала в постели, глядя в потолок, по которому скользили солнечные блики от окна, и пыталась осознать: вчерашний день был реальностью. Всё получилось. Фильм вышел. Люди его увидели.

Она потянулась за телефоном, который лежал на тумбочке, и чуть не выронила его из рук. Экран светился от бесконечного потока уведомлений. Сотни, нет - тысячи. Сообщения, комментарии, упоминания в соцсетях, электронные письма. Телефон разрывался от вибрации, словно живое существо. Она открыла YouTube и не поверила своим глазам. Счётчик просмотров показывал цифру, которую она не могла вообразить даже в самых смелых мечтах. Полтора миллиона. За одну ночь. Фильм «Мост» посмотрели полтора миллиона человек. Полтора миллиона людей в разных уголках мира - в Украине, в России, в Европе, в Америке, в Австралии - увидели историю семьи Бондаренко.

- Ярина! - закричала она, вскакивая с кровати и бросаясь в соседнюю комнату. - Ярина, проснись! Смотри!

Ярина, спавшая на своём диване, укрытая старым клетчатым пледом, с трудом разлепила глаза. Её рыжие волосы торчали во все стороны, на щеке отпечатался след от подушки, и она была похожа на взъерошенного воробья. Рядом с диваном стояла пустая кружка из-под кофе и лежала раскрытая книга - видимо, она читала перед сном.

- Что случилось? - пробормотала она, пытаясь сесть. - Пожар? Война? Конец света?

- Полтора миллиона! - Катя трясла телефоном перед её лицом, как трофеем. - Посмотри! Полтора миллиона просмотров! За одну ночь!

Ярина схватила телефон, уставилась на экран, и её лицо медленно, как солнце, выходящее из-за туч, озарилось улыбкой. Огромной, сияющей, невероятной. Она протёрла глаза, словно не веря им, и снова посмотрела на цифры.

, это что, правда? - прошептала она, это не глюк? Это не ошибка счётчика?

, это правда! Читай комментарии! Люди пишут со всего мира! Из Киева, из Москвы, из Берлина, из Лондона, из Нью-Йорка, из Сиднея, из Тель-Авива! Везде, где есть наша диаспора, везде, где есть люди, которым небезразлична эта тема!

Они сели рядом на диван, укрылись одним пледом, поставили между собой ноутбук и начали читать комментарии. Их были тысячи - больше десяти тысяч за одну ночь, и каждый был, как маленький подарок., как письмо от незнакомого друга., как доказательство того, что они всё сделали пра-

вильно.

«Я плакал весь фильм. Моя семья тоже разделена. Я из Киева, мой брат - в Донецке. Мы не общались пять лет. Сегодня я позвоню ему. Спасибо вам. Вы дали мне смелость».

«Это лучший документальный фильм, который я видел за последние годы. Честный, сильный, настоящий. Без пропаганды, без лозунгов, без деления на "наших" и "ваших". Вы сделали то, что не могут сделать политики, - построили мост. Настоящий мост. Между людьми».

«Мой дед тоже строил мосты. Не такие, как ваш отец, - маленькие, через речки и овраги в Карпатах, но он говорил то же самое: мост, это чтобы люди не были одни. Чтобы они могли ходить друг к другу. Спасибо, что напомнили».

«Я из Донецка. Я помню эту войну. Я помню этот страх. Я помню, как мы прятались в подвалах, как считали разрывы, как молились, чтобы не попали в наш дом. Спасибо, что рассказали правду. Не ту, что по телевизору, а настоящую. Живую. Человеческую».

«Я смотрела фильм со своей мамой. Мы не разговаривали два года - поссорились из-за политики, из-за Крыма, из-за всей этой бесконечной лжи. После фильма мы обнялись и плакали. Плакали вместе. Спасибо вам. Вы вернули мне маму. Вы вернули мне семью».

Катя читала и плакала. Это были не слёзы горя. Это были слёзы счастья. Слёзы человека, который понял, что всё было не зря. Что его работа, его труд, его бессонные ночи кому-то

помогли. Что его фильм кого-то изменил. Что его мост соединил людей.

- Мы сделали это, - прошептала Ярина, вытирая слёзы рукавом. - Мы правда сделали это. Мы достучались.

- Сделали, - ответила Катя и это только начало.

Телефон завибрировал снова. На этот раз это был звонок. Катя взглянула на экран - звонил Алёша. Она схватила трубку, прижала к уху.

- Алёша! Ты видел?!

- Видел, - его голос был хриплым, как будто он долго плакал или долго молчал и то и другое было для него редкостью. - Мы тут всей казармой смотрели. Витька, Дед, ребята, даже тётя Вера пришла. Мы расставили стулья перед старым телевизором, подключили ноутбук через какие-то переходники - Дед помог, он у нас теперь специалист по интернету, и смотрели все вместе и знаешь, что? Мы сидели и плакали. Все. Даже Дед - а он, ты знаешь, не плакал со времён Афгана. Он сказал: «Бондарь, твоя сестра - гений. Она рассказала о нас так, как никто не рассказывал».

- и, как вам? - спросила Катя, затаив дыхание. Ей было важно услышать именно его мнение. Брата. Того, кто прошёл через всё это.

- Это... у меня нет слов, Катя. Это лучшее, что я видел. Ты рассказала о нас. Обо мне. О маме и папе. О Лене. Об Андрейке. О Гаврилове. Обо всех и рассказала честно. Без прикрас. Без попытки выставить кого-то героем или злоде-

ем. Я смотрел и думал: да, вот так всё и было. Вот так мы жили. Вот так мы выжили. Вот так мы любили.

- Спасибо, Алёша. Это самое важное, что я хотела услышать. Важнее всех просмотров и комментариев.

- А сколько просмотров?

- Полтора миллиона. За ночь.

В трубке повисла пауза. Потом Алёша присвистнул:

- Ничего себе. Полтора миллиона человек увидели, как я плачу. Позор на всю планету.

- Ты не плакал. Ты был мужественным.

- Я плакал. Витька сказал, что я размазня, но Витька сам плакал, так что мы квиты.

Они оба рассмеялись и этот смех был доказательством того, что мост работает. Что он соединяет даже на расстоянии в сотни километров.

Потом позвонили родители. Анна плакала в трубку - от счастья, от гордости, от переполнявших её эмоций. Андрей молчал, но Катя слышала его дыхание и знала: он гордится. Он всегда гордился ею, даже когда она называла его предателем.

- Мы смотрели всем домом, - рассказывала Анна, и её голос прерывался от волнения. - Пришли соседи - Нина Петровна, которая когда-то позвонила нам о смерти Гаврилова, Иван Семёнович с первого этажа, молодые ребята из соседнего подъезда. Приехал Сергеич - он специально приехал со стройки, сказал, что не мог пропустить. Мы поставили стул

Гаврилова перед экраном, посадили на него медведя - того самого, плюшевого, и смотрели все вместе и знаешь, что? Когда фильм закончился, никто не мог говорить. Все просто сидели и молчали. Тишина стояла такая, что слышно было, как чайки кричат за окном. А потом Сергеич сказал: «Анна Игоревна, ваш муж - герой и ваш сын - герой и ваша дочь - герой и вы - герой» и я заплакала.

- Ты правда плакала, мама?

- Я до сих пор плачу. От гордости. От счастья. От того, что у меня такая дочь. Что у меня такая семья. Что мы всё пережили и остались вместе.

Днём пришло письмо от Ивана Степановича, её бывшего редактора из газеты «Честное слово». Того самого, которого закрыли два года назад за публикацию её статьи о цензуре. Того самого, который когда-то сказал: «Ты - лучший военный корреспондент на Украине». Он писал старомодно - на бумаге, от руки, и прислал письмо по почте. Катя получила его через неделю, но содержание помнила наизусть:

«Катя, я посмотрел ваш фильм. Я старый человек, мне семьдесят шесть лет, я думал, что меня уже ничем не удивить. Я прошёл через советскую цензуру, через украинскую пропаганду, через всё, через что может пройти журналист. Я думал, что настоящей правды уже не существует - есть только версии, удобные той или иной стороне, но вы удивили меня. Вы сделали то, о чём я мечтал всю жизнь, - рассказали правду. Честную, неудобную, не вписывающуюся ни в какие

схемы, но правду. Я горжусь, что когда-то был вашим редактором и я завидую вам - вы сделали то, что мне не удалось. Вы построили мост. Искренне ваш, Иван Степанович».

А потом начали звонить журналисты. Сначала - местные, киевские. Потом - украинские из других городов: из Харькова, из Одессы, из Львова. Потом - российские: из Москвы, из Санкт-Петербурга, из Севастополя, из Краснодара. Потом - международные: из Польши, из Германии, из Израиля, из США. Все хотели интервью. Все хотели узнать историю семьи Бондаренко. Все хотели понять, как им удалось построить свой мост - через войну, через границы, через пропаганду.

- Мы не справляемся, - сказала Ярина, отвечая на очередной звонок. - Нас просто разрывают на части. Хотят интервью, хотят комментарии, хотят, чтобы мы приехали и рассказали всё лично. Тут звонят из «Шпигеля», из «Гардиан», из «Нью-Йорк Таймс»! Ты представляешь?

, это хорошая проблема, - улыбнулась Катя. - Лучше, чем если бы никто не звонил.

Она посмотрела на экран своего ноутбука, где до сих пор были открыты комментарии к фильму. Они всё прибывали и прибывали. За неделю фильм посмотрели больше пяти миллионов человек. Люди со всего мира писали, что этот фильм изменил их. Что они поняли что-то важное. Что они хотят строить мосты, а не стены. Что они хотят мириться, а не воевать.

- Ради этого стоило жить, - сказала Катя, закрывая ноутбук. - Ради этих слов. Ради этих людей. Ради нашей семьи.

Часть 4. Эхо

Севастополь, март 2019 года.

Эхо от фильма докатилось до Севастополя через несколько дней после премьеры, но его волны продолжали расходиться ещё долго - неделями, месяцами. Андрей и Анна, которые смотрели фильм в день премьеры вместе с соседями, не ожидали, что их жизнь изменится. Они думали: ну, посмотрят люди, поплачут, похвалят и забудут. В конце концов, сколько таких фильмов выходит каждый день? Сотни, тысячи. Кто будет помнить какой-то любительский документальный фильм, снятый двумя девушками на старенькую камеру?

Но вышло иначе. Фильм «Мост» словно попал в какой-то нерв эпохи. Он задел то, что болело у миллионов людей - разделённые семьи, потерянные связи, невозможность увидеть родных и люди откликнулись. Они писали, звонили, приходили лично.

Началось с того, что в дверь позвонила соседка, Нина Петровна, та самая, которая когда-то сообщила о смерти Гаврилова. Она жила этажом выше, и Андрей с Анной знали её много лет, но никогда не были близки - так, здоровались на лестнице, обсуждали погоду, поздравляли с праздниками. Она пришла с букетом цветов - белых хризантем, тех самых, которые так любил старый мичман и которые он когда-то да-

рил Анне на каждую годовщину.

- Анна Игоревна, - сказала она, протягивая цветы, и её голос дрожал. - Я посмотрела фильм. Я всю ночь не спала, всё думала, думала... Я не знала. Я столько лет жила с вами в одном доме, в одном подъезде, и не знала, через что вы прошли. Простите меня.

- За что? - удивилась Анна, принимая цветы. Она стояла в дверях, в своём домашнем халате, с кухонным полотенцем в руках, и не понимала, что происходит.

- За то, что не понимала. За то, что осуждала. За то, что думала, что вы... ну, вы понимаете. Что вы за Россию, а я... я ведь украинка. Из Харькова родом. Я когда смотрела телевизор, я верила тому, что там говорят. Думала, что в Крыму - одни предатели. А вы - не предатели. Вы - люди. Такие же, как я. Вы просто хотели жить. Хотели, чтобы ваши дети были счастливы и я это поняла только сейчас. После вашего фильма.

Анна обняла соседку, и они стояли так несколько минут - две пожилые женщины, которые жили в одном доме много лет и только теперь по-настоящему узнали друг друга. Хризантемы пахли горьковато, по-осеннему, хотя была уже весна.

- Проходите, - сказала Анна. - Я, как раз пирог испекла. Яблочный. Будете чай?

И Нина Петровна зашла и они просидели на кухне до вечера, разговаривая о жизни, о детях, о войне, о мире. Ока-

залось, что у Нины Петровны тоже есть сын, который живёт в Харькове и с которым она не общается - поссорились из-за политики. Она сказала, что после фильма решила ему позвонить. Позвонит сегодня же.

Потом начали приходить другие люди. Соседи, с которыми они годами только здоровались, теперь заходили с пирогами, с цветами, с бутылками вина, с коробками конфет. Они говорили примерно одно и то же: «Мы посмотрели фильм. Мы не знали. Мы гордимся, что живём рядом с вами». Кто-то плакал. Кто-то просил прощения. Кто-то просто хотел пожать руку.

Андрей и Анна не знали, куда деваться от этого внимания. Они привыкли быть незаметными, тихими, скромными людьми, которые не привлекают к себе внимания. Андрей всю жизнь проработал на флоте, а потом в мастерской - там не до славы. Анна всю жизнь преподавала в университете - там тоже не до славы. А теперь их узнавали на улице, в магазине, на рынке.

, это вы - Бондаренко? - спрашивали люди, вглядываясь в их лица. - Тот самый, который строил мост? Мы видели фильм. Мы плакали. Спасибо вам.

Андрей смущался, отмахивался, прятал глаза, говорил: «Да ладно, мы ничего особенного не сделали. Мост строили тысячи людей. Я был просто одним из них», но Анна видела: он гордился. Гордился по-настоящему. Может быть, впервые в жизни он чувствовал, что его труд оценён. Что его жизнь

прожита не зря.

Однажды, в середине марта, к ним приехал Сергеич - прораб с Керченского моста, тот самый, который когда-то взял Андрея на работу, несмотря на возраст. Он вошёл, сел за стол, долго молчал, глядя в свою чашку с чаем, а потом сказал:

- Знаешь, Петрович, когда ты ушёл со стройки, я думал - ну, ушёл и ушёл. Мало ли. Работа закончена, мост построен, все разъезжаются по домам. Обычное дело. А теперь я посмотрел фильм и понял: ты не просто плотник. Ты - душа этого моста. Ты - его сердце. Все, кто с тобой работал, помнят тебя. Все, кого ты учил, помнят. Ребята из твоей бригады до сих пор вспоминают: «Как Петрович сказал бы? Как Петрович сделал бы?» И я... я горжусь, что был твоим прорабом. Что когда-то не выгнал тебя, а дал шанс.

Андрей молча пожал ему руку. Слова были не нужны. Два старых человека, два строителя, два творца моста сидели за столом, пили чай и молчали и в этом молчании было больше смысла, чем в иных долгих речах.

Потом пришло письмо от Саши - того самого парня из Горловки, девятнадцатилетнего ополченца, которому Гаврилов когда-то купил бронежилет на свою пенсию. Саша выжил, прошёл всю войну, был ранен, но остался жив. Он писал:

«Дорогие Андрей Петрович и Анна Игоревна! Я посмотрел фильм. Я плакал. Я вспомнил Гаврилова. Я вспомнил,

как он передал мне бронежилет и сказал: "Носи, сынок. Это от чистого сердца". Этот бронежилет спас мне жизнь - осколок застрял в кевларе, не дошёл до сердца. Я жив благодаря вам. Благодаря Гаврилову. Благодаря вашей семье. Спасибо вам. Я никогда вас не забуду».

Анна читала это письмо и плакала. Андрей стоял у окна, смотрел на море и молчал, но его глаза были влажными.

Вечером они сидели на балконе - на том самом, где всё началось пять лет назад, в феврале четырнадцатого. Море было спокойным, и в нём отражались звёзды - тысячи звёзд, рассыпанных по мартовскому небу. Где-то далеко мигали сигнальные огни кораблей. Чайки, уставшие за день, спали на пирсе.

- Знаешь, - сказал Андрей, глядя на море, - я никогда не думал, что доживу до такого. Что обо мне снимут фильм. Что меня будут узнавать на улице. Что моя дочь станет знаменитой журналисткой. Что мой сын вернётся с войны живым. Что мой внук будет мечтать о мостах. Я думал, моя жизнь, это просто бочки. Просто работа. Просто семья. А оказалось - я строил мост. Настоящий мост. Который соединил людей.

- Ты всегда строил мосты, - ответила Анна, беря его за руку. - Просто раньше они были из дерева. А теперь - из любви. Из веры. Из надежды.

Они сидели вдвоём, держась за руки, и смотрели на море и всё было правильно. Всё было на своих местах. Мост был построен. Семья была вместе. Жизнь продолжалась.

А где-то далеко, в Киеве, Катя и Ярина монтировали следующий выпуск. В Донецке Алексей и Лена укладывали Андрейку спать. В Симферополе студенты Анны писали ей благодарственные письма и по всему миру люди смотрели фильм «Мост» и плакали. И, может быть, становились чуточку добрее.

Часть 5. Письма

Киев - Севастополь - Донецк, апрель 2019 года.

После выхода фильма на канал «Честное слово» обрушился шквал писем. Не просто комментариев под видео - коротких, часто анонимных, написанных на бегу, между делом, - а настоящих писем, длинных, обстоятельных, продуманных, выстраданных. Люди присылали их на электронную почту канала, а иногда и на бумаге, обычной почтой, в конвертах с марками и штемпелями, которые пахли чернилами и далёкими городами. Катя и Ярина не ожидали такого. Они думали, что их аудитория, это молодые люди, которые смотрят YouTube на смартфонах, оставляют короткие комментарии вроде «лайк!» или «круто!» и идут дальше, к следующему видео, но оказалось, что их смотрят все - от школьников до пенсионеров, от домохозяек до бизнесменов, от Киева до Владивостока, от Нью-Йорка до Сиднея и многие хотели сказать что-то важное. Что-то, что не умещалось в несколько строк под видео. Что-то, что требовало развёрнутого, обстоятельного разговора.

Катя читала эти письма каждый день. Она выделяла для

этого специальное время - час утром, после завтрака, и это стало её ритуалом, почти священнодействием. Она садилась в своё любимое кресло у окна, ставила рядом чашку с горячим кофе, открывала ноутбук и погружалась в чужие истории. Некоторые письма были короткими - несколько строк, написанных словно на одном дыхании. Некоторые - длинными, на несколько страниц, с подробным рассказом о жизни, о семье, о войне, но каждое было искренним. Каждое шло от сердца и каждое было доказательством того, что фильм достиг своей цели - он достучался до людей, пробудил в них что-то важное, что они, может быть, давно похоронили под слоем пропаганды и взаимных обид.

Письмо от женщины из Одессы:

«Здравствуйте, Катя. Меня зовут Валентина, мне шестьдесят четыре года. Я домохозяйка, живу в Одессе, на Молдаванке. У меня трое детей и пятеро внуков. Я посмотрела ваш фильм три раза. Три раза! Первый раз - одна, ночью, когда муж уснул, и плакала до самого утра. Второй раз - с мужем, и мы плакали вместе, обнявшись, как в молодости. Третий раз - с сыном, который приехал из Киева на выходные, и мы плакали втроём. У нас тоже разделённая семья: я здесь, в Одессе, моя младшая сестра - в Симферополе, она осталась там после референдума, а старший брат - в Краснодаре, он переехал ещё в девяностых. Мы не виделись с четырнадцатого года. Пять лет. Пять лет мы не могли найти в себе силы просто поговорить. После вашего фильма я позвонила сест-

ре. Мы проговорили два часа. Она плакала. Я плакала. Мы вспоминали детство, родителей, бабушкин дом. Мы договорились встретиться этим летом - либо она приедет сюда, либо я к ней. Спасибо вам. Вы сделали то, что не смогли сделать политики. Вы построили мост между мной и моей сестрой».

Катя читала это письмо и видела перед собой пожилую женщину, которая, возможно, вот сейчас, в эту самую минуту, собирает чемодан, чтобы поехать в Симферополь и обнять сестру. Она представляла, как они встретятся на вокзале - две седые женщины, -, как обнимутся, как заплачут и от этой мысли становилось тепло на душе. Её фильм сделал это. Её фильм соединил людей.

Письмо от мужчины из Луганска:

«Я воевал. Четыре года. С четырнадцатого по восемнадцатый. Прошёл через Дебальцево, через Чернухино, через донецкий аэропорт. Был ранен дважды - осколок в плече и контузия. Потерял друзей - многих, почти всех, с кем начинал. Я думал, что никому не нужна моя история. Что все хотят забыть эту войну, как страшный сон, как кошмар, который нужно поскорее вычеркнуть из памяти, но ваш фильм показал мне: это не так. Люди хотят знать. Люди хотят помнить. Люди хотят понимать. Я показал ваш фильм своему сыну - ему пятнадцать, он не понимал, почему я ушёл на фронт, почему бросил его и мать. После фильма он подошёл ко мне и сказал: "Папа, я понял. Ты - герой". Я плакал. Впервые за много лет. Спасибо, что рассказали. Спасибо, что не забыли

нас».

Алексей, которому Катя переслала это письмо, прочитал его и долго молчал. Потом сказал: «Он прав. Мы не хотели воевать, но мы должны были и мы сделали это и теперь люди знают. Теперь наш опыт не пропал даром».

Письмо от девушки из Киева:

«Мне девятнадцать лет. Когда началась война, мне было четырнадцать. Я была ребёнком. Я ничего не понимала в политике, в истории, в том, что происходит. Я верила тому, что говорили по телевизору - всем этим ток-шоу, всем этим «экспертам». Я ненавидела «сепаратистов» и «ватников». Я кричала «Слава Украине!» и думала, что это - патриотизм. Ваш фильм перевернул моё сознание. Я увидела людей - не врагов, не «колорадов», не «совков», а людей. У которых есть семьи, дети, мечты. Которые хотят мира. Которые хотят просто жить. Я не знаю, как теперь жить с этим знанием. Мне стыдно за свою ненависть. Мне стыдно за свои слова, но я хочу сказать: спасибо. Вы открыли мне глаза. Теперь я знаю правду и это самое ценное, что у меня есть».

Катя читала это письмо и вспоминала себя в четырнадцатом году. Она тоже была такой - юной, горячей, верящей лозунгам. Она тоже ненавидела. Она тоже кричала и она тоже прозрела - через боль, через страх, через фронт и это письмо было доказательством того, что её опыт не уникален. Что таких, как она, - тысячи и что их можно спасти. Можно достучаться до них. Можно построить мост.

Письмо от пожилой пары из Севастополя:

«Мы ваши соседи. Живём на Корабельной стороне, через два дома от вас, в том доме с зелёной крышей. Мы видели вашего отца - он иногда ходит в булочную за хлебом по утрам. Мы видели вашу мать, она спешит на автобус в Симферополь. Мы видели их много лет, но не знали, кто они. Не знали, что Андрей Петрович - строитель Крымского моста. Не знали, что Анна Игоревна - преподаватель, которая учит студентов миру. Не знали, что их сын воевал. Не знали, что их дочь - журналистка. Теперь мы знаем и гордимся, что живём рядом с ними. На днях мы встретили вашего отца на улице и поздравили его. Он смутился, покраснел, сказал: "Да ладно, я ничего особенного", но мы-то знаем. Он - герой и вы - герои. Спасибо вам за фильм».

Андрей, прочитав это письмо, хмыкнул и сказал: «Скажи своим соседям, что я не герой. Герои, это те, кто не вернулся», но Анна видела: ему было приятно. Он не привык к похвале, но она была заслуженной.

Однажды вечером Катя получила письмо, которое заставило её замереть. Оно было от женщины из Киева, которая писала, что посмотрела фильм со своей дочерью и после этого они впервые за пять лет заговорили друг с другом.

«Моя дочь уехала в Крым в тринадцатом году - вышла замуж за моряка и осталась там. Когда Крым стал Россией, я прокляла её. Назвала предательницей. Сказала: "Ты мне больше не дочь". Мы не разговаривали пять лет. Пять лет -

целая вечность. У неё родилась дочь, моя внучка, а я даже не видела её фотографий. Я не знала, как она растёт, на кого похожа, какой у неё голос. Вчера, после вашего фильма, я позвонила ей. Мы плакали обе. Она сказала: "Мама, приезжай. Я тебя жду". Я лечу в Севастополь через месяц. Увижу внучку - ей уже четыре года, и я никогда её не видела. Спасибо вам. Вы вернули мне дочь. Вы вернули мне семью».

Катя читала это письмо, и слёзы текли по её щекам. Она думала о себе. О том, как когда-то сама назвала родителей предателями., как кричала в трубку: «Ты мне не мать!», как не разговаривала с ними месяцами., как потом, пройдя через фронт, через страх, через собственную гордость, приехала в Севастополь и упала в объятия матери. Она знала: эта женщина из Киева - не одна такая. Таких, как она, - тысячи. Разделённые семьи, разрушенные связи, потерянные годы и её фильм помог хотя бы одной семье снова стать вместе. Может быть, не одной.

- Ярина, - позвала она. - Иди сюда. Прочитай это.

Ярина оторвалась от монтажа, подошла, прочитала и заплакала. Она вообще стала чаще плакать после премьеры - говорила, что это фильм так на неё повлиял, что она теперь «эмоционально нестабильна».

- Ради этого стоило работать, - сказала она, вытирая слёзы. - Ради этого одного письма. Ради этой одной семьи. Ради этой девочки, которая в четыре года наконец увидит бабушку.

- Да, - ответила Катя. - Ради этого.

Она сохранила это письмо в отдельную папку - туда же, куда сохраняла письма от родителей, от Алёши, от Ивана Степановича. В папку «Важное». В папку «Мост».

Часть 6. Интервью

Киев, май 2019 года.

После выхода фильма и шквала писем пришло то, чего Катя ожидала, но к чему всё равно не была готова - внимание прессы. Сначала это были небольшие издания: интернет-порталы, блоги, локальные газеты. Они писали о «феномене "Моста"», о «девушках, которые построили мост между сердцами», о «фильме, который заставил плакать миллионы». Заголовки были разными - от восторженных до скептических, от «Сенсация! Две девушки сняли фильм, который изменил мнение» до «Очередная пропаганда под видом правды?», но суть сводилась к одному: этот фильм - нечто особенное. Нечто, чего давно не было в медийном пространстве, перенасыщенном пропагандой, фальшивыми новостями и оплаченными статьями. Нечто настоящее. Нечто, что заставляло людей плакать и звонить своим родным.

Катя и Ярина сначала отвечали на все запросы - им было важно, чтобы о фильме узнало, как можно больше людей. Они давали интервью по телефону, по скайпу, письменно. Ярина вела учёт: за первые две недели после премьеры они дали больше сорока интервью - украинским, российским, белорусским, польским, немецким, израильским, даже япон-

ским журналистам. Однажды они проснулись в три часа ночи, чтобы дать интервью в прямой эфир утреннего шоу в Австралии. Они не спали ночами, отвечая на бесконечные вопросы, и постепенно научились говорить о фильме так, что каждое интервью не повторяло предыдущее - они находили новые ракурсы, новые акценты, новые истории.

Но вскоре запросов стало так много, что они уже не справлялись. Почтовый ящик канала ломился от писем с пометкой «СРОЧНО: запрос на интервью». Телефон разрывался от звонков. Пришлось выбирать - соглашаться только на самые крупные издания, а остальным вежливо отказывать. Катя чувствовала себя немного виноватой перед теми, кому они отказывали, она помнила, как сама когда-то обивала пороги редакций в поисках работы, но Ярина была непреклонна: «Если мы будем раздавать интервью всем подряд, мы просто сгорим. У нас нет на это времени. Мы должны работать над следующим выпуском. Мы не можем стать заложниками одного фильма».

Первое большое интервью Катя дала украинскому изданию «Зеркало тижня» - тому самому, которое когда-то, в четырнадцатом году, отказалось печатать её репортаж о Донбассе, потому что он был «слишком честным» и «не соответствовал редакционной политике». Теперь они сами позвонили ей. Главный редактор, сменившийся за эти годы, лично просил о встрече. В его голосе звучало что-то похожее на раскаяние. Катя согласилась - не из злорадства, не из жела-

ния отомстить, а потому что считала: нужно говорить со всеми. Даже с теми, кто когда-то отвернулся. Может быть, особенно с ними.

Журналистка, молодая женщина по имени Татьяна, приехала в их квартиру на Оболони. Она была примерно ровесницей Кати - лет двадцати пяти-двадцати шести, - с острым, цепким взглядом, с блокнотом, исписанным вопросами, и с диктофоном, который она включила, едва переступив порог. Она долго рассматривала обстановку - скромную, почти спартанскую: рабочий стол с ноутбуком, камера на штативе, плакат с названием фильма на стене, книжные полки, забитые литературой по журналистике, и неизменная ёлка в углу, которую они так и не убрали после Нового года.

- У вас очень... атмосферно, - сказала Татьяна, оглядываясь, это похоже на штаб революции.

, это творческий беспорядок, - улыбнулась Катя. - Мы здесь живём и работаем. Иногда граница между этими двумя состояниями стирается. Мы можем монтировать видео до трёх ночи, а потом заснуть прямо здесь, на диване.

- А это что? - Татьяна показала на плюшевого медведя, сидящего на книжной полке.

, это подарок племянника. Он сказал: «Пусть медведь тебя охраняет». Это его личный медведь, он прошёл с ним всю войну в Донецке. Представляете? Мальчик пяти лет отдал свою любимую игрушку, чтобы она охраняла тётю.

Татьяна записала это в блокнот. Катя видела: она не про-

сто задаёт вопросы, она слушает. Она действительно хочет понять.

Они сели за стол. Татьяна включила диктофон.

-, как вы решились на этот фильм? - спросила она.

, это была не моя идея, - честно ответила Катя, это идея Ярины, моей подруги и соавтора. Мы сидели вот на этом самом диване, пили чай, и она вдруг сказала: «Расскажи историю своей семьи. Люди должны это увидеть». Я сначала испугалась. Сказала: «Это слишком личное. Слишком больное. Я не могу выставить свою семью на всеобщее обозрение. Это, как раздеться перед толпой», но Ярина убедила меня. Она сказала: «Именно личное и нужно. Именно личное и зацепит людей. Потому что это не пропаганда. Это жизнь. Это то, что люди чувствуют, но боятся сказать» и я согласилась. Не сразу - я думала несколько дней, но потом поняла: она права.

- Вы не боялись реакции? Всё-таки тема войны, Крыма, Донбасса, она очень острая. Вас могли не понять. Могли осудить. Могли обвинить в пропаганде - с той или с другой стороны. В конце концов, могли просто затравить.

- Боялась. Очень боялась. Каждый день, пока мы монтировали фильм, я просыпалась с мыслью: «А что, если нас неправильно поймут? А что, если нас возненавидят и с той, и с этой стороны? А что, если мою семью начнут травить из-за меня?» Это был липкий, холодный страх, но потом я вспомнила слова отца. Он говорил: «Правда не горит в огне и не

тонет в воде. Правда, она, как мост. Её можно бомбить, её можно обстреливать, на неё можно вешать таблички "Осторожно, мины", но она всё равно стоит» и я поняла: если я буду молчать из страха - значит, всё, что мы пережили, было зря. Значит, мой брат зря рисковал жизнью. Значит, мой отец зря строил мост. Значит, моя мать зря молилась за нас. Я не могла допустить этого.

- Ваш брат - он знал, что вы снимаете фильм? Как он отнёсся?

- Знал. Он сначала отказывался сниматься. Категорически. Говорил: «Я не герой, мне нечего рассказывать. Вон, Лена - герой, она раненых спасала. Витька - герой. Дед - герой. А я просто делал свою работу», но я его уговорила. Сказала: «Ты не герой - ты человек и твоя история важна. Не для пропаганды, не для политики - для людей. Для тех, кто хочет понять» и он согласился и это, наверное, было самым трудным - смотреть, как он говорит о войне., как он молчит перед камерой целую минуту, собираясь с силами., как он плачет, вспоминая погибших товарищей. Я снимала и сама плакала за камерой.

Интервью длилось почти три часа. Татьяна задавала вопросы - острые, неудобные, но честные. О политике. О Крыме. О войне. О том, как Катя относится к украинской власти. О том, как она относится к российской власти. О том, не считает ли она себя предательницей. Катя отвечала - так же честно. Она рассказывала о родителях, о брате, о Гаврилове,

о себе. О том, как прошла путь от Майдана до этого фильма. О том, как научилась не делить мир на «наших» и «ваших». О том, как поняла, что семья, это мост. Что любовь сильнее ненависти.

Интервью вышло через неделю. Оно было большим, на две полосы, с фотографиями - Катя и Ярина на фоне плаката «Мост», кадры из фильма, скриншоты комментариев. Заголовок гласил: «Катя Бондаренко: "Правда -, как мост. Её можно бомбить, но она стоит"». Интервью вызвало новую волну интереса к фильму. Просмотры снова пошли вверх.

После этого посыпались предложения от телевидения. Катю и Ярину приглашали на ток-шоу, на утренние эфиры, на вечерние новости. Они соглашались не на всё - выбирали только те программы, которые, по их мнению, могли сохранить нейтральность. Они знали: любое интервью может быть использовано против них. Их слова могут вырвать из контекста, перевернуть, исказить, но они шли на этот риск. Потому что верили: правда должна быть услышана. Даже если это опасно.

Самым трудным стало интервью для одного из центральных украинских каналов. Их пригласили на вечернее ток-шоу - одно из тех, где обычно кричат, перебивают друг друга и выясняют отношения. Катя не хотела идти, она знала этот формат и понимала, что её будут провоцировать, но Ярина убедила: «Если мы не пойдём, они скажут, что мы боимся. Пусть лучше увидят нас и услышат. Мы должны использо-

вать любую трибуну» и они пошли.

Студия была огромной, с ярким светом, с экранами, на которых мелькали кадры из фильма. В зале сидели люди - кто-то с украинскими флагами, кто-то просто зрители. Ведущий, мужчина с неприятной, приклеенной улыбкой и холодными, оценивающими глазами, начал с провокационных вопросов. Он не давал Кате договорить, перебивал, обращался к залу за поддержкой.

- Ваш брат воевал на стороне сепаратистов, - сказал он, растягивая слова, и на экране позади него появилась фотография Алексея в камуфляже, взятая из фильма. - Он убивал украинских солдат. Он - преступник. А вы сделали из него героя., как вы к этому относитесь?

В зале повисла тишина. Катя почувствовала, как десятки камер направлены на неё. Она видела, как Ярина, сидящая рядом, сжала кулаки. Она знала: этот момент - решающий. Если она сорвётся, если начнёт оправдываться, если даст слабину - они выиграли. Они разрежут её слова на куски, вырвут из контекста, пустят в вечерних новостях.

- Мой брат защищал свой дом, - спокойно ответила она, глядя прямо в объектив. - Он не нападал. Он оборонялся. Он не хотел воевать. Никто не хочет, но когда пришли в его город, в его дом, к его семье - он не мог остаться в стороне, и я его не сужу.

Но ведь это преступление против Украины! - ведущий повысил голос. - По законам Украины ваш брат - террорист и

сепаратист! Вы это понимаете?

- По законам войны мой брат - солдат, - твёрдо сказала Катя. - Он прошёл через ад. Он потерял друзей. Он был ранен, контужен, но остался человеком. Он воспитал сына и научил его не ненавидеть и если ваши законы называют его преступником, это ваши законы. А я называю его братом и горжусь им.

Зал зашумел. Кто-то зааплодировал - сначала робко, потом всё громче. Кто-то закричал что-то возмущённое. Кто-то вскочил с места. Ведущий попытался перехватить инициативу, но Катя уже сказала то, что хотела. Она чувствовала, как внутри всё дрожит, но внешне оставалась спокойной.

, это ваша позиция, - сказал ведущий, явно раздосадованный, но есть и другая позиция. Позиция украинского народа.

- Украинский народ, это не монолит, - ответила Катя, это миллионы людей с разными судьбами, разными мнениями, разными историями и моя история - одна из них. Я не претендую на истину. Я просто рассказала правду. Свою правду. Правду своей семьи.

Интервью вышло в эфир, и реакция была бурной. Соцсети взорвались. Кто-то хвалил Катю за смелость - «настоящая журналистка, не побоялась сказать правду в лицо», «героиня», «пример для всех». Кто-то обвинял в предательстве - «сепарка, по ней тюрьма плачет», «агент Кремля», «предательница Украины». Кто-то требовал запретить её фильм, лишить украинского гражданства, выслать из страны, но бы-

ли и те, кто писал: «Я никогда не смотрел на эту войну с такой стороны. Спасибо, что показали». «Я думал, что всё знаю. Оказалось - ничего не знал». «Вы открыли мне глаза».

Катя читала комментарии и чувствовала странное спокойствие. Она знала: это цена правды, и она была готова её платить.

Вечером ей позвонил Алёша.

- Я видел твоё интервью, - сказал он. - Мне Витька показал, у него интернет в землянке работает. Ты была... ты была потрясающей. Я сидел и плакал. Витька плакал. Дед, который вообще редко эмоции проявляет, сказал: «Твоя сестра - герой. Она не побоялась. Она выстояла».

- Я не герой, - ответила Катя. - Я просто сказала правду.

- Именно поэтому ты герой. Потому что сейчас мало кто решается говорить правду. Все боятся. А ты - нет.

Они помолчали. Потом Алёша добавил:

- Знаешь, когда я смотрел это интервью, я думал о папе. О том, как он строил мост. О том, что он тоже не боялся. Он просто делал своё дело и ты делаешь своё. Вы очень похожи.

- Я знаю, - улыбнулась Катя. - Мне мама всегда это говорила.

и ещё... спасибо тебе. За то, что защищала меня. Перед всей этой толпой. Перед этими камерами. Ты не представляешь, как это важно для меня.

- Ты мой брат. Я всегда буду тебя защищать.

Часть 7. Приглашение

Киев, июнь 2019 года.

Лето в Киеве выдалось жарким, душным, наполненным запахом цветущих лип и разогретого асфальта. Катя и Ярина работали над новым выпуском - на этот раз о судьбах женщин, чьи мужья и сыновья погибли на войне с обеих сторон. Тема была тяжёлой, эмоционально выматывающей, но они чувствовали: это нужно. После успеха «Моста» их аудитория ждала от них новых историй, и они не могли подвести. Каждый день они получали десятки писем с просьбами: «Расскажите о моём сыне», «Расскажите о моём муже», «Расскажите о моём брате» и они рассказывали - по одной истории в неделю. Это был их способ продолжать строить мост.

Однажды утром, когда Катя разбирала почту, она наткнулась на письмо, которое заставило её замереть. Оно выделялось среди других - не электронное, не в обычном белом конверте, а на плотной бумаге, с гербовой печатью, на официальном бланке Верховной Рады Украины. Катя пробежала глазами по строкам, и её сердце забилось чаще.

«Уважаемая Екатерина Андреевна! В связи с большим общественным резонансом, вызванным вашим документальным фильмом "Мост", Комитет по вопросам свободы слова и информации Верховной Рады Украины приглашает вас принять участие в парламентских слушаниях на тему "Свобода слова и роль СМИ в освещении вооружённых конфликтов". Ваше выступление запланировано на 20 июня 2019 года. Просим подтвердить участие до 15 июня. С уважением,

председатель Комитета...»

Катя перечитала письмо трижды. Парламентские слушания. Верховная Рада. Её, Катю Бондаренко, дочь «крымских предателей» и сестру «сепаратиста», приглашают выступить перед депутатами. Это было настолько невероятно, что она сначала подумала: «Это ошибка. Это какая-то шутка. Кто-то разыгрывает меня». Она проверила печать - подлинная. Подпись - подлинная. Телефон отправителя - реальный номер приёмной Комитета.

Она позвала Ярину, которая работала в соседней комнате над монтажом, и показала ей письмо. Ярина взяла лист, прочитала, и её лицо медленно, словно солнце из-за туч, озарилось изумлением.

- Ничего себе, - прошептала она, вчитываясь в строки. - Ты понимаешь, что это значит? Те самые люди, которые зажимали твою газету, которые вызывали тебя на допросы в СБУ, которые закрывали «Честное слово», - теперь они приглашают тебя выступить перед ними. Это... это победа, Катя. Это полная, безоговорочная победа.

- Или ловушка, - ответила Катя, и её голос был напряжённым. Она ходила по комнате, не в силах усидеть на месте. - Может быть, они хотят использовать меня. Показать всему миру: «Смотрите, у нас свобода слова, мы даже сепаратистов слушаем». А потом, когда я выступлю, выставить меня в плохом свете. Или просто устроить показательный процесс. Или использовать мои слова против меня же.

- Может быть. Всё может быть, но ты должна пойти. Ты должна использовать этот шанс. Если ты откажешься - они скажут: «Вот видите, она боится. Она не хочет диалога. Она только критикует, а сама прячется». А если ты пойдёшь - ты сможешь сказать им правду в лицо. Всем этим депутатам, которые годами делали вид, что войны нет, что всё в порядке, что Украина едина.

Катя долго не могла решиться. Она ходила по квартире, смотрела в окно на залитый солнцем Киев, пила чай, снова ходила. Мысли кружились в голове, как осенние листья. С одной стороны - страх. Страх снова оказаться под прицелом, снова пройти через допросы, через травлю, через угрозы. Она помнила ту ночь в СБУ - яркий свет в глаза, бесконечные вопросы, холодные стены. Она не хотела повторения. С другой стороны - чувство долга. Чувство, что она должна. Должна своей семье. Должна своему фильму. Должна всем тем людям, которые писали им письма, которые плакали над «Мостом», которые звонили родным после просмотра.

Она позвонила родителям - спросить совета. Андрей, как всегда, был немногословен, но его слова всегда попадали в точку. «Если считаешь нужным - иди, - сказал он. - Только будь осторожна. Не давай им спровоцировать тебя. Говори спокойно. Говори правду. Ты - Бондаренко. А Бондаренко ничего не боятся». Анна плакала в трубку, но это были слёзы гордости: «Я горжусь тобой, дочка. Ты сделала то, о чём я даже мечтать не могла. Моя дочь будет выступать в Верхов-

ной Раде. Ты расскажешь им о нас. О нашей семье. О том, что мы пережили».

Она позвонила Алёше. Тот долго молчал, и Катя уже подумала, что связь прервалась, а потом он сказал - медленно, тщательно подбирая слова: «Знаешь, Катя, когда я сидел в окопах под Славянском, под Иловайском, под Дебальцево, я думал, что нас никто никогда не услышит. Что мы - пушечное мясо, расходный материал. Что наши голоса ничего не значат. Что мы умрём, и никто даже не узнает наших имён. А теперь моя сестра будет выступать в Верховной Раде. Перед теми самыми людьми, которые посылали против нас танки и "Грады". Это... это невероятно. Иди и скажи им всё, что думаешь. За меня. За Витьку. За Деда. За всех, кто не дожил до этого дня».

- Я боюсь, - призналась Катя. - Очень боюсь.

- Я знаю, но ты справишься. Ты же Бондаренко. А Бондаренко всегда справляются.

Двадцатого июня, в день слушаний, Катя проснулась в шесть утра. Она почти не спала - всю ночь ворочалась, прокручивала в голове тезисы выступления, представляла лица депутатов, камеры, вопросы. В восемь она уже стояла перед зеркалом, в строгом тёмно-синем костюме, который они с Яриной купили специально для этого случая в маленьком магазинчике на Крещатике. Ярина поправляла ей воротник, одёргивала пиджак.

- Ты выглядишь, как настоящий депутат, - сказала она. -

Даже лучше.

- Я чувствую себя самозванкой., как будто я не имею права там находиться.

- Имеешь. Ещё, как имеешь. Ты - голос тех, кого не слышат. Ты - мост.

Они поехали в центр на метро - так было быстрее, чем на такси. Катя смотрела на проплывающие за окнами станции и думала о том, как странно устроена жизнь. Ещё пять лет назад она стояла на Майдане и кричала лозунги. Ещё два года назад её вызывали на допрос за статью о цензуре. А теперь она едет в Верховную Раду, чтобы выступить перед депутатами.

Здание Верховной Рады было огромным, величественным, с высокими колоннами и стеклянным куполом, который сиял в лучах летнего солнца. Катя стояла перед входом, сжимая в руках папку с тезисами, и чувствовала, как сердце колотится где-то в горле.

Рядом стояла Ярина, она пришла поддержать подругу, хотя её саму на слушания не пригласили. Она ждала снаружи, на скамейке в парке напротив Рады, с ноутбуком, чтобы следить за трансляцией.

- Готова? - спросила Ярина, поправляя Кате воротник в последний раз.

- Нет, - честно ответила Катя. - Я никогда не буду готова к такому, но я пойду.

- Ты сильная. Ты справишься. Помни: за тобой - твоя се-

мья. Твой фильм. Твоя правда и полтора миллиона людей, которые его посмотрели.

Катя кивнула, глубоко вздохнула и вошла в здание. Охрана проверила её документы, выдала пропуск, проводила в зал заседаний. Зал был огромным, с высокими потолками, украшенными лепниной, с рядами кресел, обитых зелёным бархатом, с балконами для прессы и гостей. Депутаты рассаживались по местам, переговаривались, листали бумаги, пили кофе из пластиковых стаканчиков. Журналисты толпились в отведённом для них секторе, настраивали камеры, проверяли микрофоны. Катя видела логотипы разных каналов - украинских, российских, международных. Её выступление должно было транслироваться в прямом эфире на нескольких телеканалах и в интернете.

Когда объявили её имя - «Екатерина Андреевна Бондаренко, журналист, автор документального фильма "Мост"», она глубоко вздохнула и поднялась на трибуну. Сотни глаз устремились на неё. Десятки камер. Море лиц - заинтересованных, скептических, враждебных, сочувствующих. Она на секунду закрыла глаза, вспомнила отца, мать, брата, Гаврилова - всех, ради кого она здесь, и начала говорить.

- Уважаемые депутаты, уважаемые члены Комитета, уважаемые коллеги, - её голос, сначала дрожавший, постепенно обретал силу и уверенность. - Меня зовут Катя Бондаренко. Я журналист и я хочу рассказать вам о своей семье. О людях, которые живут в Крыму и в Донецке. О людях, которых

вы, возможно, считаете врагами, но для меня они - не враги. Они - моя семья.

Она говорила пятнадцать минут - хотя по регламенту ей было отведено всего десять, председатель Комитета, пожилой мужчина с седой бородой, не решился её прервать. Она говорила о том, как её отец строил Крымский мост - «не из политических соображений, а потому что это была его мечта, мечта всей его жизни, и он хотел оставить после себя что-то вечное». О том, как её мать преподавала украинскую и русскую литературу в крымском университете - «она учила студентов не ненавидеть, а понимать, не делить писателей на "наших" и "ваших", а видеть в них людей». О том, как её брат воевал на Донбассе - «он не хотел воевать, никто не хочет, но когда пришли в его дом, когда начали бомбить его город, он не мог остаться в стороне». О том, как она сама прошла путь от Майдана до этого выступления - «путь от ненависти к пониманию, от разделения к единству, от войны к миру». О том, что свобода слова, это не просто слова, записанные в Конституции. Это ответственность. Ответственность перед теми, кто говорит и перед теми, кто слушает.

- Я не призываю вас менять свои убеждения, - сказала она под конец, глядя прямо в объективы камер. - Я не призываю вас признать Крым российским или Донбасс независимым. Я призываю вас только к одному: увидеть людей. Увидеть за политическими лозунгами живых людей. С их страхами, надеждами, мечтами. Потому что пока мы видим друг в друге

только врагов - мира не будет.

Когда она закончила, в зале повисла тишина. Та самая, глубокая, звенящая тишина, которая бывает только после настоящих слов - слов, которые задевают за живое. А потом раздались аплодисменты - сначала редкие, одинокие, потом всё более громкие, и наконец - настоящий шквал. Кто-то из депутатов встал и аплодировал стоя. Кто-то продолжал сидеть с каменным лицом, скрестив руки на груди, но большинство аплодировали.

Катя спустилась с трибуны, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Она сделала это. Она выступила в Верховной Раде. Она сказала им правду - о своей семье, о войне, о мире, о мосте.

У выхода её ждала Ярина, которая смотрела трансляцию на ноутбуке и уже знала, как всё прошло. Она бросилась обнимать подругу, и они стояли так долго, не в силах сдержать слёз. Прохожие оборачивались на двух девушек, обнимающихся на ступеньках Верховной Рады, но им было всё равно.

- Ты сделала это, - прошептала Ярина. - Ты выступила в Верховной Раде. Ты сказала им правду. В прямом эфире. На всю страну. Ты - герой.

- Я не герой, - ответила Катя, вытирая слёзы. - Я просто сделала то, что должна была. Ради папы. Ради мамы. Ради Алёши. Ради всех нас. Ради тех, кто писал нам письма. Ради тех, кто не дожил.

Вечером она позвонила родителям. Анна плакала от сча-

стья, она смотрела трансляцию по интернету, и её соседи, те самые, которые когда-то сторонились «крымских предателей», теперь собрались у неё в гостиной и аплодировали вместе с ней. Андрей молчал, но Катя слышала его дыхание и знала: он гордится. Может быть, больше, чем когда-либо в жизни.

Алёша прислал короткое сообщение: «Ты - лучшая сестра на свете. Я тебя люблю. Я плакал. Витька плакал. Дед плакал. Ты - наша гордость».

Часть 8. Возвращение домой

Севастополь, июль 2019 года.

После выступления в Верховной Раде Катя почувствовала, что ей нужно домой. Не в киевскую квартиру на Оболони - туда, где прошло её детство. В Севастополь. К родителям. К морю. Она позвонила Андрею и Анне и сказала, что приедет на несколько дней. Анна, конечно, расплакалась от счастья, она всегда плакала, когда дети возвращались домой. Андрей, как всегда, был сдержан, но Катя слышала в его голосе радость.

Она снова прошла через все круги бюрократического ада - разрешения, справки, проверки на границе, но теперь это было легче. После успеха фильма, после выступления в Раде её имя стало известным, и некоторые чиновники смотрели на неё с уважением. Другие - с опаской. Третьи - с плохо скрываемой враждебностью, но никто не посмел отказать.

Поезд Киев - Севастополь шёл почти сутки. Катя сидела

у окна, смотрела на проплывающие мимо пейзажи - украинские степи, перелески, деревни, потом Крымские горы, виноградники, море и думала о том, как всё изменилось за эти пять с половиной лет. Она ехала по этому маршруту уже в четвёртый или пятый раз, и каждый раз это было похоже на возвращение к себе.

В Севастополе её встречали. Андрей и Анна стояли на перроне -, как всегда, когда кто-то из детей возвращался домой. Андрей в своей неизменной флотской куртке, Анна в синем платье с белым платком. Они постарели за эти годы - у Андрея прибавилось седины, у Анны стало больше морщин, но глаза их сияли всё тем же светом любви.

- Катюша! - Анна бросилась обнимать дочь. - Ты приехала! Мы так ждали!

- Приехала, мама. Я же обещала.

Андрей обнял её молча, по-мужски, но Катя чувствовала: он счастлив. Он никогда не умел выражать эмоции словами, но его объятия говорили больше любых фраз.

Они пошли по знакомому маршруту - по Корабельному спуску, мимо старой акации, мимо мастерской, из которой до сих пор пахло дубом и лаком. Дома их ждал накрытый стол - Анна испекла свой знаменитый яблочный пирог, Андрей открыл бутылку крымского вина.

- Рассказывай, - потребовала Анна, когда они сели за стол. - Всё рассказывай., как прошло выступление?

- Я думала, будет страшнее, - призналась Катя, но когда

я начала говорить... я вдруг поняла, что я не боюсь. Что я говорю правду и правда сильнее страха.

- Мы смотрели трансляцию, - сказал Андрей. - Всей улицей. Сергеич пришёл, Нина Петровна, Иван Семёнович. Даже Гаврилыча стул поставили перед экраном и медведя посадили. Ты говорила, а мы слушали и гордились.

- Я знала, что вы смотрите, - Катя улыбнулась. - Я чувствовала.

Вечером они сидели на балконе - том самом, где всё началось. Море было спокойным, и в нём отражались звёзды. Где-то далеко мигали сигнальные огни кораблей.

- Знаешь, папа, - сказала Катя, - когда я стояла на трибуне, я думала о тебе. О том, как ты строил мост. О том, что ты не боялся. Ты просто делал своё дело и я делала своё.

- Ты сделала больше, чем я, - ответил Андрей. - Ты построила мост, по которому прошли миллионы людей. Мой мост - из бетона и стали. Твой - из правды и он не менее важен.

- Они оба важны, - сказала Анна и оба - часть нашей семьи. Нашего общего моста.

Они замолчали, глядя на море и в этом молчании было больше слов, чем в любых речах.

Часть 9. Тишина после бури

Киев, август 2019 года.

После выступления в Верховной Раде, после поездки в Севастополь, после всего, что случилось за эти месяцы - пре-

мьера, шквал писем, десятки интервью, признание, травля, любовь, - Катя вернулась в Киев и вдруг обнаружила, что вокруг неё - тишина. Не та тишина, которая пугает, не та, что бывает перед грозой, когда воздух сгущается и ты кожей чувствуешь приближение чего-то страшного. Нет, это была другая тишина - спокойная, мирная, глубокая. Тишина, которая наступает после долгой, изнурительной бури. Тишина, в которой можно наконец выдохнуть и просто жить.

Она сидела на балконе их квартиры на Оболони, пила чай с мятой из большой керамической кружки и смотрела на Днепр. Река катила свои широкие, спокойные воды, и в них отражалось августовское небо - бескрайнее, чистое, безоблачное. Был тот особенный час, когда солнце уже не палит, а мягко согревает, и город, измученный летней жарой, наконец оживает. На набережной гуляли люди - пары, держащиеся за руки, мамы с колясками, старики с газетами. Дети бегали за голубями, уличный музыкант играл на скрипке что-то классическое. Обычная мирная жизнь.

Был август - время, когда Киев пустеет. Все, кто может, уезжают: кто на дачу, в тень яблоневых садов, кто на море, к солёной воде и крикам чаек, кто к родственникам в другие города. Город становился тише, спокойнее, словно засыпал в летней истоме. Пробки на дорогах исчезали, очереди в кафе рассасывались, и Киев на время становился похож на провинциальный городок. Ярина уехала к родителям в Винницу, и Катя осталась одна. Впервые за долгое, очень долгое

время она была предоставлена самой себе.

Никто не звонил с просьбой об интервью. Никто не присылал писем с угрозами или благодарностями. Никто не требовал её внимания, её времени, её энергии. Никто не хотел от неё ничего. Она могла просто сидеть и смотреть на реку. Могла читать книгу, не думая о сроках. Могла спать до полудня. Могла гулять по городу без определённой цели. Могла делать всё, что хотела, или не делать ничего. Это было странное, почти забытое чувство - свобода.

Она думала о том, что произошло за последние полгода. Фильм, который они с Яриной сняли, изменил всё. Он изменил их жизнь, их карьеру, их отношения с людьми. Он принёс им славу - странную, неожиданную, иногда пугающую. Её стали узнавать на улицах. Сначала это было даже приятно: «Это вы - Катя Бондаренко? Я смотрел ваш фильм. Спасибо. Я плакал». Она смущалась, благодарила в ответ, шла дальше, но потом она поняла, что слава, это палка о двух концах. Её узнавали и те, кто ненавидел. «Это вы - та самая, которая защищает сепаратистов? Как вам не стыдно! Предательница!» Она научилась не реагировать, проходить мимо, не вступать в споры, но внутри каждый такой окрик оставлял царапину.

Фильм принёс им врагов - тех, кто ненавидел их за правду. После выступления в Раде, которое транслировалось в прямом эфире на нескольких каналах, волна ненависти поднялась с новой силой. Ей несколько раз звонили с угрозами

- на мобильный, который каким-то образом стал известен. Кто-то писал гневные комментарии под каждым видео на их канале: «Предательница! Убирайся в свою Россию! Там тебе место!» Кто-то требовал запретить канал, лишить её украинского гражданства, выслать из страны. Кто-то обещал «разобраться с ней по-свойски», «научить уму-разуму». Катя старалась не обращать внимания, она знала, что это цена правды. Она помнила слова отца: «Правда не горит в огне и не тонет в воде», но иногда, по ночам, когда она оставалась одна, ей становилось страшно. Она проверяла замки на дверях, задёргивала шторы, вздрагивала от каждого шороха. Страх - он липкий, он проникает в душу незаметно, и избавиться от него трудно.

Но фильм принёс им и друзей - тех, кто понял, тех, кто поддержал, тех, кто писал письма со всего мира. Этих было гораздо больше. Гораздо. Они писали ей каждый день - из Украины, из России, из Беларуси, из Польши, из Германии, из Израиля, из США, из Австралии. «Вы изменили мою жизнь». «Я помирился с братом после пяти лет молчания». «Я позвонил матери и сказал, что люблю её». «Я понял то, чего не понимал годами». «Вы построили мост между мной и моей семьёй». Эти письма перевешивали всё. Ради них стоило жить. Ради них стоило рисковать. Ради них стоило терпеть угрозы и оскорбления.

Она думала о своей семье. О родителях, которые наконец-то были вместе - по-настоящему вместе, не в разлуке,

не на расстоянии. Андрей вернулся со стройки навсегда, и теперь они с Анной жили спокойной, размеренной жизнью. Он снова работал в мастерской - делал бочки, учил внука работать с деревом. Она преподавала в университете - её спецкурс стал одним из самых популярных, и она чувствовала, что её работа нужна. По вечерам они сидели на балконе, смотрели на море и молчали. Им не нужны были слова. Они были вместе, и этого было достаточно.

Об Алёше. Её брат вернулся с войны, но война не ушла из него. Она поселилась в его душе, в его снах, в его привычках. Он всё ещё вздрагивал от громких звуков - хлопок дверью, выхлоп автомобиля, раскат грома. Он всё ещё просыпался по ночам в холодном поту, и Лена успокаивала его, гладила по голове, шептала что-то ласковое. Он всё ещё инстинктивно искал глазами автомат, когда входил в незнакомое помещение, но он учился жить заново. Медленно, шаг за шагом, день за днём. Лена говорила, что он стал чаще улыбаться. Что он начал шутить - не мрачно, как на фронте, а по-настоящему. Что он спит спокойнее. Что война отступает. Медленно, но отступает.

О Лене. Она всё ещё работала медсестрой, но теперь в обычной городской больнице, а не в военном госпитале. Она говорила, что это непривычно - лечить не раненых, а обычных пациентов с их обычными болезнями: простудами, аппендицитами, переломами. «Я иногда ловлю себя на мысли, что жду обстрела, - признавалась она. - Что сейчас привезут

раненых, и нужно будет снова ассистировать на операции. А вместо этого приходит бабушка с давлением». Она тоже училась жить в мире и у неё получалось.

Об Андрейке. Мальчику было уже пять с половиной лет, и он пошёл в первый класс. В Севастополе, в ту самую школу, где когда-то учился его отец. Он мечтал строить мосты - «как деда Андрей», и уже говорил, что когда вырастет, построит самый длинный мост в мире. Он рисовал мосты в альбоме, строил их из кубиков, из конструктора, из всего, что попадалось под руку и когда его спрашивали, почему именно мосты, он отвечал: «Потому что мост, это чтобы люди не были одни».

Она думала о Гаврилове. Старый мичман не дожил до премьеры - умер в ноябре, тихо, во сне, в своей квартире на Корабельной стороне, но он остался в фильме - живой, смеющийся, рассказывающий свои бесконечные истории, размахивающий своей неизменной палкой. «Я ждал этого моста семьдесят лет!» - говорил он с экрана, и зрители плакали. Он остался в их сердцах - в сердце Кати, в сердце Андрея, в сердце Анны, в сердце всех, кто его знал. Катя до сих пор помнила, как он встречал её на вокзале с букетом белых георгинов и кричал на весь перрон: «Приехала! Вернулась! Я знал, что вернёшься!» Теперь его не было, но его стул всё ещё стоял в углу их гостиной, и на нём сидел плюшевый медведь - маленький хранитель памяти.

Она думала о том, что будет дальше. Что они с Яриной

снимут ещё много фильмов. Что они расскажут ещё много историй - о людях, которые живут на войне и после войны, о тех, кто строит мосты, и о тех, кто их разрушает. Что их канал будет расти, набирать подписчиков, выходить на новый уровень. Что они, может быть, откроют свою студию, наймут сотрудников, начнут снимать не только для YouTube, но и для телевидения. Что они построят ещё не один мост.

Она достала телефон и набрала номер брата. Долго слушала длинные гудки - он, наверное, был занят с Андрейкой, - потом услышала знакомый, чуть хрипловатый голос.

- Алёша? Привет., как ты там?

- Нормально, - его голос звучал спокойно, почти беззаботно. Он отвыкал от войны, и это было слышно - по интонациям, по паузам, по тому, как он смеялся. - Андрейка сегодня пошёл в первый класс. Представляешь? Мой сын - первоклассник. С белым бантом, с букетом гладиолусов. Лена плакала. Я держался, но тоже чуть не заплакал.

- Поздравляю! Это же здорово! А, как он сам? Волновался?

- Спрашивал, будут ли там учить строить мосты. Я сказал - пока нет, сначала нужно научиться читать и писать. Он немного расстроился, но потом сказал: «Ладно, я потерплю, но только недолго». Весь в деда.

- Он вырастет и будет строить мосты., как дед., как ты., как все Бондаренко.

- Может быть. А может, станет кем-то другим - врачом,

как мать, или журналистом, как ты. Это неважно. Главное - чтобы он был счастлив. Чтобы у него была мирная жизнь.

- Да. Это самое главное.

- Слушай, Кать, я хотел тебе сказать... Спасибо тебе. За фильм. За всё. За то, что ты сделала для нас. Если бы не ты - не знаю, как бы всё сложилось. Может быть, мы бы до сих пор не разговаривали. Может быть, я бы так и сидел в своём Донецке, а ты - в своём Киеве, и между нами была бы пропасть. А теперь мы вместе. Семья.

- Ты бы и без меня справился. Ты сильный.

- Сильный - да, но одному трудно. А когда знаешь, что у тебя есть сестра, которая верит в тебя, которая рассказывает о тебе всему миру, - легче. Гораздо легче. Ты - мой мост, Катя.

Катя улыбнулась. Она положила трубку и ещё долго сидела, глядя на реку. Солнце садилось за горизонт, окрашивая воду в золотые и розовые тона. Днепр катил свои широкие, спокойные воды, и в них отражалось небо - бескрайнее, чистое, безоблачное. Где-то вдалеке играла музыка - на набережной, кажется, снова играл скрипач. Где-то смеялись дети. Где-то гудели машины.

Всё было хорошо. Всё было на своих местах.

Часть 10. Новая глава

Киев, сентябрь 2019 года.

Осень в Киев пришла незаметно, как всегда приходит осень в большие города - сначала пожелтели листья на каш-

танах вдоль бульвара Шевченко, потом зарядили мелкие, нудные дожди, которые превращали улицы в серое месиво, потом вдруг ударили первые заморозки, и лужи по утрам покрывались тонкой, хрустящей корочкой льда. Воздух стал прозрачным, холодным, пахнущим прелой листвой и дымом - где-то на окраинах жгли опавшие листья, несмотря на запреты, и этот горьковатый запах плыл над городом, смешиваясь с выхлопными газами и ароматом кофе из бесчисленных киевских кофеен. Катя и Ярина вернулись к работе. Отпуск - если можно было назвать отпуском эти несколько недель относительного затишья, когда они просто жили, не думая о дедлайнах и просмотрах, спали до полудня, гуляли по городу, читали книги, - закончился, и нужно было снимать новые выпуски.

После успеха «Моста» их канал изменился до неузнаваемости. Он вырос в несколько раз - теперь у них было больше двух с половиной миллионов подписчиков, и каждое новое видео набирало сотни тысяч, а то и миллионы просмотров в первые же сутки. Они больше не были маленьким независимым каналом, который ютится в съёмной квартире на Оболони и перебивается случайными заработками. Они стали заметным явлением в украинской и российской журналистике. Их приглашали на конференции - от Киева до Берлина, от Москвы до Варшавы. У них брали интервью и уже не только они искали журналистов, но и журналисты искали их. Их цитировали политики, эксперты, общественные деятели. О

них спорили в соцсетях. Их хвалили и проклинали одновременно. Рекламодатели, которые раньше не обращали на них внимания, теперь сами стучались в дверь с предложениями о сотрудничестве. Они смогли купить новое оборудование - профессиональную камеру, свет, микрофоны. Они даже наняли помощника - молодого парня по имени Дима, который помогал с монтажом и административной работой.

Но Катя не хотела останавливаться на достигнутом. Она чувствовала, что «Мост», это только начало. Что они с Яриной могут сделать ещё многое. Что у них есть ответственность перед своей аудиторией - теми миллионами людей, которые поверили им, которые ждали от них правды, которые писали им письма и говорили: «Вы изменили мою жизнь».

Однажды вечером, когда они сидели за монтажом очередного выпуска - на этот раз о детях войны, тех самых, которые родились и выросли под обстрелами, которые знали слово «бах» раньше, чем слово «мама», которые рисовали не цветочки и солнышко, а танки и самолёты, - Катя вдруг отложила ноутбук, потянулась и сказала:

- Ярина, я хочу написать книгу.

Ярина, не отрываясь от экрана, хмыкнула:

- Книгу? О чём? О детях войны? Это можно, тема важная.

- Нет. О нас. О моей семье. Обо всём, что мы пережили за эти пять с лишним лет. Фильм, это хорошо, я горжусь им, он изменил многое, но фильм длится сорок семь минут. В него не вместить всё. Я многое не рассказала - просто не хватило

времени, пришлось вырезать целые куски. А книга... книга может быть длинной. Подробной. В книге можно рассказать всё - каждую деталь, каждую встречу, каждое письмо, каждый разговор. Она останется навсегда. Фильм могут забыть, а книга - нет.

Ярина оторвалась от монитора, сняла наушники и внимательно посмотрела на подругу. Она знала этот взгляд - так Катя смотрела, когда принимала важные решения. Так она смотрела, когда решила поехать в Донецк через фронт, в декабре четырнадцатого. Так она смотрела, когда согласилась снимать «Мост», в октябре восемнадцатого. Так она смотрела, когда шла на выступление в Верховную Раду. В этом взгляде была смесь решимости и страха, веры и сомнения.

, это отличная идея, - медленно сказала Ярина, взвешивая каждое слово. - Ты должна это сделать. Только...

- Что?

- Ты готова к этому? Книга, это не фильм. Это гораздо больше работы. Недели, месяцы, может быть, годы. Ты готова снова пройти через всё это? Снова погрузиться в воспоминания? Вспоминать войну, обстрелы, страх, холод, голод? Вспоминать, как ты теряла семью и находила её? Вспоминать Гаврилова, который умер у тебя на руках? Сможешь ли ты это выдержать? Не сломаешься ли?

Катя задумалась. Она встала, подошла к окну и долго смотрела на улицу, где за стеклом шумел сентябрьский дождь, стекая по карнизу мутными ручейками. Она вспоми-

нала. Четырнадцатый год. Февраль. Майдан. Кровь на брусчатке, крики, дым. Она, семнадцатилетняя, стоит на Институтской и не может поверить, что люди могут убивать друг друга. Потом - Крым, референдум, родители, которые стали «предателями» в глазах её новых друзей. Потом - Донбасс, Алёша, уходящий на фронт, его первое письмо: «Мама, папа, я в ополчении. Так надо». Потом - её собственное путешествие через линию фронта, страх, холод, блокпосты, «серая зона», сгоревший автобус с табличкой «Осторожно, мины». Потом - возвращение в Киев, работа в газете «Честное слово», статья о цензуре, ночной допрос в СБУ, яркий свет в глаза, бесконечные вопросы. Потом - закрытие газеты, начало канала, съёмки «Моста», два месяца без сна и отдыха и наконец - премьера, успех, признание, выступление в Верховной Раде и тишина после бури.

- Да, - сказала она наконец, отворачиваясь от окна. - Я готова. Я должна это сделать. Ради тех, кто не дожил. Ради Степана, который погиб под Славянском в первом же бою. Ради дяди Миши, санитара, которого убили под Иловайском, когда он вытаскивал раненого. Ради Гаврилова, который не дожил до премьеры всего два месяца. Ради всех, чьи имена записаны в блокноте Алёши. Ради тех, кто ещё жив - ради папы, который строил мост, ради мамы, которая молилась за нас, ради Алёши, который прошёл через ад и вернулся, ради Лены, которая спасала раненых. Ради Андрейки - он когда-нибудь вырастет и прочитает эту книгу и узнает, через

что прошла его семья и будет гордиться. Ради всех, кто писал нам письма и говорил: «Спасибо, что рассказали правду. Вы построили мост между мной и моей семьёй». Это будет мой способ сказать правду ещё раз. Ещё громче. Ещё подробнее. Ещё навсегда.

Ярина посмотрела на подругу долгим взглядом, потом встала, подошла к ней и обняла - крепко, по-сестрински.

- Тогда пиши. А я помогу., как всегда. Буду твоим первым читателем, первым редактором, первым критиком. Буду приносить тебе кофе и заставлять есть, потому что ты опять забудешь. Буду говорить тебе: «Хватит на сегодня, отдохни». Буду сидеть рядом, когда тебе будет трудно., как всегда.

-, как всегда, - повторила Катя и улыбнулась.

Она села за стол, открыла ноутбук, создала новый документ. На пустом белом листе замигал курсор - маленькая чёрная вертикальная палочка, которая, казалось, ждала её. Катя задумалась на минуту - о чём писать сначала? С чего начать? Как описать всё, что случилось, - пять лет войны и мира, потерь и обретений, ненависти и любви? Как рассказать о том, что она чувствовала, когда стояла на Майдане? О чём думала, когда ехала через фронт? Что испытывала, когда обнимала брата после полутора лет разлуки?

Потом она начала печатать. Первые строки появились на экране - простые, почти наивные, но идущие от самого сердца:

«Эта история началась пять с половиной лет назад. В фев-

рале две тысячи четырнадцатого. Тогда мы ещё не знали, что нас ждёт. Не знали, что Крым вернётся в Россию. Не знали, что начнётся война. Не знали, что наша семья окажется по разные стороны фронта. Мы просто жили. Просто любили друг друга. Просто были вместе. А потом всё изменилось и началась наша история. История семьи Бондаренко. История о том, как мы строили мосты».

Она писала до утра. Слова лились потоком, она не могла остановиться, боялась остановиться, потому что знала: если прерваться, можно не найти в себе сил продолжить. Она описывала отца, стоящего на площади Нахимова со слезами на глазах, когда грянул гимн России. Она описывала мать, молящуюся перед старой иконой в церкви Петра и Павла, ставящую свечки за сына и дочь. Она описывала брата, уходящего на фронт, - его первое письмо, написанное на колене, его голос в телефонной трубке: «Мама, папа, я в ополчении. Так надо. Не волнуйтесь». Она описывала себя - семнадцатилетнюю девочку, запутавшуюся в пропаганде, испуганную, злую, кричащую в трубку: «Ты мне не мать!», но нашедшую в себе силы пройти через всё, переступить через гордость и страх. Она описывала Гаврилова - старого мичмана, который отдал свою пенсию за два месяца на бронежилет для незнакомого солдата, который ждал мост семьдесят лет и дождался, который встречал её на вокзале с букетом георгинов. Она описывала Андрейку, впервые увидевшего море и закричавшего: «Оно мокрое!» Она описывала мост - тот самый, через

Керченский пролив, который строил её отец и другой мост - тот, который они строили всей семьёй, через войну, через границы, через время.

Она писала и плакала. Плакала и писала. Вспоминала и записывала и когда первые лучи солнца осветили комнату, когда за окнами запели птицы и город начал просыпаться, когда Ярина, спавшая на диване, пошевелилась и открыла глаза, Катя поняла: это будет её главная работа. Её мост. Её книга. Книга, которую она посвятит своей семье. Книга, которую она назовёт «Мост».

- Ты всё ещё пишешь? - спросила Ярина сонным голосом.

- Пишу, - ответила Катя и буду писать, пока не расскажу всё.

, это будет великая книга, - сказала Ярина. - Я знаю.

, это будет книга о любви, - ответила Катя. - Потому что всё, что мы делали, мы делали из любви.

Часть 11. Книга

Киев - Севастополь, октябрь 2019 – март 2020 года.

Работа над книгой заняла у Кати почти полгода. Она писала её урывками - между съёмками новых выпусков, между интервью, между поездками. Писала по ночам, когда город засыпал и никто не отвлекал. Писала в поездах, когда ездила к родителям в Севастополь, - стук колёс успокаивал и помогал сосредоточиться. Писала в самолётах, когда летела на очередную конференцию, - в тесном кресле эконом-класса, с ноутбуком на коленях. Книга росла, как живое существо -

постепенно, страница за страницей, глава за главой. Иногда Кате казалось, что она не пишет её, а просто записывает то, что уже существует где-то внутри неё.

Это была не просто автобиография. Не просто мемуары. Это была история семьи. История страны. История войны и мира. История о том, как обычные люди проходят через необычные испытания и остаются людьми. Катя рассказывала о том, как всё начиналось - о Майдане, о крымском референдуме, о первых боях на Донбассе. Она рассказывала о людях, которых встречала на своём пути - о волонтёрах, которые везли помощь через фронт, о врачах, которые оперировали в подвалах, о солдатах, которые защищали свои дома, о беженцах, которые теряли всё. Она рассказывала о своей семье - о каждом её члене, об их страхах и надеждах, об их потерях и обретениях.

Самой трудной была глава о войне. Катя переписывала её несколько раз - то убирала слишком страшные детали, то, наоборот, добавляла их. Она не хотела шокировать читателей, но и не хотела приукрашивать. «Война, это грязь, кровь и страх, - писала она, но война, это ещё и любовь. Потому что только любовь даёт силы пройти через всё это».

Работа над книгой стала для неё не просто творческим процессом, но и своего рода терапией. Она заново переживала все события, о которых писала, и каждый раз это было больно. Она плакала, когда описывала смерть Гаврилова. Она смеялась, когда вспоминала, как Андрейка впервые уви-

дел море. Она заново проходила через всё, через что прошла её семья, но это было нужно. Это было важно.

Она отправила первые главы родителям и брату, она хотела, чтобы они прочитали и сказали, всё ли правильно, нет ли ошибок, не исказила ли она какие-то факты. Андрей прочитал рукопись за два дня - он вообще читал быстро, когда ему было интересно. Потом позвонил ей. Он был немногословен, как всегда, но его слова дорогого стоили: «Ты всё правильно написала, дочка. Так всё и было. Я горжусь тобой». Анна плакала в трубку, но это были светлые слёзы: «Я читала и вспоминала., как будто заново всё пережила, но это хорошо. Это нужно. Люди должны знать, через что мы прошли и что мы выстояли».

Алёша прислал голосовое сообщение - длинное, на несколько минут. Он говорил, что книга далась ему тяжело, что он снова пережил те дни, когда сидел в окопах под Славянском, когда лежал в госпитале с осколком в плече, когда хоронил товарищей. «Но я благодарен тебе, Катя. Ты рассказала правду. Не только мою - нашу общую и это самое главное. Теперь люди будут знать, как всё было. Не из пропаганды, не из новостей, а из первых рук».

К весне рукопись была готова. Это была толстая папка - почти четыреста страниц убористого текста. Катя отправила её в несколько издательств - украинских, российских, даже в одно европейское, которое специализировалось на переводной литературе. Она ждала ответа с замиранием сердца. Она

знала: книга может не понравиться. Её могут счесть слишком политизированной - или, наоборот, недостаточно политизированной. Её могут отвергнуть с той или с другой стороны.

Но ответы пришли быстро и все положительные. Три издательства предложили контракт. Одно украинское, одно российское и одно международное, которое обещало выпустить книгу на английском языке. Катя выбрала то, которое предложило издать книгу одновременно в Украине, в России и в электронном формате, доступном по всему миру. Она хотела, чтобы её книгу прочитали везде. Чтобы мост, который она строила, был действительно всемирным.

Переговоры с издательством заняли несколько недель. Обсуждали название - Катя настояла на «Мосте», хотя редакторы предлагали другие варианты: «Семья Бондаренко», «История одной войны», «Крымский мост». Обсуждали обложку - Катя хотела, чтобы на ней была фотография отца на мосту, та самая, из фильма. Обсуждали объём, редакторы предлагали сократить рукопись, но Катя отказалась: «Я писала каждое слово с душой. Я не могу выбросить ни одного».

Презентацию книги назначили на май - в Киеве, в том самом книжном магазине на Крещатике, куда Катя когда-то ходила студенткой, где она покупала свои первые учебники по журналистике. Она пригласила всю семью, родителей, Алёшу с Леной и Андрейкой, Ярину, Ивана Степановича, всех, кто помогал ей. Она знала: это будет важный день. Ещё один

мост. Ещё одна глава в истории семьи Бондаренко.

Часть 12. Презентация

Киев, май 2020 года. Книжный магазин «Слово» на Крещатике.

Презентация книги «Мост» стала событием, которого никто не ожидал. Книжный магазин, где она проходила, был заполнен до отказа - люди стояли в проходах, сидели на подоконниках, толпились у входа, и опоздавшие не могли протиснуться внутрь. Организаторы не рассчитывали на такой ажиотаж - они забронировали зал на пятьдесят человек, а пришло больше двухсот. Пришлось открыть двери и пускать стоячих.

Пришли журналисты - с камерами, с диктофонами, с блокнотами. Пришли блогеры, которые хотели снять репортаж для своих каналов. Пришли коллеги-журналисты - те, кто поддерживал Катю все эти годы. Пришли читатели канала - те самые люди, которые писали им письма, которые плакали над «Мостом», которые благодаря фильму помирились с родными. Пришли те, кто ненавидел, - они стояли в дальнем углу с каменными лицами, но всё равно пришли. Пришли родители - Андрей и Анна сидели в первом ряду, на почётных местах, держась за руки, как держались всю жизнь. Андрей был в своём лучшем костюме - том самом, тёмно-синем, который Анна покупала ему на юбилей. Анна надела то самое синее платье с белым шифоновым платком на плечах, которое надевала на все семейные торжества. Они волнова-

лись, наверное, больше, чем сама Катя.

Пришёл Алёша с Леной и Андрейкой. Алексей, который редко выезжал за пределы Донецка, специально оформил все документы, прошёл все границы, чтобы быть здесь. Он сидел в первом ряду, рядом с родителями, и его глаза блестели. Лена, в красивом зелёном платье, держала его за руку. Андрейка, которому было уже шесть с половиной лет, сидел на коленях у деда и смотрел на всё огромными, восхищёнными глазами. Он не совсем понимал, что происходит, но чувствовал: это что-то важное. Что-то, ради чего все собрались.

Пришла Ярина - с камерой, конечно, чтобы заснять этот момент для их канала. Она суетилась, проверяла свет, звук, ракурс, и Катя, глядя на неё, улыбалась: Ярина всегда была перфекционисткой. Пришёл Иван Степанович - старый редактор, которому было уже под восемьдесят, но который нашёл в себе силы приехать из Винницы, чтобы поддержать свою бывшую сотрудницу. Он сидел в первом ряду, опираясь на палку, и его глаза, выцветшие от старости, сияли.

Катя стояла за небольшим деревянным столом, на котором лежала стопка книг - её книг, только что из типографии, пахнущих свежей краской и бумагой. На обложке была фотография - Андрей на Крымском мосту, стоящий на фоне пролива, с взлохмаченными ветром седыми волосами и название - «Мост». Просто и ясно. Она смотрела в зал и не могла поверить, что всё это происходит с ней. Что она, Катя Бондаренко, простая девушка из Севастополя, написала

книгу. Что её семья здесь, вместе с ней. Что зал полон людей, которые пришли послушать её. Что её слова, её история кому-то нужны.

- Здравствуйте, - начала она, и её голос, сначала дрожавший, постепенно стал уверенным, сильным. - Меня зовут Катя Бондаренко. Я журналист и сегодня я хочу рассказать вам историю. Историю одной семьи. Моей семьи. Историю о том, как мы пережили войну., как мы теряли друг друга и находили., как мы строили мосты. Не только через Керченский пролив, хотя и его тоже. Мосты через время. Через расстояние. Через ненависть. Через страх. Мосты из писем, из звонков, из молитв.

Она читала отрывки из книги - самые важные, самые трогательные, самые личные. О том, как отец стоял на площади Нахимова в марте четырнадцатого и плакал, не скрывая слёз, когда Крым вернулся в Россию. «Я ждал этого двадцать три года», - прочитала она строки отца, и по залу пробежал шёпот. О том, как мать молилась в церкви Петра и Павла за сына и дочь, ставя свечки и шепча слова, которые знала с детства. «Материнская молитва со дна моря достаёт», - прочитала она слова матери, и кто-то в зале всхлипнул. О том, как брат уходил на фронт, как писал первое письмо: «Мама, папа, я в ополчении. Так надо. Не волнуйтесь». О том, как она сама, семнадцатилетняя, запутавшаяся, злая, прошла через всё это - через Майдан, через страх, через ненависть, - и нашла в себе силы приехать в Донецк и обнять брата.

Она читала о Гаврилове - и голос её дрожал. «Он был нашим ангелом-хранителем. Он отдал свою пенсию на бронежилет для незнакомого солдата. Он ждал мост семьдесят лет и он дождался. Он умер за два месяца до премьеры нашего фильма, но он навсегда остался в нём - живой, смеющийся, рассказывающий свои бесконечные истории».

Она читала об Андрейке - и голос её теплел. «Мой племянник родился в четырнадцатом году. Он никогда не видел мирной жизни. Для него война, это норма, но когда он впервые увидел море, он закричал: "Оно мокрое!" И все вокруг засмеялись и этот смех был лучшим доказательством того, что жизнь продолжается».

Зал слушал в полной тишине. Той самой, глубокой, звенящей тишине, которая бывает только тогда, когда слова попадают прямо в сердце. Кто-то плакал, не скрывая слёз. Кто-то записывал на телефон. Кто-то просто смотрел на Катю, не отрываясь, и в этих взглядах было всё - благодарность, восхищение, понимание. Даже те, кто пришёл с недоверием, кто стоял в дальнем углу с каменными лицами, - даже они слушали.

Когда чтение закончилось, зал взорвался аплодисментами. Люди встали - сначала несколько человек, потом весь зал. Это была овация - настоящая, искренняя, заслуженная. Катя стояла, прижимая книгу к груди, и по её щекам текли слёзы.

- Спасибо, - прошептала она. - Спасибо вам всем.

Потом была автограф-сессия. Люди выстроились в длинную очередь - человек сто, не меньше. Катя подписывала книгу за книгой, и каждый, кто подходил, говорил что-то важное.

- Спасибо вам, - сказала пожилая женщина с заплаканными глазами. - Мой сын тоже воевал. Я не понимала его. А теперь - поняла.

- Я из Донецка, - сказал молодой мужчина с едва заметным шрамом на лице. - Я прошёл через то же, что и ваш брат. Спасибо, что рассказали о нас.

- Я из Киева, - сказала девушка примерно одного с Катей возраста. - Я ненавидела «сепаратистов». Ваша книга изменила моё мнение. Я увидела людей.

Андрейка, сидевший на коленях у деда, вдруг спросил:

- Деда, а тётя Катя теперь знаменитая?

- Знаменитая, - улыбнулся Андрей, но для нас она просто Катя. Наша дочка. Наша сестра. Наша тётя.

- А я тоже буду знаменитым, - заявил Андрейка. - Когда построю самый длинный мост в мире.

- Обязательно будешь, - сказал Андрей. - Ты же Бондаренко.

Вечером они собрались в квартире на Оболони - всей семьёй. Было тесно, но всем хватало места, потому что места в сердцах было бесконечно много. Анна, как всегда, испекла свой знаменитый яблочный пирог. Андрей открыл бутылку крымского вина - не шампанского, а красного, того само-

го, которое когда-то выдерживалось в его бочке. Они сидели за столом, разговаривали, смеялись, вспоминали прошлое и мечтали о будущем.

- Знаешь, - сказал Андрей, глядя на дочь, - я всегда знал, что ты станешь журналисткой. С тех пор, как ты взяла мой старый диктофон и начала брать интервью у кота. «Господин Тимофей, как вы относитесь к тому, что мыши убежали?» - процитировал он, и все засмеялись, но я не знал, что ты станешь писателем. Что ты напишешь книгу. Что эта книга будет о нас.

- Я тоже не знала, - улыбнулась Катя, но теперь - да. Я писатель и моя книга, это мост. Мой мост. Мост, который я строила почти шесть лет. От Майдана до этой презентации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.